ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

IV

2022

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 4 / 2022

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:
Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Гераев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук.

Editor-in-Chief
Abazov Alexey Khasanovich
doctor of science (history)

Deputy Editor-in-Chief
Kazharov Artur Gusmanovich
doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor
Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:
Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – candidate of sciences (history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich – doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – candidate of sciences (philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – candidate of sciences (history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – candidate of sciences (philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – candidate of sciences (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history);
Lobanov Vladimir Borisovich – candidate of sciences (history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – candidate of sciences (history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – candidate of sciences (history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova– doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – candidate of sciences (history);
Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – candidate of sciences (history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – candidate of sciences (philology).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Кадиева А.А., Демиденко С.В.
Классификация бляшек предскифской эпохи могильника Заюково-3 **16-32**

Средневековая и новая история

Джумагулова А.Т.
Ногайцы Приазовья как образец имперской политики
по седентеризации кочевых обществ в конце XVIII – 60-х г. XIX в. **33-52**

Хаширов А.В.
Военно-политическая и административно-хозяйственная
деятельность генерала Г.А. Емануеля на Кавказе (1826–1831) **53-68**

Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К.
«Вольные кабардинцы» в контексте русско-турецких и
османо-черкесских отношений первой половины XIX столетия
на основе российских и османских источников **69-87**

Дзуганов Т.А.
Горнорудное предпринимательство в Кабардинском (Нальчикском)
округе в 70–80-е. гг. XIX в.: кейс компании Фрахтмана–Лиева **88-108**

Баразбиев М.И., Бегеулов Р.М.
Идеи джадидизма и попытки их реализации
в Карачае и Балкарии (1870-1920-е гг.) **109-119**

Новейшая история

Добрякова Н.А.
Иностранная военная интервенция на Кавказе в 1918-1920 гг.:
Османская, Германская и Британская империи **120-128**

Камбиев А.М.
Антибольшевистская государственность на Северном Кавказе
и в Закавказье в 1918-1921 гг.:
сравнительный анализ современной историографии **129-137**

Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А., Сундукова К.А., Тахушева И.С.
Исторический опыт использования малых ГЭС
в системах электроснабжения России: Акбашская ГЭС в 1920–1930-е гг. **138-150**

Осмаев А.Д., Осмаева П.А.
Социально–политическая обстановка в Веденском округе
Чеченской автономной области в 1925 г. **151-166**

Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П.
Столица Северной Осетии, не ставшая центром
Северо-Кавказского края **167-184**

Матвеев О.В.
К проблеме изучения персональной истории работников
Краснодарского педагогического института **185-199**

Кушхабиев А.В.
Сотрудничество Кабардино-Балкарии с черкесской
и карачаево-балкарской зарубежными диаспорами
в конце XX – начале XXI века **200-220**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Перетятько А.Ю.
Донская дореволюционная историография Кавказской войны:
от маловажной войны к мемориальному культу Я.П. Бакланова **221-238**

Абазов А.Х.
Документирование деятельности Нальчикского горского словесного
суда: делопроизводство
и обеспечение внешней коммуникации **239-255**

Исмаилова А.М.
Исследование социально-экономического развития Южного Кавказа
в XIX – начале XX вв.
в дореволюционной и советской историографии **256-277**

Рожков А.Ю., Рунаев Т.А.
Информационные документы ГПУ–ОГПУ 1920-х годов:
опыт интеллектуального анализа текстов
(на материалах Северного Кавказа) **278-296**

Этнология, антропология и этнография

Загазежев Т.Р.
Намогильные памятники адыгов в XIV-XVI вв.: общая характеристика и проблема культурно-этнической принадлежности **297-313**

Гимбатова М.Б.
Гендерная асимметрия в традиционной культуре тюркских народов Дагестана в XIX – начале XX в. **314-323**

Зельницкая Р.Ш., Кожев З.А.
Адыгская социальная терминология по материалам этнографической экспедиции Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР (1947 г.) **324-340**

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Абазов А.Ч.
Образ Андемиркана в северокавказской драматургии: о неопубликованной пьесе З.П. Кардангушева **341-349**

Сарбашланы М.кь.А.
Токумаланы Жагъафарны чыгъармачылыгъыны суратлау аулакълары **350-360**

Толгуров Т.З., Тхагазитов Ю.М., Аппаева Л.М.
Дескриптив новописьменных литератур: формирование релевантных уровней информации **361-375**

Ёзденланы Т.кь.Ф.
Табакъсойланы Мухтарны поэзиясында философия оюмлау **376-387**

Хакуашева М.А., Бетуганова Е.Н.
Проблема маленького человека в творчестве В. Мамишева **388-399**

Фольклористика

Бухуров М.Ф.
Основные сюжеты и мотивы цикла о братьях Ешаноко **400-416**

Гергокова Л.С.
Особенности использования тропов в карачаево-балкарских произведениях устного народного творчества (на материале сказок о животных) **417-427**

Гулиева (Занукоева) Ф.Х.
Загадки как средство концептуализации окружающего мира
(на материале карачаево-балкарского фольклора) **428-437**

Языки народов Российской Федерации
(языки народов Северного Кавказа)

Улаков М.З, Мусуков Б.А.
Основные этапы становления и развития
литературного карачаево-балкарского языка
(к 100-летию образования Кабардино-Балкарской Республики) **438-450**

Хэжь З.Р.
ЗэраIуатэ тешэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм зэрыхэтыр **451-460**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Викторин В.М.
Связь регионов, этносов и конфессий: служилые челябинские
тюрки-нагайбаки (дискуссии продолжаются). Рецензия
на монографию: «Белоруссова С.Ю. Нагайбаки: динамика
этничности. – Санкт-Петербург: Изд-во МАЭ РАН, 2019. – 424 с.» **461-471**
и другие публикации автора

Наши авторы **471-475**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Archaeology and ancient history

Kadieva A.A., Demidenko S.V.
The classification of plaques during the pre-scythian era of the burial ground Zayukovo-3 **16-32**

Medieval and modern history

Dzhumagulova A.T.
Nogais of the Azov region as an example of the imperial policy on the sedenterization of nomadic societies at the end of the 18th – 60s of the 19th century **33-52**

Khashirov A.V.
Military, political, administrative and economic activities of general G.A. Emanuel in the Caucasus (1826–1831) **53-68**

Mirzoev A.S., Zhanak M.-R.K.
"Free Kabardian's" in the context of Russian Turkish and Ottoma-Circassianc relations in the first half of the 19th century based on russian and ottoman sources **69-87**

Dzuganov T.A.
Mining entrepreneurship in the Kabardian (Nalchik) district in the 1870s and 1880s: the case of the Freightman-Leev company **88-108**

Barazbiev M.I., Begeulov R.M.
Ideas of jadidism and attempts to implement them in Karachay and Balkaria (1870s-1920s) **109-119**

Contemporary history

Dobryakova N.A.
Foreign military intervention in the Caucasus in 1918-1920: the Ottoman, German and British empires **120-128**

Kambiev A.M.
Anti-bolshevik statehood in the North Caucasus and Transcaucasia in 1918-1921: comparative analysis of modern historiography **129-137**

Gurtuev R.S., Kuzminov P.A., Sundukova K.A., Takhusheva I.S.
The historical experience of using small hydropower plants
in the power supply systems of Russia:
Akbash hydroelectric power plant in the 1920s-1930s **138-150**

Osmaev A.D., Osmaeva P.A.
The socio–political situation in the Vedensky district
of the Chechen autonomous region in 1925 **151-166**

Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Ermakov V.P.
The capital of North Ossetia,
which did not become the center of the North Caucasus region **167-184**

Matveyev O.V.
To the problem of personal history study Krasnodar employees pedagogical institute **185-199**

Kushkhabiev A.V.
The cooperation of Kabardino-Balkaria with the Circassian and
Karachay-Balkarian foreign diasporas
at the end of the 20th and beginning of the 21st century **200-220**

Historiography, source studies, methods of historical research

Peretyatko A.Y.
Don pre-revolutionary historiography of the Caucasian war:
from an unimportant war to the memorial cult of YA.P. Baklanov **221-238**

Abazov A.Kh.
The records creation of the Nalchik mountain court:
paperwork and provision of external communication **239-255**

Ismailova A.M.
A study of the socio-economic development of the South Caucasus
in the 19th – early 20th centuries
in pre-revolutionary and soviet historiography **257-277**

Rozhkov A.Yu., Runaev T.A.
Information documents of the GPU–OGPU in 1920s:
experience of text mining (based on materials from the North Caucasus) **278-296**

Ethnology, Anthropology and Ethnography

Zagazezhev T.R.
Grave monuments of the adygs in the 14th – 16th centuries:
general characteristics and the problem of cultural and ethnic belonging **297-313**

Gimbatova M.B.
Gender asymmetry in traditional culture turkic peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century **314-323**

Zelnitskaya R.Sh., Kozhev Z.A.
Adyghe social terminology based on the materials of the ethnographic expedition of E.N. Studenetskaya to the Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic (1947) **324-340**

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

Abazov A.Ch.
The image of Andemirkan in North Caucasian drama: about the unpublished play by Z.P. Kardangushev **341-349**

Sarbasheva A.M.
Artistic Horizons of Zhagafar Tokumayev's Creativity **350-360**

Tolgurov T.Z., Thkagazitov Y.M., Appaeva L.M.
The descriptive of new literature: the generation of relevant information levels **361-375**

Uzdenova F.T.
Philosophical reflections in the poetry of Mukhtar Tabaksoev **376-387**

Hakuasheva M.A., Betuganova E.N.
The problem of the little man in the works of V. Mamishev **388-399**

Folklore studies

Bukhurov M.F.
Main plots and motives of the cycle about the Eshanoko brothers **400-416**

Gergokova L.S.
Peculiarities of the use of tropes in karachay-balkarian works of oral folk creativity (by the material of fairy tales about animals) **417-427**

Gulieva (Zanukoeva) F.H.
Riddles as a means of conceptualization of the surrounding world (by the material of Karachay-Balkarian folklore) **428-437**

Languages of the peoples of the Russian Federation (languages of the peoples of the North Caucasus)

Ulakov M.Z., Musukov B.A.
The main stages of formation and development of the literary karachay-balkarian language (to the 100th anniversary of formation of the Kabardino-Balkarian Republic) **438-450**

Khezheva Z.R.
Indicative mood in the Kabardino-Circassian Language **451-460**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Victorin V.M.
Association of regions, ethnos and faiths: service chelyabinsk turks-nagaybaki (discussions are ongoing). Review of the monograph: "Belorussova S.Yu. Nagaybaki: dynamics of ethnicity. – St. Petersburg: publishing house MAE RAS, 2019. - 424 S." and other publications of the author **461-471**

Our authors **471-475**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Научная статья
УДК 902/904
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-16-32
EDN: CALDVA

КЛАССИФИКАЦИЯ БЛЯШЕК ПРЕДСКИФСКОЙ ЭПОХИ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3

Анна Анатольевна Кадиева[1], **Сергей Викторович Демиденко**[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия
[1] adelgeida85@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9759-077X
[2] sergey.demidenko2015@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6462-0132

Аннотация. Статья посвящена классификации одной из наиболее распространенных категорий погребального инвентаря населения Северного Кавказа предскифского времени: нашивным бляшкам. На могильнике Заюково-3 в погребениях VIII–VII вв. до н. э. были обнаружены эти украшения из бронзы и сурьмы. Отделы выделены на основе материала, подотделы – по форме поверхности, типы – по технике изготовления. Место бляшек в погребении демонстрирует, что ни один из выделенных типов украшений не использовался в качестве пуговиц и причисление бляшек к таковым является историографическим заблуждением. Большинство исследованных типов бляшек (за исключением бронзовых полусферических с перемычкой (тип *Ia1a1)* и петлей (тип Ia2a) на обороте, прекращают свое бытование в середине VII в. до н.э. Таким образом, остальные типы бляшек являются хроноиндикатором terminus ante quem финала классического этапа кобанской культурно исторической области и начала скифского времени.

Ключевые слова: западная кобанская культура, предскифское время, могильник Заюково-3, Кабардино-Балкарская республика, украшения

Для цитирования: Кадиева А.А., Демиденко С.В. Классификация бляшек предскифской эпохи могильника Заюково-3 // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 16-32. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-16-32. – EDN: CALDVA.

© Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2022

Original article

THE CLASSIFICATION OF PLAQUES DURING THE PRE-SCYTHIAN ERA OF THE BURIAL GROUND ZAYUKOVO-3

Anna A. Kadieva[1], **Sergey V. Demidenko**[2]
[1,2] Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

[1] adelgeida85@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9759-077X
[2] sergey.demidenko2015@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6462-0132

Abstract. This article presents the classification of one of the most common categories of burial equipment of the North Caucasus population during the pre-Scythian time: sewn plaques. These ornaments made of bronze and antimony were found at the Zayukovo-3 burial ground in the burials of the VIII–VII centuries BC. Departments are allocated based on the material, sub–departments according to the shape of the surface, types – according to the manufacturing technique. The place of plaques in the burial shows that none of the selected jewelry was used as buttons and the attribution of plaques to such is a historiographical mistake. Most of the studied plaques (except for bronze hemispherical ones with a jumper (type Ia1a1) and a loop (type Ia2a) on the back, cease to exist in the middle of the VII century BC. Thus, the remaining plaques are a chrono-indicator of the terminus ante quem of the finale of the classical stage of the Koban culture and the beginning of the Scythian time.

Keywords: Western Koban culture, pre-Scythian time, Zayukovo-3 burial ground, Kabardino-Balkarian Republic, jewelry

For citation: Kadieva A.A., Demidenko S.V. The classification of plaques during the pre-scythian era of the burial ground Zayukovo-3. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 16-32. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-16-32. – EDN: CALDVA.

© Kadieva A.A., Demidenko S.V., 2022

Бляшки из различных материалов – одна их наиболее массовых категорий инвентаря во всем ареале кобанской культурно-исторической области. Все работы, посвященные систематизации материалов крупных кобанских некрополей [Техов 1977: 177; Белинский, Дударев 2015: 359-364] уделяют особое место бронзовым бляшкам. В обобщающей работе В.И. Козенковой также отведено особое место этим предметам [Козенкова 1998: 61-64]. Однако специальному исследованию эта категория инвентаря пока не подвергалась, хотя необходимость ее становится все более очевидной.

На сегодняшний день в кавказской археологии не существует строгого определения терминов «бляха» и «бляшка». В результате решение, какие именно предметы следует относить к этой категории, принимается исследователями интуитивно. Кроме того, выстроенные на сегодняшний день классификации лишены иерархической системы: тип может быть выделен по одному критерию, что противоречит определению термина как устойчивого сочетания признаков [Федоров-Давыдов 1987: 199].

Дошло до того, что часть бляшек исследователи именуют пуговицами и, соответственно, относят их к отдельной категории. Этот подход заведомо контрпродуктивен, поскольку пуговичный костюм появился только в эпоху средневековья. Кроме того, полусферическую и тем более ромбовидную бляшку со скрытой перемычкой на обороте технически сложно использовать в качестве продеваемой в петлю застежки. Наконец, расположение бляшек в погребениях противоречит их «пуговичной» интерпретации.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова определяет термин бляха как «Жесткая пластинка как опознавательный знак или как украшение (с выдавленным рисунком, надписью, номером). Уменьшительное бляшка». Такая

дефиниция, очевидно, не подходит для кобанского материала и противоречит сложившейся традиции его описания.

Для материальной культуры кобанской культурно-исторической области предлагается следующее определение термина бляшка: «Украшение, нашивающееся на основу». Бляха от бляшки отличается размерами. Такое определение четко разграничивает бляхи и подвески. Последние крепятся к предмету при помощи петли для подвешивания, расположенной на одной из боковых сторон подвески.

Классификация бляшек предскифской эпохи могильника Заюково-3

Для систематизации бляшек предскифской эпохи могильника Заюково-3 предлагается следующая классификация:

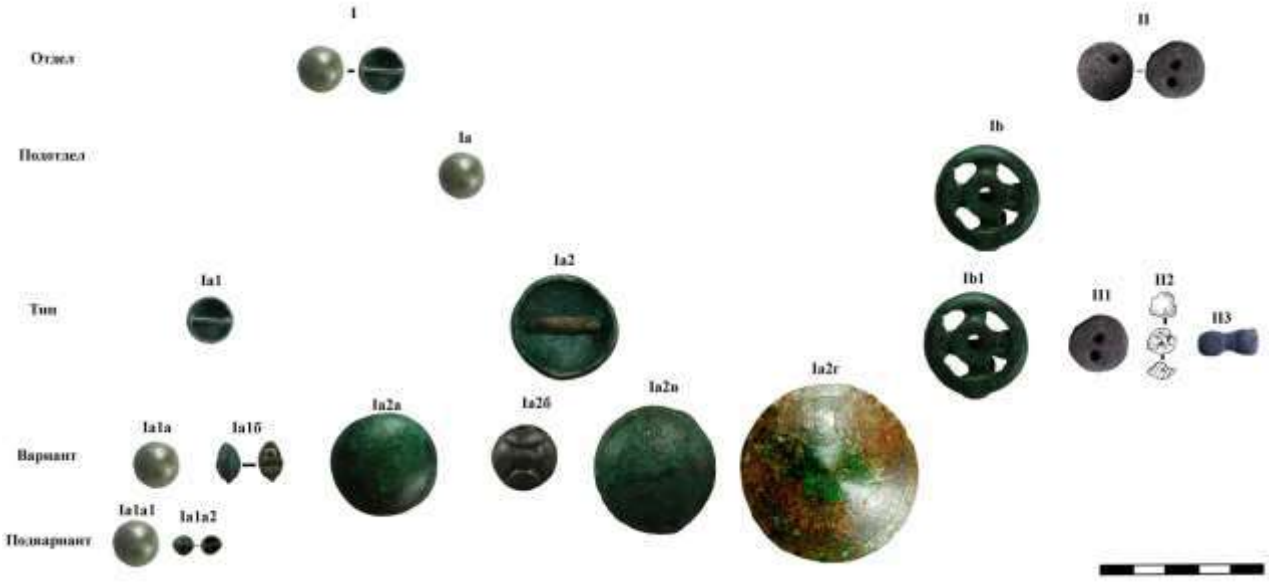

Рис. 1. Классификация бляшек предскифского времени могильника Заюково-3.

На основании материала выделяются два отдела: I – бронзовые бляшки, II – сурьмяные бляшки. По форме поверхности бляшки в отделе I выделяются следующие подотделы: Ia – бронзовые гладкие бляшки, Ib – бронзовые прорезные бляшки.

В рамках этих таксонов выделяются следующие типы:

Тип Ia1 – бронзовые бляшки без орнамента с прямой скрытой перемычкой на обороте.

Вариант Ia1a – бронзовые полусферические бляшки без орнамента с прямой скрытой перемычкой на обороте.

Подвариант Ia1a1 (44 предмета) (Рис. 2) Полусферические бляшки с прямой скрытой перемычкой на обороте. Диаметр 1,3–1,9 см, высота – 0,6–0,7 см. Встречаются только в женских погребениях. В семи случаях такие бляшки обнаружены в одном экземпляре. Только в одном случае (погребение 76) единичная бляшка обнаружена в погребении маленькой девочки. В остальных шести единичные бляшки были включены в убор взрослых женщин. В случае единственной находки бляшка могла играть роль распределителя. В остальных случаях бляшки типа Ia1a1 обнаружены в количестве от одного до пятнадцати эк-

земпляров. В этих погребальных уборах бляшки, вероятнее всего, играли чисто декоративную роль и служили украшением нагрудной части платья.

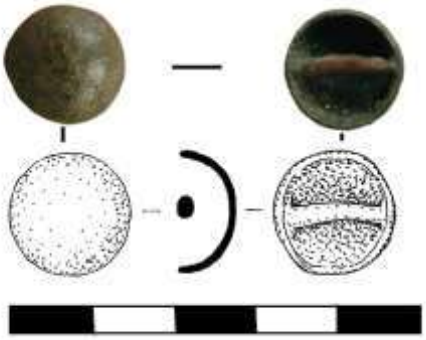

Рис. 2. Могильник Заюково-3. Погребение 168. Бляшка тип Ia1a1. Бронза.

Такие бляшки В.И. Козенкова считает пуговицами [Козенкова 1998: Табл. X, *4*] и относит их к типу II варианту 1 по своей классификации.

Б.В. Техов на материалах Центрального Кавказа, в том числе и Тлийского могильника, относит полусферические бляшки к бронзовым пуговицам I типа с грибовидными шляпками. Исследователь указывает, что пуговицы такого типа одновременно являлись застежками и украшением. Чаще всего они встречались в мужских погребениях. Б.В. Техов датирует такой тип украшений XII-X вв. до н.э. [Техов 1977: 177, рис. 114, 55-68].

Для западной кобанской культуры А.Б. Белинский и С.Л. Дударев на основании материалов могильника Клин-Яр III и обширных кавказских аналогий считают, что данный тип бляшек распространен в VIII-VII вв. до н.э. [Белинский, Дударев 2015: 363].

Важно отметить, что у многих бляшек этого типа наблюдаются потертости на оборотной стороне, которые мог доставить довольно толстый шнур. Кроме того, у некоторых бляшек до дыр стерта лицевая поверхность, что очевидно связано со способом их ношения.

Подвариант Ia1a2 (8 предметов) (Рис. 3). Миниатюрные полусферические бляшки с прямой скрытой перемычкой на обороте. Диаметр 0,6–0,7 см, высота – 0,2–0,25 см. обнаружены в трех погребениях (2 мужских, одно женское). В двух погребениях, разрушенных в древности обнаружено по одной бляшке. В погребении 28 шесть бляшек лежали in situ у плеча погребенного и, вероятно, являлись украшением небольшого предмета из органических материалов, например сумочки. В.И. Козенкова объединяет эти бляшки с более крупными в тип II вариант 1 [Козенкова 1998: Табл. X, 3].

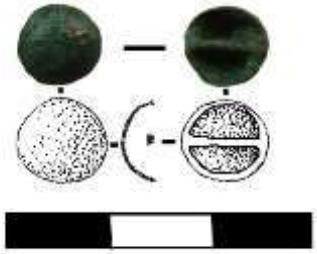

Рис. 3. Могильник Заюково-3. Погребение 28. Бляшка тип Ia1a2. Бронза.

Наиболее ранние подобные бляшки обнаружены в гробницах 1 и 2 мог. Терезе, а также в намного более поздней гробнице 3 этого могильника [Козенкова 2004: 117, 118. Табл. 27: 14, 17–24, 26; 29: 7–12]. В VIII–VII вв. до н.э. миниатюрные полусферические бляшки распространены по всей территории кобанской культурно-исторической области. На территории западной кобанской культуры они обнаружены в могильниках близ Кисловодской мебельной фабрики, Индустрия, Заюково 1, Каменномостском, Клин-Яр III, Белореченский 2 [Кадиева и др. 2020а: 172].

В ряде погребений могильника у Кисловодской мебельной фабрики 1 были обнаружены одна (реже две) такие бляшки, что характерно и для других могильников [Рунич 1958: 20, 24, рис. 63; 74; 75; Рунич 1959: 5, 11, табл. X: 8, 27; Рунич 1970: 4, рис. 5: 15; Рунич 1971: 5, 7, 8, рис. 7: 16; 11: 9, 11; 12: 13; Виноградов и др. 1980: 185, 188, 191, рис. 1: 10, 11; 2: 15; 3: 21, 34]. По одной бляшке было найдено в погр. 5 мог. Индустрия [Рунич 1969: 13. Рис. 24: 8], погр. 2 мог. Заюково 1 и в кургане 1914 г. в Каменномостском [Дударев 1999: 224. Рис. 155: 4; 156: 5]. На мог. Клин-Яр III, как наиболее исследованном памятнике, 1, 2 бляшки найдены в погр. 19, 25 [Дударев 1999: Рис. 119: 8, 9, 11, 178, 210, 223, 225, 231, 302, 307, 321, 324, 349, 350, 366; Белинский, Дударев 2015: 32, 66, 86, 180, 190, 212, 218, 240, 242, 246. Рис. 17: 10; 56: 12; 72: 13; 74: 5; 81а: 3; 159б: 2; 167: 6; 187: 3; 191: 3; 212: 6; 213: 4; 219: 11, 12]. Одна бляшка находилась в погр. 6 мог. Белореченский 2 [Дударев 2004: 18. Рис. 4: А, 5].

Миниатюрные бляшки – характерная принадлежность мужских погребений Тлийского могильника на всем протяжении существования некрополя начиная с эпохи поздней бронзы [Техов 1977: 178].

Возможно, миниатюрные бронзовые бляшки Северного Кавказа и Закавказья являются подражанием золотым нашивным бляшкам Ближнего Востока. Такими бляшками была расшита одежда царицы середины VIII в. до н.э. из второй гробницы Нимруда [Hussein 2016: 22, Pl. 78, b]. Однако от кобанских бляшки Нимруда отличаются наличием петли, а не перемычки.

Вариант Ia1б – бронзовые ромбовидные бляшки без орнамента с прямой скрытой перемычкой на обороте (4 предмета) (Рис. 4). Размеры: 1,3–3 х 0,5–1,2 см. Три бляшки обнаружены в женских погребениях (в погребении 25–2 бляшки, в погребении 148–1), одна – в захоронении мальчика-подростка (погребение 81).

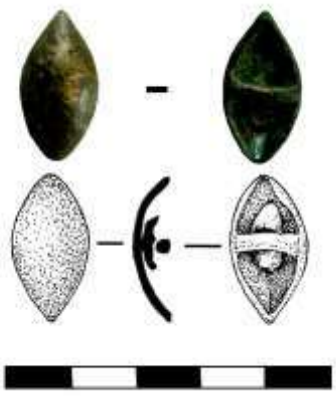

Рис. 4. Могильник Заюково-3. Погребение 81. Бляшка тип Ia1б. Бронза.

Бляшки относятся к VI типу пуговиц по классификации В.И. Козенковой [Козенкова 1998: 37, Табл. X, 13, 14]. Исследовательницей установлено, что подобные предметы датируются VIII-VII вв. до н. э. В западной кобанской культуре такие бляшки обнаружены в могильниках Заюково, Мукулан, Хабаз, Каменномостский, Березовский 1, Терезе, Мебельная фабрика, а также в Былымском кладе. За пределами ареала западной кобанской культуры ромбовидные бляшки известны в центральной кобанской культуре, но пока не встречены в восточной [Козенкова 1998: 37-38].

По А.Б. Белинскому и С.Л. Дудареву подобные бляшки относятся к типу II, бытование которого на территории Кавминвод исследователи датируют VIII-VII вв. до н. э., отмечая существование их в более ранний период на других территориях [Белинский, Дударев 2015: 364].

По классификации Б.В. Техова ромбовидные бляшки относятся к типу II бронзовых пуговиц и датируются XII-X вв. до н.э. Большое их количество, обнаруженное в Тлийском могильнике, позволило автору предположить, что мода украшать бронзовыми пуговицами одежду и головные уборы у древнего населения территории Южной Осетии была более устойчива и распространена шире, чем у соседних племен [Техов 1977: 178, рис. 114, 68-71].

Тип Ia2 – бронзовые бляшки с петлей на обороте. В этом типе выделяются четыре варианта.

Вариант Ia2a – бронзовые полусферические бляхи с петлей на обороте без орнамента на поверхности (3 предмета) (Рис. 5). Диаметр 2,3–3,2 см. Бляхи относятся к типу VI варианту 1 по классификации В.И. Козенковой, который исследовательница датирует X-VIII вв. до н. э. [Козенкова 1998: 62, табл. XX, 8].

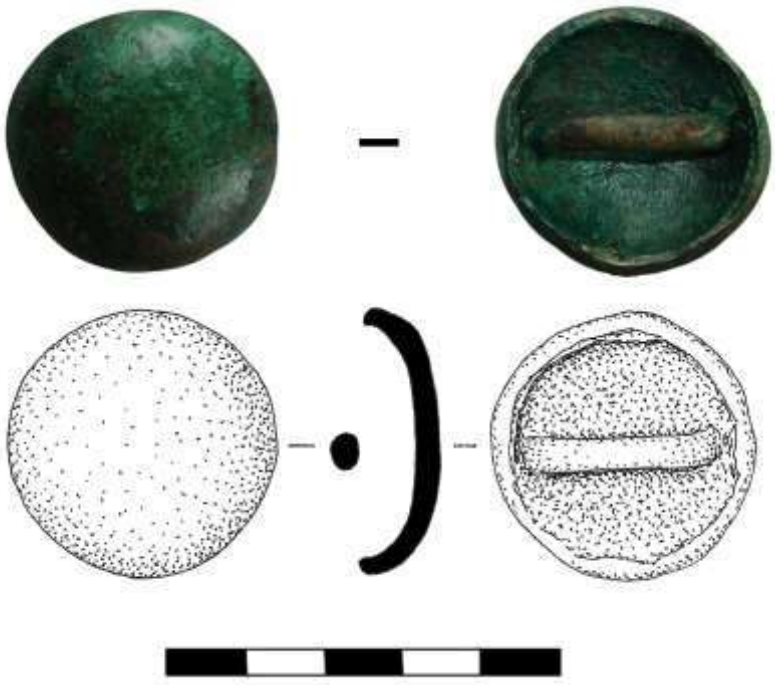

Рис. 5. Могильник Заюково-3. Погребение 81. Бляшка тип Ia2a. Бронза.

Вариант Ia2б. Полусферическая бронзовая бляшка с орнаментом в виде ромба с вогнутыми гранями и рельефным диском в центре на лицевой стороне и петлей на обороте. (1 предмет) (Рис. 6). Диаметр – 2 см, высота – 2,4 см.

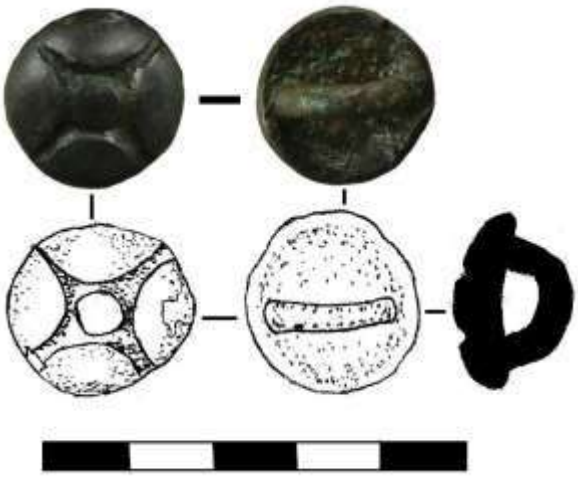

Рис. 6. Могильник Заюково-3. Погребение 19. Бляшка тип Ia2б. Бронза.

Подобные бляшки являются характерным маркером комплексов кобанской культуры Северного Кавказа в предскифское время. Данный орнамент встречается не только на бляшках-украшениях различных типов, но и на других предметах из комплексов Северного Кавказа и Причерноморья, которые датируются в пределах VIII – первой половины VII в. до н. э. [Тереножкин 1976: 174–177; Флёров, Дубовская 1993: 269, 270, 277–282, Рис. 7: 3, 9; 8: 3; Вальчак, Тарасова 2005: 29–31]. На сегодняшний день убедительно доказано переднеазиатское происхождение этого символа [Маслов и др. 2019: 163]. Вероника Хорват относит изображения с солярным символом без точки в центре к предскифскому времени [Хорват 2021: 153].

Вариант Ia2в. Крупная умбоновидная бляха из погребения 33 (1 предмет) (Рис. 7) со шнуровым орнаментом по краю. Диаметр бляхи составляет 4,2 см. В гробнице 3 могильника Терезе подобные были включены в состав конской сбруи, однако при описании гробниц 1 и 2 того же памятника автор раскопок, В.И. Козенкова отметила, что они могли являться и украшениями [Козенкова 2004: 107. Табл. 22, 1, 4, 5, 6]. По типологии В.И. Козенковой бляха относится к типу VI варианту 2 [Козенкова 1998: 62. Табл. XX: 10, 11].

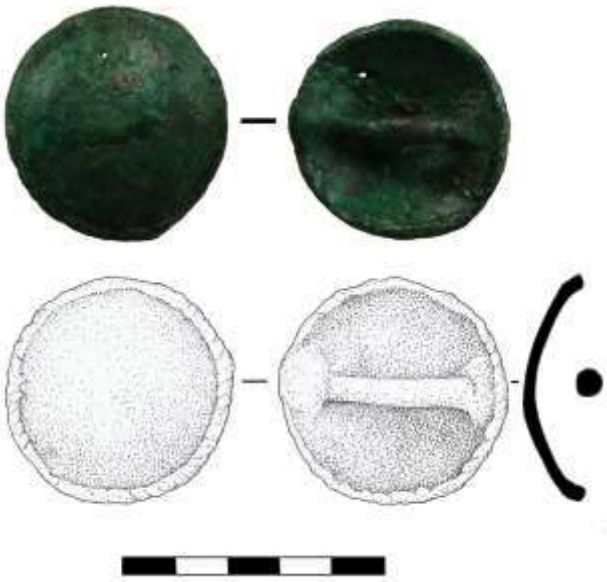

Рис. 7. Могильник Заюково-3. Погребение 33. Бляшка тип Ia2в. Бронза.

Вариант Ia2г. (1 предмет) (Рис.8). Бронзовая коническая бляха с петлей на обороте и солярным орнаментом с восемью крюкообразно загнутыми лучами на лицевой стороне. Линии орнамента прочерчены острым предметом по восковой модели, пространство, не занятое орнаментом, покрыто линиями точек, нанесенными на восковую модель пунсоном. Диаметр бляхи составляет 5,7 см, высота – 1,3 см.

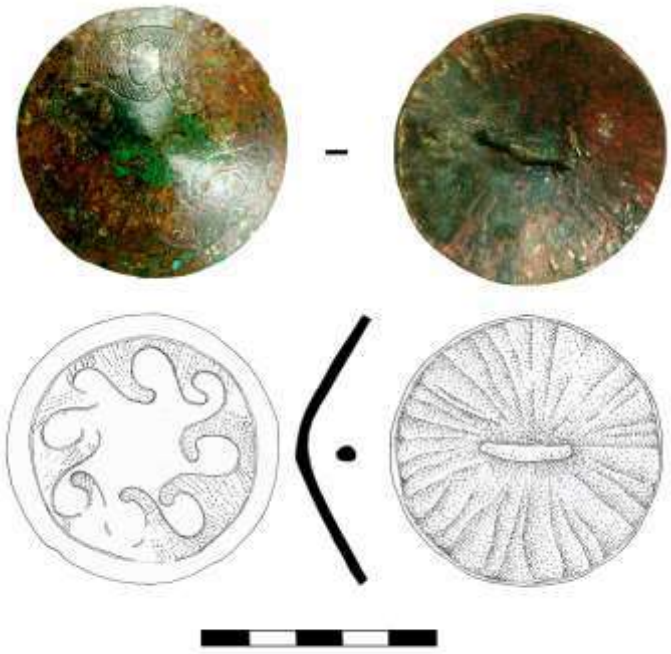

Рис. 8. Могильник Заюково-3. Погребение 33. Бляшка тип Ia2г. Бронза.

Бляха была обнаружена в погребении 86 эпохи Великого переселения народов. При строительстве катакомбы было уничтожено погребение кобанской эпохи, материалы которого частично остались в камере катакомбы.

Аналогий бляхе не обнаружено. Предмет относится к типу VI варианту 2 [Козенкова 1998: 62. Табл. XX: 12]. Бляха такой же формы с солярным орнаментом происходит из могильника Гижгид (склеп 1928 г.), датированный В.И. Козенковой XI – X вв. до н.э. В.И Козенкова, описывая характерные элементы декора лицевой стороны предмета, отмечает сочетание «концентрических кругов, ломанных линий и точечного заполнения пустых зон» [Козенкова 1998: 62]. Подобный стиль декора, по мнению исследовательницы, имеется на одной из блях клада, обнаруженного близ села Лайлаши, находящегося в Цагерском районе (Рача-Лечхуми, Грузия) [Коридзе 1965: 30. Рис. 21][1]. Д.Л. Коридзе датирует этот комплекс XVI–XIV вв. до н.э. Ю.Н. Воронов, опираясь на форму удил и топоров в составе клада, отнес этот памятник к самому концу VIII – первой половине VII в. до н.э. [Воронов 1980: 208].

Еще одна крупная коническая бляха с солярным орнаментом обнаружена в погребении 182 могильника Клин-Яр III [Белинский, Дударев 2015: 360. Рис. 258: 6]. А.Б. Белинский и С.Л. Дударев считают возможным отнести бляху из Клин-Яра к IX в. до н.э. [Белинский, Дударев 2015: 362].

[1] В.И. Козенкова отмечает, что изображения блях у Д.Л. Коридзе не соответствуют действительности.

В материалах могильника Заюково-3 пока не обнаружены комплексы, которые возможно было бы отнести к периоду ранее VIII в. до н.э. Архаичный облик бляшки и сопровождающие ее спиральные пронизи крупного диаметра указывают на отнесение разрушенного комплекса к раннему этапу функционирования некрополя.

Подотдел Ib – бронзовые прорезные бляшки. Представлен одним типом.

Тип Ib1 – круглая ажурная бляшка с вписанным в нее мальтийским крестом (Рис. 9). Диаметр предмета – 3,3 см. В центре креста круглое отверстие. Бляшка была обнаружена в погребении 81 и входила в нагрудный убор мальчика-подростка.

Рис. 9. Могильник Заюково-3. Погребение 81. Бляшка тип Ib1. Бронза.

Орнаментальный мотив мальтийского креста в круге – характерное явление для древностей новочеркасского типа [Тереножкин 1976: 177, 179, Рис. 94: 1–6]. На Северном Кавказе такие бляшки особенно часто встречаются на территории Кисловодской котловины, а также в протомеотских памятниках Западного Кавказа. Здесь они, как правило, относятся к украшениям конской сбруи и включены В.Р. Эрлихом в тип 5 деталей конского убора протомеотской группы памятников [Эрлих 2007: 132, 377, Рис. 196: 6].

Отдел II – сурьмяные бляшки.

Тип II1 – сурьмяная бляшка (Рис. 10) полусферической формы с тремя несквозными отверстиями – одно на выпуклой, два на плоской стороне. Возможно, предмет является заготовкой для нашивной бляшки или же фишкой, отверстия на которой имеют неутилитарное значение. Диаметр – 1,8 см, высота – 0,6 см. Единственная бляшка этого типа обнаружена в погребении 17 [Кадиева и др. 2020а: 171, Рис. 1: III].

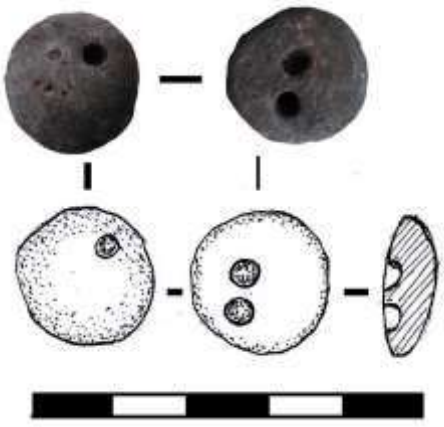

Рис. 10. Могильник Заюково-3. Погребение 17. Бляшка тип II1. Сурьма.

Близкие по форме бляшки были отнесены В.И. Козенковой к типу V варианту 1 пуговиц [Козенкова 1998: 37], однако выделенная исследовательницей группа предметов была сделана из кости. В.И. Козенкова связывает предметы подобной формы с черногоровским этапом киммерийского времени, отмечая, что одна янтарная «пуговица» была обнаружена в могильнике Тамгацик скифского времени.

Тип II2 – сурьмяные конические бляшки (Рис. 11) с петлей на обороте. Диаметр 0,08 см, высота – 0,45 см. Бляшки обнаружены дважды – в погребениях 25 [Кадиева, Демиденко 2020: 237, Рис. 1:15] и 148 [Кадиева и др. 2020б: 61]. Оба раза в составе женских нагрудных уборов.

Рис. 11. Могильник Заюково-3. Погребение 25. Бляшка тип II2. Сурьма.

В.И. Козенкова выделяет подобные бляшки в тип V вариант 2 [Козенкова 1998: 37], который исследовательница считает специфическим элементом убора населения Баксанского ущелья.

Тип II3 – сурьмяные восьмерковидные бляшки с гладкой оборотной стороной (Рис. 12). Размеры 1,5–1,9Х0,8 см. Всего обнаружено шесть бляшек в погребении 168.

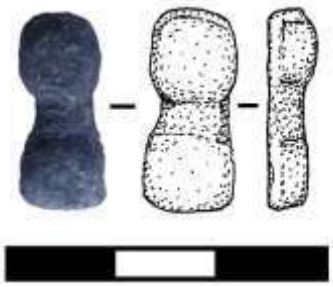

Рис. 12. Могильник Заюково-3. Погребение 168. Бляшка тип II3. Сурьма.

Такие бляшки В.И. Козенкова относит к типу XI и датирует X – первой половиной VII в. до н.э. [Козенкова, 1998: 63, Табл. XX: *16*].

Место полусферических бляшек в погребальном уборе

Отдельно следует рассмотреть место бляшек типов Ia1a1 и Ia2a в погребальном уборе населения Баксанского ущелья. Оба этих типа – излюбленные разновидности подобного рода украшений, пережившие классическую кобанскую эпоху и встречавшиеся в скифское время.

В погребениях могильника Заюково-3 прослеживается два способа использования этих бляшек.

Первый – элемент ожерелья или расшивка ворота платья. Поскольку внутри этих бляшек ни разу не удалось проследить ни ткани, ни шнура, совершенно определенно говорить об их назначении не представляется возможным: допустимы оба варианта. In situ бляшки лежали в районе шеи погребенной как перемычкой вниз, так и вверх. Оба положения могли быть обусловлены либо смещением на шнуре ожерелья, либо результатом залома ворота.

В уборе погребенной из захоронения 148 (Рис. 13) наблюдается сочетание 12 полусферических бляшек типа Ia1a1, ромбовидной бляшки Ia1б и полусферической бляшки типа Ia2a. Бляшки расположены в одной линии с крупными элементами ожерелья. Полусферическая бляшка типа Ia2a с петлей на обороте была расположена на левом плече погребенной. Возможно, погребение 148 демонстрирует оба способа использования изучаемой категории украшений.

Второй способ прослежен в погребениях 53, 55, 68, а также, возможно, 33 и 148.

Рис. 13. Могильник Заюково-3. Погребение 148. Убор погребенной.

В первых трех погребениях полусферические бляшки типа Ia1a1 были обнаружены в единственном экземпляре на левом плече или в центре груди погребенной.

Рис. 14. Могильник Заюково-3. Погребение 55. Нагрудный убор погребенной. 1 – полусферическая бляшка типа Ia1a1.

Рис. 15. Могильник Заюково-3. Погребение 68. Нагрудный убор погребенной. 1 – полусферическая бляшка типа Ia1a1.

В погребении 33 погребенная была уложена на бок. На ее шею было надето ожерелье, под которым располагалась бляха типа Ia2в, а над – бляшка типа Ia1a1 (Рис. 16).

Рис. 16. Могильник Заюково-3. Погребение 33. Нагрудный убор погребенной. 1 – полусферическая бляшка типа Ia1a1, 2 – место расположения бляхи типа Ia2в.

В погребении 148 полусферические бляшки типа Ia1a1 украшали ворот платья или были частью ожерелья, однако более крупная бляшка типа Ia2a была обнаружена в единственном экземпляре на левом плече погребенной (Рис. 13).

Рис. 17. Могильник Заюково-3. Погребение 53. Вариант реконструкции погребального убора. Художник Д.А. Баринова.

В единственном экземпляре использование некрупных бляшек в качестве украшений маловероятно. Кроме того, обращает на себя внимание фиксированное их расположение на левом плече погребенной. Можно предположить, что в этом случае бляшка служила застежкой распашного платья или элементом крепления откидного нагрудника к платью туникообразного кроя. Например, такой предмет мог служить регулятором кожаной петли, пришитой к плечу и накидывавшейся на веревочный или кожаный узел на противоположной части откидного элемента. Учитывая, что в горной зоне женская одежда перехватывалась поясом [Булатова и др. 2001: 30-31], такое крепление вполне возможно.

Заключение

Подводя итоги вышеизложенному, можно прийти к следующим заключениям.

Никакие из выделенных типов бляшек не использовались в качестве пуговиц. Нигде в мире в раннем железном веке пуговичный костюм не зафиксирован. В качестве застежек у кавказских горцев предскифского времени использовались фибулы и булавки, наличие которых исключает скрепление одежды пуговицами. Расположение бляшек в погребениях in situ на груди захороненных в виде ряда под горлом также демонстрирует использование этих украшений как элементов ожерелья или расшивки платья.

Все выявленные типы бляшек, за исключением Ia1a и Ia2a прекращают свое бытование с завершением предскифского этапа функционирования некрополя Заюково-3 (со второй половины VII в. до н.э.). Таким образом, несмотря на то что время появления этих предметов у носителей западной кобанской культуры пока не прослежено, тем не менее, они могут служить хроноиндикатором terminus ante quem финала классического этапа кобанской культурно-исторической области и начала скифского времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский, Дударев 2015 – *Белинский А.Б., Дударев С.Л.* Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи Раннего железа. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. – 373 с.

Булатова и др. 2001 – *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. – Пущино: Институт истории, археологии и этнографии ДагНЦ РАН, 2001. – 289 с.

Вальчак, Тарасова 1993 – *Вальчак С.Б., Тарасова Н.В.,* Четырёхлепестковые бляшки-розетки в предскифских памятниках Восточной Европы // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. – Краснодар, 2005. – С. 29-31.

Виноградов и др. 1980 – *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ / Отв. ред. Б. Н. Мозолевский. – Киев: Наукова думка. 1980. – С. 184–199.

Воронов 1980 – *Воронов Ю.Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. – Киев: Наукова думка. – С. 200-218.

Дударев 1999 – *Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX–VII в. до н. э.) / Отв. ред.: И.И. Горлова, В.Б. Виноградов. – Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т, 1999. – 402 с.

Дударев 2004 – *Дударев С.Л.* Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3 / Отв. ред. В.Б. Виноградов. – Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т, 2004. – 84 с.

Кадиева, Демиденко 2020 – *Кадиева А.А. Демиденко С.В*. Небесное стадо: ожерелья предскифского времени с подвесками в виде голов баранов из могильника Заюково-3 (по материалам раскопок 2015 г.) // Диалог 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.). Сборник научных статей / Отв. ред. Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов. – М.: ИА РАН. – С. 232–244. https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-332-9.232-244.

Кадиева и др. 2020а – *Кадиева А.А. Вальчак С.Б. Демиденко С.В*. Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3 (по материалам раскопок Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН в 2015 г.) // Краткие сообщения Института Археологии. – 2020. – Вып. 258. – С. 165-180. – DOI: http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.258.165-180

Кадиева и др. 2020б – *Кадиева А.А., Демиденко С.В., Емкужев А.А.* Погребение предскифского времени с бронзовым нагрудным убором из могильника Заюково–3 (предварительная публикация) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 2. – С. 50-67. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-2-50-67

Козенкова 1998 – *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // Свод археологических источников России. Выпуск В2-5. Т. 5 / Ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Институт археологии РАН, 1998. – 200 с.

Коридзе 1965 – *Коридзе Д.Л.* К истории колхской культуры. – Тбилиси: Мецниереба, 1965. – 168 с.

Маслов и др. 2019 – *Маслов В.Е., Гей А.Н., Андреева М.В*. Изображения солярных знаков из могильника Дыш IV // Краткие сообщения Института Археологии. – 2020. – Вып. 256. – С. 153-171. – DOI: http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.256.153-171.

Рунич 1958 – *Рунич А. П.*, 1958. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавказских Минеральных Вод // Архив ИА РАН. Р-1. № 1720.

Рунич 1959 – *Рунич А. П.*, 1959. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 2036.

Рунич 1969 – *Рунич А.П.*, 1969. Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 5244.

Рунич 1970 – *Рунич А.П.*, 1970. Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 4179.

Тереножкин 1976 – *Тереножкин А.И.,* Киммерийцы. – Киев: Наукова думка., 1976. – 224 с.

Техов 1977 – *Техов Б.В*. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. – М.: Наука, 1977. – 240 с.

Федоров-Давыдов 1987 – *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. – М.: «Высшая школа», 1987. – 216 с.

Флёров, Дубовская 1993 – *Флёров В.С., Дубовская О.Р.,* Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. I. – М.: Центр «Шелковый путь», 1993. – С. 262-303.

Хорват 2021 – *Хорват В.* Бронзовые уздечные распределители ремней из могильника у с. Батина (Кишкёсег), Западная Хорватия. К вопросу распространения и хронологии деталей конского убора и вооружения, украшенных солярным знаком во второй половине VIII – первой половине VI в. до н.э. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Вып. 19. – 2021. – С. 141-166.

Эрлих 2007 – *Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. – М.: Наука, 2007. – 430 с.

Hussein 2016 – *Hussein Muzahim Mahmoud.* Nimrud: The Queens' Tombs // Baghdad. – Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2016. – 438 p.

REFERENCES

BELINSKII A.B., DUDAREV S.L. *Mogil'nik Klin-Jar III i ego mesto sredi drevnostej Kavkaza i Jugo-Vostochnoj Evropy nachala jepohi Rannego zheleza* [Klin-Yar III burial ground and its place among the antiquities of the Caucasus and Southeast Europe at the beginning of the Early Iron Age]. – Stavropol': Dizajn-studija B, 2015. – 373 s. (In Russ.).

BULATOVA A.G., GADZHIEVA S.SH., SERGEEVA G.A. *Odezhda narodov Dagestana. Istoriko-jetnograficheskij atlas*. [Clothing of the peoples of Dagestan. Historical and ethnographic atlas]. – Pushhino: Institut istorii, arheologii i jetnografii DagNC RAN, 2001. – 289 s. (In Russ.).

DUDAREV S.L. *Vzaimootnoshenija plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Jugo-Vostochnoj Evropy v predskifskuju jepohu (IX – VII v. do n. je.)* [Mutual relations of tribes of Caucasus and East European nomads in pre-Scythian epoch (IX–VII c. BC)] / Otv. red.: I. I. Gorlova, V. B. Vinogradov. – Armavir: Armavirskij gos. ped. in-t, 1999. – 402 s. (In Russ.).

DUDAREV S.L. *Belorechenskij 2-j mogil'nik – pamjatnik jepohi rannego zheleza Kavkazskih Mineral'nyh Vod [Belorechensk 2nd burial ground – monument of the Early Iron age of the Caucasian Mineral Waters]*. IN: Materialy i issledovanija po arheologii Severnogo Kavkaza. Vyp. 3 / Otv. red. V. B. Vinogradov. – Armavir: Armavirskij gos. ped. in-t, 2004. – 84 s. (In Russ.).

FJODOROV-DAVYDOV G.A. *Statisticheskie metody v arheologii* [Statistical methods in archaeology]. – M.: «Vysshaja shkola», 1987. – 216 s. (In Russ.).

FLJOROV V.S., DUBOVSKAJA O.R., *Muzhskie pogrebenija kobanskogo mogil'nika Klin-Jar III v g. Kislovodske* [Men's burials of Koban cemetery Klin-Yar III in city of Kislovodsk]. IN: Vestnik Shelkovogo puti. Arheologicheskie istochniki. I. – M.: Centr «Shelkovyj put'», 1993. – S. 262-303. (In Russ.).

HORVAT V., *Bronzovye uzdechnye raspredeliteli remnej iz mogil'nika u s. Batina (Kishkjoseg), Zapadnaja Horvatija. K voprosu rasprostranenija i hronologii detalej konskogo ubora i vooruzhenija, ukrashennyh soljarnym znakom vo vtoroj polovine VIII – pervoj polovine VI v. do n.je.* [Bronze bridle belt distributors from the burial ground near the village of Batin (Kiskeseg), Western Croatia. On the issue of distribution and chronology of details of horse headgear and weapons decorated with a solar sign in the second half of the VIII – first half of the VI century BC.]. IN: Materialy i issledovanija po arheologii Severnogo Kavkaza. – Vyp. 19. – 2021. – S. 141-166. (In Russ.).

JERLIH V.R. *Severo-Zapadnyj Kavkaz v nachale zheleznogo veka. Protomeotskaja gruppa pamjatnikov* [The North-Western Caucasus at the beginning of the Iron Age. Protomeothic group of monuments.]. – M.: Nauka, 2007. – 430 s. (In Russ.).

HUSSEIN MUZAHIM MAHMOUD *Nimrud: The Queens' Tombs.* – Baghdad-Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. 2016. – 438 r.

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V. *Nebesnoe stado: ozherel'ja predskifskogo vremeni s podveskami v vide golov baranov iz mogil'nika Zajukovo-3 (po materialam raskopok 2015 g.)* [The Heavenly Herd: necklaces of the pre-Scythian time with pendants in the form of ram'sheads from the cemetery of Zayukovo-3 (after the results of excavations of 2015)]. IN: Dialog 2017–2018. Dihotomija iskusstva v arheologii: lokus, obrazy, genezis: Materialy obedinennogo seminara Instituta arheologii RAN i Instituta istorii material'noj kul'tury RAN (Sankt-Peterburg, 6–7 dekabrja 2017 g.; Moskva, 6–7 dekabrja 2018 g.). Sbornik nauchnyh statej / Otv. red. E.S. Levanova, N.Ju. Smirnov. – M.: IA RAN, 2018. – S. 232–244. https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-332-9.232-244 (In Russ.).

KADIEVA A.A., VAL'CHAK S.B., DEMIDENKO S.V. *Muzhskie pogrebeniya predskifskogo vremeni v vytyanutom polozhenii na mogil'nike Zayukovo-3 (po materialam raskopok Ob"edinennoi Severokavkazskoi arkheologicheskoi ekspeditsii GIM, KBGU i IA RAN v 2015 g.)* [Male burials of the Pre-Scythian time in an extended position at the Zayukovo-3 burial ground (based on materials from excavations of the Joint North Caucasian Archaeological Expedition of the State Historical Museum, KBSU and IA RAS in 2015)]. IN: *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii*. – 2020. – Iss. 258. – P. 165-180. – DOI: http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.258.165-180 (In Russ.).

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V., EMKUZHEV A.A. *Pogrebenie predskifskogo vremeni s bronzovym nagrudnym uborom iz mogil'nika Zajukovo – 3 (predvaritel'naja publikacija)* [Burial

of the pre-skythian time with a bronze chest cloth from the burial grave of Zayukovo-3 (preliminary publication)]. IN: Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija». – 2020. – № 2. – S. 50-67. – DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-2-50-67 (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. *Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyi variant* [The material basis of the life of Koban tribes. Western version]. IN: *Svod arkheologicheskikh istochnikov Rossii. Vypusk V2-5. T. 5 / Red. B.A. Rybakov.* – M.: Institut arkheologii RAN, 1998. – 200 p. (In Russ.).

KORIDZE D.L. *K istorii kolhskoj kul'tury* [On the history of the Kolkh culture]. – Tbilisi: Mecniereba, 1965. – 168 s. (In Georgian).

MASLOV V.E., GEJ A.N., ANDREEVA M.V. *Izobrazhenija soljarnyh znakov iz mogil'nika Dysh IV* [Images of solar signs from the burial ground Dysh IV]. IN: Kratkie soobshhenija Instituta Arheologii. – 2020. – Vyp. 256. – S. 153-171. – DOI: http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.256.153-171 (In Russ.).

RUNICH A.P., 1958. *Otchet o polevyh arheologicheskih issledovanijah v rajone Kavkazskih Mineral'nyh Vod* [Report on field archaeological research in the area of Caucasian Mineral Waters]. IN: Arhiv IA RAN. – R-1. – № 1720. (In Russ.).

RUNICH A.P., 1959. *Otchet o polevyh issledovanijah v rajone Kavminvod* [Report on field archaeological research in the area of Caucasian Mineral Waters] . IN: Arhiv IA RAN. – R-1. – № 2036. (In Russ.).

RUNICH A.P., 1969. *Otchet o polevyh issledovanijah v rajone Kislovodska* [Report on field archaeological research in the area of Kislovodsk]. IN: Arhiv IA RAN. – R-1. – № 5244. (In Russ.).

RUNICH A.P., 1970. *Otchet o polevyh issledovanijah v rajone Kislovodska* [Report on field archaeological research in the area of Kislovodsk]. IN: Arhiv IA RAN. – R-1. – № 4179. (In Russ.).

TERENOZHKIN A.I. *Kimmerijcy* [The Cimmerians]. – Kiev: Naukova dumka., 1976. – 224 s. (In Russ.).

TEKHOV B.V. *Tsentral'nyi Kavkaz v XVI-X vv. do n.e.* [Central Caucasus in the 16th-10th centuries BC]. – M.: Nauka, 1977. – 240 p. (In Russ.).

VALCHAK S.B., TARASOVA N.V., *Chetyrekhlepestkovye blyashki-rozetki v predskifskikh pamyatnikakh Vostochnoy Evropy* [Four-petalled rosette plaques in pre-Scythian sites of Eastern Europe]. IN: *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya*. – Krasnodar, 2005. – Pp. 29–31. (In Russ.).

VINOGRADOV V. B., DUDAREV S. L., RUNICH A. P. *Kimmerijsko-kavkazskie svjazi* [Cimmerian-Caucasian relations]. IN: Skifija i Kavkaz / Otv. red. B. N. Mozolevskij. – Kiev: Naukova dumka, 1980. – S. 184-199. (In Russ.).

VORONOV JU. N. *O hronologicheskih svjazjah kimmerijsko-skifskoj i kolhidskoj kul'tur* [Chronological relations of the Cimmerian-Scythian and Colchian cultures]. IN: Skifija i Kavkaz. – Kiev: Naukova dumka. – S. 200-218. (In Russ.).

Информация об авторах

А.А. Кадиева – научный сотрудник.

С.В. Демиденко – кандидат исторических наук.

Information about the authors

A.A. Kadieva – research associate.

S.V. Demidenko – Candidate of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 30.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 15.10.2022; approved after reviewing 30.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Средневековая и новая история

Научная статья
УДК 94 (470.62/.67+477.75)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-33-52
EDN: CIWEHB

НОГАЙЦЫ ПРИАЗОВЬЯ КАК ОБРАЗЕЦ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ ПО СЕДЕНТЕРИЗАЦИИ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ В КОНЦЕ XVIII – 60-Х Г. XIX В.

Айгуль Темерхановна Джумагулова[1][2]
[1] Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия, aigul-men@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X
[2] Ставропольский государственный педагогический институт (филиал в г. Ессентуки), Ессентуки, Россия

Аннотация. В статье анализируется процесс перехода ногайских кочевых обществ, переведенных высшими центральными властями Российской империи в конце XVIII в. из Предкавказских и Прикубанских степей в Мелитопольский уезд Таврической области, в оседлое состояние. Раскрываются природно-климатические, социально-экономические и политические факторы, повлиявшие на успешный процесс перехода кочевых обществ в оседлое состояние в начале XIX в. Особое внимание уделено роли центрального и регионального аппарата государственных властей на трансформацию традиционных форм жизни, быта и хозяйственных отраслей ногайцев и период их адаптации к общеимперским реалиям. Автор обращает внимание, что успешные итоги процесса седентеризации кочевых ногайцев, реализованных российской администрацией в первой четверти XIX в., нельзя оценивать однозначно, в связи с массовым исходом ногайцев, проживавших в Таврической губернии, в пределы Османской империи в 60-х г. XIX в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Приазовье XIX в., ногайцы, закубанцы, кочевники, седентеризация, оседлость

Благодарности и финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного гранта № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX вв.)», https://rscf.ru/project/22-18-00313/

Для цитирования: Джумагулова А.Т. Ногайцы Приазовья как образец имперской политики по седентеризации кочевых обществ в конце XVIII – 60-х г. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 33-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-33-52. – EDN: CIWEHB.

© Джумагулова А.Т., 2022

Original article

NOGAIS OF THE AZOV REGION AS AN EXAMPLE OF THE IMPERIAL POLICY ON THE SEDENTERIZATION OF NOMADIC SOCIETIES AT THE END OF THE 18TH – 60S OF THE 19TH CENTURY

Aigul T. Dzhumagulova[1,2]

[1] Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, aigulmen@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

[2] Stavropol state pedagogical Institute (branch in Yessentuki), Yessentuki, Russia

Abstract. The article researches the transition of Nogai nomadic societies, transferred by the supreme central authorities of the Russian Empire at the end of the XVIII century from the Pre-Caucasian and Pre-Kuban prairies to the Melitopol district of the Taurida region to a settled state. This article reveals the climatic, socio-economic and political factors influencing the successful process of transition of nomadic societies into a settled state at the beginning of the XIX century. Particular attention is paid to the role of the central and regional apparatus of state authorities on the transformation of traditional forms of life, everyday life and economic sectors of the Nogais and the period of their adaptation to the general imperial realities. The author draws attention to the successful results of the sedentarization of nomadic Nogais implemented by the Russian administration in the first quarter of the XIX century cannot be assessed unambiguously, because of the mass exodus of Nogais living in the Tauride province to the Ottoman Empire in the 60s of the XIX century.

Keywords. The North Caucasus, the Azov region of the XIX century, Nogais, Zakubans, nomads, sedentarization, settlement

Gratitude and funding: the study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific grant No. 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and climatic factors (XIX - mid-XX centuries)», https://rscf.ru/project/22-18-00313/

For citation: Dzhumagulova A.T. Nogais of the Azov region as an example of the imperial policy on the sedenterization of nomadic societies at the end of the 18th – 60s of the 19th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 33-52. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-33-52. – EDN: CIWEHB.

© Dzhumagulova A.T., 2022

Введение

Вовлечение и удержание в сфере влияния российской имперской административной системы народов юга России с иными типами социально-экономического и политического устройства долгие годы рассматривались в нашей стране в контексте колониальной административно-правовой системы. На современном этапе изучения сформировалась концепция, согласно которой интеграция местных народов в общероссийское пространство происходила с учетом региональных особенностей каждой отдельной губернии. Выявление условий формирования многонациональной государственности как устойчивой структуры невозможно без исследования методов центральных и региональных государственных властей в инородческой среде, направленных на их

инкорпорацию в российское социально-экономическое, административно-правовое и культурное пространство.

Целью публикации является исследование и анализ социально-экономических, политических и природно-климатических факторов на процесс седентеризации обществ кочевых ногайцев Северного Приазовья в конце XVIII – 60-х г. XIX вв.

Публикация выполнена с опорой на принципы историзма и объективизма, что позволило изучить и проанализировать события прошлого в конкретных исторических условиях, избегая сложившихся стереотипов.

Материалы и источники. Различные аспекты истории ногайских обществ, проживавших в регионе Северного Приазовья, нашли отражение в трудах как дореволюционных исследователей, так и современных ученых. Статья И. Корниса [Корнис 1836], изданная в 1836 г., стала одним из первых исследований о таврических ногайцах. В 1860-х г. вышла в свет публикация А.А. Скальковского [Скальковский 1867], подробно описавшего историю поселения ногайцев на Молочных Водах. Дальнейшую разработку проблематики продолжил историк А.А. Сергеев [Сергеев 1912; 1913]. Использовав материалы архива «Канцелярии пристава ногайских орд», он воссоздал историю социально-экономического развития ногайцев в конце XVIII – первой половины XIX вв. Не менее важны труды других исследователей этой эпохи [Бентковский 1888; Фарфоровский 1909]. В советской историографии отдельные вопросы истории приазовских ногайцев рассматривались в общем содержании вопросов истории ногайских обществ [Гаджиева 1976; Дружинина 1970; Калмыков и др. 1988]. В постсоветские годы были опубликованы работы В.В. Грибовского [Грибовский 2016], В.В. Дмитриева [Дмитриев 2019], а также автора этих строк [Джумагулова 2019; 2021], освещающих различные аспекты социально-экономического положения обществ кочевых ногайцев в истории Таврической губернии.

В публикации были использованы:

1) архивные сведения, извлеченные из Российского государственного военно-исторического архива фондов Военно-ученного архива: «Описание Таврической губернии» (дело 19065; 1807 г.), «Статистическое описание Таврической губернии» (дело 19066; 1818 г.), «Статистические материалы Таврической губернии» (дело 19067; 1823 г.), «Дело с описанием Ногайских татар Таврической губернии» (дело 19069; 1820) впервые вводимые в научный оборот;

2) материалы «Полного собрания законов Российской империи» [ПСЗРИ-I 1830; ПСЗРИ-II 1833-1842].

Результаты исследования и обсуждение

Усиление и продвижение влияния Российской империи на южных рубежах страны во второй половине XVIII в. обусловили вовлечение в сферу ее влияния обществ кочевых ногайцев. Ликвидация Крымского ханства и последующее принятие российского подданства ногайцами предопределили разработку концепции управления кочевыми ногайцами. Следует заметить, что на первых этапах, проводимая центральными властями политика в отношении ногайцев име-

ла промахи. К ним можно отнести намерение переселить ногайцев в Уральские степи в начале 1780-х г., принятое крайне отрицательно в среде ногайских обществ. Вследствие действий российского военного командования, ногайцы массово устремились покинуть пределы Российской империи. Возможность использования ногайцев со стороны Османской империи, на территорию которой они стали переселяться, вынудили изменить последующие действия в их отношении. Сдержанность и последовательность в решении административно-правовых вопросов в последующие годы будет ощущаться в отношениях с кочевниками южного порубежья. Местные власти предприняли ряд мер для возвращения ногайцев обратно в пределы России, имевших отчасти успех.

Большая часть ногайских обществ локализовалась в середине 1780-х гг. в бассейне реки Кубань [Джумагулова 2019: 86-88]. Статистические сведения о количестве народонаселения в Прикубанье в рассматриваемый период дает С.В. Фарфоровский. Так, он пишет, что «в 1754 г. их было 80 000, в 1782 г. – 56 000, в 1783 г. – только 3 000» [Фарфоровский 1909: 6]. При этом не малая доля ногайских обществ ушла в эти годы в Закубанье, к устьям рек Урупа и Лабы [Джумагулова 2019: 90]. В 1785-1790 гг. кочевые ногайцы активно перемещаются по Северному Кавказу в поисках благоприятных условий проживания. Ясский мирный договор, положивший конец русско-турецкой войне 1787-1791 гг., зафиксировал принцип разделения кочевых ногайцев на подданных российской империи и обособленных закубанцев, оставшихся кочевать на левой стороне р. Кубань. Тем не менее региональные власти не воспрепятствовали в общении родственных ногайских обществ [Джумагулова 2019: 90-91].

С 1790-х г. по распоряжению Г.А. Потемкина ногайцы, проживавшие на Северном Кавказе, были расселены в Кавказской и Таврической областях Российской империи. С этого периода политика интеграции кавказских и таврических ногайцев в состав Российской империи имела двойственный характер, представленный как геополитическими, социально-экономическими, так и природно-климатическими особенностями региона проживания ногайцев.

Территория, выделенная ногайцам в составе Таврической губернии, образовывала треугольник в Приазовье. Кочевья ногайцев начинались в устье р. Берды, впадающей в Азовское море, далее по прибрежной степи до устья Лимана или озера Молочного, а оттуда вверх по левой стороне р. Молочные воды и до вершины р. Токмак. Им было выделено в пользование 352 766 десятин земли [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066 Л. 34]. «Полезнейшими» признавались из них не менее 700 000 десятин занимаемых пространств [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 21], «тут земля точная, трава растет густо и высоко, вода достается из колодязей неглубоких» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19065. Л. 4] (Рис. 1).

-

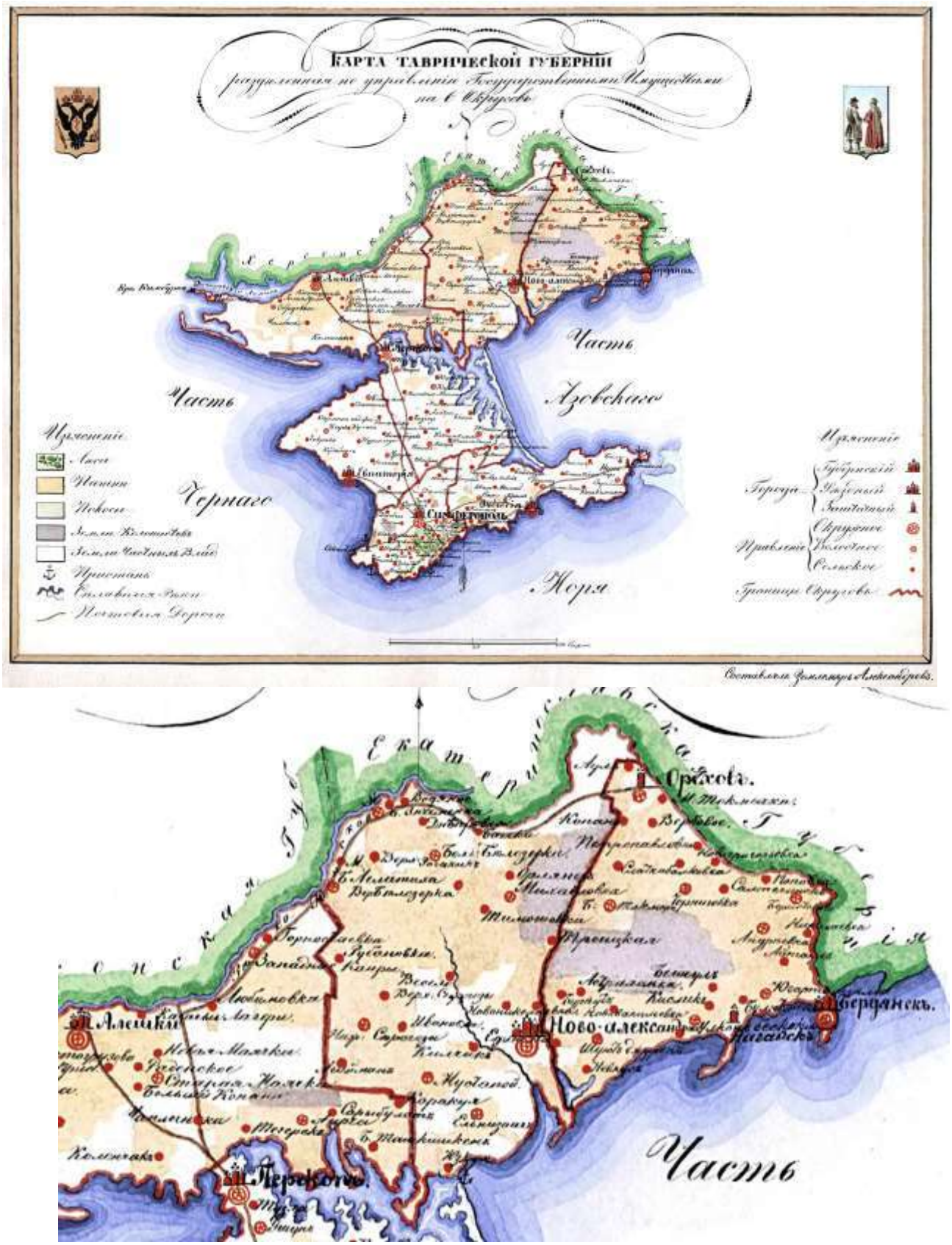

Рис. 1. Карта Таврической губернии. 1843 г. [Атлас Грибовского 1843].

В Таврическую область переселились отделения Едисанской (6544 душ), Едишкульской (1191 душ) и Джембойлукской (2152 душ) орд. После взятия Анапы в 1793 г. к ним перевели еще 7 925 ногайцев, а в 1795 г. – 534 человек из

Георгиевской крепости. Тенденция переселения в Таврическую область сохранялась и в последующие годы, вследствие миграции их северокавказских соплеменников. Тем не менее численность народонаселения оставалась в местах переселения незначительной по сравнению с их численностью в Кавказской области [Джумагулова 2019: 160]. Ногайские аулы располагались при речках, оврагах и долинах рек Молочной и Конской [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066. Л. 35].

В местах переселения ногайцев местная администрация содействовала развитию их хозяйства и общественного быта. Внедренная система управления кочевниками, радикально отличалась от системы, сложившейся у них на Северном Кавказе. Основное различие заключалась в наделении ногайцев Приазовья самоуправленческими функциями, в то время как кавказские ногайцы были подконтрольны аппарату приставства. В правовом отношении их статус не имел четкого определения, отчего их причисляли к селянам. Тем не менее, в отличие от последних они освобождались от несения повинностей и уплаты налогов. Подобные взаимоотношения с инородцами были характерны для российских властей с иностранными колонистами в конце XVIII – начале XIX вв. [ПСЗРИ-I. Т. XVI. №11880: 313-316]. Для решения административных вопросов была учреждена экспедиция, возглавляемая представителем ногайской знати. Должность начальника ногайских орд занимал Халил-ага-эфендий [Грибовский 2016: 108-129; Сергеев 1913: 15], после его смерти, в 1791 г., должность занял Баязет-бей Султан Мурат-беев [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1032]. В экспедиции числились начальник орд, канцелярист, переводчик и писарь [Сергеев 1912: 18].

Региональными властями предполагалось развивать традиционные хозяйственные отрасли ногайцев, которые оставались «главным богатством страны… поощряя их к улучшению скота… доставлять способы сохранять улучшенные породы лошадей, рогатого скота и овец» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19065. Л. 8-9]. Центральные власти в этом вопросе склонялись к развитию земледелия в среде кочевых обществ. Для стимулирования ногайцев к занятиям земледелием местные власти бесплатно предоставляли им семена для посева, а также необходимые сельскохозяйственные орудия труда. Общества кочевых ногайцев в благоприятных природно-климатических условиях совмещали традиционные занятия скотоводством (коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота) с выращиванием зерновых, бахчевых и огородных культур [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066. Л. 8-26]. На закупку сельскохозяйственных орудий и устройство колодцев в степной зоне обществам кочевых ногайцев было выделено более 12 000 рублей. В дальнейшем денежные средства на благоустройство и обводнение ногайских угодий выделялись из общественного капитала ногайцев [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1034].

Переустройство административного статуса Таврической области, начатое императором Павлом I, и дальнейшее оформление губернии подняли вопросы административно-правового положения кочевых обществ в составе губернии. С 15 октября 1800 г. ногайцы лишались налогового и рекрутского иммунитета [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. №20032: 801-805], а с 4 декабря их перевели в разряд казенных поселян. В подобных условиях ногайцы должны были, как и все прочие жители губернии, выплачивать поземельный налог в размере 75 копеек, поду-

шевой – в 56 копеек, а также оброчный – 1 рубль. Также они должны были нести рекрутскую повинность. С 10 декабря 1800 г. указом Павла I ногайцы официально закреплялись в своем новом правовом положении [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. №19682: 429-432].

Преобразования в характере административно-правовых отношений изменили существующую автономную систему самоуправления в среде ногайцев. Ногайская экспедиция была упразднена и заменена на волостное правление. Ногайские общества стали подразделяться на Шинбадайское, Тююшковское и Меситское правления, а в Мариупольском уезде локализовалось Токмацкое правление, в составе которого находились ногайские селения. Канцелярия правления состояла из головы и писаря. Начальник ногайских орд и ногайская знать лишались функций административного контроля, за ними оставалось лишь право на разрешение внутренних гражданских споров. В административных делах кочевые общества стали подотчетны мариупольскому исправнику, а в судебных – мариупольскому нижнему земскому суду [Сергеев 1912: 19].

Тем не менее внедренные изменения в системе управления показали несостоятельность волостных правлений в среде кочевников. Волостные правления могли взаимодействовать с ногайскими обществами только в период нахождения последних в зимовниках. С наступлением потеплений, весной, ногайцы снимались с места для перекочевок [Сергеев 1912: 19]. Подобные отношения не могли отвечать целям инкорпорации ногайцев в административно-правовое пространство империи.

Внедрение волостных правлений в ногайских обществах, включавших систему налогообложения и выставления рекрутов от каждого ногайского общества, побудили ногайскую знать искать иные формы взаимоотношений, т.к. подобная система не отвечала их интересам. Следующий период в интеграции ногайцев связан с предложенным ногайской знатью проектом казацкого ногайского войска. Начальник ногайских орд ходатайствовал новороссийскому гражданском губернатору о внедрении изменений в существующую систему, однако, не найдя отклика на свое прошение, направился в Санкт-Петербург. 14 июня 1801 г. Баязет-бей представил проект императору Александру I. В основе заявления, представленного начальником ногайских орд от лица ногайцев Приазовья, лежало восстановление иммунитета кочевых обществ к налоговым податям и необходимости выставления рекрутов от ногайцев. Также они просили дозволения приписывать в число своих обществ закубанских ногайцев, желавших переселиться на Молочные воды. Для развития традиционных хозяйственных отраслей (скотоводства, коневодства и овцеводства) ногайцы просили выделения дополнительных пастбищных угодий. Взамен ногайцы поручались иметь и обеспечивать на своем довольствовании одну тысячу ногайских казаков [Бентковский 1888: 36; Грибовский 2016: 108-129]. Император Александр I одобрил представленный проект, посчитав внедряемую систему приемлемой во взаимоотношениях с кочевыми обществами. Указом от 16 июля 1801 г. «Об освобождении ногайцев, кочующих в Новороссийской губернии, от поставки рекрут и об участвовании им в общей раскладке Земских повинностей» [ПСЗРИ-I. Т. XXVI, №19944: 718] ногайские общества получили желаемые по-

слабления и были официально объявлены казаками. Начальник ногайских орд Баязет-бей был удостоен чина надворного советника с жалованием в 600 рублей. Подобный подход наглядно показывает желание имперской администрации склонить и расположить к себе представителей местной знати. Так Баязет-бей в силу определенных обстоятельств становится официально главой ногайского казацкого войска, конфирмованный лично императором [Грибовский 2016: 108-111]. Тем не менее единственным пунктом, отклоненным центральными властями, стал пункт о выделении дополнительных земель ногайцам. Увеличение пастбищных угодий могло быть произведено лишь за счет земель соседних ногайцам народов, а это могло привести к возникновению конфликтов на южных рубежах страны. Возможно поэтому, в распоряжении, адресованном херсонского военному губернатору И.И. Михельсону, содержались пункты о содействии процессу оседания кочевых обществ путем строительства стационарных домов и развития земледелия [Джумагулова 2019: 164]. Так центральные власти показывали необходимый вектор развития, реализуемого на региональном уровне местными властями.

Формирование новой системы устройства ногайского общества предполагалась осуществлять по примеру Донского казачьего войска. Координирование и надзор за осуществлением необходимых приготовлений поручалось региональным властям, в частности военному губернатору И.И. Михельсону. Согласно внедряемым изменениям, ногайцы Приазовья должны были представлять по распоряжению руководства свои казачьи формирования. В остальное время они могли заниматься традиционной хозяйственной деятельностью [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 8; Грибовский 2016: 108-111].

В октябре 1802 г. было произведено реформирование устройства ногайского полка, который был разделен на два пятисотенных. Каждый ногайский полк имел в составе полковых командиров штаб-офицерского ранга, назначаемых из лица ногайской знати. Также обязательным было наличие квартермистра, писаря, есаула, сотника, хорунжего. Ногайские конно-казачьи полки получили 10 сотенных знамен [ПСЗРИ-I. Т. XXVII. № 20445: 269].

Реализация новой системы казацкого ногайского войска проходила не без сложностей на местах. Первоначально в число казаков были набраны лица из числа привилегированных сословий ногайцев. Однако после сбора средств на обмундирование, они были распущены. Затем набор казаков осуществили из числа простых ногайских сословий, с содержанием за счет общественных средств. Каждая семья уплатила по 40 рублей на снаряжение двух полков. Однако этих средств было недостаточно и было собрано дополнительно по 20 рублей с каждой семьи, всего было собрано 60 000 рублей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 8]. Именно в этот период вскрылась вся коррупционность правящей элиты ногайцев. К примеру, для войсковых нужд было закуплено 800 лошадей, при этом на четверых казаков выдавалась лишь одна лошадь. Оружие было закуплено некачественное, хотя в контрактах, заключаемых Баязет-беем, обозначалось обратное [Сергеев 1912: 85]. В результате, все осуществляемые действия свелись к сбору денежных средств с ногайских семей, предоставлению воинских

чинов ногайским мурзам и князьям, обмундированию ногайских казаков и выдачей им низкокачественного оружия [Скальковский 1867: 358-416].

Общественный ногайский капитал находился в полном управлении Баязет-бея, ставшего единственным уполномоченным представителем российской власти в среде ногайцев. Не последнее значение имел факт утверждения его главой казацкого войска лично императором Российской империи. В связи с автономностью управления ногайских казачьих формирований он стал единственным посредником интересов ногайцев перед региональными властями. Подобные полномочия давали Баязет-бею широкие возможности для произвола и установления единоличного правления в среде Приазовских ногайцев. Для удержания властных полномочий в своих руках Баязет-бей использовал суровые и репрессивные меры. В своей деятельности он опирался на родовые едисанские общества и ногайское духовенство, традиционно представлявших интересы правящих элит. В подобном положении едисанские общества имели прерогативы при сборе налогов на содержание казаков, а также иных внутренних повинностях, налагаемых на ногайцев. В неравных условиях в ногайских обществах в 1803 г. начались волнения, перетекшие в восстание против власти Баязет-бея [Сергеев 1912: 76-78]. Установить порядок удалось лишь после вступления отрядов донских казаков в ногайские селения. В этой конфронтации региональные власти пошли на поддержку Баязет-бея, что говорит о дальнейшем его правлении после подписания соглашения о примирении всех ногайских орд. Однако утихомирить полностью своих оппонентов Баязет-бей не смог, несмотря на жесткость проводимых им мероприятий. Осенью 1804 г. взаимоотношения внутри ногайских обществ снова обострились. Ногайцы стали массово подавать прошения о выезде за границу. В этой ситуации региональные власти были вынуждены снова вмешаться. В частности, военный губернатор Херсона А.Г. Розенберг направился с инспекцией в ногайские селения. Ревизия выявила множественные факты фальсификаций и обмана главы ногайских казачьих полков, а также отсутствие желания ногайцев нахождения в статусе казаков, что было равнозначно личному подчинению власти Баязет-бея [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 8 об.; Бентковский 1888: 36-38].

Учитывая сложность сложившегося положения, генерал А.Г. Розенберг освободил Баязет-бея от занимаемой должности и выслал за пределы ногайских поселений [Сергеев 1912: 26]. Ногайцев на основе их обращений решили перевести в разряд обычных поселян. Соответствующая записка была направлена на рассмотрение императора [Скальковский 1867: 358-416]. Гражданский губернатор Таврической губернии Д.Б. Мертваго был направлен для инспектирования ногайских селений, чтобы лично убедиться в желании ногайцев во внедряемых изменениях [Бентковский 1888: 38]. Подобный подход центральных властей демонстрирует осторожность в проводимых российской администрацией мерах, направленных на включение ногайцев в состав империи. Контроль за порядком в ногайских ордах возлагался на пристава Ф.И. Тревогина, находившегося под непосредственным контролем Д.Б. Мертваго [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. № 21752: 1033].

Неэффективность работы казачьей экспедиции и методы работы Баязетбея привели к преобразованиям в среде ногайских обществ, направленных на трансформацию их социально-экономической жизни.

Как представляется неудачный опыт создания ногайского казацкого войска в Северном Приазовье в последующие годы повлияет на нежелание центральных властей вводить схожую систему военных формирований на Северном Кавказе, предложенных региональными властями в отношении ногайцев Калаус-Саблинского и Бештово-Кумского приставств в 1836-1837 гг. [Джумагулова 2021: 55].

Следующим важным шагом в интеграции ногайцев Приазовья в общероссийское пространство стало внедрение «Положения для управления обитающих Таврической губернии Мелитопольском уезде ногайцев», утвержденного 13 мая 1805 г. указом императора Александра I «О привидении в исполнение о обращении ногайцев в земледельческое состояние» [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1036]. Так ногайцы были уравнены в своем положении с остальными жителями Таврической губернии. Состояние фактической автономии ногайцев упразднялось, а управление ими переходило в руки гражданской власти. В качестве посредника с целью надзора и попечения в ногайских ордах вводился аппарат приставства [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1039]. Для недопущения в дальнейшем подобных злоупотреблений со стороны ногайской знати приставу предписывалось собирать сведения о размере повинностей, которые несли простые ногайцы в пользу своей знати и духовенства [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1042]. Право выборных должностей от обществ и наличие обычного право для разрешения гражданских вопросов в общественной жизни ногайцев также закреплялось в «Положении…». Рассмотрение уголовных дел передавалось мелитопольскому уездному суду [ПСЗРИ-I. Т. XXVIII. №21752: 1042]. Примечательно, что в отношении ногайцев, проживавших в Кавказской губернии, первые правовое акты, регламентировавшие их права и обязанности, были внедрены лишь в конце первой четверти XIX в. в период административно-правовой деятельности главноуправляющего гражданской частью генерала А.П. Ермолова [Джумагулова 2019: 113-114].

Таким образом, период конца XVIII – начала XIX вв. стал адаптивным в отношениях кочевых ногайских обществ Приазовья и российских властей. Этому этапу были характерны наработки оптимальной формы взаимоотношений, который устраивал бы каждую из сторон. В довольно короткий период центральными властями были опробованы различные пилотные формы отношений с целью вовлечения и удержания ногайцев в имперской системе и верификации возможных форм их административно-правового и критического потенциала адаптации, аккультурации и дальнейшей их унификации.

В 1807 г. ногайским приставом стал капитан И.А. Темрез, а весной 1808 г. на его место был назначен граф Я.Я. Де-Мезон. Новый ногайский пристав видел своей основной целью реализацию задач центральных властей, направленных на трансформацию хозяйственных отраслей и общественного быта ногайцев [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 9 об.]. Де-Мезон с завидным усердием стал изучать особенности языка, обычаев и жизни кочевых обществ [Скальков-

ский 1867: 358-416]. Обосновав в устье реки Обиточной приставскую администрацию, он часто объезжал ногайские аулы, приводя доводы и предлоги необходимости перехода ногайцев в оседлое состояние [Сергеев 1912: 37]. Но так как эти меры не имели успеха, он запретил выдачу паспортов на выезд за границы своих кочевий ногайцам, не имевших постоянных домов [Сергеев 1912: 32]. «1809 года кибитки остановлены, татары (ногайцы – *А.Д.*), незнавшие почти домов, начали строить оные», – отмечает пристав [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 9 об.].

В октябре 1810 г. ногайский пристав Я.Я. Де-Мезон сообщал херсонскому военному губернатору А.Э. Ришелье, что ногайские поселения в числе 67 деревень полностью отстроены и обустроены [Скальковский 1867: 358-416]. Согласно статистическим сведениям, в 67 ногайских деревнях числилось 4043 домов и всего 669 кибиток [Бентковский 1888: 41].

Однако весной 1812 г., объезжая ногайские деревни, пристав Де-Мезон обнаружил, что построенные дома пустуют, а ногайцы продолжают жить в кибитках [Гаджиева 1976: 18]. Это побудило Де-Мезона произвести радикальные изменения в бытовой жизни ногайцев. В июне 1812 г. он организовал сход всех представителей знати, волостных голов, старшин и велел всем сжечь кибитки. Приказ пристава был исполнен [Сергеев 1912: 32]. Примечательно, что подобные решительные меры пристава не вызывали волнений и мятежей в среде ногайцев, в отличии от деятельности Баязет-бея, что демонстрирует тенденцию внедрения российских правовых норм в общественную жизнь ногайцев в первой четверти XIX в.

Деятельность Де-Мезона, по мнению региональных и центральных властей, была направлена на аккультурации диких кочевых обществ [Корнис 1836: 14]. Возможно поэтому он имел экономические и правовые прерогативы в процессе реализации своих мер. К примеру, он активно занимался облагораживанием ногайских селений. В Обиточной был насажен фруктовый сад, насчитывавший 45 000 плодовых и диких деревьев, а также разнообразные кустарники. В дальнейшем содержание сада находилось на попечении ногайцев [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 18 об. - 19; Бентковский 1888: 41-42].

В рассматриваемый период традиционное занятие скотоводством оставалось приоритетным видом деятельности у ногайцев, хотя постепенно оно принимало пастбищно-отгонную форму. Согласно «Табелю имуществ, посевов и урожаев хлеба» ногайцы в 1820 г. владели: лошадьми – 74 671 голов, рогатым скотом – 170 073 голов, овцами – 236 980 голов и верблюдами – 373 голов [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 30 - 31 об.]. Они выращивали пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо, а также арбузы, дыни и разные овощи [11, ф. 846, оп. 16, д. 19066, л. 36]. Об объемах земледелия, можно судить по следующим данным: в 1820 г. из посева пшеницы в 44 059 четвертей ногайцы получили урожай хлеба в 287 048 четвертей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 30 - 31 об.]. Площадь кочевых угодий ногайцев постоянно сокращалась за счет увеличения численности ногайских аулов. Тенденция переселения с Северного Кавказа в район с благоприятными природно-климатическими, социально-экономичес-

ками и политическими условиями сохраняется в первые десятилетия XIX в. [Гизер 2001: 212].

В мерах по обустройству ногайских обществ принимали участие представители всех уровней региональной власти: пристав ногайских орд, таврический губернатор, херсонский военный губернатор [Дмитриев 2019: 9]. Производимые изменения, касавшиеся основ социально-экономического уклада ногайцев, внедрялись постепенно, что говорит о продуманной политике, проводимой местными властями. Развитие земледельческих отраслей носила постепенный характер, и осуществлялась путем наращивания объема посевных земель, что благоприятно влияло на экономику ногайцев [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066. Л. 20-25]. Ногайцы активно торговали на местных базарах и ярмарках, продавая избытки скотоводческих и земледельческих продуктов. Ногайцы выезжали и в крупные города: Евпаторию, Феодосию, Карасубазар, Симферополь, Перекоп [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066. Л. 20-26]. Из производимой торговли они получали до 4 000 000 рублей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 21].

Следует так же отметить, что соседи ногайцев, мениониты и духоборы, нередко обращались к ногайскому приставу и местным властям с жалобами на скотокрадство со стороны ногайских обществ [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 13; Сергеев 1912: 51].

Таким образом, ногайцы в результате внедренных изменений составляли 4 ногайские волости: Ашинскую, Корсакскую, Молочанскую и Кильтичинскую. В 1820 г. в социальной стратификации ногайцев выделялись следующие сословия: 242 человека составляли ногайскую знать, 539 человека попадали в разряд духовенства, 40 732 человек составляли сословия ногайцев, несущие повинности, как в пользу государства, так и в пользу своей знати, из них 22 290 мужчин и 18 442 женщин [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 30 - 31 об.], и 809 человек, находились на льготном положении в обществах, т.е. освобождавшиеся от участия в общей раскладке повинностей (вдовы, сироты и т.д.) [Джумагулова 2019: 180]. Важным изменением в социальных отношениях обществ кочевых ногайцев стало исчезновение класса рабов к концу первой четверти XIX.

Ногайские общества Приазовья несли ряд закреплённых за ними повинностей, в числе которых были содержание приставской администрации, почтовых станций, мостов, дорог, находившихся на ногайских землях, а также частичное содержание войск, локализовавшихся в Таврической губернии, и все прочие натуральные земские повинности [ПСЗРИ-I. Т. XXVI. № 19944: 718] (Рис. 2).

Рис. 2. Ногайский аул. Приазовье. XIX в.[Schlatter 1836: 74]

9 июля 1819 г. ногайский пристав Я.Я. Де-Мезон представил прошение региональным властям о необходимости ликвидации должности пристава в среде ногайцев, признавая, что подопечные ему общества вышли из кочевого состояния и не требуют со стороны администрации особого надзора. Аргументируя свои слова, он писал, что сбор повинностей осуществлялись волостными правлениями, судебные дела рассматривались в мелитопольском нижнем суде, а работа пристава заключалась в отписках по текущим делам [Скальковский 1867: 409]. Новороссийский генерал губернатор граф А.Ф. Ланжерон, ревизируя ногайские поселения в 1820 г. подтвердил слова Де-Мезона [Сергеев 1912: с. 51]. Тем не менее власти не спешили ликвидировать должность пристава, ставшим к этому периоду промежуточным звеном в отношениях власти и обществ кочевых ногайцев. С 1821 по 1823 гг. должность ногайского пристава занимал И. Анищенко, а с 1823 г. – П. Баракторев [Дмитриев 2019: 13].

18 января 1821 г. для укрепления оседлого состояния и развития хозяйственных отраслей ногайцев был учрежден город Ногайск (современный город Приморск) [ПСЗРИ-I. Т. XXXVII. № 28523: 564-566]. Вследствие невыгодного расположения города, находившегося в 4 верстах от моря, заселение производилось очень медленно, несмотря на меры поддержки со стороны местных властей. Так, к примеру, поселившиеся в Ногайске горожане получали налоговый иммунитет от государства в течение 10 лет. Однако и эти меры не увлекали поселенцев. В 1825 г. в городе числилось всего 34 дома с населением 298 человек.

Осенью 1825 г. Ногайск посетил император Александр I, во время инспекционной поездки по Крыму. Он остался довольным обустройством ногайских поселений губернии [Сергеев 1912: 56] (Рис. 3).

Рис. 3. Вид проспекта города Ногайска. Открытка конца XIX в. [Электронный ресурс. URL: https://www.etoretro.ru (дата обращения: 01.09.2022)].

В 1825 г. в Ногайске была учреждена школа для местного населения. Русский язык и арифметику в нем преподавали русские учителя, ногайский язык и арабскую письменность — ногайские муллы. Подобный шаг был призван обеспечить лояльное отношение ногайцев к школе. Однако ногайцы неохотно отдавали детей на обучение, так как строгий режим, суровость учителей и необустроенность квартир были известны во всей округе [Сергеев 1913: 183]. О нарушениях, имевших место в школе, стало известно даже министру внутренних дел Д.Н. Блудову. Расследование подтвердило недопустимые и порой вопиющие для школы нарушения [Сергеев 1913: 184]. Позже для ногайских юношей был открыт государственный пансионат, которым заведовал русский учитель [Сергеев 1912: 57-60].

Согласно сведениям, в рассматриваемый период, в Мелитопольском уезде числилось 81 ногайское селение, 5 925 дворов, 18 209 мужчин, 19 168 женщин. При этом они имели 138 080 голов крупного рогатого скота и 59 667 лошадей [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19067. Л. 136].

Таким образом, в первой трети XIX в. центральными и региональными властями осуществлялись энергичные меры по внедрению оседлых форм жизни кочевым обществам и разрушению традиционного уклада ногайцев. Для до-

стижения этой цели они уделяли внимание административно-правовой и хозяйственно-экономической аккультурации ногайских обществ. Важным направлением их деятельности стала защита ногайцев от злоупотреблений скупщиков. Ногайцы часто становились объектом мошенничества со стороны местных торговцев, скупавших за бесценок их товары. Для прекращения подобных афер все торговые манипуляции было разрешено проводить лишь в селении Обиточной, а затем в Ногайске. Там были расположены весы, построены амбары для хранения зерна, здесь же ногайцам сообщалась примерная стоимость реализуемого товара. Так местные власти пытались оградить ногайцев от притеснений, которые по незнанию поддавались хитростям и обманам торговцев [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 15; Дмитриев 2019: 10].

Примечательно, что в 1820-х гг. местными властями рассматривалась возможность создания из ногайских поселений военных формирований с разделением на четыре полка сообразно традиционному разделению ногайских орд, с созданием соответствующих штабов: Едишкульского, Едисанского и Джембойлукского. Четвертый штаб предполагалось создать из киргизских поселений на Молочных водах. К этому периоду ногайцы локализовались в шести волостях Мелитопольского и двух волостях Днепровского уездов [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 10 об.] (Рис. 4).

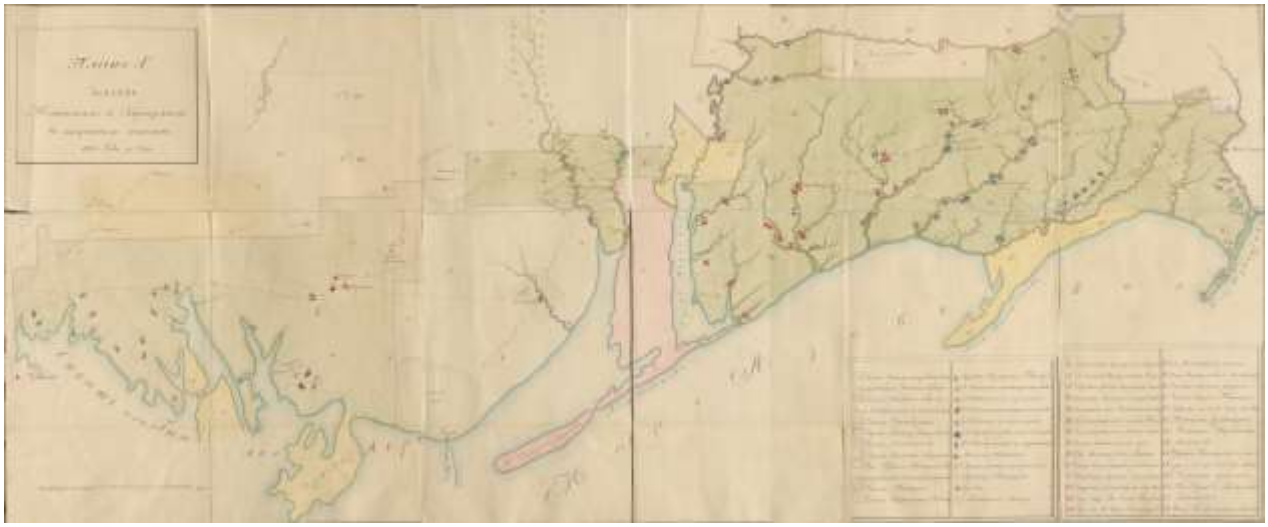

Рис. 4. План землям ногайским и киргизским. 1820 г.
[РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 38]

Перевод ногайцев в военное состояние предполагалось произвести с целью аккультурации, «подчинить их такому правлению, которое бы, согласно с пользою Отечества, занялось их образованием паче же сближением последующих поколений к образованным народам» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 21 об. - 22]. Соответствующее правление, по мнению местных властей, «есть военное поселение» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 22] (Рис. 5). Как представляется, проект не нашел одобрения у центральных властей.

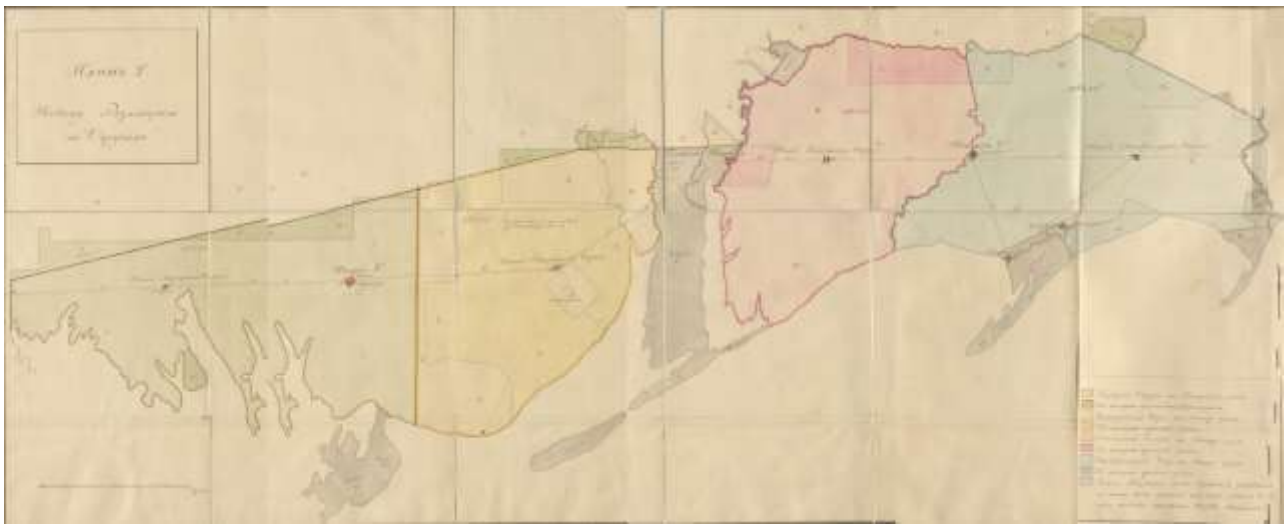

Рис. 5. План новому размещению по округам. 1820 г.
[РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 39]

24 августа 1832 г. были произведены последние адаптивные изменения в процессе инкорпорирования местных ногайских обществ в состав России. Должность пристава была ликвидирована, в городе Ногайске были созданы органы полицейского контроля. В административно-правовых делах ногайцы переходили в ведение мелитопольского нижнего земского суда. Ногайск утратил значение общеадминистративного центра. Руководство пансионатом, ногайским садом, строениями и пристанями перешло в веление полицеймейстера [ПСЗРИ-II. Т. VII. №5579: 567]. В рассматриваемый период ногайские общества составляли 6 волостей: Тогалинскую, Айтамгалинскую, Алшинскую, Единохтенскую, Ногайскую, Джуретскую Мелитопольского и Днепровского уездов [Сергеев 1913: 181]. В 1842 г. в Таврической губернии был образован Бердянский уезд. В новый административный уезд вошел основной костяк ногайских селений [ПСЗРИ-II. Т. XVII. №15193: 3-4]. В последующие годы в системе административно-правовой и социально-экономической этатизации ногайцев происходит ликвидация особенностей самобытной культуры ногайских обществ и вводится общеимперская административная система, характерная для центральных регионов Российской империи [Дмитриев 2019: 6]. Тем не менее, в 1830-1860-е гг. были зафиксированы многочисленные злоупотребления властных структур и местной администрации по отношению к ногайцам [Сергеев 1913:201].

В последующие десятилетия ногайцы Приазовья не требовали специальной опеки со стороны центральных и региональных властей, в виду полной их адаптации к общеимперским реалиям, вплоть до массового переселения ногайцев в Османскую империю в 60-х г. XIX в., что подтверждает мнение о том, что действия властей в процессе седентеризации ногайцев нельзя оценивать однозначно.

Выводы

В процессе перехода кочевых ногайских обществ, проживавших в Приазовье с конца XVIII по 60-е. г. XIX вв., к формам оседлой жизни можно выделить несколько направлений:

1) благоприятные природно-климатические условия. Переход к оседлости и развитие земледелия у ногайцев Приазовья происходило на фоне благоприятных природно-климатических условий. Особенности черноземных почв, доступность водных ресурсов способствовали развитию земледельческих отраслей; богатство и разнообразие сенокосных трав позволили ногайцам безболезненно перейти к пастбищно-отгонной форме скотоводства, не уменьшая количества поголовья скота;

2) роль региональных властей. Большую роль в процессе интеграции ногайских кочевых обществ Приазовья сыграли региональные власти, которые разрабатывали многие законопроекты, получавшие в дальнейшем поддержку центральных властей. Реализация основных мер, направленных на трансформацию жизни кочевников, происходило на местном уровне. Предоставив ногайским обществам защиту в социально-экономической сфере, региональные власти способствовали дальнейшим положительным изменениям традиционного уклада жизни ногайцев;

3) постепенная адаптация кочевых ногайских обществ к общеимперским реалиям, которая предполагала поэтапное изменение общественно-политических институтов. На первом этапе – с 1790 по 1804 гг. – происходила выработка приемлемой системы управления кочевыми обществами. На втором этапе – с 1805 по 1831 гг. – административная система управления ногайцами, была подвергнута изменениям. Институт приставства, созданный в ногайских кочевьях был призван обеспечить дальнейшее сближение ногайских кочевых обществ с общероссийской системой. На третьем этапе – с 1830-х по 1860-е гг. – происходила ликвидация остатков самобытной традиционной (кочевой) жизни ногайцев и окончательная этатизация ногайцев в государственной административно-правовой и социально-экономической системах.

Не смотря на успехи административно-правовой аккультурации ногайцев Приазовья, развития технологий обработки земли и сельского хозяйства, постройку постоянных домов и одноименного города, эти и другие меры центральных и региональных властей не сдержали ногайцев Приазовья от процесса вовлечения в процесс переселения в Османскую империю, одновременно с ногайскими обществами, проживавшими на Северном Кавказе в 50-60-е гг. XIX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас Грибовского 1843 – Карты губерний подведомственных Управлению Первого департамента Государственных Имуществ с приложением кратких статистических ведомостей / Составлены под руководством старшего землемера Грибовского. – Спб.: [б. и.], 1843. – 33 с.

Бентковский 1888 – *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Часть 1. – Ставрополь: Типография Губернаторского Правления, 1888. – 134 с.

Гаджиева 1976 – *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. – М.: Наука, 1976. – 227 с.

Гизер 2001 – *Гизер С.Н.* Турецкий источник по истории буджакских ногайцев // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII-XIX століття. – Запоріжжя: РА «Тандем-У». – Вип.6. 2001. – С. 212-215.

Грибовский 2016 – *Грибовский В.В.* Ногайское казачье войско // Средневековые тюркотатарские государства. –2016. – № 8. – С. 108-129.

Джумагулова 2019 – *Джумагулова А.Т.* Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX вв. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2019. – 248 с.

Джумагулова 2021 – *Джумагулова А.Т.* Ногайцы у Бештовых гор и на Кавказских Минеральных Водах // Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2021. – Вып. 11. – С. 44-67.

Дмитриев 2019 – *Дмитриев В.В.* Ногайцы Северного Приазовья и калмыки Поволжья: сравнительный анализ имперской политики аккультурации в системе управления и хозяйственной деятельности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. – Т. 10. – Выпуск 8 (82). URL: https://history.jes.su/s207987840006010-0-1/ DOI: 10.18254/S207987840006010-0

Дружинина 1970 – *Дружинина Е.И.* Южная Украина в 1800 – 1825 гг. – М.: Наука, 1970. – 388 с.

Калмыков и др. 1988 – *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М.* Ногайцы: Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство Карачаево-Черкесское отделение, 1988. – 232 с.

Корнис 1836 – *Корнис И.* Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. – М. 1836. – Ч. XXXIII. № 9. – С. 3-23; 210-230; 269-297.

ПСЗРИ-I – *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое*. 1649-1825 гг.: В 45 т. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. XVI–XXVIII. 1830.

ПСЗРИ-II – *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе*. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: В 55 т. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. VII, XVII. 1833-1885.

РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив.*

Сергеев 1912 – *Сергеев А.А.* Ногайцы на Молочных водах (1790-1832). Исторический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь: Типография Тавр. Губернск. Земства. – №48. 1912. – С. 1-144.

Сергеев 1913 – *Сергеев А.А.* Уход Таврических Ногайцев в Турцию в 1860 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь: Типография Таврическ. Губерн. Земства. – № 49. – 1913. – С. 178-223.

Скальковский 1867 – *Скальковский А.А.* О ногайских колониях Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии. – Симферополь. – Вып. I. – 1867. – С. 358-416.

Фарфоровский 1909 – *Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. – Тифлис: тип. П.П. Козловского. – Кн. XXVI. – Вып. 7. – 1909. – 34 с.

Pallas 1812 – *Pallas P.S. [Паллас П.С.].* Travels through the southern provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794 in 2 volumes [Путешествия по южным границам Российской империи в 1793-1794 гг.]. — London: Printed for J. Stockdale. –Vol. 1. – 552 p. (на англ. яз.).

Schlatter 1836 – *Schlatter D. [Шлаттер Д.].* Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828: mit besonderer Rücksicht auf die Nogaijen-Tartaren am Asowschen Meere [Фрагменты из некоторых поездок по южной России в 1822-1828 гг.:

особое внимание (уделено) к Ногайским Татарам, проживающим возле Азовского моря]. – St. Gallen & Bern: Huber & Comp. 1836. – 496 p. (на немец. яз.).

REFERENCES

BENTKOVSKII I.V. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoi gubernii. Nogaitsy. Chast' 1* [Historical and statistical review of non-native mohammedans wandering in the Stavropol province. Nogais. Part 1]. – Stavropol': Tipografiya Gubernatorskogo Pravleniya, 1888. – 134 p. (In Russ.).

DMITRIEV V.V. *Nogaitsy Severnogo Priazov'ya i kalmyki Povolzh'ya: sravnitel'nyi analiz imperskoi politiki akkul'turatsii v sisteme upravleniya i khozyaistvennoi deyatel'nosti* [Nogais of the Northern Azov region and Kalmyks of the Volga region: a comparative analysis of the imperial policy of acculturation in the system of management and economic activity] IN: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». – 2019. – Vol. 10. – № 8 (82). URL: https://history.jes.su/s207987840006010-0-1/ DOI: 10.18254/S207987840006010-0 (In Russ.).

DRUZHININA E.I. *Yuzhnaya Ukraina v 1800 – 1825 gg.* [Southern Ukraine in 1800 – 1825] – Moscow: Printing house Nauka, 1970. – 388 p. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. *Nogaitsy u Beshtovykh gor i na Kavkazskikh Mineral'nykh Vodakh* [Nogais near the Besht Mountains and in the Caucasian Mineral Waters] IN: Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnykh trudov. Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2021. – Vol. 11. – P. 44-67. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. *Nogaitsy Severnogo Kavkaza, Kryma i Severnogo Prichernomor'ya v sotsial'no-politicheskikh i ekonomicheskikh kolliziyakh XVIII – 60-kh gg. XIX vv.* [Nogais of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black Sea region in the socio-political and economic conflicts of the XVIII-60s of the XIX centuries]. – Pyatigorsk: RIA-KMV, 2019. – 248 p. (In Russ.).

FARFOROVSKII S.V. *Nogaitsy Stavropol'skoi gubernii. Istoriko-etnograficheskii ocherk.* [Nogais of the Stavropol province. Historical and ethnographic essay] IN Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. – Tiflis: Printing house P.P. Kozlovskogo. Vol. XXVI, release 7. 1909. – 34 p. (In Russ.).

GADZHIEVA S.Sh. *Material'naya kul'tura nogaitsev v XIX - nachale XX vv.* [The material culture of the Nogais in the XIX - early XX centuries]. – Moscow: Printing house Nauka, 1976. – 227 p. (In Russ.).

GIZER S.N. *Turetskii istochnik po istorii budzhakskikh nogaitsev* [Turkish source on the history of the Budjak Nogais] IN: Zapiski naukovo-doslidnoï laboratoriï istoriï Pivdennoï Ukraïni Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu: Pivdenna Ukraïna XVIII-XIX stolittya. – Zaporizhzhya: Printing house RA «Tandem-U». – Vol. 6. 2001. – P. 212-215. (In Russ.).

GRIBOVSKII V.V. *Nogaiskoe kazach'e voisko* [Nogai Cossack Army] IN: Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva [Medieval Turkic-Tatar states]. –2016. – № 8. P. 108-129. (In Russ.).

KALMYKOV I.KH., KEREITOV R.KH., SIKALIEV A.I.-M. *Nogaitsy: istoriko-etnograficheskii ocherk* [Nogais: a historical and ethnographic essay]. – Cherkessk. Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1988. – 232 p. (In Russ.).

Karty gubernii podvedomstvennykh Upravleniyu Pervogo departamenta Gosudarstvennykh Imushchestv s prilozheniem kratkikh statisticheskikh vedomostei [Maps of provinces subordinated to the Department of the First Department of State Property with the appendix of brief statistical statements] / Sostavleny pod rukovodstvom starshego zemlemera Gribovskogo. – St. Petersburg: [b. i.], 1843. – 33 p. (In Russ.).

KORNIS I. *Kratkii obzor polozheniya nogaiskikh tatar, vodvorennykh v Melitopol'skom uezde Tavricheskoi gubernii* [A brief overview of the situation of the Nogai Tatars settled in the Melitopol district of the Tauride province] IN: Teleskop. – Moscow: 1836. – Vol. XXXIII. №9. – P. 3-23; 210-230; 269-297. (In Russ.).

PALLAS P.S. Travels through the southern provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794 in 2 volumes. — London: Printed for J. Stockdale. –Vol. 1. – 552 p. (In English).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe [The complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting]. 1649-1825 gg.: V 45 t. — Saint-Petersburg: Printing house II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. XVI – XXVIII. 1830. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe [The complete collection of laws of the Russian Empire. The Second Meeting]. 12 dekabrya 1825 — 28 fevralya 1881 gg.: V 55 t. — Saint-Petersburg: Printing house II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. VII, XVII. 1833-1885. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

SCHLATTER D. Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828: mit besonderer Rücksicht auf die Nogaijen-Tartaren am Asowschen Meere [Fragments from some trips to southern Russia in the years 1822 to 1828: with special regard to the Nogaijen Tartars on the Azov Sea]. – St. Gallen, Bern: Huber & Comp. 1836. – 496 p. (In German).

SERGEEV A.A. *Nogaitsy na Molochnykh vodakh (1790-1832). Istoricheskii ocherk* [Nogais on Milk waters (1790-1832). Historical essay] IN: Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. – Simferopol': Printing house of the Tauride Gubernsk Zemstvo. – № 48. 1912. – P. 1-144. (In Russ.).

SERGEEV A.A. *Ukhod Tavricheskikh Nogaitsev v Turtsiyu v 1860 g.* [Departure of the tauride nogais to Turkey in 1860] IN: Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. – № 49. – Simferopol': Printing house of the Tauride Gubernsk Zemstvo, 1913. – P. 178-223. (In Russ.).

SKAL'KOVSKII A.A. O nogaiskikh koloniyakh Tavricheskoi gubernii [About Nogai colonies of the Tauride province] IN: Pamyatnaya knizhka Tavricheskoi gubernii. – Simferopol'. – Vol. 1. 1867. – P.358-416. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Т. Джумагулова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.T. Dzhumagulova – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 12.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 26.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 12.10.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94(=460.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-53-68
EDN: DFDZUO

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА Г.А. ЕМАНУЕЛЯ НА КАВКАЗЕ (1826–1831)

Аскер Владиславович Хаширов
Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия, asker-hashirov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9789-7728

Аннотация. В статье исследованы военно-политические и административно-хозяйственные аспекты деятельности генерала Г.А. Емануеля в должности командующего войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальника Кавказской области. Показан его вклад в урегулирование межэтнических взаимоотношений на Центральном Кавказе. Г.А. Емануель предпочитал применять вместо военно-карательных методов дипломатические, благодаря чему нескольких этносов добровольно вошли в состав Российской империи. Но при этом против черкесов Западного Кавказа по его указанию были проведены военные карательные экспедиции. Деятельность Г.А. Емануеля оказала значительное влияние на положение народов Центрального Кавказа: он организовал приведение в подданство Российской империи некоторых народов и наладил их политико-административную интеграцию в состав Российской империи. В процессе административной практики он организовал и провел первую военно-научную экспедицию к Эльбрусу в 1829 г. Сделан вывод о том, что действия Г.А. Емануеля, в целом, были направлены на интеграцию народов Кавказа с Российской империей более цивилизованными мерами, чем у тех, кто занимал эту должность до и после него.

Ключевые слова: Г.А. Емануель, военно-административные аспекты деятельности, Кавказская область, Северный Кавказ, Эльбрусская военно-научная экспедиция 1829 г., Кабарда, Балкария, Карачай

Для цитирования: Хаширов А.В. Военно-политическая и административно-хозяйственная деятельность генерала Г.А. Емануеля на Кавказе (1826–1831) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 53-68. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-53-68. – EDN: DFDZUO.

© Хаширов А.В., 2022

Original article

MILITARY, POLITICAL, ADMINISTRATIVE AND ECONOMIC ACTIVITIES OF GENERAL G.A. EMANUEL IN THE CAUCASUS (1826–1831)

Asker V. Khashirov
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, askerhashirov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9789-7728

Abstract. The article handles the military-political and administrative-economic activity aspects of General G.A. Emanuel as commander of the troops on the Caucasian line, in the Black Sea and Astrakhan, head of the Caucasian region. His contribution to the settlement of interethnic relations in the Central Caucasus is indicated. G.A. Emanuel preferred to use diplomatic methods instead of military punitive methods, whereby several ethnic groups voluntarily became part of the Russian Empire. But, against the Circassians of the Western Caucasus on his instructions, military punitive expeditions were conducted. Activities of G.A. Emanuel had a significant impact on the situation of Central Caucasus peoples: he organized the bringing of some peoples into the citizenship of the Russian Empire and established their political and administrative integration into the Russian Empire. In the process of administrative practice, he organized and conducted the first military scientific expedition to Elbrus in 1829. It can be concluded that the actions of G.A. Emanuel were aimed at integrating the peoples of the Caucasus with the Russian Empire in more civilized ways than those who held this position before and after him.

Keywords: G.A. Emanuel, military-administrative aspects of activity, Caucasian region, North Caucasus, Elbrus military-scientific expedition of 1829, Kabarda, Balkaria, Karachay

For citation: Khashirov A.V. Military, political, administrative and economic activities of general G.A. Emanuel in the Caucasus (1826–1831). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 53-68. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-53-68. – EDN: DFDZUO.

© Khashirov A.V., 2022

Введение

Актуальность темы. Кроме некоторых специалистов, занимающихся исследованиями истории Кавказа, деятельность Г.А. Емануеля в настоящее время мало знакома широкому кругу людей, хотя современникам он был хорошо известен по его участию в войне с войсками Наполеона. В период командования войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальника Кавказской области с 23 сентября (5 октября) 1826 по 8 (20) октября 1831 гг. генерал успел совершить несколько значимых дел для региона. Благодаря его действиям, в состав Российской империи вошли несколько этносов Центрального Кавказа, большей частью – добровольно. Курорты Кавказских минеральных вод получили большое развитие. По ходатайству Г.А. Емануеля, для дальнейшей интеграции народов Кавказа с Российской империей, в состав Собственного Его Императорского Величества Конвой включили горский полувзвод. Была организована военно-научная экспедиция к подножию Эльбруса в 1829 г. Наконец, в начале июня 1829 г. генерал принимал внука хана Персии Хозрев-Мирзу в качестве иранского посланника в Санкт-Петербург с целью урегулировать русско-иранские отношения после убийства Грибоедова.

Важно отметить, что этот период правления Г.А. Емануеля, характеризуется насыщенными вышеперечисленными и другими историческими событиями, раскрытыми на данный момент не полностью, и представляет интерес для исследования, особенно его военно-политическая деятельность.

Цель статьи – анализ военных и административных аспектов деятельности генерала Г.А. Емануеля в должности командующего войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальника Кавказской области (1826–1831 гг.).

Источниковая база исследования. Основными источниками для подготовки настоящей работы послужили: документы, изданные в VII томе «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» [АКАК 1878: 862–881]; материалы переписки, извлеченные из фондов и коллекций Военно-ученого архива (ВУА. Ф. 846) и фонда 13454 (Штаб войск Кавказской Линии и в Черномории расположенных) Российского государственного военно-исторического архива; отчет Адольфа Яковлевича Купфера из фонда 32 Санкт-Петербургского филиала архива РАН; Государственного архива Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 1.; документы фонда 16 (Управление Центра Кавказской линии) Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

В ходе исследования были использованы представленные в переводах И.А. Гориславского и И.В. Кравченко с французского языка воспоминания венгерского путешественника Жана-Шарля де Беша (Бессе) [Гориславский и др. 2007: 29–52].

Описания основных аспектов деятельности Г.А. Емануеля содержатся в работах авторов царской России: князя Н.Б. Голицына [Жизнеописание… 1851], В.А. Потто [Потто 1994], В.И. Томкеева [Томкеев 1898–1899], С. Филонова [Филонов 1894], В. Толстова [Толстов 1900], историка Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербины [Щербина 1913], Н.А. Волконского [Волконский 1869]; советского периода – Н.А. Смирнова [Смирнов 1963]. Авторы использовали в своих работах первоисточники, которые представляют научный интерес.

Состояние разработанности темы. В современной историографии также исследуются различные аспекты деятельности Г.А. Емануеля на должности командующего войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальника Кавказской области [Клычников 2002; Скрипник 2015]. До недавнего времени исследование военного аспекта действий царской армии на Кавказе в изучаемый период было нежелательным из-за нежелания признавать военные преступления, совершенные ими на государственном уровне [Кумыков 2001: 3], и в основном рассматривались вопросы административной политики Г.А. Емануеля. Более полно было исследовано вхождение Карачая в состав Российской империи, военные и карательные экспедиции на Западном Кавказе практически не освещались. Указывалась деятельность Г.А. Емануеля по обустройству курортов Кавказских Минеральных Вод [Пархоменко 2014; Красноутская, Красноутский 2015]. Т.А. Колосовская в своей работе [Колосовская 2016] рассматривала военно-научную экспедицию 1829 г. Во вступительной статье Г.Г. Лисицыной и В.М. Файбисовича к переизданной работе Н.Б. Голицына «Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля» [Голицын 2004: 10–67] представлена наиболее полная биография Г.А. Емануеля. В исследовательской работе А.В. Хаширова [Хаширов 2019] наиболее полно раскрыта причина, подготовка и проведение военно-научной экспедиции к Эльбрусу в 1829 г., впервые введены в научный оборот некоторые документы из Военно-ученого архива [РГВИА (ВУА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014].

В дальнейшем есть необходимость продолжить исследование военных действий на Кавказе в период командования генерала Г.А. Емануеля в должно-

сти командующего войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальника Кавказской области.

Военно-политическая деятельность Г.А. Емануеля

Меры по укреплению правого фланга Кавказской линии. Г.А. Емануель после назначения на должность командующего войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальника Кавказской области прибыл в Ставрополь 22 сентября 1826 г. Уже в октябре 1826 г., опасаясь обострения ситуации на правом фланге Кавказской линии (Закубанье), он провел рекогносцировку и усилил войсками опасные, на его взгляд, пункты. Но черкесские лидеры, несмотря на призывы агентов османского правительства, не предприняли наступательных действий против царской армии. Политика, проводимая ими, подтверждает их независимость от османского правительства. Г.А. Емануель писал, что черкесы Западного Кавказа не считали себя подданными Османской империи [Филонов 1894: 315]. Он осознавал необходимость укрепления не только существующих фортов и редутов Кавказской линии, но и создания новых на важных направлениях в целях дальнейшего покорения черкесов. В марте 1828 г. он предложил начальнику Главного штаба графу И.И. Дибичу разработанный проект сооружения второй дополнительной линии и увеличения числа войск за счет казаков. Но его план был отложен в связи с намечавшейся войной с Османской империей.

25 июня 1828 г. Г.А. Емануелю было присвоено звание генерала от кавалерии.

Отношение Г.А. Емануеля к вопросу о наделении кабардинских князей и дворян статусом российских дворян. Вызывают интерес отзывы и замечания генерала, указанные в двух отношениях начальника Главного штаба генерал-адъютанта, графа Дибича к Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом, главноуправляющему гражданской частью в Грузии, Астраханской губернии и Кавказской области генералу Паскевичу относительно ходатайств кабардинских князей, переданных ему в 1827 г. в Грузии [АКАК 1878: 863-871].

В первом пункте они объясняли, что российское правительство не признает их в соответствии с теми титулами и сословиями, которые у них исторически сложились, и весь кабардинский народ *«терпит угнетение»* [АКАК 1878: 864].

На что генерал Емануель отвечал:

«Права князей Кабардинских, до введения Русского начальства в Кабарде, действительно состояли в неограниченной власти над простым народом, основанной на собственной их воле…» [АКАК 1878: 865].

Г.А. Емануель прямо признавал независимость кабардинских князей и, соответственно, Кабарды до ее покорения и пытался даже выступить в роли некого защитника простого народа. Но необходимо учитывать, что, будучи убежденным монархистом, он поддерживал крепостное право в самой России, но был против угнетения, по его выражению, «черни» кабардинскими князьями исключительно в интересах ослабления их власти [АКАК 1878: 865]. При этом сам по себе факт освобождения подневольных, несомненно, положительный.

Имперская политика того времени предполагала, что бессрочным правом владения зависимыми людьми в Российской империи могут обладать только русские дворяне. Областной совет Кавказской области 18 февраля 1828 г. принял положение, в котором определил для каждого *«ясыря или холопа»*, находящегося «у туземца», определенный срок службы, после чего он подлежал освобождению [АКАК 1878: 933-935]. Отчетливо прослеживается цель предоставления свободы этой категории зависимых людей – перевод их в сословие казенных, чтобы они своей трудовой повинностью и налогами приносили пользу государству. Кроме того, это ослабляло влияние не русских дворян.

Важно указать следующее: Генерал Г.А. Емануель предлагал сохранить и приравнять к правам российского дворянства кабардинских князей и дворян (уорков) 1-й и 2-й степени при условии, что они поступят на российскую воинскую или гражданскую службу. Это способствовало бы сближению их с российскими законами и, что более важно, лишило бы полной власти над народом [АКАК 1878: 864].

Аналогичного мнения придерживался генерал Г.А. Емануель и в вопросе о сохранении у кабардинцев мусульманской религии. Он отмечал, что кабардинские князья в сговоре с местным духовенством имеют большое влияние на простой народ, и необходимо ослабить их власть [АКАК 1878: 865].

Приведение в подданство Российской империи некоторых народов Северного Кавказа в 1827-1828 гг. После начала военной колонизации Российской империей Центрального Кавказа нарушились сложившиеся взаимоотношения народов региона и положение его гегемона – Кабарды [Века совместной истории… 2017: 253].

В сложившейся ситуации относительно немногочисленные этносы стремились избавиться от даннической зависимости от кабардинских князей, но такое оказалось возможно только после окончательного покорения Кабарды. Российская администрация на Кавказе удовлетворила просьбы представителей некоторых этносов о принятии в подданство Российской империи [Муратова 2017: 9]. Тем более, что на начальном этапе от них требовалась только покорность Российскому Императору и они освобождались от выплат налогов. Это, в свою очередь, ослабляло потенциал кабардинского дворянства – силы, которая еще могла оказывать сопротивление военной колонизации края.

Г.А. Емануель, будучи приверженцем дипломатических средств, стремился к приведению в подданство России кавказских народов мирными методами. На его имя подали прошение и приняли присягу на верность императору Николаю I горские общества Кабарды: дигорское, балкарское, чегемское, безенгийское, хуламское, урусбиевское, а также тагаурцы, карабулаки, некоторая часть чеченцев и гумбетовцев [Голицын 2004: 229]. Российская администрация края переселяла предгорные селения кабардинцев, чтобы горские общества не попали вновь в определенную зависимость от кабардинских князей [АКАК 1878: 872]. Указом от 2 октября 1827 г. Император Николай I присвоил Г.А. Емануелю орден св. Александра Невского.

Политическая ситуация на Кавказе обострилась к лету 1828 г. Османская империя активно агитировала местные народы к неповиновению на захвачен-

ных Российской империей землях. Но, несмотря на это, по донесению Г.А. Емануеля, Кабарда сохранила спокойствие, как и другие народы, давшие присягу на верность Его Императорскому Величеству [Шамиль – ставленник… 1953: 4].

Лидеры Карачая, находившиеся в определенной зависимости от кабардинских князей до 1825 г. [АКАК 1878: 872], после покорения Кабарды присягнули Анапскому паше в 1826 г. [АКАК 1878: 875]. В конце декабря 1827 г. Г.А. Емануель докладывал рапортом генералу И.Ф. Паскевичу о своей переписке с *«Анапским пашой насчет карачаевского народа»*, где предлагал *«устроить в верху Кубани укрепления и несколько постов»* для *«прекращения вредных сообщений и связи закубанцев с горскими народами»* [АКАК 1878: 875].

На это генерал И.Ф. Паскевич отвечал:

> *«Иное дело грозить мелким владетелям нескольких аулов, иное начальнику, поставленному от дружественной нам державы. Первые много если разграбить несколько дворов в одной станице, тогда как другой, часто получая от нас неудовольствия, способен возбудить к явному разрыву государство свое с нашим и как ни сильно Российское оружие, безвременный разрыв с Турциею при нынешней войне был бы гибелен для здешняго края»* [АКАК 1878: 876].

Таким образом, генерала И.Ф. Паскевича останавливала именно боязнь преждевременного начала войны между Российской и Османской империями. В апреле 1828 г. Россия объявила войну Турции, и появилась возможность для осуществления давнего плана генерала Г.А. Емануеля – покорения Карачая и блокирования путей сообщения закубанских народов с сопредельными жителями. 20 октября (1 ноября по новому стилю), в 7 часов утра войска выдвинулись с двух направлений. В течение 12 часов шел бой, завершившийся к вечеру. Соотношение сил было не в пользу карачаевцев. К вечеру сопротивление было подавлено, а на следующий день войска выдвинулись к селению Карт-Джурт (наиболее важного из трех селений карачаевцев на то время). 22 октября (3 ноября) 1828 г. от лица всего карачаевского народа было подано прошение о принятии в подданство Российской империи [Голицын 2004: 243-244].

Эльбрусская военно-научная экспедиция 1829 г. В целях разведки местности генерал Г.А. Емануель решил провести военное обозрение в предгорьях Эльбруса. Еще в конце декабря 1828 г. он докладывал Начальнику Генерального штаба И.И. Дибичу о своем *«намерении обозреть самые ближайшие окрестности Эльбруса, как и Кинжал Гору на Малке»* и просил прислать *«чиновников по сей части сведущих, как то минерологи и тому подобные»* [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 6].

Информация дошла до императора Николая I. В состав экспедиции были включены академик Российской Академии наук, физик А.Я. Купфер, адъюнкт Российской Академии наук Э.Х. Ленц, адъюнкт Дерптского университета К. Мейер, хранитель зоологического кабинета Академии Э. Менетрие. К ним был прикомандирован представитель Луганского литейного завода Г.Г. Вансович.

До нашего времени дошло несколько сведений от непосредственных участников событий. Одно из них – отчет академика Адольфа Яковлевича Купфера [Kupffer 1830; СПб. ФА РАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63, 65, 66, 68].

В этом источнике указано, что целью экспедиции было исследование местности и сбор сведений о полезных ископаемых. Отдельно для ученых ставилась задача измерения высот, зоологические и ботанические изыскания:

«генерал хотел еще привлечь внимание Европы, обратившись к Академии, дабы пригласить ее употребить с пользой для наук оказию, впервые предоставлявшуюся и более в скором будущем невозможную» [Гориславский и др. 2007: 3–5].

Ценные сведения встречаются и в работе еще одного участника экспедиции – венгерского журналиста и путешественника Ж.-Ш. де Беша (Бессе) [Хаширов 2019: 288-417].

Вся переписка, связанная с подготовкой и проведением экспедиции к Эльбрусу, была собрана в отдельное «Дело № 85 о предполагаемой генералом от кавалерии Эмануелем экспедиции в 1829 г. для обозрения ближайших окрестностей горы Эльбруса и Кинжал горы, изобилующей свинцом, и назначение для сей экспедиции горных чиновников» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014].

Помимо исследования местности, было совершено успешное восхождение на гору Эльбрус. Планировалось измерение ее высоты, и Г.А. Эмануель обещал денежное вознаграждение тому, кто первый взойдет на вершину. На восхождение отправилось несколько человек, включая ученых, но 10 (22) июля 1829 г. цели достиг только кабардинец Килар Хаширов [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 44 об.].

По возвращении экспедиции 21 июля (2 августа) 1829 г. Г.А. Эмануель в рапорте № 174 от 22 июля (3 августа) сообщил Управляющему Главным Штабом генералу А.И. Чернышеву о результатах: были разведаны залежи угля, свинцовой руды, точильный сланец, мел, алебастр. Он приводил сведения и о восхождении на Эльбрус Килара Хаширова [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 37–40].

В связи с напряженными политическими отношениями Российской империи с Великобританией и некоторыми другими странами эта экспедиция была воспринята в Европе скептически и не получила должной оценки [Hereford 1865: 5]. Но сведения из воспоминаний непосредственных ее участников достаточно точно подтверждают факт первовосхождения Килара Хаширова в 1829 г. [Хаширов 2019: 6-15].

Деятельность Г.А. Емануеля по покорению Западной Черкесии. Крупномасштабной военной операцией генерала Г.А. Емануеля стал поход в Западную Черкесию, организованный *«как для приведения их в покорность, так и для наказания за разорение Незлобного»* [Голицын 2004: 245–246]. Для этого были сформированы три колонны. Одна колонна истребила селение кабардинского владетеля Аджи-Гирея из сословной группы «хануко» – потомков крымских ханов, воспитанных и ассимилированных в черкесской среде. Вторая колонна направилась к истоку реки Уруп к селениям так называемых беглых кабардинцев князя Хамурзина (из рода Кайтукиных). Необходимо пояснить, что так

называемые «беглые кабардинцы» – это кабардинцы, которые отказались принять подданство Российской империи, переселились за Кубань и продолжали вести борьбу за независимость. Заметив приближение войск, жители заблаговременно покинули селения. Третья колонна под командованием генерала Н.Н. Антропова выдвинулась к верховьям реки Чамлык к селениям беглых кабардинцев и беслееневцев (жители Бесленеевского княжества). При ней находился и генерал Г.А. Емануель. Ближайшее селение было оставлено его жителями, войсками было захвачено 250 голов рогатого скота.

Владельцы и старшины беслееневцев на правом берегу реки Хабы вышли навстречу войскам и приняли присягу на подданство Российской империи, в залог предоставили аманатов (почетные заложники). Также поступили и бесленеевцы, проживавшие на правом берегу Лабы.

Далее колонна царских войск перешла реку Ходзь и выдвинулась к истоку реки Готхешуко, к селениям бесленеевского князя Атейка Конокова. Там к ней присоединилась еще одна воинская часть, пришедшая также от Лабы вверх по реке Ходзь. Князь Атейк также был приведен к присяге. Затем 23 ноября обе колонны выдвинулись к истокам реки Псефир, где проживали абадзехи. Они согласились принять присягу на верноподданство, но отказались возвратить пленных, а также выдать аманатов. Генерал Г.А. Емануель приказал сжечь их селения.

Таким образом, убедив некоторых черкесских лидеров принять присягу на подданство Российской империи и истребив ряд селений, Г.А. Емануель завершил поход [Голицын 2004: 245–248].

Следует отметить, что с самого начала военных действий царских войск на Кавказе военные преступления, такие как уничтожение населенных пунктов и мародерство, называемое «барантой», только поощрялось офицерами:

«*Думаю, что в три дня похода мы сожгли аулов семьдесят, впрочем, преимущественно небольших, так что совокупное их население едва ли превосходило тысяч пять душ. Для солдата это была потеха, особенно любопытная в том отношении, что, неохотно забирая пленных, если таковые и попадались, они со страстным увлечением ловили баранов, рогатый скот и даже кур. Этот захват покинутого горцами или отбитого у них имущества был приведен в систему. Куры могли становиться частного собственностью поймавших их; но быки и бараны делались общим достоянием отряда и шли в раздел между всеми участвовавшими в набеге*» [Венюков 1880: 419].

Подобное мародерство, указанное выше, поощрялось некоторыми высшими офицерами с начала т. н. Кавказской войны [Гордин 2002: 28]. Казаки также захватывали скот и истребляли имущество черкесов [Щербина 1913: 827-828].

Генерал Г.А. Емануель вначале стремился добиваться результатов без применения военной силы. Если же методы переговоров не приносили результатов, он беспрекословно выполнял указания руководства и безжалостно истреблял черкесские селения и их жителей. В этом он видел исполнение своего воинского долга. Так, в 1828 г. он приказал войсковому атаману «препятствовать уборке хлеба в тех аулах, которые не дадут аманатов» [Щербина 1913: 250]. Наказной атаман Черноморского Войска генерал-майор А.Д. Бескровный просил санкции сжигать хлеб и истреблять тех, кто не выдает аманатов. Гене-

рал Г.А. Эмануель долго не давал такого приказа и только 21 июня дал согласие [Щербина 1913: 250].

Но уже в ноябре 1828 г. начальник Главного штаба И.И. Дибич писал, что император Николай I повелел:

«по всей линии с горцами обходились наши самым приязненным образом, отклонять все то, что могло бы их раздражать или оскорблять, снабжать на меновых дворах необходимою для них солью за умеренную цену и принимать товары их собственные в настоящей цене, одним словом, стараться всеми мерами приласкать их и привязать к нам узами дружбы и собственной их выгоды, в залог же верности их обещаний, по-прежнему, непременно брать от них аманатов. На сем основании не оставьте дать строжайшее секретное предписание по всей линии, а особливо начальнику Черноморских казаков» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Дело 730. Л. 1–2].

В 1829 г. завершилась Русско-турецкая война. В соответствии с Адрианопольским мирным договором (Ст. 4) между Российской и Османской империями к первой переходило восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая (южнее Поти) [Торнау 2012: 5]. Но проблема состояла в том, что черкесы не считали себя и де-факто не являлись подданными Османской Турции, в связи с чем отказывались признавать передачу их страны Российской империи [Торнау 2012: 6]. Офицер царской армии Ф.Ф. Торнау, находившийся в Западной Черкесии в 1830-х гг., в своей работе отмечал, что черкесы никогда не повиновались турецкому султану [Торнау 2012: 6]. Он был для них неким духовным лидером, но не владетелем. Турки вели торговлю с черкесами в нескольких портах на побережье Западного Кавказа, но никогда не имели городов и селений в глубине этой территории. Недоумение горцев было искренним:

«Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить» [Торнау 2012: 5–6].

На основании Адрианопольского трактата царское правительство развернуло деятельность по установлению военно-административного правления в Западной Черкесии. Борьба черкесов за свою независимость объявлялась бандитизмом и жестко подавлялась военными методами.

Во время развернувшихся между сторонами военных действий, в январе 1830 г. шапсугский отряд (более 500 чел.) совершил нападение на Черноморскую линию (ряд укреплений по правому берегу реки Кубань от Черного моря до впадения в нее реки Лаба, построенных на прежних землях черкесов). Против шапсугов было сформировано два карательных отряда. Перейдя Кубань, они вступили в бой с отрядом шапсугов. По сведениям Н.Б. Голицына, их численность составляла около 10000 человек [Голицын 2004: 271]. Необходимо отметить, что почти все очевидцы и участники военных событий рассматриваемой эпохи, как правило, значительно завышали численность черкесских воинов. Делалось это офицерами для получения наград и поощрений. На самом деле черкесы действовали небольшими мобильными группами. После упорного боя шапсуги отступи-

ли. Царские войска захватили скот и сожгли несколько селений. Далее, преследуя противника, войска под командованием Г.А. Емануеля уничтожили еще несколько населенных пунктов. Голицын в своей работе отметил следующее:

«семейства их и скот угнаны в горы; истребление аулов, со всем им принадлежащим хлебом и сеном, было должным возмездием за хищничество. Но при этом случае генерал Эммануэль удостоверился, что из всех горских народов шапсуги суть самые отчаянные, самые воинственные, отличные наездники и имеют большую природную сметливость в военном деле» [Голицын 2004: 271].

В это же время Генерал И.Ф. Паскевич получил указание от Николая I использовать 14 и 20 пехотную дивизии, участвовавшие в Персидской и Турецкой войнах, для карательных действий против западных черкесов [Голицын 2004: 272]. В результате было сожжено множество селений беглых кабардинцев, абадзехов и шапсугов. Подчиняясь силе, часть их приняла подданство Российской империи.

Учитывая рост сопротивления черкесских лидеров, российское военное командование на Кавказе решило перейти к насильственному насаждению новой политико-административной системы. Генерал Ф.А. Бекович-Черкасский 17 сентября 1830 г. представил проект генералу И.Ф. Паскевичу. В нем главными средствами достижения цели предлагались карательные действия и экономическая блокада. Генерал И.Ф. Паскевич поддержал это предложение: *«одна военная сила должна быть принята за первоначальное основание при укрощении племен кавказских и, в особенности, закубанцев»* [Блиев 2004: 641].

Воодушевленный предыдущими победами генерал И.Ф. Паскевич организовал и возглавил очередную карательную экспедицию против шапсугов. Но шапсуги заранее сами сожгли свои селения, а семьи увели в горы. Победа получилась неубедительной.

В 1831 г., помимо борьбы Западной Черкесии за независимость, набирало популярность движение мюридов в Дагестане и Чечне под руководством Кази-Мулы. Карательные экспедиции генерала И.Ф. Паскевича в земли шапсугов и абадзехов подталкивали к усилению сопротивления жителей Западной Черкесии, Чечни и Дагестана. В конце июня 1831 г. в результате боя с отрядом Кази-Мулы генерал Г.А. Емануель получил ранение в грудь на вылет. От полного разгрома царские войска спасло подкрепление, прибывшее на выручку.

Из-за полученной раны генерал Г.А. Емануель 12 августа 1831 г. ушел в отставку.

Административно-хозяйственная деятельность Г.А. Емануеля

Начальник Кавказской области уделял значительное внимание и административно-хозяйственным вопросам. В соответствии с сохранившимися документами Общего управления Кавказской области и Кавказского областного правления, Г.А. Емануель стремился обеспечить безопасность российских поселян, проверял деятельность и состояние присутственных мест, несение службы гражданских чиновников, благоустройство городов и селений [Голицын

2004: 52-53]. Он поощрял развитие промышленности, торговли и сельского хозяйства. Ему также пришлось принимать чрезвычайные меры в борьбе с эпидемией холеры.

По распоряжению Г.А. Емануеля в Ставрополе приводились в порядок проезжая часть, тротуары и очищались дворы. Ответственно он отнесся и к состоянию почтовой дороги, пролегавшей через Ставрополь в Грузию. Состояние ее было плохим, но меньше, чем через год после его прибытия на Кавказ дорога была приведена в надлежащее состояние. Начальник Главного штаба И.И. Дибич, проезжая с указом об увольнении генерала Ермолова и назначении вместо него генерала Паскевича, велел передать Г.А. Емануелю благодарность за состояние дороги [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 375. Л. 2–3].

Г.А. Емануель ходатайствовал о формировании лейб-гвардии Кавказско-горского взвода (преобразован 30.04(12.05).1830 в полуэскадрон), и приказом от 1(13).05.1828 г. он был включен в состав Собственного Его Императорского Величества конвой. Цель этого действия состояла в сближении черкесов с Российской империей:

«должны быть преимущественно из тех, кои пользуются у единоплеменников особенным уважением, доказали преданность свою к русскому правительству и следовательно по возвращению из Петербурга могли бы действовать на умы единоплеменников своих в видах русского правительства» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 90. Т. 1. Л. 87].

Генерал Г.А. Емануель прилагал усилия к развитию лесоводства – рассадке молодых деревьев во вновь образующихся селениях и тех, где их было мало. В рапорте на имя генерала Паскевича от 14 мая 1827 г. № 4387 он докладывал, что благодаря опытной рассадке скорорастущих деревьев, а именно вербовых кольев, раиновых и шелюговых прутьев весной и семян осенью в нескольких населенных пунктах получен был положительный результат по приживаемости ростков [АКАК 1878: 929–930]. Уже в предписании графа Паскевича генералу от кавалерии Г.А. Емануелю от 30 ноября 1830 г. № 3680 указано, что ему следует издать распоряжение о посадке тополевых и других видов деревьев в станицах и селениях. Важность этого заключалась в том, что в то время приготовление пищи и отопление производились дровами или кизяком, в связи с чем значение деревьев было очень велико [АКАК 1878: 943].

Особое внимание Г.А. Емануель уделял развитию кавказских минеральных вод. В 1829 г. А.С. Пушкин посетил курорты и в тексте «Путешествия в Арзум» написал:

«Из Георгиевска я заехал на Горячие воды. Здесь нашел я большую перемену: В мое время ванны находились в лачужках наскоро построенных. Источники, большею частию в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания полиции; Везде порядок, чистота, красивость» [Пушкин 1937–1949: 447].

Среди других нововведений Г.А. Емануеля в Кавказской области можно также отметить основание сберегательных касс, под чьим попечительством находились больницы, дома сирот, а также некоторые тюремные учреждения. Были построены казенные аптеки по области [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 333.], что существенно помогло во время эпидемии холеры в 1830–1831 гг.

Важное значение генерал Г.А. Емануель отводил роли торговли купцов и крестьян с представителями местных народов. На ярмарках и рынках обменивались и продавались продовольствие и товары собственного производства, что сближало народы. Г.А. Емануель считал, что необходимо разрешить

«*всякого состояния людям отпускать к ним товары, на собственное их употребление нужные, и вывозить из гор сюда их произведения без пошлины, потому что такая свобода торговли не может вредить нашей промышленности и потому, что у горцев нет ни фабрик, ни заводов и произведения их не имеют ценности, а товары, нужные им из России, суть потребность простого народа*» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 730. Л. 3].

Эта мера удерживала горцев от набегов и грабежей.

Следует также отметить, что благодаря ходатайству генерала Г.А. Емануеля крепость Константиногорская и поселок Горячие Воды Указом от 29 апреля 1830 г. были переименованы в город Пятигорск. Новые постройки в Пятигорске, Кисловодске и Железноводске были спроектированы архитектором Иосифом (Джузеппе) Бернардацци, которому оказывал поддержку Г.А. Емануель.

В феврале 1829 г. по указанию Г.А. Емануеля была создана аманатская школа в Нальчике, *«чтобы находящиеся от разных горских народов в залог покорности их аманаты занимались по мере письменным учением, как на турецком, равно и на русском языках»* [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 4. Т. 2. Л. 234 об.]. Преподавателем школы был назначен Ш.Б. Ногмов, его помощником – писарь. Просуществовала школа недолго. После отъезда Ш.Б. Ногмова в г. Петербург весной 1830 г. она прекратила свою работу.

Заключение

Генерал Г.А. Емануель в должности командующего войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальника Кавказской области (1826–1831 гг.) в деятельности по налаживанию отношений с народами Северного Кавказа применял как мирные – дипломатические, так и военно-карательные меры (истребление непокорных). При этом он отдавал предпочтение первому методу. Путем переговоров в состав Российской империи вошли несколько обществ и народностей. В результате покорения Карачая не было уничтожено ни одного дома. Но в отношении черкесов Западного Кавказа были применены карательные меры воздействия, которые не способствовали нормализации взаимоотношений Российской администрации на Кавказской линии с горцами. При этом Г.А. Емануель выделял боевые качества и смекалку противника.

Одним из важных результатов его деятельности является организация первой военно-научной экспедиции к Эльбрусу в 1829 г., для участия в которой были привлечены как ученые из Российской Академии наук, так и представите-

ли северокавказских народов. Генерал Емануель содействовал сближению народов Северного Кавказа с Российской империей, с чем связано было его ходатайство о формировании лейб-гвардии Кавказско-горского взвода. Административно-хозяйственные мероприятия, проводимые Г.А. Емануелем, такие, как благоустройство минеральных источников, организация ярмарок и торговых мест с привлечением к торговле представителей северокавказских народов, также способствовали развитию региона и вовлечению народов региона в интеграционные процессы Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АКАК 1878 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. VII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. – 1011 с.

Блиев 2004 – *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 878с.

Века совместной истории… 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Венюков 1880 – *Венюков М.И.* Кавказские воспоминания // Русский архив. – М. – Книга 1. – 1880. – С. 400-448.

Волконский 1886 – *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. – Т. X. – Тифлис: Типография Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1886. – С. 78-81.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Голицын 2004 – *Голицын Н.Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля / соч. кн. Н.Б. Голицыным; [вступ. ст. и коммент. Г.Г. Лисицыной и В. М. Файбисовича]. – М.: Собрание, 2004. – 459 с.

Гордин 2002 – *Гордин Я.А.* Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. – 552 с.

Гориславский и др. 2007 – *Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В.* Первовосхождения на Эльбрус: Лето 1829 года, зима 1934 года. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 170 с.

Жизнеописание… 1851 – Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля / Соч. кн. Н.Б. Голицыным. – СПб.: тип. Н. Греча, 1851. – 196 с.

Колосовская 2016 – *Колосовская Т.А.* Из истории военно-разведывательного изучения Северного Кавказа (по материалам Эльбрусской экспедиции генерала Г.А. Емануеля 1829 г.) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 47-52.

Красноутская, Красноутский 2015 – *Красноутская Л.И., Красноутский В.С.* Роль генерала Г.А. Емануеля в формировании первого города-курорта на Северном Кавказе (1826-1831) // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 12. – С.167-175.

Кумыков 2001 – *Кумыков Т.Х.* Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20—70-е годы XIX века): Сборник архивных документов // Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Т. Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 496 с.

Муратова 2017 – *Муратова Е.Г.* От сближения к интеграции: Балкария и Российское государство в XVII-XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2017. – № 3 (34). – 146 с.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т. – Т. 5: Время Паскевича или бунт Чечни. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 400 с.

Пушкин 1937–1949 – *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум. // Полное собрание сочинений. Тм. 1–16. АН СССР. М.–Л.: издательство Академии Наук СССР, 1937–1949. Т. VIII. С. 447.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. «Дело № 85 О предполагаемой генералом от кавалерии Эмануелем экспедиции в 1829 году для обозрения ближайших окрестностей горы Эльбруса и Кинжал горы, изобилующей свинцом, и назначение для сей экспедиции горных чиновников». Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014.

Скрипник 2015 – *Скрипник А.В*. Из истории военных экспедиций генерала Г.А. Емануеля на Кавказе // Россия, Северный Кавказ, Европа: проблемы истории общества и государства. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – С. 323-328.

Торнау 2012 – *Торнау Ф.Ф*. Воспоминания кавказского офицера 1835-1838 года //Часть 1-2.– Москва: Книга по требованию, 2012. – 288 с.

Филонов 1894 – *Филонов С*. Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. – Т. 15. – Тифлис: Типография Канцелярии главнонач. гражд. частью на Кавказе. , 1894. – 576 с.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хаширов 2019 – *Хаширов А.В*. Первовосходитель на Эльбрус: факты и вымысел. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. – 708 с.

Шамиль – ставленник… 1953 – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сб. документов и материалов. – Тбилиси: Госиздат ГССР, 1953. – 560 с.

Щербина 1913 – *Щербина Ф.А*. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами: с военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы. – Екатеринодар: Типография Товарищества Печатного и Издательского дела под фирмою «ПЕЧАТНИК», 1913. – 848 с.

Kupffer 1830 – *Kupffer A.* Voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le Caucase, entrepris par l'ordre de Sa Majeste l'Empereur en 1829: Rapport fait a l'Academie Imp. des Sciences de St.-Petersbourg. – St.-Ptb.: imp. Acad. Sci. St.-Ptb., 1830. – II. – 126 p.

Hereford 1865 – Херфорд D.B. Mout Elbrouz, And the attempted Ascent of it by a Russian Expedition. Read before the Alpine Club, May 2, 1865. – Landon: Alpine Journal, 1865. – 136 p.

REFERENCES

Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]: v 12 t. T. VII. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravlenija Namestnika Kavkazskogo, 1878. – 1011 s. (In Russ.).

BLIEV M.M. *Rossia I gorcy Bolshogo Kavkaza. Na puti k civilizacii* [Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. On the way to civilization.]. — M.: Мысль, 2004. — 878с.

Veka sovmestnoj istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossijskom civilizacionnom processe (1557-1917 gg.) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557-1917)]. – Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. – 544 s. (In Russ.).

VENJUKOV M.I. *Kavkazskie vospominanija* [Caucasian memories]. IN: Russkij arhiv. – M. – Kniga 1. – 1880. – S. 400-448. (In Russ.).

VOLKONSKY N.A. *Voyna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 g. v sviazi s muridizmom* [War in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834 in connection with Muridism] // Cavkazskij sbornik. – T. X. – Tiflis: Tipografia Okrugnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1886. – S. 78-81. (In Russ.).

Gosudarstvenny arhiv Stavropolskogo kraya [State archive of the Stavropol Region].

GOLITSIN N.B. *Gizneopisanie generala ot kavalerii Uemanyelia / soch. kn. Golitsinim* [Biography of the General of the Cavalry Emmanuel / op. book. N.B. Golitsyn; intro. Art. and comment. G.G. Lisitsyna and V. M. Faibisovich]. – M.: Sobranie, 2004. – 459 s. (In Russ.).

GORDIN Y. A. *Kavkazckaya voina: istoki I nachalo. 1770-1820 gody. Seriya: Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoy voyni XIX veka* [Caucasian war: origins and beginning. 1770-1820

years. Series: Memoirs of participants in the Caucasian War of the 19th century]. – SPb.: Izdatelstvo gurnala «Zvezda» , 2002. – 552 p.

GORISLAVSKY I.A., ZYUZIN S.A., KHAHSIROV A.V. *Pervovoshogdenya na Uelbrus: leto1829, goda zima 1934 goda* [First ascents of Elbrus: Summer 1829, winter 1934]. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovih, 2007. – 170 s. (In Russ.).

Gizneopisanie generala ot kavalerii Emanyelia/ soch. kn. Golitsinim [Biography of the cavalry general Emanuel / Op. book. N.B. Golitsyn]. – St. Petersburg: typ. N. Grecha, 1851. – 196 s. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. *Iz istorii voenno-razvedyvatelnogo izuchenia Severnogo Kavkaza (po materialam Uelbrysskoy uekspeditsii generala Emanyelia 1829 g.)* [From the history of the military intelligence study of the North Caucasus (based on the materials of the Elbrus expedition of General G.A. Emanuel in 1829)] // Gymanitarnue i uridicheskie issledovania. – 2016. – No. 1. – S. 47-52. (In Russ.).

KRASNOYTSKAYA L.I., KRASNOYTSKY V.S. *Rol generalaG.A/ Emanyelia v formirovanii pervogo goroda-kurorta na Severnom Kavkaze (1826-1831)* [The role of General G.A. Emanuel in the formation of the first resort city in the North Caucasus (1826-1831)]// Socialno-gymanitarnye znania. – 2015. – No. 12. – S.167-175. (In Russ.).

KUMIKOV T.H. *Problemi Kavkazskoy voiny i viseleniye cherkesov v predely Osmanskoy imperii (20—70-e gody XIX veka)* [Problems of the Caucasian War and the Deportation of Circassians to the Ottoman Empire (20-70s of the 19th century)]: Sbornik arhivnyh dokumentov // Viyavlenie materialov, arheograficheskaya obrabotka, vstupitelnaya statiya, redakciya i kommentarii zaslugennogo deyatelia nauki Rossiyskoi Federacii professor T.H Kumikova. – Nalchik: Elbrus, 2001. – 496 p.

MURATOVA E.G. *Ot sbligenua k integracii: Balkaria i Rossiyskoe gosudarstvo v XVII-XIX vv.* [From Rapprochement to Integration: Balkaria and the Russian State in the 17th-19th Centuries] // Vestnik Kabardino-Balkarskogo Instituta gumanitarnyh issledovaniy. – 2017. – No. 3 (34). – S. 7-11. (In Russ.).

POTTO V.A. *Kavkazskaya voyna: v 5 tom. – T.5: Vremia Paskevicha ili bunt Chechni* [Caucasian War: In 5 vols. – Vol. 5: The time of Paskevich or the rebellion of Chechnya]. – Stavropol: Kavkazskiy kray, 1994, – 400 s. (In Russ.).

PUSHKIN A.S. *Puteshestvie v Arzrum* [Journey to Arzrum] // Polnoe sobranie sochineniy. Tm. 1–16. AN SSSR. M.-L.: izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1937–1949. – T. VIII. – S. 447. (In Russ.).

Rossiyskyi gosudarstvennyi voenno-istoricheskiy arhiv. Delo № 85 «O predpolagaemoy generalom ot kavalerii Uemanuelem uekspedicii v 1829 godu dlya obozrenya bligayshih okrestnostey gory Uelbrusa i kingal gory? Izobiluytchey svincom? I naznacheniy dlya sey uekspeficii gornyh chinovnikov [Russian State Military Historical Archive. Case No. 85 «On the expedition proposed by the cavalry general Emanuel in 1829 to survey the immediate environs of Mount Elbrus and Dagger Mountain, abundant in lead, and the appointment of mountain officials for this expedition»] – F. 846. – Op. 16. – D. 1014.

SKRIPNIK A.V. *Iz istorii voennyh uekspediciy generala G.A. Emanuelya na Kavkaze* [From the history of military expeditions of General G.A. Emanuel in the Caucasus] // Rossia, Severny Kavkas, Evropa: problemy istoriy obschestva i gosudarstva. – Pyatigorsk: PSLU, 2015. – S. 323-328. (In Russ.).

TORNAU F.F. *Vospominaniya kavkazskogo oficera 1835-1838 goda* [Memoirs of a Caucasian officer of 1835-1838] // Chast 1-2.– Moskva: Kniga po trebovaniy. 2012. – 288 s. (In Russ.).

FILONOV S. *Kavkazskaya liniya pod upravleniem generala Emanuelia* [The Caucasian line under the control of General Emanuel] // Kavkazskiy sbornik. – T. 15. – Tiflis: Tipografia Kanceliarii glavnonach. gragd. chastity na Kavkaze, 1894. – S. 327-450. (In Russ.).

Upravlenie centralnogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoy slygby Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service].

KHASHIROV A.V. *Pervovoshoditel na Uelbrus: fakty i vymysel* [Pioneer on Elbrus: facts and fiction]. – Nalchik: izdatelskaya tipografiya Print Center, 2019. – 708 s. (In Russ.).

Shamil – stavlennik sultanskoy Turcii i angliyskih kolonizatorov. Sb. Dokumentov i materialov [Shamil is a protege of the Sultan's Turkey and the British colonizers Sat. documents and materials]. – Tbilisi: Gosizdat GSSR, 1953. – 560 s. (In Russ.).

SHCHERBINA F.A. *Istoriya Kubanskogo kazachyego voyska. V 2.t. T 2: Istoriya voyny kazakov s zakubanskimi gorcami: s voenno-istoricheskoy kartoy Kubanskoy oblasty za vremya s 1800 po 1860 gody* [History of the Kuban Cossack army. In 2 vols. Vol. 2: The history of the war of the Cossacks with the Trans-Kuban highlanders: with a military-historical map of the Kuban region for the period from 1800 to 1860]. – Yekaterinodar: Tipografia Tovarichestva Pechatnogo b I izdatelskogo dela pod firmoy «PECHATNIK», 1913. – 848 s. (In Russ.).

KUPFFER A. Voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le Caucase, entrepris par l'ordre de Sa Majeste l'Empereur en 1829: Rapport fait a l'Academie Imp. des Sciences de St. Petersburg. – St.-Ptb.: imp. Acad. sci. St.-Ptb., 1830. – II. – 126 p. (In Franc..).

ХЕРФОРД D.B. Mout Elbrouz, And the attempted Ascent of it by a Russian Expedition. Read before the Alpine Club, May 2, 1865. – Landon: Alpine Journal, 1865. – 136 p. . (In Ingl.).

Информация об авторе
А.В. Хаширов – аспирант.
Information about the author
A.V. Khashirov – graduate student.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022 г.; одобрена после рецензирования 16.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 16.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94 (470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-69-87
EDN: EKRGKJ

«ВОЛЬНЫЕ КАБАРДИНЦЫ» В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ И ОСМАНО-ЧЕРКЕССКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ НА ОСНОВЕ РОССИЙСКИХ И ОСМАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Асланбек Султанович Мирзоев[1], **Мехмет-Риза Кемал Чанак**[2]
[1] Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (АбИГИ АНА), Сухум, Республика Абхазия, marzeibach@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5056-6788
[2] Анкара, Турция, gskank@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль и значение Хаджретской Кабарды в истории национально-освободительного движения черкесского народа в период Кавказской войны. Хаджреты, обладая эффективной военной организацией, проявляя высокую военную активность в данном субрегионе Северо-Западного Кавказа на протяжении нескольких десятилетий имели среди закубанских народов не пропорциональное своей численности влияние. Российская империя предпринимала все меры для нейтрализации этого фактора, а Османская империя использовала его в своих геополитических интересах. Лидеры кабардинских хаджретов, хорошо осведомленные о бюрократическом устройстве Османской империи, находились в постоянном контакте с Оттоманской Портой. На основе российских и османских источников раскрываются новые аспекты османо-черкесских взаимоотношений, уточняются хронологические рамки начала переселения черкесов в Турцию. Дореволюционная российская и современная историография относят начало переселенческого процесса к 1858 г. Документы османского архива, впервые опубликованные в статье, свидетельствуют, что этот процесс имел место уже в 1835 г. Также они позволяют выявить среди переселенцев новую категорию лиц – беженцев, которую следует отличать от других, позднее появившихся категорий, – эмигрантов и перемещенных лиц.

Ключевые слова: Хаджретская Кабарда, Кавказская война, Магомет Аш Атажукин, беженцы, эмигранты, перемещенные лица

Для цитирования: Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К. «Вольные кабардинцы» в контексте русско-турецких и османо-черкесских отношений первой половины XIX столетия на основе российских и османских источников // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 69-87. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-69-87. – EDN: EKRGKJ.

Благодарности: Документы из Османского архива предоставлены выпускником исторического факультета университета Анкары Мехмет-Ризой Чанак. Перевод текстов документов на русский язык осуществлен Шамилем Сасык, выпускником кафедры русского языка и литературы университета Анкары.

© Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К., 2022

Original article

"FREE KABARDIANS" IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-TURKISH AND OTTOMA-CIRCASSIANC RELATIONS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY BASED ON RUSSIAN AND OTTOMAN SOURCES

Aslanbek S. Mirzoev[1], **Mekhmet-Riza K. Zhanak**[2]

[1] Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after DI. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia (AbIGI ANA), Sukhum, Republic of Abkhazia, st. Aidgy-lara, 44, marzeibach@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5056-6788

[2] Ankara, Turkey, gskank@gmail.com

Abstract. The article discusses the role and significance of Khadzhret Kabarda in the history of the national liberation movement of the Circassian people during the Caucasian War. The Khajrets, having an effective military organization, showing high military activity in this sub-region of the North-Western Caucasus for several decades, had an influence disproportionate to their numbers among the peoples beyond the Kuban. The Russian Empire took all measures to neutralize this factor, and the Ottoman Empire used it in its geopolitical interests. The leaders of the Kabardian Khajrets, well aware of the bureaucratic structure of the Ottoman Empire, were in constant contact with the Ottoman Porte. Based on Russian and Ottoman sources, new aspects of Ottoman-Circassian relations are revealed, the chronological framework for the beginning of the resettlement of Circassians to Turkey is specified. Pre-revolutionary Russian and modern historiography attribute the beginning of the resettlement process to 1858. Documents from the Ottoman archives, first published in the article, indicate that this process took place as early as 1835. They also make it possible to identify among the migrants a new category of persons – refugees, which should be distinguished from other categories that appeared later – emigrants and displaced persons.

Key words: Hadjret Kabarda, Caucasian War, Mohammed Ash Atazhukin, refugees, emigrants, displaced persons.

For citation: Mirzoev A.S., Zhanak M.-R.K. "Free Kabardian's" in the context of Russian Turkish and Ottoma-Circassianc relations in the first half of the 19th century based on russian and ottoman sources. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 69-87. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-69-87. – EDN: EKRGKJ.

Thanks: Documents from the Ottoman archives were provided by Mehmet-Riza Chanak, a graduate of the Faculty of History of the University of Ankara. The texts of the documents were translated into Russian by Shamil Sasyk, a graduate of the Department of Russian Language and Literature of Ankara University.

© Mirzoev A.S., Zhanak M.-R.K., 2022

В истории национально-освободительного движения черкесского народа в период Кавказской войны важное место занимало антиколониальное сопротивление кабардинских переселенцев, образовавших в районе Восточного Закубанья политию, известную как Хаджретская Кабарда. Организаторами переселения и военно-политическими лидерами хаджретов[1] выступали кабардинские князья.

История Хаджретской Кабарды достаточно полно отражена в российских источниках, известных отечественным исследователям. В меньшей степени это

[1] Авт.: Хаджретами кабардинцы называли своих соотечественников, переселившихся за Кубань после окончательного установления контроля российской военной администрации в Кабарде в 1822 г. В российских документах они получили название «беглых» или «вольных» кабардинцев.

касается турецких источников. В этом отношении представляют интерес сведения из фондов Османского архива. Эти документы открывают новые аспекты османо-черкесских взаимоотношений, истории переселения черкесов с Кавказа в пределы Османской империи, его хронологических параметров, роли и политического влияния кабардинского князя Магомет Аш Атажукина в среде хаджретов Закубанья.

Истории формирования Хаджретской Кабарды и ее участия в общенациональном черкесском сопротивлении посвящены работы В.Х. Кажарова [Кажаров 1994], Т.Х. Алоева [Алоев 2017] и С.Х. Хотко [Хотко 2015]. Личность Магомет Аш Атажукина как одного из лидеров Хаджретской Кабарды стала предметом отдельного исследования в ряде статей [Дыгъужь 1998; Алоев 2019; Мирзоев, Чанак 2022].

Кабардинское население в Восточном Закубанье сформировалось в период с 1799 по 1825 гг. в результате переселения всех недовольных установлением в Кабарде военно-политического и административного контроля Российской империи. Хаджретская Кабарда представляла собой автономную по отношению к другим черкесским обществам Западного Кавказа политию со своим избираемым лидером (валием), судом (мегкеме), с сохранением традиционного социально-политического устройства. Ее военно-политическое влияние в Восточном Закубанье было значительным [Алоев 2017: 19].

Согласно Кучук-Кайнаджирскому мирному договору 1774 г., Кабарда фактически признавалась турецкой стороной составной частью Российской империи. Земли за р. Кубань до Черноморского побережья считались владениями Османской империи. Данное положение сохранялось вплоть до 1829 г., до заключения Адрианопольского мирного договора.

Кабардинцы рассматривались как российские подданные, но те из них, кто переселился за Кубань, не признавая этого подданства, развернули активную деятельность по вовлечению проживающих здесь народов в антиколониальное военное сопротивление России. «Беглые» кабардинцы стали причиной взаимных претензий османских и российских чиновников и военных, отразившихся в дипломатической переписке.

Со стороны России предпринимались меры военного и дипломатического характера, направленные на нейтрализацию этого фактора. Турция же старалась использовать его в своих интересах для того, чтобы сохранить свое влияние и не допустить проникновения России в этот регион.

Османское правительство было информировано о роли и значении кабардинских хаджретов в Закубанье, постоянно контактировало с их лидерами через анапского пашу. Российские источники отмечали:

> «…князья, бежавшие от нас за Кубань, вместе со своими подвластными, находили радушный прием среди закубанских племен и покровительство анапского паши. За ними очевидно ухаживали, как за людьми, которые давали туркам лишние шансы к борьбе против русских» [Утверждение 1904: 65].

В делегации, посылаемые в Стамбул от лица черкесов Западного Кавказа, обязательно включались представители кабардинских хаджретов. Так, в 1825 г.

в составе делегации во главе с Бесленей Абатом, были два кабардинских хаджрета [Утверждение 1904: 404].

Отдельным пунктом претензий России к Турции и черкесам Северо-Западного Кавказа было требование изгнания со своей территории российских подданных, «преступников беглых кабардинцев». Карательные экспедиции российских войск против закубанских черкесов официально обосновывались необходимостью наказания их за предоставление убежища «беглым» кабардинцам.

Так, например, на письмо анапского паши в 1823 г. командующий войсками Кавказской линии генерал А.А. Вельяминов отвечал:

«Вы обвиняете здешнее начальство в неприязненных действиях против закубанцев,… забыв, что сами закубанцы тому причиной. Не у закубанских ли народов нашли себе убежище беглые кабардинцы, единственно хищническими свойствами отличающиеся?» [Утверждение 1904: 135].

Одновременно с этим он писал и владетельному темиргоевскому князю Мисосту Айтекову:

«С прискорбием услышал я, что на землях ваших поселились некоторые из беглых кабардинцев.… спешу предварить вас, что люди сии будут причиною разорения владений ваших, если вы не заставите их удалиться из оных. Войска наши будут везде отыскивать их, и тот народ, между коим найдутся кабардинцы, потерпит наравне с ними…» [Утверждение 1904: 136].

В это же время генерал А.П. Ермолов писал коменданту Анапы:

«Не скрою от вашего высокостепенства, что не перестану всячески преследовать изменников великого моего государя, укрывающихся за Кубанью кабардинцев. Вы не обвините меня, если буду наказывать и тех, кои будут давать им у себя убежище и пособия» [Утверждение 1904: 174].

Этот фактор особенно актуализировался во время обострения российско-османских отношений, завершившегося, в конечном итоге, очередной русско-турецкой войной 1828–1829 гг. Российские источники в связи с этим отмечали:

«С конца 1821 года, когда между Турцией и Россией возникли несогласия по поводу греческого вопроса, дела на Кубани значительно обострились, и мелкие набеги стали принимать характер уже открытых вторжений. Турецкая пропаганда на Кавказе приняла весьма опасный характер, а занятие Кабарды русскими войсками дало еще больший толчок этому движению. Турция не могла не понимать, что покорение Кабарды есть первый шаг к покорению Черкесии, а в ее планы не входило уступать России обладание страной, богатой и дарами природы и воинственным населением, выставлявшим превосходнейшую легкую конницу. Мы уже видели, с каким радушием и даже почетом принимал анапский паша всех бежавших от нас кабардинских князей и селил их на Урупе,… в ближайшем соседстве от наших границ. Оскорбленные в своем достоинстве, гордые, отважные князья эти пылали мщением к России и охотно становились во главе всякого военного предприятия, принимая на себя предводительство партиями. Напрасно генерал Сталь принимал все меры, чтобы ослабить влияние

кабардинских князей на закубанцев. Как только осенью 1822 года у нас приступили в Кабарде к постройке укреплений, и беглые князья убедились, что им не разорвать железного круга, опоясавшего их земли, - они направили свои удары на более слабую кубанскую линию…» [Утверждение 1904: 101–102].

То, что покорение Кабарды есть первый шаг к покорению Черкесии, понимали не только турки, но и сами черкесы. Именно поэтому черкесы Закубанья приняли активное участие в судьбе кабардинцев и поддержали их в антиколониальном сопротивлении империи. В период первого этапа борьбы Кабарды за независимость (1763–1779 гг.), в частности, во время так называемой «Семимесячной войны» 1779 г., кабардинские князья активно привлекали военные ресурсы бесленеевцев, темиргоевцев и других закубанских черкесов в ходе военной кампании, направленной на уничтожение Азово-Моздокской кордонной линии.

В российской дореволюционной историографии появление первых поселений «беглых» кабардинцев за Кубанью отнесено к началу XIX в. В многотомной истории «Утверждение русского владычества на Кавказе» сообщается:

«До 1804 года они жили в Кабарде, но когда там вспыхнул мятеж, то часть князей и дворянства со своими подвластными, не желая подчиниться нашей власти бежала в Закубанский край, под покровительство турецкого султана и поселились на вершине Урупа и по р.р. Марухе и Аксауту. Лишившись своих земель в Большой Кабарде, они питали к нам чувства самой нескрываемой ненависти и как тонкие дипломаты старались своими интригами возбуждать всюду против русских закубанских горцев. Многие из князей и дворян, проникнув еще далее в горы и поселившись между абадзехами, стояли всегда во главе всех предприятий и набегов закубанцев на линию» [Утверждение 1904: 84].

В современной историографии начало этого процесса относят к концу XVIII в. и связывают с зарождением шариатского движения в Кабарде [Кажаров 1994: 281–306].

Первый период миграции (1799–1803) связан с именем князя Адильгирея Атажукина – военно-политического лидера и религиозного реформатора. Вместе с ним переселились его единомышленники-дворяне с подвластным крестьянским населением. Переселенцы обосновались на р. Малый Зеленчук, и в 1802 г., по сведениям П.Г. Буткова, при Адильгирее Атажукине постоянно находилось 200 вооруженных сторонников [Бутков 2001: 178, 278]. Миграционные процессы в этот период осуществлялись в относительно мирных условиях и затрагивали сравнительно небольшую часть кабардинцев [Алоев 2017: 5–6].

Увеличение потока кабардинских переселенцев в последующие годы было связано с вторжениями в Кабарду российских войск на всем протяжении первой четверти XIX в. (экспедиции под командованием И.П. Дельпоццо, П.Д. Цицианова, Г.И. Глазенапа, С.А. Булгакова, Ю.П. Коцырева, А.П. Ермолова). Жесткие военно-административные меры А.П. Ермолова – командира Отдельного Кавказского корпуса – повлекли усиление противостояния кабардинцев и российской администрации. В результате военных экспедиций и устройства укреплений, блокировавших Кабарду от Закубанья, она была окончательно за-

воевана [Мирзоев 2021:75–76]. Около 20 тысяч кабардинцев, не приемлющих российского контроля, к 1822 г. ушло в Закубанье. В 1825 г. при поддержке закубанских черкесов лидеры «беглых» кабардинцев провели операцию по переселению еще нескольких тысяч своих соотечественников. К началу 30-х гг. XIX в. за Кубанью осело не менее 25 тысяч «беглых» кабардинцев [Бейтуганов 1993: 90].

Территория по рекам Уруп, Зеленчук, Лаба, где обосновались «вольные кабардинцы», стала плацдармом, откуда осуществлялись военные операции черкесской кавалерии против Кубанской кордонной линии. «Беглые» кабардинцы были не только участниками этих совместных с абадзехами, бесленеевцами, темиргоевцами акций, но и их руководителями [Алоев 2017: 7–9]. Командующий войсками Правого фланга Кавказской линии генерал-майор Н.Н. Антропов в 1828 г. составил характеристику закубанских народов: «Первенствующий народ есть абазехи, за ними следуют бесленеевцы, потом нагайцы по левому берегу Кубани жительствующие, потом темиргойцы, за ними беглые кабардинцы, но сии последние между всеми ими более всех пользуются уважением и влиянием своим на образ мыслей их в отношении предприятия против русских» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 73. Л. 1–7 об.].

Как отмечает в своей статье С.Х. Хотко, кабардинские переселенцы формировали наиболее опытные и стойкие отряды черкесского сопротивления [Хотко 2015: 9].

Значимым итогом стратегического продвижения России в Восточном Закубанье стало основание Зеленчукской укрепленной линии в 1829 г., направленной, в первую очередь, на достижение военного и административного контроля над районами расселения кабардинцев [Хотко 2015: 9]. После перенесения кордонной линии на р. Лабу (1839 г.) часть хаджретов переселилась на земли абадзехов, где они сохраняли свое самоуправление. Позднее, с продвижением кордонной линии вглубь черкесских земель, они перенесли свои поселения за р. Белую. Это были принципиальные сторонники политической свободы и бескомпромиссные противники имперских порядков. С середины 30-х гг. их лидером стал князь Магомет Аш Атажукин. Часть кабардинцев, вынужденно перешедших под контроль российской администрации, получила разрешение сохранить свои поселения на Урупе, Зеленчуке, Теберде и Хасауте.

В 1830 г., по сведениям российского генерального штаба, военный потенциал Хаджретской Кабарды оценивался всего в 300 всадников [РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 104]. Тем не менее, до самого окончания Кавказской войны российское военное начальство считало их опасными противниками, обладавшими высокими боевыми качествами, организованностью и значительным влиянием среди народов Закубанья [Алоев 2017: 25; Военно-статистическое 1851: 114; Бесленей 2009: 370; Кумыков 1994: 9]. Этому способствовало сохранение среди хаджретов строгой феодальной иерархии с ее принципами дворянской чести и верного служения своим сюзеренам [Мирзоев, Чанак 2022: 49].

Поворотным, ключевым событием в судьбе кабардинских хаджретов и всех черкесов Западного Кавказа стало подписание Адрианопольского трактата 1829 г. между Турцией и Россией.

До 1829 г. река Кубань считалась границей между двумя империями, и де-юре территория как Восточного Закубанья, так и всего Северо-Западного Кавказа, находилась под протекторатом Османской империи. Де-факто черкесы были независимы от обеих империй.

Несмотря на османский протекторат, Черкесия до 1829 г. не раз подвергалась массированным вторжениям российских войск, сопровождавшимся уничтожением населения и всей системы жизнеобеспечения [Хотко 2015: 9]. Со стороны Российской империи действия военных представлялись как репрессалии – ответные акции в наказание на нападения закубанцев[1] на кордонную линию. На протесты османских чиновников о нарушении границ российские генералы отвечали: в связи с тем, что Турция не контролирует своих «подданных» черкесов, России приходится самой наказывать их. Согласно Ясскому договору 1791 г., все закубанские народы были признаны находящимися под покровительством Турции. Порта обязалась не допускать черкесские набеги за Кубань. В противном случае Турция должна сама наказывать своих «подданных» и по заявлению русских пограничных властей возмещать материальный урон и возвращать русских пленных [Утверждение 1904: 261]. Такие же обязательства брала на себя и Россия. Были прецеденты, когда российская сторона по требованию Турции возмещала убытки черкесам, нанесенные им набегами российской регулярной армии и кубанских казаков. Это положение сохранилось и после окончания очередной русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и заключения в 1812 г. Бухарестского мирного договора. Согласно этим договоренностям «…все черкесские племена, обитавшие по ту сторону Кубани, остались под владычеством Турции, и… на анапского пашу возложена была обязанность удерживать их от набегов в русские пределы» [Утверждение 1904: 92].

Таково было положение де-юре, в действительности же анапский паша не обладал властью и ресурсами, чтобы контролировать черкесов. Тем не менее, хотя Порта никогда не контролировала черкесов, она всегда стремилась использовать военный потенциал Черкесии в целях отвлечения сил России от военного театра очередной русско-турецкой войны. Такие войны вспыхивали регулярно, и в такое время Турция проявляла особую заинтересованность в активизации военных действий на Северо-Западном Кавказе.

Так было и накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Российские источники в связи с этим отмечали:

> «Турция,… готовясь к войне с Россией… сообразила каким богатым для нее контингентом послужат воинственные черкесы, если власть ее над ними будет не номинальная, как было доселе, но действительная, абсолютная, какую признавали все другие подвластные ей мусульманские народы. К утверждению этой власти она и начинает стремиться в эпоху греческого вопроса. Случай к этому не замедлил представиться: в Константинополь прибыла черкесская депутация из почтеннейших представителей народа, имея во главе… Бесленей Абата. Депутация эта просила у турок защиты от русских.… Порта с радостью ухватилась за этот случай и тотчас назначила в Анапу трапезондскаго пашу сераскира Хаджи-Гассан-Чечен-оглы с такими полномочиями, каких до него никто не имел» [Утверждение 1904: 433].

[1] Закубанцами в русских источниках обозначались все народы, проживавшие за р. Кубань до побережья Черного моря. Прежде всего, это черкесы, затем абазины, убыхи и ногайцы.

Несмотря на энергию, авторитет и несомненные административные способности уроженца Кавказа сераскира[1] Хаджи-Гассан-Чечен-оглы, стремление Порты сделать черкесов полноценными османскими подданными оказалось тщетным. Подданство в понимании османских чиновников и черкесов представлялось по-разному. Сераскир призывал черкесов к полному и безусловному повиновению верховной власти султана и его представителю в Анапе. Также от них требовались принятие присяги на подданство султану и выплата дани на содержание анапского гарнизона [Утверждение 1904: 433]. Однако, как свидетельствуют источники, ожидания османских чиновников не оправдались:

> «черкесы, признававшие султана, как преемника халифа, главою религии, отказались принести ему присягу даже и в том ограниченном смысле; а относительно покорности ему, как светскому властителю, не хотели и слышать. Под светскою властью они совершенно основательно разумели право вмешиваться в их внутренние дела. Что же касается до дани – она в их глазах была равносильна потери независимости, отстоять которую они рассчитывали именно при помощи Турции. Теперь Турция сама посягала на эту независимость. Таким образом, между народом и правителем, присланным Портою, сразу началась… борьба, и первая же попытка оттоманского правительства утвердить свое владычество над закубанскими племенами встречена была суровым отпором. Таким образом шапсуги, а за ними и абадзехи встали во враждебные отношения к нам и к Турции» [Утверждение 1904: 442].

Черкесы, и так находившиеся в состоянии войны с Российской империей, с началом русско-турецкой войны активизировали свои действия против кордонной линии. Их отряды атаковали с гор российские войска, осаждавшие Анапу. Несмотря на поддержку черкесов, гарнизон крепости 12 июня 1828 г. капитулировал.

По итогам войны 14 сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский мирный договор, согласно которому Османская империя отказывалась от любых притязаний на Черкесию и передавала России все земли от Кубани до побережья Черного моря. Россия получила юридические права на фактическое присоединение этих территорий. Черкесские лидеры, не признали правомерность такого соглашения. Как отмечал К. Маркс, «Турция не могла уступить России то, чем не владела сама. Черкесия всегда была… независима от Порты…» [Маркс 1957: 417–418]. Черкесы сознавали, что натиск империи будет усиливаться и поставит их перед дилеммой: принять ультиматум со стороны России о полной покорности, или объединить все свои силы для сопротивления. Угроза потери национальной независимости заставила их предпринять военно-административные меры, призванные усилить консолидационные процессы. К ним можно отнести проведение, начиная с 30-х гг. общенациональных съездов – хасэ, на которых принимались важные решения по организации антиколониального сопротивления. Также черкесы продолжали надеяться на военную и дипломатическую поддержку османского султана, резонно полагая, что

[1] Сераскир – титул, который носили заместители великого визиря Османской империи, командовавшие войсками во время войны.

возможная очередная война между империями создаст ситуацию, благоприятную для борьбы за независимость [Хотко 2015: 8–9].

Несколько десятков лет военного противостояния Российской империи привели к сокращению численности населения и военного потенциала Хаджретской Кабарды. С 1800 по 1825 г. потери закубанских черкесов, по свидетельству их представителей, составили 25225 человек, 50 тысяч лошадей, 60 тысяч рогатого скота и более 100 тысяч овец [Утверждение 1904: 404]. Потери от разорений российских войск черкесы фиксировали и сообщали о них турецким властям, так как де-юре эта территория тогда еще находилась под османским протекторатом. В османском архиве сохранились подробные сведения о потерях хаджретов во время трагических событий, связанных с разорением аула кабардинского князя Али Карамурзина в апреле 1825 г. Согласно им российские войска захватили в уничтоженном ауле 169 человек пленных, 670 лошадей, 1050 голов скота, 20 кольчуг, 25 шашек, 30 пистолетов, 4000 овец, 40 котлов и другого имущества на сумму 241 150 курушей[1] [ДГАОА. Xat_1104_44592_A].

Интенсивность боевых действий а, следовательно, материальные и людские потери после 1829 г. увеличились многократно. Российская империя, получившая юридические права на Северо-Западный Кавказ, могла вести его завоевание без опасения вмешательства и противодействия других держав. Император Николай I перед военными в лице главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала И.Ф. Паскевича поставил задачу: «Кончив… одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [Щербатов 1894: 229].

Эскалация войны привела к сокращению демографического и военного потенциала «беглых» кабардинцев. Стали проявляться признаки усталости населения от гибельных последствий войны [Алоев 2017: 64–65]. Часть элиты хаджретов начинает искать возможность изменения своего статуса с «преступников» на законопослушных подданных империи. Учащаются случаи выхода из-за Кубани крепостных крестьян непокорных князей и дворян под покровительство российских кордонных начальников [Мирзоев, Чанак 2022: 49]. На Западном Кавказе появляется новая категория населения – беженцы. Так в современном международном праве именуются лица, покинувшие страну, в которой они постоянно проживали, в результате преследований, военных действий или иных чрезвычайных обстоятельств [Международное 1982: 142].

Официально российское правительство начало процесса переселения черкесов в пределы Османской империи относило к началу 1858 г. В письме командующего Кавказской армией князя Г.Д. Орбелиани к командующему войсками Кубанской области Н.И. Евдокимову от 11 сентября 1862 г. сообщается:

«начавшееся в 1858 году переселение мусульман наших в Турцию было предметом весьма деятельной дипломатической переписки нашего правительства с турецким. Рассмотрев эту переписку, я увидел, что Порта не только никогда не изъявляла желания принимать к себе наших выходцев, но постоянно жаловалась на затруднения, в которое ставит их прибы-

[1] Куруш – название денежной единицы Османской империи представлявшей собой серебряную монету.

тие большими массами. Турецкое министерство неоднократно обращалось через нашего посланника и к нашему министру иностранных дел и к наместнику Кавказскому с настойчивыми просьбами остановить эти переселения. Эти жалобы и требования были нами отклонены под тем предлогом, что правительство наше не выселяет мусульман, а только дает им отпуски для путешествия в Мекку, что по правилам веротерпимости, против которой, вероятно, Турецкое правительство не будет возражать, запрещение подобных отпусков мы не считаем возможным. Так как переселенцы отправлялись на свой счет с отпускными билетами, то турецкое правительство не могло ничего возразить против этой меры, тем более что и размеры переселения скоро уменьшились. Теперь, когда переселенцы начнут снова прибывать во множестве на судах, зафрахтованных казною, а не на собственный счет, переселение получит совсем иной вид. И мы уже не будем иметь права отклонять жалобы под предлогом столь же благовидным, как и прежде» [АКАК 1904: 1010–1012].

В этот период, с 1858 по 1861 г., переселение черкесов не носило такого массового характера, какое оно приняло впоследствии, с 1862 г. – в последние годы Кавказской войны. Оно совершалось с территории, контролируемой колониальной администрацией, проходило в мирных условиях и не имело прямого принудительного характера. В это время переселилось менее 100 тысяч человек, выезд переселенцев осуществлялся по российским паспортам и под видом паломничества в святые места [Трагические 2000: 37]. Основную массу переселившихся под предлогом паломничества составляли ногайцы, черкесов среди них было не более 15 тысяч человек. Большая часть из них были жителями Кабарды, находившейся под полным российским контролем. По всем формальным признакам этих переселенцев можно отнести к категории эмигрантов. Имевший место с 1858 по 1861 гг. переселенческий процесс на территорию Османской империи осуществлялся через российские порты Новороссийск и Тамань, с выдачей мигрантам российских паспортов.

С 1862 г. лозунг «поездки на поклонение гробу Магомеда», под которым прикрывалось выселение «горцев» – черкесов, абазин, ногайцев, был отброшен. Теперь, когда военная администрация начала активную деятельность по насильственному выселению черкесов в соответствии с планом Евдокимова, оно носило характер не эмиграции, а прямой депортации [Кумыков 1990]. Выселение основной массы черкесского населения Северо-Западного Кавказа произошло в период с 1862 по 1865 гг. (более полумиллиона человек), проводилось посредством войсковых операций российской армии и имело для черкесов принудительный характер. По современной юридической терминологии этих переселенцев, депортированных с территории исторического проживания, можно отнести к категории «перемещенных лиц».

Существовала еще одна категория лиц, не относившаяся к вышеуказанным двум – эмигрантам и перемещенным лицам. Это – беженцы, люди, вынужденно покинувшие родину, спасаясь от ужасов и бедствий Кавказской войны. Они не имели российских паспортов, переселялись на турецких судах, нелегально пристававших к берегам воюющей Черкесии, и, по прибытии в турецкие порты, на таможенных пограничных пунктах регистрировались именно как беженцы – по османской бюрократической терминологии «ильтльджа».

В связи с этим представляют интерес документы, извлеченные из Османского архива Турции. В одном из них – в прошении, поданном кабардинским князем Магомет Аш Атажукиным на имя султана 28 апреля 1835 г. в канцелярию великого визиря, говорится:

«Почтеннейший, милостивый господин! Живите в здравии во благо, наш Государь!

Бедные черкесы и кабардинцы, которые хотели только лишь свободы и спокойной жизни, покинули свою Отчизну и остались без крова. Они желали бы обосноваться в Анатолии. Следуя из окрестности Самсуна по направлению к Мерзифону и миновав его, можно выйти на дорогу в Чорум. Эти люди, которые прибыли сюда, покинув свою Родину, очень истощены, устали, пережили много трудностей. В Анатолии в Чорумском санджаке в Эмлак-нахийэ находятся территории Кадыкёй, Карахысары, Демирли и другие подобные земли, пустующие уже 150 лет, где можно разместить 500–600 семей и 300–400 семей могут расположиться в самом Чоруме. С Вашего и Аллахь-Тале благословения, эти люди найдут свое место проживания в Чорумском санджаке. Если доверите эти плодородные земли бедным черкесам и кабардинцам, помогая им, то через несколько лет эти земли будут процветать, и с ними придет берекет. В свое время каждая семья сможет представить всадника-воина для защиты Османской империи.

Достопочтимый господин, прошу приказать мютеселлиму[1] Чорумского санджака[2] расселить этих бедных черкесов и кабардинцев в Чорумском санджаке в Эмлак-районе (Кадыкёя, Карахысары, Демирли и подобных территориях) и издать соответствующий Указ.

Достопочтимый господин, необходим и Указ о переселении этих людей с серьезными проблемами из мест, где они находятся, в места расселения. Такой Указ Шаха может издать только почтеннейший всемогущий милостивый наш Султан.

Хъатузуко оглу Чолак[3] Мухамэд Бек. Лидер группы» [ДГАОА. Дж. ДХ. 137-6832].

Письмо было отправлено из Чорума, написано там же.

Магомет Аш Атажукин находился в Османской империи весной-летом 1835 г. Ф.Ф. Торнау сообщал, что Атажукин совершил поездку в Константинополь в 1835 г. с целью лечения раненной руки [Торнау 1999: 291]. Как свидетельствуют выявленные в Османском архиве документы, во время этой поездки он занимался не только личными, но и общественными делами, связанными с переселением черкесов с территории Северо-Западного Кавказа в пределы Османской империи. В переписке с османскими властями Атажукин говорит от имени и представляет интересы кабардинских хаджретов, проживавших в Закубанье, а также тех кабардинских хаджретов и черкесов, которые, спасаясь от войны, ко времени его прибытия в Турцию уже находились здесь [Мирзоев, Чанак 2022: 49].

Данное письмо и последующая переписка с канцелярией великого визиря свидетельствуют о том, что Атажукин был принят в Османской империи как лидер кабардинских хаджретов. Предоставленное им обращение после рассмотрения великим визирем было отправлено к главному секретарю султана Махмуда Второго.

[1] Мютеселлим – заместитель главы административной единицы – эялета или санджака.

[2] Санджак – административно-территориальная единица в Османской империи.

[3] Чолак – «Сухорукий», перевод с турецкого. Во время одного из сражений с русскими войсками Магомет Атажукин получил ранение – у него оказались перебиты обе руки, в результате чего правая стала значительно короче левой. Его называли поэтому Магомет Аша, то есть сухорукий [Торнау 1999: 291].

По дороге из Самсуна в Константинополь Магомет Аш Атажукин встретил несколько групп беженцев (кабардинцев и черкесов) с Западного Кавказа, находившихся в бедственном положении и проживавших в не благоприятных для ведения сельского хозяйства местах Османской империи. Кроме того, вместе с самим Магомет Аш Атажукиным прибыло еще несколько групп переселенцев с Западного Кавказа – закубанских черкесов и кабардинских хаджретов. Османские документы всегда отмечают отдельно кабардинцев и черкесов, Кабарду и Черкесию. Возможно, это связано с тем, что Кабарда как государственное образование до XVIII в. признавалась обеими империями – Российской и Османской и никогда по международному праву не считалась частью Османской империи. Территория же за Кубанью, в Османских документах Черкизистан, а в русских – Черкесия – считалась формально находящейся в ведении Османской империи до 1829 г. Следует также обратить внимание на используемые в османских документах термины ильтльджа (беженцы) и мухаджиры (иммигранты).

Атажукин в этом обращении предлагает османским властям, чтобы расселение беженцев и иммигрантов в Османской империи было осуществлено в соответствии с системой «тимар»[1] или «зеамет»[2]. Магомет Аш считает, что переселенцы, в основной массе своей крестьяне-земледельцы, быстро адаптируются, приведут в порядок эти земли, а также будут обеспечивать хорошими всадниками османскую армию во время войны. Таким образом, могут иметь место обоюдные выгодные условия для переселенцев и Османского государства: земля для переселенцев взамен на выставление ими способных воинов-всадников. Из содержания этого документа также можно увидеть, что Атажукин был хорошо осведомлен о землях, которые описывал, хорошо знал регион начиная от Самсуна и до Константинополя. В своем обращении он описывает регионы, учитывая их сельскохозяйственный потенциал. Изучает состав населения региона и состояние земель (какие в хорошем состоянии, какие пустуют по несколько лет и т.д.). Упоминает о том, что кабардинцы и черкесы – трудолюбивые и опытные земледельцы. Также уточняет, что с течением времени каждая семья сможет выставить хорошего воина. Можно сделать вывод, что он собирался договариваться о размещении около 1000 семей беженцев и создать в указанных им районах зону сосредоточения производственных и военных сил на основе поселений из кабардинцев и черкесов. Если взять за минимальный состав одной семьи 5 человек, то можно понять, что речь идёт примерно о 5000 человек. В то время за Кубанью по данным Хан-Гирея проживало примерно 12

[1] Тимар – военный лен, представляющий собой условное феодальное земельное держание, существовавшее в Османской империи до отмены военно-ленной системы (1839). Годовой доход с одного тимара составлял менее 20 тысяч акче. Держатель тимара (тимариот) был обязан лично участвовать в военных походах, имея при себе одного джебели (конного воина) на каждые 3 тысячи акче дохода.

[2] Зеамет – военный лен, получаемый сипахом (конным воином) за несение военной службы. Представлял собой условное феодальное земельное держание, существовавшее в Османской империи до отмены военно-ленной системы (1839). Держатель зеамета — заим (зеам). Заимы проживали в своих ленах и были обязаны лично выступать в поход по первому требованию правительства, имея с собой на каждые 5 тысяч акче дохода одного конного воина — джебели. Джебели – категория конного войска в Османской империи, воины, выставляемые держателем лена — тимариотом, заимом или бейем. Каждый джебели полностью обеспечивался своим хозяином.

400 кабардинских хаджретов [Султан Хан-Гирей 2009: 76]. Уменьшение их численности по сравнению с 1825 г. (около 25 тыс.) было связано как с военными потерями, так и с тем, что часть «беглых кабардинцев» и их поселения перешли под контроль российской администрации. Следовательно, Магомет Атажукин мог иметь влияние на такое количество семей. В письме сообщается, что он является лидером прибывших с ним переселенцев. Со стороны османских властей соответственно Атажукин был принят на высоком уровне как представитель кабардинских мухаджиров. Предоставленные им обращения отправляются в офис самого султана Махмуда Второго. Обращение, написанное в канцелярию, одобряется и перенаправляется на рассмотрение к главному секретарю (Мабеин Башкатиб) султана Махмуда Второго. Об этом свидетельствует следующий документ.

«От Садарета[1]

Четыреста семей из черкесов и кабардинцев небольшими группами достигли порта Самсун. Чтобы они не накапливались в порту, их направили в административные районы Чорума, Амасии и Самсуна. Они должны были быть перемещены для заселения в соответствующие места для ведения сельского хозяйства.

Для приказа при определении титула бея[2] господину Мухаммеду из этой группы уважаемому главному казначею необходимо подготовить соответствующий документ для утверждения султаном.

Это люди – беженцы, потерявшие полностью свой очаг и все имущество, покинули свою Родину и переселились на территорию Анатолии благодаря милости султана, самого великодушного защитника в мире. Из-за выше изложенного для переселения этих людей в соответствующие места, как и в аналогичных случаях, необходимо выполнить приказ султана. Для исполнения желания господина Мухаммеда с позволения Хазрети Шэхин-Шаха[3], согласившегося присвоить ему титул бея, начата подготовка документов. С уважением» [ДГАОА. Хат_00737_34972_00001].

На это письмо главный секретарь садразама отвечает положительно и даёт ответ:

«От главного секретаря дворца Садарету.

В отношении тех, кто прибегает к любви и защите Верховного халифата, сообщая о своем статусе, из-за щедрости Аллаха и милости Османского государства, с этим ценным документом было принято решение.

Применение высшего приказа о том, чтобы были заселены в соответствии с правилами в тех административных районах и местах, о которых идет речь, и были защищены от налогов и сборов в течение трех лет. Предоставление титула бея упомянутому господину Мухаммаду и завершение путем предоставления Берата[4] или применения высшего приказа, необходимого в этом вопросе.

Это проявление высшей воли самого могущественного повелителя. Упомянутый приказ исходит от величественной высочайшей воли» [ДГАОА. Хат_00737_34972_00001].

[1] Садарет – место работы, канцелярия садразама – великого визиря.

[2] В Османской империи титул «бей» обычно присваивался крупным землевладельцам и правителям округов (санджаков). Выше этого титула был только титул паши.

[3] Хазрети Шэхин-Шах – один из титулов османского султана.

[4] Берат – документ, свидетельствующий о присвоении титула бея.

После этих решений переписка идет уже на уровне министерства внутренних дел. В частности, в документе этого ведомства от 19 июля 1835 г. сообщается:

«400 семей черкесов и кабардинцев небольшими группами прибыли в порт Самсун. Их направили в къаза[1] Чорумского санджака, Самсунского санджака и санджака Амасии: Ладик, Хавза и Мерзифон.

Чтобы эти люди могли заниматься сельским хозяйством, часть из них нужно отправить и разместить в населенные пункты Чорумского санджака, пустовавшие 150 лет и запущенные: Нахие Эмлак, Кадыкулу и Карахисар-Демирле, а также в подобные поселения поблизости.

В связи с необходимостью присвоить титул бея главному из этих людей, господину Мухаммеду нужно во исполнение высочайшей воли приказать руководителям Чорумского санджака считать его беем. Этот высочайший приказ необходимо исполнить. В Чорумском къаза Чорумского санджака есть 113 домов, готовых для заселения, и 11 полуразрушенных домов в селе Карахисар-Демирле.

Как видно из дивана-журнала[2], в Нахие Эмлак и названных къаза недостаточно внимательно изучена обстановка. Судя по регистрации Дефтерхане- и Амине[3] человек из княжеского рода черкесов и кабардинцев по имени Тахир[4] переселился вместе с 40–50 своими родственниками в къаза Амасия Аргома Нахия. В тех краях незанятые земли нужно распределить между ними, выдать документы о землевладении, не взимая с них за это плату. До тех пор, пока они не смогут прокормить себя, обрабатывая земли, налогов с них не брать. Причинами этого являются (в соответствии с высочайшим приказом): эти люди потеряли все и остались «нагишом», отдали себя на милосердие и великодушие султана; они безвозвратно покинули свои дома и земли и переселились в Анатолию; по милости Аллаха они оказались под защитой султана; во исполнение приказа великого эмира их надо поселить в указанные села. Господину Мухаммеду, как это принято в Мэмалики Шахане[5], необходимо присвоить титул бея выше, чем ему подобным, с правом наследования этого титула его потомству.

Земли, которые будут розданы этим людям, в случае их смерти будут отобраны, если у них нет наследников; если же они есть, земли передаются по наследству. Эти люди будут заниматься сельским хозяйством или по системе «тимар» и «зеамет», или в течение трех лет с них не будут брать налоги.

Присвоение титула бея господину Мухаммеду можно оформить в виде «титул берат» или в рамках высочайшего повеления. Кроме того, есть приписка дивана-химаюна-къалэмэ[6] к документу такого содержания: благодарение Аллаху. Это общеизвестно: такой приказ может исходить только от того, кто имеет право проявлять высочайшую волю» [ДГАОА. C.DH. 165_8210].

После одобрения министерством внутренних дел 400 семей кабардинских хаджретов и черкесов, прибывших в порт Самсун, были направлены на земли, предназначенные для переселенцев.

[1] Къаза – административная единица, входившая в состав санджака.
[2] Книга, в которой зарегистрированы сборщики налогов, состояние и подведомственность земельных участков.
[3] Дефтерхане – ведомство, где хранятся главные тетради, которые назначают и регистрируют разные виды земель, таких как хас, зиамет, тимар, мюлк, вакыф. Хранятся в источниках Дефтерхане-и Амине, Дефтер-и Вилайет, Дефтер-и Хакани, Дефтер-и Дергах-и Али.
[4] Личность этого князя нами не идентифицирована. По всей видимости, речь идет о переселенцах с Кавказа, прибывших в Османскую империю до приезда Магомет Аш Атажукина и поселенных в указанных районах.
[5] Мэмалики Шахане – реестр всех османских земель.
[6] Дивана-химаюна-къалэмэ – Высший государственный совет при султане, куда входят представители высших государственных должностей (садразам, салетскер, дефтердар, визири). После того как ими принято решение по какому-либо вопросу, оно зачитывается султану и, в случае его одобрения, оно считается принятым и рассматривается как повеление самого султана.

Еще один документ Османского архива свидетельствует, что все предложения и рекомендации, сделанные Атажукиным османскому правительству, были рассмотрены на высшем уровне благожелательно, всем соответствующим ведомствам даны распоряжения и предписано оказать максимальное внимание к нуждам переселенцев и их лидера, получившего от султана титул бея.

Приведем его тоже полностью:

«Черкесы и кабардинцы прошли через самсунский порт группами и четыреста дворов отправились в уезды в пределах санджака Самсун и Чорум, а также в Ладик, Хавзу и Мерзифон, которые связаны с санджаком Амасья.

Некоторых из них следует поселить в селе Кадыкёй района Эмлак, в нахие[1] Демирли Карахисар, который находится в Чорумском санджаке и находится в полуразрушенном состоянии уже сто пятьдесят лет, а некоторых из них следует расселить в других подходящих местах, где они должны возделывать землю.

Во главе их был послан уважаемый человек, Мухаммед-бей, от лица, названного в Чоруме, с грамотой, для султанского приказа быть назначенным старшим, как и в других племенах, путем избрания.

Изучив записи, эту ситуацию, спросили мнение у Его Превосходительства военного дефтердара, и было видно, что в центральном районе Чорум санджака имеется сто тринадцать облагаемых налогом домохозяйств и одиннадцать зарегистрированных облагаемых налогом домохозяйств в селе Демирли Карахисар, и нет четко зарегистрированных налогооблагаемых домохозяйств в подрайоне Эмлак и селе Кадыкёй. Кроме того, у Дефтерхане-и Амире спросили, сколько зеаметов и тимаров было включено в селе Кадыкёй и Демирли Карахисар.

Так как они тоже окончательно покинули свою родину и мигрировали из чужой страны, пришли в Анатолию и нашли убежище у султанского величества, по поданным ими петициям они также не должны платить десятину, налоги и тому подобные вещи на срок до трех лет после их размещения на подходящих местах в вышеназванных поселках и селах. Как и в других племенах Османской страны, Мухамед-бей был назначен владыкой своей общины, и был написан приказ о выдаче главному бухгалтеру Почетной грамоты по этому вопросу.

Как упоминалось выше, получено необходимое разрешение насчет тех, кто был размещен в подходящих местах в городах и деревнях, чтобы быть им защищенным по высшему повелению, без истребования налога в течение трех лет, и избрать беем Мухамед-бея в вышеупомянутое сообщество. Дефтердаром[2] было также письменно заявлено, что необходимо отдать главному бухгалтеру необходимый расчетный ордер для написания устава от Диван-и Хумаюн и Мухамед-бея, который включает в себя избрание бека над указанной общиной.

Поселение указанных общин в санджаках Самсун, Амасья и Чорум, районах, подрайонах и их деревнях, в зависимости от обстоятельств, путем выдачи не облагаемых налогом документов о праве собственности на свободные земли, которые никем не используются для заработка, пока они не достигнут уровня благосостояния, их будут всячески защищать, не взимая десятину и налог в течение трех лет.

Высочайший приказ был отправлен от Диван-и Хумаюна губернаторам Сиваса и Трабзона, счетоводу Джаника, казначею санджаков Амасья и Чорум, судьям вышеупомянутых городов и тем, кто должен обеспечивать их безопасность и спокойствие в Османской стране, чтобы в отношении к ним не возникало никаких негативных ситуаций.

[1] Нахие – административно-территориальная единица из нескольких сел, входившая в состав къаза.
[2] Дефтердар – министр финансов и главный казначей Османской империи.

Мухамед-бею был передан этот сертификат и главному бухгалтеру для написания и выпуска Верховного берата, в котором говорится, что бей был назначен над этими общинами в соответствии с приказом султана.

Хиджра 29.03.1251 / 25 июля 1835 г. Пусть исполнится» [ДГАОА. Дж_ДХ 83-4150].

Однако, несмотря на предоставленные Османским правительством значительные привилегии Магомет Аш Атажукин после расселения прибывших с ним людей возвращается в Черкесию. Он участвует в национально-освободительной войне вплоть до своей гибели в 1846 г. [Мирзоев, Чанак 2022: 50].

Анализ этих документов позволяет сделать несколько выводов:

– османское правительство было хорошо информировано о состоянии дел в Черкесии, о ходе войны на Западном Кавказе, о лидерах черкесского сопротивления;

– лидеры кабардинских хаджретов находились в постоянном контакте с османским правительством, были осведомлены о государственном устройстве Османской империи и ее бюрократии;

– процесс переселения черкесов в пределы Османской империи имел место в 30-х гг. XIX столетия, задолго до 1858 г., считающегося в дореволюционной и современной российской историографии началом переселенческого процесса. При этом следует отметить, что он не носил масштабного характера – речь идет о нескольких тысячах переселенцев;

– эти переселенцы с территории независимой Черкесии, не подконтрольной российской военной администрации, но регулярно подвергавшейся набегам российских войск, являлись по своему статусу беженцами и таковыми рассматривались османским правительством; их следует отличать от других, позднее появившихся категорий переселенцев, – эмигрантов и перемещенных лиц. К эмиграции следует отнести переселенческий процесс, имевший место с 1858 по 1861 гг., осуществлявшийся через подконтрольные России порты, с выдачей мигрантам российских паспортов. К категории перемещенных лиц следует отнести основную массу черкесского населения Северо-Западного Кавказа, депортированного в период с 1862 по 1865 гг. в результате военных действий. Переселение в этот период имело для черкесов принудительный характер;

– кабардинские хаджреты на всем протяжении Кавказской войны являлись значимым актором антиколониального сопротивления, проявляя непропорциональную своей численности военную активность в районе Восточного Закубанья;

– с середины 30-х гг. XIX столетия военно-политическим лидером хаджретов являлся князь Магомет Аш Атажукин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под редакцией: А.П. Берже. Издательство: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского. – Тифлис. Тома I–XII. 1866–1904. – Т. XII. – Ч. II. – 1904. –1558 с.

Алоев 2017 – *Алоев Т.Х.* Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 126 с.

Алоев 2019 – *Алоев Т.Х.* Хатокшоко Магомет Аша: вступая на путь легенды // Вестник КБИГИ (KBIHR Bulletin). – 2019. – № 4-1 (43). – С. 29–35. – DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-29-35.

Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов: очерки истории. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 304 с.

Бесленей 2009 – Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII-XIX вв.: сборник документов и материалов / сост. и вступ. ст. С.Х. Хотко. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 407 с.

Бутков 2001 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. – Нальчик: «Эль-Фа», 2001. – 355 с.

Военно-статистическое 1851 – Военно-статистическое обозрение Российской империи, том XVI, часть 1, Ставропольская губерния. Департамент Генерального Штаба. – Санкт-Петербург, 1851 г. – 274 с.

ДГАОА – Дирекция государственных архивов (Османский архив). Стамбул.

Дыгъужь 1998 – *Дыгъужь ФуIэд*. ХьэтIохъущокъуэ Iэшэ // Iуащхьэмахуэ. Налшык, 1998. – № 5. – С. 120–122.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: «Эль-Фа», 1994. – 438 с.

Кумыков 1990 – *Кумыков Т.Х.* Адыгское мохаджирство – последствие Кавказской войны // Кабардино-Балкарская правда. – 1990, 10 апреля.

Кумыков 1994 – *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 116 с.

Маркс 1957 – *Маркс К.* Лорд Пармельстон. Статья восьмая // Маркс К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат. 1957. – Т. 9. – 701 с.

Международное 1982 – Международное право: [Учеб. для вузов по спец. "Правоведение" / Г.И. Тункин, Д.И. Фельдман, И.И. Лукашук и др.]; Отв. ред. Г.И. Тункин. – М.: Юрид. лит., 1982. – 566 с.

Мирзоев, Чанак 2022 – Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К. Личность Магомет Аш Атажукина в контексте участия Хаджретской Кабарды в Кавказской войне // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 37-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-37-54. EDN: BVRPLU.

Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. – Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых, 2021. – 400 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Москва.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – 672 с.

Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау: воспоминания и документы. – Нальчик: «Эль-Фа», 1999. – 492 с.

Трагические 2000 – Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX вв.): сборник документов и материалов / сост. Р.Х. Гугов, Х.И. Касумов, Д.В. Шабаев. – Нальчик: «Эль-Фа», 2000. – 464 с.

Утверждение 1904 – Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Часть 2-я. Под руководством начальника штаба Кавказского военного округа ген.-лейт. Н.Н. Белявскаго, составленном в Военно-историческом отделе под редакцией генерал-майора Потто. Время Алексея Петровича Ермолова. 1816–1826 годы. – Тифлис. Типография штаба Кавказского военного округа, 1904. – 607 с.

Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е годы XIX века. На основании новых архивных документов из РГВИА // Архивы и общество. Научно-просветительский журнал исторических, общественно-политических и социально-культурных проблем. – Нальчик, 2015. – № 35. – С. 8–55.

Щербатов 1894 – *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность / По неизд. источникам сост. Ген. штаба ген.-майор кн. Щербатов. Т. 1–7. – Санкт-Петербург: тип. лит. Р. Голике, 1888–1904. – Т. 2. – 1894. – 626 с.

REFERENCES

Aktyi, sobrannyie Kavkazskoy arheograficheskoy komissiey [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. / pod redaktsiey: A.P. Berzhe. Izdatelstvo: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. Tiflis. Toma I–XII. 1866–1904. – Vol. XII. – 1904. – 1552 p. (In Russ).

ALOEV T.H. *Ocherki politicheskoy istorii hadzhretskoy Kabardyi v pervoy polovine XIX v [*Essays on the political history of the Hadjret Kabarda in the first half of the 19th century]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatelskiy otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 126 p. (In Russ).

ALOEV T.H. *Hatokshoko Magomet Asha: vstupaya na put legendyi* [Hatokshoko Mohammed Asha: embarking on the path of a legend]. Vestnik KBIGI (KBIHR Bulletin). – 2019. – 4-1 (43). – P. 29–35. (In Russ).

BEYTUGANOV S. *Kabarda i Ermolov: ocherki istorii* [Kabarda and Yermolov: essays on history]. – Nalchik: Elbrus, 1993. – 304 p. (In Russ).

Besleney – most Cherkesii. Voprosyi istoricheskoy demografii Vostochnogo Zakubanya. XIII-XIX vv: sbornik dokumentov i materialov [Besleney - the bridge of Circassia. Issues of historical demography of Eastern Trans-Kuban. XIII-XIX centuries: a collection of documents and materials]. / sost. i vstup. st. S.H. Hotko. – Maykop: Poligraf-Yug, 2009. – 407 p. (In Russ).

BUTKOV P.G. *Materialyi dlya novoy istorii Kavkaza s 1722-go po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. – Nalchik: «El-Fa», 2001. – 355 p. (In Russ).

Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii. T. XVI. Ch. 1. Stavropolskaya guberniya [Military Statistical Review of the Russian Empire. Vol. XVI. Part 1. Stavropol province]. – Sankt-Peterburg, Departament General`nogo Shtaba, 1851. – 274 p. (In Russ).

Direktsiya gosudarstvennyih arhivov (Osmanskiy arhiv) [Directorate of State Archives (Ottoman Archive)]. Stambul.

DUG'UZH FUIAD. *HetIoh'uschok'ue Ieshe*. Iuaschhemahua. 1998. – № 5. – P. 120–122. (in Kabardino-Circassian)

KUMYIKOV T.H. *Adyigskoe mohadzhirstvo – posledstvie Kavkazskoy voynyi* [Adyghe mohajirs – a consequence of the Caucasian war]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1990, 10 aprelya. (In Russ).

KUMYIKOV T.H. *Vyiselenie adyigov v Turtsiyu – posledstvie Kavkazskoy voynyi* [The eviction of the Circassians to Turkey is a consequence of the Caucasian War]. – Nalchik: Elbrus, 1994. – 116 p. (In Russ).

MARKS K. *Lord Parmelston. Statya vosmaya* [Lord Parmelston. Article eight]. IN: Marks, K. Sochineniya: v 50 t. / K. Marks, F. Engels. – Izd. 2-e. – M.: Gospolitizdat. 1957. – T. 9. – 701 p. (In Russ).

Mezhdunarodnoe pravo [International law]: [Ucheb. dlya vuzov po spets. "Pravovedenie" / G. I. Tunkin, D. I. Feldman, I. I. Lukashuk i dr.]; Otv. red. G. I. Tunkin. – M. : Yurid. lit., 1982. – 566 p. (In Russ).

MIRZOEV A.S. *Genezis i evolyutsiya traditsionnoy voennoy kulturyi cherkesov. Srednevekove – Novoe vremya* [Genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassians. Middle Ages – New time]. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovyih, 2021. – 400 p. (In Russ).

Rossiyskiy gosudarstvennyiy voenno-istoricheskiy arhiv [Russian State Military Historical Archive]. Moskva.

SULTAN HAN-GIREY. *Izbrannyie trudyi i dokumentyi* [Selected works and documents]. – Maykop: OAO «Poligraf-Yug», 2009. – 672 p.

TORNAU F.F. *Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau: vospominaniya i dokumentyi [*Secret mission to Circassia of the Russian intelligence officer Baron F.F. Tornau: memoirs and documents]. – Nalchik: «El-Fa», 1999. – 492 p.

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoy voynyi dlya adyigov (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.): sbornik dokumentov i materialov [Tragic Consequences of the Caucasian War for the Circassians (second half of the 19th - early 20th centuries): a collection of documents and materials]. / sost. R.H. Gugov, H.I. Kasumov, D.V. Shabaev. – Nalchik: «El-Fa», 2000. – 464 p.

*Utverzhdenie russkogo vladyichestva na Kavkaze [*The assertion of Russian rule in the Caucasus]. T. III. Chast 2-ya. Pod rukovodstvom nachalnika shtaba Kavkazskogo voennogo okruga gen.-leyt. N.N. Belyavskago, sostavlennom v Voenno-istoricheskom otdele pod redaktsiey general-mayora Potto. Vremya Alekseya Petrovicha Ermolova. 1816–1826 godyi. Tiflis. Tipografiya shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1904. – 607 p.

HOTKO S.H. *Iz istorii uchastiya kabardintsev v obschecherkesskom soprotivlenii v 30-e godyi XIX veka. Na osnovanii novyih arhivnyih dokumentov iz RGVIA* [From the history of the participation of Kabardians in the all-Circassian resistance in the 30s of the XIX century. Based on new archival documents from the RGVIA]. IN: Arhivyi i obschestvo. Nauchno-prosvetitelskiy zhurnal istoricheskih, obschestvenno-politicheskih i sotsialno-kulturnyih problem. – Nalchik, 2015. – № 35. – P. 8–55.

SCHERBATOV A.P. *General-feldmarshal knyaz Paskevich: Ego zhizn i deyatelnost* [Field Marshal Prince Paskevich: His life and work]. / Po neizd. istochnikam sost. Gen. shtaba gen.-mayor kn. Scherbatov. T. 1–7. – Sankt-Peterburg: tip. lit. R. Golike, 1888–1904. – Vol. 2. – 1894. – 626 p.

Информация об авторах

А.С. Мирзоев – кандидат исторических наук.

М.-Р.К. Чанак – пенсионер.

Information about the authors

A.S. Mirzoev – candidate of science (History).

M.-R.K. Zhanak – retiree.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 03.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-88-108
EDN: ELQTPY

ГОРНОРУДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КАБАРДИНСКОМ (НАЛЬЧИКСКОМ) ОКРУГЕ В 70–80-е. гг. XIX в.: КЕЙС КОМПАНИИ ФРАХТМАНА–ЛИЕВА

Тимур Аликович Дзуганов
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3030-5732

Аннотация: В статье исследуется история первого ресурс добывающего предприятия в Кабардинском (Нальчикском) округе в пореформенный период. На примере угольной компании Фрахтмана–Лиева раскрываются условия функционирования частного предпринимательства в сфере добычи и переработки минеральных ресурсов, а также ключевые моменты препятствовавшие развитию этой отрасли. Выявленные документы и материалы позволяют по-новому взглянуть на специфику реализации частной коммерческой инициативы в горнорудной отрасли края, глубже осмыслить основные этапы и характерные особенности развития этого направления экономики на рубеже XIX–XX вв. На основе архивных источников определяется несостоятельность тезисов о негативной роли «колониальной политике» и «царской администрации», как определяющих факторов указанных процессов. Отмечается негативная роль существовавших противоречий между Кавказской администрацией, чиновниками Горного управления, и Съездом доверенных Кабарды и Пяти горских обществ по поводу порядка эксплуатации месторождений полезных ископаемых на общественных землях.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Нальчикский округ; Кабардинская Общественная Сумма; предпринимательство; горнорудная промышленность; минеральные ресурсы; добыча угля; концессия

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Горнорудное предпринимательство в Кабардинском (Нальчикском) округе в 70–80-е. гг. XIX в.: кейс компании Фрахтмана–Лиева // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 88-108. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-88-108. – EDN: ELQTPY.

© Дзуганов Т.А., 2022

Original article

MINING ENTREPRENEURSHIP IN THE KABARDIAN (NALCHIK) DISTRICT IN THE 1870 S. AND 1880 S.: THE CASE OF THE FREIGHTMAN-LEEV COMPANY

Timur A. Dzuganov
The Institute for the humanities research – Affiliated Kabardian-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3030-5732

Abstract. The article examines the history of the first resource extraction enterprise in Kabardian (Nalchik) district in the post-reform period. In the coal's company example, Frechtman-Liev, the conditions of functioning of private entrepreneurship in the sphere of mining and processing of mineral resources are revealed, as well as the key moments that hindered the development of this industry. The revealed documents and materials allow to look in a new light at the specificity of realization of a private commercial initiative in the mining branch of the region, to realize the basic stages and the characteristic features of development of this direction of economy at a turn of XIX-XX centuries more deeply. Based on archival sources, determines the invalidity of theses about the negative role of "colonial policy" and "tsarist administration" as determinants of these processes. The negative role of the existing contradictions between the Caucasian administration, officials of the Mining Administration, and the Congress of the trustees of Kabarda and the Five Mountain Societies on the order of exploitation of mineral deposits on public lands is noted.

Key words: North Caucasus; Nalchik District; Kabardian Public Summa; entrepreneurship; mining industry; mineral resources; coal mining; concession.

For citation: Dzuganov T.A. Mining entrepreneurship in the Kabardian (Nalchik) district in the 1870 s and 1880 s.: the case of the Freightman-Leev company. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 88-108. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-88-108. – EDN: ELQTPY.

© Dzuganov T.A., 2022

Введение

Одной из главных задач реконструкции экономической истории народов Кабарды и Балкарии в пореформенный период является изучение путей реализации предпринимательской инициативы населения. Особенно это актуально для последней трети XIX в., когда в Нальчикском округе, как и по всей территории Терской области, процесс интеграции экономики Края в общеимперское пространство заметно ускоряется. Помимо встраивания традиционного крестьянского хозяйства в рынок, явления, получившего достаточное освещение в отечественной историографии, в регионе отмечается небывалое по своим масштабам и многообразию, проявление предпринимательской инициативы населения, выразившееся в возникновении ранее не встречавшихся в Кабарде и Балкарии предпринимательских практик.

По сути, большинство этих практик являлись попыткой адаптации наиболее успешных коммерческих моделей, хорошо зарекомендовавших себя в соседних регионах, к местным реалиям. Например, с конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. в округе отмечается небывалый рост учреждений общественного питания, развитие стационарной торговли, появляются зачатки туристического бизнеса и сопутствующей сферы услуг. Определенные коммерческие новшества хорошо приживались в условиях местного рынка. Эти модели, как правило, отличались простейшей формой организации дела, минимальным размером вложенных средств и, краткосрочной перспективой извлечения прибыли.

Более сложные коммерческие схемы, требовавшие серьезных вложений и завязанные на «длинный рубль», то есть, получение прибыли в долгосрочной перспективе, в силу ряда объективных факторов, не имели возможностей для реализации своего экономического потенциала. К последним без всякой натяжки можно отнести и частное предпринимательство в сфере добычи и переработки полезных ископаемых.

В отечественной историографии дореволюционного периода вопросы, связанные с возникновения горнорудной промышленности в Нальчикском округе, характер и условия деятельности предпринимателей, пытавшихся наладить добычу и переработку природных богатств, практически не освещались. Исключения – редкие упоминания в периодической печати, которые, как о необычном «курьезе» сообщали читателям о появлении в округе «заинтересованных лиц», пожелавших «приступить к освоению» природных богатств округа [Руль 1911: 83].

Проблема организации добывающих предприятий на территории Нальчикского округа впервые актуализируется в работах советских историков в начале 60-х гг. XX в.

Наиболее близко к решению вопроса подошла Е.О. Крикунова. В отдельной работе, посвященной истории возникновения промышленной разработки минеральных ресурсов Кабардино-Балкарии [Крикунова 1961], автор анализирует причины неудач многочисленных попыток наладить добычу и переработку полезных ископаемых на землях балкарских обществ.

В ходе изучения накопленного материала Е.О. Крикунова приходит к выводу, что в России, еще в период феодально-крепостнических отношений, было накоплено достаточно сведений о запасах руды и других природных богатствах Кабарды и Балкарии, однако, к практической разработке этих богатств царское правительство так и не смогло приступить [Крикунова 1961: 67]. Приводимые объяснения этого обстоятельства вполне укладываются в идеологическую парадигму, господствовавшую на тот момент в отечественном источниковедении. Крикунова предположила, что «в силу колониальной политики самодержавия были пресечены и попытки частных предпринимателей, и намерения обществ Балкарии отдавать недра земель, находящихся в их владении, горнопромышленникам для разработки» [Крикунова 1961: 70].

Необходимо отметить, что полностью сосредоточившись на материалах пяти горских обществ, проведя масштабную работу по изучению и анализу обширного материала, Крикунова, тем не менее, упустила из виду тот факт, что в начале 70-х гг. XIX в. в округе уже имелся пример устойчивой деятельности предприятия по добыче угля – угледобывающая компания Фрахтмана–Лиева [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 17].

Схожих взглядов на проблему придерживались и другие исследователи. Т.А. Жакомихов развивая концепцию негативного влияния колониализма отмечал: «Несмотря на то, что недра Кабарды и Балкарии таили в себе огромные запасы разнообразного минерального сырья, тем не менее в дореволюционной Кабарде и Балкарии промышленность не была развита и, в связи с этим, не было и промышленных предприятий.

Утверждалось, что такое положение соответствовало колонизаторской политике русского капитализма: держать в экономической зависимости от промышленной Центральной России национальные окраины [Жакомихов 1965: 175], и далее, имея ввиду горную Балкарию: «Царское правительство сознательно не развивало промышленность на национальных окраинах Российской империи и держало их на уровне аграрного придатка к капиталистическому центру» [Жакомихов 1965: 177-178].

Ошибочность методологического подхода неизбежно сузила проблемное пространство исследователей. Е.О. Крикунова, Т.А. Жакомихов и др. ограничились ретрансляцией основных положений парадигмы «колониального гнета», как главной причины неудач многочисленных попыток наладить добывающее производство на землях балкарских обществ. По определенным причинам, советские ученые не смогли, или не решились выйти за рамки постколониального дискурса и ответить на ряд простейших вопросов, например, почему «русский колониализм» не мешал развитию добывающих предприятий Владикавказского, Грозненского округов Терской области. Как соотнести «колонизаторскую политику русского капитализма» и устойчивую деятельность в Нальчикском округе на рубеже XIX–XX вв. частных предприятий горцев по добыче и переработке полезных ископаемых.

Заметные позитивные сдвиги в изучении истории возникновения и развития ресурс-добывающего предпринимательства Нальчикского округа отмечаются в новейшее время. Введение в научный оборот широкого комплекса документов позволяет выявить и осветить важнейшие этапы становления добывающей отрасли региона, определить основные факторы, влиявшие на эти процессы и, точнее реконструировать картину происходивших событий. В связи с этим, необходимо отметить работы современных исследователей – М.З. Саблирова [Саблиров 2001], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2019], где приводятся данные о наличии к началу XX в. в Нальчикском округе частных предприятий, специализирующихся на добыче и переработке полезных ископаемых.

Анализ выявленных документов позволяют более детально реконструировать картину, сложившуюся в Нальчикском округе вокруг вопроса коммерческой эксплуатации природных ресурсов, вместе с тем, пересмотреть основные положения советской историографии, более глубже осмыслить суть происходивших процессов. В этой связи, особенно важное значение приобретает изучение деятельности компании Лиева–Фрахтмана, учрежденного с целью добычи полезных ископаемых на Кабардинских Общественных земель. Тем не менее, история данного предприятия не получила достойного освещения в отечественной историографии, и не известна широкому кругу исследователей.

История учреждения предприятия

Впервые сведения об угледобывающем «товариществе» Фрахтмана–Лиева встречаются у известного ученого-краеведа Е.С. Тютюниной. В монографии, посвященной творчеству писателя Е. Баранова, автор уделил особое внимание личности Захарии Фрахтмана, как человеку, оказавшему большое влияние на

формировании личности известного публициста и просветителя [Тютюнина 2014: 15].

О том, что «Мещанин Житомирской губернии Зейпик Фрахтман и кабардинец Измаил Лиев хлопотали о разрешении добывать каменный уголь на землях, принадлежавшим частным собственникам Балкарукову, Кучукову и Барасбиевым», упоминает в своей работе Е.Г. Муратова [Муратова 2019: 29]. К сожалению, Е.Г. Муратова неправильно интерпретирует содержание документа, речь в котором идет об отказе георгиевскому мещанину Ивану Киселеву в поданной им заявке на добычу угля. Само заявление Киселева в деле не сохранилось, а указанный документ – это предписание георгиевскому полицейскому приставу объявить Ивану Киселеву, что «земля, о которой он просит для добывания каменного угля» принадлежит частным собственникам «Бекмурзе Кучукову, Сараби Кучукову, Исхаку Балкарукову, Кубати и Мусе Барисбиевым [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 40], и датируется 25 февраля 1877 г., когда угледобывающее предприятие Фрахтмана–Лиева уже действовало, следовательно никакой необходимости в подобных «хлопотах» со стороны компаньонов объективно не имелось.

История этого предприятия уникальна во многих смыслах.

Во-первых, это первый и единственный пример предпринимательства в сфере добычи угля в Нальчикском округе в 70-х гг. XIX в., деятельность которого удается проследить по документам.

Во-вторых, это единственное известное коммерческое предприятие этого периода, соучредители которого не являлись близкими родственниками и, что более удивительно, относились к разным религиозным конфессиям. Нам не удалось выявить больше ни одного случая коммерческого сотрудничества между представителями кабардинского народа и евреями, подтвержденного официальными документами. Общины горских и особенно европейских евреев, проживавших в слободе, в отношении предпринимательства, предпочитали вести свои дела обособленно, и избегали заводить партнеров со стороны. Горские евреи, специализировались, преимущественно, на скупке и перепродаже шкур рогатого скота, развозном торге «с колес» мелочным товаром. Европейские евреи, держались особняком от первых, вели стационарную торговлю в слободе Нальчик, в чем значительно преуспели к началу XX в., некоторые даже имели коммерческие точки в кабардинских селениях. Кабардинцы, как видно из документов, к началу 70-х гг. XIX в., только начинают осваивать ремесло лавочной торговли, вытесняя из своих сел лавочников-евреев [В.-Н.-Л. 1896: 34].

В-третьих, история первого угледобывающего предприятия наглядно иллюстрирует развернувшийся процесс расширения хозяйственно-культурных связей в полиэтничном культурном ландшафте Кабардинского (Нальчикского) округа в пореформенный период.

Таким образом, учреждение и деятельность предприятия Фрахтмана–Лиева, безусловно, можно считать наглядным свидетельством инновационных процессов в хозяйственно-экономической жизни края и первым удачным примером межконфессионального сотрудничества в сфере горнодобывающего предпринимательства.

Уникальны и сами личности компаньонов, изначально весьма далеких от горнорудного предпринимательства. Захария Фрахтман, в 70–90-х гг. XIX в. был больше известен как единственный слободской «часовых дел мастер». В договорах с Кабардинской общественной суммой (далее КОС) за 1874 г. он фигурирует как «мещанин Житомирской губернии Зелик Фахтман» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 17], реже, как в договоре за 1886 г. как «Темирхан Шуринский мещанин Зелик Фахтман» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 96]. Сам Захария свои многочисленные обращения в окружную и областную администрацию чаще всего подписывал просто: «мещанин Зелек Фрахтман».

Из ведомости за 1886 г., подготовленной приставом 1-го участка нальчикского округа подполковником Ловеном, известно, что в этот период Захарии исполнилось 60 лет, он уже постоянно проживал в слободе Нальчик, был женат, имел двух сыновей и дочь. Непосредственно в слободе, числился с 12 апреля 1868 г. по годовому паспорту, выданному Темир-Хан-Шуринской городской полицией от 3 марта 1886 г., «приписан в мещане г. Темир-Хан -Шуры. Занимается часовых дел ремеслом, на что имеет дубликат аттестата, выданного ему из Владикавказской ремесленной управы 8 февраля 1884 г. Оседлости не имеет. Ведет жизнь кроткую, поведения хорошего» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 2. Д. 116. Л. 207-216].

О другом компаньоне – «жителе селения Куденетова 2» Исмаиле Лиеве известно меньше. В одном из обращений на имя окружного начальства, Лиев писал о себе: «Я происхожу из почетных кабардинских узденей, род мой всегда был предан русскому правительству, а отец мой всегда был аульским эфендием, по принадлежности почетных лиц Высочайше дарованными участками земли» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 96 об.]. Таким образом, организаторами первого и единственного предприятия в округе по добыче угля выступили часовщик из временно проживающих в слободе европейских евреев, и кабардинский землевладелец из мелких дворян, которые к 1874 г. учредили в этой связи специальное «товарищество».

Кто на самом деле являлся автором идеи проекта и инициатором учреждения товарищества установить сложно, показания самих компаньонов весьма противоречивы. Фрахтман, например, 17 сентября 1873 г. в прошении на имя начальника округа писал по этому поводу, что «решившись испытать счастье на розыск каменноугольных месторождений в области гор, расположенных на общественных кабардинских землях», с начала весны текущего года «бросил все занятия по часовому мастерству и посвятил труды и заботы исключительно на осуществление задуманного дела». «Поиски» Захария осуществлял единолично, «путешествуя все это время на наемных лошадях и с наемными проводниками, и не имея в деле материальной поддержки» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 11-12]. Что примечательно, Лиев в этом рассказе, в качестве товарища и компаньона, разделившего все «тяготы розыска» нигде не упоминался, по-видимому, идея создания совместной «компании» родилась несколько позже, непосредственно, на стадии оформления концессии.

Попутно Захария жаловался на «непонимание» представителей местного самоуправления, в чьей компетенции находилось право выдачи соответствую-

щих разрешительных документов, и просил начальника округа сделать распоряжение «об уяснении кому следует настоящего дела и о разрешении Депутатам заключить со мною Условие», настаивая, что реализация этих планов «и обществу послужит пользой, и хорошим признаком для правительства…» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 11-12].

Отличная от предыдущей история учреждения товарищества изложена в одном из прошений землевладельца Лиева. По версии «почетного кабардинского узденя», инициатива целиком исходила от него. «Желая заниматься какою-либо промышленностью», Лиев в 1872 г. «обратился с просьбою к Начальству, о дозволении открыть какой-либо минерал» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 85]. После прохождения необходимых процедур, 24 апреля 1873 г. ему и, по его словам, «принятому в товарищество Еврею Фрахтману», было выдано свидетельство «на беспрепятственный розыск в горных местностях, принадлежащих Кабардинскому обществу» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 85 об.] каменного угля и других минеральных месторождений.

Как видно из приведенных выше документов, общее в этих показаниях двух компаньонов только одно – внезапно возникшее и оформившееся к 1872 г. стремление организовать на Кабардинских Общественных землях угледобычу. Вместе с тем, можно с большой долей уверенности предположить, что инициатива организации совместного предприятия первоначально исходила именно от Фрахтмана, человека более образованного и предприимчивого. Как явствует из материалов дела, Захария несколько раньше Лиева начинает интересоваться возможностью получения и порядком юридического оформления концессии, первым направляет соответствующие прошения в администрацию. Несмотря на все усилия, ему не удалось в одиночку добиться желаемого результата, так как Доверенные КОС, имевшие исключительные полномочия распоряжаться Общественными землями, не желали сдавать угленосные участки в аренду пришлому. «Я до настоящего времени ни от кого не смог достичь разрешения…, – пишет в одной из жалоб Фрахтман, – депутаты Народного Суда, не зная в этом деле порядка, расходятся в своих мнениях…, а некоторые из них принимают дело как бы не шутки и указывают, что на это нужны средства и что я их не имею» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 11-12]. Возможно, именно нежелание всерьез воспринимать намерения «слободского часовщика» наладить собственное дело на землях КОС со стороны его представителей и побудили последнего обзавестись компаньоном из числа местных дворян-землевладельцев. Такое решение, как видно из архивных материалов, придало весомости предполагаемому предприятию и в скорости привело к положительному разрешению вопроса аренды минеральных участков.

Тем не менее, причины, подвигнувшие Фрахтмана и Лиева заняться горнорудным предпринимательством, и лежащие на поверхности, при детальном изучении вопроса, уже не кажутся столь очевидными. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что арендованные участки находились в труднодоступной местности, удаленной от дорог, ведущих на равнину к Нальчику. Вывоз добытого угля, в соответствии с подписанными условиями, дозволялось осуществлять только с 15 августа по 1 апреля [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д.

190. Л. 17], что накладывало серьезные ограничения на весь производственный цикл и снижало рентабельность предприятия. Кроме того, бросается в глаза отсутствие в материалах дела сведения о торговле «компании» в Нальчике и окрестностях. Можно предположить, что свою продукцию концессионеры могли вывозить в близлежащие Пятигорск и Кисловодск, но и там проблема с топливом не была столь ощутимой, чтобы покрыть немалые издержки предпринимателей по разработке и транспортировке угля.

То обстоятельство, что компаньоны, люди, априори не обладающие соответствующими средствами, знаниями и опытом, предпочли обойтись собственными силами, не прибегая к услугам специалистов, вызывает вполне закономерное недоумение. Вышеизложенное заставляет усомниться в искренности декларируемых компаньонами намерений и предположить, что добыча угля могла являться прикрытием для другой деятельности, не предусмотренной договором. Наиболее вероятными, в этой связи, нам представляются возможными два, не нашедших отражения в официальных документах, направления возможного приложения усилий коммерсантов: золотодобыча и лесоторговля.

Добыча золота

Фрахтман и Лиев с самого начала не скрывали своей заинтересованности в организации добычи золота в округе. В первом совместном обращении на имя заведующего частными горными заводами и промыслами Ставропольской губернии в начале 1872 г., компаньоны просили о выдаче им свидетельства на право «розыска золота, каменного угля, нефти и других рудных и минеральных месторождений» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 1] в Терской области. В ноябре этого же года, Фрахтман и Лиев получили официальный ответ из которого следовало, что поиски разных рудных («кроме золота») и минеральных месторождений на казенных землях, они могут производить согласно ст. 2349 Т. VII свода законов Устава Горного, «без особого на то дозволительного свидетельства, а на землях владельческих или общественных на основании 1504 ст. того же Тома и Устава, не иначе как с дозволения владельцев или обществ, коим земли принадлежат в собственность» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 1]. За разрешением на поиск золота соискателям отдельно предписывалось обратиться в Главное Управление Наместника Кавказского [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 1 об.]. «Золото» – как нам представляется, ключевое слово во всей этой переписке с административными и надзирающими органами. Истинной причиной учреждения угледобывающего предприятия вполне могло оказаться желание учредителей наладить добычу золота на Кабардинских Общественных землях, и эти надежды имели под собой вполне обоснованную почву. Дело в том, что на 70-е гг. XIX в. приходится завершение так называемой «золотой лихорадки», охватившей некоторую часть населения Ставропольской губернии, Южного и Северного Кавказа.

В Ставропольской губернии «официально» золото было открыто в 1820 г., когда, как всегда неожиданно, как бывает в подобных случаях, открылось дело иезуита «патера Гандри», тайно добывавшего золотой песок на левом берегу Терека «против самого города Моздока». Об этой незаконной разработке было

донесено по начальству, иезуита выслали из России в 1828 г., и он, тем самым, избежал дознания [Боголюбский 1877: 46]. Инцидент, однако, не остался без последствий. Волна слухов и домыслов о «золотых россыпях» Кавказа достигла высоких кабинетов.

В 1833 г. для разведки золота правительством был командирован «обергиттенфервальтен» Фоллендорф, который, по исследованию левой стороны Терека на три версты от города до впадения реки Малки «в речном песке находил очень мелкое золото…» [Боголюбский 1877: 46-47]. Выше устья Малки и города Моздока Фоллендорф, «по причине болезни», разведок не производил. Поисковые работы были отложены на неопределенный срок, так как «по случаю не прекращавшейся войны с горцами, нельзя было предпринимать дальнейшие разведки золота как по Тереку, так и по остальным рекам Кавказа» [Боголюбский 1877: 47]. Тем не менее, результаты экспедиции вселяли определенный оптимизм. Известный русский специалист в области минералогии И.С. Боголюбский, по итогам работы экспедиции Фоллендорфа, и проведенным собственным изысканиям, не сомневался в наличии «значительных по запасам золота в россыпи», и был убежден в необходимости производить разведки в отрогах кавказских гор, в особенности близ горных узлов, которые составляют «центры золотоносности». К ним минеролог относил отроги, дающие начало системам рек: Кумы, Терека и Кубани на Северном склоне Кавказа [Боголюбский 1877: 48].

Поиск месторождений золота продолжился в 50-х гг. XIX в. Известный тогда золотопромышленник камергер Астахов получил разрешение искать золото на Кавказе и составил разведочную партию, руководство которой поручил инженеру Ивницкому. Экспедиция занялась поисками преимущественно в закавказских губерниях России и добилась некоторых успехов.

В 1865 г. были предприняты новые поиски золотоносных участков на Кавказе. По инициативе Кавказского Наместника Великого Князя Михаила Николаевича генерал Клейменов организовал и возглавил новую экспедицию, искавшую россыпи по притокам Куры.

Интерес к возможной добыче золота на Северном Кавказе не утихал вплоть до начала XX в., продолжали искать его и в Терской области. В 1895 г. газета «Южный Край» [Южный Край 1895: 4] напечатала небольшую заметку о вновь открытых «золотоносных песках», недалеко от «Пр-ской станции Владикавказской железной дороги». По словам автора, местность, где обнаружили золото, называлась раньше кабардинцами «Котцкала», находилась в «ложбине Черной речки, некогда известной черкесам золотоносным уступом». Открытие было сделано не случайно. Эти земли, расположенные в Сунженском отделе, некогда принадлежали кабардинским князьям Мисостовым, один из них – Татархан Мисостов и рассказал новому владельцу золотоносного участка о том, что его предки еще в середине XVIII «тайным образом» добывали здесь драгоценный металл [Южный Край 1895: 4].

Учитывая вышесказанное, вполне закономерно предположить, что именно желание организовать золотодобычу, являлось определяющим фактором при

учреждении компаньонами совместного предприятия, а заявленная добыча угля – всего лишь попытка скрыть от властей свои истинные намерения.

В этой связи, весьма любопытны детали портрета Фрахтмана, оставленные близко его знавшим Е. Барановым. Рассказ относится к середине 80-х гг. XIX в. По словам очевидца, Захария был «большим мечтателем», своим ремеслом не занимался, перепоручив все дела взрослым сыновьям, а сам «выдумывал» разные «составы», «порошки», «…собирал на берегу реки какие-то камни, дробил их, прожигал и промывал» [Тютюнина 2014: 17]. Упомянутые увлечения Фрахтмана – «дробление», «прожигание» и «промывка» удивительным образом совпадают с наиболее передовыми, на тот момент, полевыми методами установления содержания и количества золота в руде.

Вывоз леса

Другая версия, заслуживающая, на наш взгляд, тщательного изучения, это стремление партнеров наладить незаконную торговлю общественным лесом, доступ к которому они опосредованно получили, подписав соглашение с КОС.

В пореформенный период лесоторговля, помимо земледелия и скотоводства, становится ведущей отраслью экономики округа. Торговлей лесом, помимо горцев, активно занимались отставные земские чины и крестьяне, проживавшие в Нальчике. Обширная номенклатура «разных лесных материалов, добываемых в Кабардинском округе» сбывалась на ярмарки ярмарках Терской области и Закубанья [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 12]. В 70-х гг. XIX в. — это направление предпринимательства становится важной статьей казенных доходов слободы Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 12 об.].

Вместе с те, развитие лесоторговли сдерживалось неэффективностью ее организации. По подсчетам чиновника Терской администрации Н.Ф. Грабовского, совокупный доход от лесоторговли ежегодно составлял до 58 тысяч рублей, но с учетом налогов и сопутствующих выплат, среднестатистический крестьянин, занимавшийся этим занятием, имел реальный доход – около 30 копеек в день, что «не сопоставимо с затраченными усилиями и временем» [Грабовский 1870: 16]. При самых благоприятных условиях, на получение надлежащих разрешительных документов (поездка в Нальчик для получения квитанции на право вывоза и к участковому начальнику за увольнительным билетом), заготовку, транспортировку и дальнейшую реализацию одной арбы леса, кабардинский крестьянин затрачивал от 5 до 7 дней. Арба дешевого леса на рынках Пятигорска и Георгиевска в среднем стоила 2 рубля 50 коп., но это без учета выплат за разрешительные документы, место на рынке, дорожных сборов и проч. В итоге, совокупный доход крестьянина, поделенный на затраченные трудодни, составлял 30 коп. в сутки.

Ограничения, накладываемые государственными органами на это вид предпринимательства, вынуждал предпринимателей искать обходные пути, нередко нарушая закон, выражавшееся как в незаконной вырубке леса, так и в деятельности по поддельным документам. В отдельных случаях действовали «серые» схемы, когда вырубка производилась по билетам, выданным третьим лицам – казакам или иногородним лицам [Грабовский 1870: 18]. Отпуск «строево-

го и делового леса на продажу» производился под контролем лесной стражи «по уплате пошлин». Отпуск лесных материалов, как бесплатно, на нужды собственного хозяйство, так и платно, в коммерческих целях, производился по ежегодно составляемым кабардинским лесничеством «плану и сметам» [Кудашев 1913: 228].

Нетрудно заметить, что, заключив договор на аренду высокогорных участков, Фрахтман и Лиев получили возможность в обход Нальчика, соответственно надзирающих органов, как то лесная стража, специальные чиновники и проч., бесконтрольно вывозить лес на рынки Пятигорска, Георгиевска и далее в Закубанье, тем более, что пригодные для этих целей дороги были в наличии. Реализация проекта, если допустить, что он действительно имел место, гарантировала существенную экономию времени и денег, необходимых на получение специальных документов, уплату взносов за вырубку, и прочих платежей, что сулило серьезную прибыль и оправдывало прилагаемые усилия. Мы не располагаем на сегодняшний день прямыми доказательствами этой деятельности, но возможность ее осуществления компаньонами несомненно имелась.

Косвенным подтверждением нашего предположения может служить оговорка, допущенная партнерами в прошении от 1 июня 1885 г. В документе компаньоны утверждали, что, открыв, на этот раз, «вдвоем» каменный уголь «в местности Бермамыт и Бечесин», получили разрешение бывшего в то время начальника округа и «кабардинского народа», на разработку угля, и на «вывоз леса, необходимого для этой же надобности» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 87]. Зачем и куда они собирались вывозить необходимый для крепежа шахты лес не уточнялось, кроме того, в договоре от 1874 г. никакие условия по использованию леса прописаны не были, соответствующего разрешения не имелось. По-видимому, право использования этой опции компаньоны незаконно присвоили себе сами, в одностороннем порядке, и сильно сокрушались, потеряв возможность ее реализации.

Необходимо отметить, что в последующем также отмечались случаи злоупотребления арендаторами в отношении общественного леса. Получив концессию на добычу полезных ископаемых на общественных землях, они тут же приступали к незаконным вырубкам, с целью продажи лесоматериалов на рынках Терской области и Закубанья. В этой связи, весьма показателен случай с делом Мурзабека Конова, заключившего в 1906 г. договор на аренду «находящихся на принадлежащей кабардинскому народу и горским обществам земле под горою Эльбрус, на правом берегу реки Малки, минеральных источников Нарзана» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 2. Д. 673. Л. 144 об.]. Конов исправно вносил арендную плату, сведения о поступлении денег от «арендатора источника «Нарзан»» в размере 50 р. ежегодно встречаются в отчетах казначея КОС вплоть до 1913 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 810. Л. 1 об.], однако, данные об эксплуатации непосредственно полезных ископаемых и рекреационных ресурсах участка отсутствуют.

Впрочем, некоторые предприниматели вовсе не скрывали своих намерений нажиться на хищнической эксплуатации лесных ресурсов края. В подтверждение можно привести нашумевшее дело И. Дударова, настойчиво добивавшегося

аренды крупного участка общественного леса площадью 60 тыс. десятин сроком на 40 лет. Официально, Дударов испрашивал права разработки полезных ископаемых, но выбрал для этих целей наиболее богатые древесиной районы. Еще до его обсуждения съездом доверенных в газете «Русское слово» эта инициатива была охарактеризована как «очень сомнительная затея». Вероятно, и это обстоятельство повлияло на то, что по рекомендации комиссии по рудным делам 28 октября 1908 г. съезд Доверенных отказал полковнику И. Дударову в искомой аренде [Прасолов 2019: 69].

Таким образом, гипотеза о намерениях Фрахтмана и Лиева использовать добычу угля для прикрытия незаконной лесоторговли, представляется также вполне заслуживающей внимания. Подобная «серая схема» по вывозу леса, как показывает опыт, была хорошо известна и практиковалась в округе, ее возможная реализация не требовала больших капиталовложений. Учитывая постоянную стесненность компаньонов в наличных средствах, этот проект, несмотря на криминальный характер, в сравнении с ломкой угля, выглядел более рентабельным и предпочтительным. Именно этим обстоятельством можно объяснить нежелание владельцев концессии привлекать для работы на шахте специалистов – горных инженеров и профессиональных шахтеров. В последствии, компаньоны, характеризуя степень понесенных убытков, красочно живописали масштабы предварительных работ, когда «были приготовлены все устройства: шахта, кузница, землянки рабочих, инструменты и разработана дорога» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 56], но никаких данных о нанятых персонале шахты, его квалификации, количестве и размерах выплаченной заработной платы выявить не удалось. Объяснить этот факт можно только тем, что компания Фрахтмана–Лиева ориентировалась преимущественно на наем лесорубов и возчиков, для которых квалификация, как известно, не имеет большого значения.

Деятельность компании

Заключив предварительное соглашение, компаньоны приступили к процедуре оформления разрешительных документов в соответствующих надзорных учреждениях. 25 ноября 1873 г. начальнику округа поступило прошение, в котором Фрахтман и Лиев сообщали о найденной в Хасаутском ущелье «залежи каменного угля», и желании «произвести разработку этой местности собственным нашим иждивением, со приглашением по нашему усмотрению одного или двух компаньонов». Партнеры просили дать распоряжения «о предложении владельцам этой местности заключить с нами условие …» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 6-6 об.]. Начальство встретило эту инициативу благожелательно, и уже 28 июля 1873 г. Поземельному депутату Большой Кабарды князю Кургоко Атажукину из окружной канцелярии поступило предписание уточнить кому принадлежит местность в Хасаутском ущелье под названием Пшесин, где был прежде казачий пост на р. Канорогай-Кол и местность у подножия г. Бермамыт с Юго-Восточной стороны, т.е. «Кабардинскому обществу, казне или же частным владельцам» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 10]. После уточнения необходимых данных арендаторы приступили непосредственно к проработке заключения договора с КОС. В конце сентября 1873 г.

пристав 1 участка получил распоряжение окружного начальства принять меры, для организации внеочередного собрания поземельных депутатов Кабарды по рассмотрению вопроса «распределения общественных земель и заключения условия с Зеликом Фрахтманом и кабардинцем Лиевым на разработку каменного угля» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 16-16 об.]. Проведенное 10 октября заседание юридически оформило сделку.

Договор, или иначе «Условие», включал в себя всего пять пунктов, подтверждавших исключительное право «мещанина Житомирской губернии Зелика Фрахтмана и кабардинца Исмаила Лиева» добывать каменный уголь «открытый ими на Кабардинской общественной земле в местностях под названием: Ингушли, Бермамыт и Бечесин» сроком на 10 лет. Подчеркивалось, что если в течение первых двух лет добыча не будет налажена, то договор считается недействительным. Под устройство построек, необходимых для добывания и хранения угля компаньонам отводилось три десятины земли. Вывоз добытого угля разрешался только с 15 августа по 1 января следующего года.

По договору, Лиев и Фрахтман обязывались уплачивать КОС, «за исключением расхода, третью часть чистого дохода». Стороны договаривались «условие эти соблюдать в точности». Сам документ своей подписью заверил начальник Георгиевского округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 17-18].

Нельзя не обратить внимание на упрощенную форму договора. Многие важнейшие положения, необходимые для грамотного оформления юридического документа подобного уровня, в нем либо недостаточно точно прописаны, либо отсутствовали. В данном случае мы имеем дело с наглядным примером несовершенства правоприменительной практики в делопроизводстве КОС в следствие отсутствия у Института Общественных Представителей правового опыта в реализации подобных мероприятий. В 70-90-е гг. XIX в. в КОС еще отсутствовала практика обращения к услугам юристов для подготовки и сопровождения подобных сделок. Очевидно, что данное обстоятельство явилось следствием неразберихи и путаницы в разделении полномочий окружной администрации и КОС в период межевания общественных земель.

В большей степени ситуацию усугубляло еще и то обстоятельство, что общественные земли, по мнению Кавказской администрации, изначально «отводились» под пастбища и, соответственно, вопрос сдачи этих участков в аренду находился в компетенции КОС. Разработка недр, в соответствии с действующим законодательством, проходила уже по Горному ведомству, всячески стремившемуся отстоять свое решающее право в этом вопросе, в результате чего между представителями народного самоуправления и органами Кавказской администрации разгорелась многолетняя полемика. В условиях неопределенности полномочий многие договоры нередко составлялись с явными ошибками и упущениями, очевидность которых проявлялась позже. Не стало исключением из этого правила и арендное соглашение КОС с Фрахтманом–Лиевым. Подписанное 10 октября 1873 г. «Условие», в силу своей слабой проработки, выразившейся в расплывчатости закрепляемых документом положений, оставляло большой простор для недобросовестного его исполнения, а такие важные пунк-

ты, как ответственность сторон, порядок контроля и учета деятельности арендаторов, вообще отсутствовали.

Отмеченные выше моменты осложняли производственный процесс арендаторам, вынуждая их уже через год после официального вступления в силу договора просить окружное начальство разъяснить детали его исполнения. Партнеры всерьез озадачились порядком реализации произведенной продукции и оформления сопутствующей документации, которые изначально не были прописаны в соглашении. «Каким образом вести расчет с обществом, т.е. должен ли кто присутствовать при разработке нами угля и вывозке его для продажи, или мы сами должны давать в этот отчет, в условии ничего не сказано; между тем, итогом этого года нами установлена правильная разработка угля и вывезено для продажи такового больше тысячи пудов, на что будут представлены и квитанции если потребуется и расчет» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 37-37 об.].

Тем не менее, сразу после получения концессии, компаньоны приступили к реализации намеченных планов. К октябрю 1874 г. все необходимые подготовительные работы были завершены. Лиев, в одном из своих заявлений указывал, что к 1874 г. ими «были приготовлены все устройства: шахта, кузница, землянки рабочих, инструменты и разработана дорога» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 56]. А в течение уже в 1875 г. компаньонам, по их же утверждению, удалось наладить полный цикл добычи и вывоза угля.

Судя по имеющимся документам, предприятие успешно осуществляло свою деятельность вплоть до 1878 г. Проблемы у концессионеров начались, когда Горное Управление, обязанное отслеживать состояние дел в добывающей отрасли, обратило внимание на упущения в договоре и потребовало от КОС привести его в соответствие с действующим в этой сфере законодательством. «Условие» – по мнению Горной Администрации, «было составлено с отступлениями от правил разработки минеральных богатств», потому чиновники ведомства настаивали на необходимости дополнить документ «указанными пропусками» и только затем представить его «на разрешение» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 49-49 об.].

Речь шла о «Правилах», подготовленных Государственным Советом «для поисков и разработки каменного угля в свободных землях Кавказского и Закавказского края», принятых в 1875 г. Новые «Правила» состояли всего из пяти пунктов. Особое неприятие Фрахтмана и Лиева, по-видимому, вызвали нововведения, связанные с ограничением действия выдаваемых разрешений на срок до трех лет, а также ужесточение правил пользования лесом при ведении работ. Третий пункт содержал важное примечание: «Местное лесное и горное начальства должны наблюдать, чтобы отпускаемый, на вышеизложенных основаниях, лес отнюдь не был обращаем промышленниками на другое употребление, кроме крепей каменно-угольных разработок [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 93]. Нам представляется очевидным, что именно это положение, серьезно ограничивающее возможность бесконтрольной эксплуатации лесных ресурсов, и обязывавшее владельцев добывающих предприятий оплатить стоимость ранее использованных лесоматериалов, и вызвало недовольство компаньонов.

Законное требование властей встретило жесткое неприятие со стороны предпринимателей, Фрахтман и Лиев наотрез отказались пересматривать условия действующего соглашения. Собравшиеся на специальное заседание Доверенные 15 июля 1877 г. повторно предложили арендаторам перезаключить контракт на новых условиях. Официально, изменения касались ограничения срока аренды, но с возможностью ее дальнейшей пролонгации, однако, «мещанин Фрахтман и кабардинец Лиев не согласились подписать таковое, объяснив, что они подадут особое заявление» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 43]. Компаньоны возлагали необоснованно большие надежды на желание официальных властей сохранить единственное добывающее предприятие округа. Их выжидающая позиция длилась весь 1878 г., но ни чиновники окружной администрации, ни депутаты КОС, не собирались идти на конфликт с Горным Управлением. В следствие отсутствия со стороны арендаторов «особого заявления» в окружную администрацию в течение года разрешение на добычу угля было аннулировано. И хотя договор был расторгнут во многом благодаря неуступчивости самих концессионеров, Фрахтман и Лиев начинают многолетнюю борьбу за право аренды минеральных ресурсов Хасаутского ущелья. Уже в апреле 1879 г. они направили на имя начальника округа прошение о разрешении возобновить добычу угля [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 48]. Следующими адресатами стали Терская администрация и Горное Управление.

Примечательно, что с определенного момента Фрахтман и Лиев решают разделиться и действовать независимо друг от друга. Заявления на пересмотр дела, бывшие компаньоны подают по отдельности, приписывая именно себе все заслуги по розыску месторождения угля и организации предприятия.

Количество жалоб и прошений, упорство просителей, вынуждают власти пойти им на встречу и назначить пересмотр дела. Собравшиеся 2 января 1880г. Доверенные Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ, вновь рассмотрев просьбу Лиева, и учтя понесенные им убытки, сочли возможным заключить соглашение на новых условиях. Лиеву дозволялось вести добычу угля на общественных землях, в местности Бечесин, на специально отведенном участке, но не более 5 десятин, сроком на три года, и с правом продления соглашения [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 57]. Предложение Лиеву не понравились и он, мотивируя свой отказ ранее понесенными значительными расходами, стал решительно добиваться их пересмотра. Заседавший 29 января 1880 г. в сл. Нальчик Горский Словесный Суд, рассмотрев дело повторно, рекомендовал Лиеву заключить новое соглашение именно на этих позициях, однако последний продолжал настаивать на своем и заявил под протокол, что «не желает взять разработку на три года, а не иначе как на двадцать лет». В виду этого, Суд счел выполненными все необходимые формальности, и постановил «прекратить действие по заключению Условия по неуполномочию на то от народа» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 66 об.]. Схожая ситуация сложилась при рассмотрении требований Фрахтмана – предложенные Доверенными КОС условия его также не удовлетворили.

В декабре 1780 г. Лиев все же поменял свое решение и вынужденно пошел на компромисс. Сетуя на то, что остался совсем без денег, и не согласился в

1879 г. на 3 года аренды, якобы потому, что на такой короткий срок «компаньона не найти», бывший концессионер просил областное начальство «предложить» доверенным разрешить ему бесплатную аренду на 3 года «для покрытия убытков», и на следующие 7 лет «с положенной платой» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 66-66 об]. На этот раз уже официальные власти отказались идти на встречу просьбе «почетного кабардинского узденя», отделавшись общими формулировками. В январе 1881 г. пришел ответ из канцелярии начальника Пятигорского округа, в котором заявителя уведомляли, что дело может быть рассмотрено только после «окончательного размежевания Кабардинских общественных земель, и при сборе доверенных от всех обществ Кабарды» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 71].

Следует отметить, что к началу 80-х гг. XIX в. добыча полезных ископаемых на землях КОС, как вид предпринимательства, начинает привлекать уже не только жителей сл. Нальчик и окрестностей. Заманчивые перспективы разработки хасаутского каменноугольного месторождения начинают привлекать коммерсантов из соседних регионов.

Ситуация особенно запуталась, когда заинтересованность стали проявлять иностранные подданные, из числа временно проживающих в Терской области. В феврале 1881г. Начальнику округа полковнику Полозову от «Георгиевского гражданина Австрийско-поданного» Григория Матвеевича Обрадовича поступила «докладная записка», в которой автор «уведомлял» о своем желании «добывать каменный уголь в местностях под названием Ингушли, Бермамыт и Бечесин на Кабардинской общественной земле», испрашивая разрешение на аренду этих участков [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 77]. Не желая вновь вступать в конфликт с депутатами КОС, власти отказывают в этой заявке, мотивируя свое решение тем, что «Доверенные от Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ» не могут предоставить Обрадовичу просимые участки «впредь до окончательного размежевания земель» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 78-78 об.].

В январе 1884 г. житель слободы Кисловодской «отставной старший мастер Иосиф Штабинский», просил у начальника Нальчикского округа разрешение на разработку и вывоз алебастра, «а если повезет, то и каменного угля» в местности Бечесин, близ селения Хасаут [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 83]. Следующие заявки с подобной просьбой (24 февраля, 4 апреля и 4 сентября 1884 г.) были направлены в Управление Горной частью на Кавказе. Штабинский и, присоединявшийся к нему в этом деле мещанин Кисловодска Илларион Осипов, добивались разрешения на разработку залежей каменного угля в местности Эшкакон Нальчикского округа. Горное управление, рассмотрев поданные заявки, 17 декабря 1884 г. уведомило Штабинского, что выдает соответствующие разрешения только относительно свободных казенных земель, а указанная в прошении местность находится «в районе общественных Кабардинских пастбищ, предоставленных в пользование жителям Кабарды и Горских обществ» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. ЛЛ. 67-67 об.]. Отказ ведомства подтолкнул отставного «старшего мастера» к идее кооперации с Фрахтманом и Лиевым. Убедить отчаявшихся коммерсантов, по-видимому, не состави-

ло большого труда, и вскоре «единственная компания», как ее предварительно назвали [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 68], начинает настойчиво добиваться разрешения на возобновлении работ по добыче угля. В мая 1885 г. начальнику Нальчикского округа поступило коллективное прошение от Штабинского, Лиева и Фрахтмана. Апеллируя к тому, что именно последние двое открыли в 1874 г. в местностях Бермамыт и Бечесин каменный уголь, получив на то соответствующее разрешение «бывшего начальника округа и Кабардинского народа», они «лишились всего своего состояния» когда бывший начальник округа полковник Полозов «по неизвестным им причинам, отобрав Условие и Свидетельство воспретил возить уголь» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 67 об.]. Учредители «единственной компании» просили дозволить разработку на прежних участках «товарищества», либо на новом месте, «отысканном Штабинским» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 68]. Примечательно, что особенно настойчиво компаньоны испрашивали разрешения на отвод «необходимого количества леса из близлежащих лесных дач» для своих нужд.

Вскоре, однако, этот коммерческий союз расстроился по причине недобросовестности одного из участников. Вскрылось, что Штабинский не только не «открыл» новое месторождение угля, но и вводил в заблуждение своих партнеров, уверив их в наличии неких «разрешений» на ведение работ. В начале июня 1885 г. в совместном прошении на имя начальника округа, Лиев и Фрахтман заявили, что убежденные Штабинским, в том, что «ему будто бы в городе Тифлисе дано разрешение на право разработки залежей каменного угля как на Эшкаконе, так и на вышеозначенных местностях», составили по его совету совместное прошение «которым просили Вашего распоряжения … В настоящее время, мы вполне убедились, что Штабинский никакого разрешения на разработку каменного угля не получал, и что он намерен воспользоваться удобным случаем нашими трудами и стараниями сделаться компаньоном с нами…» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 88].

Меж тем усилия Фрахтмана и Лиева вновь возымели положительное действие. После окончания процесса межевания общественных земель депутаты КОС сочли возможным пересмотреть дело об аренде угленосных участков в Хасаутском ущелье. Однако, еще до вынесения окончательного решения по этому вопросу, возникла новая угроза рейдерского захвата угольных рудников, на этот раз, со стороны чиновников Горного Управления.

В первой половине 1886 г. залежи угля на Эшкаконе были повторно «открыты» горным инженером коллежским асессором Борисом Марковичем Файвишевичем. В поданном в областное правление прошении горный инженер заявил, что им «в настоящем году открыто и разведано» каменноугольное месторождение на «Эшкаконском казенном земельном участке Пятигорского округа, состоящем в аренде у князя Тохтамыш-Герея» и просил распоряжения об отводе ему «сказанной местности для производства разработок» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 102]. Ситуация осложнялась тем, что указанный в заявке приграничный участок, по мнению Файвишевича, находился на казенных землях, тогда как на основании проведенного межевания, остался в составе земель КОС. Пятигорское окружное полицейское Управление, детально рассмотрев

дело, составило акт комиссии, состоявшей из помощника старшины сел. Абукова – Бженикова, доверенного от князя Тохтамыш-Герея – отставного подполковника Аглинцева и понятых от слободы Кисловодской: отставного фейерверкера Бакуменко и Пятигорского мещанина Гребенюка, в котором «объяснено, что сказанная выше местность осмотрена при бытности отца просителя – Владикавказского мещанина Марка Фрайвишевича» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 102]. В результате разбирательства было установлено, что «открытое» Фрайвишевичем месторождение находится «на земле Кабардинского общества, а не на свободном казенном участке» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 105]. Дело было передано начальнику Нальчикского округа, который в специальном рапорте подтвердил, что месторождение угля в местностях «Ингушли, Бермамыт и Бечесин» открыты были Лиевым и Фрахтманом «еще в 1872 г.» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 103], и ими же производилась добыча вплоть до 1880 г.

Таким образом, инцидент был исчерпан, но «инициатива» горного инженера Файвишевича подтолкнуло Доверенных ускорить рассмотрение дела Фрахтмана–Лиева и в течение короткого времени стороны все же пришли к обоюдному согласию, выразившемуся в подписании нового договора. В конце ноября 1886 г. в присутствии «Нальчикского окружного полицейского Управления», Лиев и Фрахтман, с одной стороны, и представители Доверенных от Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ заключили новый концессионный договор. Компаньоны, как «первые открывшие залежи каменного угля в местностях Бечесин, Ингушли, Бермамыт и Эшкакон» получали эти участки в аренду сроком на 3 года. В новом договоре прописывалось право арендаторов бесплатно пользоваться близлежащими лесами для «производственных нужд» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 96], они также добились права «бесплатного выпаса рабочего скота» на общественных землях. Предполагалось, что договор будет пролонгироваться, арендаторы, в «в виду понесенных ранее убытков», получали «особую льготу» только через 5 лет начать выплачивать КОС арендную плату за вывозимый уголь в размере «5 рублей с каждой тысячи пудов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 190. Л. 96].

После 1886 г. достоверных сведений о деятельности первого в Кабардинском (Нальчикском) округе угледобывающего предприятия выявить не удалось. Возможно, понеся серьезные убытки в период вынужденного простоя, что неоднократно подчеркивали сами компаньоны, и не найдя заинтересованных инвесторов, компания распалась окончательно. Другой причиной, не позволившей партнерам возродить добычу, могло стать завершившееся в 1875 г. строительство Владикавказской железной дороги, что неминуемо превращало затею с углем в убыточное предприятие. Нельзя также отбрасывать и версию Тютюниной, предположившей, что семье Фрахтман пришлось покинуть Нальчик в начале 90-х гг. XIX в., т.к. «в действие вступил закон 18 июня 1892 г., запрещавший «европейским» евреям в отличие от горских (татов) постоянно проживать в пределах Кубанской и Терской областей. Всем им было предписано выехать к местам «приписки», в случае с Фрахтманом – в гор. Темир-Хан-Шуру» [Тютюнина 2014: 17].

Тем не менее, интерес к разработке минеральных богатств края не угас, а напротив, увеличивался год от года, вовлекая в свою орбиту не только отдельных предпринимателей – энтузиастов, но и целые горские общины.

Заключение

Подводя общие итоги исследования, можно заключить, что «товарищество» Фрахтмана–Лиева не только уникальное явление в истории развития частного предпринимательства Кабардинского (Нальчикского) округа 70-80 -х. XIX в., но и неопровержимое свидетельство процесса расширения хозяйственно-культурных связей в полиэтничном культурном ландшафте Края в пореформенный период.

Первый, относительно удачный эксперимент в области ресурс добывающего сегмента местного рынка, самим фактом своей деятельности продемонстрировал экономические перспективы развития горнорудной отрасли, послужил примером для следующей волны энтузиастов – предпринимателей, пожелавших попробовать свои силы на этом поприще.

Опыт учреждения предприятия, как и дальнейшая борьба его собственников за возрождение компании, крайне важны для понимания ключевых противоречий, препятствовавших нормальному развитию горнодобывающего сектора экономики округа. Условия, в которых Фрахтману и Лиеву пришлось приступать к реализации своих намерений, заметно отличались от ситуации в центральных губерниях России. Необходимо учитывать, что Северный Кавказ, в этот период являлся фронтиром России, где законодательная система и налогообложение, в отдельных случаях, могли разниться с общеимперскими, а полномочия местного самоуправления горских народов могли стать определяющими в судьбе любого коммерческого начинания. Такие обстоятельства, сами по себе, предполагают наличие определенного рода смекалки и авантюризма у предпринимателей, затевающих новое дело. Организационный процесс, принимая во внимание все возможные риски данного проекта, вынуждал коммерсантов, с одной стороны, заранее закладывать на перспективу варианты реализации побочных схем извлечения прибыли, не всегда явных и законных. С другой стороны, Фрахтману и Лиеву, пришлось преодолевать сопротивление чиновничье-бюрократического аппарата, не желавшего менять сложившуюся систему административно – правового регулирования предпринимательской деятельности в граничных, с компетенциями КОС, областях.

К середине 80 -х. гг. XIX в. административные органы и доверенные от Кабарды и Балкарии, по завершению процесса межевания общественных земель, заметно оптимизировали совместную деятельность по разграничению полномочий и, тем самым, разрешили объективно назревшие противоречия в экономических делах. Дело Фрахтмана–Лиева сыграло свою немаловажную роль в этом процессе, явившись своеобразным полигоном для моделирования методов и правил правоприменительной практики в сфере предпринимательства.

Опыт изучения истории угледобывающей компании Фрахтмана–Лиева убеждает нас в несостоятельности тезиса, постулируемого отечественной историографией советского периода о том, что в силу колониальной политики са-

модержавия, местные чиновники и администрация сознательно препятствовали и пресекали попытки частных предпринимателей, и намерения обществ Балкарии отдавать недра земель, находящихся в их владении, горнопромышленникам для разработки.

Изучение и анализ материалов первой угледобывающей компании Кабардинского (Нальчикского) округа позволяют с уверенностью утверждать, что главными сдерживающими факторами выступали противоречия между чиновниками Кавказской Администрации, Горного Управления, и представителями органов местного самоуправления (Съезд Доверенных Кабарды и Пяти Горских Обществ) по поводу эксплуатации официально «пожалованных в вечное пользование» общественных земель. Отсутствие ясности в вопросах о разграничении полномочий, условий и порядка правоприменительной практики, в этой области, стало основным препятствием на пути развития частных коммерческих проектов по добыче и переработке минеральных ресурсов в Кабардинском (Нальчикском) округе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Боголюбский 1877 – *Боголюбский И.С.* Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. – СПб.: Типография И.П. Попова, 1877. – 138 с.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 3. – Тифлис: Кавказское Горское Управление, 1870. – Отд. IV. – С. 1-28.

В.-Н.-Л. 1896 – *В.-Н.-Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. – Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1896. – 41 с.

Жакомихов 1965 – *Жакомихов Т.А*. История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 205 с.

Крикунова 1961 – *Крикунова Е.О.* К истории промышленной разработки минеральных богатств в Кабардино-Балкарии // Краеведческие записки. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – Вып. 1. – С. 64-74.

Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев: Типолитография «С.В. Кульженко», 1913. – 283 с.

Муратова 2019 – *Муратова Е.Г.* Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. –№ 2. – С. 12-36.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX вв. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Руль 1911 – *Руль*. – 1911. – № 83. – 15 января.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. – Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. – 232 с.

Тютюнина 2014 – *Тютюнина Е.С.* Кавказ: Живой отголосок прошлого. Жизнь и творчество писателя Евгения Баранова. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т», 2014. – 280 с.

Южный Край 1895 – *Южный Край*. – 1895. – № 5021. – 22 августа.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENES

BOGOLYUBSKII I.S. *Zoloto, ego zapasy i dobycha v russkoi zolotonosnoi formatsii* [Gold, its reserves and mining in the Russian gold-bearing formation]. – SPb.: Tipografiya I.P. Popova, 1877. – 138 s. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Ekonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimykh soslovii Kabardinskogo okruga* [Economic situation of the former dependent classes of the Kabardian district]. IN: Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. – Vyp. 3. – Tiflis: Kavkazskoe Gorskoe Upravlenie, 1870. – Otd. IV. – S. 1-28. (In Russ.).

V.-N.-L. *Perekhodnoe sostoyanie gortsev Severnogo Kavkaza* [Transitional state of the highlanders of the North Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo, 1896. – 41 s. (In Russ.).

ZHAKOMIKHOV T.A. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii* [History of the national economy of Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 205 s. (In Russ.).

KRIKUNOVA E.O. *K istorii promyshlennoi razrabotki mineral'nykh bogatstv v Kabardino-Balkarii* [To the history of industrial development of mineral wealth in Kabardino-Balkaria]. IN: Kraevedcheskie zapiski. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – Vyp. 1. – S. 64-74. (In Russ.).

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Kiev: Tipolitografiya «S.V. Kul'zhenko», 1913. – 283 s. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Balkarskie gorskie obshchestva v usloviyakh imper-skoi modernizatsii Rossii: etnosotsial'naya konsolidatsiya i razvitie* [Balkar mountain societies in the context of imperial modernization of Russia: ethnosocial consolidation and development]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2019. –№ 2. – S. 12-36. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv*. [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in local self-government practices in the second half of the XIX - early XX centuries]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 208 s. (In Russ.).

Rul' [Rudder]. – 1911. – № 83. January 15. (In Russ.).

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX vv*. [The culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late XIX - early XX centuries.]. – Nal'chik: Adyge kheku, 2001. – 232 s. (In Russ.).

TYUTYUNINA E.S. *Kavkaz: Zhivoi otgolosok proshlogo. Zhizn' i tvorchestvo pisatelya Evgeniya Baranova* [Caucasus: A living echo of the past. The life and work of the writer Yevgeny Baranov]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (OOO «Poligrafservis i T», 2014. – 280 s. (In Russ.).

Yuzhnyi Krai [South Krai]. – 1895. – № 5021. – August 22. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki. [Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 25.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-109-119
EDN: FLQNTI

ИДЕИ ДЖАДИДИЗМА И ПОПЫТКИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В КАРАЧАЕ И БАЛКАРИИ (1870-1920-е гг.)

Муслим Исмаилович Баразбиев[1], **Рустам Маратович Бегеулов**[2]
[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, muslim1971@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2451-6987
[2] Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия, r_begeul@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4423-9182

Аннотация. В статье рассмотрены общественно-просветительские взгляды и деятельность сторонников джадидизма в Карачае и Балкарии в 1870-1920-е гг. Приведены данные о конкретных персоналиях, которые пытались в рамках данного культурно-просветительского движения провести некоторые реформы в системе мусульманского обучения и просвещения. Освещены их усилия по модернизации местной системы образования и введению гендерного равенства в этой сфере, развитию печати, внедрению родного языка в духовных и светских школах и т.д. Отмечено, что деятельность значительной части карачаево-балкарских джадидов продолжилась и в советскую эпоху, когда многие из них внесли немалый вклад в становление новой системы школьного обучения на родном языке. Одно из ключевых мест в статье занимает личность эфенди, учителя, общественного деятеля Исмаила Акбаева, разделявшего идеи джадидов, пытавшегося применить их на практике и внесшего значительный вклад в развитие карачаевской-балкарской культуры, особенно сферы образования. Сделан вывод о том, что благодаря новаторству джадидидов передовые для своего времени просветительские идеи получили свое воплощение и в карачаево-балкарской этнокультурной среде.

Ключевые слова: джадиды, Карачай, Балкария, школы, образование, печать, просветительская деятельность

Для цитирования: Баразбиев М.И., Бегеулов Р.М. Идеи джадидизма и попытки их реализации в Карачае и Балкарии (1870-1920-е гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 109-119. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-109-119. – EDN: FLQNTI.

© Баразбиев М.И., Бегеулов Р.М., 2022

Original article

IDEAS OF JADIDISM AND ATTEMPTS TO IMPLEMENT THEM IN KARACHAY AND BALKARIA (1870s-1920s)

Muslim I. Barazbiev[1], **Rustam M. Begeulov**[2]
[1] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, muslim1971@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2451-6987
[2] Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, Russia, r_begeul@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4423-9182

Abstract. The article examines the public-educational views and activities of supporters of Jadidism in Karachay and Balkaria in the second third of the XIX–first third of the XX century. The data on specific personalities who tried to carry out some reforms in the system of Muslim education and enlightenment within the framework of this cultural and educational movement are given. Their efforts to modernize the local education system and introduce gender equality in this area, the development of the press, introducing the native language in spiritual and secular schools, etc. are highlighted. The activities of a significant part of the Karachay-Balkarian Jadids continued in the Soviet era, when many of them contributed significantly to the formation of a new school system in their native language. One of the key places in the article is occupied by the personality of Effendi, teacher, public figure Ismail Akbayev, who shared the ideas of the Jadids, tried to put them into practice and contributed significantly to the development of Karachay-Balkar culture, especially education. It is concluded that, thanks to the innovation of the Jadidids, advanced educational ideas for their time were embodied in the Karachay-Balkar ethno-cultural environment.

Keywords: Jadids, Karachai, Balkaria, schools, education, printing, educational activities

For citation: Barazbiev M.I., Begeulov R.M. Ideas of jadidism and attempts to implement them in Karachay and Balkaria (1870s-1920s). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 109-119. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-109-119. – EDN: FLQNTI.

© Barazbiev M.I., Begeulov R.M., 2022

Проблема образования, его модернизации сопровождает человечество на протяжении практически всего его «цивилизованного» периода истории. Естественно, это важный элемент общественной жизни, от которого в значительной степени зависит социальный статус как отдельного человека, так и успех развития всего общества. Актуальна проблема дальнейшего развития образования, его модернизации и на современном этапе развития нашей страны. При этом важно уделять внимание не только светскому образованию, но и религиозному, так в своей совокупности они играют важную роль и в получении знаний, и в обеспечении общественного согласия, безопасности государства и т.д. В этой связи анализ исторического опыта джадидов, выступавших за реформирование системы духовного образования мусульман России, может быть востребован и полезен. Тем более, что на Северном Кавказе сопротивление новым, прогрессивным, джадидистким веяниям по разным причинам было довольно значительным.

К тому же, можно отметить, что попытки реализации идей джадидизма в таких регионах Северного Кавказа, как Карачай и Балкария, изучены довольно поверхностно. Эта проблема затрагивалась в ряде работ, но относительно фрагментарно, в рамках другой, более общей канвы. Так, например, вопросы развития образования (в том числе религиозного), духовной культуры, просвещения карачаевцев и балкарцев затрагивались в трудах Т.Ш. Биттировой [Биттирова 1999; Карачаево-балкарские деятели культуры 1996], С.Б. Узденовой [Узденова 1997], З.К. Лайпановой [Лайпанова 2008], А.Д. Койчуева [Койчуев 2019] и других. Работы, посвященные жизни и деятельности одного из самых ярких представителей северокавказских джадидов И. Акбаева, опубликовали Т.Ш. Биттирова [Карачаево-балкарские деятели культуры 1996], А.Д. Койчуев [Койчуев 2012], Р.Т. Хатуев [Хатуев 2014]. Но до сих пор работы, специализирующиеся на исследовании непосредственно джадидизма в Карачае и Балка-

рии, отсутствуют. Такая ситуация, на наш взгляд, детерминирует проведение новых исследований по заявленной проблематике, что и обусловило обращение авторов данной статьи к обозначенной теме.

В основе данной исследовательской работы лежит принцип историзма, позволивший осветить проблему распространения идей джадидизма в среде религиозных деятелей Карачая и Балкарии, среди лиц, трудившихся на ниве просвещения во второй половине XIX – первой трети XX в. В ходе работы над данной статьей нами были задействован ряд специально-исторических методов. Среди них проблемно-хронологический, хронологический, синхронистический, позволивший установить взаимосвязи между аналогичными процессами, происходившими в среде исламской уммы России в обозначенный хронологический период, сравнительно-исторический, позволивший определить особенности развития религиозной, общественной, культурно-образовательной ситуации в Карачае и Балкарии в 1880-1920-е гг., генетический, при помощи которого проанализированы основные тренды и закономерности эволюции джадидистских идей в карачаево-балкарской среде в рассматриваемый период и др.

В конце XIX в. образовательный уровень мусульманских народов Северного Кавказа, в том числе и карачаево-балкарцев, оставался довольно низким. Невысок был общий процент грамотного населения. По имеющимся данным, грамотность среди, например, карачаевского населения к 1920 г. достигала 6,7 % [Бегеулов 1930: 29]. Ведущие позиции занимало религиозное образование. По крайней мере, начальные школы при мечетях существовали во многих селениях. Тем не менее, духовное образование, которое в Карачае и Балкарии в XIX – начале XX в. продолжало доминировать над светским, сохраняло косность, оставалось в стороне от передовых форм и методов обучения, имело схоластический характер. Такое положение дел не удовлетворяло наиболее передовую часть исламского духовенства того времени. Несмотря на то, что оно оставалось в подавляющем меньшинстве и, зачастую, ощущало на себе заметный прессинг как со стороны доминирующего консервативного духовенства, так и, нередко, со стороны официальных властей, попытки с их стороны модернизировать образовательную сферу, да и всю жизнь местной мусульманской уммы имели место.

Значительное влияние на часть карачаево-балкарских мусульман имела идеология и практика джадидизма, основателем которой был известный крымско-татарский аристократ Исмаил-бек Гаспринский/Гаспралы. Как известно, джадиды, прежде всего, выступали за реформирование существовавшей системы мусульманского образования, которая, по их мнению, отличалась отсталостью, косностью, догматизмом, не предоставляла необходимых светских знаний и т.д. В этой связи предлагалось применять звуковой метод обучения арабскому языку, усовершенствовать преподавание религиозных дисциплин, ввести в образовательную программу преподавание ряда дополнительных естественных и гуманитарных дисциплин (геометрия, история, география, арифметика и др.), других языков помимо арабского (в том числе русского в рамках Российской империи) и т.д. Сторонники джадидизма, как правило, выступали также за широкое внедрение образования на родном языке, привлечение к учебе дево-

чек, пытались заниматься народным просвещением, связанной с ним издательской деятельностью и т.д.

Известно, что важным делом жизни Гаспринского была газета «Тарджеман», благодаря которой Исмаил бей приобрел всероссийскую известность[*]. Можно отметить, что в первом номере своей газеты И. Гаспринский с благодарностью называл имена своих предшественников, подвижников на поприще краткой истории тюркской печати России. Первым, кого он упомянул, был азербайджанский просветитель Гасан-бек Меликов (Зардаби), предпринявший в 1875 г. издание еженедельной газеты «Экинчи» («Земледелец») [Горошков 2012: 22].

Есть мнение, что Исмаил-бек Гаспринский обращался к Гасан-беку Меликову с просьбой благословить издание газеты «Тарджуман»[*]. В свою очередь известно, что супругой и ближайшим сподвижником Гасан-бека Меликова являлась представительница карачаево-балкарской аристократии Ханифа-ханум (урожденная Абаева) [Баразбиев 2000: 62]. Так, карачаево-балкарцы оказались косвенно связаны со становлением и реализацией идей Исмаил-бека. Кроме того, Ханифа Абаева еще в 1873 г. организовала в своем доме в Баку школу для обучения девочек. В 1901 г. при её деятельном участии уже открывается государственная школа для девочек-мусульманок, а в 1904 г. – женская гимназия, которую она и возглавила. Позднее, в 1909 г. Х. Абаева становится руководителем так называемой русско-мусульманской школы в Баку, внесшей немалый вклад в развитие местного образования, где она и проработала до 1927 г. [Баразбиев 2000: 62].

С идеями Исмаил-бека Гаспринского было знакомо и даже пыталось претворить их в жизнь немало передовых представителей карачаево-балкарского общества того времени.

Например, известный общественно-политический деятель Умар Джашуевич Алиев (позднее, член ВКП(б), участник гражданской войны, один из руководителей советского Карачая, ученый), получивший в начале XX в. духовное образование, ориентировался именно на идеи Исмаила Гаспралы. В досоветский период своей деятельности У. Алиев стал инициатором создания частной новометодной школы, где детей обучали в соответствии с наработками джадидов, а в учебное заведение постоянно поступала учебная литература из Баку и Бахчисарая. Даже находясь за пределами Северного Кавказа «карачаевский джадид» (псевдоним Гумар Галави) работал в новометодных духовных семинариях «Османия» и «Галия» (г. Уфа), где преподавал восточные языки (арабский и турецкий) и литературу [Абаева 2002: 53, 54, 57]. В начале 1917 г. он еще поддерживал пропагандировавшиеся джадидами идеи политического единства всех российских мусульман и общероссийской мусульманской национально-культурной автономии и только позднее стал активным сторонником большевиков.

---

[*] Великий собиратель татар всей России. URL: https://zen.yandex.ru/media/liliyagabdrafikova/velikii-sobiratel-tatar-vsei-rossii-6055eeccf538db689d985427 (дата обращения: 17.05.2022).

[*] Гасан-бек Зардаби (1837-1907). URL: https://ok.ru/tyurkikavk/topic/70441053975915 (дата обращения: 17.05.2022).

Еще одним из известных нам сторонников джадидизма в Карачае был Хызыр Османович Байрамуков. Информация о его деятельности на этом поприще довольно скудная. Однако мы знаем, что он числился в списке корреспондентов единственной в России арабоязычной джадидской газеты «Джаридат Дагестан», а в 1914 г. опубликовал в данном издании свою статью о шарлатане, выдававшем себя за знатока шариата [Идрисов 2012: 19].

Пытался ориентироваться на джадидские идеи в системе школьного образования и карачаевский мулла Юсуф Хачиров. Он был автором целого ряда религиозных и лирических сочинений («Не верьте обманчивому миру») и по имеющейся информации пытался «реорганизовать мусульманские школы в «новометодные», с преподаванием светских знаний на родном языке» [Асланбек 1953: 22].

Наиболее известным балкарским выпускником школы И. Гаспринского в Крыму (Бахчисарай) можно считать Саида Османовича Шахмурзаева [Биттирова 1999: 8]. С. Шахмурзаев проявил себя как историк, этнограф, поэт, талантливый педагог, обучивший почти всю первую волну балкарской послереволюционной интеллигенции. В отличие от многих других представителей исламской интеллигенции он не был репрессирован в советское время. Наоборот, его вклад в дело образования родного народа был высоко оценен тогдашними властями. Так, в 1939 г. С.О. Шахмурзаев был награжден орденом Ленина, а в 1961 г. ему присвоили звание «Заслуженный учитель школы КБАССР». В 1975 г. Кабардино-Балкарская республика по достоинству оценила и поэтический дар С.О. Шахмурзаева, присвоив ему звание народного поэта республики*.

По утверждению Т.Ш. Биттировой некоторые новометодные приемы обучения были введены также в медресе Балкарского общества (в Черекском ущелье), где преподавал Локман Асанов. В частности, отмечается, что в этом религиозном учебном заведении практиковали заучивание сур Корана через пение (то есть вместо старого слогового принципа обучения чтению применялся звуковой) и занятия по овладению каллиграфическим письмом [Биттирова 1999: 11-12]. Однако конкретных данных о принадлежности Локмана Асанова к джадидам вышеупомянутый исследователь не приводит. В итоге, остается не совсем понятным: перешел ли данный религиозный деятель и устаз (учитель) полностью на джадидиссткие позиции или просто заимствовал часть новых методов преподавания.

В то же время одним из наиболее последовательных и ярких сторонников джадидизма в Карачае и Балкарии был известный духовный лидер, учитель и реформатор Исмаил Якубович Акбаев (Чокуна-эфенди) (1874-1937).

Согласно мемуарным данным (пока не во всем имеющим подтверждение из других источников), в конце XIX – начале XX в. он «получил разносторонние знания» в Казани, которые закрепил в Крыму, Тифлисе, Баку, Стамбуле [Орусланы 1990]. Исследователь Т.Ш. Биттирова прямо указывает (правда, не делая конкретную ссылку на источник информации) на то, что после окончания

* Теппев 2006 – Теппеев А.М. Народный поэт // Эльбрусоид. URL: http://www.elbrusoid.org/articles/remember/387410/ (дата обращения: 15.05.2022).

Казанского медресе карачаевский просветитель продолжил свое обучение «в знаменитой школе известного тюркофила Измаила Гаспринского в Крыму…» [Карачаево-балкарские деятели культуры 1996: 72].

Тем не менее, известно, что Исмаил Акбаев поддерживал дружественные отношения с Исмаилом Гаспралы, а также с кумыкским джадидом Абусуфьяном Акаевым [Хатуев 2014: 31]. В 1906 г. в печатном органе джадидов газете «Терджуман» вышла статья И. Акбаева «Из Карачая». В этой публикации он рассматривал проблемы культурного развития карачаевского народа, подвергая, в частности, критике действовавшую тогда систему духовного образования. По его мнению, она не давала глубоких знаний, способствовала косности и отсталости народа. И. Акбаев также предлагал создать в Карачае аналог высшего профессионального духовного образовательного учреждения, для улучшения положения дел в системе народного просвещения [Халкёчланы 1997].

Можно отметить, что данная публикация требовала в то время от её автора определенного гражданского мужества, так как джадиды не имели поддержки от официальных властей, относившихся к ним с подозрением, а также имели проблемы в отношениях с традиционным исламских духовенством (кадимисты). Последние в Карачае той поры значительно преобладали и, нередко, были агрессивно настроены по отношению к реформаторам духовной сферы жизни общества.

Свои идеи И. Акбаев пытался воплотить в жизнь, работая «законоучителем мусульманского вероучения» в Тебердинской аульной школе. В данном учебном заведении он преподавал с 1895 по 1905 г. [Хатуев 2014: 22]. Затем, на протяжении последующих 12 лет он выполнял обязанности руководителя религиозной общины и имам-хатыба соборной мечети того же селения [Хатуев 2014: 24-25]. Находясь на таких значимых должностях И. Акбаев имел определенные возможности для влияния на духовное развитие всей мусульманской уммы Тебердинского селения и, в частности, подрастающего поколения. Нам известно, что на данном поприще он «неустанно пропагандировал и применял в своей педагогической практике новые методы обучения и изучения мусульманской религии, пытался очистить школу от схоластики и догм», добился введения в практику начального религиозного обучения математики, географии, естественных наук [Карачаево-балкарские деятели культуры 1996: 72, 73]. Определенное внимание в ходе обучения стало уделяться также русской литературе. Учащиеся знакомились с произведениями русских писателей в переводах на карачаево-балкарский, который осуществлял сам И. Акбаев [Биттирова 1999: 21-22].

Выдающимся вкладом И. Акбаева в систему образования карачаево-балкарского народа явилось то, что он совместно с другим просветителем Тохтаром Биджиевым разработал реформированную азбуку карачаево-балкарского языка на основе арабицы. Пользуясь ей, он издал на территории Дагестана в Темир-Хан-Шуре две книги на религиозную тематику, а в 1916 г. там же вышел в свет учебник на родном языке «Ана тили» («Родная речь»). Уже осенью того же года данный учебник поступил во все школы Карачая [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 128].

Книга получила положительные отзывы и рецензии, а также имела большой резонанс. В 1917 г. инспектор народных училищ Баталпашинского отдела Кубанской области Г.С. Меденик писал попечителю Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольфу о целесообразности, учитывая общность карачаево-балкарского литературного языка, предложить учителям и учащимся аулов соседней Балкарии «приобрести книгу И.Я. Акбаева “Ана тил” и приступить к обучению на родном языке» [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 128]. Как отмечали исследователи, «практически Чокуна-эфенди совершил революцию в истории письменности Карачая и Балкарии, приблизив её, а также литературный язык к понятной для всех речи» [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 128]. Кроме того, Кубанское краевое правительство в письменной форме прислало И. Акбаеву за создание данного учебника благодарность. А сам Чокуна-эфенди весь гонорар за издание азбуки передал на нужды сельской школы в ауле Нижняя Теберда*.

Кроме того, в начале XX в. И. Акбаев развернул в Карачае большую, плодотворную деятельность по привлечению к обучению девочек-горянок. По одной из версий в родном ауле просветителя (Верхняя Теберда) школа для девочек при его непосредственном участии была создана еще в 1912 г. [Батчаев 2008: 9]. Через четыре года она официально упоминается в «Кубанском календаре на 1916 год». (Понятно, что в таком случае учебное заведение функционировало уже на момент верстки календаря, то есть в 1915 г.). Заведующим школы упоминался Саид Халилов, вероучителем – родственник Чокуна-эфенди Шогаиб Акбаев [Хатуев 2014: 33]. В тот же период учебное заведение, где обучались маленькие горянки, стало функционировать и в соседнем с Тебердинским поселением курорте Теберде. Таким образом, вышеупомянутых лиц можно считать одними из родоначальников организации системы просвещения горянок в Карачае.

Обучение в упомянутой выше школе велось по методическим наработкам Чокуна-эфенди, с использованием написанного им учебника родного языка. Срок обучения в данной школе устанавливался в три года. И. Акбаев считал, что мать в семье должна быть грамотной. В этой связи в созданной им школе большое внимание уделялось не только духовному и светскому образованию, изучению различных школьных предметов, но и обучению правилам хорошего тона, рукоделию, домашним промыслам. При учебном заведении проводились выставки, где демонстрировались созданные руками девочек шапочки (вышитые золотом), башмачки, платья, кисеты, полотенца, куклы, бурки [Байрамуков 1998: 143].

Можно отметить, что общественно-просветительская деятельность И. Акбаева, опиравшаяся на джадидистские идеи, продолжалась некоторое время и после установления советской власти. В 1923 г. он принимал деятельное участие в «Съезде магометанского духовенства Карачаево-Черкесской автономной области», где был избран его председателем. Съезд, в частности, поддержал идею внедрения образования на родном языке и призвал «бороться против того

* Магулаева 2009 – Магулаева Ф. Во имя будущего нации… // Эльбрусоид. URL: http://www.elbrusoid.org.content/publications (Дата обращения: 11.03.2019).

ложного взгляда, что якобы Коран не разрешает учения женщин» [ГА КЧР. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 2. Л. 42-42 об.].

Чокуна-эфенди принял активное участие в становлении письменности и печатного дела в Карачае уже на основе латинской графики. Пользуясь старыми связями, он способствовал открытию в 1923 г. первой в Карачае типографии. Оборудование для нее было доставлено из Тбилиси. Оттуда же прибыл профессиональный наборщик Алаверди Расулов, который в короткое время обучил печатному делу как самого И. Акбаева, так и ряд других лиц: Османа Урусова, Абулкерма Халкечева, Ахмата Кайсынова. 19 октября 1924 г. из этой типографии вышел первый номер местной газеты «Таулу джашау» («Горская жизнь») [Байрамуков 1998: 143].

Интересно, что уже в годы советской власти (1928 г.) Чокуна-эфенди в «Заявлении в президиум облисполкома гражданина аула В. Тебердинского Акбаева Исмаила» свои взгляды и устремления в дореволюционный период оценивал следующим образом: «…я никогда, служа эфендием в течение всего этого времени, не занимался темными делами, присущим вообще духовенству, как-то: одурманиванием народа в смысле отталкивания его от просвещения, взиманием шариатских отчислений и т.п. В первом случае, наоборот, все свое знание и энергию употреблял к тому, чтобы всемерно распространять просвещение… для чего мною в 1915 г. составлена впервые азбука на карачаевском языке под названием «Ана тили» - Родной язык, являющийся предметом широкого потребления в школах первой ступени карачаевской области, и еще ряд книг. До этого времени в Карачае не было своей письменности, а Карачай изучал арабский язык…»*.

Таким образом, идеи джадидизма в карачаево-балкарском обществе нашли своих последователей и оказали определённое влияние на общественное развитие, особенно в сфере образования и просвещения. Именно они создавали основу школьного, печатного, просветительского и прочего дела в Карачае и Балкарии еще в имперский период, а затем в первые годы советской власти. Их вклад в культурное развитие карачаево-балкарского этноса был огромен, а оставленное ими наследие до сих пор не утратило свою актуальность. Кроме того, со всей ответственностью можно отметить то, что свою лепту в формировании нового поколения прогрессивно мыслящей интеллигенции Северного Кавказа сыграл и великий Исмаил Гаспралы – «дедушка тюркской нации».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаева 2002 – *Абаева Ф.В.* Из истории формирования северокавказской национальной образовательной системы. Вклад У.Д. Алиева. Учебное пособие по этнопедагогике. – Карачаевск: КЧГУ, 2002. – 120 с.

Асланбек 1953 – *Асланбек М.* Национально-культурная политика большевиков на Северном Кавказе // Объединенный Кавказ. – Мюнхен, 1953. – № 11-12 (28-29). – С. 18-22.

Байрамуков 1998 – *Байрамуков А.С.* Общественно-просветительская мысль в Карачае во второй половине XIX – в первой половине XX века и развитие карачаевского этноса: дисс. … к.и.н. – Карачаевск: КЧГУ, 1998. – 221 с.

* Магулаева 2009 – Магулаева Ф. Во имя будущего нации… // Эльбрусоид. URL: http://www.elbrusoid.org.content/publications (Дата обращения: 11.03.2019).

Баразбиев 2000 – *Баразбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с.

Батчаев 2008 – *Батчаев Ш.М.* Жизнь, отданная народу // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2008. - Вып. IV. – С. 7-11.

Бегеулов 1930 – *Бегеулов А.* Состояние грамотности и задачи ликвидации неграмотности в нацобластях // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1930. – № 9-10. – С. 28-42.

Биттирова 1999 – *Биттирова Т.Ш.* Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. – Карачаевск: КЧГПУ, 1999. – 66 с.

Горошков 2012 – *Горошков Н.П.* К вопросу становления элементов гражданского общества в творчестве Исмаила Гаспринского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. – Воронеж, 2012. – № 2. – С. 21-27.

ГА КЧР – Государственный архив Карачаево-Черкесской республики.

Идрисов 2012 – *Идрисов Ю.М.* Культурные и общественно-политические взаимоотношения дагестанской и карачаево-балкарской интеллигенции в первой половине XX века // De Caucaso: Историко-этнографический альманах. – Карачаевск: КЧГУ, 2012. – С. 18-21.

Карачаево-балкарские деятели культуры 1996 – *Карачаево-балкарские деятели культуры* конца XIX – начала XX в. / Составление, предисловие и комментарии Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – Т. 2. – 247 с.

Карачаевцы. Балкарцы 2014 – *Карачаевцы. Балкарцы* / Отв. редакторы М.Д. Каракетов, Х-М.А. Сабанчиев. – М.: Наука, 2014. – 815 с.

Койчуев 2012 – *Койчуев А.Д.* Исмаил Акбаев – просветитель, создатель первой письменности Карачая и Балкарии, автор и переводчик первых учебников // Научные проблемы гуманитарных исследований. Научно-теоретический журнал. – 2012. – Вып. 4. – С. 50-57.

Койчуев 2019 – *Койчуев А.Д.* Очерки истории духовной культуры карачаевского народа XIV-XX вв. – Карачаевск: КЧГУ; Ставрополь: Сервисшкола, 2019. – 558 с.

Лайпанова 2008 – *Лайпанова З.К.* Просветители Карачая и Черкесии. – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2008. – 120 с.

Узденова 1997 – Узденова С.Б. Образование и педагогическая мысль народов Карачая и Черкесии (XIX – конец XX вв.). Дисс. … докт. пед. наук. – Пятигорск, 1997. – 431 с.

Хатуев 2014 – *Хатуев Р.Т.* Чокуна-эфенди. Очерки о жизни и творчестве И.Я. Акбаева. – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж, 2014. – 256 с.

Орусланы 1990 – *Орусланы А.* Халкъны сыйлы уланы // Ленинни байрагъы. – Черкесск, 25 июля 1990. (На карачаево-балкарском языке).

Халкёчланы 1997 – *Халкёчланы Х.* Тюрк халкъланы дуниясында // Къарачай. – Черкесск, 26 января 1997. (На карачаево-балкарском языке).

REFERENCES

ABAEVA F.V. *Iz istorii formirovaniya severokavkazskoi natsional'noi obrazovatel'noi sistemy. Vklad U.D. Alieva. Uchebnoe posobie po etnopedagogike* [From the history of the formation of the North Caucasian national educational system. Contribution of U.D. Aliyev. Textbook on ethnopedagogy]. – Karachaevsk: KChGU, 2002. – 120 s. (In Russ.).

ASLANBEK M. *Natsional'no-kul'turnaya politika bol'shevikov na Severnom Kavkaze* [National and cultural policy of the Bolsheviks in the North Caucasus]. IN: Ob"edinennyi Kavkaz. – Myunkhen, 1953. – № 11-12(28-29). – S. 18-22. (In Russ.).

BAIRAMUKOV A.S. *Obshchestvenno-prosvetitel'skaya mysl' v Karachae vo vtoroi polovine XIX – v pervoi polovine XX veka i razvitie karachaevskogo etnosa* [Social and educational thought in Karachay in the second half of the XIX - in the first half of the XX century and the development of the Karachay ethnos]: diss. … k.i.n. – Karachaevsk: KChGU, 1998. – 221 s. (In Russ.).

BARAZBIEV M.I. *Etnokul'turnye svyazi balkartsev i karachaevtsev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnocultural relations of Balkars and Karachays with the peoples of the Caucasus in the XVIII – early XX century]. – Nal'chik: El'brus, 2000. – 112 s. (In Russ.).

BATCHAEV Sh.M. *Zhizn', otdannaya narodu* [Life given to the people]. IN: Izvestiya Karachaevskogo NII. – Cherkessk: IKO «Alanskii Ermitazh», 2008. - Vol. IV. – S. 7-11. (In Russ.).

BEGEULOV A. *Sostoyanie gramotnosti i zadachi likvidatsii negramotnosti v natsoblastyakh* [The state of literacy and the task of eliminating illiteracy in the national provinces]. IN: Revolyutsiya i gorets. – Rostov-na-Donu, 1930. - № 9-10. – S. 28-42. (In Russ.).

BITTIROVA T.Sh. *Religioznaya kul'tura i literatura karachaevo-balkartsev* [Religious culture and literature of the Karachay-Balkars]. – Karachaevsk: KChGPU, 1999. – 66 s. (In Russ.).

GOROSHKOV N.P. *K voprosu stanovleniya elementov grazhdanskogo obshchestva v tvorchestve Ismaila Gasprinskogo* [On the question of the formation of elements of civil society in the work of Ismail Gasprinsky]. IN: Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya, sotsiologiya. - Voronezh, 2012. - № 2. – S. 21-27. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Karachaevo-Cherkesskoi respubliki [State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. (In Russ.).

IDRISOV Yu.M. *Kul'turnye i obshchestvenno-politicheskie vzaimootnosheniya dagestanskoi i karachaevo-balkarskoi intelligentsii v pervoi polovine XX veka* [Cultural and socio-political relations of Dagestan and Karachay-Balkar intelligentsia in the first half of the XX century]. IN: De Caucaso: Istoriko-etnograficheskii al'manakh. – Karachaevsk: KChGU, 2012. – S. 18-21. (In Russ.).

Karachaevo-balkarskie deyateli kul'tury kontsa XIX – nachala XX v. [Karachay-Balkarian cultural figures of the late XIX – early XX century.] / Compilation, preface and comments by T.S. Bittirova. – Nal'chik: El'brus, 1996. - T. 2. – 247 s. (In Russ.).

Karachaevtsy. Balkartsy [Karachays. Balkars.] / The responsible editors are M.D. Karaketov and X-M.A. Sabanchiev. – M.: Nauka, 2014. – 815 s. (In Russ.).

KOICHUEV A.D. *Ismail Akbaev – prosvetitel', sozdatel' pervoi pis'mennosti Karachaya i Balkarii, avtor i perevodchik pervykh uchebnikov* [Ismail Akbayev – educator, creator of the first written language of Karachay and Balkaria, author and translator of the first textbooks]. IN: Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii. Nauchno-teoreticheskii zhurnal. – Pyatigorsk, 2012. – Vyp. 4. – S. 50-57. (In Russ.).

KOICHUEV A.D. *Ocherki istorii dukhovnoi kul'tury karachaevskogo naroda XIV-XX vv.*[Essays on the history of the spiritual culture of the Karachay people of the XIV-XX centuries]. – Karachaevsk: KChGU, Stavropol': Servisshkola, 2019. – 558 s. (In Russ.).

LAIPANOVA Z.K. *Prosvetiteli Karachaya i Cherkesii* [Enlighteners of Karachay and Circassia]. – Cherkessk: IKO «Alanskii Ermitazh», 2008. – 120 s. (In Russ.).

UZDENOVA S.B. *Obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' narodov Karachaya i Cherkesii (XIX - konets XX vv.)* [Education and pedagogical thought of the peoples of Karachay and Circassia (XIX - late XX centuries): diss. … dokt. ped. nauk. - Pyatigorsk, 1997. – 431 s. (In Russ.).

KHATUEV R.T. *Chokuna-efendi. Ocherki o zhizni i tvorchestve I.Ya. Akbaeva* [Chokuna-effendi. Essays on the life and work of I.Ya. Akbaev]. – Cherkessk: IKO «Alanskii Ermitazh, 2014. – 256 s. (In Russ.).

ORUSLANY A. *Khalk"ny syily ulany* [A worthy son of the people]. IN: Leninni bairag"y. – Cherkessk, 25 July 1990. (In Karachay-Balkar).

KHALKECHLANY Kh. *Tyurk khalk"lany duniyasynda* [In the world of the Turkic peoples]. IN: K"arachai. – Cherkessk, 26 January 1997. (In Karachay-Balkar).

Информация об авторах

М.И. Баразбиев – кандидат исторических наук.

Р.М. Бегеулов – доктор исторических наук.

Information about the authors

M.I. Barazbiev – Candidate of Science (History).

R.M. Begeulov – Doctor of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 18.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Новейшая история

Научная статья
УДК 94«1918-1920»
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-120-128
EDN: FMEAMP

ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА КАВКАЗЕ В 1918-1920 ГГ.: ОСМАНСКАЯ, ГЕРМАНСКАЯ И БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИИ

Наталья Анатольевна Добрякова
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, Санкт-Петербург, Россия, dobryackovan@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается тематика, связанная с вооруженной интервенцией трех империй – Османской, Германской и Британской на территорию Кавказа в 1918-1920 гг. Приводятся причины, по которым эти государства в ходе Первой мировой войны и сразу после нее реализовывали свою внешнюю политику на Северном Кавказе и в Закавказье. Доказывается, что три империи имели совершенно разную мотивацию для вторжения на территорию бывшей Российской империи в кавказском регионе. Если Османская империя вынашивала прежде всего реваншистские планы по возврату некогда принадлежавшего им региона в состав своего государства, используя панисламизм и пантюркизм в качестве рычагов воздействия, то Германская империя хотела включиться в экономическую эксплуатацию Кавказа, прежде всего бакинских нефтяных промыслов. Делается вывод о том, что наиболее масштабная военная интервенция исходила от Великобритании, которая была обусловлена обширными довоенными инвестициями в нефтяную отрасль Кавказа и в этой связи желанием защитить свои позиции в этом регионе в том числе и военными средствами.

Ключевые слова: Горская республика, Грузинская демократическая республика, Азербайджанская демократическая республика, Армянская республика, Германия, Османская империя, Великобритания, турки, немцы, белогвардейцы

Для цитирования: Добрякова Н.А. Иностранная военная интервенция на Кавказе в 1918-1920 гг.: Османская, Германская и Британская империи // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 120-128. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-120-128. – EDN: FMEAMP.

© Добрякова Н.А., 2022

Original article

FOREIGN MILITARY INTERVENTION IN THE CAUCASUS IN 1918-1920: THE OTTOMAN, GERMAN AND BRITISH EMPIRES

Nataliya A. Dobryakova
Saint Petersburg State Forestry Engineering University, Saint Petersburg, Russia, dobryackovan@yandex.ru

Abstract. The article examines the topics related to the armed intervention of three empires - the Ottoman, German and British on the territory of the Caucasus in 1918-1920. The reasons why these states implemented their foreign policy in the Northern Caucasus and Transcaucasian during the First World War and immediately after it are given. It is proved that the three empires had completely different motivations for invading the territory of the former Russian Empire in the Caucasus region. If the Ottoman Empire first of all hatched revanchist plans to return the region that once belonged to them to its state, using pan-Islamism and pan-Turkism as leverage, then the German Empire wanted to join the economic exploitation of the Caucasus, primarily the Baku oil fields. It is concluded that the most large-scale military intervention came from Great Britain, which was due to extensive pre-war investments in the oil industry of the Caucasus and, in this regard, the desire to protect their positions in this region, including by military means.

Keywords: Mountain Republic, Georgian Democratic Republic, Azerbaijan Democratic Republic, Armenian Republic, Germany, Ottoman Empire, Great Britain, Turks, Germans, White Guards

For citation: Dobryakova N.A. Foreign military intervention in the Caucasus in 1918-1920: the Ottoman, German and British empires. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 120-128. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-120-128. – EDN: FMEAMP.

© Dobryakova N.A., 2022

Гражданская война и интервенция на Северном Кавказе и в Закавказье имеет обширную историографию, особенно это касается постсоветского периода. История кавказского региона как никогда актуальна, ее военно-политическая составляющая требует глубокого, всестороннего изучения. Среди современных авторов, которые активно изучают период 1917-1921 гг., следует отметить как региональных авторов, так и авторов из Санкт-Петербурга и Москвы. В их работах затрагивается широкий спектр вопросов, так или иначе связанных с вооруженной интервенцией Османской, Германской и Британской империй в кавказском регионе. Среди современных закавказских авторов следует особо выделить работы С.З. Юсиф-заде, Г.Г. Махмурян, Г.А. Петросян. Современная кавказская историография представлена работами таких авторов как К.Р. Амбарцумян, А.Г. Кажаров, А.М. Камбиев, И.Х. Сулаев, Х.М. Доного, Т.Х. Матиев, С.И. Алиева, Д. Гасанлы, Р. Гачечиладзе, Л. Урушадзе. Из Санкт-Петербурга следует отметить исследователей А.С. Пученкова, В.Б. Лобанова, А.Х. Даудова, Д.И. Месхидзе, из Москвы – Р.Г. Гагкуева, А.В. Ганина, В.Ж. Цветкова.

Революция в России в начале 1917 г. и последующий выход страны из Мировой войны в начале 1918 г. привели к тому, что вчерашние враги и союзники по всемирному вооруженному противостоянию начали интервенцию против уже отдельных частей бывшей империи. Причем все участвовавшие в вооруженной интервенции страны имели свои собственные планы на различные регионы распадавшейся на глазах страны, в том числе это касалось и такого сложного и важного региона как Кавказ. На протяжении 1918-1920 гг. этот регион, на территории которого было образовано несколько недолговечных, но ярких государственных образований, был подвергнут нападению нескольких государств. В центре нашего исследования прежде всего Османская, Германская и Британская империи.

Начнем с Османской империи, чьи планы не ограничивались прежде всего экономической экспансией. Видимо, правильнее будет сказать, что во главу угла турецкое руководство ставило реваншистские планы возврата региона в свою политическую орбиту, т.к. Кавказ, прежде всего его западная часть, перестал быть территорией империи только в ходе русско-турецких войн XVIII-XIX вв. С реваншизмом тесно были связаны пантюркизм и панисламизм, которые стали политическими доктринами младотурок с начала XX в. Именно они должны были поднять народы Кавказа на борьбу с Россией и в момент начала очередной войны с Османской империей поднять восстание в русском тылу.

Однако начавшаяся Первая мировая война не привела к повсеместному восстанию против русского «гнета». Более того, Кавказ проявил исключительную лояльность России, выставив помимо всех ресурсов конную дивизию, а в 1917 г. и целый корпус из кавказских мусульман-добровольцев на борьбу в том числе и с турками. Кроме этого корпуса, после свержения самодержавия на Кавказском фронте были образованы Грузинский, Армянский и Мусульманский (позднее Азербайджанский) корпуса на Кавказском фронте из местных уроженцев.

Ситуация резко изменилась только после захвата власти большевиками в Петрограде. Ранее не думавшие об отделении от России кавказские народы не признали власти большевиков и начали движение сначала в сторону автономии [Кажаров 2017: 102], а затем и полного отделения уже от Советской России. На Северном Кавказе в декабре 1917 г. было создано казачье-горское Временное Терско-Дагестанское правительство [Кажаров 2018: 30] на территории Терека и Дагестана с центром во Владикавказе, практически параллельно на территории Закавказья образовался антибольшевистский Закавказский комиссариат из умеренных социалистов и местных националистов с центром в Тифлисе. На Кавказском фронте было объявлено перемирие, что привело к массовому дезертирству частей Русской армии в центральные губернии.

В начале 1918 г. началось турецкое наступление, которое привело к захвату части грузинских и армянских территорий, что в свою очередь привело к кризису Закавказского комиссариата и созданию Закавказской федеративной демократической республики в апреле 1918 г. Однако этот административно-территориальный проект просуществовал недолго из-за внутренних противоречий. Грузинская фракция ориентировалась на Германию, азербайджанская – на турок, что привело к распаду Закавказской Демократической Федеративной Республики и созданию 26-28 мая 1918 г. Грузинской, Азербайджанской и Армянской республик. Нельзя сказать, что турки действовали полностью в фарватере немецкой внешней политики. Произошло столкновение с германскими интересами по поводу бакинских нефтяных ресурсов, в котором турки одержали победу.

Естественно, турецкая интервенция на Кавказе маскировалась под помощь единоверцам, прежде всего в Азербайджане и созданной в том же мае 1918 г. Горской республике. Весной-летом 1918 г. был заключен ряд военно-политических соглашений с Азербайджанской Демократической Республикой и Горской республикой [Матиев 2020: 168-169], была создана под командование Нури-паши Кавказская армия ислама, которая 15 сентября 1918 г. штурмом взяла Баку. В октябре объединенные турецко-горские части двинулись в Дагестан, где

захватили основные центры власти и 8 ноября обосновались в Порт-Петровске, который деятели Горской республики переименовали в Шамиль-калу.

Дальнейшему турецкому продвижению на Кавказе помешало поражение стран Четверного блока в Первой мировой войне, однако даже после поражения турок их присутствие на Кавказе не исчезло. Турецкие инструкторы уже в качестве граждан Горской республики принимали активное участие в горском восстании на Тереке и Дагестане в 1919-1920 гг. [Добрякова, Лобанов 2021: 133; Гагкуев 2005: 81], занимали командные посты в войсках, подчинявшихся Совету обороны Северного Кавказа и Дагестана. Фактически турки в это время были союзниками большевиков, исламистов, грузин [Матиев 2019: 86] и азербайджанцев, боровшихся с войсками Терско-Дагестанского края Вооруженных Сил на Юге России на Северном Кавказе [Артемьев, Лобанов 2019: 44; Лобанов 2021: 71; Калиновский, Петров, Пученков 2019: 30].

Что касается германской интервенции на Кавказе в 1918 г., то следует отметить, что у II-го Рейха, наряду с турками, были экономические планы по эксплуатации бакинских нефтяных промыслов, но здесь они столкнулись с интересами своих союзников-турок и не смогли преодолеть их сопротивление. Однако одновременно с этим немцам на некоторое время удалось закрепиться в Грузии. Началось все с того, что грузинские политики заручились поддержкой Германии весной 1918 г., в момент политического кризиса в Закавказской Демократической Федеративной Республике. Грузинский национальный совет призвал Германию оказать помощь грузинскому национальному движению. Фактически речь шла о начале распада закавказской федерации. Германия согласить оказать покровительство грузинам в случае создания ими независимого государства. 25 мая немецкие части из Крыма были переброшены в Поти, на следующий день в Тифлисе грузинский национальный совет провозгласил создание Грузинской демократической республики. 28 мая Германия признала новое закавказское государство. На территории Грузинской демократической республики расположились немецкие воинские части общей численностью более 30 тыс. человек, которые включали в себя собственно вооруженные силы Германии плюс вооруженные военнопленные и немецкие колонисты, проживавшие на территории Грузии. Этими военными силами командовал генерал-майор Ф. Кресс фон Крессенштейн.

Основную свою задачу на территории своего нового союзника Германия видела в эксплуатации инфраструктуры (долговременная аренда порта Поти и железной дороги Шорапане – Сачхере) и экономических ресурсов Грузии. Видимо понимая, что военно-политическая ситуация может кардинально поменяться не в их пользу, германские оккупационные власти использовали отведенное им время для выкачивания из Грузии прежде всего продукции сельского хозяйства: хлеба, вина, табака. Из Грузии вывод немецких войск начался уже в октябре 1918 г. и закончился в декабре этого года.

Самой продолжительной и масштабной интервенцией на Кавказе была британская. И на это было множество причин, ее обусловивших. Прежде всего стоит сказать, что на рубеже XIX-XX вв. на Кавказе началась поистине нефтяная лихорадка. Начинавшийся век обещал быть веком нефти, Россия стала од-

ним из основных поставщиков нефти и нефтепродуктов на мировой рынок. Однако империи не хватало своих капиталов, в этой связи на разработку и эксплуатацию нефтяных промыслов Баку, Грозного и Майкопа стали привлекаться иностранные инвестиции. Речь прежде всего шла о британском капитале, который к началу Первой мировой войны стал одним из доминирующих в этой отрасли на Кавказе.

Начавшаяся война привела к распаду России и образованию ряда региональных правительств, в том числе на территориях бывшего Кавказского наместничества. На рубеже 1917-1918 гг. британские войска находились в Персии, откуда на призыв правительства Центрокаспия были посланы силы для борьбы с Кавказской армией ислама. Однако посланных сил было недостаточно, в итоге 15 сентября 1918 г. турецко-азербайджанские силы взяли Баку штурмом.

Британцы были выбиты из Закавказья и появились там снова только в ноябре, после поражения Четверного блока. Британские войска появились одновременно на западном и восточном Кавказе, в Батуме и Баку. Причем в Баку вступили объединенные силы союзников-победителей в Мировой войне, в том числе русские вооруженные силы во главе с Л.Ф. Бичераховым [Пыльцын, Лобанов 2020: 290]. Здесь следует упомянуть, что до апреля 1919 г. столицей АДР была Гянджа [Юсиф-заде 2008: 68]. Видимо, до этого британцы решали, как относиться к новосозданной республике Закавказья. Было принято решение признать Азербайджан, Грузию, Армению и Горскую республику [Тахо-Годи 1927: 156] де-факто, но не де-юре, чего добивались кавказские политики на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг.

Следует особо упомянуть о том, что каждая сторона военно-политического противостояния на Кавказе считала, что Великобритания действует в интересах ее соперницы [Даудов, Месхидзе 2009: 125]. И каждая стороны имела право на такую точку зрения. На протяжении 1918-1920 гг., пока британцы располагали свои гарнизоны от Батума до Баку и от Тифлиса до Порт-Петровска [Доного 2010: 230], кавказский регион сотрясали бесконечные военные конфликты. Со стороны казалось, что британцы играли роль третейских судей, а на самом деле отстаивали собственные национальные интересы [Камбиев 2020: 1155].

Не случайно в этой связи довольно точное суждение о том, что британцы в России и, в частности, на Кавказе вели себя как в Индии, т.е. рассматривали территорию бывшей Российской империи как свои колониальные владения, из которых необходимо в самые кратчайшие сроки выкачать как можно больше ресурсов, понимая, что колониальное правление может завершится в любой момент [Добрякова, Донин, Лобанов 2019: 60].

Возвращаясь к локальным конфликтам в регионе, следует отметить, что все они шли в той или иной мере под контролем британцев [Махмурян 2002: 221; Пученков 2020b: 56]. Вялотекущий грузино-белогвардейский конфликт 1918-1920 гг. из-за территориальных споров по поводу Черноморской губернии шел, не угасая, под плотным контролем британцев [Амбарцумян, Булыгина 2020: 161; Гагкуев 2019: 200]. Грузино-армянская война конца 1918 г. была остановлена также под нажимом доминировавшей тогда на Кавказе силы [Пет-

росян 2012: 162-163]. Армяно-азербайджанское противостояние также не отвечало интересам британцев, так как потенциально могло затруднить поставку нефти по железной дороге Баку–Батум. Говорить о том, что британцев волновало внутреннее положение в новосозданных странах, не приходится [Камбиев 2021: 137]. Тогдашний гегемон вмешивался в ситуацию только тогда, когда это могло навредить его собственным политическим или экономическим интересам в регионе [Пученков 2020а: 36].

Тем не менее, британским войскам пришлось покинуть Кавказ летом 1919 г. Однако это не было связано непосредственно с внутрикавказской ситуацией. 1919 г. для Великобритании, одной из победительниц в Мировой войне, помимо всего прочего был связан с брожением в колониях. Непростое положения колонизаторов в Ирландии, Афганистане, Турции, Индии заставили британское руководство вывести свои войска с Кавказа, оставив их только в Батуме до середины 1920 г. После этого Батумская область была передана властям Грузинской республики. В этом же 1920 г. Великобритания де-юре признала суверенитет стран Закавказья, что не помешало Советской России в апреле 1920 – феврале 1921 гг. советизировать регион и включить его позднее в качестве единой административной единицы – Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Амбарцумян, Булыгина 2020 – *Амбарцумян К.Р., Булыгина Т.А.* Кавказ в политике Добровольческой армии на юге России: Международный контекст (1918-1920 гг.) // Вопросы истории. – 2020. – № 11-1. – С. 159-169.

Артемьев, Лобанов 2019 – *Артемьев А.С., Лобанов В.Б.* Добровольческая армия в Терской области: Конец 1918 – первая половина 1919 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 1. – С. 43-50.

Гагкуев 2005 – *Гагкуев Р. Г.* Горские формирования в составе белых армий юга России // Белое дело. 2 съезд представителей печатных и электронных изданий. – М.: Посев, 2005. – С. 77-91.

Гагкуев 2019 – *Гагкуев Р.Г.* Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917-1920 гг. // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. – 2019. – Т. 7. – С. 196-210.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2009. – 224 с.

Добрякова, Донин, Лобанов 2019 – *Добрякова Н.А., Донин А.Я., Лобанов В.Б.* Антибольшевистские силы Терско-Дагестанского региона в период Гражданской войны 1917-1920 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 2. – С. 58-67.

Добрякова, Лобанов 2021 – *Добрякова Н.А., Лобанов В.Б.* Узун-Хаджи Салтинский – военный и политический деятель периода Революции и Гражданской войны на Северном Кавказе (1917-1920) // Современная научная мысль. – 2021. – № 2. – С. 132-135.

Доного 2010 – *Доного Хаджи Мурад.* Нажмуддин Гоцинский. – Махачкала: ДГПУ, 2010. – 560 с.

Кажаров 2017 – *Кажаров А.Г.* Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе: идеи, проекты и итоги национального самоопределения в 1917-1918 гг. // Вестник АГУ. – 2017. – № 4 (209). – С. 100-110.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Калиновский, Петров, Пученков 2019 – *Калиновский В.В., Петров И.В., Пученков А.С.* «Деникинский» церковный собор в наработке новейшей российской археографии // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2019. – Т. 4. – № 4. – С. 28-34.

Камбиев 2020 – *Камбиев А.М.* Азербайджанская Демократическая Республика и ее политика в отношении Терека и Дагестана (вторая половина 1919 – первая половина 1920 гг.) // Historia provinciae – журнал региональной истории. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 1140-1173.

Камбиев 2021 – *Камбиев А.М.* Нажмуддин Гоцинский – активный деятель Революции и Гражданской войны на Северном Кавказе (1917-1920) // Современная научная мысль. – 2021. – № 2. – С. 135-139.

Лобанов 2021 – *Лобанов В.Б.* Административно-территориальное деление Терека и Дагестана в период Революции и Гражданской войны, 1917-1920 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 1. – С. 67-80.

Матиев 2020 – *Матиев Т.Х.* Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921). – Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.

Матиев 2019 – *Матиев Т.Х.* Роль меньшевистской Грузии в поддержке горского антиденикинского движения в период Гражданской войны на Северном Кавказе // Современная научная жизнь. – 2019. – № 6. – С. 86-89.

Махмурян 2002 – *Махмурян Г. Г.* Политика Великобритании в Армении и Закавказье в 1918-1920 гг. Бремя белого человека. – Ереван: Лусакн, 2002. – 309 с.

Петросян 2012 - *Петросян Г. А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918-1920 гг.). – Ереван: Издательство ЕГУ, 2012. – 424 с.

Пученков 2020a – *Пученков А.С.* Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 4. – С. 33-37.

Пученков 2020b – *Пученков А.С.* Южнорусское белое движение и Польша в годы Гражданской войны (1919-1920 гг.) // Вопросы истории. – 2020. – № 3. – С. 53-66.

Пыльцын, Лобанов 2020 – *Пыльцын Ю.С., Лобанов В.Б.* Терское восстание 1918 г. – стихийное выступление или спланированная операция? // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 2 (26). – С. 285-293.

Тахо-Годи 1927 – *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала: Дагестанский научно-исследовательский институт, 1927. – 236 с.

Юсиф-заде 2008 – *Юсиф-заде Севиндж Зия кызы.* Азербайджано-британские отношения в начале XX века. – Баку: Təhsil, 2008. – 129 с.

REFERENCES

AMBARTSUMYAN K.R., BULYGINA T.A. *Kavkaz v politike Dobrovol'cheskoj armii na yuge Rossii: Mezhdunarodnyj kontekst (1918-1920 gg.)* [The Caucasus in the politics of the Volunteer Army in the South of Russia: The international context (1918-1920)]. IN: Voprosy istorii. – 2020. – No. 11-1. – pp. 159-69. (In Russ.).

ARTEMYEV A.S., LOBANOV V.B. *Dobrovol'cheskaya armiya v Terskoj oblasti: Konec 1918 – pervaya polovina 1919 gg.* [The Volunteer Army in the Tersk region: The end of 1918 – the first half of 1919]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – No. 1. – pp. 43-50. (In Russ.).

GAGKUEV R. G. *Gorskie formirovaniya v sostave belyh armij yuga Rossii* [Mountain formations as part of the white armies of the South of Russia]. IN: Beloe delo. 2 s"ezd predstavitelej pechatnyh i elektronnyh izdanij. – M., 2005. – S. 77-91. (In Russ.).

GAGKUEV R.G. *Osobennosti Velikoj rossijskoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze. 1917-1920 gg.* [Features of the Great Russian Revolution and Civil War in the North Caucasus. 1917-1920]. IN: Rossiya v epohu revolyucij i reform. Problemy istorii i istoriografii. – 2019. – T. 7. – S. 196-210. (In Russ.).

DAUDOV A. H., MESKHIDZE D. I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924 gg.)* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. – SPb.: SPbGU, 2009. – 224 s. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., DONIN A.YA., LOBANOV V.B. *Antibol'shevistskie sily Tersko-Dagestanskogo regiona v period Grazhdanskoj vojny 1917-1920 gg.* [Anti-Bolshevik forces of the Tersk-Dagestan region during the Civil War of 1917-1920]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – No. 2. – pp. 58-67. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., LOBANOV V.B. *Uzun-Hadzhi Saltinskij – voennyj i politicheskij deyatel' perioda Revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze (1917-1920)* [Uzun-Hadji Saltinsky – military and political figure of the period of Revolution and Civil War in the North Caucasus (1917-1920)]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – No. 2. – pp. 132-135. (In Russ.).

DONOGO HADJI MURAD. *Nazhmuddin Gocinskij* [Nazhmuddin Gotsinsky]. – Makhachkala: DSPU, 2010. – 560 p. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Gorskaya intelligenciya ob etnopoliticheskih processah na Severnom Kavkaze: idei, proekty i itogi nacional'nogo samoopredeleniya v 1917-1918 gg.* [Mountain intelligentsia on ethnopolitical processes in the North Caucasus: ideas, projects and results of national self-determination in 1917-1918]. IN: Vestnik AGU. – 2017. – № 4 (209). – S. 100-110. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizaciya «Soyuz ob"edinennyh gorcev» i separatism na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.)* [The organization "Union of United Mountaineers" and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: Vestnik AGU. – 2018. – № 1 (214). – S. 28-38. (In Russ.).

KALINOVSKIJ V.V., PETROV I.V., PUCHENKOV A.S. *«Denikinskij» cerkovnyj sobor v narabotke novejshej rossijskoj arheografii* ["Denikinsky" church Cathedral in the development of the newest Russian archeography]. IN: Omskij nauchnyj vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. – 2019. – T. 4. – № 4. – S. 28-34. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Azerbajdzhanskaya Demokraticheskaya Respublika i ee politika v otnoshenii Tereka i Dagestana (vtoraya polovina 1919 – pervaya polovina 1920 gg.)* [The Azerbaijan Democratic Republic and its policy towards Terek and Dagestan (the second half of 1919 – the first half of 1920)]. IN: Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii. – 2020. – Vol. 4. – No. 4. – pp. 1140-1173. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Nazhmuddin Gocinskij – aktivnyj deyatel' Revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze (1917-1920)* [Nazhmuddin Gotsinsky – an active figure of the Revolution and Civil War in the North Caucasus (1917-1920)]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – No. 2. – pp. 135-139. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Administrativno-territorial'noe delenie Tereka i Dagestana v period Revolyucii i Grazhdanskoj vojny, 1917-1920 gg.* [Administrative-territorial division of Terek and Dagestan during the Revolution and Civil War, 1917-1920]. IN: Kavkazologiya. – 2021. – No. 1. – pp. 67-80. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Gorskoe nacional'noe dvizhenie v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917-1921)* [The Mountain National Movement in Revolutions and Civil War in the North Caucasus (1917-1921)]. – Nazran': OOO «Кер», 2020. – 402 s. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Rol' men'shevistskoj Gruzii v podderzhke gorskogo antidenikinskogo dvizheniya v period Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze* [The role of Menshevik Georgia in supporting the mountain anti-Denikin movement during the Civil War in the North Caucasus]. IN: Sovremennaya nauchnaya zhizn'. – 2019. – № 6. – S. 86-89. (In Russ.).

MAKHMURYAN G. G. *Politika Velikobritanii v Armenii i Zakavkaz'e v 1918-1920 gg. Bremya belogo cheloveka* [British policy in Armenia and Transcaucasia in 1918-1920. The white man's burden]. – Yerevan: Lusakn, 2002. – 309 p. (In Russ.).

PETROSYAN G. A. *Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiej (1918-1920 gg.)* [Relations of the Republic of Armenia with Russia (1918-1920)]. – Yerevan: YSU Publishing House, 2012. – 424 p. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Razmyshlyaya o Grazhdanskoj vojne* [Reflecting on the Civil War]. IN: Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2020. – No. 4. – pp. 33-37. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Yuzhnorusskoe beloe dvizhenie i Pol'sha v gody Grazhdanskoj vojny (1919-1920 gg.)* [The South Russian White Movement and Poland during the Civil War (1919-1920)]. IN: Voprosy istorii. – 2020. – No. 3. – pp. 53-66. (In Russ.).

PYLTSYN YU.S., LOBANOV V.B. *Terskoe vosstanie 1918 g. – stihijnoe vystuplenie ili splanirovannaya operaciya?* [The Terek uprising of 1918 – a spontaneous performance or a planned operation?]. IN: Peterburgskij istoricheskij zhurnal. – 2020. – No. 2(26). – pp. 285-293. (In Russ.).

TAHOE-GODI A. *Revolyuciya i kontrrevolyuciya v Dagestane* [Revolution and counter-revolution in Dagestan]. – Makhachkala: Dagestan Research Institute, 1927. – 236 p. (In Russ.).

YUSIF-ZADEH SEVINJ ZIYA KYZY. *Azerbajdzhano-britanskie otnosheniya v nachale XX veka* [Azerbaijani-British relations at the beginning of the XX century]. – Baku: Təhsil, 2008. – 129 p. (In Russ.).

Информация об авторе
Н.А. Добрякова – кандидат исторических наук.
Information about the author
N.A. Dobryakova – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 20.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94«1918-1921»
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-129-137
EDN: FTRZUP

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1918-1921 ГГ.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Арсен Мухамедович Камбиев
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, ars.kambiev85@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0645-0881

Аннотация. В статье рассматривается проблематика, связанная с государственным строительством на территории бывшего кавказского наместничества Российской империи в 1918-1921 гг. Приводится анализ государственных образований по ряду критериев, по которым то или иное новообразование на территории российского Кавказа можно было считать государством или нет. По результатам краткого исследования делаются выводы о том, что часть лимитрофов можно было назвать государствами, а часть недостаточно подходила под это определение. Делается упор на недостаточные внутренние ресурсы для построения полноценного государства. Указывается на то, что новая государственность не могла существовать без определяющей внешней поддержки, первоначально со стороны Германской и Османской империи, а затем Великобритании. Сделан вывод о том, что внешняя сторона, в данном случае Великобритания, не была в должной степени заинтересована в сохранении и упрочении новой государственности на Кавказе, в отличие от той же ситуации в Прибалтике.

Ключевые слова: Горская республика, Грузинская демократическая республика, Азербайджанская демократическая республика, Армянская республика, Германия, Османская империя, Великобритания, белогвардейцы

Для цитирования: Камбиев А.М. Антибольшевистская государственность на Северном Кавказе и в Закавказье в 1918-1921 гг.: сравнительный анализ современной историографии // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 129-137. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-129-137. – EDN: FTRZUP.

© Камбиев А.М., 2022

Original article

ANTI-BOLSHEVIK STATEHOOD IN THE NORTH CAUCASUS AND TRANSCAUCASIA IN 1918-1921: COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Arsen M. Kambiev
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, ars.kambiev85@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0645-0881

Abstract. The article deals with the problems associated with state construction on the territory of the former Caucasian viceroyalty of the Russian Empire in 1918-1921. The analysis of state formations is given according to several criteria by which one or another new formation on the terri-

tory of the Russian Caucasus could or could not be considered a state. Based on the results of a brief study, conclusions are drawn that some of the limitrophe could be called states, and some did not fit this definition well enough. The emphasis is on insufficient internal resources to build a full-fledged state. It is pointed out that the new statehood could not exist without decisive external support, initially from the German and The Ottoman Empire, and then Great Britain. Ultimately, it is concluded that the external side, in this case Great Britain, was not sufficiently interested in preserving and merging the new statehood in the Caucasus, unlike the same situation in the Baltic States.

Keywords: Mountain Republic, Georgian Democratic Republic, Azerbaijan Democratic Republic, Armenian Republic, Germany, Ottoman Empire, Great Britain, White Guards

For citation: Kambiev A.M. Anti-bolshevik statehood in the North Caucasus and Transcaucasia in 1918-1921: comparative analysis of modern historiography. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 129-137. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-129-137. – EDN: FTRZUP.

© Kambiev A.M., 2022

Современная историография по вопросу о кавказской государственности в период Гражданской войны довольно обширна. Исследователей как Северного Кавказа, так и Закавказья до сих пор привлекает проблематика создания, существования и гибели государственных новообразований антибольшевистской направленности на территории бывшего Кавказского наместничества Российской империи в 1918-1921 гг. Среди крупнейших современных региональных авторов следует отметить северокавказских авторов А.Г. Кажарова, А.Х. Кармова, О.А. Жанситова, И.Х. Сулаева, Х.М. Доного, А.Т. Джамбулатова, В.Д. Дзидзоева, Т.Х. Матиева, закавказских исследователей С.И. Алиеву, Д. Гасанлы, Р.С. Мустафа-заде, С.З. Юсиф-заде, Г.Г. Махмуряна, С.Т. Саргсяна, К.П. Айрапетяна, Г.А. Петросяна, Р. Гачечиладзе, А. Силагадзе, В. Гурули, Л. Урушадзе. Помимо кавказских историков, изучаемую проблематику активно и плодотворно исследуют авторы из Санкт-Петербурга и Москвы, привлекая для своих работ ранее не введенный в научный оборот материалы из центральных архивохранилищ. Из петербуржцев следует выделить работы А.С. Пученкова, В.Б. Лобанова, А.Х. Даудова, из москвичей – Р.Г. Гагкуева, В.Ж. Цветкова, А.В. Ганина.

Первая мировая война, помимо всего прочего, стала периодом бурного государственного строительства на территории стран, потерпевших в ней поражение. Первой крупной страной, вышедшей из войны, стала Российская империя. Хотя формально Россия после свержения монархии еще продолжала воевать со странами Центрального блока до марта 1918 г., фактически с марта 1917 г. начался инкубационный период [Джамбулатов, Чекулаев 2017: 99], приведший к образованию на обломках империи множества территориальных образований, претендовавших на свою государственность [Добрякова, Лобанов 2021: 133]. Целью этого краткого исследования является уточнение, насколько декларации о собственной государственности соответствовали реальному содержанию.

Прежде всего, необходимо пояснить, по каким критериям следует проанализировать процесс государственного строительства на территории бывшего кавказского наместничества в 1918-1921 гг. До сих пор нет единственного определения и единых признаков государственности, поэтому в качестве ориентиров для анализа будут избраны четыре наиболее ярко выраженные дефиниции: четко

очерченные государственные границы, ярко выраженный суверенитет, государственный аппарат, в том числе армия и, наконец, международное признание.

Итак, по выбранным критериям будут проанализированы четыре государственных образования, существовавшие в той или иной степени на территории бывшего третьего кавказского наместничества Российской империи в 1918-1921 гг.: Горская республика [Добрякова, Донин, Лобанов 2019: 60], Грузинская демократическая республика, Азербайджанская демократическая республика, Армянская республика.

Начнем с территориального вопроса и вопроса о границах. С самого момента оглашения декларации о создании Горской республики, а именно 11 мая 1918 г. на Батумской мирной конференции [Кажаров 2018: 31], стало очевидно, что это «государство» существует только в фантазиях его создателей. Горские деятели претендовали на территории горских районов Терской и Дагестанской областей, Закатальский и Сухумский округа (последние позже стали частями Азербайджанской и Грузинской республик). На май 1918 г. территории Терека и Дагестана контролировались большевиками, собственная территория у горских антибольшевиков появилась только в октябре-ноябре 1918 г., и то только в Дагестане. По поводу принадлежности Терека у Горской республики сразу же возник конфликт с белогвардейцами, который в итоге привел к ликвидации горской «государственности» в мае 1919 г.

У Грузинской республики, созданной 26 мая 1918 г., пограничо-территориальный вопрос складывался более удачно, чем у Горской республики, хотя и здесь все было нестабильно. Грузия претендовала на Тифлисскую и Кутаисскую губернии, Батумскую область и Сухумский округ. Несмотря на то, что Сухумский округ был включен в состав Грузии, постоянно тлел грузино-абхазский конфликт. На протяжении 1918-1920 гг. тлел грузино-белогвардейский территориальный спор за Черноморскую губернию. Батумская область была оккупирована сначала турками, потом британцами, в 1920 г. была передана «союзниками» Грузии, которая в 1921 г. передала область туркам, которые в свою очередь договорились с большевиками о ее разделе, по которому северная часть входила в состав Грузинской ССР, а затем СССР с 1922 г., а южная становилась часть Турецкой республики. На протяжении 1918-1921 гг. не прекращались боестолкновения за спорные территории на грузино-армянской границе в районе Тифлисской губернии.

Азербайджан также не имел четко выраженной государственной границы на протяжении 23 месяцев своего существования в 1918-1920 гг. Созданное 28 мая 1918 г. государство претендовало на Бакинскую и Елизаветпольскую губернии бывшей Российской империи, Закатальский округ и часть Эриванской губернии. И если с Грузией удавалось стабилизировать пограничный конфликт и даже был заключен в 1919 г. оборонительный союз против белогвардейцев [Пученков 2016: 162], то с Армянской республикой и локальными армянскими территориальными образованиями Азербайджану приходилось вести непрекращающиеся бои. Основными «камнями преткновения» были вопросы, связанные с принадлежностью Зангезура и Карабаха (Арцаха). В итоге только после победы Советской власти в Закавказье удалось относительно разрешить ад-

министративно-территориальный вопрос, по которому Нахичевань и Карабах (Арцах) стали автономиями в составе Азербайджанской ССР, а Зангезур стал часть Армянской ССР.

Армянская республика из всех новообразований Закавказья испытала наибольший прессинг на протяжении 1918-1920 гг. Год 1918 прошел под постоянным военно-политическим прессингом Османской империи, в конце года разразилась армяно-грузинская война из-за пограничного конфликта в Борчалинском уезде [Петросян 2012: 162-163]. Параллельно этим конфликтам не прекращались столкновения с Азербайджаном, носившие характер кровопролитных локальных столкновений. Фактически у Армении не было государственной границы. Следует отметить, что только победа Советской власти в Закавказье закрепила за Армянской ССР определенные границы в 1920-1921 гг.

Вопрос о суверенитете кавказских новообразований был еще более проблематичен, чем погранично-территориальный вопрос. Горская республика [Сулаев 2019: 467-468] не существовала территориально на момент своего провозглашения, ее руководители изначально опирались на внешнюю помощь. На период лета-осени 1918 г. горцы опирались на поддержку прежде всего турок, в меньшей степени на немцев [Матиев 2020: 111]. После поражения Центральных держав в Первой мировой войне горские деятели незамедлительно переориентировались на победителей – британцев. Однако те не спешили оказывать действенную поддержку терско-дагестанским антибольшевикам, очевидно подозревая иллюзорность их власти. Британцы хотели играть роль третейских судей в горско-белогвардейском конфликте, в конечном счете предпочтя более могущественную и организованную антисоветскую силу в кавказском регионе – белогвардейцев генерала А.И. Деникина. Падение горской государственности в мае 1919 г. [Артемьев, Лобанов 2019: 44] привел к некоторому обострению напряженности на границе с Азербайджаном, но не привел к открытому конфликту с ВСЮР.

Грузинский суверенитет также был на протяжении 1918-1921 гг. под вопросом. Стоит начать с того, что сама грузинская государственность была инициирована под давлением Германии, когда в апреле 1918 г. стало понятно, что дни Закавказской демократической федеративной республики из-за внутренних противоречий сочтены. После провозглашения независимости на территорию Грузии были введены германские войска. Однако германское господство длилось недолго – до конца 1918 г. и сменилось британским. Грузинские власти подозревали британцев в сотрудничестве и потворстве белогвардейцам, однако у них не было понимания того, что победители в Мировой войне вели свою собственную политику, не координируя ее с разными частями некогда могущественной империи.

Азербайджан с момента своего образования в мае 1918 г. фактически находился под военно-политическим контролем Османской империи, в конце года турок сменили британцы. Что характерно, до апреля 1919 г. столицей Азербайджанской республики была Гянджа, а не Баку. Внешнеполитическая обстановка в Великобритании привела к тому, что в 1919 г. «союзники» начали выводить свои войска с Кавказа, в частности, из Азербайджана, который они

начали покидать в августе. Планировалось, что британцев в качестве союзных войск заменят итальянцы, но этого не произошло. С августа 1919 г. начался обратный отсчет суверенного существования АДР.

Суверенитет Армении в 1918-1920 гг. был более ярко выражен только по одной причине – страна не представляла особого интереса ни для одной из поочередно побеждавших сторон – ни для турок, ни для британцев. У Армении не было выгодного географического положения – в частности, выхода к морям (Черному или Каспийскому), не было природных ресурсов (в отличие от того же Азербайджана – бакинская нефть). Армения представляла собой небольшую гористую местность, зажатую между тремя враждебными к ней странами – Турцией, Грузией и Азербайджаном. Одновременно с этим она считалась «пророссой», ориентировалась на Добровольческую армию, а затем на ВСЮР.

Что касается государственного аппарата, и вооруженных сил в частности, то к Горской республике с трудом вообще можно применить эту терминологию [Даудов, Месхидзе 2009: 115]. Это и не мудрено, ведь это «государство» просуществовало чуть более полугода, за столько короткий период невозможно было создать что-то более-менее существенное [Матиев 2021: 313]. Государственный аппарат состоял из старого еще царского чиновничества, а вооруженные силы состояли из горского ополчения, которое при первом же серьезном столкновении с более серьезной вооруженной силой – белогвардейцами в мае 1919 г. прекратило свое существование практически без боя, а чиновники перешли на службу единой и неделимой России.

Грузинский государственный аппарат был более жизнеспособным, так как власть в Грузии получили социал-демократы – меньшевики, имевшие разветвленную и довольно многочисленную организацию. Помимо армии, у республики существовала партийная Национальная гвардия, фактически игравшая роль второй вооруженной силы государства. Что касается армии, то первоначально она формировалась на основе Грузинского корпуса еще Русской армии Кавказского фронта. Затем Грузии на протяжении ряда лет пришлось участвовать в ряде вооруженных конфликтов по своим границам: с белогвардейцами в Черноморской губернии, с Арменией в Тифлисской губернии, тлели грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты. Однако при столкновении с более серьезным противником армия Грузии без внешней поддержки в феврале-марте 1921 г. не смогла отстоять свой суверенитет.

Азербайджанский суверенитет в области государственного и военного строительства также представлял из себя достаточно жизнеспособную силу. В области политической азербайджанская власть базировалась на партиях «Мусават» и «Иттихад» националистической направленности. Вооруженные силы страны также «вышли» из Мусульманского корпуса Русской армии. Азербайджану пришлось на ходу создавать свою армию, первоначально азербайджанские части совместно с турками входили в состав Кавказской исламской армии. Именно она взяла Баку 15 сентября 1918 г. После вывода турецких частей с Кавказа азербайджанские части непрерывно воевали с Арменией, части стояли на границе с Дагестаном против белогвардейцев с мая 1919 г. [Сулаев 2021: 105]. Именно то обстоятельство, что основные боеспособные части армии

Азербайджана были переброшены на армянский фронт, объясняет ту легкость, с которой большевики в апреле 1920 г. захватили власть в АДР.

Власть в Армянской республике принадлежала партии «Дашнакцутюн» также националистической направленности. Армия Армения также началась с создания Армянского корпуса Русской армии в конце 1917 г. Армянские части удачно противостояли турецкой армии, относительно успешно воевали с армией Грузии в конце 1918 г. и постоянно были в состоянии войны с Азербайджаном. Севрский мирный договор 1920 г., по которому к Армянской республике должны были отойти территории Западной Армении, с чем были несогласны турецкие националисты во главе с Ататюрком, привел к началу армяно-турецкой войны, приведшей Армению на грань военного поражения. Воспользовавшись тяжелым положением страны, советские войска вторглись на территорию республики, что привело к ее поражению и провозглашению в ней Советской власти.

Наконец, вопрос о международном признании был наиболее важным для вновь провозглашенных «государств» [Кажаров 2017: 107]. Не секрет, что первоначально в мае 1918 г. Горская, Грузинская и Азербайджанская республики получили признание де-факто со стороны Центральных держав. Однако их поражение привело к тому, что новосозданные страны плюс Армения стремились получить признание не только де-факто, но и де-юре со стороны победителей в Мировой войне. От всех лимитрофов были посланы делегации на открывшуюся Парижскую мирную конференцию 1919-1920 гг., которая помимо всего прочего, должна была решить судьбы послевоенного мира. Делегации кавказских стран попытались заручиться покровительством прежде всего Великобритании и Франции. Однако Верховный совет Антанты на протяжении 1919 г. не горел желанием признавать новые государства Кавказа в качестве полноценных игроков на мировой арене. Видимо, во многом это было связано с ожиданием того, что после победы белогвардейцев будет воссоздана единая и неделимая Россия, которая включит кавказские новообразования в свой состав [Гагкуев 2019: 201]. Однако этим ожиданиям не суждено было сбыться. На рубеже 1919-1920 гг. ВСЮР потерпели военное поражение, следствие чего, в частности, стало юридическое признание стран Закавказья в январе 1920 г. со стороны белогвардейцев и стран Запада. Однако этот широкий дипломатический жест не сыграл существенной роли в судьбах кавказских стран. На протяжении 1920-1921 гг. все они были советизированы [Даудов 2012: 31] и в дальнейшем включены в состав СССР.

В качестве кратких выводов следует отметить, что государственное строительство на территории бывшей Российской империи проходило неравномерно и зависело как от внутренних ресурсов отдельных территорий, так и от внешней поддержки, оказываемой той или иной стране на постимперском пространстве. В частности, следует отметить, что внутренних ресурсов для самостоятельного существования не хватило как горцам Северного Кавказа, так и закавказским народам. Внешние же ресурсы, в частности помощь сначала германо-турецкого блока, а затем британцев была недостаточной для сохранения суверенитета. Так было на Кавказе, однако по-другому сложилось в странах Прибалтики, где Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве удалось при непосредствен-

ной военной поддержке Великобритании сохранить свою независимость в борьбе с большевиками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьев, Лобанов 2019 – *Артемьев А.С., Лобанов В.Б.* Добровольческая армия в Терской области: Конец 1918 – первая половина 1919 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 1. – С. 43-50.

Гагкуев 2019 – *Гагкуев Р.Г.* Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917-1920 гг. // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. – 2019. – Т. 7. – С. 196-210.

Даудов 2012 – *Даудов А.Х.* Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 1. – С. 31-41.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2009. –224 с.

Джамбулатов, Чекулаев 2017 – *Джамбулатов Р.Т., Чекулаев Н.Д.* Революционные будни 1917 года: Кизлярщина от Февраля к Октябрю // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года. Материалы международной научной конференции. Под редакцией В.М. Доброштана, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. – СПб., 2017. – С. 98-101.

Добрякова, Донин, Лобанов 2019 – *Добрякова Н.А., Донин А.Я., Лобанов В.Б.* Антибольшевистские силы Терско-Дагестанского региона в период Гражданской войны 1917-1920 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 2. – С. 58-67.

Добрякова, Лобанов 2021 – *Добрякова Н.А., Лобанов В.Б.* Узун-Хаджи Салтинский – военный и политический деятель периода Революции и Гражданской войны на Северном Кавказе (1917-1920) // Современная научная мысль. – 2021. – № 2. – С. 132-135.

Кажаров 2017 – *Кажаров А.Г.* Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе: идеи, проекты и итоги национального самоопределения в 1917-1918 гг. // Вестник АГУ. – 2017. – № 4 (209). – С. 100-110.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Матиев 2020 – *Матиев Т.Х.* Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921). – Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.

Матиев 2021 – *Матиев Т.Х.* Термин «Горское национальное движение» в современной историографии революции и гражданской войны 1917-1921 гг. // «Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра». Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию создания Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас: ООО «КЕП», 2021. – С. 309-316.

Петросян 2012 – *Петросян Г.А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918-1920 гг.). - Ереван: Издательство ЕГУ, 2012. – 423 с.

Пученков 2016 – *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). - М.: Научно-политическая книга, 2016. – 399 с.

Сулаев 2021 – *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917-1921 гг.). – Махачкала: ДГУ, 2021. – 199 с.

Сулаев 2019 – *Сулаев И.Х.* Революция и гражданская война в восприятии и деяниях мусульманского духовенства Дагестана (1917-1921 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 463-487.

REFERENCES

ARTEM'EV A.S., LOBANOV V.B. *Dobrovol'cheskaya armiya v Terskoj oblasti: Konec 1918 – pervaya polovina 1919 gg.* [The Volunteer Army in the Tersk region: The end of 1918 – the first half of 1919]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – № 1. – S. 43-50. (In Russ.).

GAGKUEV R.G. *Osobennosti Velikoj rossijskoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze. 1917-1920 gg.* [Features of the Great Russian Revolution and Civil War in the North Caucasus. 1917-1920]. IN: Rossiya v epohu revolyucij i reform. Problemy istorii i istoriografii. – 2019. – T. 7. – S. 196-210. (In Russ.).

DAUDOV A.H. *Gosudarstvennoe ustrojstvo Gorskoj ASSR* [The state structure of the Mountain ASSR]. IN: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. – 2012. – № 1. – S. 31-41. (In Russ.).

DAUDOV A.H., MESKHIDZE D.I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924 gg.)* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. – SPb.: SPbGU, 2009. – 224 s. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T., CHEKULAEV N.D. *Revolyucionnye budni 1917 goda: Kizlyarshchina ot Fevralya k Oktyabryu* [Revolutionary everyday life of 1917: Kizlyar region from February to October]. IN: Revolyucii v otechestvennoj i mirovoj istorii: k 100-letiyu rossijskih revolyucij 1917 goda. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Pod redakciej V.M. Dobroshtana, S.I. Bugasheva, A.S. Minina, T.V. Rabush. – SPb., 2017. – S. 98-101. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., DONIN A.Y., LOBANOV V.B. *Antibol'shevistskie sily Tersko-Dagestanskogo regiona v period Grazhdanskoj vojny 1917-1920 gg.* [Anti-Bolshevik forces of the Tersk-Dagestan region during the Civil War of 1917-1920]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – № 2. – S. 58-67. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., KAMBIEV A.M. *K voprosu o gorskom nacional'nom dvizhenii na Tereke i v Dagestane v 1917-1921 gg.* [On the question of the Mountain national movement on the Terek and in Dagestan in 1917-1921]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – № 6. – S. 88-91. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Razvitie revolyucionnogo processa v Kabarde: vnutrennie predposylki i vneshnie faktory* [The development of the revolutionary process in Kabarda: internal prerequisites and external factors]. IN: Vseobshchaya istoriya. – 2019. – № 3. – S. 56-60.

ZHANSITOV O.A. *Revolyucionnye processy v nacional'nyh okrugah Terskoj oblasti (1917-1918)* [Revolutionary processes in the national districts of the Tersk region (1917-1918)]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2017. – № 2 (76). – S. 113-118. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Gorskaya intelligenciya ob etnopoliticheskih processah na Severnom Kavkaze: idei, proekty i itogi nacional'nogo samoopredeleniya v 1917-1918 gg.* [Mountain intelligentsia on ethnopolitical processes in the North Caucasus: ideas, projects and results of national self-determination in 1917-1918]. IN: Vestnik AGU. – 2017. – № 4 (209). – S. 100-110. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizaciya «Soyuz ob"edinennyh gorcev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.)* [The organization "Union of United Mountaineers" and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: Vestnik AGU. – 2018. – № 1(214). – S. 28-38. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Gorskoe nacional'noe dvizhenie v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917-1921)* [The Mountain National Movement in Revolutions and Civil War in the North Caucasus (1917-1921)]. – Nazran': OOO «Кер», 2020. – 402 s. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Rol' mozdokskogo s"ezda narodov Tereka v nalazhivanii politicheskogo soyuza mezhdu Ingushetiej i bol'shevikami* [The role of the Mozdok Congress of the Terek peoples in establishing a political alliance between Ingushetia and the Bolsheviks]. IN: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2018. – T. 18. – Vyp. 2. – S. 250-253. (In Russ.).

PETROSYAN G.A. *Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiej (1918-1920 gg.)* [Relations of the Republic of Armenia with Russia (1918-1920)]. - Yerevan: YSU Publishing House, 2012. – 423 p. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Nacional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 g.)* [The national policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)]. - M.: Scientific and Political book, 2016. – 399 p. (In Russ.).

SULAEV I. H. *Musul'manskoe duhovenstvo Dagestana i svetskaya vlast': bor'ba i sotrudnichestvo (1917-1921 gg.)* [Muslim clergy of Dagestan and secular power: struggle and cooperation (1917-1921)]. – Mahachkala: DGU, 2021. – 199 s. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Revolyuciya i grazhdanskaya vojna v vospriyatii i deyaniyah musul'manskogo duhovenstva Dagestana (1917-1921 gg.)* [Revolution and civil war in the perception and deeds of the Muslim clergy of Dagestan (1917-1921)]. IN: Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1-2. – S. 463-487. (In Russ.).

Информация об авторе

А.М. Камбиев – соискатель.

Information about the author

A.M. Kambiev – applicant.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 20.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 93/94+908
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-138-150
EDN: GSKVNF

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАЛЫХ ГЭС В СИСТЕМАХ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ РОССИИ: АКБАШСКАЯ ГЭС В 1920–1930-Е ГГ.

Расул Салихович Гуртуев[1], **Петр Абрамович Кузьминов**[2], **Карина Асланбековна Сундукова**[3], **Инна Сарабиевна Тахушева**[4]
[1,2,3,4] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия
[1] rasul.gurtuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0092-0742
[2] petrakis_hist@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5767-1484
[3] sundukova.karina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045
[4] tahusheva94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы развития гидроэнергетики Кабардино-Балкарии в 1920–1930-е гг. Организовав гидрографическое исследование региона, советское правительство убедилось в эффективности проектирования и строительства малых ГЭС как рентабельного вида возобновляемых источников энергии. Был разработан пятилетний план электрификации края 1925–1929 гг., составной частью которого стало строительство групповой гидростанции в Мало-Кабардинском округе, находившемся на востоке КБАО в сухостепной зоне с недостаточным и неустойчивым увлажнением. Проложив западный канал Мало-Кабардинской обводнительно-оросительной системы, местные власти приступили к сооружению Акбашской МГЭС, сыгравшей ключевую роль в снабжении качественной электроэнергией отдаленных населенных пунктов и первых промышленных предприятий округа. Сегодня использование ресурсов малых рек, составляющих основу гидрографической сети региона, обеспечит устойчивое развитие Кабардино-Балкарской Республики и создаст условия для ее энергетической безопасности и научно-технической модернизации промышленности.

Ключевые слова: электрификация, ГОЭЛРО, гидроэлектростанция, гидростроительство, малая ГЭС, Акбашская ГЭС, Мало-Кабардинская обводнительно-оросительная система

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00787 «Становление гидроэнергетического комплекса в Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX в.: планы, подготовка, реализация».

Для цитирования: Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А., Сундукова К.А., Тахушева И.С. Исторический опыт использования малых ГЭС в системах электроснабжения России: Акбашская ГЭС в 1920–1930-е гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 138-150. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-138-150. – EDN: GSKVNF.

© Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А., Сундукова К.А., Тахушева И.С., 2022.

Original article

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF USING SMALL HYDROPOWER PLANTS IN THE POWER SUPPLY SYSTEMS OF RUSSIA: AKBASH HYDROELECTRIC POWER PLANT IN THE 1920s-1930s

Rasul S. Gurtuev[1], **Petr A. Kuzminov**[2], **Karina A. Sundukova**[3], **Inna S. Takhusheva**[4]

[1,2,3,4] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

[1] rasul.gurtuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0092-0742

[2] petrakis_hist@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5767-1484

[3] sundukova.karina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045

[4] tahusheva94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045

Abstract. The article handles topical issues of the hydropower development the in Kabardino-Balkarian Republic in the 1920s–1930s. By organizing a hydrographic study of the region, the Soviet government was convinced of the design and construction effectiveness of small hydroelectric power plants as a cost-effective form of renewable energy. A five-year plan for the electrification of the region in 1925–1929 was developed, an integral part of which was the construction of a group hydroelectric station in the Malo-Kabardinsky district, in the east of the KBAO in the dry steppe zone with insufficient and unstable moisture. After laying the western canal of the Malo-Kabardinsky irrigation system, the local authorities began the construction of the Akbashskaya SHPP, which played a key role in supplying high-quality electricity to remote settlements and the first industrial enterprises of the district. Today, the use of the resources of small rivers, which form the basis of the hydrographic network of the region, will ensure the sustainable development of the Kabardino-Balkarian Republic and create conditions for its energy security and scientific and technical modernization of industry.

Key words: electrification, GOELRO, hydroelectric power plant, hydro construction, small hydroelectric power station, Akbashskaya hydroelectric power station, Malo-Kabardinskaya watering and irrigation system.

Gratitude and funding: The study was carried out with the financial support of the Russian National Federation within the framework of the scientific project № 22-28-00787 «Formation of a hydropower complex in Kabardino-Balkaria in the 20s and 30s of the XX century: plans, preparation, implementation».

For citation: Gurtuev R.S., Kuzminov P.A., Sundukova K.A., Takhusheva I.S. The historical experience of using small hydropower plants in the power supply systems of Russia: Akbash hydroelectric power plant in the 1920s-1930s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – С. 138-150. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-138-150. – EDN: GSKVNF.

© Gurtuev R.S., Kuzminov P.A., Sundukova K.A., Takhusheva I.S., 2022

На протяжении длительного времени в России использование силы падающей воды дает возможность обеспечивать государственные нужды в электроэнергии. Устойчивая тенденция ввода и эксплуатации гидроэлектростанций (ГЭС)[1] в нашей стране и особенно на Кавказе объясняется высоким уровнем экологической безопасности их функционирования и относительной дешевизной

[1] Гидроэлектростанция (ГЭС): комплекс сооружений и оборудований, преобразующих гравитационную энергию воды в электрическую энергию. – Авт.

выработки электроэнергии. Помимо этого гидроэнергетическая отрасль решает комплекс важных для общества и государства задач: создание систем питьевого и промышленного водоснабжения, сооружение ирригационных систем для повышения эффективности сельскохозяйственного производства, организация рыбоводства и др. Все это требует учитывать накопленный опыт Кабардино-Балкарии в 1920–1930-е гг. и обусловливает актуальность исследуемой темы.

Целью настоящего исследования является анализ исторического опыта использования малых гидроэлектростанций (МГЭС)[1] в энергосистеме России на примере Акбашской ГЭС для обоснования эффективности современных проектов гидростроительства. В последние десятилетия местные власти, крупнейшие энергетические холдинги, научные группы активно выступают с инициативой развития малой гидроэнергетики и других возобновляемых источников энергии, намереваясь решить актуальную проблему повышения надежности энергоснабжения населенных пунктов и создать условия для энергетической безопасности и научно-технической модернизации промышленности.

Исследование опирается на обширную источниковую базу, включая архивные материалы, документальные сборники, источники личного происхождения, статьи периодической печати и небольшой круг исследований, в которых косвенно затрагиваются проблемы создания и эксплуатации Акбашской ГЭС.

Одним из ценных источников для реконструкции истории строительства и особенностей функционирования МГЭС в национальных автономиях Северного Кавказа в годы советской власти являются архивные документы Российского государственного архива в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре) и Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО). В РГА в г. Самаре сосредоточена вся научно-техническая документация СССР, в том числе имеются сведения об условиях сооружения гидроэлектростанции на реке Баксан, результатах геологоразведочных работ в Кабардино-Балкарской автономной области (далее – КБАО) в 1920–1930-е гг. и др. В делах ГАРО обнаружена информация о планах и ходе сельской и сельскохозяйственной электрификации КБАО, составной частью которой стало строительство Акбашской ГЭС.

Местные архивы Кабардино-Балкарской республики сохранили в своих фондах историю установления советской власти в регионе и учреждения соответствующих органов власти. Согласно архивным данным, природно-климатические условия Мало-Кабардинского округа КБАО обусловили строительство обводнительно-оросительной системы и последующий ввод в эксплуатацию гидроэлектростанции в Акбаше.

Идеи и опыт электрификации в дореволюционной России были обобщены Государственной комиссией по электрификации страны (далее – ГОЭРЛО), занимавшейся разработкой и реализацией плановой социалистической экономики. Отдельный том трудов Комиссии посвящен электрификации Кавказского района [Электрификация… 1920], располагавшего, следуя выводам исследователей,

[1] Малая гидроэлектростанция (МГЭС): ГЭС с установленной мощностью от 100 до 30000 кВт, или до 30 МВт, с агрегатами единичной мощностью не более 10 МВт и диаметром рабочего колеса не более 3 м. – Авт.

значительными водными ресурсами. Документальные свидетельства подтверждают высокую эффективность ввода малых ГЭС на реках Северного Кавказа.

Источники личного происхождения и материалы периодической печати, использованные в работе, отражают участие областного руководства в строительстве Акбашской гидростанции и отношение общественности к изменениям в жизни населения Мало-Кабардинского округа.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении источники позволяют реконструировать историю как Акбашской гидростанции, так и комплекса гидроэнергетического строительства в регионе.

В историографии интерес к проблемам электрификации страны, в рамках которой осуществлялось гидростроительство, наметился давно. По сведениям Н.Г. Шамрая, в 1917–1985 гг. в СССР были опубликованы более пяти тысяч монографий, брошюр и статей, защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций [Шамрай 1990: 9]. Представители национальных автономий Северного Кавказа подготовили труды о региональных темпах индустриализации, исследовав развитие на местах электроэнергетики.

Предметом исследования Р.И. Цориева стали условия, процесс и итоги строительства электроэнергетической базы региональной промышленности [Цориев 1988]. В контексте индустриализации края Х.Т. Медалиевым изучен процесс ввода в эксплуатацию малых гидроэлектростанций [Медалиев 1959; Медалиев 1972]. Большинство работ советского периода отличает выраженная идеологическая окраска, так как процесс индустриализации представляется авторами как непрерывная цепь побед, обусловленная продуманной политикой советского руководства.

В современной исторической науке внимание исследователей сосредоточено на изучении малых гидроэлектростанций региона в контексте реализации советским правительством плана ГОЭРЛО и общей индустриализации страны. Р.С. Гуртуевым и П.А. Кузьминовым [Гуртуев, Кузьминов 2019a; Гуртуев, Кузьминов 2019b; Гуртуев, Кузьминов 2020; Гуртуев и др. 2022] проанализированы имперские и советские проекты постройки гидроэлектростанций края, в том числе, условия строительства Баксанской ГЭС, ставшей впоследствии базой для энергосистемы Кабардино-Балкарии. История создания Мало-Кабардинской обводнительно-оросительной системы (далее – МКООС), имевшей принципиальное значение для строительства Акбашской ГЭС, освещена в книге В.С. Бесланеева и А.Ш. Мамхегова [Бесланеев, Мамхегов 1999]. На основе архивных данных и фотодокументов авторы восстановили процесс постройки канала и трудности, с которыми столкнулись строители в ходе работы. Статьи Емузовой Л.З., Арсаевой З.М., Сокуровой С.А. посвящены истории развития обводнительной мелиорации в Малой Кабарде [Емузова и др. 2017a] и современным геоэкологическим проблемам, возникающим в процессе эксплуатации оросительной системы [Емузова и др. 2017b]. Таким образом, историографический анализ показывает, что рассматриваемая проблема до сих пор не становилась предметом специального исследования.

В нашей стране накоплен достаточно большой практический опыт проектирования, строительства и эксплуатации МГЭС. История гидроэнергетики

началась с небольших станций, построенных при рудниках – Зыряновской ГЭС (1892 г.) на Алтае и Ныгринской ГЭС (1896 г.) в Иркутской области [Возобновляемая энергия… 2018: 3]. К 1913 г. в Российской империи эксплуатировались 78 малых гидроэлектростанций, общая мощность которых составляла 8,4 МВт [Родионов 2010: 102].

В Советской России было предпринято масштабное исследование гидроэнергетического потенциала малых рек и возможностей строительства в национальных автономиях гидростанций. В подготовленном группой инженеров и ученых плане ГОЭЛРО, отдельный том был посвящен Кавказскому экономическому району, исследованием ресурсов которого занимался крупный инженер-энергетик Г.О. Графтио (1869–1949). По его разработкам в стране было построено несколько электростанций и запущен первый электрический трамвай в Санкт-Петербурге. Графтио детально изучил гидроэнергетический потенциал рек Закавказья и Черноморского побережья и имел большой опыт в этой области [Гуртуев 2020: 127-128].

На основе собранных учеными сведений о гидроэнергетических ресурсах Северного Кавказа был разработан пятилетний план электрификации края 1925–1929 гг., «установивший работы в общем на сумму 43.880.000 р.» [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 38]. По плану наиболее совершенной формой сельской электрификации считалось ее электроснабжение от линий передач мощных районных электроцентралей. Однако, «учитывая растущий к 1920-м гг. запрос деревни на электроэнергию и не считая возможным откладывать его удовлетворение до окончания сооружения проектируемых централей, на ближайшее пятилетие допускалось мелкое сельское электростроительство» [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 23]. Последнее рассматривалась как «переходная подготовительная ступень, призванная приучить сельское население данного пункта или района к широкому пользованию электроэнергией для своих нужд, способствующая развитию нагрузок района и развертыванию его местной сети» [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 23]. Рентабельность мелких сельских установок должна была достигаться присоединением к ним, кроме осветительной, еще мелкой моторной нагрузки, например, мельниц, крупорушек, маслобоек, молотилок, кустарных станков и т.п. В целях удешевления энергии, установки должны были проектироваться преимущественно как комбинированные с местным мукомольным производством, т.е. при мельницах, в общих с последними машинными помещениями.

В перспективном плане развития СССР сельская электрификация подразделялась на:

1. электрификацию сельскую;
2. электрификацию сельскохозяйственную;
3. электрификацию национальных областей (особая подгруппа сельской и сельскохозяйственной электрификации).

Каждая из этих групп имела свои характерные особенности, учет которых давал возможность местным властям эффективно регулировать и направлять развитие электрификации.

Сельская электрификация характеризовалась электроустановкой малой мощности, предназначенной к покрытию осветительной и моторной нагрузки какого-либо села, деревни, аула, станицы или их групп, и отличалась незначительностью моторной нагрузки на объекты сельского хозяйства. *Сельскохозяйственная электрификация* имела наряду с осветительной и моторной нагрузкой самой деревни преобладающую моторную нагрузку конкретно по линии сельского хозяйства (полеводства, огородничества, мелиорации, прессовки сена, молотьбы в поле и т.п.). *Электрификация аулов и районов национальных областей* зачастую определялась планом электрификации как продиктованная не столь экономическими, как общественно-политическими причинами.

В зависимости от местных условий района, действия и характера нагрузки, план электрификации намечал три наиболее удачных и рентабельных типа сельских установок:

а) установка при мельнице мощностью от 3-х до 25 киловатт;

б) самостоятельная установка от 20 до 50 киловатт;

в) групповая установка от 70 до 300 и более киловатт.

Установки *первого типа* были эффективны уже при условии обслуживания осветительной нагрузки средней по количеству дворов деревни при незначительном или полном отсутствии моторной нагрузки. *Второй тип* считался экономически выгодным лишь в очень большой по численности населения станице, ауле или деревне. *Групповая сельская установка* предназначалась для обслуживания осветительной и моторной нагрузки группы близко расположенных друг от друга сел и станиц (не больше 10 верст[1]). Установка могла быть дизельной или гидроэлектрической. Предполагалось, что, в случае наличия крупной моторной загрузки (2-3 мельницы, маслобойный завод и пр.), энергия установки могла быть чрезвычайно дешевой.

Тариф на электроэнергию сельской установки не должен был превышать: на освещение 16-20 коп. за кв. час, а для мелкой моторной нагрузки – 5-9 коп.

На основе этих рекомендаций в 1925–1926 гг. были определены работы по сооружению сельских мелких и грунтовых электростанций в следующих селах, станицах и аулах Северо-Кавказского края:

1. Ст. Каневская (Кубанский округ);
2. Персиановка (Ростовский округ);
3. Старо-Минская (Донской округ);
4. Акбашская (групповая) (КБАО);
5. Павловская (Кубанский округ);
6. Приморско-Ахтарская (Кубанский округ).

Полная стоимость сооружения перечисленных сельских электростанций составляла 635.000 руб. Электростроительные работы были поручены акционерным обществам «Электрокрай» (4 станции, стоимостью работ 525.000 руб.) и «Электросельстрой» (2 станции, стоимостью работ 110.000 руб.) [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 36].

[1] Верста – русская единица измерения расстояния, равная пятистам саженям или тысяче пятистам аршинам, в метрической системе – 1066,8 метра или 1,06 км. – Авт.

Таким образом, очередность работ по электрификации отдельных сел и станиц или их групп устанавливалась в зависимости от степени подготовленности населения, его организованного объединения и финансовых возможностей. По мере развития линии электропередач, районы, питаемые током от мелких сельских установок, должны были переходить на электроснабжение от передач электроцентралей, а сами сельские установки должны были ликвидироваться или превращаться в тепловой резерв своего района и одновременно служить районным распределительным пунктом энергии, получаемой от электроцентрали.

Включение в план сельской электрификации 1925/26 г. строительства групповой гидростанции в Акбаше объяснялось необходимостью решения первоочередных нужд населения Мало-Кабардинского округа, находившегося географически на востоке КБАО в сухостепной зоне с недостаточным и неустойчивым увлажнением. В следующем 1926/27 г. предполагалось завершить работы по строительству Акбашской станции и начать подключение потребителей [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 36].

Мало-Кабардинский округ характеризовался засушливым климатом, нехваткой атмосферного увлажнения, безводьем, отсутствием возможностей орошения земель. Арало-каспийские суховеи, врывавшиеся в пределы округа, определяли низкую урожайность сельскохозяйственных культур, и, как следствие, периодический голод. По данным В. Бесланеева и А. Мамхегова, жестокие засухи погубили практически весь урожай сельскохозяйственных культур в округе в 1891, 1906, 1911, 1921–1925 гг. [Бесланеев, Мамхегов 1999: 68-69]. Особенно трудным выдался 1923 г., когда 70 % посевов не дали всходов, в том числе погибли озимые и яровые культуры. Отсутствие пастбищных угодий привело к падежу скота, и население приступило к его массовой распродаже [ЦГА КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 51]. По информации Мало-Кабардинского окрисполкома к 15 августа 1924 г. в округе числилось голодающих и экстренно нуждающихся в помощи: 2216 крестьянских хозяйств, 1602 трудоспособных мужчин, 988 трудоспособных женщин, 755 нетрудоспособных мужчин, 1231 нетрудоспособная женщина, детей до 8 лет – 2103, детей от 8 до 16 лет – 1433, а всего более восьми тысяч человек оказались без продовольствия [ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 144. Л. 293]. Исходя из катастрофически бедственного социально-экономического положения Малой Кабарды в 1920-е гг., областное руководство приняло решение о проведении осушительных и обводнительно-мелиоративных работ в округе [Бесланеев, Мамхегов 1999: 72].

Для разработки программы обводнительной мелиорации Малой Кабарды в округ из Ростова-на-Дону были направлены специалисты краевого земельного управления под руководством М.Д. Калиманова и В.С. Гвоздева. По их наблюдениям, строительство Мало-Кабардинской обводнительно-оросительной системы необходимо было разделить на два этапа. На первом этапе инженеры предлагали соорудить Акбашский западный канал, на втором – северный канал вдоль Арикского хребта протяженностью 54 версты.

Подготовительные работы по строительству канала Терек-Акбаш, предназначенного для орошения больших земельных участков, где проживали 2435 крестьянских семей, были начаты в 1924 г. [ЦГА КБР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 218. Л. 190].

Земляные работы по выемке грунта, прокладке канала от правого берега Терека осуществлялись жителями вручную даже в зимнее время. В результате к сентябрю 1926 г. строительные работы были завершены, а 1 октября торжественно открыли первую очередь водохозяйственного комплекса – Акбашский западный магистральный канал протяженностью 14 верст.

Областная газета «Карахалк» отразила на своих страницах хронологию строительства канала. В октябре 1926 г. корреспонденты издания с восторгом писали о «победе населения Малой Кабарды над природой» и открытии обводнительного канала Терек-Акбаш, имевшего огромное хозяйственное значение для всей Кабардино-Балкарской автономной области. Воды Терека, от которых жители терпели ранее большие убытки, по словам газеты, теперь будут приносить только пользу: орошать четыре тысячи гектаров земли и снабжать жителей чистой водой, избавят от малярии и расширят посевные площади[1].

Акбашский канал имел двоякое значение. Он использовался как оросительный канал, и как технически необходимое условие для строительства гидроэлектростанции. На сбросе канала было запланировано устройство Акбашской групповой малой гидростанции, сооружение которой частично финансировалось правительством России. Проблемы и сроки строительства и введения в эксплуатацию Акбашской ГЭС наряду с другими текущими вопросами обсуждались на V съезде Советов Кабардино-Балкарии 4 мая 1926 г. В докладе председателя облисполкома Б.Э. Калмыкова подчеркивалось, что гидроэлектростанция будет построена в обозначенные союзным центром сроки – к 1927 г.

Темпы строительства нарастали с каждым днем. Наравне с взрослыми жителями селений на строительство ГЭС выходили подростки, подвозившие на арбах гравий с берегов Терека для строительства фундамента здания ГЭС. Благодаря качественной организации труда правительства и руководства области, необходимые для сооружения Акбашской станции материалы и оборудование вовремя поступали из других городов Советского Союза: Харькова, Ростова-на-Дону, Нальчика и др. Отмечая успехи Кабардино-Балкарии в области социалистического строительства, VIII областная партийная конференция в январе 1927 г. поставила задачу по ускорению строительства Акбашской гидроэлектростанции и началу строительства Баксанской ГЭС.

Трудовой энтузиазм местного населения, поддержка областного центра и окружной власти обусловили досрочное завершение строительства Акбашской станции. К лету 1927 г. каркас здания был возведен, и власти приступили к его техническому оснащению. В здании ГЭС установили 2 пропеллерных гидроагрегата Пр15-Г-100 мощностью 440 кВт/час – по 220 кВт каждый, работавших при расчетном напоре 15,5 м. Для передачи и распределения электроэнергии жителям Малой Кабарды была создана электросеть – поставлены столбы и натянуты провода. Организовав пусконаладочные работы, пробные включения гидроагрегатов, местные власти 7 ноября 1928 г. заявили о торжественном открытии первенца гидроэнергетики округа – Акбашской ГЭС.

[1] Газета «Карахалк». 1926 год. 6 октября.

После ввода в эксплуатацию, гидроэлектростанция стала обеспечивать электроэнергией дома жителей районного центра – Терека, а также станицы Александровской, селений Верхний Акбаш, Плановское и Дейское. Акбашская ГЭС способствовала развитию промышленности Малой Кабарды, став электроэнергетической базой для первых промышленных объектов в округе: Кабардинского крахмального завода в станице Александровской, Муртазовского элеватора, лубзавода в поселке Пенькозавод, вареньеварочного завода в селении Плановском и других небольших промышленных предприятий [Емузова и др. 2017а: 214]. С образованием колхозов в конце 1920-х – начале 1930-х гг. линии электропередач были протянуты к зернотокам, а позже ГЭС стала обслуживать мастерские и машинно-тракторные станции округа.

Первым директором Акбашской ГЭС стал Т.Т. Гусейнов, который позднее, в 1930-е гг. был арестован по ложному доносу и объявлен «врагом народа». Затем эту должность занимали К. Гуважоков, Н.С. Игнатенко, Т. Гуважуков, А.Ф. Мызин, И.Ф. Кольцов, Х. Бжеумыхов, Г.И. Корсуков, Д. Ахаминов. И.Н. Коваль, Х. Бекшоков, М. Хатефов, Д. Кудаев. Технический персонал станции составляли Х. Гусейнов, М. Тарканов (награжденный за большие трудовые успехи орденом Трудового Красного Знамени), Г. Керефов, Х. Карданов, Ф. Игнатенко, И.Ф. Прошек и др.[1].

В 1953–1955 гг. станция была реконструирована. Обновили турбины и поставили третий дополнительный гидроагрегат, что увеличило мощность станции до 660 кВт. Однако, отсутствие элементов автоматизации и ручное управление всеми операциями дежурным персоналом тормозили работу ГЭС. Гидроагрегаты станции располагали лишь дроссельными заслонками с механическими ручными приводами, которыми оборудовались щиты в напорных камерах и на холостом водосбросе.

Проект автоматизации Акбашской ГЭС был разработан в 1965 г. проектно-конструкторским бюро РЭУ «Ставропольэнерго», к которому относились в это время электросети Кабардино-Балкарской автономной советской социалистической республики. Этот план, реализованный в том же году, стал пилотным для всех региональных сельских ГЭС и показал возможности механизации гидростанций. Несмотря на технологические новшества, в 1973 г. работа Акбашской станции была остановлена. Все гидросиловые и электротехнические оборудования, а также трубопроводы были демонтированы. Руководство страны посчитало такие МГЭС неэффективными.

Решение о восстановлении станции было принято лишь в 1990 г. Разработкой проекта занялось Особое конструкторское бюро НИО «Гидропроект» им. С.Я. Жука, возродившее Акбашскую ГЭС мощностью 1,1 МВт в ноябре 1995 г. Реконструкция затронула помещения станции, а старые гидроагрегаты были заменены на новые.

[1] Шондирова А.Д. Мало-Кабардинская оросительная система (к 95-летию начала сооружения, 90-летию ввода в эксплуатацию) // Официальный сайт Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. URL: https://old.arhiv.kbr.ru/index.php/publikatsii/459-malo-kabardinskaya-orositelnaya-sistema-k-95-letiyu-nachala-sooruzheniya-90-letiyu-vvoda-v-ekspluatatsiyu (дата обращения: 21.10.2022).

В настоящее время Акбашская МГЭС, собственником которой является ПАО «РусГидро», работает по деривационному типу и состоит из деривационного канала длиной 1,3 км с головным сооружением; напорного бассейна с двумя секциями напорных камер; холостого водосброса; напорного трубопровода длиной 40 м, диаметром 1,4 м; подводящего канала длиной 100 м; отводящего канала длиной 150 м и здания ГЭС. Станция работает только в летнее время на ирригационном стоке. Проектом установлена среднегодовая выработка электроэнергии 4 млн. кВт/ч в год, реальная среднегодовая выработка составляет около 1,8 млн. кВт/ч[1].

Таким образом, для нашей страны, занимающей лидирующие позиции в мире по гидроэнергетическому потенциалу, особенно актуально сооружение малых ГЭС, позволяющих решить проблемы нехватки энергии в малонаселенных и отдаленных районах и ввода в эксплуатацию промышленных объектов. Акбашская МГЭС, функционировавшая активно в 1920–1930-е гг., снабжала электроэнергией районный центр округа, многолюдные селения и станицу, а также крупные промышленные предприятия, что дало импульс экономическому развитию Малой Кабарды. Взяв за основу советский опыт использования энергетических ресурсов, местные власти в 1995 г. реконструировали и после долгого перерыва вновь запустили работу Акбашской гидроэлектростанции.

На наш взгляд, обращение к историческому опыту гидростроительства на Северном Кавказе и его учет в современных проектах энергоснабжения обеспечит устойчивое социально-экономическое развитие Кабардино-Балкарской Республики. Регион обладает большим потенциалом для формирования эффективной гидроэнергосистемы, реализовать который представляется возможным посредством:

1. разработки нормативно-правовой базы в области энергетики;
2. привлечения инвестиционных проектов;
3. организации взаимодействия на межведомственном уровне для оценки эффектов малых ГЭС;
4. рационального использования гидроэнергетических ресурсов горных рек;
5. использования возможностей небольших рек и оросительных каналов, например, выявленной ранее возможности строительства выше по течению Акбашского канала еще одной ГЭС – Акбашской № 0, и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бесланеев, Мамхегов 1999 – *Бесланеев В.С., Мамхегов А.Ш.* Под сенью древнего Джулата. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 208 с.

Возобновляемая энергия… 2018 – *Возобновляемая энергия.* Гидроэлектростанции России. Справочник. М.И. Дворецкая, А.П. Жданова, О.Г. Лушников, И.В. Слива / Под общей ред. к. т. н., проф. В.В. Берлина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. – 223 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Гуртуев 2020 – *Гуртуев Р.С.* Проект строительства БаксанГЭС в контексте уточнения плана ГОЭЛРО в 1925–1927 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 1. – С. 120-135. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-120-135.

[1] Акбашская ГЭС // Официальный сайт ПАО «РусГидро». Кабардино-Балкарский филиал. URL: http://www.kbf.rushydro.ru/hpp/general/shpps/akbash (дата обращения: 21.10.2022).

Гуртуев и др. 2022 – *Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А., Сундукова К.А., Тахушева И.С.* Проекты и проблемы строительства Терской гидроэлектростанции в 1909–1912 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 66-82. DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-66-82. EDN: BGBOPJ.

Гуртуев, Кузьминов 2019a – *Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А.* Проблемы становления рабочего класса в Кабардино-Балкарии в конце 20 – начале 30-х гг. XX в. // Научная мысль Кавказа. – 2019. – № 2 (98). – С. 57-63. DOI: 10/18522/2072-0181-2019-98-2-57-63.

Гуртуев, Кузьминов 2019b – *Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А.* Проект электрификации Кабардино-Балкарской автономной области В.А. Покшишевского (1927 г.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2019. – № 4 (47). – С. 76-82. DOI: 10.25744/vestnik.2020.47.4.013.

Гуртуев, Кузьминов 2020 – *Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А.* Накопление научных знаний о гидроэнергетических ресурсах Северного Кавказа и первые шаги по их реализации // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 95–106. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-95-106.

Емузова и др. 2017a – *Емузова Л.З., Арсаева З.М., Сокурова С.А.* Развитие обводнительной мелиорации в сухостепной зоне Малой Кабарды // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 212-217.

Емузова и др. 2017b – *Емузова Л.З., Арсаева З.М., Сокурова С.А.* Геоэкологические проблемы, возникающие в процессе эксплуатации оросительной системы в Терском районе Кабардино-Балкарии // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 222-228.

Медалиев 1959 – *Медалиев Х.Т.* Социалистическая индустриализация Кабардино-Балкарии (1928–1937 гг.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – 130 с.

Медалиев 1972 – *Медалиев Х.Т.* Деятельность КПСС по социалистической индустриализации национальных республик и областей Северного Кавказа (1926–1937 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 259 с.

Родионов 2010 – *Родионов В.Г.* Энергетика: проблемы настоящего и возможности будущего. – М.: ЭНАС, 2010. – 346 с.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.

Цориев 1988 – *Цориев Р.И.* Электрификация горного края. – Орджоникидзе: Ир, 1988. – 238 с.

Шамрай 1990 – *Шамрай Н.Г.* Проблемы электрификации страны и их исследование в историко-партийной литературе: 1917–1985 гг.: Автореф. …дис. д.и.н. (07.00.01). – М., 1990. – 50 с.

Электрификация… 1920 – *Электрификация* Кавказского района. Составлено Государственной комиссией по Электрификации России. Научно-технический отдел. – М.: [Б.и.], 1920. – 50 с.

REFERENCES

BESLANEEV V.S., MAMHGEGOV A.SH. *Pod sen'yu drevnego Dzhulata* [Under the shadow of the ancient Dzulat]. – Nal'chik: El'-Fa, 1999. – 208 p. (In Russ.).

Elektrifikatsiya Kavkazskogo raiona. Sostavleno Gosudarstvennoi komissiei po Elektrifikatsii Rossii. Nauchno-tekhnicheskii otdel [Electrification of the Caucasus region. Compiled by the State Electrification Commission of Russia. Scientific and Technical Department]. – Moscow: [W.p.], 1920. – 50 p. (In Russ.).

EMUZOVA L.Z., ARSAEVA Z.M., SOKUROVA S.A. *Geoekologicheskie problemy, voznikayushchie v protsesse ekspluatatsii orositel'noi sistemy v Terskom raione Kabardino-Balkarii* [Geoecological problems arising during the operation of the irrigation system in the Tersky district of Kabardino-Balkaria]. IN: Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya. – 2017. – Vol. 8. – № 2. – P. 222-228. (In Russ.).

EMUZOVA L.Z., ARSAEVA Z.M., SOKUROVA S.A. *Razvitie obvodnitel'noi melioratsii v sukhostepnoi zone Maloi Kabardy* [Development of irrigation in the dry steppe zone of Malaya Kabarda]. IN: Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya. – 2017. – Vol. 8. – № 2. – P. 212-217. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region]. (In Russ.).

GURTUEV R.S. *Proekt stroitel'stva BaksanGES v kontekste utochneniya plana GOELRO v 1925–1927 gg.* [Construction project of Baksan hydroelectric power station in the context of refining the GOELRO plan in 1925–1927]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2020. – № 1. – P. 120-135. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-120-135. (In Russ.).

GURTUEV R.S., KUZ'MINOV P.A. *Nakoplenie nauchnyh znanij o gidrojenergeticheskih resursah Severnogo Kavkaza i pervye shagi po ih realizacii* [The accumulation of scientific knowledge on hydropower resources in the North Caucasus and the first steps towards their implementation]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologija». – 2020. – № 4. – P. 95-106. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-95-106. (In Russ.).

GURTUEV R.S., KUZ'MINOV P.A. *Problemy stanovleniya rabochego klassa v Kabardino-Balkarii v kontse 20 – nachale 30-kh gg. XX v.* [Problems of the formation of the working class in Kabardino-Balkaria in the late 20s – early 30s of the XX century]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2019. – № 2 (98). – P. 57-63. DOI: 10/18522/2072-0181-2019-98-2-57-63. (In Russ.).

GURTUEV R.S., KUZ'MINOV P.A. *Proekt jelektrifikacii Kabardino-Balkarskoj avtonomnoj oblasti V.A. Pokshishevskogo (1927 g.)* [V.A. Pokshishevsky's project for the electrification of the Kabardino-Balkarian Autonomous Oblast (1927)]. IN: Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. – 2019. – № 4 (47). – P. 76-82. DOI: 10.25744/vestnik.2020.47.4.013. (In Russ.).

GURTUEV R.S., KUZ'MINOV P.A., SUNDUKOVA K.A., TAKHUSHEVA I.S. *Proekty i problemy stroitel'stva Terskoi gidroelektrostantsii v 1909–1912 gg.* [Projects and problems of construction of Terek hydroelectric power plant in 1909–1912]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 3. – P. 66-82. DOI: 10.31143/2542-212X-2022-3-66-82. EDN: BGBOPJ. (In Russ.).

MEDALIEV Kh.T. *Deyatel'nost' KPSS po sotsialisticheskoi industrializatsii natsional'nykh respublik i oblastei Severnogo Kavkaza (1926–1937 gg.)* [Activities of the CPSU on socialist industrialization of national republics and regions of the North Caucasus (1926–1937)]. – Nalchik: El'brus, 1972. – 259 p. (In Russ.).

MEDALIEV Kh.T. *Sotsialisticheskaya industrializatsiya Kabardino-Balkarii (1928–1937 gg.)* [Socialist Industrialization of Kabardino-Balkaria (1928–1937)]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 130 p. (In Russ.).

RODIONOV V.G. *Energetika: problemy nastoyashchego i vozmozhnosti budushchego* [Energy: problems of the present and opportunities for the future]. – Moscow: ENAS, 2010. – 346 p. (In Russ.).

SHAMRAI N.G. *Problemy elektrifikatsii strany i ikh issledovanie v istoriko-partiinoi literature: 1917–1985 gg.: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Problems of Electrification of the Country and their Research in Historical and Party Literature: 1917–1985. Abstract of dissertation for the Doctor of Historical sciences degree]. – Moscow, 1990. – 50 p. (In Russ.).

Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

TSORIEV R.I. *Elektrifikatsiya gornogo kraya* [Electrification of the mountainous region]. – Ordzhonikidze: Ir, 1988. – 238 p. (In Russ.).

Vozobnovlyaemaya energiya. Gidroelektrostantsii Rossii. Spravochnik [Renewable energy. Hydroelectric power plants in Russia. Directory]. M.I. Dvoretskaya, A.P. Zhdanova, O.G. Lushnikov, I.V. Sliva / Edited by V.V. Berlin. – St. Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta, 2018. – 223 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Р.С. Гуртуев – лаборант-исследователь.

П.А. Кузьминов – доктор исторических наук, профессор.

К.А. Сундукова – лаборант-исследователь.

И.С. Тахушева – лаборант-исследователь.

Information about the authors
R.S. Gurtuev – laboratory assistant.
P.A. Kuzminov – Doctor of Science (History), professor.
K.A. Sundukova – laboratory assistant.
I.S. Takhusheva – laboratory assistant.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 05.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 05.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-151-166
EDN: HADUDT

СОЦИАЛЬНО–ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ВЕДЕНСКОМ ОКРУГЕ ЧЕЧЕНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1925 г.

Аббаз Догиевич Осмаев[1], **Петимат Аббазовна Осмаева**[2]
[1,2] Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Грозный, Россия.
[1] Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный, Россия.
[1] osmaev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0599-4636

Аннотация. В преддверии столетия создания Чеченской Автономной Области в ноябре 1922 г., которая просуществовала 12 лет, приобрели актуальность вопросы, связанные с ее образованием, развитием, социально-политическими процессами, протекавшими в ней. Укрепление советской власти в целом по стране, и, в частности, на Северном Кавказе, Чечне, других национальных образованиях было связано с определенными трудностями, несмотря на победу в гражданской войне. Жизнь в чеченских селах протекала, как и раньше, глубоких изменений в ней, особенно в горных районах, не наблюдалось, разве что старшин сменили председатели сельских исполкомов, которые на чеченском языке в обеих случаях назывались юрт-да/хозяин села. Безусловным авторитетом пользовались шейхи и муллы, и далеко не все они приняли новую власть, хотя и не выступали против нее. На руках у населения было оружие, которым часть из него пользовалась при разрешении противоречий как в отношениях с соплеменниками, так и с властью. Анализ анкет, составленных ОГПУ накануне разоружения 1925 г., при сопоставлении с другими данными даёт много ценных сведений о социально-политической ситуации в районах области.

Ключевые слова: Чеченская автономная область, Веденский район, оружие, анкеты, религиозные деятели, население

Для цитирования: Осмаев А.Д., Осмаева П.А. Социально–политическая обстановка в Веденском округе Чеченской автономной области в 1925 г. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 151-166. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-151-166. – EDN: HADUDT.

© Осмаев А.Д., Осмаева П.А., 2022

Original article

THE SOCIO-POLITICAL SITUATION IN THE VEDENSKY DISTRICT OF THE CHECHEN AUTONOMOUS REGION IN 1925

Abbaz D. Osmaev[1], **Petimat A. Osmaeva**[2]
[1,2] A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.
[1] Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia.
[1] osmaev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0599-4636

Abstract. On the eve of the centenary of the Chechen Autonomous Region creation on the 12th November, which existed for 12 years, issues related to its formation, development, socio-political processes that occurred found its relevance. The strengthening of Soviet power in the whole country, and, in particular, in the North Caucasus, Chechnya, and other national entities, was associated with certain difficulties, despite the victory in the civil war. Life in Chechen villages proceeded as before, there were no profound changes, especially in mountainous areas, except that the elders were replaced by the conveners of village executive committees, who in Chechen in both cases were called yurt-da/the owner of the village. Sheikhs and mullahs enjoyed absolute authority and not all of them supported the new government. The population had weapons in their hands, which some of them used to resolve contradictions both in relations with their fellow tribesmen and with the authorities. The analysis of the questionnaires compiled by the OGPU on the eve of the disarmament of 1925, when compared with other data, gives a lot of valuable information about the socio-political situation in the regions of the republic.

Keywords: Chechen Autonomous Region, Vedensky district, weapons, questionnaires, religious figures, population

For citation: Osmaev A.D., Osmaeva P.A. The socio–political situation in the Vedensky district of the Chechen autonomous region in 1925. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 151-166. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-151-166. – EDN: HADUDT.

© Osmaev A.D., Osmaeva P.A., 2022

Введение

Проблемы национально-государственного строительства в СССР, а затем и в Российской Федерации были всегда актуальны. Однако в 2021-2022 гг., когда в республиках Северного Кавказа отмечаются столетние юбилеи образования автономий, они вызывают дополнительный интерес и находятся в фокусе внимания ученых, тем более, что и в мировой политической практике, и в теории эти вопросы (особенно соотношение права наций на самоопределение и принцип территориальной целостности государства) не нашли окончательного решения.

Проблемы национально-государственного строительства с 1990 гг. исследовались в трудах Н. Бугая [Бугай, Мекулов 1994], А. Бугаева [Бугаев 2014], А. Даудова и Дж. Месхидзе [Даудов, Месхидзе 2009], Е. Кринко [Кринко 2019], А. Борова и А. Кажарова [Боров, Кажаров 2021], Ю. Карпова [Карпов 2017], Т. Хлыниной [Хлынина 1997], А. Цуциева [Цуциев 2006] и др.

Цель данной статьи – анализ анкет населенных пунктов Веденского округа Чеченской автономной области, подготовленных сотрудниками ОГПУ в 1925 г. накануне большой военной операции с использованием авиации и артиллерии по т.н. разоружению Чечни. Несмотря на ошибки (особенно по составу тайпов в тех или иных населенных пунктах), анкеты, тем не менее, представляют достаточно много ценной информации для исследования количества населения сел, их политической позиции, взаимоотношениях с соседними селами, спорах из-за земли, которая на протяжении веков оставалась главной ценностью горца, а также о людях – главах администрации, родов/тайпов, муллах, наличии коммунистических и комсомольских ячеек.

Абсолютное большинство анкет составлено на одном листе бумаге, напечатаны на пишущей машинке, данные по селам собирались как прикомандиро-

ванными сотрудниками ОГПУ, так и местными уроженцами, часто записаны неправильно, так как имена, названия местности на чеченском языке плохо воспринимались носителем другого языка. Кроме того, в разных анкетах указаны или количество хозяйств, или количество домов, или количество дворов.

Научная новизна определяется введением в оборот документов из РГВА, созданием на их основе социально-политического портрета Веденского округа Чеченской автономной области, которая переживала, вместе со всей бывшей Российской империей, сложный и болезненный этап становления после ряда катаклизмов 1917 – начала 1920-х гг., воссозданием имен и сферы деятельности целого ряда живших около ста лет назад людей.

Основная часть

По данным анкеты, в 1925 г. в *селении Эрсеной* Веденского района ЧАО численность населения составляла 1120 чел., из них 572 – мужчины. Число хозяйств – 241, площадь земельных угодий – 1016 десятин. Председатель сельсовета – Тейсуев Сулейман из рода «Эрсеной», бедняк, 42 года, бывший стражник, в обществе значением не пользуется. Общественный мулла – Шамсуддин Истамулов, 65 лет, реакционно-настроенный, кулак, весьма популярная личность, мюрид Митаева. Кубовые (от чеченского куп-квартал – авт.) муллы – Тавбулатов Кончив (Кёнча. – авт.) и Басханов Авалад (Малд – авт.), Эрсеноевцы, митаевцы (последователи шейха Митаева. – авт.), к власти враждебны.

Родовое устройство: 1. Ибаевский (Иби-неки – авт.) – 25 дымов, глава рода Хуной Духулов, 55 лет, середняк, популярен; 2) Мачаев (Мячи-неки. – авт.) – 30 дымов, глава рода Сулейман Албастов, 75 лет, середняк; 3) Гаилоев (Гайли-неки. – авт.) – 8 дымов, глава рода Сосурка Янаев, 60 лет, имеет связь с бандэлементом, середняк; 4. Бедиев (Беди-неки. – авт.) – 8 дымов, глава рода Израил Хасаев, 45 лет, середняк. 5) Каехловский – 13 дымов, глава рода Умар Махамалаев.

В сумме здесь получается 74 дымов из 241. Оставшиеся, по всей видимости, распределены между Жемил-неки, Зарг-неки, Зовр-неки, Алган-неки, Чали-неки.

Количество оружия для сдачи по расчетам ОГПУ: винтовок – 190, патронов – 3800, револьверов – 45 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 117].

Селение Средний Курчалой с отселками Верхний и Нижний Курчалой. Численность населения – 1069 чел., из них 543 мужчин. Число хозяйств – 963 (цифра в сравнении с количеством домов вызывает сомнение, но она приведена в документе. – авт.), площадь земельных угодий – 1328 десятин.

В наше время в состав Курчалинского сельского поселения входят, кроме вышеперечисленных, села Гезенчу, Шерды-мохк.

Председатель сельсовета – Тайсумов Абдул-Мусли, 42 года, крупный кулак, имеет значительный авторитет. Мусульманское духовенство: 1. Средний Курчалой – Байбатыров Лечи, середняк, тамада, Кунта-хаджинец (последователь Кунта-Хаджи Кишиева. – авт.). 2. Нижний Курчалой. Общественный мулла – Адильбай Сатаев, 32 года, влиятельный, середняк, тамада Кунта-хаджинской группы мюридов; 3) Верхний Курчалой общественный мулла –

Алхазов Хусейн из рода Курчалой, влиятельный 52 года, бедняк, сочувствует советской власти.

Родовое устройство: 1. Тундухой – 20 дымов, глава рода Джамалдин Дохуев, популярный, середняк; 2. Конкихой – 60 дымов, глава рода Али Чалдаев, середняк; 3) Мацахой – 30 дворов, глава рода Сосланбек Мидаев, популярная личность, середняк; 4) Андой – 12 дымов, глава рода Узум Саадулаев, середняк; 5) Чеберлой – 14 дымов, глава рода Эстемир Борчиков, в гражданскую войну выступал против советской власти.

Количество оружия: винтовок – 180, патронов – 3600, револьверов – 45 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 118].

Слобода Ведено, численность населения – 281 чел., из них 121 мужчин. Число хозяйств – 50, площадь земельных угодий – 331 десятин. Председатель сельского исполкома – Тазуев Шепи, хорочаевец, был старшиной села Хорочой, крупный кулак, имеет значительный авторитет. Слобода – резиденция Окрисполкома. РКП(б) членов – 17, секретарь – Садулаев, членов РКСМ – 30, секретарь – Джафаров.

Политическая окраска: слобода населена выходцами из соседних сёл Хорочой, Дишни-Ведено и Ца-Ведень, с преобладанием хорочаевцев. Переселенцы осели настолько, что враждуют со своими обществами, претендуя на землю слободы. Основное занятие – садоводство, хлебопашество и торговля. Ведено важный экономический центр для горного Дагестана. В связи с запретом Военным командованием возведения новых построек в пределах слободы – отношение населения слободы к гарнизону крепости враждебное.

Количество оружия: винтовок – 35, патронов – 700, револьверов – 9 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 119].

Селение Дышне-Ведено, численность населения – 2013 чел., из них 1056 мужчин. Число дворов – 533. Председатель сельсовета – Гацаев Адеч, 33 года, из рода Дышни, в службе исполнителен, служил в отряде Гикало. Общественный мулла Хусейнов Хазири, 60 лет, дагестанец, кулак, отношение к советской власти враждебное. Глава рода – Исханов Яхъя, 48 лет, дышнинец, личность реакционного течения. Председатель шариатского суда округа. Замечен в выступлении с агитацией против власти и партии, налогов и т.д.

Родовое устройство: 1) Уцаевский род – 160 дворов, глава Алмасханов Газимагома, наиб Гоцинского, Саид-Бека, личность контрреволюционная, связан с остатками горской контрреволюции. 2) Кусиевский – 109 дворов, глава Куси Байгириев, руководитель общества, подлежит к использованию. 3) Абатаевский – 98 дворов, глава Исхаков Яхъя. 4) Дышнинский – 86 дворов, глава Гелаев Гери. 5) Болдоревский – 129 дворов, глава Хазашев Башир. Общество очень сильное. Давит соседние захватом чужих земель. Аул славится воинственностью.

Жители аула должны сдать 340 винтовок, 6800 патронов, 85 револьверов [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 132].

Селение Ца-Веденъ (Ца-Ведено). Численность населения – 1165 чел., из них 587 мужчин. Число дворов – 266, площадь земельных угодий – 1016 десятин. Председатель сельского совета – Мициев Юнус, из рода Харачой, серед-

няк, 37 лет, служил в отряде Гикало. Общественный мулла Сериев Сайдула, большинство жителей принадлежит к Кунта-хаджинской секте.

Родовое устройство: 1. Гагаевский – 60 дворов, глава рода Салма Селимов, служил у начальника участка и сотрудничал с белыми, кулак; 2. Бугуроевский – 40 дворов, глава рода Салхухая Минциев, кулак; 3) Умаров – 54 дворов, почетный старик и глава Вези Пициев, бывший Председатель окружного исполкома и член ЦИК, член Совета Национальных Меньшинств, подлежит к использованию.

Количество оружия, которое должны сдать жители селения: винтовок – 190, патронов – 3800, револьверов – 45 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 120].

Селение Таузень (Тевзана. – авт.). Численность населения – 1169 чел., из них 610 мужчин. Число дворов – 269, площадь земельных угодий – 1703 десятин. Председатель сельсовета – Баудин Хузаев (правильно Хазуев), из рода «Элистанжи», популярен, середняк, лет 30, имеет связь с бандитским элементом, по должности бездействует. Общественный мулла – Исмазиев Джабраил, 60 лет, Цацахоевец (цадахаро. – авт.), середняк, популярен, гайсумовец (то есть, последователь Сугаип-муллы Гайсумова – авт.). Кубовых (от чеченского куп – квартал. – авт.) мулл в селении – 5 (Махмалиев Махмуд, Мамаев Сулейман, Мустапаев Зока, Байдаров Умар, Мамаев Биса, Манцаев Шепа, Эскиев Решид – фамилии мулл установлены с помощью историка-краеведа Халидова Б.), все настроены антисоветски.

Родовое устройство: 1. Элистанжи – 100 дворов, глава рода Алхазур Лорсанов – 45 лет, из середняков, популярен; 2. Цадахорой (даргинцы. – авт.) – 30 дворов, глава рода Исраил Асхабов (Исбахиев), середняк, популярен; 3. Газилой (Гезалой (крымские татары). – авт.) – 40 дворов, почетный старик Исраил Багапов, из середняков, популярен в своем роде; 4. Нижелой – 12 дворов, глава рода Кади Булкушев (Кахармаев), середняк; 5. Цикарой – 5 дворов, глава рода Теса Говдаханов, бедняк; 6. Ригахой – 4 дворов, глава рода Хесигов (Хаджиев Хесиг), бедняк.

Количество оружия: винтовок – 200, патронов – 4000, револьверов – 50 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 122].

Селение Элистанжи. Численность населения – 1098 чел., из них 564 мужчин. Число хозяйств – 236, площадь земельных угодий – 1365 десятин. Председатель сельсовета – Газиев Абдул-Кадыр, 40 лет, пользуется большой популярностью, мюрид секты Кунта-Хаджи, из рода «Элагой» (на самом деле из Биги-неки, по свидетельству известного ученого, доктора исторических наук Л.М. Гарсаева, уроженца с. Элистанжи, которому Газиев А. приходится дедом по материнской линии. – авт.). Мусульманское духовенство: мулла Дата Кадыров, 55 лет, из рода Аршаной (Ригахо. – авт.), реакционно настроен, популярен. Кубовых мулл 5 чел. – настроение антисоветское.

Родовое устройство: Багарой (Биги-неки – авт.) – 150 дымов, Везурхан Хажимурадов, 60 лет, середняк, популярен. 2. Арсай (Арсан-неки – авт.) – 19 дымов, почетный старик Юсуп Хаджи Тазабаев, 65 лет, середняк. 3. Амакой (эта группа фамилий пока не идентифицирована. – авт.) – 50 дымов. 4. Харачой – 17 дымов, глава рода Мирза-Аджи Басханов, 63 года, середняк, популярен.

Количество оружия к сдаче: винтовок – 180, патронов – 3600, револьверов – 45 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 123].

Селение Хаттуни. Численность населения – 1232 чел., из них 672 мужчины. Число хозяйств – 296, площадь пахотной земли – 1791 десятин. Председатель сельсовета – Масаев Асхаб, из рода «Элистанжи», бедняк, популярен, 39 лет, бездействует, отношение к Советской власти безразличное. Общественный мулла – Зайнулаев Оздемир, 40 лет, из Элистанжинского рода, кулак, популярен, секты Абдул Вагап-Хаджи, к власти лоялен. Кубовый мулла – Хаджиев Юсуп-Асхаб, 26 лет, Элистанжинец, кулак.

Родовое устройство: Чебердовск (скорее всего, опечатка, должно быть чеберлой – авт.) – 40 дворов, глава рода Гушик Дельмиев. 2. Цацадахорой/Цадахарой (даргинцы – авт.) – 90 дворов, глава Абдул-Рашид Магомаев, середняк, популярен. 3. Элистанжи – 35 дворов, Дада Гайтиев, середняк, популярен. 4. Макажой – 47 дворов, Пейзула, середняк, популярен.

Количество оружия: винтовок – 220, патронов – 4400, револьверов – 55 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 124].

Селение Агишпатой. Численность населения – 737 чел., из них мужчин 370. Число дворов – 200, площадь пахотной земли – 918 десятин. Председатель сельсовета – Салгитаев Тежу из рода Туркой, середняк, 45 лет, имеет связь с бандитскими элементом, бездействует, к советской власти относится враждебно. Общественный мулла – Мансур Акриханов, 35 лет, Агишпотоевец, кулак, Кунта-хаджинец, популярен, к власти враждебен. К.М. (кубовые муллы. – авт.) Басханов Васаит, агишпотоевец, 30 лет, не служит, кулак, популярен; Хастомиров Вахаб, Агишпотоевец, 37 лет, не служит, но популярен.

Родовое устройство: 1. Учалой – 107 чел., глава рода Хуса Хазиров, кулак. 2. Агишпатой – 74 чел., глава Косум Кагиров, кулак. 2. Макажой – 116 чел., глава рода Якуб Шаипов, торговец. 4. Эрсеной – 67 чел., Тура Татаев – середняк, спекулянт. 5. Цадархой (цадахарой. – авт.) – 27 чел., Истамя (возможно, Истамул. – авт.) Исунов – кулак, спекулянт. 6. Сандай – 62 чел., Зелим Шагирев, середняк. 7. Харачой – 37 чел., Этселик Дачаев, середняк. 8. Харкатой – 43 чел., Арсали Эимоев (Зимоев? – авт.), середняк. 9. Гордолой – 25 чел., Иса Иросханов, середняк.

Количество оружия: винтовок – 120, патронов – 2400, револьверов – 30 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 125].

Селение Шерды-Мокх. Численность населения – 391 чел., из них 209 мужчин. Число дворов – 84, площадь земельных угодий – 440 десятин. Председатель сельсовета – Улубаев Юнус, из рода Шерды, бедняк, 53 года, бездействует, к советской власти относится с безразличием. Общественный мулла – Батаев Абас, 35 лет, из рода Ширдой, середняк, популярен, к советской власти по внешней деятельности лоялен. Кубовые муллы – Дасиев Махмуд и Хаумов Абдул-Межид Момса из Ширдоевского рода, Кунта-хаджинец, к власти лоялен.

Родовое устройство: 1. Шахдоевский - 14 дымов, тамада Хамзат Болтиев, в гражданскую войну род выступал против советской власти, в роду 10 чел., из секты Чин-Мирза. 2. Курчалоевский – 20 дымов, тамада – Булахансиев Сулейман, род выступал вместе с Саид-Беком (внуком имама Шамиля. – авт.) против

советской власти. 3) Ахтоевский – 4 двора, (дагестанцы) тамада Джамалдин Малохансиев, примыкает к первым родам. 5. Зандаковский – 7 дворов, тамада Атабаев Исрапил, в роду Кунта-хаджинцев 5, примыкает к двум первым родам. 6. Ансадийский – 2 дворов (переселенцы из Дагестана), тамада – Дашаев Сантемир, Кунта-хаджинец, род примыкает к первым двум родам. 7. Шердинохский – 10 дворов, тамада Ибрагим Магохожиев, род примыкает к двум первым родам. 8. Шержимохский – 6 дворов, тамада Асхой Магоматханов. Все селение находится под влиянием почетного старика муллы Улыбаева, реакционно настроенного к власти. Активен в антисоветской пропаганде. Кроме того, по данным анкеты, население отличается бандитизмом.

Количество оружия: винтовок – 65, патронов – 1300, револьверов – 15 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 122].

Селение Ачерешки с хуторами Регаты и Джанхой. Численность населения – 1154 чел., из них 1089 мужчин. Число дворов – 269, площадь земельных угодий – 786 десятин. Председатель сельсовета – Цабаев Абдул, 35 лет, из рода Гуной, середняк. Общественный мулла – Сабаев Муза, ачерешкинец, 45 лет, середняк, митаевец, авторитетен, к власти враждебен.

Родовое устройство: 1. Тундой – 170 дворов, глава Шайхан Бултаев, кулак, популярен. 2. Окинский – 35 дворов, глава рода Дауд Туны Цагараев, середняк. 3. Марзахой – 38 дворов, глава рода Ваатоя (Вата? – авт.) Хашбетиров, середняк.

Количество оружия: винтовок – 350, патронов – 7000, револьверов – 85 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 128].

Селение Махкеты. Численность населения – 2115 чел., из них 1163 мужчины. Число дворов – 541, площадь земли – 2062 десятины. Сельская власть: председатель сельсовета – Басханов Абдул, из рода «Черма» популярен в селе Махкеты, середняк, 55 лет, Кунта-хаджинец, бездеятелен, предводитель вооруженных схваток из-за земельных споров. Высшую власть не признает и действует по своему усмотрению.

Общественный мулла – Абубакар Яки Ханиев, 60 лет, Эникалоевец, середняк, митаевец, к власти враждебен, селение является резиденцией шейха Юсуп-Хаджи Махкетинского – руководителя одной из групп мюридов Кунта-Хаджи (до 3000). Личность популярная, пользуется огромным влиянием по всей горной полосе и главным образом в 1-м участке Веденского округа, Чеберлоевском районе и Шатоевском округе, друг (термин анкеты – авт.) советской власти. Авторитет его, считает составитель анкеты, может быть использован широко. Наряду с влиянием Юсуп-Хаджи значительное число последователей в этом населенном пункте имеется у шейха Гайсумова. Между обоими группами в масштабе данного аула идет борьба, гайсумовцы отражают антисоветское настроение аула.

Родовое устройство: два больших рода Чермой и Харачой.

I. Род Чермой делится на 13 фамилий (данные о тайпе Чермой по свидетельству историка, писателя С.-Х. Нунуева нуждаются в правке. – авт.):

1. Чан-Ги-Неки, 20 дворов, глава Чагаров Аюб, обстоятелен, популярен.

2. Хаси-Неки, 60 дворов, почетный старик – Тултаев Джабраил, середняк, популярен.

3. Шевхи-Неки, 10 дворов, почетный старик – Мадимаев Ахмат, Кунта-хаджинец, популярен середняк.

4. Гури-Неки, 20 дворов, почетный старик – Пили Тембулатов, Кунта-хаджинец, популярный старик.

5. Ахмат Неки, 6 дымов, почетный старик – Мусса-Хаджи Ахматханов, Кунта-хаджинец, середняк.

6. Берды-Неки, 4 дыма, почетный старик – Джабраил Эсханов, Гайсумовец, бедняк, не популярен.

7. Эска-Неки, 20 дворов, почетный старик – Хабой Цогаев, Гайсумовец, бедняк.

8. Алза-Неки, 20 дворов, почетный старик – Симсаа Мутушев, бедняк.

9. Макажой-Неки, 7 дворов, почетный старик – Расов Мажин, середняк.

10. Ратин-Неки, 7 дворов, глава рода Хазири Магомаев из середняков.

11. Арсой-Неки, 4 двора, глава рода Мусхуд Умаров, Кунта-хаджинец.

12. Мади-Неки, 2 двора, почетный старик – Сулабаев Лорсанока, Кунта-хаджинец.

13. Иматы-Неки, 2 двора, почетный старик – Чергис, фанатично настроен, Митаевец.

II. Род Харачой, 74 дыма, глава рода Жеби Магомахаджиев, середняк.

Количество оружия: винтовок – 350, патронов – 7000, револьверов – 85 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 129].

Селение Белгатой. Численность населения – 1274 чел., из них 655 мужчин. – Число дворов – 307, площадь пахотной земли – 42 десятин, сенокосной земли – 42 десятин, крупного скота – 292 голов. Председатель сельсовета – Хутиев Сайали, белготоевец, популярен, бедняк, Кунта-хаджинец. Считается честным и исполнительным работником. Общественный мулла – Загало Дургуев, Белгатоевец, влиянием большим не пользуется, Кунта-хаджинец. Старается показать себя сторонником советской власти. Служит начальником Даргинского поста погранохраны. Как совслужащего можно использовать.

Родовое устройство (уточнения по с. Белгатой внесены с помощью представителя тайпа Белгатой, краеведа Т. Джалилова. – авт.):

1. Алханеки (Элиханан неки. – авт.), 85 дымов, глава Вахаб Анхаджиев (Таипхажиев. – авт.), переселенцы из Нашхоя, Ташу-хаджинцев (последователей, мюридов Ташу-хаджи/Ташав-хаджи – известного религиозного и политического деятеля первой половины XIX в. – авт.) 45 чел., род нуждается в земле.

2. Албахаджинеки, 55 дымов, глава Ширши Магома Эдимаров (Магомед Оздемиров. – авт.), тоже переселенцы из Нашхоя, мюридов Али-Митаева 65 чел. Род занимается преимущественно скотоводством, нуждается в пастбищах.

3. Харцибинеки (Хайдарбиган неки), 50 дымов, глава Газима Гамаев (Газмагмаев), мюридов Али Митаева 75 чел. Род переселился из Нашхоя, нуждается в пастбищах.

4. Бемальнеки (Бешилан неки. – авт.), 45 дымов, глава Тешти Сусурбиев, мюридов, Али-митаевцев 45 чел., преимущественное занятие – скотоводство.

5. Очернеки (Анготан неки- авт), 35 дымов, глава Ломала (Лом-Али. – авт.) Мадалхаджиев, Ташу-хаджинцев 45 чел., преимущественное занятие – скотоводство.

6. Кардалойнеки (Карталой неки – авт.), 35 дымов, глава Турлой Тулеев, мюридов Али Митаева 30 чел., род считается несостоятельным.

7. Хазиринеки, 6 дымов, глава Абдул Исаков, мюридов Али Митаева 4 чел., род беден.

Количество оружия: винтовок – 300, патронов – 1200, револьверов – 70.

Общество входило в сферу влияния Али Митаева, позже уступившего место влиянию Гайсумова. В анализируемой анкете отмечалось, что в части возможного сопротивления следует опасаться провокационных выпадов со стороны самозваного шейха Кани Бетиева, проживающего в этом населённом пункте и имеющего влияние на Ташу-хаджинцев и Митаевцев [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 155].

Селение Дарго (принадлежит к Билготоевскому обществу). Численность населения – 2550 чел., из них 1266 мужчин. Количество хозяйств – 448, площадь пахотной земли – 286 десятин, крупного рогатого скота – 481 голова. Имеется оружейный и кузнецкий кустарный промысел, являющийся преимущественно занятием даргинцев. Председатель исполкома – Даргуев Темирхан, владелец (не указано чего. – авт.) влиянием не пользуется, гайсумовец. Общественный мулла – Хусан (Хусайн. – авт.) Сулейманов, белготоевец, кулак, пользуется уважением, Кунта-хаджинец, к власти безразличен.

Родовое устройство (уточнения по с. Дарго внесены с помощью жителя этого села Лаиева Л. – авт.):

1. Алхабаданеки (Алхабадан неки. – авт.), 80 дымов, 206 мужчин, глава рода Яда Бутиев, середняк, мюрид Абзад-Хаджи (религиозный деятель, сам последователь Ташу-хаджи. – авт.), к власти относится доброжелательно. Вторым главой фамилии является Темир-Хан Дургиев, середняк, к сектам не принадлежит. К власти доброжелателен. Узум-хаджинцев (последователи Узум-хаджи – религиозный деятель, глава Северокавкзского эмиратства. – авт.) 130 чел.

2. Галисханеки, глава Миза (Маза. – авт.) Галисханов, мюрид Абзад-Хаджи, кулак, к Советской власти доброжелателен.

3. Эминеки, глава Гача Этаев, мулла, мюрид Абзад-Хаджи, к власти враждебен, дымов 46, 180 мужчин.

4. Хайтербеники (Хайдарбиган неки. – авт.), глава Хайтарге (главой по данным белгатоевцев был Атаби Сатабаев), гайсумовец, к власти враждебен, второй глава Арсали Хатаев, гайсумовец, кулак, к власти доброжелателен, дымов – 30, 65 мужчин.

5. Груженеки (Гюржи неки), глава Абдул Кахар, мюрид Абзад-Хаджи, середняк, к Советской власти враждебен. Второй – Мутой Тутиев, абзад-хаджинец и тамада этой секты в ауле, к советской власти относится доброжелательно, дымов – 40, мужчин около 120 чел.

6. Цавзонеки (Цайзай неки. – авт.), глава Али (Байрам-Али. – авт.) Насаев, середняк, к сектам не принадлежит, к власти доброжелателен. Второй руководитель фамилии – Бетильгири Мужущев, кулак к сектам не принадлежит, к власти доброжелателен, дымов – 56, мужчин около 130.

7. Горчалинеки (Горчал неки. – авт.), глава Джуатхан (Жаватхан. – авт.) Оздиев, Абзад-хаджинец, бедняк к Советской власти доброжелателен. Дымов –

88, мужчин – 212. По некоторым данным, нет отдельных ответвлений Гюржи неки и Горчал неки, они объединяются под названием Муртаз-Али неки.

8. Бейниленеки (Бешил неки. – авт.), глава Абдул Хан Автардинов (Автарханов. – авт.), Чин-Мирзаевец (кустарь кузнец) (Чиммирза, уроженец с. Майртуп, умер в 1922 г., последователь и ученик Кунта-Хаджи. – авт.) к власти доброжелателен, 16 дымов, 30 мужчин.

9. Хизиринеки, глава Хусейн Сулейман (Сулейманов. – авт.), общественный мулла Абзад-хаджинец, кулак, 13 дымов, 26 мужчин.

10. Кртахонеки (Карталой неки. – авт.), глава Абуза Абагуров (Абругов. – авт.), узум-хаджинец, кулак, к власти безразличен, в роду 25 гайсумовцев, дымов – 45, мужчин – 112 чел., количество дымов (пропущено, по всей видимости, слово «некоторое». – авт.), принадлежит пришлому элементу объединяющихся вокруг Магомаева Темирхана, большинство из пришлых выходцы из Дагестана – ремесленники.

Роды Гурчалинеки и Гурже-неки в случае спора с прочими родами общество объединяются. Род Ямеднеки (Эминеки? – авт.) преследуется со стороны остальных сельчан за захват общественной земли.

Количество оружия: винтовок – 880, патронов – 7600, револьверов – 90.

Аул является резиденцией шейха Абдул-Решида Косухаджиева, одного из бывших сподвижников Гоцинского, значительным влиянием как кулак и ростовщик не пользуется. В целом аул Дарго считается лояльным советской власти [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 134].

Селение Харачой. Численность населения – 1230 чел., из них 625 мужчин. Число дворов – 687. Председатель сельсовета – Элихан Алабаев. Общественный мулла – Тарамов Рахим, 35 лет, харачоевец, кулак, популярная личность, реакционно настроенная.

Родовое устройство: в ауле один род – Харачоевский, подразделявшийся на фамилии: 1. Умар-Неки, 90 дымов, глава Джамчиев Хаяд, 50 лет, влиятельный, Кунта-хаджинец, тамада секты.

2. Бейтишнеки, 50 дымов, глава Тарамов Рахим, 40 лет, влиятельный середняк, к власти лоялен.

3. Хашихан-Неки, 40 дымов, глава Казиев Хажахан, 26 лет, бедняк, Кунта-хаджинец.

4. Сунтура-Неки, 35 дымов, Бариев-Тарам, 60 лет, Кунта-хаджинец, бедняк, влиятельный.

5. Месад-Неки, 30 дымов, Учеров Иса, 60 лет, в прошлом был в ссылке, отношение к власти хорошее.

6. Шахабов-Неки, 25 дымов, глава Шахаб Эдильбиев, 50 лет, влиятельный Кунта-хаджинец.

Хорочоевцы настроены крайне воинственно. В анкете отмечается, что при операции требуются такт и осторожность. Особое внимание должно быть уделено Магометхан Асхабову – руководителю молодежи Харачоя (был начальником милиции округа), со стороны которого можно ожидать провокаций.

Количество оружия: винтовок – 190, патронов – 3800, револьверов – 50 [РГВИА. Ф. 28896. Оп. 1. Д. 16. Л. 135].

Селение Зивирхи. Численность населения – 412 чел., из них –215 мужчин. Число дворов – 105, площадь земельных угодий – 976 десятин. Председатель исполкома Можий Бушиев, рода Ширдой, 40 лет, является мюридом секты Кунта-Хаджи, имеет тесную связь с мусульманским духовенством, популярностью не пользуется, бедняк. Общественный мулла – Осаев Биса, 32 лет года, из рода Харачой, середняк, популярная личность, советской властью недоволен. Кубовой мулла – Хабаев Сулейман, 35 лет, харачоевец, середняк, популярен, Кунта-хаджинец, к власти относится враждебно.

Родовое устройство: Общество входит в состав Харачоевского племени. Будучи сильно заброшенным в горы, общество отличается сопротивлением местной власти. Скомпрометировано в бандитизме.

Количество оружия: винтовок – 70, патронов – 1400, револьверов – 17 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 145].

Селение Эшелхатой. Численность населения –308 чел., из них 161 мужчин. Число хозяйств – 108. Председатель сельсовета – Чинчаев Читак. Политокраска аула: Общество – родоначальник Эшельхотоевского племени, в своем большинстве вышедшего на плоскость. В целом настроение сочувственное существующим порядкам. Общество входит в сферу влияния шейха Махкетинского, лояльного к власти.

Количество оружия: винтовок – 50, патронов – 1000, револьверов – 12 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 143].

Селение Эни-Кале (с хуторами Курин-Беной и Хидиль (Хиди-хутор. – авт.). Численность населения – 1092 чел., из них мужчин – 583, число хозяйств – 220, площадь пахотной земли – 115 десятин, крупного скота – 303 головы. Председатель исполкома – Бисултанов Селим-Султан, Эникалоевец, середняк, Кунта-хаджинец, пользуется влиянием, внешний сторонник советского власти. Общественный мулла – Лабазан Хашбулатов, Эникалоевец, середняк, Кунта-хаджинец, влиянием не пользуется, внешний сторонник советской власти.

Родовое устройство:

1. Газичароевцы, 35 дымов, глава Сакки Саидов, переселенцы из Ачерешки, Кунта-хаджинцев 15 чел., род бедный.

2. Эникалоевцы, 4 чел., Ташу-хаджинцев – 4 чел., переселенцы из Нашхоя. Род нуждается в земле.

3. Эникалоевцы (племя), 33 дома, 45 мужчин, глава Кошука Жадаев, Ташу-хаджинцев – 18 чел., Митаевцев – 11 ч.;

4. Эникалоевцы, 26 домов, 50 мужчин, глава Хаджи Тушаев и Умар Мусаев, Ташу-хаджинцев – 30 чел.

5. Эникалоевцы, 15 домов, 21 мужчина, глава Тенгу Тазуев, Ташу-хаджинцев – 10 чел., Митаевцев – 4 чел.

(В этом перечне, со 2-го по 5-й, составитель анкеты не выделил подразделения тайпа, указав только глав фамилий и количество людей. – авт.).

6. Таркоевцы, 8 домов, 12 мужчин, глава Абдул-Керим Бечиев.

7. Грузины, 7 домов, 18 мужчин, глава Мутуш Кавраев, мюридов Ташу-Хаджи 5 чел., переселенцы из Грузии во время Шамиля за участие на стороне последнего в период национальной борьбы.

8. Эрсеноевцы, 5 домов, 11 мужчин, глава Баша Темиркашев, Ташу-хаджинцев – 1 чел., переселенцы из Арсеноя.

9. Чеберлоевцы, 3 дома, 8 мужчин, переселенцы из Чеберлоя, глава Абдул-Кадыр Адаев, Кунта-хаджинцев – 8 чел.

10. Тавлины, 5 домов, глава Шовка Муртазалов, переселенцы из Дагестана.

Общество нуждается в пахотной земле, сенокосной земли нет, имеется земельный спор, улаженный в пользу соперников, Эникалоевцы остались недовольны.

Количество оружия: винтовок – 175, патронов – 3500, револьверов – 45 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 146].

Селение Гуни (хутор Хаджи). Численность населения – 1244 чел., из них 697 мужчин. Число хозяйств – 270, площадь пахотной земли – 240 десятин, крупного скота – 599 голов. Председатель сельского исполкома – Музаев Думка. Общественный мулла – Абубокар Шептукаев, Гордалиевец, Кунта-Хаджинец, согласно анкете, чрезвычайно влиятельная личность в Веденском округе, видный выразитель интересов мусульманского духовенства, агитатор, провокатор, который руководит реакционным течением духовенства.

Родовое устройство:

1. Гуноевцы, 220 домов, 350 мужчин, глава рода Мусли Халаев, Кунта-хаджинцев 150 чел. Род переселился из станицы Червленной (здесь отголосок легенды, что гуноевцы ведут происхождение от казаков, на самом деле, часть гуноевцев ушла в эту станицу в период принятия ислама в XVII в. – авт.). Род очень сильный и влиятельный. Нуждается, согласно анкете, в земле.

2. Макахоевцы (макажой-авт.), Казаноевцы (кезеной. – авт.) и Бутиникинцы – 73 дома, 140 мужчин. Все роды объединены вокруг Ялгири Эстемири, Кунта-хаджинцев – 32 чел., мюридов Али Митаева – 7 чел. В гражданскую войну роды были на стороне Саид-Бека.

3. Кижайнеки, 7 домов, 16 мужчин. Переселились из Дагестана, по происхождению тавлинцы, глава Ханич, мюридов Митаева 2 чел., Кунта-Хаджи – 1 чел. Род беден.

Количество оружия: винтовок – 210, патронов – 420, револьверов – 50.

В анкете отмечалось, что в момент операции возможны провокационные выступления со стороны Шептукаева и Уасиева (Осиева) Магомета (бывшего бандита и их главаря), способных вызвать частичные вспышки сопротивления. К операции в Хаджи-Хуторе необходимо отнестись с большой осторожностью, так как хутор служит местом могилы святого Ташу-Хаджи (Ташу-Хаджи похоронен не здесь, а в ауле Симсар, но в Гуни он бывал. – авт.), а также матери святого Кунта-Хаджи (гора Эртен-корт). Население общества Гуни особенно фанатично. Операция здесь вообще должна проходить под знаком осторожности [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 152].

Селение Казен-Кале (должно быть Тазен-Кале – авт.). Численность населения – 1156 чел., из них 604 мужчины. Количество хозяйств – 304, площадь пахотной земли – 306 десятин, крупного скота – 556 голов. Председатель сельского исполкома – Тагаев Хамзат-Хаджи.

Родовое устройство:

1. Митугуевцы, составляют аул Юкерчь-Гони, глава Ойсангур Мутугуев, Кунта-хаджинец, весьма влиятельный, 60 дымов, мужчин 130 чел., род постоянно оказывает сопротивление налогам, принимал участие в восстании 1921 г.

2. Пешинеки, 57 дымов, глава Муса Юсуп-Хаджиев, переселенцы из Нашхоя, Али-Митаевцев, 54 чел., род настоятельный (так в анкете. Возможно, несостоятельный – авт.).

3. Кединеки, 45 дымов, глава Эски Эсенбаев, переселенцы из Нашхоя, Али-Митаевцев 53 чел., по имущественному положению род состоятельный.

4. Сургенеки, 43 дыма, глава Тапаи Байханов, мюридов Гайсумова 40 чел., переселенцы из Нашхоя, преимущественное занятие рода – скотоводство.

5. Авденеки, 38 дымов, глава Исхиб Бибиев, Али-митаевцев 42 чел., основное занятие – скотоводство.

6. Чеберлоевцы, 10 дымов, глава Дацу Арцабиев, Али-митаевцев 9 чел. Род переселился из Макажоя. Основное занятие – скотоводство.

Село Таузень-Кале объединяет 4 аула Борзой, Басхой, Нажай и Керч-Гони, собственно и представляющий собой село Таузень-Кале (Такое объединение нескольких аулов в одно общество носит название «Ор»).

Количество оружия: винтовок – 120, патронов – 2400, револьверов – 30 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 154].

Селение Гезенчу-Аул, отселок Центороевского общества. Численность населения – 267 чел., из них 142 мужчины. Количество хозяйств – 57, площадь пахотной земли – 300 десятин. Сельская власть: уполномоченный Центороевского сельского совета Исханов Баниса, центороевец, неграмотный, середняк, к советской власти безразличен, обязанности нес удовлетворительно. Общественный мулла Мусейн Ясаев в силу давления на общество популярностью не пользуется, скорее, наоборот.

Родовое устройство:

1. Центороевцы, переселенцы из Центороя, 25 дымов, глава Байжар Исханов, 45 мужчин, Али-Митаевцев 15, Чин-Мирзоевцев 2 чел., род нуждается в земле. В момент восстания 1921 г. помогал Красной армии, выделяя проводников.

2. Кадароевцы – переселенцы из Дагестана, 16 дымов, 21 мужчина, глава рода Абдул-Межид, Кунта-хаджинцев – 5. В 1921 г. род был на стороне повстанцев. Род входит под защиту центороевцев, нуждается в земле.

3. Чеберлоевцы – переселенцы из Макажоя, 15 дымов, 27 мужчин, глава Беши Умаров, Кунта-хаджинцев – 8. При восстании был на стороне повстанцев, так же нуждается в земле.

4. Беноевцы – переселенцы из Беноя, 3 дома, мужчин 5 чел., глава фамилии Дуду Эрбиев, Кунта-хаджинцев 5 чел., были на стороне повстанцев, нуждаются в земле.

5. Турки – переселенцы из Турции лет 30 тому назад (к утверждениям о переселении из Турции нужно относиться осторожно, скорее всего, речь идет о возвращении на родину тех, кто ушел в Турцию в 1860-х гг. – авт.), 5 дымов, 18 мужчин, глава их Арзухан Губанакаев, Кунта-хаджинцев 6 чел., Митаевцев 2 чел., фамилия живет очень бедно.

Количество оружия: винтовок – 45, патронов – 900, револьверов – 10 [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 158].

Селение Гордали с отселком Хешки-Мохк, 7 мелкими хуторами. Численность населения – 2874 чел., из них 1550 мужчин. Количество хозяйств – 535, площадь пахотной земли – 1905 десятин, крупного скота – 894 головы. Председатель Исполкома – Талаев Абдулхан. Уполномоченный Сельского Совета в отселке Хашки-Мохк – Муцев Гелеват. Общественный мулла аула – Нахичихан Оздемироев, гордалинец, 35 лет, середняк, пользуется почетом, Кунта-хаджинец, противник власти, но не активен.

Родовое устройство:

1. Бучинеки, 200 дымов, глава рода Тала Мисаев, переселенцы из Нашхоя, Кунта-Хаджинцев 270 чел. Род нуждается в земле.

2. Окенеки, 140 дымов, глава Садык Гудаев, противник власти, Кунта-хаджинцев 160 чел., род переселился из Нашхоя и нуждается в земле.

3. Акинеки, 40 дымов, глава Даниль-Хан Чумаков – видная контрреволюционная личность в прошлом, мюридов секты «Чин-Мирза», главой которой считается тот же Чумаков, 125 чел. Род переселился из Дагестана, занимает отселок Хашки-Мохк.

4. Песинеки, 48 дымов, глава рода Девич (ф.н. – фанатично настроен), мюридов Али-Митаевцев – 45 чел., род переселился из Нашхоя.

5. Хуцинеки, 47 дымов, глава рода Бези Чумуев, Ташу-Хаджинцев 48 чел., переселенцы из Нашхоя.

6. Эзинеки, 40 дымов, глава рода Бенза Яндарханов, Ташу-хаджинцев 38 чел., переселенцы из Нашхоя.

7. Чеберлоевцы, 35 дымов, глава Мисост Муциев, Чин-Мирзоевцев 30 чел., переселенцы из сел. Макажой.

8. Ирбаханеки, 29 дымов, глава рода Сулейман Солтаханов, Чин-мирзоевцев, 25 чел., род переселился из Нашхоя.

9. Белготоевцы, 13 дымов, глава рода Бециш Ойсиев, мюридов Али-Митаева 15 чел., род переселился из села Белгатой.

Количество оружия: винтовок – 300, патронов – 6000, револьверов – 80.

Аул, согласно анкете, является центром Веденского бандитизма, гордалинская банда Эстемирова, явившегося добровольно, входит в сферу влияния Али Митаева. Возможны лишь частичные выступления бандитов и их родственников [РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 16. Л. 160].

Заключение

Таким образом, судя по анкетам, можно сделать вывод, что села горного Веденского округа были плотно заселены, но, за исключением административного центра – слободы Ведено, здесь не было создано ни комсомольских, ни большевистских ячеек.

Цифры разнарядки по оружию, составленные ОГПУ, представляются преувеличенными, выведенными произвольно из количества мужского населения в том или ином населенном пункте.

Ведущую роль в общественной жизни сел округа, на момент составления анкет, играют религиозные деятели. Составители анкет это прекрасно понимают, так как уделяют им и их характеристике намного больше внимания, чем представителям власти. Так, согласно анкетам, из общественных мулл (имамов сёл) 5 настроены враждебно, реакционно – 3, лояльны власти – 3, безразличны по отношению к власти – 1, недоволен властью – 1, противник власти, но не активен – 1. Эти характеристики, возможно, не совсем объективны, но весьма показательны и характеризуют отношение представителей власти к служителям культа. Один из шейхов в анкете охарактеризован как друг советской власти, от другого можно ожидать провокаций, третий не пользуются авторитетом.

Среди председателей сельских советов встречаются бедняки, середняки, кулаки, сочувствующие советской власти, безразличные к ней и даже связанные с бандитами. На наш взгляд, составители анкет изначально руководствовались поставленной перед ними задачей – обосновать необходимость разоружения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Боров, Кажаров 2021 – *Боров А.Х., Кажаров А.Г.* Становление Кабардино-Балкарской автономной области: механизмы, этапы, значение // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 3. – С. 111-161.

Бугаев 2014 – *Бугаев А.М*. Образование автономий горских народов Северного Кавказа: этапы становления // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 12. – С. 78-81.

Бугай, Мекулов 1994 – *Бугай Н.Ф., Мекулов Д. Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. – Майкоп: Меоты, 1994. – 424 с.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917-1924 г. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. – 222 с.

Карпов 2017 – *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 400 с.

Кринко 2019 – *Кринко Е.Ф.* Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920-1930-х гг. // Magna Adsurgit: Historia Studiorum. – 2019. – № 2. – С. 151-164.

РГВА – Российский государственный военный архив.

Хлынина 1997 – *Хлынина Т.П.* Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. – Краснодар: [Б.и.], 1997. – 127 с.

Цуциев 2006 – *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.: Европа, 2006. – 128 с.

REFERENCES

BOROV A.H., KAZHAROV A.G. *Stanovlenie Kabardino-Balkarskoj avtonomnoj oblasti: mekhanizmy, etapy, znachenie* [Formation of Kabardino-Balkarian Autonomous Region: mechanisms, stages, meaning]. IN: Elektronnyj zhurnal "Kavkazologiya". – 2021. – № 3. – S. 111-161. (In Russ.).

BUGAEV A.M. *Obrazovanie avtonomij gorskih narodov Severnogo Kavkaza: etapy stanovleniya* [The formation of autonomies of the mountain peoples of the North Caucasus: stages of formation]. IN: Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 12. – S. 78-81. (In Russ.).

BUGAI N.F., MEKULOV D.H. *Narody i vlast': «socialisticheskij eksperiment». 20-e gody* [Peoples and power: a "socialist experiment." The 1920s.]. – Majkop: Meoty, 1994. – 424 s. (In Russ.).

DAUDOV A.H., MESKHIDZE D.I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza. 1917-1924 g.* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus. 1917-1924.]. – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2009. – 222 s. (In Russ.).

KARPOV YU.YU. *Nacional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoj periferii v 20-30-e gg. XX v.: evolyuciya problem i reshenij* [The national policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 20-30s. XX century: the evolution of problems and solutions.]. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017. – 400 s. (In Russ.).

KRINKO E.F. *Nacional'no-gosudarstvennye i administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v 1920-1930-h gg.* [National-state and administrative-territorial transformations in the North Caucasus in the 1920s and 1930s.]. IN: Magna Adsurgit: Historia Studiorum. – 2019. – № 2. – S. 151-164. (In Russ.).

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

HLYNINA T.P. *Adygeya v 1920-e gody: problemy stanovleniya i razvitiya avtonomii* [Adygea in the 1920s: problems of the formation and development of autonomy]. – Krasnodar: [B.i.], 1997. – 127 s. (In Russ.).

CUCIEV A. *Atlas etnopoliticheskoj istorii Kavkaza (1774-2004)* [Atlas of Ethnopolitan History of the Caucasus (1774-2004)]. – M.: Evropa, 2006. – 128 s. (In Russ.).

Информация об авторах

А.Д. Осмаев – доктор исторических наук, associate professor.

П.А. Осмаева – студент.

Information about the authors

A.D. Osmaev – Doctor of Science (History).

P.A. Osmaeva – student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022 г.; одобрена после рецензирования 05.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 05.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 32(479):314.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-167-184
EDN: IBLFKK

СТОЛИЦА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ, НЕ СТАВШАЯ ЦЕНТРОМ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ

Виктор Завенович Акопян[1], **Завен Викторович Акопян**[2], **Виктор Павлович Ермаков**[3]
[1,2] Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
[1] zaven2005@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4734-1905
[2] zvakopyan@mail.ru
[3] ermakov@pgu.ru

Аннотация. В статье авторы рассматривают проблему перевода в 1936 году административного центра Северо-Кавказского края из города-курорта Пятигорска во Владикавказ, незадолго до этого события переименованный в Орджоникидзе и ставший столицей Северной Осетии. Анализируя решения центральных и краевых властей, материалы периодической печати Северного Кавказа, авторы приходят к выводу о том, что столицей края с 1 января 1934 г. по 26 мая 1937 г. без какого-либо перерыва фактически и официально являлся город Пятигорск. Авторы раскрывают комплекс причин отмены принятого ранее решения о переносе северокавказского центра из Пятигорска в столицу Северной Осетии, а затем в Ставрополь, ставший центром Орджоникидзевского края, но уже без автономных республик.

Ключевые слова:Северный Кавказ, Кавказские Минеральные Воды, Северная Осетия, Ставрополье, административный центр, партийное бюро, репрессии

Для цитирования: Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П. Столица Северной Осетии, не ставшая центром Северо-Кавказского края // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 167-184. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-167-184. – EDN: IBLFKK.

© Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П., 2022

Original article

THE CAPITAL OF NORTH OSSETIA, WHICH DID NOT BECOME THE CENTER OF THE NORTH CAUCASUS REGION

Victor Z. Akopyan[1], **Zaven V. Akopyan**[2], **Victor P. Ermakov**[3],
[1,2] *Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia,*
[1] zaven2005@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4734-1905
[2] zvakopyan@mail.ru
[3] ermakov@pgu.ru

Abstract. The authors of this article consider the problem of the transfer in 1936 of the administrative center of the North Caucasus Region from the resort city Pyatigorsk to Vladikavkaz, which shortly before the mentioned event, was renamed Ordzhonikidze and became the capital of

North Ossetia. Analyzing the decisions of the central and regional authorities, the materials of the periodical press of the North Caucasus, the authors conclude that the capital of the region from January 1, 1934 to May 26, 1937 with no interruption was actually and officially the city Pyatigorsk. The authors reveal a set of reasons for the cancellation of the earlier decision to move the North Caucasian center from Pyatigorsk to the capital of North Ossetia, and then to Stavropol, which became the center of the Ordzhonikidze region, but without autonomous republics.

Key words: North Caucasus, Caucasian Mineral Waters, North Ossetia, Stavropol territory, administrative center, party bureau, repression.

For citation: Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Ermakov V.P. The capital of North Ossetia, which did not become the center of the North Caucasus region. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 167-184. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-167-184. – EDN: IBLFKK.

© Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Ermakov V.P., 2022

Введение

После двухлетнего нахождения столицы Северо-Кавказского края (СКК) в городе-курорте Пятигорске, 10 января 1936 г. появилось неожиданное и весьма лаконичное постановление ВЦИК «О перенесении центра Северо-Кавказского края из города Пятигорска в город Орджоникидзе» [Постановление ВЦИК от 10 января 1936] за подписью Председателя ВЦИК М. Калинина. Как и раньше, постановлениям высшего «законодательного» органа советской власти предшествовали решения ЦК ВКП(б) [Политбюро ЦК РКП(б)].

Через неполные полтора года после этого решения, 26 мая 1937 г. принято противоречивое по содержанию постановление ВЦИК «О перенесении центра Орджоникидзевского края из города Пятигорска в город Ворошиловск». Оно гласило: «Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета постановляет: 1. Удовлетворить ходатайство Орджоникидзевского крайисполкома о перенесении центра Орджоникидзевского края из города Пятигорска в город Ворошиловск. 2. Отменить постановление Президиума ВЦИК от 10 января 1936 г. “О перенесении центра Северо-Кавказского края из города Пятигорска в город Орджоникидзе”» [Постановление Президиума].

Отметим, что другого постановления высшего «законодательного» органа страны не было, если не считать постановления ЦИК от 13 марта 1937 г. «Об увековечении памяти Г.К. Орджоникидзе». Согласно этому документу, наряду с другими почестями покойному соратнику вождя СКК переименовывался в Орджоникидзевский край и тем самым «удовлетворялось ходатайство местных партийных и советских организаций» [Постановление ЦИК].

Данная статья посвящена выяснению следующего вопроса: когда и каким образом фактически была приостановлена реализация постановления от 10 января 1936 г., и был ли административным центром все эти полтора года город Орджоникидзе? Актуальность темы статьи обусловлена тем, что она не стала объектом внимания в научной литературе. Авторы монографий, научных статей и учебных пособий, включая и авторов данной статьи, считали неактуальным заострять внимание на противоречия в решениях Президиума ВЦИК 1934–1937 гг. В постановлении указанного органа от 10 января 1934 г. Пятигорск объявлялся временным центром СКК, с тем, чтобы в течение года его перевести в

Георгиевск; в постановлении от 10 января 1936 г. принято решение перенести центр края из Пятигорска (а не Георгиевска) в г. Орджоникидзе, а в постановлении от 25 мая 1937 г. краевой центр переносился из Пятигорска (а не из Орджоникидзе) в город Ворошиловск [Акопян 2010; История Дона и Северного Кавказа; Очерки истории Северного Кавказа; Шнайдер 2007 и др.].

Предваряя итог рассмотрения этого материала, тем более что название статьи говорит само за себя, авторы приходят к выводу, что г. Орджоникидзе (до 1931 г. – Владикавказ) столицей СКК не был. Все проводившиеся мероприятия по строительству краевого центра являлись всего лишь дополнительным финансированием для развития столицы Северо-Осетинской АО (С.-О. АО), ставшей по новой Конституции СССР 5 декабря 1936 г. автономной советской социалистической республикой (АССР).

Ключевые вехи в истории столицы Северной Осетии

История Владикавказа, переименованного в 1931 г. в Орджоникидзе, ведет свой отсчет с 1784 г., когда на берегу р. Терек в 30 километрах от «Аланских ворот», или Дарьяльского ущелья, откуда начинается древняя дорога в Закавказье, кавказским губернатором Павлом Потемкиным была заложена российская крепость со значением «Владей Кавказом». Сразу после этого, 6 мая 1784 г. был издан указ императрицы Екатерины Великой об основании Владикавказа и состоялось освящение крепости. Крепость обеспечивала сообщение с Закавказьем по Военно-Грузинской дороге и была важнейшим звеном в системе пограничных укреплений Кавказской линии.

В 1860 г. Владикавказ получил статус города, а в 1863 г. стал центром Терской области и Терского казачьего войска [Ракович 1913: 28].

Дальнейшему развитию города способствовала построенная в 1875 г. Ростово-Владикавказская железная дорога. В период Гражданской войны Владикавказ находился под контролем, как советской власти, так и Добровольческой армии генерала А. Деникина. В конце марта 1920 г. город вновь и надолго перешел под контроль большевиков. С января 1921 по ноябрь 1924 г. Владикавказ являлся центром Горской АССР, а после ее упразднения – самостоятельной административной единицей со статусом автономного округа, напрямую подчинявшегося Ростову-на-Дону – центру Северо-Кавказского края (СКК).

Владикавказский город-округ (около 100 кв. км) имел многонациональное население: русские – 40,2 тыс., осетины – 10,7 тыс., армяне – 6,5 тыс., грузины – 5 тыс., украинцы – 3,9 тыс., ингуши – 1,5 тыс. и др. Впоследствии доля титульного населения увеличилась. Такой же автономный статус до 1929 г. имел многонациональный г. Грозный [Акопян 2010: 38–40].

До начала 1934 г. во Владикавказе также находились руководящие органы двух автономных областей: Северо-Осетинской и Ингушской. В середине 30-х гг. Орджоникидзе входил в первую пятерку самых крупных городов Юга России, уступая по численности населения только Ростову-на-Дону, Краснодару и Грозному. В 1926 г. во Владикавказе проживало 73,5 тыс. чел., а в 1937 г. – 120 тыс. [Всесоюзная перепись 1937].

В краевом центре СКК – курортном Пятигорске на январь 1936 г. проживало 74 300 человек, в том числе 9300 чел. в пос. Горячеводском и 6500 чел. – в пос. Свободы [Лозинский 1936: 67]. В будущей столице Орджоникидзевского края городе Ставрополе в 1931 г. проживало 55,9 тыс. чел., в 1937 – 63,8 тыс. [Всесоюзная перепись 1937]. К концу 30-х гг. Ставрополь по численности населения превзошел Пятигорск, но все еще заметно уступал Владикавказу.

15 января 1934 г. постановлением ВЦИК город стал столицей С.-О. АО. Ингушская АО была объединена с Чеченской АО в Чечено-Ингушскую АО. Грозный, 1 апреля 1929 г. включенный в состав Чеченской АО, теперь должен был стать столицей двух вайнахских народов: чеченцев и ингушей.

В январе 1936 г. столицу С.-О. АО объявили административным центром СКК. Почему именно столице Северной Осетии выпала такая почетная миссия и связан ли непосредственно объявленный новый статус города от взаимоотношений Г.К. Орджоникидзе с Вождем всех времен и народов?

Сталин и Орджоникидзе в 1936 – начале 1937 года

Ввиду того, что вся эпопея с перенесением центра СКК в Орджоникидзе, так же как и отмена этого решения была связана с изменением отношения Сталина к Г.К. Орджоникидзе[1], коротко обозначим хорошо известную в постсоветской исторической литературе эволюцию этих отношений в рассматриваемое время.

Изначально очень доверительные и дружественные отношения между двумя главными грузинскими большевиками продолжались вплоть до начала 1930-х гг. В этот период Серго получил от друга щедрые подарки – влиятельные должности в партии и государстве и переименование г. Владикавказа в Орджоникидзе. Причем это произошло на несколько лет раньше переименования в честь Сталина в марте 1934 г. центра Юго-Осетинской АО города Цхинвала, получившего новое название Сталинири (до 1961 г.). Таким образом, столицы двух осетинских автономий носили имена двух грузинских большевиков.

Вождь еще в середине 20-х гг. XX в. желание северных и южных осетин объединиться в одном автономном образовании кулуарно предлагал осуществить в рамках Грузии. И такие топонимические изменения в полной мере укладывались в логику этого плана, но в связи с протестом осетинских руководителей проект был отложен до «лучших времен». Впрочем, упомянутый план выходит за рамки личных отношений между двумя грузинскими лидерами и в большей мере вписывается в парадигму расширения малой родины двух этих большевиков.

[1] Орджоникидзе Григорий (Серго) Константинович (1886–1937) родился (12) 24 октября 1886 г. в Кутаисской губернии, в семье мелкопоместного дворянина. Родные и товарищи по партии называли его Серго. В 1903 г., в период обучения в Тифлисской фельдшерской школе, Серго вступил в партию большевиков. В годы Гражданской войны – активный участник советизации Кавказа. В 1921–1927 гг. и с 1930 г. – член ЦК партии. В сентябре 1926 г. исполнял обязанности секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Во внутриполитической борьбе всегда поддерживал Сталина, выступал сторонником политики усиленной индустриализации и сплошной коллективизации. В ноябре 1930 г. он возглавил Всесоюзный совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР, а с января 1932 г. – нарком тяжелой промышленности. Ухудшение взаимоотношений между Орджоникидзе и Сталиным сыграло возвышение Л.П. Берия, которого Орджоникидзе считал проходимцем и опасным интриганом. 18 февраля 1937 г. Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством. Официально в газетах было объявлено, что он скончался от паралича сердца. Похоронен у Кремлевской стены.

До середины 30-х гг. XX в. Орджоникидзе вначале в должности председателя ВСНХ, а затем наркома тяжелой промышленности исходя из ведомственных интересов безуспешно пытался сопротивляться преследованиям со стороны репрессивных органов в отношении его выдвиженцев. Так же безрезультатно он пытался противодействовать арестам своих соратников-соотечественников как в Москве, так и на Кавказе, где его недруг Л. Берия был назначен первым секретарем Закавказского крайкома при сохранении должности первого секретаря КП Грузии.

Такое положение не могло не сказаться на отношениях между Сталиным и Серго. В своей книге О.В. Хлевнюк приводит записку Сталина Кагановичу (август 1931 г.) (явно для передачи Орджоникидзе): «Всё ещё плохо ведёт себя т. Орд[жоники]дзе. Последний, видимо, не отдаёт себе отчёта в том [что] его поведение (с заострением против т.т. Молотова, Куйбышева) ведёт объективно к подтачиванию нашей руководящей группы, исторически сложившейся в борьбе со всеми видами оппортунизма, – создаёт опасность её разрушения. Неужели он не понимает, что на этом пути он не найдёт никакой поддержки с нашей стороны? Что за бессмыслица!» [Хлевнюк 1996].

Для сохранения и укрепления своей власти Сталин очень умело использовал несдержанный характер Серго, конфликты между членами правящей верхушки в духе «разделяй и властвуй». Тем более что критика Серго была направлена не против самого вождя, а на коллег в руководстве партии и правительства.

После гибели Кирова и особенно с начала 1935 г. отношение вождя к Орджоникидзе значительно ухудшилось. Сталин уже не доверял своему преданному в прошлом стороннику. Преследование ряда близких для Серго людей (Ломинадзе, Енукидзе, Гогоберидзе, Орахелашвили, Гвахария и др.) вызвало крайнее неудовольствие Орджоникидзе.

Дело в том, что не столько Сталин, сколько Орджоникидзе являлся своеобразным лидером «грузинского политического землячества». Сталин нуждался в Орджоникидзе не в меньшей степени, чем Серго в первом. Отсюда попытка Сталина «подкупить» Г.К. Орджоникидзе названиями улиц, городов, предприятий, в том числе и решением о перенесении центра СКК из Пятигорска в г. Орджоникидзе.

Серго понимал, что положение «грузинской группы» на политическом Олимпе страны будет сохраняться только благодаря нахождению Сталина в руководстве страны. Вот почему Орджоникидзе так и не вступил в открытый конфликт с вождем даже после ареста старшего брата Павла Папулия [Хлевнюк 1996].

Известие об аресте брата Г.К. Орджоникидзе получил в день своего 50-летия во время отдыха в Кисловодске в октябре 1936 г. По случаю дня рождения наркома черной металлургии в Пятигорске (а не в Орджоникидзе, куда в октябре предполагалось «окончательно» перевести центр СКК) проходило торжественное заседание, посвященное его юбилею. На этом мероприятии Серго, шокированный арестом брата, не присутствовал, отправив туда свою жену. В конце октября Орджоникидзе, прервав отпуск, уехал в Москву попытаться спа-

сти Павла. По приезде в столицу с ним случился сердечный приступ. На неоднократные обращения к Сталину с просьбой перевести для допроса арестованного брата из Тифлиса (с августа 1936 г. столицу Грузии переименовали в Тбилиси) в Москву Серго получил категорический отказ. Судьба брата, а также других близких для Серго людей в Закавказье была полностью доверена Лаврентию Берия.

Сталину необходим был абсолютно верный соратник из числа земляков, не связанный узами дружбы со старыми грузинскими функционерами и способный заменить непокорного и импульсивного Орджоникидзе. Таковым стал огрузиненный мегрел (или мингрел) Л.П. Берия. Когда Орджоникидзе осознал, что ему не удалось спасти костяк «грузинской политической семьи», он в бессилии 18 февраля 1937 г., за пять дней до февральско-мартовского Пленума ЦК, покончил жизнь самоубийством. Официально же, за подписью именитых кремлевских врачей и наркома здравоохранения Григория Наумовича Каминского, было сообщено о том, что Г.К. Орджоникидзе скончался от паралича сердца.

Правда, бытует предположение – имел место не суицид, а убийство Серго. Впрочем, убийством можно считать и сознательное доведение лица до самоубийства. Однако вполне правдоподобно звучит заявление о том, что «несвоевременная» смерть Орджоникидзе стала неприятным сюрпризом для Сталина – Серго должен был на февральско-мартовском пленуме 1937 г. сыграть свою, по всей видимости, последнюю роль в шельмовании «врагов народа».

На следующий день в газете «Известия» (ежедневный орган ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР) помещено правительственное сообщение о кончине Г.К. Орджоникидзе и большой материал, посвященный его жизни («Героическая жизнь большевика». В последнем абзаце биографии-некролога акцентировалось внимание на его ненависти к «врагам народа», преданности партии, естественно и ее вождю: «Серго Орджоникидзе был образцом большевика-руководителя, безупречно чистого и стойкого партийца, непримиримого борца за ленинско-сталинскую политику партии. В боях за генеральную линию партии он нанес много сокрушающих ударов врагам ее. Троцкистские мерзавцы – агенты фашизма и их пособники и подголоски – правые отщепенцы ненавидели Серго Орджоникидзе – одного из вождей ВКП(б) и советского государства за беззаветную преданность партии и родине, за его пламенный советский патриотизм, за беспощадность ко всем, кто пытался делом или словом нанести вред социализму» [Героическая жизнь].

Чтобы продемонстрировать непоколебимое единство в рядах высшего партийного звена и именно такую позицию Серго, Сталин инициировалупоминавшееся вышепостановление ЦИК от 13 марта 1937 г. «Об увековечении памяти Г.К. Орджоникидзе». Чтобы никто не сомневался в искренности Сталина, СКК был переименован в Орджоникидзевский край. В то же время негодование вождя в отношении своего бывшего соратника выразилась в постановлении от 26 мая 1937 г. об отмене задним числом решения о переносе центра СКК в г. Орджоникидзе.

Документы руководящих органов края по проблеме переноса центра СКК из Пятигорска в Орджоникидзе

Рассмотрим протоколы заседания бюро крайкома ВКП(б), посвященные изучаемому вопросу. Самый важный документ датируется 11 января 1936 г., когда на заседании бюро рассматривался вопрос «О переводе и организации строительства краевого центра в г. Орджоникидзе». Высший политический орган края, возглавляемый первым секретарем крайкома Е.Г. Евдокимовым[1], в своем постановлении «одобрив» соответствующее решение ЦК для руководства подготовительными мероприятиями по строительству краевого центра и переводом краевых учреждений организовал совместную Комиссию крайкома и крайисполкома (КИК) в составе заместителя председателя Северо-Кавказского крайисполкома К.Т. Хасиева, полпреда ОГПУ и начальника УНКВД по СКК И.Я. Дагина, помощника начальника Управления НКВД по СКК А.И. Михельсона, уполномоченного Госстройконтроля по СКК К.М. Шипова и уполномоченного Наркомата тяжелой промышленности СССР А.А. Левитта.

Основная задача комиссии заключалась в «обеспечении организации учрежденческой и жилой площади с таким расчетом, чтобы краевой центр был переведен в г. Орджоникидзе *не позднее октября 1936 г.*» [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 69]. Заметим, что в октябре 1936 г. Серго должен был отмечать свой 50-летний юбилей.

Для достижения этой основной цели бюро крайкома обязало комиссию «немедленно организовать составление проектов, смет на строительство как учрежденческих, так и жилых домов; обеспечить отвод и оформление стройплощадок; создать строительные организации, обеспечивающие выполнение программы строительства в установленный срок; обеспечить строительство как местными, так и фондируемыми строительными материалами» [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 69].

Бюро крайкома обязало все краевые, хозяйственные и кооперативные организации, имеющие ассигнования на строительство зданий для учреждений и жилых домов, в двухнедельный срок добиться перед своими наркоматами и главками «переключения этих ассигнований из Пятигорска в г. Орджоникидзе». Ведомственным организациям поручалось поставить перед своими наркоматами и главками вопрос о дополнительных ассигнованиях средств на строительство жилья для своих сотрудников в Орджоникидзе. Крайисполкому (КИК) поручалось представить на рассмотрение бюро крайкома распределение 17 млн руб., отпущенных правительством на строительство отдельных объектов краевого центра [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 70].

КИК обязывался поставить перед СНК СССР вопрос о разрешении перенаправить из Пятигорска в Орджоникидзе средства, ассигнованные на запланированные стройки двух жилых домов, двух школ на 800 и 400 мест (оставив в

[1] Евдокимов Ефим Георгиевич (1891–1940). С 1923 по 1929 г. – полпред ОГПУ по СКК и одновременно – начальник административного управления и милиции СКК. В 1929–1932 гг. в руководящих органах ОГПУ СССР и полпред ОГПУ в Средней Азии. С ноября 1932 г. – полпред ОГПУ по СКК. С 1 января 1934 г. по 7 января 1937 г. – первый секретарь СК крайкома ВКП(б). В дальнейшем занимал должности первого секретаря Азово-Черноморского крайкома и первого секретаря Ростовского обкома ВКП(б) [Филиппов 2016].

Пятигорске только одну школу на 880 мест) и два дизеля из 4-х, получаемых для Пятигорска, с соответствующими ассигнованиями.

Кроме того, КИК поручалось добиться ассигнований и стройматериалов на строительство в новом центре прачечной, Полиграфкомбината, Мясохладобойню, универмага ГОРТ (Государственного объединения розничной торговли) и др. Решено Пятигорскую автоматическую станцию перевести в Орджоникидзе, а предназначенный для Орджоникидзе полуавтомат «ЦБ» установить в Пятигорске.

Бюро обязало комиссию в двадцатидневный срок представить крайкому план размещения краевых учреждений в Орджоникидзе [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 70].

Как правило, КИК дублировал решения главного политического института – крайкома ВКП(б). Так, например, президиум КИК, возглавляемый с октября 1934 г. И.Н. Пивоваровым[1], через два дня после заседания бюро крайкома (13 января) по докладу Гадиева (крайОНО) принял постановление «О строительстве школ в г. Орджоникидзе». В нем было записано: «В связи с переводом краевого центра из Пятигорска в г. Орджоникидзе считать необходимым и целесообразным просить СНК РСФСР одну школу на 880 и одну на 400 ученических мест исключить из титула школьного строительства по г. Пятигорску и включить в титул г. Орджоникидзе на 1936 г.». В Пятигорске решено было построить только одну новую школу на 880 мест» [ГАСК. Ф.Р. 1852. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 98]. В связи с таким дублированием партийных решений мы акцент делаем на первичные, партийные решения.

Каковы результаты работы Комиссии спустя два месяца после ее создания? Как явствует из рассмотрения вопроса «О ходе строительства краевого центра в г. Орджоникидзе» на бюро крайкома от 7 марта, ее работа была признана неудовлетворительной. Отмечалось, что площадка, предназначенная для строительства, не освобождена, не разрешены вопросы переселения, не заключены временные договоры со строительными организациями, не организована работа по надстройке зданий, не развернуты работы по благоустройству города и т.д. [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 3].

Бюро крайкома поручило Пивоварову «при переезде в Северную Осетию принять все необходимые меры на месте, обеспечивающие немедленный разворот строительства краевого центра» и обязало Хасиева и Михельсона «немедленно переехать в г. Орджоникидзе и приступить к развертыванию работ по строительству краевого центра» [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 3]. Судя по материалам краевой печати, Хасиев действительно выехал в Орджоникидзе. Другие руководители там замечены не были.

Так как главную ответственность за неудовлетворительную работу возложили на председателя Орджоникидзевского горисполкома Г.Ф. Кабоева, бюро поручило Евдокимову, Пивоварову, председателю Северо-Осетинского облисполкома Д.Н. Тогоеву и первому секретарю обкома Г.В. Мауреру в суточный

[1] Пивоваров Иван Никифорович (1892–1937) – член РКП(б) с 1918 г. В 1929–1932 гг. – председатель СК КИК. До 26 января 1934 г. – член ЦРК ВКП(б). С октября 1934 г. – председатель Оргкомитета Президиума ВЦИК по Сев.-Кав. краю, через год – председатель СК КИК. Репрессирован.

срок подыскать кандидатуру на должность председателя Орджоникидзевского горсовета [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 101об].

Как отмечает осетинский историк Алан Царикаев, после включения г. Орджоникидзе в мае 1933 г. в состав С.-О. АО сложилась новая «традиция» председателем горисполкома назначать представителя титульной национальности [Царикаев, Тускаева 2011]. До рассматриваемого заседания бюро крайкома должность председателя Орджоникидзевского горисполкома последовательно занимали А.М. Дзгоев и Г.Ф. Кабоев. В июне 1936 г. последнего освободили от занимаемой должности «за развал работы горсовета» [ГАНИ РСО-А. Ф.Р-53. Оп. 1. Д. 78. Л. 119].

Но решение превратить город в центр СКК потребовало нарушить недавно сложившуюся «традицию». На указанную должность назначили бывшего председателя Ростовского горисполкома К.М. Шипова, с января находившегося в Пятигорске на должности начальника краевого коммунального управления и уполномоченного Госстройконтроля по СКК. Как упоминалось выше, в январе он был назначен в Комиссию крайкома и КИК по строительству центра в Орджоникидзе.

В следующей части нашего исследования мы увидим, что после марта проблема нового краевого центра постепенно сходит с газетных полос.

Прошло еще полгода после мартовского постановления бюро крайкома. Назначение нового руководителя Орджоникидзе существенно не повлияло на ситуацию. Краевые органы продолжали свою работу в Пятигорске. Разве что финансирование запланированных объектов в курортном городе было приостановлено, а средства теперь направлялись в Орджоникидзе, который развивался как столица Северной Осетии, но не как центр СКК.

Вскоре стало очевидным, что в установленные сроки невозможно осуществить перевод в Орджоникидзе даже части краевых учреждений.

Одной из мер для решения проблемы выделения административных помещений для краевого центра или, скорее всего, для самой столицы осетинской автономии стало освобождение зданий, занимаемых в городе руководством Пригородного района. 20 июня 1936 г. ВЦИК принял постановление «О перенесении центра Пригородного района Чечено-Ингушской автономной области Северо-Кавказского края» за подписью Председателя ВЦИК М. Калинина. В постановлении «удовлетворялось ходатайство Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета о перенесении центра Пригородного района из города Орджоникидзе в селение Базоркино» [Постановление ВЦИК: 172].

Заметим, что Базоркино (ныне – Чермен) расположено в 12 км к северу от Владикавказа, на правом берегу р. Камбилеевки. Оно было основано в 1844 г. ингушским дворянином М.Б. Базоркиным. До 1944 г. село входило в состав Чечено-Ингушской АССР (ЧИ АССР). В 1939 г. в Базоркино проживало 7443 чел. После депортации ингушей и упразднения ЧИ АССР Базоркино было передано С.-О. АССР и переименовано в Чермен. Тогда же в село начали заселяться осетины из Казбегского района Грузинской ССР и осетины-иронцы из исторического Тырсыгомского общества. После возвращения в 1957 г. ингушей Чермен

становится смешанным по населению селом. В настоящее время в Чермене ингуши составляют более 60 % его населения [Кодзоев 2002].

Краевое руководство не очень торопилось с переездом в столицу Северной Осетии. Да и в Москве, где продолжалось обсуждение проекта сталинской Конституции и раскручивался маховик репрессий с реальными, а больше мнимыми врагами Сталина, проблема центра СКК перестала быть актуальной. Но краю необходимо было имитировать работу в этом направлении, ведь никто не отменял принятое в начале года решение перевести в октябре краевые учреждения в г. Орджоникидзе. Тем более что уже было известно о том, что на октябрь сам Серго запланировал отдых на Кавминводах и предполагалось там же отметить круглый юбилей.

В связи с этим 21 сентября бюро крайкома вновь рассмотрело вопрос «О руководстве ходом строительства краевого центра в г. Орджоникидзе». В принятом решении было записано: «Для оперативного [контроля] ходом строительства назначить в качестве уполномоченного Крайкома и КИК председателя горсовета г. Орджоникидзе тов. Шипова К.М. с правом распоряжения всеми ассигнованиями и фондами для строительства». Не позднее 1 октября поручалось Хасиеву передать Шипову договоры с подрядчиками, банковскими обязательствами и все другие дела, находившиеся в распоряжении Комиссии, созданной в начале года. Первому секретарю Сев.-Осет. окружкома Мауреру и председателю облисполкома Тогоеву поручалось «усилить необходимую помощь краевому строительству» [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 13].

Таким образом, в случае если Центр станет выяснять причины задержки переезда руководства края в Орджоникидзе, всю ответственность должны были нести Шипов, Маурер, Тогоев и некоторые другие руководители среднего и регионального уровня.

Тем не менее, бюро крайкома через два дня после юбилея «тов. Серго», рассмотрев вопрос «О строительстве краевого центра», создало новую комиссию в составе Пивоварова (руководитель), Федорова, Шипова, Хасиева, Бортникова, Часовникова и Герасимова. Ей было дано поручение в пятидневный срок разработать следующие вопросы: а) о мерах по ускорению строительства краевого центра и помощи строительству; б) о подготовке и частичном проведении переселения ряда учреждений в Орджоникидзе; в) о создании жилого фонда и предварительного распределения квартир и т.д.; г) о плане строительства на IV квартал и на 1937 г. Комиссия должна была также установить «окончательный срок перевода в Базоркино Пригородного района Ч.-И. АО районных учреждений [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 104. Л. 53об].

Что касается «частичного переселения ряда учреждений» в формальный центр СКК, то оно проводилось и раньше. Так, например, 17 февраля 1936 г. бюро крайкома приняло решение «считать целесообразным организовать годичную школу пропаганды в краевом центре – г. Орджоникидзе» [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 3]. В начале июля президиум КИК по докладу Хасиева принял постановление «О строительстве рабочего городка краевого центра в г. Орджоникидзе» [ГАСК. Ф.Р. 1852. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 97].

Или другой пример. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июня 1935 г. и приказом НКПС СССР № 144Ц от 11 июня 1935 г. Северо-Кавказские железные дороги разъединили на Азово-Черноморскую железную дорогу (г. Ростов-на-Дону) и Северо-Кавказскую железную дорогу. Управление последней должны были разместить в Минеральных Водах. Однако в 1937 г., когда Северо-Кавказская железная дорога получила название Орджоникидзевская, ее управление перевели в Орджоникидзе [История железнодорожного], хотя в Минеральных Водах, которые рассматривались как транспортный узел «столичного» Пятигорска, фактически остались основные управленческие структуры этой дороги.

С высоты сегодняшнего дня нам представляется, что краевое руководство максимально затягивало свой переезд в столицу Северной Осетии и имитировало вялую активность по этому вопросу. Евдокимов, хорошо осведомленный о происходящих событиях в Центре, ожидал более четкой и однозначной команды из Москвы. Он также был хорошо осведомлен об изменении отношения вождя к Орджоникидзе, который, по всей видимости, оставался единственным лицом, заинтересованным в превращении города с его именем в северокавказский центр.

Мы уверены в том, что меньше всего заинтересованность в превращении своей столицы в центр СКК хотела и осетинская политическая элита. Желая в полной мере воспользоваться дополнительным финансированием города из союзного фонда, выделенного в счет строительства краевого центра, она втайне мечтала о пересмотре принятого в начале 1936 г. решения. Эти ее мечты в полной мере реализовались.

Не могли не относиться отрицательно к такому статусу столицы Северной Осетии руководители других автономий. Предпочтение одной из столиц обязательно должно было вызвать у них «ревность», особенно в соседней ЧИ АССР. Как раз чтобы не вызвать такую ревность, в январе 1934 г. Центр принял решение сделать «нейтральный» в этом отношении Пятигорск административным центром СКК. Возможно, такими мотивами руководствовался федеральный центр, выбрав в 2010 г. Пятигорск центром Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

Таким образом, как краевое руководство, очень уютно обосновавшееся в курортном Пятигорске, так и национальные элиты не могли не отправить в Центр, может быть, в завуалированной форме свое отрицательное отношение к проекту статуса краевой столицы Орджоникидзе. Услышал ли этот месседж Сталин? Уверенны, что да. Впрочем, инициатива могла исходить и из Кремля.

После отъезда Г.К. Орджоникидзе из Пятигорска в Москву, в конце октября 1936 г. в крае и в высшем руководстве страны о перенесении центра уже практически не вспоминали. Город Орджоникидзе продолжал благоустраиваться и расширяться, но как столица Северной Осетии.

Как краевая печать в 1936 г. освещала вопрос о переводе краевого центра из Пятигорска в Орджоникидзе?

Крайне важно проследить интенсивность освещения прессой этого вопроса. Возьмем только главную краевую газету «Северо-Кавказский большевик» («СКБ») – орган СК крайкома ВКП(б), крайисполкома и оргбюро ВЦСПС. Газета издавалась с 1934 по март 1937 г., когда она стала называться «Орджоникидзевская правда». Ее редакторами являлись К. Беус, А.Г. Тумаркин и др.

Краевая комсомольская газета «Молодой ленинец», издававшаяся с марта 1934 по март 1937 г., представляла собой абсолютную креатуру печатного органа старших товарищей по строительству коммунизма и не давала какую-либо иную информацию. Ничего интересного по нашей теме мы не находим и в журнале крайисполкома «Социалистическое строительство Северо-Кавказского края» (1935–1937 гг.). Все эти и другие «ведомственные» газеты и журналы продолжали издаваться в Пятигорске и в период, когда формально центр должен был находиться в г. Орджоникидзе. В курортном городе находились и их редакции. Ответственные редакторы назначались крайкомом. Например, редакторов газеты «Молодой ленинец» М. Осипова и В. Рябченко (1937 г.) назначили по решению бюро крайкома.

Проследим динамику освещения процесса «перевода» центра из Пятигорска в Орджоникидзе по страницам «Северо-Кавказского большевика» за январь 1936 – март 1937 г.

12 января 1936 г. в статье «Превратим новую столицу края в цветущий город», построенной в форме беседы корреспондента «СКБ» с председателем КИК Пивоваровым, последний рисует перспективы развития новой столицы СКК. В этом же номере помещено небольшое сообщение корреспондента «СКБ», сообщающего о горячей поддержке трудящимися Орджоникидзе решения о переносе центра края [СКБ. 12.01.1936].

В нескольких номерах «СКБ» за 17–21 января публикуются объемные материалы под общим названием «Город Орджоникидзе», в которых рассказывается о достижениях города на Тереке в социалистическом строительстве. В информационном сообщении по телеграфу из Орджоникидзе сообщается о собрании городского актива, состоявшегося 16 января. На собрании с докладами выступили секретарь горкома Сарапиев и зам председателя КИК Хасиев. Естественно, что «собрание партактива единодушно одобрило решение» партии и приняло решение «послать приветственные телеграммы вождю партии товарищу Сталину, предсовнаркома тов. Молотову и наркому тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе» [СКБ. 17.01.1936].

В номере «СКБ» за 4 февраля в сообщении «Отводятся строительные площадки» говорится о том, что президиум горсовета и облисполкома г. Орджоникидзе вынесли постановление об отводе земельных площадок для строительства краевых учреждений и жилых домов. Краевой центр предполагалось строить на месте бывшего атаманского дворца на границах улиц Пролетарский проспект, Мордовцева и Красный пожарник. Площади бывшего собора на границах улиц Музейная, Бородинская, Стрелковая и Бутырина предполагалось отвести под строительство жилых домов [СКБ. 04.02.1936].

Через два дня номер «СКБ» опубликовал два больших материала. Первая статья называется «Благоустроим новую столицу края» и посвящена грандиозным планам по развитию городской инфраструктуры: водопровода, канализации, электроснабжения, ливнеспусков, мостов через Терек и др.

Второй материал под заголовком «Город Орджоникидзе – достойная столица края» содержит беседу корреспондента М. Рошала с председателем КИК Хасиевым. В нем внимание читателей обращается на ход строительных работ, этапы перевода краевых учреждений в Орджоникидзе. Материал сопровождается фотографией почти уже построенного нового большого 5-этажного жилого дома на углу Пролетарского проспекта и ул. М. Горького.

Хасиев сообщил, что в осетинскую столицу уже приехал автор плана развития города архитектор Яковлев, которому предстоит определить правильное размещение краевых учреждений и жилых домов. На вопрос корреспондента об окончательных сроках перевода краевого центра председатель КИК сообщил: «В крае 114 организаций. В первую очередь должны переехать 54 важнейшие организации. Первая очередь должна будет переехать в октябре этого года. После этого постепенно начнется переезд организаций второй очереди» [СКБ. 06.02.1936].

Таким образом, сроки, установленные Москвой, были существенно скорректированы. В октябре планировалось перевести только «первую очередь». Сколько же таких «очередей», сообщено не было.

Во второй половине февраля в Пятигорске работала краевая конференция архитекторов. Вторым вопросом повестки дня конференции стало «обсуждение проекта перепланировки будущей столицы края». С докладом по этому вопросу, сообщает краевая газета, выступил автор очередного проекта – ленинградский архитектор Лукьянов, предложивший создать Центр по руководству застройкой и контролю за правильным архитектурным оформлением города [СКБ. 21.02.1936].

В середине марта в корреспонденции В. Павленко под названием «Столица края» сообщается о ходе телефонизации г. Орджоникидзе. Отмечается, что в ближайшие месяцы из Пятигорска будет перенесен радиопередатчик для связи с Москвой по беспроволочному телеграфу и телефону. Реальная столица края, то есть Пятигорск, должен был передать Орджоникидзе и другие новые устройства, получив взамен из столицы Северной Осетии менее совершенные. «По приказу народного комиссара тов. Рыкова, – сообщается в корреспонденции, – монтаж и оборудование новой телефонной станции должны быть закончены к 1 августа» [СКБ. 15.03.1936].

Все это время в Пятигорске продолжали проводиться краевые мероприятия: собрания, пленумы, конференции, спортивные соревнования, конкурсы, слеты казаков Дона, Кубани и Терека и др.

В марте интенсивность материалов, посвященных переводу столицы края, значительно снижается. В апреле, мае и в летние месяцы краевая пресса оставляет без внимания эту проблему. Встречаются лишь материалы, посвященные развитию всех городов края, включая и Орджоникидзе, без акцента на его вероятный новый статус.

Многозначительное молчание краевой прессы по строительству краевого центра говорило само за себя. Такая же история в сентябре и даже в октябре. Вспомним, что краевые организации должны были уже переехать в Орджоникидзе, а в Кисловодске находился на отдыхе «товарищ Серго». Наверняка, чтобы сделать приятное наркому тяжелой промышленности, в номере от 12 октября было помещено объявление о том, что 30 октября «в ознаменование пятидесятилетия тов. Орджоникидзе проводится большой кросс его имени. Маршрут кросса: Цветник – Советский проспект (нынешний пр. Кирова) – вокзал – Цветник. 1000 физкультурников Пятигорска, Минеральных Вод, Кисловодска, Железноводска и Ессентуков примут участие в кроссе» [СКБ. 12.10.1936].

Увы, в конце октября Г.К. Орджоникидзе уже не было на Кавминводах, так как, находясь в подавленном состоянии, он срочно прервал свой отдых и вернулся в Москву, чтобы спасти своего брата, арестованного по приказу Л. Берия. Сообщения о том, как прошел «юбилейный кросс», мы не нашли. Это мероприятие уже потеряло свою политическую значимость.

Таким образом, после марта краевая пресса больше не публиковала материалы, посвященные переводу столицы из Пятигорска в Орджоникидзе.

Краевая власть продолжала работать в городе-курорте вплоть до решения о переводе центра Орджоникидзевского края в город Ворошиловск (Ставрополь). Но это уже другая история, получившая рассмотрение в историко-краеведческой литературе.

Заключение

Итак, три условные части нашего небольшого исследования (взаимоотношения Сталина и Орджоникидзе в 1936 – начале 1937 г., решения краевых органов о переводе центра из Пятигорска в Орджоникидзе и освещение этой проблемы в краевых средствах информации), если наложить их друг на друга, дают однозначный вывод о том, что г. Орджоникидзе в 1936–1937 гг. не был центром СКК. Поэтому упоминания во всех публикациях (монографиях, учебниках, справочных материалах) о том, что административным центром края в указанный период был г. Орджоникидзе – Владикавказ, не имеют под собой никакого основания. Тем более что необычный, с точки зрения временной логики, второй пункт упоминавшегося постановления Президиума ВЦИК от 26 мая 1937 г. отменил постановление этого же органа от 10 января 1936 г. «О перенесении центра Северо-Кавказского края из города Пятигорска в город Орджоникидзе».

На наш взгляд, причины пересмотра решения о переносе центра СКК из Пятигорска в Орджоникидзе, как и аналогичные решения в первой половине 1934 г. в отношении городов Георгиевска и Минеральные Воды, заключались в следующем:

Во-первых, отмена принятого решения была связана со сложным финансово-экономическим состоянием страны в условиях происходившей индустриализации и гибельной коллективизации. Однако эта причина не могла стать решающей и единственной, так как вместо Орджоникидзе позднее было принято решение создать центр в Ставрополе (Ворошиловске), что требовало не меньших капиталовложений.

Во-вторых, это связано с настойчивым желанием краевого руководства не только на постоянной основе проживать в Пятигорске, но и официально превратить город-курорт в административный центр СКК.

В-третьих, название города Орджоникидзе, «правильное» с идеологической точки зрения до начала 1936 г., в конкретный момент обострения отношений между Сталиным и Серго для вождя становилось недостатком и мало подходило для столицы всего Северного Кавказа. Впрочем, переименовать город не составляло больших трудностей. Наглядным примером служат многочисленные переименования, например, Ставрополя в Ворошиловск, Владикавказа – в Орджоникидзе и т.д.

В-четвертых, политическая элита национальных регионов как в 20-е гг. XX в., так и в наступившие 30-е гг. проявляла недовольство любому непрямому подчинению своих автономий Центру, тем более находящемуся как в «русской части» Северного Кавказа, так и в центре какой-либо автономии, которому необходимо было подчиняться.

Наконец, в Центре не было уверенности в том, что территориальная конструкция Северного Кавказа останется надолго. И действительно, запланированная новая Конституция СССР уже в период ее «обсуждения» предполагала повышение по форме статуса автономий Северного Кавказа с их прямым подчинением Москве. А это после принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 г. уже делало неактуальным «нейтральное» расположение центра, то есть не в столице какой-либо автономии, а в Ворошиловске. Этим и было обусловлено решение о переносе центра СКК, переименованного в Орджоникидзевский, в Ставрополь, ставший Ворошиловском.

Таким образом, столицей Северо-Кавказского края с 1 января 1934 г. по 26 мая 1937 г. следует считать город Пятигорск.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акопян 2010 – *Акопян В.З.* Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. – Ростов-н/Д: РГУПС, 2010. – 170 с.

Всесоюзная перепись 1937 – *Всесоюзная перепись* населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2007. – 320 с.

Героическая жизнь – *Героическая жизнь* большевика // Известия. – 1937. – 19 февр.

ГАНИСК – Государственный архив новейшей истории Ставропольского края.

ГАНИ РСО-А – Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия–Алания.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

История Дона и Северного Кавказа – *История Дона и Северного Кавказа* (1917–2000). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2011. – 312 с.

История железнодорожного – *История железнодорожного* транспорта России и Советского Союза. – Т. 2: 1917–1945. – СПб–М.: Иван Федоров, 1994. – 414 с.

Кодзоев 2002 – *Кодзоев* Н. История ингушского народа. – Магас: Сердало, 2002. –251 с.

Лозинский 1936 – *Лозинский* А.А. Курорт Пятигорск: Научно-популярный очерк. – Пятигорск: Севкавиздат, 1936. – 70 с.

Очерки истории Северного Кавказа – *Очерки истории Северного Кавказа*: XX век. – Пятигорск-Ставрополь: ПГЛУ, 2014. – 355 с.

Постановление ВЦИК от 10 января 1936 – *Постановление ВЦИК от 10 января 1936* года «О перенесении центра Северо-Кавказского края из города Пятигорска в город Орджоникидзе» // Собрание узаконений и распоряжение Рабоче-крестьянского правительства РСФСР издаваемое НКЮ. – № 3. – 29 февраля 1936 г.

Политбюро ЦК РКП(б) – *Политбюро ЦК РКП(б)* – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог: В 3-х т. Т. 2. Каталог: 1930–1939 / Отв. ред. Г.М. Адибеков, К.М. Андерсон. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1198 с.

Постановление Президиума – *Постановление Президиума* ВЦИК от 26 мая 1937 года «О перенесении центра Орджоникидзевского края из города Пятигорска в город Ворошиловск». URL: https://consultant.ru/site/list/?id=1015617776 (время доступа 17.05.2022)

Постановление ВЦИК 20 июня 1936 – *Постановление ВЦИК 20 июня 1936* г. «О перенесении центра Пригородного района Чечено-Ингушской автономной области Северо-Кавказского края» // Собрание узаконений и распоряжение Рабоче-крестьянского правительства РСФСР издаваемое НКЮ. – № 16. – 10 августа 1936 г. – С. 172.

Постановление ЦИК–*Постановление ЦИК* от 13 марта 1937 года «Об увековечении памяти Г.К. Орджоникидзе». URL: https://consultant.ru (время доступа 17.05.2022).

Ракович 1913 – *Ракович* Д.В. Прошлое Владикавказа. Краткая историческая справка ко дню пятидесятилетнего юбилея города. 1861 г. 2-е. – Владикавказ: Электропеч. Р. Сегаль и С-вья, 1913. – 28 с.

СКБ – *Северо-Кавказский Большевик* (СКБ). 1936.

Хлевнюк 1996 – *Хлевнюк* О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М.: Росспэн, 1996. – 294 с.

Царикаев, Тускаева 2011 – *Царикаев А.Т., Тускаева Г.Б.* Политическая элита Северной Осетии. 1924–1941 гг.: биогр. справ. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 136 с.

Филиппов 2016 – *Филиппов* С. Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг. Справочник. – М.: РОССПЭН, 2016. – 679 с.

Шнайдер 2007 – *Шнайдер* В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – кон. 1950-х гг.): закономерности и противоречия. – Армавир: АГПУ, 2007. – 414 с.

REFERENCES

AKOPYAN V.Z. *Severnyj Kavkaz: gosudarstvennoe stroitel'stvo, ekonomika i kul'tura. 1920–1940 gg.* [North Caucasus: State Building, Economy and Culture. 1920–1940]. – Rostov-on-Don: RGUPS, 2010. – 170 p. (In Russ.).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshchieitogi. Sbornik dokumentov i materialov [All-Union Census of 1937 – All-Union Population Census of 1937: General results. Collection of documents and materials] / Ed. by V.B. Zhiromskaya, Yu.A. Polyakov. – Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSPEN), 2007. – 320 p. (In Russ.).

Geroicheskaya zhizn' bol'shevika [Heroic life of a Bolshevik]. IN: Izvestiya. – 1937. – February 19.

Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Stavropol'skogo kraya [State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory]. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Respubliki Severnaya Osetiya–Alaniya [State Archive of the Modern History of the Republic of North Ossetia–Alania]. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraya [State Archive of the Stavropol Territory]. (In Russ.).

Istoriya Dona i Severnogo Kavkaza (1917–2000) [The History of the Don and the North Caucasus (1917-2000)]. – Nalchik: Kab.-Bulk. un-t, 2011. – 312 p. (In Russ.).

Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuza [The history of railway transport in Russia and the Soviet Union]. – Vol. 2: 1917–1945. – Saint Petersburg–Moscow: Ivan Fedorov, 1994. – 414 p. (In Russ.).

KODZOEV N. *Istoriya ingushskogo naroda* [The History of the Ingush people]. – Magas: Serdalo, 2002. – 251 p. (In Russ.).

LOZINSKIJ A.A. *Kurort Pyatigorsk: Nauchno-populyarnyj ocherk* [Resort Pyatigorsk: Popular Science essay]. – Pyatigorsk: Sevkavizdat, 1936. – 70 p. (In Russ.).

Ocherki istorii Severnogo Kavkaza: XX vek [Essays on the History of the North Caucasus: XX century]. – Pyatigorsk-Stavropol: PGLU, 2014. – 355 p. (In Russ.).

Postanovlenie VCIK ot 10 yanvarya 1936 goda «O perenesenii centra Severo-Kavkazskogo kraya iz goroda Pyatigorska v gorod Ordzhonikidze» [Resolution of the Central Executive Committee of January 10, 1936 «On the transfer of the center of the North Caucasus Region from the city of Pyatigorsk to the city of Ordzhonikidze»] / IN: Collection of legalizations and the order of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR issued by the NKYU. – No. 3. February 29, 1936. (In Russ.).

Politbyuro CK RKP(b) – VKP(b). Povestki dnya zasedanij. 1919–1952 [Politburo of the Central Committee of the RCP (b) – Politburo of the Central Committee of the RCP (b) – VKP (b). Meeting agendas. 1919–1952]. Catalog: In 3 volumes. Vol. 2. Catalog: 1930–1939. / Ed. by G.M. Adibekov, K.M. Anderson. – Moscow: ROSSPAN, 2001. – 1198 p.(In Russ.).

Postanovlenie Prezidiuma VCIK ot 26 maya 1937 goda «O perenesenii centra Ordzhonikidzevskogo kraya iz goroda Pyatigorska v gorod Voroshilovsk»[The Decree of the Presidium is the Decree of the Presidium of the Central Executive Committee of May 26, 1937 «On the transfer of the center of Ordzhonikidze Region from the city of Pyatigorsk to the city of Voroshilovsk»].URL: https://consultant.ru/site/list/?id=1015617776 (date of access: 17.05.2022).

Postanovlenie VCIK 20 iyunya 1936 g. «O perenesenii centra Prigorodnogo rajona CHecheno-Ingushskoj avtonomnoj oblasti Severo-Kavkazskogo kraya» [Resolution of the Central Executive Committee of June 20, 1936 – Resolution of the Central Executive Committee of June 20, 1936 «On the transfer of the center of the Suburban district of the Chechen-Ingush Autonomous Region of the North Caucasus Region»] / IN: Collection of legalizations and the order of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR issued by the NKYU. No. 16. August 10, 1936. p. 172. (In Russ.).

Postanovlenie CIK ot 13 marta 1937 goda «Ob uvekovechenii pamyati G.K. Ordzhonikidze» [Resolution of the CEC of March 13, 1937 «On perpetuating the memory of G.K. Ordzhonikidze»]. URL: https://consultant.ru (date of access: 17.05.2022).

RAKOVICH D.V. *Proshloe Vladikavkaza. Kratkaya istoricheskaya spravka ko dnyu pyatidesyatiletnego yubileya goroda. 1861 g.* [The past of Vladikavkaz. A brief historical summary of the fiftieth anniversary of the city. 1861]. 2nd. – Vladikavkaz: Electric furnace R. Segal and S-vya, 1913. – 28 p. (In Russ.).

Severo-Kavkazskij Bol'shevik (SKB). 1936. Newspaper. (In Russ.).

SHNAJDER V.G. Sovetskoe naciestroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – kon. 1950-h gg.): zakonomernosti i protivorechiya [Soviet Nationbuilding in the North Caucasus (1917 – late 1950s): patterns and contradictions]. – Armavir: AGPU, 2007. – 414 p. (In Russ.).

HLEVNYUK O.V. *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoj vlasti v 1930-e gody* [Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s]. – Moscow: Rosspen, 1996. – 294 p. (In Russ.).

CARIKAEV A.T., TUSKAEVA G.B. *Politicheskaya elita Severnoj Osetii. 1924–1941 gg.: biogr. sprav.* [The political elite of North Ossetia. 1924–1941: biographical directory]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. – 136 p. (In Russ.).

FILIPPOV S. *Territorial'nye rukovoditeli VKP(b) v 1934–1939 gg. Spravochnik* [Territorial leaders of the CPSU(b) in 1934–1939. Reference book.]. – Moscow: ROSSPAN, 2016. – 679 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В.З.Акопян – кандидат исторических наук.

В.П. Ермаков – кандидат исторических наук.

З.В. Акопян – аспирант.

Information about the authors

V.Z. Akopyan – Candidate of Science (History).

V.P. Ermakov – Candidate of Science (History).
Z.V. Akopyan – Graduate Student (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022 г.; одобрена после рецензирования 03.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 908 (93)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-185-199
EDN: IFDTIG

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РАБОТНИКОВ КРАСНОДАРСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Олег Владимирович Матвеев
Кубанский Государственный университет, Краснодар, Россия, vim12@rambler.ru

Аннотация. Автор обращается к изучению персональной истории Краснодарского педагогического института на примере его директора в 1935–1937 гг. Ибрагима Нагожевича Багова. Основываясь на анализе партийных документов, автор характеризует деятельность директора по организации учебной жизни вуза, непростые взаимоотношения с коллегами в атмосфере всеобщей подозрительности и доносов, стремление сохранить профессиональные кадры, сберечь студентов и преподавателей. Исследованы действия директора института по улучшению быта и культуры студентов, уровня научно-исследовательской работы вуза, борьба с ленью и бесхозяйственностью. Из пристрастных в идеологическом отношении текстов человеческие черты И.Н. Багова, через оценки людей, руководствовавшихся как политическими, так и личными мотивами в условиях всеобщей атмосферы подозрительности. В статье показана целесообразность применения контекстного подхода, когда историческая биография выступает одновременно реконструкцией неповторимой судьбы руководителя ВУЗа 1930-х гг., а также средством познания того исторического социума, в котором он действовал. И.Н. Багов разделил со своим народом как светлые страницы его драматической истории, связанные со строительством новой жизни и добрыми ожиданиями, так и тяжкие испытания, выпавшие на страну и общество в ту противоречивую эпоху. В успехах, которые добились Кубань и Адыгея в предвоенные годы в деле подготовки квалифицированных специалистов для народного образования и хозяйственной работы, автор видит немалую часть труда И.Н. Багова.

Ключевые слова: персональная история, Краснодарский педагогический институт, народное образование, Адыгея, политические репрессии, этнокультурная идентичность, подготовка кадров, протоколы партийных собраний

Для цитирования: Матвеев О.В. К проблеме изучения персональной истории работников Краснодарского педагогического института // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 185-199. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-185-199. – EDN: IFDTIG.

© Матвеев О.В., 2022

Original article

TO THE PROBLEM OF PERSONAL HISTORY STUDY KRASNODAR EMPLOYEES PEDAGOGICAL INSTITUTE

Oleg V. Matveyev
Kuban State University, Krasnodar, Russia, vim12@rambler.ru

Abstract. The author researches the personal history of the Krasnodar Pedagogical Institute, turning to the example of its director I.N. Bagov in 1935–1937. Relied upon by the party documents, the author shows the director efforts to manage the educational life of the university, difficult relationships with colleagues in the atmosphere of universal suspicion and denunciations, the desire to preserve professional personnel, and save students and teachers. Through the mirror of party documents, the actions of the director of the Institute for Improving the Life and Culture of Students, the level of research work of the university, the fight against laziness and mismanagement are traced. From ideologically biased texts, I.N. Bagov's human traits, through the assessments of people guided by both political and personal motives in the conditions of a nationwide atmosphere of suspicion. The author shows the feasibility of applying the contextual approach, when the historical biography acts simultaneously as the reconstruction of the unique fate of the university's 1930s head, as well as a vehicle for knowing the historical society in which he acted. Ibrahim Nagozhevich Bagov shared with his people both the bright pages of his dramatic story, associated with the construction of new life and good expectations, and hardship that fell into the country and society in that conflicting era. The author believes that a considerable part of the work by the director I.N. Bagov contributed to the successes achieved by Kuban and Adygea in the prewar years in the training of qualified specialists for public education and economic work.

Key words: personal history of the Krasnodar Pedagogical Institute, Public Education, Adygea, political repressions, ethnocultural identity, training, protocols of party meetings

For citation: Matveyev O.V. To the problem of personal history study Krasnodar employees pedagogical institute. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 185-199. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-185-199. – EDN: IFDTIG.

© Matveyev O.V., 2022

В настоящее время при исследовании персональной истории применяются различные подходы. Так, Д.М. Володихин декларирует «автономию и самоценность исторической личности», дистанцируется от социально-исторического контекста: «Если для разработки выбрана личность масштаба Наполеона, то это, скорее всего, должен быть Наполеон без Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо» [Володихин 1999: 5–6]. Нам ближе взгляд Л.П. Репиной, которая призывает к «плюралистическому и динамическому» видению персональной истории, к «концептуализации взаимодействия между индивидами и обществом, соотношения конкретного и абстрактного, частного и целого», чтобы «не теряя из виду единичности, рассмотреть все же "за деревьями" лес» [Репина 2010: 73–74].

В статье предпринята попытка изучения персональной истории работников Краснодарского педагогического института на примере его директора И.Н. Багова, возглавлявшего ВУЗ с марта 1935 до 3 января 1937 г. Работа основана на архивных материалах Центра документации новейшей истории Краснодарского края. Согласно ответу из Архива управления ФСБ по Краснодарскому края, Ибрагим Нагожевич Багов родился в 1902 г. в ауле Хакуринохабль [Ответ 2009]. Баговы – одна из известных фамилий этого аула абазинского аристократического происхождения. С абазинского языка переводится как «горный орел»*. До революции некоторые представители фамилии были офицерами им-

* URL: https://zen.yandex.ru/media/adygiru/stanica-bagovskaia-ili-rodovoi-aul-bagovyh-5b8a46817ea7cd00ab88ba48 (дата обращения 12.02.2022).

ператорской армии [Из истории… 2004: 135], после Гражданской войны Баговы занимали заметное положение в общественной и культурной жизни Адыгеи. Так, старший брат Ибрагима, Схатчерий Нагожевич Багов, 1898 г.р., на момент ареста в 1937 г. работал вторым секретарем Адыгейского обкома партии*. Он, много сделал для просвещения и развития национальной автономии, скончался в тюрьме в 1938 г.

На глазах молодого Ибрагима проходил знаковый съезд в Хакуринохабле в 1922 г., заложивший основы государственности Адыгеи. И.Н. Багов горячо принял советскую власть. Одной из ключевых задач, стоявших перед молодой автономией в области национально-государственного строительства, была подготовка квалифицированных кадров. В 1927–1929 гг. И.Н. Багов возглавлял отдел народного образования Адыгеи [ААРИГИ Коблев]. М.К. Хуажев, один из первых директоров института краеведения Адыгеи, в своих воспоминаниях назвал Ибрагима Багова «способнейшим работником системы народного образования» [Хуажев 2018: 235].

С.Н. Багов. Начало 1930-х гг. Личный архив автора

Необходимо отметить, что представители семьи Баговых внесли большой вклад в просвещение родного аула. Так, старший брат Ибрагима, Схатчерий Нагожевич открыл в 1929 г. в своем доме начальную школу, которая впоследствии была преобразована в среднюю школу № 2 [Из истории… 2004: 136].

Другой представитель фамилии Баговых, будучи студентом Краснодарского педагогического техникума, в 1931 г. организовал в родном а. Хакуринохабль пункт ликвидации безграмотности. В 1935 г. А. Кастовский сообщал, что этот Багов «нашел заброшенную хибару, убрал её циновками, достал дров, из длинных досок соорудил парты. В этом ликпункте Багов обучает вечером 40 мужчин, а днем 10 женщин. Баговский ликпункт работает 12 часов в сутки» [Кастовский 1935: 13]. А. Кастовский также отмечал, что в 1935 г. Багов был студентом Краснодарского пединститута [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 20. Л. 27]. В партийных документах Краснодарского пединститута за сентябрь 1934 г. сохранились данные об этом подвижнике. Его звали Багов Чазим Бляович. Он родился в 1909 г. По происхождению – крестьянин-бедняк. В 1917–1927 гг. работал в своем хозяйстве в Адыгее, в 1927–1929 гг. был учеником ремесленника, в 1930 г. окончил учительские курсы и поступил в Адыгейский педтехникум в Краснодаре, в котором проучился до 1932 г. В 1930 г. вступил в ряды ВКП(б) [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 20. Л. 27]. Как сложилась его дальнейшая судьба и кем он приходился Ибрагиму Нагожевичу, исследователям еще предстоит установить. Тем не менее все это демонстрирует стремление Баговых в то время поднять уровень образованности своего народа.

* URL: https://stalin.memo.ru/persons/p44303/#spravka (дата обращения 14.03.2022).

Сотрудник литературного отдела краевого музея Н.В. Ламосова в работе по истории издательского дела в Адыгейской области упоминает Ибрагима Багова в числе редакторов еженедельной двуязычной русско-адыгейской газеты «Адыгэ псеуч» («Адыгейская жизнь»), которая выходила в Краснодаре во второй половине 1920-х гг. [Ламосова 2015: 271–272]. По-видимому, И.Н. Багов не только редактировал газету, но и публиковал заметки и статьи. Однако этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Показателен и факт назначения И.Н. Багова председателем комиссии по рассмотрению религиозных вопросов, созданной при Адыгейском облисполкоме в Краснодаре 16 июня 1931 г. [Закрытие… 2013: 72]. Будучи в партии с 1923 г. и разделяя в целом её атеистическую политику, Ибрагим Багов, по-видимому, с большим уважением относился к верующим землякам, противостоял незаконным закрытиям культовых зданий. Об этом говорит и круг общения И.Н. Багова. На собрании парткома 16 января 1937 г. представитель Крайкома Хачатурьянц в качестве обвинения заявил: «Часто к Багову приходил Брантов, бывший контрреволюционер» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 2]. Речь, по-видимому, идёт о Зачерие-хаджи Брантове, выдающемся деятеле адыгейской культуры послеоктябрьского периода, авторе «Абадзехского сказа». Знаменитый сказитель до 1934 г. (год смерти З. Брантова) нередко приезжал в Краснодар [Чеучева, Брантова 2014: 17].

И.Н. Багов в 1930-е гг. Личный архив автора

Ибрагим Нагожевич состоял в тесных дружеских отношениях с Махмудом Карабатыровичем Хуажевым [Хуажев 2018: 235], членом Общества изучения Адыгейской области, заведующим отделом народного образования Адыгеи и одновременно с февраля по октябрь 1929 г. – директором областного института краеведения. Он тоже подвергся репрессии, но остался жив и после реабилитации продолжил работу научным сотрудником института и опубликовал ряд работ по фольклору и этнографии адыгов.

В ответе Архива управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю, в уголовном деле И.Н. Багова отмечено, что он имел высшее образование, но не уточняется, какой вуз он закончил [Ответ 2009]. Лишь в выступлениях коммунистов на парткоме Краснодарского пединститута (КПИ), уже после ареста Ибрагима Багова в начале 1937 г., проскальзывают некоторые упоминания об этом. Заместитель директора КПИ С.С. Горинов отмечал, что «Багов очень много учился, окончил профессуру» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 6]. В другой раз С.С. Горинов сказал о Багове: «Он учился в Москве, ученый» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 9]. Можно предположить, что речь идет либо об Институте красной профессуры – специальном высшем учебном заведении ЦК ВКП(б), где готовились преподаватели общественных наук в вузах, либо о

Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И.В. Сталина, созданном «для подготовки политических работников из среды трудящихся Восточных договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств» [Панин 2013: 201]. Однако этот вопрос нуждается в дополнительном уточнении.

В конце марта 1935 г. И.Н. Багов был назначен директором Краснодарского педагогического института. Его предшественника – В.Г. Козырева сняли с должности за утрату бдительности и «политическую близорукость» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 22. Л. 3 об.]. На закрытом партсобрании 19 января 1935 г. В.Г. Козырев признал вину, отмечая, что «он за последнее время оторвался от партийной работы, занимаясь административной работой и созданием научных трудов, что и привело к антисоветским выступлениям, созданию контрреволюционных групп в стенах нашего института» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 22. Л. 3 об.]. В условиях нарастания всеобщей подозрительности, повсеместного выявления вредителей, «троцкистов», разворачивающихся в стране массовых репрессий перед новым директором стояла непростая задача организации учебного процесса.

Первое присутствие И.Н. Багова в президиуме собрания парторганизации Краснодарского пединститута зафиксировано протоколом 31 марта 1935 г. На этом собрании постановили: «утвердить решение Парткома о введении т. Багова (нового директора) в состав чл. Парткома» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 22. Л. 14].

Одним из первых распоряжений И.Н. Багова на новом месте работы было увеличение на 20 минут в день общего времени пребывания студентов в учебном заведении. Но сделано это было за счет введения утренней зарядки и большого перерыва между 4 и 5 уроками, когда накапливалась наибольшая утомляемость студентов. И.Н. Багов пояснял, что новое расписание построено «на строго научных основаниях и направлен на оздоровление студенчества и поднятие качества учебной работы» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 22. Л. 18].

И.Н. Багов и в дальнейшем ставил вопросы об укреплении здоровья студентов и необходимости развития в институте физической культуры. Так, 3 декабря 1936 г. он на заседании партбюро говорил: «Физкультурой у нас никто не занимается. С нашей молодежью нужно серьезно заниматься физкультурой, чтобы выпустить физически здоровых преподавателей. Сам т. Леонтьев (по-видимому, преподаватель физкультуры. – О.М.) неплохо работает. Но ему никто из организаций не помогает, как профком и комсомол, а также партком мало обращает внимания. Перед молодежью стоит вопрос укрепления здоровья» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 31].

В своих выступлениях директор призывал студентов осмысленно и критически подходить к изучаемому материалу. На партсобрании пединститута 11 апреля 1935 г. он говорил: «Мы должны выпустить на разные участки н/строительства людей, которые были бы во всеоружии марксизма-ленинизма: этого требуют огромные задачи построения социализма. Надо приучать студентов работать над первоисточниками: Марксом, Лениным, Сталиным. Надо поднять качество преподавания ленинизма и истории партии. Надо, вооружив сту-

дентов теорией марксизма-ленинизма, обучить их активно воспринимать и критически, осмысленно прорабатывать в своем сознании то, что они слушают на лекциях: недопустимо пассивное восприятие лекций» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 22. Л. 17].

Ибрагима Нагожевича волновал низкий культурный уровень тогдашних студентов. Директор призывал: «Необходимо обратить серьезнейшее внимание на борьбу за культурность, а у нас в этом отношении есть безобразнейшие явления, свидетельствующие о том, что этой борьбы не ведется» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 22. Л. 18].

В выступлении 15 ноября 1936 г. И.Н. Багов раскритиковал содержание институтской стенгазеты. Он считал, что «вопрос о производственной жизни института» не занимает главного места в газете [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 38 об.]. Многие студенты не готовятся к сессии, газета «их не подтягивает». По его мнению, газета не отражала реальной жизни учащихся, в том числе их проступки, не показывала «лучших людей института». Кроме того, полагал Ибрагим Нагожевич, «необходимо наладить работу на немецком языке для того, чтобы приучать студентов к чтению немецких газет» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 38 об.].

И.Н. Багов стремился к повышению научного уровня сотрудников вуза, расширению исследовательской работы в институте. В одном из протоколов заседания партбюро от 10 ноября 1936 г. говорилось: «Заслушав доклад т. Багова и Братанского об организации научно-исследовательской работы на 1937 г., партком отмечает, что дирекция примет ряд мер, способствующих усилению и улучшению научно-исследовательской работы в институте» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 38]. Партком одобрил работу дирекции по совершенствованию «планов научно-исследовательской работы кафедрами, которые, как правило, раньше не выполнялись» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 38].

Следует добавить несколько слов о соратнике И.Н. Багова, упомянутом в этом документе, поскольку это важно для обозначения той интеллектуальной среды, которая питала мировоззрение директора. Стефан Атанасович Братанский (24.02.1903–11.06.1937), болгарин по происхождению, был заведующим кафедрой философии Краснодарского педагогического института*. Уже после его задержания (С.А. Братанского арестовали, как и И.Н. Багова, 4 января 1937 г.) на заседании парткома говорили, что «Братанский был лучшим преподавателем философии, которого восхваляли на весь Краснодар» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 81]. 11 июня 1937 г. он был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР 4 апреля 1956 г. реабилитирован*

Своим культурным уровнем А.С. Братанский и И.Н. Багов явно превосходили многих сотрудников института. После их ареста на собрании партколлектива один из партийцев сказал о них: «Говорили очень красиво. После них никто не хотел выступать» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 21]. Сам И.Н. Багов

* URL: https://bessmertnybarak.ru/Bratanskiy_Stefan_Atanasovich/ (дата обращения 12.04.2022).

* Там же.

читал в институте лекции по педологии. Качество лекций после ареста директора на партсобрании пытались охарактеризовать следующим образом: «не рыба, не мясо», «ничего ценного не дали» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 69]. Однако приведенная предыдущая оценка манеры И.Н. Багова говорить, его образованность и культура заставляют усомниться в явно пристрастной характеристике.

Ибрагим Нагожевич дорожил профессиональными кадрами, старался уберечь их от развернувшейся волны доносов и репрессий. Так, он добился, чтобы вызвали из столицы профессора Эйнаровича. Бдительные студенты-активисты донесли Багову: на лекциях Эйнарович говорил: «Раньше была палочная дисциплина в морской школе и сейчас палочная дисциплина» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 20]. Кроме того, лектор сказал: «В старое время студенчество почти на 50 % получало стипендию, причем 50 руб., а знаете, как тогда можно было жить?» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 20]. Когда И.Н. Багова спросили, какого он о нем мнения, то он сказал: «Ничего особенного нет, чтобы снять его с работы» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 20]. В 1937 г. была арестована как «троцкистка» дочь Эйнаровича, а затем, по-видимому, и он сам [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 93].

Научный работник Краснодарского пединститута Ионова на заседании 16 января 1937 г. сообщила, что «Багов был большим другом Роговского» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 8]. Став ассистентом у профессора П.А. Роговского, она регулярно «сигнализировала» в партком, что ученый «не является нашим человеком» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 8]. По словам Ионовой, «Роговской 8 лет являлся завкабинетом, и ни одного портрета вождей не имел в кабинете, где сам сидит, ни в аудитории» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 8]. С И.Н. Баговым они «были такие друзья, что несмотря на то, что факультет естествознания три года стоял на последнем месте, Багов и Грицюк (секретарь парткома. – О.М.) поддерживали Роговского, неоднократно премировали его как одного из передовых профессоров, лучшего научного работника» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 8].

Ионова рассказала, как на одном из собраний И.Н. Багов выручил П.А. Роговского. Профессор жаловался, что его труд не печатают, поскольку «у нас нет бумаги», и он вынужден будет отправить книгу за границу, где её напечатают [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 8]. И.Н. Багов ответил, что «уважаемый Пётр Афанасьевич сделал оговорку» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 8]. П.А. Роговской, по-видимому, спохватился и произнес: «Да, я вполне советский человек» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 8]. И.Н. Багов сказал: «Безусловно», и переменил тему [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 8].

Ионова отметила: «Не было ни одного собрания, где бы Багов его (П.А. Роговского. – О.М.) не выдвинул в президиум, характеризовал бы его, как светило, гений и т.д. Но за этим гением скрывается гений, только не нашего лагеря» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 8].

Известный советский биолог, специалист в области геоботаники П.А. Роговской (1887–1957), после ареста И.Н. Багова, по-видимому, вынужден был уехать, спасаясь от репрессий, в Кабардино-Балкарию [Роговской 1949]. В

1950-е гг. проживал в Краснодаре, являлся членом Всесоюзного ботанического общества*.

В феврале 1936 г. на вечере памяти Н.А. Добролюбова преподаватель Хвалюн выступил с докладом, в котором указал на преемственность взглядов Добролюбова, Ленина и Сталина [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 3]. Сразу же последовало заявление сотрудника пединститута Чернявского «о политическом извращении» в докладе. Автор доклада высказал мысль, что «была прямая связь и преемственность взглядов Ленина-Сталина с Добролюбовым» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 3]. И.Н. Багов на заседании 9 февраля 1936 г. поддержал Хвалюна, сказав, что «ошибки в его докладе не было» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 3]. Директор сгладил ситуацию и высказал компромиссную оценку: «Надо понимать так, что лучших отзывов о Добролюбове и Чернышевском мы не найдем, как у Маркса и Ленина» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 3].

И.Н. Багов всячески противился тому, чтобы придавать каким-то действиям или увлечениям студентов политический подтекст, пытаясь уберечь их от раздуваемой атмосферы поиска врагов. Так, на первом курсе исторического факультета учился Метенин. На одном из занятий он заявил, что «если можно пользоваться кое-какой литературой Плеханова, то можно пользоваться и Троцким» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 7]. Активисты группы вынесли постановление об исключении Метенина из комсомола. «Собирают нас в кабинет, – вспоминал один из студентов-партийцев Борзенок, – приходят Багов, Лутченко, Братанский и ставят вопрос – за что исключили Метенина и решили, что члены партии в этой группе занялись склокой и исключили его неправильно» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 7].

Другой студент-партиец Мусиенко сообщил, что И.Н. Багов сказал активистам: «Что у вас делается? Если так будет, то я распущу исторический факультет» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 20]. В ответ на просьбу исключить Метенина из комсомола, Ибрагим Нагожевич предложил исключить из партии «эту троечку» (Мусиенко, Дидяева и Борзенка), которая специализировалась на политических доносах [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 20].

Партийный активист Борзенок заметил, что его однокурсник писал что-то в тетрадь [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 7]. Он отнял эту тетрадь, увидел, что «там явно контрреволюция, за что надо сажать» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 7]. Тетрадь передали И.Н. Багову, но никаких мер не последовало, и Борзенок сожалел, что «сам не отдал ее в НКВД» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 7].

Коммунист Хутов, обвиненный в словах – «за Багова вступится вся Адыгея», вынужден был на собрании 16 января 1937 г. выступить против бывшего директора пединститута для подтверждения своей лояльности линии партии. Он не придумал ничего лучшего, как заявить, что «Багов грубо обращался со студентами, что он диктаторствовал в институте» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 22]. «Я, – говорил Хутов, – выступал на закрытом партсобрании о поло-

* URL: https://rosgenea.ru/familiya/rogovskij/page_2 (Дата обращения 20.04.2022).

жении литературного факультета, выступал против Багова, что он не хочет обращать внимание на литфак, перевел его в рабфак, нет научных работников. С этого момента у меня с Баговым не было хороших отношений» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 22].

На «грубость и зверское диктаторство» И.Н. Багова пожаловался на собрании и студент Борзенок. В качестве примера он привел следующий факт: «У т. Дидяева больные ноги, как-то на заседании парткома он поставил ногу на стул, неудобно сидеть, а Багов как закричал на него. Так и меня оборвал» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 7].

По нашему мнению, обвинения в диктаторстве не выдерживают критики. Недоучившийся студент Хутов берется критиковать административные действия директора вуза, не учитывая острую нехватку квалифицированных кадров, ни то, что Ибрагим Нагожевич всячески пытался решить эту проблему, запрашивая специалистов из центра и других регионов страны, старался спасти вузовский преподавательский состав от политической пристрастности сверхбдительных партийцев.

В действительности Ибрагим Нагожевич заботился о студентах. В выступлении И.Н. Багова на заседании парткома пединститута 25 декабря 1935 г. прослеживается отношение директора к заочникам: «Нужно организовать прием приезжающих заочников, потребовав, чтобы каждый из них побывал предварительно в бане. Хорошо организовать прием не только в институте, но и на вокзале. В отношении научных работников, работающих на заочном секторе, приказом утверждены их нагрузки. Не следует перегружать заочников докладами по политмассовой работе. Вопрос о Стахановском движении можно увязать с докладом о целях и задачах сессии и повести его при открытии сессии. Коллективное посещение театра и организацию художественного вечера надо провести обязательно. Провести набор старост, профоргов и парторгов групп на все время» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 24. Л. 79].

В воспоминаниях М.Г. Аутлева, который тогда учился в институте, отмечается, что И.Н. Багов был таким же внимательным и заботливым к студентам, как и его предшественник В.Г. Козырев [Аутлев 2000: 63–64]. Малич Гайсович писал: И.Н. Багов «был мой земляк и даже сосед по аулу. Но я не разу к нему не обращался. За участие в строительстве общежития (сейчас это один из корпусов Кубанского государственного университета) мы все получили в нем места <…> Этим не ограничилось поощрение нашего труда. По приказу директора института Багова И.Н., нам были выделены деньги на путешествие по Черному морю от Новороссийска до Батуми и обратно» [Аутлев 2000: 63–64].

С особой теплотой, по-видимому, И.Н. Багов относился к своим землякам – адыгейской группе студентов института. На партсобрании 16 декабря 1935 г. один из выступающих высказался в том духе, что «т. Багов покровительствует адыгейцам» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 22. Л. 42]. Однако помимо родственных чувств И.Н. Багов руководствовался установками партии на подготовку национальных кадров для адыгейской автономии, поэтому очевидно всячески помогал аульчанам адаптироваться в непривычной для них среде, преодолеть языковые и этнокультурные барьеры. По-видимому, это обстоятельство явилось поводом

для обвинения Багова после ареста в национализме. Педагог-историк Б.И. Черепова говорила на собрании 16 января 1937 г.: «Говорят, что у Багова проявлялся национализм очень резко» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 6].

Студент Хутов на партсобрании 16 декабря 1935 г. заявил, что И.Н. Багов неправильно определял название народа. «При обмене партдокументов – как заполнять в отношении национальности. я говорю – "адыгеец" надо писать, а Багов говорит: "черкес". Спорит со мной. Я доказал, что надо писать "адыгеец", а не "черкес". Поэтому Багов не может быть со мной в хороших отношениях» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 23]. Вопрос о самоназвании жителей Адыгеи во времени и пространстве до сей поры носит дискуссионный характер, и не недоучившемуся студенту Хутову уготовано было поставить последнюю точку в этом вопросе. Для нас важно другое: искреннее и горячее стремление Ибрагима Нагожевича поднять уровень культуры своего народа, обеспечить его профессиональными кадрами.

И.Н. Багов не терпел расхлябанности, лени, бесхозяйственности и очевидно сурово обращался с лодырями и бездельниками, отсюда обвинения в грубости. В постановлении партсобрания 13 апреля 1935 г. говорилось: «Одобрить приказ Директора КПИ об исключении Синельникова из числа студентов КПИ-курсантов подготовительных курсов, как человека, систематически появляющегося в пьяном виде на занятиях и за хулиганство» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 24. Л. 30].

На собрании 3 октября 1936 г. председатель парткома Грицюк говорил: «Нужно больше обратить внимание на общежитие по Октябрьской № 21. Это общежитие сейчас самое главное, чем остальное, несмотря на то что на это общежитие затрачено много средств; уборщицы его не убирают, а прикрепленный т. Гребенник этого не видит. Студенты сами не убирают, к ним тоже нет никаких мер. Приказ директора института тов. Багова (о контроле за общежитием. – О.М.) нужно поддержать не только нам, коммунистам, но и нужно поддержать этот приказ профорганизации и комсомолу» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 31].

Людей нечистых на руку И.Н. Багов не терпел и заставил бояться себя. Комендант общежития пединститута Кушнаренко на разгромном собрании 16 января 1937 г. вспоминал: «Я никогда не трусил, даже перед смертью, (но) как увижу в окошко, что идет комиссия, Багов и Грицюк, то у меня пятки вмерзают. У меня есть приказ Багова: "В 3-хдневный срок под личную ответственность приобрести скатерти и гардины для общежития". Это на 54 комнаты, на 120 окон и 54 стола, минимум 10 тыс. рублей. Денег нет. Т. Горинов ездил в Ростов – не достал, бухгалтер ездил в Москву – не купил. Багов же компрометирует меня перед студентами: "Ты не выполнил мой приказ"» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 5–6].

Большое внимание директор уделял культуре быта студентов. На партийном собрании института 3 октября 1936 г. он говорил: «Ни в одном ВУЗе столько не живет в общежитии и такого количества не выпускает ни одни институт, как будущего воспитателя педагогического поколения, нам нужно прививать культуру. Предложить профкому созвать внеочередной пленум по этому

вопросу и комсомолу тоже сейчас начать эту борьбу за культурность в быту» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 26. Л. 31 об.].

Стараниями И.Н. Багова институт закончил возведение здания общежития для студентов и преподавателей, начатое при В.Г. Козыреве. Заместитель директора института С.С. Горинов говорил: «Благодаря Багову мы построили общежитие, благодаря Багову, его развитости, мы оборудовали, окрасили аудитории» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 42 об.]. Для окончания стройки И.Н. Багов, по-видимому, привлек специалистов, не вписывавшихся своим спросом со строителей в рамки новых идеологических установок. На собрании, состоявшемся после ареста, этот факт был поставлен ему в вину. Представитель Крайкома Хачатурьянц тогда заявил, что «Багов держал кулаков начальниками строительства» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 2]. А студент Пищалкин обвинил требовательного инженера, приглашенного И.Н. Баговым в «издевательствах» над рабочими [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 11]. По-видимому, против Багова ополчились как раз те, кто прикрывал безделье поисками классового врага. Однако для Ибрагима Нагожевича важен был результат: поскорее расселить нуждавшихся в жилье студентов и сотрудников института. Возможно, он действительно не обращал внимание на социальное происхождение тех, кого приглашал руководить строительством, делая ставку прежде всего на профессионализм.

Своей распорядительностью, знаниями и опытом директор Краснодарского педагогического института завоевал большой авторитет среди коллег и руководства города. На собрании парткома 16 января 1937 г. коммунист Пищалкин говорил: «Парторганизация была под большим влиянием Багова, верила его авторитету» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 2 об.]. Грицюк отмечал: «Багов имел большой авторитет в городе, и перед его авторитетом преклонялось бюро райкома» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 3]. С.С. Горинов рассуждал после ареста директора: «Ему настолько был создан авторитет в городе: он и член горкома, член райкома. Когда здесь была Адыгея (до образования Краснодарского края, когда центр Адыгеи находился в Краснодаре. – О.М.), почти каждый день приезжала автомашина, звонят, два три человека из "Красного знамени" сидят возле него. Он работал в Адыгейском обкоме <…>. Ему был такой почет, везде кричали: "Багов, Багов"… и вдруг…» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 9].

И.Н. Багов после ареста
Источник: Ответ 2009

4 января 1937 г. И.Н. Багов был арестован и обвинен в том, что «являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической и диверсионно-вредительской организации, организовал в г. Краснодаре троцкистскую террористическую группу среди студентов и преподавателей педагогического института. Ставил вопрос о необходимости физического уничтожения руководителей ВКП(б)» [Ответ 2009].

16 января 1937 г. партийный комитет Краснодарского пединститута постановил одобрить «решение Пленума Горкома об исключении контрреволюционера троцкиста

Багова. Партком постановляет вывести Багова из членов парткома. Исключить из партии как врагов народа контрреволюционеров Братанского и Рыбина» [ЦДНИКК. Ф. 778. Оп. 1. Д. 27. Л. 3].

Приговором выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 июня 1937 г. И.Н. Багов был приговорен на основании ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор был приведен в исполнение в тот же день в г. Ростове-на-Дону [Ответ 2009].

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 5 июля 1957 г. приговор был отменен, «и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления» [ответ 2009], и Ибрагим Нагожевич Багов был реабилитирован.

На основании анализа материалов уголовного дела видно, что на момент ареста И.Н. Багов «имел семью в составе: мать, 60 лет, сестра, 23 года» [Ответ 2009]. Как сложилась судьба близких родственников Ибрагима Нагожевича еще предстоит выяснить. Известно, что родные его братьев Схатчерия и Гайсы укрылись от репрессий в Чечено-Ингушетии. Сыновья Схатчерия Нагожевича Нурбий, Мурат и Ленби, окончили Грозненский институт нефти и газа. Сын Нурбия Схатчериевича, двоюродный племянник И.Н. Багова, Альбек Нурбиевич Багов в настоящее время – известный хирург, кандидат медицинских наук, заведующий отделением общей хирургии Майкопской городской клинической больницы, врач высшей категории. В 2017 г. был сопредседателем штаба Общероссийского народного фронта в Адыгее, доверенным лицом Президента Российской Федерации В.В. Путина [Лебедева 2017]. Сын Мурата Схатчериевича, Грегори-Саид Муратович Багов является известным российским актером, режиссером, заслуженным артистом Российской Федерации, народным артистом Адыгеи [Яценко 2018].

Младший брат Ибрагима – Гайса Нагожевич Багов был участником Великой Отечественной войны, стал офицером, награжден несколькими орденами, после войны работал министром коммунального хозяйства Чечено-Ингушетии [ААРИГИ Коблев].

Изучение персональной истории Краснодарского педагогического института в лице И.Н. Багова показало целесообразность применения контекстного подхода, когда историческая биография выступает одновременно реконструкцией неповторимой судьбы руководителя ВУЗа 1930-х гг., а также средством познания того исторического социума, в котором он действовал. Из партийных документов, отличающихся крайней идеологизированностью и пристрастностью, было не просто выявить человеческие черты И.Н. Багова, разбираться в оценках людей, скованных страхом и руководствовавшихся как политическими, так и личными мотивами в условиях всеобщей атмосферы подозрительности. Возможно, впоследствии обнаружатся другие источники, в том числе – личного происхождения, которые придадут его портрету целостность и большую объективность. Но уже сейчас очевидно, что Ибрагим Нагожевич Багов разделил со своим народом как светлые страницы его драматической истории, связанные со строительством новой жизни и добрыми ожиданиями, так и тяж-

кие испытания, выпавшие на страну и общество в ту противоречивую эпоху. В успехах, которые добились Кубань и Адыгея в предвоенные годы в деле подготовки квалифицированных специалистов для народного образования и хозяйственной работы, была и немалая частица труда директора И.Н. Багова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ААРИГИ Коблев – Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева. Материалы по истории аула Хакуринохабль, собранные краеведом Байзетом Коблевым.

Аутлев 2000 – *Аутлев М.Г.* Биография моего современника. – Майкоп: Адыгея, 2000. – 694 с.

Володихин 1999 – *Володихин Д.М.* Предисловие // Персональная история / *Под ред. Д.М. Володихина*. М.: Мануфактура, 1999. – 336 с.

Закрытие… 2013 – Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920-е –1930-е годы. Сборник документов / *Сост. Л.В. Табунщикова, А.В. Щадрина, науч. ред. Л.В. Мининкова*. – Ростов-на-Дону, 2013. – 496 с.

Из истории… 2004 – Из истории населенных пунктов Республики Адыгея / *Ред. Гишев Н.Т., Панеш А.Д.; авт. колл.: Гишев Н.Т., Емтыль Р.Х., Бузаров А.К., Каракаев З.Х.* – Майкоп: «Качество», 2004. – Вып. 1. – 184 с.

Кастовский 1935 – *Кастовский А.* Там, где растут кадры (к 10-летию Адыгейского педагогического техникума имени т. Ш. Хакурате). – Краснодар: Адыгпедтехникум, типогр. им. Липинского, 1935. – 26 с.

Ламосова 2015 – *Ламосова Н.В.* Из истории издательского дела в Адыгее (1920–1930-е годы) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / *отв. ред. И.И. Горлова; редкол. Т.В. Коваленко, Н.А. Костина, А.В. Крюков*. – М.; Краснодар: 2015. С. 265–277.

Лебедева 2017 – *Лебедева М.* Каждая операция уникальна // URL: https://sovetskaya-adygeya.ru/2017/08/23/kazhdaya-operatsiya-unikalna/ (Дата обращения 24.03.2022).

Ответ 2009 – Ответ Архива Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю ректору Кубанского Государственного университета М.Б. Астапову от 10.02.2009 г. №1/1/6-17 на запрос о судьбе И.Н. Багова. Личный архив автора.

Панин 2013 – *Панин Е.В.* Коммунистический университет трудящихся Востока // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2. Серия 6. Гуманитарные науки. № 4(18). С. 201–206.

Репина 2010 – *Репина Л.П.* От «Истории одной жизни» к «Персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня / *Под ред. Л.П. Репиной*. – 2-е изд. – М.: Квадрига, 2010. – С. 55–74.

Роговской 1949 – *Роговской П.А.* Теоретический и практический путь великого преобразователя природы И. В. Мичурина. Нальчик: тип. им. Революции 1905 г., 1949. 31 с.

Хуажев 2018 – *Хуажев М.К.* «Расскажи…» // Шахан-Гирей Хакурате: портрет на фоне времени / *Отв. ред. и авт.-сост. К.Г. Ачмиз*. – Майкоп: ООО «Полиграф-Юг», 2018. – С. 233–237.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

Чеучева, Брантова 2014 – *Чеучева А.К., Брантова И.К.* «Абадзехский сказ» и его автор: историописание в контексте культуры адыгов-абадзехов // *Брантов З.-хаджи*. Абадзехский сказ / *Сост., подгот. текст., научн. ред., коммент., авт. вст. ст.: А.К. Чеучева, И.К. Брантова*. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2014. – С. 5–21.

Яценко 2018 – *Яценко Н.* Саид Багов. Свой человек в Адыгее // URL: https://8772.ru/stati/said-bagov-svoi-chelovek-v-adygee.html (Дата обращения 24.03.2022).

REFERENCES

Arhiv Adigeyskogo respublikanskogo instituta gumanitarnih issledovany im. T. Kerasheva. Materiali po istorii aula Hakurinohabl, sobranie Boyzetom Koblevim [Archive of the Adyghe

Republican Institute of Humanitarian Studies named after T. Kerashev. Materials on the history of the village of Hakurinohabl, collected by the local historian by Baiset Koblev] (In Russ.).

AUTLEV M.G. *Biografiya moego sovremtnnika* [The biography of my contemporary]. – Maykop: Adygea, 2000. – 694 s. (In Russ.).

VOLODIHIN D.M. *Predislovie* [Preface]. IN: Personalnaya istoriya / Pod red. D.M. Volodihina. M.: Manufaktura, 1999. – 336 s. (In Russ.).

Zakritie cerkvey I molitvennih zdaniy Donskoy oblasti v 1920-e – 1930-e godi [The closure of churches and prayer buildings of the Don region in the 1920s-1930s.]. Sbornik dokumentov / sost. L.V. Tabunshchikova, A.V. Signrin, naucn. red. L.V. Mininkova. – Rostov-on-Don, 2013 . – 496 s. (In Russ.).

Iz istorii naselennih punktov Respubliki Adigeya / Red. Gishev N.T., Panesh A.D.; aut. Coll.: Gishev N.T., Emtyl R.Kh., Buzarov A.K., Karakaev Z.Kh. – Maykop: «Kachestvoy», 2004. – Vip. 1. – 184 s. [From the history of the settlements of the Republic of Adygea / *Ed. Gishev N.T., Panesh A.D.; aut. Coll.: Gishev N.T., Emtyl R.Kh., Buzarov A.K., Karakaev Z.Kh*.– Maykop: «Quality», 2004. – Issue. 1. – 184 p. (In Russ.).

KASTOVSKY K. *Tam, gde rastut kadri (k 10-letiyu Adigeyskogo pedagogicheskogo tehnikuma im. Sh. Hakurate* [Where are the frames grow (on the 10th anniversary of the Adyghe pedagogical college named after T. Sh. Khakurat)]. – Krasnodar: Adygpedtehnikum, tipogr. Im. Lipinskogo, 1935. – 26 s. (In Russ.).

LAMOSOVA N.V. *Iz istorii izdatelskogo dela v Adigeye (1920–1930 godi)* [From the history of publishing in Adygea (1920–1930s)]. IN: Kulturnoe nasledie Stvernogo Kavkaza kak resurs mezhnacionalnogo soglasiya / Otv. red. I.I. Gorlova; red. T.V. Kovalenko, N.A. Kostina, A.V. Kryukov. – M.; Krasnodar: 2015. – S. 265–277. (In Russ.).

LEBEDEVA M. *Kagdaya operaciya unikalna* [Each operation is unique]. IN: URl: https://sovetskaya-adygea.ru/2017/08/23/kazhdaya-opratsiya-unikalna/ (data poseshenia 24.03.2022). (In Russ.).

Otvet Arhiva upravlenia FSB po Krasnodarskomu krayu rektoru Kubanskogo Gosudarstvennogo niversiteta M.B. Astapovu ot 10.02.2009 № 1/1/6-17 o sudbe I.N. Bagov. [The response of the Archive of the FSB of the Russian Federation in the Krasnodar Territory rector of Kuban State University M.B. Astapov dated 10.02.2009 No. 1/1/6-17 for a request for the fate of I.N. Bagov]. (In Russ.).

PANIN E.V. *Kommunistichesky universitet trudyashihsya Vostoka* [Communist University of Workers of the East]. IN: Izvestia MSTU «Mami». 2013. T. 2. Series 6. Humanities. No. 4 (18). S. 201–206. (In Russ.).

REPINA L.P. *Ot «Istorii odnoy gizni» k «Personalnoy istorii»* [From the «History of one Life» to «Personal History»]. IN: Istoria cherez lichnost: Istoricheskaya biografia segodnya / Pod red. L.P. Repinoy. – 2-e izd. – M.: Kvadriga, 2010. – S. 55–74. (In Russ.).

ROGOVSKOY P.A. *Teoreticheskiy I prakticheskiy put velikogo preobrazovatelya prirodi I.V. Michurina* [The theoretical and practical path of the great converter of nature I.V. Michurin]. – Nalchik: Type. im. Revolucii 1905 goda, 1949. – 31 s. (In Russ.).

KHUAZHEV M.K. *«Rasskagi…»* [«Tell me ...»]. IN: Shahan-Girey Hakurate: Portret na fone epohi / pod red. K.G. Achmiz. – Maykop: OOO Polygraph-Ug, 2018. – S. 233–237. (In Russ.).

Centr dokumentacii novryshey istorii Krasnodarskogo kraya [The Center for the documentation of the latest history of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

CHEUCHEVA A.K., BRANTOVA I.K. *«Abadzehski skaz» I ego avtor: istoriopisanie v kontekste kulturi adigov-abadzehov* [«Abadzekh's fairy tale» and its author: historiography in the context of the Culture of the Adygs-Abadzekhs] // Brantov Z.-haji. Abadzeskhi skaz / sost., prep. text., Scientific. Ed., Comment., Auth. Str. st.: A.K. Chechen, I.K. Brantov. – Maykop: OJSC Polygraph-South, 2014.-S. 5–21. (In Russ.).

YATSENKO N. *Said Bagov. Svoy chelovek v Adigee* [Said Bagov. His person in Adygea]. IN: URL: https://8772.ru/stati/said-bagov-svoi-chelovek-v-dygee.html (data obrasheniya 03.24.2022). (In Russ.).

Информация об авторе
О.В. Матвеев – доктор исторических наук.
Information about the author
O.V. Matveev – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 01.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 18.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.
The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-200-220
EDN: INEPMT

СОТРУДНИЧЕСТВО КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ С ЧЕРКЕССКОЙ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЗАРУБЕЖНЫМИ ДИАСПОРАМИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Анзор Викторович Кушхабиев
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anzor-vk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4618-2148

Аннотация. Выявлено, что в конце XX – начале XXI в. внешнеполитическая и внешнеэкономическая структуры КБР (МВС КБР, КВЭС КБР) и Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации «Родина» по связям с соотечественниками за рубежом (КБОМАР) осуществляли сотрудничество с органами государственной власти стран проживания черкесской и карачаево-балкарской диаспор (Турция, Иордания, Сирия и др.) и с неправительственными организациями (НПО) этих диаспор в сферах экономики, культуры, образования, науки, спорта и др. Сущность идеологической работы МВС КБР и КБОМАР заключалась в информационно-разъяснительной работе о реформах в РФ и миролюбивой внешней политике государства. Между властными структурами КБР и стран проживания соотечественников был заключен ряд договоров и соглашений. В республике были открыты десятки компаний зарубежных соотечественников (ЗС) и совместных предприятий с их компаниями. Но сотрудничество КБР с ЗС в сфере экономики не получило широкого развития в связи с нестабильной социально-политической и экономической ситуацией в Северо-Кавказском регионе и отсутствием гарантий безопасности иностранной собственности. Деятельность МВС КБР, КВЭС КБР и КБОМАР (организация сотрудничества со странами проживания черкесской и карачаево-балкарской диаспор и с НПО этих диаспор в вышеуказанных сферах; идеологическая работа с ЗС; поставки ЗС печатных, видео- и аудиоматериалов; трансляции радиопередач на черкесские диаспоры в странах Ближнего Востока; организация отдыха детей ЗС в детских лагерях республики; обучение молодежи ЗС в вузах КБР), осуществлявшаяся во взаимодействии с органами государственной власти РФ, в целом, была эффективной: в значительной степени способствовала сохранению этнокультурной специфики черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор, изучению немалым числом ЗС русского языка и русской культуры, росту среди них пророссийских настроений. Сотрудничество КБР со странами проживания ЗС, преимущественно с Иорданией, Сирией и Турцией способствовало укреплению и развитию дружественных отношений РФ с этими странами.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, черкесская и карачаево-балкарская зарубежные диаспоры, сотрудничество, неправительственные организации, дружественные отношения

Для цитирования: Кушхабиев А.В. Сотрудничество Кабардино-Балкарии с черкесской и карачаево-балкарской зарубежными диаспорами в конце XX – начале XXI века // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 200-220. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-200-220. – EDN: INEPMT.

© Кушхабиев А.В., 2022

Original article

THE COOPERATION OF KABARDINO-BALKARIAWITH THE CIRCASSIAN AND KARACHAY-BALKARIAN FOREIGN DIASPORAS AT THE END OF THE 20TH AND BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Anzor V. Kushkhabiev
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, anzor-vk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4618-2148

Abstract. This papers reveals that the end of the 20th and beginning of the 21st century foreign policy and foreign economic structures of the KBR (MFR KBR, KFEC KBR) and the Kabardino-Balkarian branch of the International Association «Rodina» for relations with compatriots abroad (KBBIAR) cooperated with the state country authorities of the Circassian residence and Karachay-Balkarian diasporas (Turkey, Jordan, Syria, etc.) and with non-governmental organizations (NGOs) of these diasporas in the economical, cultural, educational, scientific, sport, and other areas. The essence of the ideological work of the KBR MFR and KBBIAR was the informing and explanatory work on reforms in the Russian Federation and the peaceful foreign policy of the state. A number of treaties and agreements were concluded between the authorities of the KBR and the countries of compatriots residence. Dozens of foreign compatriots companies (FC) and joint ventures with their companies were opened in the republic. But cooperation between the KBR and the FC in the economic sphere has not been broadly developed due to the unstable socio-political and economic situation in the North Caucasus region and the lack of guarantees for the security of foreign property. The activities of the MFR KBR, KVEC KBR and KBBIAR (organization of cooperation with the countries of residence of the Circassian and Karachay-Balkar diasporas and with NGOs of these diasporas in the above spheres; ideological work with the FC; supplying to FC printed, video and audio materials; broadcasting radio programs to the Circassian diasporas in the countries of the Middle East; organization of recreation for FC children in the republic's children's camps; train educating of FC youth in the universities of the KBR), carried out in cooperation with the state authorities of the Russian Federation, was generally effective: it largely contributed to the preservation of the ethno-cultural specifics of the Circassian and Karachay-Balkarian foreign diasporas, the study of the Russian language and Russian culture by a considerable number of FC, the growth of pro-Russian position among them. The cooperation of the KBR with the countries of FC residence, mainly with Jordan, Syria and Turkey, contributed to the strengthening and development of friendly relations between the Russian Federation and these countries.

Key words: Kabardino-Balkaria, Circassian and Karachay-Balkarian foreign diasporas, cooperation, non-governmental organizations, friendly relations

For citation: Kushkhabiev A.V. The cooperation of Kabardino-Balkaria with the Circassian and Karachay-Balkarian foreign diasporas at the end of the 20th and beginning of the 21st century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 200-220. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-200-220. – EDN: INEPMT.

© Kushkhabiev A.V., 2022

Введение

В наши дни зарубежная черкесская диаспора рассредоточена более чем в 50 странах мира: в странах Ближнего Востока, Северной Африки, Западной Европы, в Соединенных Штатах Америки, в странах СНГ и др. Численность зарубежной черкесской диаспоры составляет приблизительно 4 млн человек, преобладающая часть которой находится в Турции – свыше 3,5 млн чел., в Иордании

– около 80 тыс. чел., и Сирии – около 50 тыс. чел. (до начала Гражданской войны в Сирии в 2011 г. численность черкесской диаспоры составляла около 100 тыс. чел.) [Кушхабиев 2013: 8, 40, 53, 58, 62, 65, 69]. В некоторых странах черкесами ошибочно называют и представителей других северокавказских диаспор. Это обусловлено тем, что преобладающую часть северокавказских диаспор составляют собственно черкесы (адыги). Представители черкесской диаспоры со времени ее образования предпринимали попытки к установлению связей с исторической родиной, которые стали возможными только во 2-й половине XX в. [Кушхабиев 2022: 129-131].

Карачаево-балкарская зарубежная диаспора также рассредоточена в указанных регионах. Ее численность составляет свыше 40 тыс. человек, в том числе в Турции – около 25 тыс. чел., в странах Европы – свыше 3 тыс. чел., в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане – свыше 6 тыс. чел. [Тетуев 2016: 175].

В постсоветский период поддержка зарубежных соотечественников и развитие сотрудничества с зарубежными диаспорами народов РФ, в том числе и северокавказскими, являлась составляющей внешней политики Российской Федерации. В этой связи исследование опыта сотрудничества органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского отделения Международной Ассоциации «Родина» по связям с соотечественниками за рубежом (Ассоциация «Родина», далее – КБОМАР) с неправительственными организациями (далее – НПО) черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор в конце XX – начале XXI в. имеет важное фундаментальное и прикладное значение.

Изучение сотрудничества КБР с НПО черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор в конце XX – начале XXI в. прежде не являлось предметом специального исследования. Краткая история и некоторые аспекты настоящей темы рассматривались в исследованиях А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 2006; Кушхабиев 2007; Кушхабиев 2008; Кушхабиев 2013], А.И. Тетуева [Тетуев 2016], Д.Ф. Максидовой [Максидова 2011] и др.

Статья подготовлена на основе анализа документов Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ АС КБР), Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР (УЦГА АС КБР) – в основном делопроизводственной документации, материалов периодической печати и материалов личного архива автора.

Деятельность Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом в эпоху социализма

В 1966-1991 гг. в Кабардино-Балкарии сотрудничество с зарубежными соотечественниками осуществляла единственная общественная организация – Кабардино-Балкарское отделение Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом (далее – КБО). Основной функцией и целью КБО являлась пропаганда советской социалистической идеологии в зарубежной черкесской диаспоре, работа по максимальному увеличению среди зарубежных черкесов сторонников СССР и приверженцев социалистического строя, по не-

допущению среди них роста численности сторонников США. В период перестройки (1985-1991) работа КБО заключалась в разъяснении зарубежным соотечественникам сущности реформ в СССР и привлечении инвесторов из их числа [Кушхабиев 2022: 131-133].

Для достижения своей главной цели КБО наладило и развивало сотрудничество с НПО зарубежных черкесских диаспор в сферах культуры, образования и туризма. В связи с тем, что в Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областях не было структур, осуществляющих сотрудничество с зарубежными соотечественниками, органы государственной власти этих автономий проводили работу в данной сфере через КБО. В 1966-1970 гг. КБО установило официальные связи с Черкесскими благотворительными обществами (далее – ЧБО) Сирии и Иордании. Связи также были установлены с представителями черкесских диаспор в Ливане, Кувейте, Франции, ФРГ и Турции. В 1991 г. КБО заключило договоры о сотрудничестве с представителями Обществ культуры народов Северного Кавказа в Турции и Черкесским благотворительным обществом в Нью-Джерси (США) [Кушхабиев 2022: 132; Протокол... 1991; Договор... 1991].

Деятельность и методы, использовавшиеся КБО, оказались довольно эффективными: в зарубежных черкесских диаспорах возрастал удельный вес сторонников СССР, лиц, поддерживающих связи с организациями и гражданами автономий Северного Кавказа, членов компартий, молодежных демократических организаций, Партии арабского социалистического возрождения. Деятельность КБО способствовала укреплению дружественных отношений СССР со странами проживания соотечественников, преимущественно, с Иорданией и Сирией. Контакты (обмены делегациями и туристическими группами, обучение молодежи зарубежных соотечественников в вузах КБАССР, организация отдыха детей зарубежных соотечественников в пионерских лагерях и санаториях республики, систематическая переписка КБО и жителей республики с зарубежными соотечественниками) представителей зарубежных черкесских диаспор с исторической родиной, поставки зарубежным соотечественникам печатных, видео и аудио материалов, трансляции радиопередач на черкесские диаспоры в странах Ближнего Востока осуществлялись, в основном на черкесском языке, что в значительной степени способствовало сохранению этнокультурной специфики зарубежных черкесских диаспор. Сотрудничество КБО с НПО зарубежных соотечественников также способствовало изучению немалым их числом русского языка, русской и советской культуры [Кушхабиев 2022: 141].

Основные направления деятельности внешнеполитической и внешнеэкономической структур КБР и Кабардино-Балкарского отделения Международной Ассоциации «Родина» по связям с соотечественниками за рубежом (Ассоциация «Родина») в конце XX – начале XXI в.

Сотрудничество Кабардино-Балкарии со странами проживания соотечественников в конце XX – начале XXI в. После распада СССР в 1991 г. регионам РФ, в том числе и республикам Северного Кавказа, было предоставлено право на сотрудничество с зарубежными государствами в разных сферах (экономика,

торговля, культура, образование, наука, спорт и др.). Сотрудничество Кабардино-Балкарии с зарубежными государствами и, прежде всего, со странами компактного проживания соотечественников, стало осуществляться на новом – межгосударственном уровне. Для этого на основании решения Верховного Совета КБР и Постановления Кабинета Министров КБР (от 29.04.1992 г.) было создано Министерство внешних сношений и по делам национальностей КБР. Функцией министерства стала разработка и обеспечение проведения в жизнь внешней и национальной политики КБР. Позднее Министерство внешних сношений и по делам национальностей КБР было упразднено и создано Министерство иностранных дел КБР (Постановление ВС КБР от 09.04.1993 г.). Затем Министерство иностранных дел КБР было преобразовано в Министерство внешних связей КБР (Указ президента КБР В.М. Кокова от 31.01.1995 г. и Постановление Кабинета Министров КБР № 142 от 22.06.1995 г.). Для регулярной работы с зарубежными соотечественниками в составе Министерства внешних связей КБР (далее – МВС КБР) была создана Служба по связям с зарубежными соотечественниками [Указы... 1992: 1, 2; Годовые... 1998]. МВС КБР было упразднено в феврале 2002 г.

Руководство Российской Федерации продолжало проводить курс по развитию сотрудничества и поддержке зарубежных соотечественников. В январе 1992 г. Советская Ассоциация (прежде Общество «Родина») по связям с соотечественниками за рубежом была преобразована в Международную Ассоциацию «Родина» по связям с соотечественниками за рубежом (Ассоциация «Родина»).

В Кабардино-Балкарии сотрудничество с НПО зарубежных соотечественников продолжало осуществлять Кабардино-Балкарское отделение Советской Ассоциации «Родина», которое в марте 1992 г. было преобразовано в Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации «Родина» по связям с соотечественниками за рубежом (Ассоциация «Родина») [Устав... 1992: 102-106]. В 2000-2006 г. КБОМАР являлось отделом Министерства культуры КБР, в 2006 г. ее деятельность была прекращена.

С 1992 г. основным направлением деятельности КБОМАР, как и в эпоху социализма, являлось сотрудничество (а реально оказание поддержки) с НПО зарубежных черкесской и карачаево-балкарской диаспор в сферах культуры, образования, науки и спорта, содействие в решении проблем репатриации соотечественников, а также привлечение инвесторов среди зарубежных соотечественников. Сущность идеологической работы КБОМАР, как и МВС КБР заключалась в информационно-разъяснительной работе о реформах в РФ и миролюбивой внешней политике государства. В советскую эпоху КБО поддерживало связи с карачаево-балкарскими диаспорами через черкесские НПО в Сирии и Турции. В 1992 г. КБОМАР установило официальные связи с Карачаевским культурным центром в г. Конье (Турция) [Отчет... 1992].

В 1992 г. Министерство внешних сношений КБР направило информативные письма чрезвычайным и полномочным послам государств проживания черкесской и карачаево-балкарской диаспор (Иордания, Сирия, Турция, ФРГ, США и др.). После этих писем КБР посетили официальные лица и делегации внешнеполитических ведомств некоторых государств. Их принимали высшие

должностные лица КБР, руководители некоторых министерств и ведомств. В ходе официальных встреч обсуждались вопросы двустороннего сотрудничества в области экономики, образования, культуры, науки, спорта, туризма и др. Принимались решения о расширении двусторонних связей. В частности, в июле 1992 г. в г. Нальчике чрезвычайного и полномочного посла Иорданского Хашимитского Королевства в РФ Мухаммеда Аль-Адуана принимал Председатель Верховного Совета КБР Х.М. Кармоков и другие официальные лица республики [Годовые... 1997: 6-8].

В июле 1996 г. Кабардино-Балкарию с неофициальным визитом посетил принц Иорданского Хашимитского королевства Али ибн Хусейн. С ним находился постоянный представитель КБР при Президенте РФ В.Ж. Мастафов. Принца принимали Президент КБР В.М. Коков, вице-президент КБР Г.С. Губин, министр внешних связей А.Г. Емузов, Председатель Совета Республики Парламента КБР З.А. Нахушев, глава администрации г. Нальчика М.М. Шогенов и др. [На кабардинском... 1996: 1; Президент республики... 1996: 1]. Визит принца Иордании продемонстрировал дружественные отношения Иордании с Россией и Кабардино-Балкарией.

Особую заинтересованность в развитии дружественных отношений Иордании с Россией и Кабардино-Балкарией отмечали члены делегации Министерства образования и научных исследований Иордании во главе с принцессой Иорданского Хашимитского королевства Уиждан Али Бен Наиф, посетившей республику 27 июля 2004 г. В составе делегации находились ректор университета Иордании Абдулла Аль-Муса и глава ЧБО Шакиб Абзах. Иорданскую делегацию принимали Председатель Правительства КБР Г.С. Губин, министр культуры КБР М.Х. Балкизов и министр образования и науки КБР А.А. Шогенов. На встрече обсуждались вопросы развития сотрудничества Кабардино-Балкарии и Иордании в разных сферах. Также был подписан договор о сотрудничестве между КБГУ и университетом Иордании [Г. Губин... 2004: Шамакина 2004].

В рассматриваемый период делегации органов государственной власти КБР регулярно посещали страны проживания соотечественников (Турция, Сирия, Иордания и др.). Их принимали руководители министерств и ведомств этих стран, при участии чрезвычайных и полномочных послов РФ. Официальные делегации КБР обсуждали с представителями властных структур стран проживания соотечественников вопросы развития двусторонних отношений, подписывали соглашения о сотрудничестве в разных сферах (экономика, культура, спорт и др.). В частности, в марте 1993 г. состоялся официальный визит делегации КБР в Турецкую Республику. Делегация была принята министром иностранных дел Турции Хикметом Четином при участии чрезвычайного и полномочного посла РФ в Турции А.С. Чернышова. Делегация КБР подписала соглашения о сотрудничестве с Союзом торговых и промышленных палат Турции, а также с биржей Турции и Стамбульской торговой палатой [Отчет... 1994а: 53].

Между органами государственной власти КБР и органами государственной власти стран проживания соотечественников действовала дипломатическая переписка. МВС КБР в рамках соблюдения государственного протокола регулярно направляло в соответствующие инстанции этих стран официальные письма орга-

нов государственной власти КБР, ноты с поздравлениями по случаю национальных праздников и т. п. [Отчет... 1994а: 56]. От руководителей властных структур стран проживания соотечественников также поступали аналогичные официальные письма на имя руководителей органов государственной власти КБР.

Важным этапом в отношениях Кабардино-Балкарии со странами проживания соотечественников стало заключение договоров о сотрудничестве с органами государственной власти и городами Турции, Иордании и Сирии. Еще 9 июля 1991 г. был подписан «Договор по культурному обмену» между Министерством культуры КБССР и Министерством культуры САР, предусматривавший организацию обменов гастролями профессиональных и самодеятельных народных ансамблей в фестивальных мероприятиях, проводимых в КБССР и САР. Согласно этому договору, также планировалось проведение выставок работ художников, мастеров прикладного искусства и др. [Договор... 1991а: 2].

4 сентября 1993 г. был подписан Договор о сотрудничестве между Министерством культуры КБР и Министерством культуры САР, согласно которому, предусматривалось проведение один раз в год недели САР в КБР и недели КБР в САР, в ходе которых планировались различные культурные мероприятия (выставки, концерты и др.). Договор также предусматривал обмены между сторонами фольклорными, театральными и другими группами, обмены преподавателями, деятелями искусств и др. [Договор... 1991а: 3].

При посредничестве черкесской диаспоры вилайета Турции Кайсери 9 июля 1993 г. председатель муниципалитета г. Кайсери и глава администрации г. Нальчика подписали «Договор о дружбе и сотрудничестве» в сферах экономики, культуры, здравоохранения, образования, спорта, туризма и альпинизма. Также было подписано соглашение о побратимстве г. Нальчика и г. Кайсери [Кушхабиев 2007: 125]. В рамках этого договора в конце XX – начале XXI в. регулярно осуществлялись обмены делегациями между двумя городами. Администрации двух городов, прежде всего, стали оказывать содействие предпринимателям в организации сотрудничества в сферах экономики и спорта. Деятели культуры и искусств КБР стали принимать участие в фестивалях адыгской культуры, ежегодно проводившихся в г. Кайсери.

При посредничестве ЧБО Иордании 19 августа 1994 г. мэр г. Аммана и глава администрации г. Нальчика подписали «Договор о дружбе и сотрудничестве» между г. Нальчиком и г. Амманом в сферах экономики, образования, науки, культуры, здравоохранения и спорта. Также было заключено соглашение о побратимстве г. Нальчика и г. Аммана [Договор... 1994; Кушхабиев 2007: 180]. На основании заключенного договора, компании и предприниматели Кабардино-Балкарии и Иордании, налаживавшие сотрудничество, получали поддержку администраций двух городов.

В соответствии с распоряжениями Правительства РФ, утвердившими программы работы с соотечественниками за рубежом на 2002-2005, 2006-2008, 2009-2011 и 2012-2015 гг., Правительство КБР приняло нормативные акты (2002, 2006, 2009, 2012 гг.), утвердившие республиканские планы мероприятий по поддержке соотечественников за рубежом. В этих распоряжениях и постановлениях Правительства КБР утверждены основные мероприятия по поддерж-

ке соотечественников за рубежом на трехлетние периоды, созданы правительственные комиссии по делам зарубежных соотечественников и репатриантов. В этих документах предусматривается: развитие связей с зарубежными соотечественниками в разных сферах; оказание им содействия в подготовке документов, необходимых для получения гражданства РФ и вида на жительство, и т. п. [Кушхабиев 2013: 181, 182].

Обмены Кабардино-Балкарии официальными делегациями с неправительственными организациями черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор. На основе заключенных договоров и соглашений МВС КБР и КБОМАР организовывали ежегодные обмены официальными делегациями между органами государственной власти КБР и НПО черкесской и карачаево-балкарской диаспор в Турции, Иордании, Сирии, Германии, Голландии, США. Делегации от зарубежных черкесских и карачаево-балкарских диаспор, посещавшие КБР, знакомились с экономической и культурной жизнью республики. Членов делегаций регулярно принимали высшие должностные лица КБР, руководители некоторых министерств и ведомств, ректоры вузов республики и др. Членов делегаций информировали о масштабных реформах в РФ, о внутренней и внешней политике РФ, о социально-политической ситуации в КБР и др. Особое внимание уделялось разъяснению членам делегаций политики руководства КБР, направленной на сохранение мира и стабильности на юге страны, на укрепление Российского государства и сохранение единства КБР, на социальную поддержку жителей республики. Членов делегаций информировали о предпринимаемых органами государственной власти РФ мерах по урегулированию военных конфликтов на Северном Кавказе. Как и в Советскую эпоху, органы государственной власти республики организовывали для членов делегаций посещение районов республики, промышленных предприятий, медицинских учреждений, учреждений и объектов рекреационной сферы, туризма и альпинизма, учреждений образования, науки, культуры и спорта. Гостям оказывали поддержку в вопросах, связанных с визовым оформлением, с бронированием авиабилетов и др. Членам делегаций, желавшим наладить сотрудничество с предприятиями республики, оказывали содействие в данном вопросе. Президиум КБОМАР регулярно проводил совместные заседания с делегациями от НПО зарубежных соотечественников, на которых обсуждались проблемы и перспективы их сотрудничества, проблемы получения соотечественниками российского гражданства и др. Визиты делегаций НПО зарубежных соотечественников, как и официальные визиты представителей властных структур стран проживания соотечественников, систематически освещались в СМИ республики. В 1992-1996 гг. КБР посетили 16 делегаций от НПО зарубежных соотечественников из 5 стран [Справка... 1992: 1, 2; Отчет... 1994: 1; Информация... 1996: 1, 2].

В рассматриваемый период делегации от НПО и вузов стран проживания соотечественников регулярно посещали вузы КБР. На встречах делегатов с ректорами и представителями администраций вузов КБР обсуждались перспективы сотрудничества, возможности увеличения количества студентов от НПО зарубежных соотечественников и т. п.

Следует также указать, что в 1990-е гг. Кабардино-Балкарию в частном порядке ежегодно посещали около 200 зарубежных соотечественников. Большинство из них обращались в КБОМАР и МВС КБР за помощью в решении различных вопросов и получали необходимую поддержку. С ними также проводилась информационно-разъяснительная работа [Информация... 1996: 3]. В 1997 г. численность соотечественников, посетивших КБР в составе делегаций и в частном порядке, составила 365 человек [Годовые... 1998: 33].

В 1992-2006 гг. МВС КБР и КБОМАР во взаимодействии с другими министерствами и ведомствами республики ежегодно направляли в страны проживания соотечественников свыше 50 представителей республики: официальные делегации, деятелей культуры и искусств, сотрудников учреждений образования, науки, спорта и др. В 1992-1996 гг. Иорданию, Сирию, Турцию, Германию и США посетили 11 официальных делегаций КБР. Представители КБР посещали НПО черкесских и карачаево-балкарских диаспор в Турции, Иордании, Сирии и других стран. Они проводили среди зарубежных соотечественников информационно-разъяснительную работу. Делегации КБР, посещавшие Иорданию, Сирию и Турцию, были приняты депутатами парламентов, руководителями министерств и ведомств этих стран. Некоторые делегации КБР принимал король Иордании Хусейн ибн Талал [Информация... 1992; Информация... 1996: 2; Информация... 1997].

Следует отметить, что в 1990-е гг. зарубежные северокавказские диаспоры не обладали объективной информацией о социально-экономической и политической ситуации в России и, в частности на Северном Кавказе. Члены делегаций от зарубежных черкесских и карачаево-балкарских диаспор, посещавшие КБР и другие регионы РФ, а также соотечественники, принимавшие участие во встречах с представителями КБР в НПО черкесских и карачаево-балкарских диаспор, получали объективную информацию о ситуации в стране, что меняло их представления о России, способствовало росту среди них пророссийских настроений.

Сотрудничество Кабардино-Балкарии со странами проживания соотечественников в сфере экономики. После распада СССР руководство КБР во взаимодействии с федеральными органами власти стало налаживать торгово-экономические связи с некоторыми государствами и, прежде всего, со странами компактного проживания соотечественников – с Турцией, Сирией, Иорданией, Германией и США. Развитие торгово-экономических связей и, в частности, привлечение зарубежных инвестиций, рассматривались как один из методов преодоления кризиса в экономике республики.

Для этого на базе Управления внешнеэкономических связей Министерства экономики КБР был образован Комитет по внешним экономическим связям КБР (Постановление Кабинета Министров КБР от 24.05.1993 г. № 100; далее – КВЭС КБР). В 1995 г. КВЭС КБР был упразднен и введен в состав МВС КБР в статусе Управления внешнеэкономических связей (Указ Президента КБР от 31.01.95 г.; далее – внешнеэкономическое ведомство КБР).

Внешнеэкономическое ведомство КБР проводило работу по привлечению в республику инвестиций из-за рубежа, по созданию совместных предприятий.

Оно оказывало содействие иностранным предпринимателям, в том числе и зарубежным соотечественникам в открытии компаний в республике, в организации и заключении договоров о торговом сотрудничестве зарубежных компаний и предпринимателей с предприятиями КБР. В рассматриваемый период десятки иностранных компаний и предпринимателей, в том числе и предпринимателей-соотечественников, заключили договоры и соглашения о сотрудничестве с внешнеэкономическим ведомством и предприятиями КБР, открыли в республике свои фирмы и совместные предприятия [Отчет... 1994а: 20-31; Годовые... 1998: 42-58].

Тем не менее, сотрудничество предприятий КБР с предпринимателями-соотечественниками не получило широкого развития. Многие предприниматели-соотечественники стремились наладить сотрудничество с предприятиями на исторической родине, но в большинстве случаев отказывались от своих намерений. Они мотивировали свои отказы нестабильной социально-политической и экономической ситуацией в Северо-Кавказском регионе и отсутствием гарантий безопасности иностранной собственности.

Сотрудничество Кабардино-Балкарии с черкесской и карачаево-балкарской зарубежными диаспорами в сфере культуры. В рамках заключенных договоров и соглашений в сфере культуры, ежегодно в страны проживания соотечественников выезжали с концертами танцевальные ансамбли и исполнители адыгских народных песен Кабардино-Балкарии. Их концерты пользовались популярностью не только среди черкесской диаспоры, но и других народов. Особое значение в процессе развития сотрудничества КБР с Иорданией в сфере культуры имели концерты Государственного академического ансамбля танца «Кабардинка» (декабрь 1996 – январь 1997 г.), посетившего Иорданию по приглашению короля Иордании Хусейна ибн Талала по случаю дня рождения принца Али ибн Хусейна. Кроме выступлений в концертных залах танцоры Кабардинки и исполнявший обязанности председателя КБОМАР К.К. Эфендиев в течение 20 дней проводили информационно-разъяснительную работу среди черкесской диаспоры; информировали соотечественников о ситуации в РФ, на Северном Кавказе и в КБР. К.К. Эфендиев был принят королем Хусейном ибн Талалом [Информация... 1997].

Танцевальные ансамбли и исполнители балкарских народных песен КБР с 1995 г. стали регулярно принимать участие в праздниках, организуемых общественным объединением карачаево-балкарской диаспоры в Турции. Особой популярностью в праздничных мероприятиях пользовался фольклорно-этнографический ансамбль «Балкария». С 1997 г. балкарские творческие коллективы стали принимать участие во Всемирном фестивале фольклорно-этнографических коллективов тюркоязычных народов, ежегодно проводимых в Турции [Тетуев 2016: 133-135].

Представители танцевальных ансамблей и исполнители адыгских и карачаево-балкарских народных песен НПО черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор стали принимать участие в праздничных мероприятиях в КБР (фестивали и др.). НПО черкесской и карачаево-балкарской диаспор в

Турции и арабских странах стали публиковать произведения писателей и поэтов КБР (на турецком и арабском языках).

Поставки неправительственным организациям черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор печатных, видео- и аудиоматериалов. КБОМАР продолжало организовывать поставки НПО черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор школьных учебников, художественной литературы, периодических изданий, аудио- и видеоматериалов (документальные фильмы, записи песенного и музыкального искусства, фотоальбомы) на черкесском (кабардино-черкесском, адыгейском), карачаево-балкарском и русском языках. Данные материалы активно использовались соотечественниками в процессе изучения грамматики родных и русского языка. Поставки материалов осуществлялись через российские посольства в странах проживания соотечественников, через официальные делегации и студентов-соотечественников. Наибольшим спросом среди зарубежных соотечественников пользовались периодические издания: на кабардино-черкесском языке – газета «Адыгэ псалъэ» («Адыгский голос»), журналы «Іуащхьэмахуэ» («Эльбрус»), «Нур» («Свет» – детский журнал); на карачаево-балкарском языке – газета «Заман», журналы «Минги тау» («Эльбрус») и «Нюр» («Свет» – детский журнал), в которых опубликованы материалы о социально-экономической и политической ситуации в РФ и КБР, о культурной жизни в КБР и других республиках Северного Кавказа. В конце XX – начале XXI в. зарубежные черкесы, балкарцы и карачаевцы стремились изучать грамматику родных языков. Они также стремились изучать русский язык и русскую культуру, в связи с чем НПО зарубежных черкесских и карачаево-балкарских диаспор ежегодно обращались к КБОМАР с просьбами о присылке указанных материалов [Справка... 1992: 3; Отчет... 1994: 3].

В 1992-1996 гг. КБОМАР отправило НПО зарубежных черкесских и карачаево-балкарских диаспор свыше 3 тыс. учебников родных языков и указанных журналов [Информация... 1996: 3].

Организация трансляций радиопередач на черкесские диаспоры в странах Ближнего Востока. С 1966 по 1980 г. КБО при поддержке Всесоюзной радиостанции «Родина», Комитета по радиовещанию и телевидению КБАССР, арабского отдела Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР осуществляло трансляции радиопередач на регионы проживания черкесов в странах Ближнего Востока. Транслировались передачи на арабском (30 мин. в неделю) и кабардино-черкесском (30 мин. в месяц) языках. Эти передачи являлись одним из эффективных методов пропагандистской работы КБО [Кушхабиев 2022: 137, 138].

На протяжении 1980-х гг. не осуществлялось трансляций радиопередач для зарубежной черкесской диаспоры. В январе 1990 г. Комитетом по телевидению и радиовещанию Кабардино-Балкарской АССР при участии Комитета по телевидению и радиовещанию Адыгейской АО было восстановлено радиовещание передач на черкесском (кабардино-черкесском и адыгейском) языке на страны Ближнего Востока (Турция, Сирия, Иордания) [Кушхабиев 2007: 164]. При этом было увеличено количество часов радиовещания на территории указанных стран до двух дней в неделю (по средам и воскресеньям). Радиопередачи для

зарубежной черкесской диаспоры в большей степени носили информационно-просветительский характер. Они были посвящены, в основном, истории и культуре адыгского народа. Также транслировались новости экономики, политики, культуры Кабардино-Балкарии, других республик Северного Кавказа и Российской Федерации. В передачах сообщалась информация об обучении и условиях поступления в вузы КБР и др.

Организация отдыха детей зарубежных соотечественников в детских лагерях и санаториях Кабардино-Балкарии. В эпоху социализма одним из направлений деятельности КБО являлась организация отдыха детей зарубежных соотечественников в пионерских лагерях и санаториях республики во время летних каникул. Основной задачей данной деятельности являлось постепенное приобщение детей зарубежных соотечественников к социалистической идеологии [Кушхабиев 2022: 140].

КБОМАР, несмотря на сокращение финансирования, продолжало организовывать отдых детей зарубежных соотечественников в детских лагерях и санаториях Кабардино-Балкарии. Главной задачей данной деятельности было ознакомление детей соотечественников с жизнью сверстников в Кабардино-Балкарии, формирование у них позитивного имиджа Российской Федерации и обучение их родному и русскому языкам. Для этого для детей зарубежных соотечественников организовывали участие в культурных и образовательных мероприятиях, которые проводились в детских учреждениях республики, экскурсии в туристические места и др. Ежегодно осуществлялся прием 2-3 небольших групп детей зарубежных соотечественников [Информация... 1992: 6; Отчет... 1994: 2; Информация... 1996: 3].

В начале 2000-х гг. стало возрастать число детей зарубежных соотечественников из Турции, Иордании, Сирии и других стран, прибывавших в республику на отдых [На Родине... 2002; Дзагаштова 2006: 5]. Кроме КБОМАР организацией отдыха детей зарубежных соотечественников стали заниматься Министерство культуры КБР (с 2006 г.), Фонд социального страхования КБР (с 2006 г.), Международная черкесская ассоциация (далее – МЧА) и общественная организация «Адыгэ Хасэ». В 2001-2006 гг. по приглашению МЧА, в Кабардино-Балкарии отдохнули свыше 500 детей от ЧБО Сирии и Иордании [Максидова 2011: 108, 109, 148]. Со временем многие из детей соотечественников, находившихся на отдыхе в детских лагерях и санаториях КБР, стремились поступать в вузы КБР и других регионов РФ.

Организация обучения молодежи черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор в вузах Кабардино-Балкарии. В рассматриваемый период вузы Кабардино-Балкарии (Кабардино-Балкарский госуниверситет, далее – КБГУ, Кабардино-Балкарская государственная сельскохозяйственная академия, далее – КБГСХА) при поддержке органов государственной власти РФ и КБР, а также КБОМАР, продолжали принимать на обучение молодежь от зарубежных черкесской и карачаево-балкарской диаспор. Часть молодежи зарубежных соотечественников обучалась по государственной линии и линии КБОМАР. В 1998 г. молодежь зарубежных соотечественников также получила возможность обучаться в вузах КБР на коммерческой основе. В начале 2000-х гг. КБГУ и

КБГСХА заключили с НПО и вузами Сирии, Иордании и Турции несколько договоров о сотрудничестве, которые предусматривали: обучение молодежи соотечественников из этих стран, обмены методической литературой и специалистами и др.

Если в советскую эпоху большинство абитуриентов-соотечественников прибывали из Иордании и Сирии, то в постсоветский период в вузы КБР стали поступать представители черкесской, карачаево-балкарской и других северокавказских диаспор из Турции, стран ближнего зарубежья и др. Расширялся и диапазон избираемых ими специальностей; они стали поступать на юридический и экономический факультеты, факультет физической культуры, отделения социально-культурного сервиса и туризма, английского языка, информатики и вычислительной техники, микроэлектроники и компьютерных технологий. Некоторые зарубежные соотечественники – выпускники КБГУ продолжали обучение в аспирантуре и ординатуре в вузах РФ.

В КБГУ для студентов от черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор функционировали курсы по изучению родных языков.

Содержание идеологической работы со студентами от черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор, как и в целом с иностранными студентами, заключалось в разъяснении им сущности внешней и внутренней политики РФ, в предоставлении им объективной информации о ситуации в Кабардино-Балкарии и Северо-Кавказском регионе. В вузах КБР для студентов-соотечественников организовывали встречи с учеными, деятелями культуры и искусств, с представителями правоохранительных органов. С целью ознакомления студентов-соотечественников с исторической родиной для них организовывали экскурсии в туристические места Кабардино-Балкарии и Ставропольского края.

Численность зарубежных соотечественников, в основном черкесов, окончивших вузы КБР в 1992-2006 гг., составила: соотечественники из Турции окончившие КБГУ, – 76 человек, окончившие КБГСХА – 5 человек; соотечественники из Сирии, окончившие КБГУ, – 108 человек, окончившие КБГСХА – 28 чел.; соотечественники из Иордании, окончившие КБГУ, – 45 человек, окончившие КБГСХА – 17 чел. К 2006 г. численность соотечественников из Иордании и Сирии – выпускников КБГУ, получивших степень кандидата медицинских наук в вузах страны, составила 10 человек. Численность соотечественников, окончивших Колледж дизайна КБГУ в 1993-2006 гг., составила: 10 человек из Сирии, 1 человек из Иордании. Численность соотечественников из Сирии и Иордании, окончивших в 1991-1995 гг. медицинский колледж КБГУ (зуботехническое отделение), составила 12 человек [Список... 2007; Максидова 2011: 105, 106].

За период обучения в вузах Кабардино-Балкарии большинство студентов-соотечественников становились сторонниками РФ. По-возвращении в страны проживания, они проводили работу по расширению сотрудничества с российскими организациями в разных сферах, и в целом, по развитию дружественных отношений с Российской Федерацией и Кабардино-Балкарией. Некоторые из них получили российское гражданство.

Сотрудничество Кабардино-Балкарии с неправительственными организациями черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор в сфере науки. В 1990-е гг. республики Северного Кавказа направляли в страны проживания соотечественников научные экспедиции. В частности, в августе-сентябре 1994 г. сотрудники Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, экономики и филологии находились в Турции, Сирии и Иордании с целью исследования состояния кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков и положения черкесской и карачаево-балкарской диаспор в этих странах. Научная экспедиция была организована при поддержке органов государственной власти КБР, КБОМАР и НПО соотечественников указанных стран [Думанов 2000]. В рассматриваемый период сотрудники научных учреждений и вузов КБР, в основном историки и филологи, регулярно выезжали с целью проведения научных исследований, а также участия в научных конференциях в Турцию, Сирию и Иорданию при поддержке НПО черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор. Результаты их исследований были опубликованы в научных периодических изданиях, монографиях и т. п. НПО черкесской и карачаево-балкарской диаспор в этих странах публиковали некоторые монографии и статьи исследователей КБР (на турецком и арабском языках).

Сотрудничество Кабардино-Балкарии с неправительственными организациями зарубежных соотечественников в сфере спорта. Связи Кабардино-Балкарии в сфере спорта с НПО зарубежных соотечественников, прежде всего, с ЧБО в Сирии и Иордании стали налаживаться в период перестройки (1985-1991). Одним из первых мероприятий сотрудничества Кабардино-Балкарии с НПО зарубежных соотечественников стали товарищеские встречи между футбольной команды г. Нальчика «Спартак» и футбольной командой черкесского спортивного клуба Иордании «Ахли». Со временем в КБР стали проходить товарищеские встречи по разным видам спорта между командами республики и командами от НПО зарубежных соотечественников. В частности, 12 августа 2003 г. в г. Нальчике состоялась товарищеская встреча между спортсменами КБР и группой спортсменов-соотечественников из Иордании по тхэквондо и кикбоксингу [Абаев 2003]. В страны проживания соотечественников стали приглашать на работу тренеров Кабардино-Балкарии. В 1990-х гг. в Иордании тренерами национальных команд по настольному теннису, футболу, борьбе, конному спорту и стрельбе работали спортсмены из КБР Р. Коцев, О. Курашинов, М. Ошноков [Карданов 1993].

Наиболее масштабным и значимым спортивным мероприятием в рамках сотрудничества КБР со странами проживания соотечественников стал беспрецедентный международный переход 25 всадников на лошадях кабардинской породы из г. Нальчика в г. Амман «По тяжкому пути мухаджиров» (2500 км, коннозаводчик И.Х. Яганов), состоявшийся в июне 1994 г. Целью перехода было укрепление дружественных отношений со странами компактного проживания соотечественников (Турция, Сирия, Иордания). Преодолев 2500 км по каменистым и пустынным местностям Турции, Сирии и Иордании, 25 всадников прибыли в г. Амман 1 июля 1994 г. О значимости данного мероприятия свидетельствует повышенное внимание общественности и властных структур трех

стран к участникам перехода. Руководители перехода Р. Фиров, Ю. Семенов и М. Кунижев были приняты Президентом Турецкой Республики Сулейманом Демирелем [Документы... 1995: 167; За тысячи... 1996: 9; Карданов 1994].

Выводы

Таким образом, в конце XX – начале XXI в. руководство Кабардино-Балкарии развивало сотрудничество с черкесской и карачаево-балкарской зарубежными диаспорами. МВС КБР, КВЭС КБР и КБОМАР осуществляли сотрудничество с органами государственной власти стран проживания черкесской и карачаево-балкарской диаспор (Турция, Иордания, Сирия и др.) и с НПО этих диаспор в сферах экономики, культуры, образования, науки, спорта и др. Сущность идеологической работы МВС КБР и КБОМАР заключалась в информационно-разъяснительной работе о реформах в РФ и миролюбивой внешней политике государства.

Между властными структурами КБР и стран проживания соотечественников был заключен ряд договоров и соглашений в вышеуказанных сферах. При поддержке властных структур КБР в республике были открыты десятки компаний зарубежных соотечественников и совместных предприятий с турецкими, иорданскими и сирийскими компаниями. Тем не менее, сотрудничество КБР с зарубежными соотечественниками в сфере экономики не получило широкого развития в связи с нестабильной социально-политической и экономической ситуацией в Северо-Кавказском регионе, а также отсутствием гарантий безопасности иностранной собственности.

Деятельность МВС КБР, КВЭС КБР и КБОМАР (организация сотрудничества со странами проживания черкесской и карачаево-балкарской диаспор и с НПО этих диаспор в вышеуказанных сферах; идеологическая работа с зарубежными соотечественниками; поставки зарубежным соотечественникам печатных, видео- и аудиоматериалов; трансляции радиопередач на черкесские диаспоры в странах Ближнего Востока; организация отдыха детей зарубежных соотечественников в детских лагерях республики; обучение молодежи черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор в вузах КБР; сотрудничество с НПО зарубежных соотечественников в сфере науки и спорта), осуществлявшаяся во взаимодействии с органами государственной власти РФ, в целом, была эффективной. Она в значительной степени способствовала сохранению этнокультурной специфики черкесской и карачаево-балкарской зарубежных диаспор, изучению немалым числом их представителей русского языка и русской культуры, росту среди них пророссийских настроений.

Сотрудничество Кабардино-Балкарии со странами проживания зарубежных соотечественников, преимущественно с Иорданией, Сирией и Турцией способствовало укреплению и развитию дружественных отношений РФ с этими странами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 2003 – *Абаев А*. Поединок дружбы // Кабардино-Балкарская правда. – 2003.15.08. – № 195-197 (20797-20799). – С. 10.

Г. Губин... 2004 – Г. Губин принял принцессу Иордании // Кабардино-Балкарская правда. – 2004.28.07. – № 190 (21108). – С. 1.

Годовые... 1997 – *Годовые* отчеты о деятельности МВС КБР за 1992-1996, 1997 гг. 1997 г. // УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262 «Министерство внешних связей КБР. Руководство». Оп. 1. Д. 4. – 119 л.

Годовые... 1998 – *Годовые* отчеты о деятельности МВС КБР за 1995-1998 годы. 1998 г. // УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262 «Министерство внешних связей КБР. Общий отдел». Оп. 1. Д. 19. – 58 л.

Дзагаштова 2006 – *Дзагаштова З.* Увидеть Нальчик и выучить кабардинский // Кабардино-Балкарская правда. – 2006.29.07. – № 182 (21705). – С. 5.

Договор... 1991 – *Договор* Кабардино-Балкарского отделения ассоциации «Родина» и Черкесского благотворительного общества в Нью-Йорке (США) о сотрудничестве. 1991 г. // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865 «Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом». Оп. 3. Д. 163. –2 л.

Договор... 1994 – *Договор* о дружбе и сотрудничестве между городами Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация) и Амман (Иорданское Хашимитское Королевство) // Кабардино-Балкарская правда. – 1994.23.08. – № 154 (18426) – С. 2.

Договор... 1991а – *Договор* по культурному обмену между Министерством культуры КБССР и Министерством культуры САР. 1991 г. // УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241 «Комитет внешних экономических связей КБР». Оп. 1. Д. 4. – 10 л.

Документы... 1995 – *Документы* по репатриации соотечественников, проживающих за рубежом. 1995 г. // УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262 «Министерство внешних связей КБР». Оп. 1. Д. 5. – 192 л.

Думанов 2000 – *Думанов Х.* Вступительное слово // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – С. 3-7.

За тысячи... 1996 – *За тысячи* верст // Нарты. – 1996. Январь-Февраль. – № 1-2 (9-10). – С. 9.

Информация... 1992 – *Информация*, письма Кабардино-Балкарского отделения Ассоциации «Родина» Кабинету Министров КБР, Министерству внешних сношений и по делам национальностей, народному депутату РСФСР В.Ж. Мастафову о связях отделения Ассоциации, решении вопросов о двойном гражданстве для соотечественников за рубежом, оказании финансовой помощи и др. 1992 // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865 «Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом». Оп. 3. Д. 177. – 10 л.

Информация... 1996 – *Информация* отделения Ассоциации «Родина» о совместной работе с Министерством внешних связей КБР с зарубежными соотечественниками в 1992-1996 годах. 1996 г. // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865 «Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом». Оп. 3. Д. 219. – 4 л.

Информация... 1997 – *Информация,* письмо и.о. председателя отделения Ассоциации «Родина» К.К. Эфендиева Президенту КБР В.М. Кокову об итогах поездки в Иорданию коллектива государственного ансамбля адыгского танца «Кабардинка» и с просьбой решить вопрос о налаживании прямого воздушного сообщения через аэропорты «Нальчик» и «Минеральные Воды» в г. Амман (Иордания). 1997 г. // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865 «Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом». Оп. 3. Д. 226. – 5 л.

Карданов 1994 – *Карданов Х.* Конный переход войдет в историю // Кабардино-Балкарская правда. – 1994. 03.08. – № 141 (18413). – С. 4.

Карданов 1993 – *Карданов Х.* Спортивное утро Иордании // Кабардино-Балкарская правда. – 1993.30.06. – № 122 (18145). – С. 4.

Кушхабиев 2006 – *Кушхабиев А.В.* Международное черкесское движение (проблемы становления) // Исторический вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик, 2006. – № 4. – С. 390-411.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Кушхабиев 2008 – *Кушхабиев А.В.* Связи Кабардино-Балкарской Республики с черкесскими общинами Турции, Сирии и Иордании // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Сборник научных статей. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 121-126.

Кушхабиев 2022 – *Кушхабиев А.В.* Сотрудничество Кабардино-Балкарского отделения Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом с неправительственными организациями зарубежных черкесских диаспор в эпоху социализма (1966-1991) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 127-147. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-127-147. EDN: FCUXRW.

Максидова 2011 – *Максидова Д.Ф.* Исторический опыт развития отношений Кабардино-Балкарии с черкесскими диаспорами Сирии и Иордании (1966-2006 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Майкоп, 2011. – 188 с.

На кабардинском... 1996 – *На кабардинском* языке приветствует и благодарит иорданский принц // Кабардино-Балкарская правда. – 1996.19.07. – № 134 (18973). – С. 1.

На Родине... 2002 – На Родине и солнце ярче светит // Горянка. – 2002. Сентябрь. – № 36 (209). – С. 7.

Отчет... 1992 – *Отчет*, справка референта Кабардино-Балкарского отделения Ассоциации «Родина» о работе отделения ассоциации с балкарской диаспорой за рубежом, карачаевцах и балкарцах, живущих в Турции. 1992 г. // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865 «Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом». Оп. 3. Д. 176. – 5 л.

Отчет... 1994 – *Отчет* о работе Кабардино-Балкарского отделения Ассоциации «Родина» за 1994 г. 1994 г. // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865 «Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом». Оп. 3. Д. 197. – 3 л.

Отчет... 1994а – Отчет о работе Комитета внешних экономических связей в 1991-1994 гг. 1994 г. // УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241 «Комитет внешних экономических связей КБР». Оп. 1. Д. 3. – 64 л.

Президент республики... 1996 – *Президент республики* В.М. Коков принял Принца Иордании Али Бин аль-Хусейна // Кабардино-Балкарская правда. – 1996.23.07. – № 137 (18976). – С. 1.

Протокол... 1991 – *Протокол* совместного расширенного заседания президиума Кабардино-Балкарского отделения общества «Родина» и членов делегации обществ культуры народов Северного Кавказа. 1991 г. // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865 «Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом». Оп. 3. Д. 156. – 2 л.

Список... 2007. – *Список* выпускников зарубежных адыгов и карачаево-балкарцев КБГСХА 1990-2007 // Личный архив А.В. Кушхабиева.

Справка... 1992 – *Справка* о работе Кабардино-Балкарского отделения Ассоциации «Родина» в 1992 г. 1992 г. // УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-865 «Ассоциация «Родина». Кабардино-Балкарское отделение Международной Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом». Оп. 3. Д. 178. – 3 л.

Тетуев 2016 – *Тетуев А.И.* Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 192 с.

Указы... 1992 – *Указы* президента КБР, постановления КМ КБР, Парламента КБР по вопросам внешнеэкономической деятельности. 1992 г. // УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241 «Комитет внешних экономических связей КБР». Оп. 1. Д. 1. – 43 л.

Устав... 1992 – *Устав* Кабардино-Балкарского отделения Международной ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом (Ассоциация «Родина»). 1992 г. // УЦГА АС КБР. Ф. Р-1191 «Аппарат Президента Кабардино-Балкарской Республики. Документы (резо-

люции, воззвания, письма) по вопросам общественно-политической жизни КБР». Оп. 2. Д. 225. – 226 л.

Шамакина 2004 – Шамакина С. КБГУ подписал договор о сотрудничестве с университетом Иордании // Кабардино-Балкарская правда. – 2004.28.07. – № 190 (21108). – С. 1.

REFERENCES

ABAEV A. *Poedinok druzhby* [Duel of friendship]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 2003. – № 195-197 (20797-20799). – August 15th. – P. 10. (In Russ.)

G. Gubin prinyal printsessu Iordanii [G. Gubin received the Princess of Jordan]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 2004. – № 190 (21108). – July 28th. – P. 1. (In Russ.)

Godovye otchety o deyatel'nosti MVS KBR za 1992-1996, 1997 gg. 1997 g. [Annual reports on the activities of the MFR KBR for 1992-1996, 1997]. IN: UTSGA AS KBR. F. R-1262 «Ministerstvo vneshnikh svyazei KBR. Rukovodstvo». Op. 1. D. 4. – 119 p. (In Russ.)

Godovye otchety o deyatel'nosti MVS KBR za 1995-1998 gody. 1998 g. [Annual reports on the activities of the MFR KBR for 1995-1998. 1998]. IN: *UTSGA AS KBR. F. R-1262* «Ministerstvo vneshnikh svyazei KBR. Obshchii otdel». Op. 1. D. 19. – 58 p. (In Russ.)

DZAGASHTOVA Z. *Uvidet' Nal'chik i vyuchit' kabardinskii* [To see Nalchik and to learn Kabardian]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 2006. – № 182 (21705). – July 29th. – P. 5. (In Russ.).

Dogovor Kabardino-Balkarskogo otdeleniya assotsiatsii «Rodina» i Cherkesskogo blagotvoritel'nogo obshchestva v N'yu-Iorke (SSHA) o sotrudnichestve. 1991 g. [Agreement between the Kabardino-Balkarian branch of the Rodina association and the Circassian charitable society in New York (USA) on cooperation. 1991]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. R-865* «Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoe otdelenie Mezhdunarodnoi Assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom». Op. 3. D. 163. –2 p. (In Russ.).

Dogovor o druzhbe i sotrudnichestve mezhdu gorodami Nal'chik (Kabardino-Balkarskaya Respublika, Rossiiskaya Federatsiya) i Amman (Iordanskoe Khashimitskoe Korolevstvo) [Treaty of Friendship and Cooperation between the cities of Nalchik (Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation) and Amman (Jordanian Hashemite Kingdom)]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1994. – № 154 (18426). August 23th. – P. 2. (In Russ.).

Dogovor po kul'turnomu obmenu mezhdu Ministerstvom kul'tury KBSSR i Ministerstvom kul'tury SAR. 1991 g. [Agreement on cultural exchange between the Ministry of Culture of the KBSSR and the Ministry of Culture of the SAR. 1991]. IN: UTSGA AS KBR. F. R-1241 «Komitet vneshnikh ehkonomicheskikh svyazei KBR». Op. 1. D. 4. – 10 p. (In Russ.)

Dokumenty po repatriatsii sootechestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom. 1995 g. [Documents on the repatriation of compatriots living abroad. 1995]. IN: UTSGA AS KBR. F. R-1262 «Ministerstvo vneshnikh svyazei KBR». Op. 1. D. 5. – 192 p. (In Russ.)

DUMANOV KH. *Vstupitel'noe slovo* [Introductory speech]. IN: Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura. – Nal'chik: Ehl'-Fa, 2000. – P. 3-7. (In Russ.)

Za tysyachi verst [For thousands of miles]. IN: *Narty*. – 1996. Yanvar'-Fevral'. – № 1-2 (9-10). – P. 9. (In Russ.)

Informatsiya, pis'ma Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Assotsiatsii «Rodina» Kabinetu Ministrov KBR, Ministerstvu vneshnikh snoshenii i po delam natsional'nostei, narodnomu deputatu RSFSR V.ZH. Mastafovu o svyazyakh otdeleniya Assotsiatsii, reshenii voprosov o dvoinom grazhdanstve dlya sootechestvennikov za rubezhom, okazanii finansovoi pomoshchi i dr. 1992 g. [Information, letters from the Kabardino-Balkarian branch of the Association «Rodina» to the Cabinet of Ministers of the KBR, the Ministry of Foreign Relations and Nationalities, the People's Deputy of the RSFSR V.Zh. Mastafov about the connections of the branch of the Association, resolving issues of dual citizenship for compatriots abroad, providing financial assistance, etc. 1992]. IN: UTSDNI AS KBR. F. R-865 «Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoe otdelenie Mezhdunarodnoi Assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom». Op. 3. D. 177. – 10 p. (In Russ.)

Informatsiya otdeleniya Assotsiatsii «Rodina» o sovmestnoi rabote s Ministerstvom vneshnikh svyazei KBR s zarubezhnymi sootechestvennikami v 1992-1996 godakh. 1996 g. [Information of the branch of the Association «Rodina» on joint work with the Ministry of Foreign Relations of the KBR with foreign compatriots in 1992-1996. 1996]. IN: UTSDNI AS KBR. F. R-865 «Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoe otdelenie Mezhdunarodnoi Assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom. Op. 3. D. 219. – 4 p. (In Russ.)

Informatsiya, pis'mo i.o. predsedatelya otdeleniya Assotsiatsii «Rodina» K.K. Ehfendieva Prezidentu KBR V.M. Kokovu ob itogakh poezdki v Iordaniyu kollektiva gosudarstvennogo ansamblya adygskogo tantsa «KabardinkA» i s pros'boi reshit' vopros o nalazhivanii pryamogo vozdushnogo soobshcheniya cherez aehroporty «Nal'chik» i «Mineral'nye Vody» v g. Amman (Iordaniya). 1997 g. [Information, letter acting Chairman of the branch of the Rodina Association K.K. Efendiev to the President of the KBR V.M. Kokov about the results of the trip to Jordan by the state ensemble of the Circassian dance «Kabardinka» and with a request to resolve the issue of establishing direct air traffic through the airports «Nalchik» and «Mineralnye Vody» in Amman (Jordan). 1997]. IN: UTSDNI AS KBR. F. R-865 «Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoe otdelenie Mezhdunarodnoi Assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom». Op. 3. D. 226. – 5 p. (In Russ.)

KARDANOV KH. *Konnyi perekhod voidet v istoriyu* [Horse crossing will go down in history]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1994. – № 141 (18413). – August 03th. – P. 4. (In Russ.)

KARDANOV KH. *Sportivnoe utro Iordanii* [Sports Morning of Jordan]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1993. – № 122 (18145). – June 30th. – P. 4. (In Russ.)

KUSHKHABIEV A.V. *Mezhdunarodnoe cherkesskoe dvizhenie (problemyi stanovleniya)* [International Circassian movement (problems of formation)]. IN: Istoricheskiy vestnik IGI Pravitelstva KBR i KBNTs RAN. – Nalchik, 2006. – No 4. – P. 390-411. (In Russ.)

KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoy cherkesskoy diasporyi* [Essays on the history of the foreign Circassian diaspora]. – Nalchik: El-Fa, 2007. – 320 p. (In Russ)

KUSHKHABIEV A.V. *Problemyi repatriatsii zarubezhnyih cherkesov: istoriya, politika, sotsialnaya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. – Nalchik: Publishing House KBNTs RAS, 2013. – 224 p. (In Russ.)

KUSHKHABIEV A.V. *Svyazi Kabardino-Balkarskoy Respubliki s cherkesskimi obschinami Turtsii, Sirii i Iordanii* [Relations of the Kabardino-Balkarian Republic with the Circassian communities of Turkey, Syria and Jordan]. IN: Vzaimodeystvie narodov i kultur na Yuge Rossii: istoriya i sovremennost: Sbornik nauchnyih statey. – Rostov-on-Don: Publishing House of the YuNTs RAS, 2008. – P. 121-126. (In Russ.)

KUSHKHABIEV A.V. *Sotrudnichestvo Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Sovetskogo komiteta po kul'turnym svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom s nepravitel'stvennymi organizatsiyami zarubezhnykh cherkesskikh diaspor v ehpokhu sotsializma (1966-1991)* [Cooperation of the Kabardino-Balkarian branch of the Soviet committee for cultural relations with compatriots abroad with foreign Circassian diasporas in the socialistic times (1966-1991)]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – No. 2. – P. 127-147. . – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-127-147. EDN: FCUXRW. (In Russ.)

MAKSIDOVA D.F. *Istoricheskiy opyt razvitiya otnosheniy Kabardino-Balkarii s cherkesskimi diasporami Sirii i Iordanii (1966-2006 gg.). Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. nauk* [Historical Experience in the Development of Relations between Kabardino-Balkaria and the Circassian Diasporas in Syria and Jordan (1966-2006). Dissertation for the degree of Cand. Hist. Sciences]. – Maykop, 2011. – 188 p. (In Russ.)

Na kabardinskom yazyke privetstvuet i blagodarit iordanskii prints [Jordanian prince welcomes and thanks in Kabardian]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1996. – № 134 (18973). – July 19th. – P. 1. (In Russ.)

Na Rodine i solntse yarche svetit [In the Motherland the sun shines brighter]. IN: Goryanka. – 2002. – № 36 (209). – September. – P. 7. (In Russ.)

Otchet, spravka referenta Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Assotsiatsii «Rodina» o rabote otdeleniya assotsiatsii s balkarskoi diasporoi za rubezhom, karachaevtsakh i balkartsakh, zhivushchikh v Turtsii. 1992 g. [Report, certificate of the referent of the Kabardino-Balkarian branch of the «Rodina» Association on the work of the branch of the association with the Balkarian diaspora abroad, Karachays and Balkars living in Turkey. 1992]. IN: *UTSDNI AS KBR. F. R-865 «*Assotsiatsiya «RodinA». Kabardino-Balkarskoe otdelenie Mezhdunarodnoi Assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom». Op. 3. D. 176. – 5 p. (In Russ.)

Otchet o rabote Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Assotsiatsii «Rodina» za 1994 g. 1994 g. [Report on the work of the Kabardino-Balkarian branch of the Rodina Association for 1994]. IN: UTSDNI AS KBR. F. R-865 «Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoe otdelenie Mezhdunarodnoi Assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom». Op. 3. D. 197. – 3 p. (In Russ.)

Otchet o rabote Komiteta vneshnikh ehkonomicheskikh svyazei v 1991-1994 gg. 1994 g. [Report on the work of the Committee for Foreign Economic Relations in 1991-1994. 1994]. IN: UTSGA AS KBR. F. R-1241 «Komitet vneshnikh ehkonomicheskikh svyazei KBR». Op. 1. D. 3. – 64 p. (In Russ.)

Prezident respubliki V.M. Kokov prinyal Printsa Iordanii Ali Bin al'-Khuseina [President of the Republic V.M. Kokov received Prince Ali Bin al-Hussein of Jordan]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1996. – № 137 (18976). – July 23th. – P. 1. (In Russ.)

Protokol sovmestnogo rasshirennogo zasedaniya prezidiuma Kabardino-Balkarskogo otdeleniya obshchestva «Rodina» i chlenov delegatsii obshchestv kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. 1991 g. [Protocol of the joint extended meeting of the presidium of the Kabardino-Balkarian branch of the «Rodina» society and members of the delegation of the societies of culture of the peoples of the North Caucasus. 1991]. IN: UTSDNI AS KBR. F. R-865 «Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoe otdelenie Mezhdunarodnoi Assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom». Op. 3. D. 156. – 2 p. (In Russ.)

Spisok vypusknikov zarubezhnykh adygov i karachaevo-balkartsev KBGSKHA 1990-2007 [List of graduates of foreign Circassians and Karachay-Balkarians of the KBGSKHA 1990-2007]. IN: Lichnyi arkhiv A.V. Kushkhabieva. – 3 p. (In Russ.)

Spravka o rabote Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Assotsiatsii «Rodina» v 1992 g. 1992 g. [Information about the work of the Kabardino-Balkarian branch of the Rodina Association in 1992]. IN: UTSDNI AS KBR. F. R-865 «Assotsiatsiya «Rodina». Kabardino-Balkarskoe otdelenie Mezhdunarodnoi Assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom». Op. 3. D. 178. – 3 p. (In Russ.)

TETUEV A.I. *Zarubezhnaya diaspora karachaevtsev i balkartsev: istoriya i sovremennost'* [Foreign Diaspora of Karachays and Balkars: Past and Present]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2016. – 192 p. (In Russ.)

Ukazy prezidenta KBR, postanovleniya KM KBR, Parlamenta KBR po voprosam vneshneehkonomicheskoi deyatel'nosti. 1992 g. [Decrees of the President of the KBR, resolutions of the Cabinet of Ministers of the KBR, the Parliament of the KBR on foreign economic activity. 1992]. IN: UTSGA AS KBR. F. R-1241 «Komitet vneshnikh ehkonomicheskikh svyazei KBR». Op. 1. D. 1. – 43 p. (In Russ.)

Ustav Kabardino-Balkarskogo otdeleniya Mezhdunarodnoi assotsiatsii po svyazyam s sootechestvennikami za rubezhom (Assotsiatsiya «Rodina»). 1992 g. [Organization chart of the Kabardino-Balkarian Branch of the International Association for Relations with Compatriots Abroad (Rodina Association). 1992]. IN: UTSGA AS KBR. F. R-1191 «Apparat Prezidenta Kabardino-Balkarskoi Respubliki. Dokumenty (rezolyutsii, vozzvaniya, pis'ma) po voprosam obshchestvenno-politicheskoi zhizni KBR». Op. 2. D. 225. – 226 p. (In Russ.)

SHAMAKINA S. *KBGU podpisal dogovor o sotrudnichestve s universitetom Iordanii* [KBSU signed a cooperation agreement with the University of Jordan]. IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 2004. – № 190 (21108). – July 28th. – P. 1. (In Russ.)

Информация об авторе
А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук.
Information about the author
A.V. Kushkhabiev – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 03.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.
The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 930
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-221-238
EDN: JWCSDQ

ДОНСКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ОТ МАЛОВАЖНОЙ ВОЙНЫ К МЕМОРИАЛЬНОМУ КУЛЬТУ Я.П. БАКЛАНОВА

Артем Юрьевич Перетятько
Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ArtPeretatko@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0003-2779-2223

Аннотация. Статья посвящена феномену освещения Кавказской войны в донской дореволюционной историографии. В статье показано, что первоначально, в 1850-1870 гг., Кавказская война не рассматривалась донскими авторами как знаковое событие и могла даже не упоминаться в списке войн, в которых участвовали донские казаки. Установлено, что ситуация начала меняться в 1880 гг. под влиянием русской историографии, в которой произошла героизация образа Я.П. Бакланова. Автор приходит к выводу, что переломным стал юбилей Я.П. Бакланова в 1909 г., после которого Я.П. Бакланов был включен в пантеон донских героев, однако празднование имело четко выраженную политическую подоплеку (всячески подчеркивались монархизм и религиозность генерала), и степень его реальной поддержки снизу не ясна. Только после этого публикации донских авторов о Кавказской войне стали регулярными, причем они финансировались сверху, носили патриотический, а не научный характер, и сводили войну к подвигам Я.П. Бакланова и нескольких других казаков.

Ключевые слова: Кавказская война, донское казачество, историография, историческая память, построение нарратива

Для цитирования: Перетятько А.Ю. Донская дореволюционная историография Кавказской войны: от маловажной войны к мемориальному культу Я.П. Бакланова // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 221-238. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-221-238. – EDN: JWCSDQ.

© Перетятько А.Ю., 2022

Original article

DON PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE CAUCASIAN WAR: FROM AN UNIMPORTANT WAR TO THE MEMORIAL CULT OF YA.P. BAKLANOV

Artyom Y. Peretyatko
South Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the Caucasian War coverage in the Don pre-revolutionary historiography. The article shows that initially, in 1850-1870, the Caucasian War was not considered by the Don authors as a landmark event, and could not even be mentioned in the list of wars in which the Don Cossacks participated. It is established that the situation changed in the 1880s. under the influence of Russian historiography, in which the heroization of the image of Ya.P. Baklanov occurred. The author concludes many unclear statements about the degree of his real support, meaning the anniversary of Ya.P. Baklanov in 1909, after which Ya.P. Baklanov was included in the pantheon of Don heroes, but the celebration had a clearly expressed political background (monarchism and religiosity of the general were emphasized in every way). Only after this, publications of Don authors about the Caucasian War became regular, and they were financed from above, were patriotic, not scientific, and reduced the war to the exploits of Ya.P. Baklanov and several other Cossacks.

Keywords: Caucasian War, Don Cossacks, historiography, historical memory, narrative construction

For citation: Peretyatko A.Y. Don pre-revolutionary historiography of the Caucasian war: from an unimportant war to the memorial cult of YA.P. Baklanov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 221-238. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-221-238. – EDN: JWCSDQ.

© Peretyatko A.Y., 2022

После польского восстания 1863-1864 гг. Донское Войско получило Высочайшее повеление срочно обеспечить «обучение молодых казаков познаниям фронтовой и аванпостной службы еще до выхода их с полками», поскольку донские новобранцы, да и донские части в целом демонстрировали недостаточную боеспособность [И.К. 1865: 79]. Как отмечал современник этих событий, известный полководец и военный писатель И.И. Краснов, повеление оказало на старых казаков тяжелейший психологический эффект: «Больше всех убиты были этой вестью немногие оставшиеся на сем свете старики, сподвижники платовские. Почтенные старцы, полные воспоминаний о своей минувшей славе, не понимали, каким образом дети и внуки их могли уступить право первенства каким-нибудь линейцам, о которых в славный двенадцатый год никто и не слышал, а тогдашние донцы считались первыми удальцами на бранном поле» [И.К. 1865: 84]. В этой цитате наибольшего внимания заслуживает утверждение о том, что старых казаков особенно расстраивала потеря Донским войском первенства в военном деле между казачьими войсками и переход этого первенства Кавказскому линейному казачьему войску. Действительно, ознакомившись с работами середины XIX в., мы можем увидеть, что в них нередко озвучивались схожие мысли.

«Единственное войско, для которого еще существуют обстоятельства, родившие его, есть Кавказское линейное. Итак, единственно это войско и требует поддержания», – пересказывал в 1861 г. настроения некоторых офицеров регулярной армии уральский атаман А.Д. Столыпин [Ст. 1861: 202-203].

«Существует между некоторыми мнение, что Донские казаки в армии не соответствуют своему назначению; отрицают даже неотъемлемые в них достоинства иррегулярной легкой кавалерии», – замечал в 1862 г. начальник штаба Донского Войска А.М. Дондуков-Корсаков, далее также сравнивая донцов с

линейцами в пользу последних [Карасев 1896: 589-590]. А местом для сравнения донских и линейных казаков была Кавказская война, в ходе которой, несмотря на отдельные успехи, в целом донские части проявили себя достаточно слабо. Современный исследователь А.Т. Урушадзе дал такую яркую характеристику сложившейся ситуации: «Кавказская война основательно испортила безупречную репутацию донского казачества. Донцы неожиданно превратились в аутсайдеров Отдельного кавказского корпуса» [Урушадзе 2020: 1337].

Нам представляется очень любопытным с точки зрения изучения практик исторической памяти проследить, как Кавказская война освещалась в донской дореволюционной историографии. Дело в том, что осмысления ее сюжетов, связанных с военными неудачами донских казаков, не произошло и по сей день. Только в 2020 г. упомянутый выше А.Т. Урушадзе (что характерно, специалист преимущественно по истории Кавказа, а не донского казачества) опубликовал первую статью, в которой на современном научном уровне предпринята попытка целенаправленно проанализировать причины неэффективности донских частей на Кавказе [Урушадзе 2020]. В кратком обзоре литературы он отметил, что, хотя «историография участия донского казачества в войнах Российской империи XVIII – начала XX вв. обширна, но службе донцов именно на Кавказе посвящено всего несколько работ» [Урушадзе 2020: 1337]. И крайне показателен качественный состав этих работ: наиболее высокую оценку в контексте исследуемой темы А.Т. Урушадзе отдает статье И.И. Краснова «Донцы на Кавказе» [Краснов 1861], написанной еще во время Кавказской войны. Что же касается позднейших работ, то А.Т. Урушадзе удостаивает внимания только монографию А.В. Захаревича, посвященную, однако, событиям начала XIX в., когда боеспособность донских казаков никем не ставилась под вопрос [Захаревич 2005], и научно-популярную биографию Я.П. Бакланова, написанную известным историком А.В. Венковым [Венков 2018].

Поскольку фундаментальные работы об участии донских казаков в Кавказской войне в принципе отсутствуют, и мы будем работать с большим количеством разнообразных текстов, до стихов и отчетах о публичных торжествах включительно, чтобы облегчить понимание нашего исследования мы начнем с выделения нескольких основных особенностей донской дореволюционной историографии о Кавказской войне. Затем мы перейдем к хронологическому анализу наиболее значимых и показательных текстов о ней. Это позволит нам проследить эволюцию исторической памяти по крайней мере образованной части казачества, понять, как эволюционировал в работах донских авторов образ Кавказской войны.

Начнем с особенности, которую считаем важнейшей для донской дореволюционной историографии и не утратившей актуальности и поныне. Дело в том, что у донских авторов сложилась традиция интерпретировать историю участия донских казаков в Кавказской войне как совокупность отдельных подвигов, чаще всего связанных с именем Я.П. Бакланова. Подчеркнем, что речь в большинстве случаев идет не о прямом подлоге или лжи. Любой историк, выстраивая логику построения своего нарратива, неизбежно подчеркивает одни факты, считая их потенциально более важными для читателя, и оставляет без внимания другие. А

донская дореволюционная историография была почти исключительно непрофессиональной (первые авторы с историческим образованием, например, П.П. Сахаров, начали деятельность только в первые десятилетия XX в. [Мининков 2014: 198-200]). В подобной ситуации историки-любители, преимущественно чиновники и общественные деятели, часто упрощали или политизировали свой нарратив. Вполне логично, что у не слишком умелых и обычно патриотически настроенных авторов происходило замещение системного описания истории участия Войска Донского в Кавказской войне, истории сложной и порой противоречащей официозным представлениям о казачестве, описанием подвигов Я.П. Бакланова, для которого было много материалов неказачьих исследователей и которое отвечало запросам власти и консервативно настроенной части донского общества даже при самом объективном изложении.

В этом плане наиболее показателен казус известного донского краеведа А.А. Карасева. В своих воспоминаниях он описывал настоящий ужас, который ему, молодому выпускнику Харьковского университета, готовившему себя к гражданской службе, внушала перспектива отправки с казачьим полком на Кавказ: «Бывало ляжешь спать и начнешь думать о том, как же это я, боящийся собственного коня и обыкновенной скачки у новочеркасских мельниц, да буду вести казаков против стреляющего пулями и рубящего кривыми саблями неприятеля-чеченца? Да первая пуля непременно попадет в меня, да самый паршивый горец разрубит меня на части...» [Карасев 1902: 3]. Однако тот же А.А. Карасев совместно с другим донским краеведом, Х.И. Поповым, был редактором-составителем вышедшего по официальному заказу войсковой администрации в 1887 г. «Краткого исторического и статистического описания Войска Донского», первого популярного патриотического издания по донской истории. На его страницах участие донских казаков в Кавказской войне уже было описано в значительной степени через призму подвигов Я.П. Бакланова: «За шестьдесят лет, в продолжение которых длилась война с горцами, на Кавказе и за Кавказом перебывало 226 000 донских казаков, из коих многие сложили там свои головы, то от пули вражеской, то от климата, изобиловавшего упорными лихорадками. Недаром казачья народная песня окрестила Закавказский край названием «распроклятой грузинской сторонушки». Особенно замечательным из Донцов в Кавказской войне был генерал Бакланов, подвиги которого наводили ужас на черкесов; о поисках его над горцами рассказывались целые легенды; ему приписывалось даже знание магического слова, которое отводило от него и его приближенных неприятельские пули» [Карасев, Попов 1887: 22-23]. Как мы видим, нарратив А.А. Карасева и Х.И. Попова абсолютно правдив, в нем описаны тяжесть службы донцов на Кавказе и их нелюбовь к этому краю, а подвиги упомянуты только в связи с именем Я.П. Бакланова. Однако повествование построено так, что столкновения казаков с горцами описаны только в контексте этих подвигов, и у читателя складывается впечатление, будто бы они репрезентативны для всей кавказской службы донцов. В итоге полученный нарратив описывает участие донцов в Кавказской войне именно как историю подвигов, пусть и тяжелых для самих казаков, а не как историю потери Донским войском первенства между казачьими войсками (происходившую, в том числе, и из-за утраты частью образованных

донских казаков прежних воинских традиций, о чем один из редакторов текста, А.А. Карасев, знал на собственном опыте).

Отметим еще одну любопытную и значимую для нашего дальнейшего анализа особенность. Сакральная для современных донских казаков фигура Я.П. Бакланова всегда была неразрывно связана с Кавказской войной, и поэтому значение этой фигуры в различных интерпретациях донской истории напрямую зависело от значения, которое придавали этой войне. Между тем современниками из донских казаков она не воспринималась как важная. Так, И.И. Краснов приводит следующее обоснование нежелания войсковой администрации реформировать донские полки в соответствии с требованиями Кавказа: «Против этого особенно вооружались донские ветераны. Те из них, которые не служили на Кавказе, и слышать не хотели, чтоб наши воины, перед которыми не раз сокрушались и рассеивались силы Наполеона, не могли справиться с какими-нибудь ничтожными горцами» [Краснов 1861: 147]. Поэтому, не отрицая частных заслуг и личного героизма Я.П. Бакланова, донские авторы 1850-1860 гг. не считали его деятелем, сравнимым с сакральными фигурами Ермака или М.И. Платова. Донской генерал и общественный деятель И.С. Ульянов, одним из первых, еще в 1850 гг., писавший о Я.П. Бакланове, признавал, что последний «принадлежит к истории героев», но одновременно надеялся, что кто-нибудь из других служащих на Кавказе донских казаков «со временем напомнит славу своего начальника» [ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 156-157об.].

В донском томе «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» за авторством Н.И. Краснова, первом опубликованном историко-статистическом описании Дона, изданном в 1863 г., исторический раздел вообще не включает упоминаний о Кавказской войне. При этом Н.И. Краснов нашел место, чтобы написать о участии донских казаков не только в Крымской войне, но и «в кампаниях турецкой и персидской (1828-1829), в усмирении восстания Польши (1830-1831) и в венгерской кампании (1849)» [Краснов 1863: 62]. Следующее официальное историко-статистическое описание донского края, «Военное обозрение Земли Донского Войска», вышедшее в 1870 г., также было написано Н.И. Красновым, и в нем не только снова не упоминалось о участии донских казаков в Кавказской войне, но и вообще сообщалось, будто бы правление Николая I «было менее воинственно», чем царствования его предшественников [Краснов 1870: X-XV]. При всей кажущейся странности такого построения нарратива, оно будет логичным, если признать, что первоначально донское общество воспринимало Кавказскую войну как малозначимые стычки с неевропейским противником, в то время как в ходе подавления Польского и Венгерского восстаний, русско-турецкой, русско-персидской и особенно Крымской войны донские казаки воевали с полноценными регулярными армиями.

Сакрализация образа Я.П. Бакланова как героя, стоящего для донских авторов в одном ряду с Ермаком и М.И. Платовым, произошла отнюдь не сразу по завершению Кавказской войны. Непосредственно после смерти генерала, в 1873 г., донской атаман М.И. Чертков предложил начать сбор пожертвований на установку памятника на его могиле [Греков 1909: 135]. Нужно отметить, что

делалось это не только из желания увековечить память Я.П. Бакланова. Примерно за десять лет до этого имущество последнего было уничтожено пожаром, и какое-то время он даже был вынужден «отказывать себе во всем» [Герасимов 1909: 52]. Таким образом, поставить памятник на могиле покойного на его собственные средства было невозможно, и объявление в подобных условиях публичного сбора денег позволяло избежать необходимости установки памятника за войсковой или государственный счет. Однако сбор пожертвований особого успеха не имел: за первый год со всей России Главное Управление Иррегулярных войск собрало всего 660 руб. (преимущественно от военных), 799 руб. 45 коп. были пожертвованы ветеранами-кавказцами на так называемом «Кавказском обеде», а с территории Области Войска Донского атаманская канцелярия даже за несколько лет получила всего 762 руб. 70 коп. [Греков 1909: 135, 141]. Как нам представляется, эта информация лучше всего иллюстрирует отношение донского и российского общества к Я.П. Бакланову в 1870 гг. Еще дореволюционные донские краеведы констатировали, что всего один подписной лист, пущенный на обеде среди участников Кавказской войны, дал больше денег для надгробного памятника генералу, чем удалось собрать за год с большей части территории Российской империи [Греков 1909: 136]! Но, как мы видим (и на чем донские дореволюционные краеведы предпочитали не акцентировать внимание), сами донские казаки тоже пожертвовали на надгробный памятник Я.П. Бакланову меньше, чем участники «Кавказского обеда», причем даже не за первый год, а за весь срок сбора пожертвований. Таким образом, говорить о широкой популярности будущего сакрального «героя Кавказа» на момент его смерти не приходится. Дело дошло до того, что к 1876 г. стало ясно: «приток пожертвований уже прекратился», а денег на установку спроектированного памятника недостаточно, поэтому, чтобы довести дело до конца, недостающие 350 руб. пришлось выделить из сумм администрации Войска Донского [Греков 1909: 139]. А запланированную фигурную ограду вокруг памятника в 1870 гг. соорудить так и не удалось, поскольку на нее требовалось еще 540 руб., «на покрытие которых источников более не предвиделось» (то есть Войско Донское этих денег для могилы своего героя выделить не сочло нужным) [Греков 1909: 140].

Итак, мы можем считать вполне доказанным, что для донских казаков Кавказская война и фигура Я.П. Бакланова первоначально не выступали в качестве значимых мест памяти. Характерно, что позднейшие работы донских краеведов на эти темы почти не содержат отсылок к более ранним текстам. Так, в «Баклановском сборнике» 1909 г., выпущенном Донским статистическом комитетом, представлен, кроме записок самого Я.П. Бакланова, всего один текст, достоверно написанный при жизни генерала (стихотворение А.А. Леонова, о котором мы будем подробнее писать ниже) [Леонов 1909], и четыре «баклановские песни» без какой-либо атрибуции (неясно ни время их появления, ни их происхождение, т. е. они могли быть созданы не на Дону, а в Кавказской армии) [Баклановские песни 1909]. В книге А.Н. Пивоварова «Донские казаки» (вышедшей в 1890 гг. первой патриотической компиляции текстов о военных подвигах донцов) есть раздел о Я.П. Бакланове, но и в нем не упомянуто (даже в ссылках на источники информации) ни одной прижизненной работы о «герое

Кавказа», за исключением его собственных записок да одной статьи В.А. Потто [Пивоваров 1892: VI]. Раздел про Кавказскую войну в целом в этой книге отделен от раздела о Я.П. Бакланове и достаточно богат по составу, однако он состоит почти исключительно из выписок из архивных дел и работ не казачьих историков и писателей [Пивоваров 1892: V]. В нем есть лишь одна ссылка на текст донского автора середины XIX в., на сборник «Донцы» М.Х. Сенюткина (оттуда взят рассказ урядника О. Зубова о своем подвиге, совершенном еще в 1825 г.) [Пивоваров 1892: V].

В итоге крупнейшим по объему и важнейшим по смыслу не мемуарным текстом, написанным в XIX в. донским казаком о Кавказской войне, следует признать статью И.И. Краснова «Донцы на Кавказе». Эта статья преследовала сугубо прикладную целью: герой многих войн и убежденный либерал И.И. Краснов пытался доказать необходимость реформ донской казачьей службы как не соответствующей реалиям Кавказа. Поэтому данный текст остро критичен по отношению к донскому казачеству. Например, И.И. Краснов писал, что в донских полках на Кавказе нередко царили «уныние и отсутствие всякой самоуверенности», а в целом характеризовал донцов в специфических кавказских условиях как «посредственных воинов» [Краснов 1861: 139]. Именно такой, нелицеприятный и честный подход генерала к описанию участия донских казаков в Кавказской войне и позволяет А.Т. Урушадзе не просто высоко оценивать статью «Донцы на Кавказе», но и говорить о том, что «основные положения работы И.И. Краснова остаются актуальными и сегодня» [Урушадзе 2020: 1337]. Данное утверждение А.Т. Урушадзе подтверждает то, что на эту статью И.И. Краснова как на объективное описание службы донских казаков на Кавказе ссылается крупнейший исследователь донского казачества XIX в. А.А. Волвенко [Волвенко 2017: 74]. Однако у патриотически настроенных в основной массе донских дореволюционных историков-любителей образы казаков как «посредственных воинов» отклика не нашли, и в итоге текст И.И. Краснова оказался так и не опровергнут, но и не востребован в позднейшей донской дореволюционной историографии.

Между тем уже в 1850 гг. консервативно-патриотическая часть донской элиты предложила иное осмысление Кавказской войны, не через критику донских частей, но через героизацию Я.П. Бакланова. Создаваемые в этом ключе тексты не были ни многочисленными, ни особенно значимыми, но они существовали. Так, в начале 1850 гг. преподаватель Новочеркасской гимназии, поэт и общественный деятель А.А. Леонов посвятил Я.П. Бакланову стихотворение «Донцу-герою» [Леонов 1909: 144]. Собственно, о реалиях Кавказа в нем почти ничего нет, за исключением одного упоминания реки Сунжи и одного упоминания Шамиля: это абстрактное описание идеального казака-воина, который «орлом могучим мчится долу к облакам», «бьет сноровкой платовской», не жалеет себя «за царя и Русь святую» и т. д. [Леонов 1909: 144-145]. Особенного успеха в донском обществе это стихотворение, однако, не имело: по крайней мере, оно так и осталось в рукописи до 1874 г., когда, в связи со смертью Я.П. Бакланова, его опубликовала «Донская газета» [Леонов 1909: 145].

Несколько удачнее оказалась судьба небольшого текста «О военных подвигах донских казаков на Кавказе под командою Бакланова (военные известия с Кавказа)» И.С. Ульянова. Данный материал был опубликован в № 4 «Донских войсковых ведомостей» за 1854 г., когда эта официальная газета донских властей начала печатать патриотические материалы в связи с Крымской войной [Струков 1878: 24]. Однако и в нем не было никакой конкретики о Кавказской войне: И.С. Ульянов выступал публикатором официальных документов, сопровождая их патриотичными общими местами вроде «имя его (Я.П. Бакланова – А.П.) грозою перекатывается по горам Кавказа и с гордостью произносится соотечественниками-донцами» [ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 156-157 об.]. Не удивительно, что тексты А.А. Леонова и И.С. Ульянова тоже оказались не востребованы в позднейшей историографии: хотя идейно они предшествовали текстам других донских авторов о Я.П. Бакланове, содержательная ценность данных двух работ минимальна.

В 1858 г. в «Донских войсковых ведомостях» был опубликован рассказ М.Х. Сенюткина «Старик-охотник на войне», позже перепечатанный в его книге «Донцы» и оттуда частично вошедший в компиляцию А.Н. Пивоварова «Донские казаки» [Сенюткин 1866: 68-79]. Данный рассказ примыкает к произведениям А.А. Леонова и И.С. Ульянова: это снова славословие донскому герою Кавказа, но не Я.П. Бакланову, а уряднику О. Зубову. Как и у предыдущих авторов, Кавказской войны как специфического феномена со своими особенностями и условиями, неудобными для донских казаков, в тексте М.Х. Сенюткина нет: описывается только подвиг донца, который мог бы быть совершен против любого противника, а местные реалии сводятся к экзотическим именам и слову «уздень» [Сенюткин 1866: 70-71]. Характерно, что сам О. Зубов в интерпретации М.Х. Сенюткина заявляет, будто бы кроме одного подвига «более в кавказской службе своей не припомнит ничего особенного» [Сенюткин 1866: 71].

Таким образом, корпус текстов донских казаков-современников Кавказской войны об этой войне не слишком значителен и в количественном, и в качественном отношениях. Что еще важнее, тема Кавказской войны не была сколько-либо значима для творчества ни одного из донских авторов середины XIX в.: все они затрагивали ее в отдельных, не получавших дальнейшего развития небольших и не связанных друг с другом текстов. Однако уже тогда было предложено две модели описания действий донцов на Кавказе. И.И. Краснов пытался описывать войну системно, в комплексе, подчеркивая, что в целом действия донских казаков в ее ходе оказались малоудачны, и пытаясь понять причины этого. А.А. Леонов, И.С. Ульянов и М.Х. Сенюткин, напротив, ограничивались патриотическими описаниями отдельных лиц и их подвигов, не касаясь сюжетов о войне в целом и тем более о причинах многочисленных неудач донских казаков (собственно, самая логика их нарратива позволяла не упоминать эти неудачи, как не имеющие отношения к конкретному подвигу).

С завершением Кавказской войны о ней в донской историографии предсказуемо стали упоминать еще меньше. Ярчайшим примером этого может служить официальное издание, одна из первых попыток написания именно донской истории, а не историко-статистического описания донского края, книга «Трехсот-

летие Войска Донского» А.М. Савельева, выпущенная в 1870 г. В ней всего в одном довольно большом абзаце в общих чертах описывается значение донского казачества для завоевания Кавказа (без упоминаний о сравнительно низкой, по сравнению с линейцами, боеспособности донских частей), а затем, во втором и последнем абзаце о войне, приводится публичная похвала донцов, сделанная кавказским наместником великим князем Михаилом Николаевичем: «Храбрые Донцы в течение шестидесятилетней Кавказской войны постоянно делили с русскими войсками и труды и славу военных подвигов, и многие из этих подвигов займут почетное место в истории» [Савельев 1870: 118-119]. Какой-либо конкретики в плане упоминания сражений, полков и генералов, включая даже Я.П. Бакланова, в тексте нет.

В это время память о Я.П. Бакланове была важна не столько донским казакам, сколько ветеранам Кавказской войны (включая, впрочем, и донских казаков из их числа). Судя по всему, мемориальный культ генерала тоже начал формироваться в их среде. Выше мы упоминали, что на одном обеде ветеранов-кавказцев было собрано больше денег на памятник Я.П. Бакланову, чем, если считать по отдельности, со всей России и со всего Войска Донского. «Кавказский ветеран полковник Филькнер» прислал донским властям свое стихотворение с предложением высечь его на памятнике [Греков 1909: 137-138]. Некий простой казак Т. Колесников обратился в «Донскую газету» с письмом, в котором приводил рассказы «стариков наших» о том, как «сытно, весело и славно было служить под его (Я.П. Бакланова – А.П.) началом, и как все войска любили ходить с ним на смерть» [Колесников 1909: 143]. Впечатлившись этими историями и узнав, что Я.П. Бакланов будет похоронен в Санкт-Петербурге, Т. Колесников даже выступил со следующим призывом: «Неужели это правда, неужели наша слава, наша гордость так-таки до конца останется там? Нет, не может быть тому, промолвите ваше слово в вашей газете, взмолитесь. Услышат добрые люди и верно похлопочут о том, чтобы памятник Якову Петровичу был воздвигнут здесь на Дону на радость нам и в поучение нашим детям, а покойному герою в вечную память» [Колесников 1909: 143]. Откликнулся на смерть Я.П. Бакланова и один из донских казаков, непосредственно служивших на Кавказе под его началом, известный краевед Ф.К. Траилин, опубликовавший отрывки из послужного списка генерала и стихотворение А.А. Леонова (его краткое предисловие к публикации малоинформативно для темы нашей статьи – в нем Ф.К. Траилин только сообщает, в какое время «имел честь находиться лично» в летучем отряде Я.П. Бакланова) [Мининков 2016: 13]. Однако заметной поддержки инициативы ветеранов-кавказцев не получили: стихотворение «полковника Филькнера» не было высечено на памятнике, письмо Т. Колесникова не было напечатано, а публикация Ф.К. Траилина не вызвала сколько-либо серьезной реакции.

Гораздо большего внимания Я.П. Бакланов при жизни удостаивался в русской, а не в донской историографии. Его собственноручные записки вышли в знаменитой «Русской старине» (что характерно, нам не известно о реакции на эту публикацию в донской прессе) [Бакланов 1871], о нем в 1871 г. много писал в одной из своих статей ветеран-кавказец неказачьего происхождения В.А.

Потто [Потто 1871]. А вскоре после смерти генерала, в 1877 г., вышла и книга В.А. Потто о Я.П. Бакланове, сыгравшая, как нам представляется, важнейшую роль в изменении взглядов донского общества на значение своего соотечественника [Потто 1877].

Во всяком случае, к 1880 гг. вокруг участия донских казаков в Кавказской войне сложилась крайне специфическая ситуация. С одной стороны, сколько-либо общих работ по этой теме почти не было (не считая не слишком комплементарной для Донского Войска статьи И.И. Краснова «Донцы на Кавказе»). С другой стороны, в русской историографии был создан целый ряд текстов, героизирующих Я.П. Бакланова. В итоге процесс замещения памяти о Кавказской войне памятью о Я.П. Бакланове начался абсолютно естественно: для самих донских казаков (кроме ветеранов-кавказцев) тема Кавказской войны была маловажной, а русская историография выработала для них готовый образ выдающегося казака-героя этой войны (вполне соответствовавший, как видно из письма Т. Колесникова, и соображениям на этот счет ветеранов-кавказцев из числа донских казаков). При этом, как мы видели выше, модель описания Кавказской войны как отдельных, не связанных общим контекстом героических эпизодов существовала в донской историографии с 1850 гг., и рассказы о подвигах Я.П. Бакланова ложились в нее идеально еще тогда. Устойчивость подобной эпизодической логики построения нарратива в донской историографии демонстрирует, например, и компиляция А.Н. Пивоварова «Донские казаки»: в ней Кавказская война вообще описана в трех разных главах, даже не следующих непосредственно друг за другом («Донцы на Кавказе и в Грузии до 1822 г.»; «Донцы на Кавказе и в Грузии в 1822-1864 гг.» и «Генерал Яков Петрович Бакланов» [Пивоваров 1892: б. с.]). При этом первые две из этих глав состоят из не связанных друг с другом эпизодов подвигов разных донских казаков, а третья глава без всякой связи с предыдущими описывает уже подвиги Я.П. Бакланова, что характерно, с эпиграфом из В.А. Потто и с опорой на его книгу (а также на записки самого героя повествования) [Пивоваров 1892: 212-225]. В этом контексте необходимо рассматривать и казус А.А. Карасева, о котором мы упоминали в начале статьи: в полном соответствии с русской и донской историографией своего времени, кратко описывая столкновения казаков с горцами в ходе Кавказской войны, он предпочел не пытаться составлять их целостную картину, но описать их ярчайший эпизод, которым признавались выдающиеся подвиги Я.П. Бакланова.

Все это позволило в 1909 г. произвести официальную, инспирированную властями, а не донским обществом сакрализацию имени Я.П. Бакланова. О глубинных причинах данного события можно только догадываться. Отметим лишь, что поводом для него стал юбилей, столетие со дня рождения героя [От составителей 1909: б. с.]. Традиция же патриотических юбилеев в поздней Российской империи была широко распространена, самым известным примером чего могут служить масштабные празднования столетия Отечественной войны 1812 г. и трехсотлетия Дома Романовых. В это время имели место и случаи, когда перенос неких останков (прежде всего святых мощей) превращался в сим-

волический и пропагандистский акт, призванный укрепить лояльность местного населения имперской власти [Короневский 2021: 119-123].

Подобные политические мотивы явно наблюдаются и в случае с Я.П. Баклановым. Тут нужно отметить, что к началу XX в. образы главных героев донской истории, Ермака и М.И. Платова, стали относиться к совсем давнему прошлому. Общественность Дона, как нам представляется, нуждалась в новых героях, причем таких, на опыт которых можно было ориентироваться в современных условиях. В свою очередь, власти и консервативные общественные деятели были заинтересованы в том, чтобы в роли подобных героев выступали исторические деятели, образы которых можно было наполнить традиционалистскими смыслами. Сакрализация же Я.П. Бакланова позволяла, во-первых, продемонстрировать, что доблесть казачества не ослабла со времен Отечественной войны 1812 г., и доказать существование непрерывной преемственности между героями тех времен и современными казаками. Поэтому не случайно Х.И. Попов и А.А. Кириллов, готовившие специальный сборник к бакановскому юбилею, указали в нем, что памятник Я.П. Бакланову в Новочеркасске станет третьим в ряду памятников Ермаку и М.И. Платову, а прах героя должен вернуться на Дон в назидание потомству [От составителей 1909: б. с.]. Во-вторых, особенности биографии Я.П. Бакланова позволили трактовать его образ в ходе юбилея как идеальный образ беззаветно преданного царю христолюбивого воина. Х.И. Попов и А.А. Кириллов описали своего героя так: «Он беззаветно был предан своему Царю-батюшке, искренне привязан к своей родине и горячо любил не одних только односумов и станичников, но и всякого русского верноподданого» [От составителей 1909: б. с.].

Но еще ярче специфическая политизированная трактовка образа Я.П. Бакланова проявилась во время публичных, рассчитанных на широкую публику мероприятий, старательно описанных на страницах юбилейного сборника. Так, архиепископ Донской и Новочеркасский Владимир в ходе торжеств произнес поучение, в котором, в частности, подчеркивал, что Я.П. Бакланов «обладал великой мощью и беспредельной любовью к Царю и Отечеству» [Торжества в память… 1909: 150]. Архиепископ задался вопросом, как воспитал в себе подобные качества не имевший образования казак, и ответил на этот вопрос так: «Недостаток образования Яков Петрович восполнил верой, которой в наше время не придают значение» [Торжества в память… 1909: 150]. Подобная трактовка образа Я.П. Бакланова позволила архиепископу подробно рассказать слушателям о важности православной веры, «служившей и служащей главнейшим основанием великого благоустроенного государства» [Торжества в память… 1909: 150]. Завершил же свою речь священник рассуждениями о наступившем падении нравов, когда вера не пользуется прежним уважением, и призывом следовать примеру Я.П. Бакланова, «воспитанного в духе веры православной и с ней совершившего свои славные подвиги» [Торжества в память… 1909: 151]. Донской атаман А.В. Самсонов высказался короче. Он подчеркнул, что Я.П. Бакланова чествуют за то, что последний «служил верой и правдой Царю и Отечеству, не щадя своей жизни, и своими доблестными подвигами прославил тихий Дон» [Торжества в память… 1909: 152]. И снова прошлое ста-

ло отправной точкой для актуальных призывов: «И когда Царь призовет нас, взрослых, и вас, дети, когда вы подрастете, не будем и мы жалеть своих сил на защиту родины и на славу тихому Дону» [Торжества в память… 1909: 152]. В небольшой станице Баклановской (что характерно, переименованной в 1878 г., после выхода книги В.А. Потто), священник тоже призвал «воспитывать своих детей в духе Бакланова, т. е., чтобы они были преданы престолу, самоотверженны на службе и благородны в своих поступках» [Торжества в память… 1909: 158]. При этом серьезной поддержки снизу подобное насаждение специфического образа Я.П. Бакланова, очевидно, не получило: бывший сподвижник генерала Ф.К. Траилин обратился к командирам донских полков и батарей, спрашивая, отмечали ли они юбилей в своих частях, однако к моменту выхода «Баклановского сборника» положительный ответ пришел только из 6 лейб-гвардии батареи, и так участвовавшей в торжествах в Санкт-Петербурге (эти торжества проводились только среди казаков лейб-гвардии, и сказанные в их ходе речи до наших дней не дошли) [Торжества в память… 1909: 157].

Таким образом, сакрализация, но одновременно и политизация образа Я.П. Бакланова в донской историографии произошла в 1909 г. При этом трудно сказать, в какой степени она соответствовала живой народной памяти о герое Кавказской войны: славословия в адрес Я.П. Бакланова, возвеличивание его фигуры до уровня Ермака и М.И. Платова делалось по совершенно очевидному правительственному заказу, направленному на создание политически актуального образа героя-христианина и героя-патриота. Созданный в итоге образ Я.П. Бакланова имел значение не столько для восприятия донскими казаками Кавказской войны и вообще эпохи жизни генерала, сколько для популяризации в донской среде консервативно-патриотических взглядов. В этом отношении очень показательно, что в «Баклановский сборник» было включено всего два маленьких отрывка с реальными воспоминаниями о Я.П. Бакланове, причем в первом из этих отрывков донской генерал предсказывает блестящее будущее М.Д. Скобелеву, а во втором – ругает «революционеров» из казаков [Из воспоминаний… 1909]. Всего эти воспоминания заняли 2 страницы против 11 страниц описания юбилейных торжеств. Характерно и то, что второй из этих отрывков, приводимый по «Историческому журналу» и поэтому не подлежащий обработке редакторов сборника, вносил в характер Я.П. Бакланова живые черты, несколько диссонирующие с его идеализацией в консервативном духе: «революционерами» старый генерал на самом деле иронично назвал студентов-шестидесятников, обильно угощая их водкой и довольно грубо, но беззлобно подтрунивая над их оппозиционностью: «Когда думаете штурмовать Петропавловскую крепость?»; «С государством хотите воевать, а с маленьким стаканчиком водки не можете справиться?» [Из воспоминаний… 1909: 147].

В 1911 г., в преддверии столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г., останки донских героев этой войны (включая М.И. Платова) и Я.П. Бакланова были перенесены в Вознесенский собор в Новочеркасске. Таким образом, фигура Я.П. Бакланова снова оказалась поставлена не в контекст Кавказской войны, но на этот раз в контекст преемственности с героями наиболее блестящего периода истории донского казачества, войны 1812 г. В свою очередь, перенос

его праха на Дон должен был укрепить заявленную в ходе юбилейных торжеств символическую преемственность уже между самим генералом и современными донцами. К этому событию властями была издана небольшая книга П.Х. Попова «Герои Дона», предисловие к которой завершалось следующими словами: «Пусть память этих славных сынов Дона (перенесенных в войсковой собор – А.П.) передается и свято хранится в отдаленном потомстве донского казачества, пусть у могил их молодые поколения учатся так же, как эти герои, горячо и беспредельно любить родной край свой, пусть у прахов этих героев донцы черпают вдохновение на верную службу Царю и Отчизне» [Попов 1911: 7].

Но логическим завершением осмысления донскими дореволюционными авторами Кавказской войны стала не небольшая книга П.Х. Попова, а соответствующие разделы «Картин былого Тихого Дона» П.Н. Краснова. Характерно, что это издание вышло по распоряжению упомянутого выше донского атамана А.В. Самсонова и предназначалось для «чтения в семье, школе и войсковых частях» [Краснов 1909: форзац]. Таким образом, данный нарратив изначально не претендовал на научность, зато должен был воспитывать читателя в патриотическом духе.

Кавказской войне в «Картинах былого Тихого Дона» посвящены две главы, «Яков Петрович Бакланов» и «Донцы на Кавказе» (именно в таком порядке) [Краснов 1909: 391-416]. В отличие от большинства донских авторов, П.Н. Краснов первоначально вроде бы возвращался к системному нарративу, повторяя утверждения своего деда, И.И. Краснова, о том, что донские казаки в целом не лучшим образом проявляли себя на Кавказе, причем даже усиливая их: «Бедные донцы только гибли безропотно под ударами острых шашек, под меткими выстрелами чеченцев» [Краснов 1909: 392-393]. Однако далее он шел на двойной подлог, одновременно подменяя системный нарратив эпизодическим и фальсифицируя историю. П.Н. Краснов заявил, будто бы «все это быстро переменилось, когда в 1846 г. на Кавказ с № 20 полком прибыл войсковой старшина Яков Петрович Бакланов», а затем ограничился описанием истории только наиболее успешных донских полков, находившихся под командованием Я.П. Бакланова [Краснов 1909: 393-408]. Таким образом, у читателя должно было сложиться мнение, что с 1846 г. под баклановским влиянием резко выросла боеспособность всех донских полков на Кавказе. И то, что глава «Донцы на Кавказе» шла после главы «Яков Петрович Бакланов» доводило эту хитрость до предела: в тексте, рассчитанном, напомним, на детей и малограмотных солдат, почти все описания Кавказской войны идут после того, как указано на исправление Я.П. Баклановым ситуации в донских частях (хотя более внимательный и подготовленный читатель, конечно, и в этом тексте сможет соотнести даты событий). Чтобы факты не противоречили этой двусмысленности в построении нарратива, в главе «Донцы на Кавказе» П.Н. Краснов, как и большинство его предшественников, уже и формально сводит Кавказскую войну к нескольким эпизодам героизма донских казаков, отбрасывая остальные события, так как «подвиги, совершенные донскими казаками во время этой шестидесятилетней войны, так многочисленны, что нет возможности перечислить их все» [Краснов 1909: 410]. Своих же успехов Я.П. Бакланов в интерпретации П.Н. Краснова

достиг, разумеется, благодаря не только уму и силе, но и патриотизму, внушенному ему отцом с заветами предков [Краснов 1909: 393-394].

Таким образом, у П.Н. Краснова мы наблюдаем уже не естественное замещение, но осознанную подмену истории Кавказской войны описанием подвигов Я.П. Бакланова. Большая часть предыдущей донской историографии использовала для описания Кавказской войны эпизодическое построение нарратива, а служба Я.П. Бакланова, бесспорно, была ярчайшим эпизодом участия донцов в этой войне. П.Н. Краснов вернулся к системному нарративу, но при этом построил текст так, чтобы читателю могло показаться, будто Я.П. Бакланов служил не в конце, а в начале этой войны, и уже откровенно солгал о восстановлении донским офицером боеспособности всех донских частей на Кавказе, а не только полков, которые находились под его непосредственным командованием. И, оставляя в стороне вопрос о допустимости подобных искажений для воспитания патриотизма, мы должны констатировать, что появление подобного текста было логически связано с сакрализацией фигуры Я.П. Бакланова властями в 1909 г. С момента, когда Я.П. Бакланов был включен в официальный пантеон славы донских казаков, официальная, финансируемая сверху донская историография заработала на пропаганду легенды о нем, легенды, прежде сравнительно мало представленной в творчестве донских авторов.

После всего, показанного выше, мы можем сделать следующие выводы об эволюции донской дореволюционной историографии Кавказской войны:

1) Кавказская война была одной из самых психологически тяжелых для донских казаков: впервые в войнах Российской империи именно донские части выступали в роли аутсайдеров, регулярно демонстрируя низкую боеспособность.

2) Донская историография предложила два варианта работы с подобной травмой: первоначально Кавказская война рассматривалась как маловажная, порой не достойная упоминания наряду с другими войнами Российской империи, а затем история войны оказалась в основном замещена рассказом о подвигах (действительно выдающихся) Я.П. Бакланова.

3) Соответственно менялось и значение фигуры Я.П. Бакланова в общепринятой среди донских авторов версии донской истории: если в 1850-1870 гг. он воспринимался как герой, но локальный герой маловажной войны (не удалось даже собрать нужную сумму на его надгробный памятник), то затем постепенно формируется его мемориальный культ, причем его формирование идет в значительной степени извне, от русских офицеров-кавказцев (при поддержке донских сослуживцев Я.П. Бакланова по Кавказу).

4) Окончательное закрепление этого культа было санкционировано сверху и воплотилось в юбилейных торжествах 1909 г., носивших сугубо официальный характер, причем фигура Я.П. Бакланова трактовалась с актуальными консервативными политическими смыслами, а власти начали финансировать издание книг, в которых закрепляется соответствующая интерпретация истории: в них важна не Кавказская война, а образ Я.П. Бакланова как примера для всех современных казаков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бакланов 1871 – *Бакланов Я.П.* Моя боевая жизнь (Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова, написанные собственною его рукою) // Русская старина. – 1871. – Т. III. – С. 1-15.

Баклановские песни 1909 – Баклановские песни // Баклановский сборник. – Новочеркасск: Частная донская типография, 1909. – С. 162-165.

Венков 2018 – *Венков А.В.* Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. – М.: Вече, 2018. – 448 с.

Волвенко 2017 – *Волвенко А.А.* Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. – 226 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Герасимов 1909 – *Герасимов К.М.* К столетию со для рождения Я.П. Бакланова // Баклановский сборник. – Новочеркасск: Частная донская типография, 1909. – С. 1-57.

Греков 1909 – *Греков А.* По поводу постройки памятника Якову Петровичу Бакланову // Баклановский сборник. – Новочеркасск: Частная донская типография, 1909. – С. 135-142.

Захаревич 2005 – *Захаревич А.В.* Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801-1804 гг.). – Ростов-на-Дону: издательство РГПУ, 2005. – 302 с.

И.К. 1865 – *И.К.* Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. – 1865. – № 1. – С. 73-89.

Из воспоминаний… 1909 – Из воспоминаний о Я.П. Бакланове // Баклановский сборник. – Новочеркасск: Частная донская типография, 1909. – С. 146-148.

Карасев 1896 – *Карасев А.А.* Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. – 1896. – Кн. 12. – С. 589-590.

Карасев 1902 – *Карасев А.А.* Донские студенты в учебном полку: из воспоминаний // Донские областные ведомости. – 1902. 3 апр. – С. 3.

Карасев, Попов 1887 – *Карасев А.А., Попов Х.И.* Краткое историческое и статистическое описание Войска Донского. – Новочеркасск: типографии Войска Донского и А.А. Карасева, 1887. – 94 с.

Колесников 1909 – *Колесников Т.* Письмо казака к Редактору «Донской Газеты» // Баклановский сборник. – Новочеркасск: Частная донская типография, 1909. – С. 143-144.

Короневский 2021 – *Короневский В.И.* Перенос мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк (1910 г.). Политический, конфессиональный и национальный аспекты // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2021. – С. 119-123.

Краснов 1861 – *Краснов И.И.* Донцы на Кавказе. Учреждение на Кавказе постоянных штабов донских казачьих полков // Военный сборник. – 1861. – № 9. – С. 137-158.

Краснов 1863 – *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. – СПб.: типография Департамента генерального штаба, 1863. – 596 с.

Краснов 1870 – *Краснов Н.И.* Военное обозрение Земли Донского Войска. – СПб.: Военная типография, 1870. – 288 с.

Краснов 1909 – *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. – СПб.: типография М.О. Вольф, 1909. – 542 с.

Леонов 1909 – *Леонов А.А.* Донцу-герою // Баклановский сборник. – Новочеркасск: Частная донская типография, 1909. – С. 144-145.

Мининков 2014 – *Мининков Н.А.* Письма П. П. Сахарова Х. И. Попову // Донской временник. – 2014 – Вып. 23. – С. 198-200.

Мининков 2016 – *Мининков Н.А.* Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенков и Федор Калинич Траилин. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. – 164 с.

От составителей 1909 – <От составителей> // Баклановский сборник. – Новочеркасск, 1909. – Без страницы.

Пивоваров 1892 – *Пивоваров А.Н.* Донские казаки. – Новочеркасск: Донская типография, 1892. – 282 с.

Попов 1911 – *Попов П.Х.* Герои Дона. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1911. 47 с.

Потто 1871 – *Потто В.А.* Из записок кавказца // Военный сборник. – 1871. – № 1. – С. 127-152.

Потто 1877 – *Потто В.А.* Яков Петрович Бакланов. – СПб.: типография В. Грационского, 1877. – 187 с.

Савельев 1870 – *Савельев А.М.* Трехсотлетие Войска Донского. – СПб.: типография М.О. Вольфа, 1870. – 133 с.

Сенюткин 1866 – *Сенюткин М.Х.* Донцы. Ч. 2. – М.: типография С. Селивановского, 1866. – 276 с.

Ст. 1861 – *Ст.* По поводу открытий комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках // Военный сборник. – 1861. – № 1. – С. 201-210.

Струков 1878 – *Струков И.И.* Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части Донских областных ведомостей с 1852 по 1876 год. – Новочеркасск: Областной Войска Донского статистический комитет, 1878. – 131 с.

Торжества в память… 1909 – Торжества в память Я.П. Бакланова по случаю исполнившегося столетия со дня рождения // Баклановский сборник. – Новочеркасск: Частная донская типография, 1909. – С. 148-159.

Урушадзе 2020 – *Урушадзе А.Т.* Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8. № 4. – С. 1335-1350.

REFERENCES

BAKLANOV YA.P. *Moya boevaya zhizn' (Zapiski Voiska Donskogo general-leitenanta Yakova Petrovicha Baklanova, napisannye sobstvennoyu ego rukoyu)* [My combat life (Notes of the Don Army Lieutenant-General Yakov Petrovich Baklanov, written by his own hand)]. IN: *Russkaya starina*. – 1871. – Vol. III. – P. 1-15 (in Russ.).

Baklanovskie pesni [Baklanov's songs]. IN: *Baklanovskii sbornik*. – Novocherkassk: Private Don Printing House, 1909. – P. 162-165 (in Russ.).

VENKOV A.V. *Groza Kavkaza. Zhizn' i podvigi generala Baklanova* [Thunderstorm of the Caucasus. Life and exploits of General Baklanov]. – M.: Veche, 2018. – 448 p. (in Russ.).

VOLVENKO A.A. *Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskii period (II pol. XIX – nach. XX vv.)* [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half of the 19th - early 20th centuries)]. – Publishing and printing complex RSUE (RINH), 2017. – 226 p.

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region] (in Russ.).

GERASIMOV K.M. K stoletiyu so dlya rozhdeniya Ya.P. Baklanova [To the centenary of the birth of Ya.P. Baklanov]. IN: *Baklanovskii sbornik*. – Novocherkassk: Private Don Printing House, 1909. – P. 1-57 (in Russ.).

GREKOV A. Po povodu postroiki pamyatnika Yakovu Petrovichu Baklanovu [Regarding the construction of a monument to Yakov Petrovich Baklanov]. IN: *Baklanovskii sbornik*. – Novocherkassk: Private Don Printing House, 1909. – P. 135-142 (in Russ.).

ZAKHAREVICH A.V. *Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voiny (1801-1804 gg.)* [Don Cossacks in battles with mountaineers in the North Caucasus at the initial phase of the defensive period of the Caucasian War (1801-1804)]. – Rostov-on-Don: RGPU Printing House, 2005. – 302 p. (in Russ.).

I.K. *Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske* [Training of young Cossacks in the Don Host]. IN: *Voennyi sbornik*. – 1865. – № 1. – P. 73-89 (in Russ.).

Iz vospominanii o Ya.P. Baklanove [From the memories about Ya.P. Baklanov]. IN: *Baklanovskii sbornik*. – Novocherkassk: Private Don Printing House, 1909. – P. 146-148 (in Russ.).

KARASEV A.A. *Donskie studenty v uchebnom polku: iz vospominanii* [Don students in the training regiment: from memories]. IN: *Donskie oblastnye vedomosti*. – 1902. 3 apr. – P. 3. (in Russ.).

KARASEV A.A. *Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo* [Note of Prince A.M. Dondukov-Korsakov about the Land of the Don Cossacks]. IN: *Russkii arkhiv*. – 1896. – Kn. 12. – P. 589-590 (in Russ.).

KARASEV A.A., POPOV KH.I. *Kratkoe istoricheskoe i statisticheskoe opisanie Voiska Donskogo* [Brief historical and statistical description of the Don Cossacks]. – Novocherkassk: Don Host and A.A. Karaseva Printing Houses, 1887. – 94 p. (in Russ.).

KOLESNIKOV T. *Pis'mo kazaka k Redaktoru «Donskoi Gazety»* [Letter from a Cossack to the Editor of the «Donskaya Gazeta»] // Baklanovskii sbornik. IN: *Baklanovskii sbornik*. – Novocherkassk: Private Don Printing House, 1909. – P. 143-144 (in Russ.).

KORONEVSKII V.I. *Perenos moshchei sv. Evfrosinii Polotskoi iz Kieva v Polotsk (1910 g.). Politicheskii, konfessional'nyi i natsional'nyi aspekty* [Transfer of the relics of St. Euphrosyne of Polotsk from Kyiv to Polotsk (1910). Political, confessional and national aspects]. IN: *Slavyanskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury* [Slavic world: community and diversity. Abstracts of the conference of young scientists within the framework of the Days of Slavic Literature and Culture]. – M.: Institute of Slavic Studies RAS, 2021. – P. 119-123 (in Russ.).

KRASNOV I.I. *Dontsy na Kavkaze. Uchrezhdenie na Kavkaze postoyannykh shtabov donskikh kazach'ikh polkov* [Donets in the Caucasus. Establishment in the Caucasus of the permanent headquarters of the Don Cossack regiments]. IN: *Voennyi sbornik*. – 1861. – № 9. – P. 137-158. (in Russ.).

KRASNOV N.I. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo* [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Land of the Don Host]. – SPb.: Printing House of Department of General Staff, 1863. – P. 596 (in Russ.).

KRASNOV N.I. *Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska* [Military review of the Land of the Don Cossacks]. – SPb.: Military Printing House, 1870. – P. 288 (in Russ.).

KRASNOV P.N. *Kartiny bylogo Tikhogo Dona* [Pictures of the former Quiet Don]. – SPb.: M.O. Vol'f Printing House, 1909. – 542 p. (in Russ.).

LEONOV A.A. *Dontsu-geroyu* [To Donets-hero]. IN: *Baklanovskii sbornik*. – Novocherkassk: Private Don Printing House, 1909. – P. 144-145 (in Russ.).

MININKOV N.A. *Pis'ma P. P. Sakharova Kh. I. Popovu* [Letters from P. P. Sakharov to Kh. I. Popov]. IN: *Donskoi vremennik*. – 2014 – Vol. 23. – P. 198-200 (in Russ.).

MININKOV N.A. *Issledovateli Dona Ivan Vasil'evich Timoshchenkov i Fedor Kalinich Trailin* [Don researchers Ivan Vasilievich Timoshchenkov and Fedor Kalinich Trailin]. – Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2016. – P. 164 (in Russ.).

<Ot sostavitelei> [From compilers]. IN: Baklanovskii sbornik. – Novocherkassk: Private Don Printing House, 1909. – No page (in Russ.).

PIVOVAROV A.N. *Donskie kazaki* [Don Cossacks]. – Novocherkassk: Don Printing House, 1892. – 282 p. (in Russ.).

POPOV P.KH. *Geroi Dona* [Don Heroes]. Novocherkassk: Regional Don Cossack Printing House, 1911. 47 p. (in Russ.).

POTTO V.A. *Iz zapisok kavkaztsa* [From the notes of a Caucasian]. IN: *Voennyi sbornik*. – 1871. – № 1. – P. 127-152 (in Russ.).

POTTO V.A. *Yakov Petrovich Baklanov* [Yakov Petrovich Baklanov]. – SPb.: printing house of V. Gratsionsky, 1877. – 187 p. (in Russ.).

SAVEL'EV A.M. *Trekhsotletie Voiska Donskogo* [Tercentenary of the Don Cossacks]. – SPb.: M.O. Vol'f Printing House, 1870. – 133 p. (in Russ.).

SENYUTKIN M.KH. *Dontsy* [Donets]. Vol. 2. – M.: Printing House of S. Selivanovskiy, 1866. – 276 p. (in Russ.).

St. *Po povodu otkrytii komitetov dlya peresmotra polozhenii v kazach'ikh voiskakh* [Regarding the opening of committees to revise the provisions in the Cossack Hosts]. IN: *Voennyi sbornik*. – 1861. – № 1. – P. 201-210 (in Russ.).

STRUKOV I.I. *Alfavitnyi ukazatel' statei, pomeshchennykh v neofitsial'noi chasti Donskikh oblastnykh vedomostei s 1852 po 1876 god* [Alphabetical index of articles published in the unofficial part of the «Donskie oblastnye vedomosti» from 1852 to 1876]. – Novocherkassk: Regional Statistical Committee of the Don Hosts, 1878. – 131 p. (in Russ.).

URUSHADZE A.T. *Donskie kazaki na Kavkazskoi voine: osobennosti voennoi sluzhby i otsenki sovremennikov* [Don Cossacks in the Caucasian war: peculiarities of military service and contemporary assessment]. IN: Quaestio Rossica. – 2020. – Vol. 8. № 4. – P. 1335-1350 (in Russ.).

Информация об авторе

А.Ю. Перетятько – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.Y. Peretyatko – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 17.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 05.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 05.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-239-255
EDN: AJLPQY

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛЬЧИКСКОГО ГОРСКОГО СЛОВЕСНОГО СУДА: ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ КОММУНИКАЦИИ

Алексей Хасанович Абазов
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, alex_abzov@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-4004-7009

Аннотация. В статье исследуются особенности делопроизводства и документального обеспечения внешней коммуникации в деятельности Нальчикского горского словесного суда (1871–1918). В качестве делопроизводственных документов суда рассмотрены учетные книги суда (настольные журналы, книги для записи налагаемых судом штрафов, реестры засвидетельствованных актов, журналы входящей и исходящей корреспонденции, алфавитные указатели участников разбирательств, книги для учета освобожденных от крепостной зависимости крестьян, книги для учета выдаваемых денег из Кабардинской общественной суммы и т.п.); документы по организации и обеспечению судебных разбирательство (жалобы и прошения от населения, протокола заседания суда, приговоры и постановления по гражданским и уголовным делам, апелляционные жалобы, акты медицинских освидетельствований, исполнительные листы, мировые сделки); документы, связанные с сопровождением отношений опекунства и попечительства; документы по деятельности суда нотариального характера; документы отчетной деятельности (ведомости, отчеты и т.п.); документы по обеспечению внешней коммуникации и т.п. Делается вывод, что документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда проходило с опорой на широкий круг делопроизводственных документов, применение которых регламентировалось соответствующими нормативными актами и отражало специфику его судебно-административной, опекунской, нотариальной и учетной функций.

Ключевые слова: Терская область, Нальчикский округ, Нальчикский горский словесный суд, сельский суд, медиаторский суд, судопроизводство, делопроизводство, документация, внешняя коммуникация

Для цитирования: Абазов А.Х. Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда (1871-1918): делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 239-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-239-255. – EDN: AJLPQY.

© Абазов А.Х., 2022

Original article

THE RECORDS CREATION OF THE NALCHIK MOUNTAIN COURT: PAPERWORK AND PROVISION OF EXTERNAL COMMUNICATION

Alexey Kh. Abazov
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alex_abzov@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-4004-7009

Abstract. The article examines the particularities of paperwork and documentary support of external communication in the activities of the Nalchik Mountain Court of Words (1871-1918). As record paperwork, the final court reports are considered (desktop logs, books for recording fines imposed by the court, registers of visible acts, logs of incoming and outgoing correspondence, alphabetical indexes of participants in the proceedings, books for accounting for peasants freed from serfdom, books for accounting for the money issued from the Kabardian public amount, etc.); documents about the organization and provision of court proceedings (women and petitions from the population, court minutes, sentences and decisions in civil and criminal cases, appeals, acts of medical institutions, executive lists, settlement transactions); documents related to the accompaniment of the relationship of guardianship and patronage; documents on the activities of the court of notarial nature; documents of reporting activities (statements, reports, etc.); documents on provision of external communication, etc. It is concluded that the documentation of the activities of the Nalchik Mountain Court of Words based on a wide range of records, the application of which was regulated by relevant regulatory acts and reflected the specifics of its judicial, administrative, guardian, notarial and accounting activities.

Key words: Terek Region, Nalchik District, Nalchik Mountain Court of Words, Village Court, Mediator Court, Legal Proceedings, Office Work, Documentation, External Communication

For citation: Abazov A.Kh. The records creation of the Nalchik mountain court: paperwork and provision of external communication. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 239-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-239-255. – EDN: AJLPQY.

© Abazov A.Kh., 2022

Введение

Документальное измерение инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи в дореволюционный период представляет собой важную научную задачу, исследование которой открывает новые исследовательские перспективы. Решение этой задачи может быть предметом специального обобщающего исследования по определению особенностей формирования документального массива, обеспечивавшего и сопровождавшего деятельность учреждений власти в регионе и выявлению его информативной отдачи для дальнейшего изучения особенностей российско-горского взаимодействия. Решение этого вопроса также особенно важно и в современных условиях развития Российской государственности, когда продолжается поиск и апробация новых механизмов и институтов по улучшению управления регионами, в том числе и в Северо-Кавказском федеральном округе,

средств и способов гармоничного межкультурного взаимодействия в целях обеспечения стабильности и безопасности российского общества.

Корпус документов по изучению и сопровождению инкорпорации народов региона в состав имперского государства в дореволюционное время обширен и многообразен. Документирование деятельности в учреждениях власти и органов самоуправления на Центральном Кавказе в дореволюционный период представляло собой длящееся динамичное явление, имевшее свои географические и хронологические особенности. Поэтому его исследование на материалах конкретных учреждений власти на местах позволяет определить локальные особенности российского делопроизводства, механизмы адаптации коренного населения к новой несвойственной для их традиционного сознания правовой культуре и т.п. В этом плане большой научный интерес представляет собой документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда (1870–1918) как переходной модели осуществления правосудия, сочетавший элементы российской судебной системы и традиционные формы решения споров и конфликтов у кабардинского и балкарского населения Нальчикского округа.

Историография истории деятельности горских словесных судов на Кавказе обширна. Первые исследовательские оценки их деятельности были даны еще современниками. Например, Н.М. Рейнке писал, что «горские суды Кубанской и Терской областей, а также народные суды Закавказья, составляют первую судебную инстанцию и являются по своему строю установлениями судебно-административными» [Рейнке 1912]. Некоторые аспекты деятельности Нальчикского горского словесного суда затрагивались в работах Б.А. Ланге [Ланге 1903], М. Абаева [Абаев 2012: 362–395], В.Н. Кудашева [Кудашев 1911], С.К. Бушуева [Бушуев 1956], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1963], Х.М. Думанова и Х.С. Кушхова [Думанов, Кушхов 1986: 46], Ю.М. Кетова [Думанов, Кетов 2000: 41–50], Ж.А. Калмыкова [Калмыков 1995; Калмыков 2007: 52–59], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2017], А.Т. Урушадзе [Урушадзе 2019] и др. В наших работах были предприняты попытки определить место Нальчикского горского словесного суда в судебной системе Терской области в последней трети XIX – начале XX в., рассмотреть на его материалах формы и практики решения социальных конфликтов у кабардинцев, исследовать его суда как источник изучения обычного права кабардинцев и т.п. Однако особенности документирования его деятельности, ведения делопроизводства и документального обеспечения его внешней коммуникации не становились предметом специального исследования.

Исследование выстраиваются с опорой на документальную базу Нальчикского горского словесного суда и учреждений, с которыми он взаимодействовал в пределах своей компетенции. Они отложились в основном в Управлении Центрального государственного архива Архивной службы КБР (Ф. И-3 «Георгиевское окружное управление», Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа Терской области»; Ф. И-22 «Нальчикский горский словесный суд», Ф. И-51 «Управление Пятигорского округа» и др.) и Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия – Алания (Ф. 12 «Канцелярия Начальника Терской области»). Также сведения о документации нальчикского городского словесного суда приводятся в материалах ревизии Н.М. Рейнке [Материалы по

обозрению… 1912] или в сборниках опубликованных документов [Антология памятников права… 2014; Документальное наследие… 2013] и др. Основные принципы документооборота горских словесных судов закреплены в учредительном акте под названием «Временные правила для Горских словесных судов Кубанской и Терской областей», принятом и утвержденном наместником Кавказа 18 декабря 1870 г. [Временные правила… 1891] (далее. – Временные правила). В них содержался перечень обязательных книг для фиксации и учета текущей деятельности суда и очерчивался круг лиц, ответственных за их ведение. Принимались и другие нормативные документы с целью унификации деятельности горских словесных судов в Терской и Кубанской областях. Однако их применение на местах (том числе и в Нальчикском горском словесном суде) зачастую приобретало локальные особенности в зависимости от характера самобытных правоприменительных практик о представителей коренного населения, личностей и знаний избираемых из их среды судей и т.п.

Так, Нальчикский горский словесный суд начал работу 1 января 1871 г. И до момента ликвидации в 1918 г. представлял собой важное звено в судебной системе Кавказского региона. Ко времени его учреждения в отношении местного населения уже накопилась достаточная практика, в том числе и в документировании судебной деятельности и взаимодействий с другими структурами. Его правопредшественниками можно условно считать Кабардинский временный суд (1822–1858) и Кабардинский окружной народный суд (1858–1870), в документировании деятельности которых сложились свои традиции. Делопроизводственную документацию Нальчикского горского словесного суда составляли учетные книги для фиксации его текущей деятельности, документы по организации и обеспечению судебных разбирательств, документы по регулированию отношений опеки и попечительства, нотариальной, финансово-хозяйственной и отчетной деятельности, также по обеспечению его взаимодействия с другими учреждениями власти и самоуправления в пределах своей компетенции.

Учетные книги

Учетные книги Нальчикского горского словесного суда представляли собой пополняемые и систематизированные по определенным критериям реестры сводной информации за определенные промежутки времени. Обязанность суда по ведению учетных книг закреплялась в п. 23 Временных правила (1870), в котором отмечалось, что «для записывания всех действий и постановлений суда ведется… председательствующим настольный журнал, а делопроизводителем алфавитный указатель жалобщикам, обвиняемым, истцам и ответчикам» [Временные правила... 1891: 232–242]. Анализ делопроизводственной документации показывает, что в Нальчикском горском словесном суде в разные периоды его деятельности практиковалось ведение настольных журналов по годам, особых книг для записей штрафов, реестров засвидетельствованных актов, исходящих журналов (журналов исходящей корреспонденции), входящих журналов (журналы входящей корреспонденции), алфавитных указателей «жалобщикам, обвиняемым истцам и ответчикам» (по годам), книг об освобождении «холопей», общего алфавитного указателя обвиняемым (по годам), описей дел (по годам),

книги для учета денег, выдаваемых в заем из Кабардинской общественной суммы, книга для записи и учета вещественных доказательств [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2175. Л. 26–27].

Настольные журналы. Настольные журналы велись по установленной Временными правилами (1870) форме. В них фиксировались сведения обо всех подаваемых в устной или письменной формах жалобах и прошениях. Также в настольный журнал записывались показания сторон и свидетелей, получаемые в ходе судебных разбирательств. Ответственным за внесение этих записей был председательствующий на заседании член суда. Также в настольный журнал записывались сведения о произведенных осмотрах, обысках и освидетельствованиях; мировых сделках, заключенных на досудебных стадиях рассмотрения споров и конфликтов; мнениях кадия (мусульманского судьи) о применении конфессиональных норм при рассмотрении дел, подлежащих решению по шариату. Председательствующий был обязан вносить записи в настольный журнал о вынесенных решениях и приговорах. В материалах Горского словесного суда часто встречаются упоминания о выписках или копиях записей из настольного журнала. В п. 69 Временных правил (1870) устанавливалась плата за подготовку выписок и копий записей из настольного журнала. Вырученные средства по этой части направлялись на покрытие канцелярских расходов и хозяйственных надобностей суда.

Особые книги для записей штрафов. Ведение в горском словесном суде особой книги для записи налагаемых штрафов регламентировалось Временными правилами (1870) [Временные правила... 1891: 232–242]. Книги штрафов выдавались начальником Терской области и состояли на особом учете.

В *других книгах* фиксировалась информация о засвидетельствованных судом актах, имеющих юридическое значение (сделки о купле-продаже товаров и недвижимости, акты освобождения крестьян от личной зависимости и т.п.), сведений выданных в заем средствах из Кабардинской общественной суммы; а поступаемых суд вещественных доказательствах и т.п. Для обеспечения деятельности Нальчикского городского словесного суда, оперативного поиска информации, подготовки документов с элементами статистического обобщения составлялись алфавитные указатели жалобщикам, истцам и ответчикам, книги с описями рассмотренных дел и т.п.

Материалы учетных книг содержали большой пласт информации об участниках судебных разбирательств, характере деятельности суда по вопросам освобождения крестьян от личный зависимости, сведения о количестве и разновидностях разбираемых споров и конфликтов, особенностях становление финансово-кредитных отношений и т.п. Однако следует отметить, что большинство этих книг не сохранилось до настоящего времени и информацию о них приходится восстанавливать на основе анализа косвенных источников (выписок из настольных журналов суда, ведомостей, приложенных к отчетным материалам и т.п.).

Документы по обеспечению и организации судебных разбирательств

Организация судебных разбирательств обеспечивалась с помощью специальной группы документов. К этой группе относились жалобы и прошения от населения; повестки; медицинские освидетельствования; протокола заседаний суда; постановления суда; приговоры или решения суда по гражданским и уголовным делам; документы, обеспечивавшие принятие судом заочных решений; апелляционные жалобы на приговоры или решения суда; исполнительные листы.

Жалобы и прошения от населения. В п. 23 Временных правила (1870) устанавливалось, что просьбы и жалобы в горский словесный суд могли подаваться в устной или письменной формах [Временные правила... 1891: 232–242]. Письменные жалобы могли быть поданы на простой бумаге. Жалобы и прошения подавались как лично просителями, так и через поверенных. Сведения о поданных устных и письменных жалобах фиксировались во входящем журнале суда.

Прошения были наиболее распространённой в практике суда формой обращения жителей округа с заявлениями о нарушенных правах и требованиями по их восстановлению. Письменные прошения подавались по установленной форме. Обязательными реквизитами прошений были наименование суда, в который оно подавалось, имя, фамилия и место проживания просителя, содержательная часть, дата подачи и подпись просителя. Наиболее информативной частью прошений была содержательная часть, в которой подробно описывалась суть нарушенного права с изложением всех имеющих отношение обстоятельств [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Ед. хр. 200. Т. 2. Л. 219]. В заключении содержательной части помещалась суть просьбы (рассмотреть дело в суде, распорядиться восстановить нарушенное право и т.п.). Большинство поданных прошений были индивидуальными. Однако в практике суда встречались случаи подачи коллективных прошений (в том числе, коллективные жалобы на бездействие аульной администрации и аульного суда [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 28]). В большинстве случаев неграмотные просители оставляли вместо подписей на составленных в суде прошениях чернильные отпечатки пальцев [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 357. Л. 1–1 об.], в некоторых случаях прошения от имени потерпевших в суд подавали их поверенные (представители) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 670. Л. 1].

Прошения подавались в основном на имя начальника округа, а он в свою очередь принимал решение о передаче его на рассмотрение горского словесного суда. В более поздней практике прошения подавались напрямую в словесный суд [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 1487. Т. 1. Л. 1].

Повестки. Вызов на судебное разбирательство обвиняемых, ответчиков и свидетелей производился на основании письменных повесток. Временные правила (1870) предъявляли требования к содержанию повесток. В п. 27 документа отмечалось, что в повестка должна была содержать точное указание о персоналиях вызываемого лица, времени и месте явки [Временные правила... 1891: 232–242]. Вручение повесток проходило как правило с помощью работников сельских (аульных) администраций. Неявившиеся по повесткам участники процесса подлежали штрафованию, о чем на самой повестке делалась соответствующая отметка. В поздней практике суда встречаются повестки, персональ-

ные данные в которых внесены в заранее отпечатанные типографским способом формы их бланков. Повестки не предусматривались по уголовным делам, по которым не удавалось достичь примирения сторон на досудебной стадии. Находившиеся на свободе участники процесса по этой категории дел приводились в суд полицейскими. Каждый такой перевод тоже подвергался документированию.

Медицинские освидетельствования. Акты медицинских освидетельствований принимались к разбирательству Нальчикским горским словесным судом в основном по делам о нанесении ран и телесных повреждений. Они принимались во внимание судьями при вынесении решений о степени потери трудоспособности потерпевшим и для определения размера материальной компенсации. Акты выдавались окружными лекарями с разрешения начальника округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 8–8 об.]. Зачастую эти акты являлись определяющими при вынесении решений о размерах денежных или материальных компенсаций в пользу потерпевшего или его родственников по этой категории дел.

Протокола заседаний суда представляли собой документы, отражавшие ход разбирательства судом спора или конфликта. Несмотря на это, протокола составлялись по установленной форме. В начале указывались сведения о судьях, принимавших участие в решении вопроса, отмечалось об инициаторе рассмотрения, раскрывалась суть самого вопроса, вынесенного на обсуждение, описывались доводы и мнения участников заседания, помещались выводы, раскрывалась суть принятого постановления, ставились подписи участников обсуждения. В делопроизводственной практике суда встречались протокола, в которых содержались правила принятия решений судьями в ситуациях, требующих дополнительного толкования (например, какие обстоятельства считаются уважительными причинами отсутствия присяжника в судебном разбирательстве, право обвиняемого на отвод присяжника и т.п., особенности применения обычаев и традиций кабардинцев и балкарцев при решении споров и конфликтов [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2175. Л. 10–11], о подведомственности (или подведомственности) суду представителей местного населения [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2175. Л. 24–24 об.]) и т.п.

Приговоры или решения суда по гражданским и уголовным делам. Приговоры по уголовным делам, выходивших за пределы компетенции мировых судей и отнесенные к подведомственности горского словесного суда, начальник Нальчикского округа направлял на утверждение начальнику Терской области). Приговоры документировались по установленной форме. В начале давались сведения о судьях, принимавших участие в судебном разбирательстве, сути разбираемого спора и принятия решения по нему, в большинстве случаев, сопровождаемых конкретными сведениями о наказании и сроках его исполнения. В конце ставились подписи судей, принимавших участие в судебном разбирательстве. Некоторые протокола направлялись на утверждение начальника Терской области, поэтому встречались документы с резолюцией высшего начальства в регионе.

Документы, обеспечивавшие принятие судом заочных решений. П. 29 Временных правил устанавливал возможность принятия заочных решений в случае неявки по повесткам участников судебного разбирательства [Временные правила... 1891: 232–242]. Такие решения могли быть приняты по всем гражданским делам, а также по той категории уголовных дел, по которой возможно примирение сторон на досудебной стадии. В этом случае суд выносил заочное решение или приговор. Копия принятого судом документа о заочном решении дела должна была быть направлена ответчику или обвиняемому. Ответчик и обвиняемый, несогласные с заочным решением, в течение двух недель[1] со дня ознакомления могли подать в горский словесный суд прошение о новом рассмотрении и их пересмотре заочного решения. В случае повторной неявки в суд лицо, подавшее прошение о новом рассмотрении, подвергалось штрафованию, а заочное решение не пересматривалось и в первоначальном виде вступало в юридическую силу. Сведения о принятых заочных решениях фиксировались в настольных журналах суда.

Апелляционные жалобы на приговоры или решения суда. Апелляционная жалоба могла быть подана на заочное решение суда. Жалоба подавалась на имя начальника Нальчикского округа на простой бумаге в течение месяца со дня объявления приговора или решения. Жалобы подавали недовольные решением суда участники разбирательств лично или через доверенных. Помимо этого, в пакет документов, сопровождавших жалобу, входили рапорта Нальчикского горского словесного суда и выписки из его настольного журнала [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 357. Л. 9–9 об.]. Начальник округа в недельный срок после поступления апелляционной жалобы направлял ее с материала дела начальнику области. По этой части областной начальник принимал основные решения: оставить решение горского суда в силе, предлагал собственное решение, направлял на пересмотр по подведомственности и т.п.

Исполнительные листы. Исполнительные листы представляли собой распорядительные акты нормативного характера и содержали предписания на проведение конкретных действий (зачастую в принудительной форме) по исполнению решений суда. Исполнительные листы также имели устоявшуюся форму. Они содержали сведения о дате выдачи; составе судей, принявших решение; отсылки к разбираемым делам; суть принятого решения, подлежащего исполнению; ссылку на нормативный акт, регламентирующий акт принудительного исполнения решения суда; разъяснение должностным лицам – исполнителям (представителям местной власти, полицейским и военным исполнителям, приставам и т.п.) о необходимости исполнить решение суда в полной мере [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 19].

Мировые сделки представляли собой процессуальные документы горского словесного суда, в которых документировались акты добровольного примирения спорящих сторон, помещались сведения о принятых ими обязательствах для примирения и восстановления нарушенных прав (материальная компенса-

1 А.А.: для жителей отдаленных территорий Нальчикского округа предусматривался месячный срок подачи заявления о пересмотре заочного решения горского словесного суда.

ция с указанием размеров и сроков ее погашения, примирительные угощения и т.п.) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2407. Л. 3].

Так, документы этой группы являются наиболее информативными при исследовании практики принятия судом решений, формах применения традиций и обычаев кабардинцев и балкарцев в деятельности суда, особенностях их адаптации к Российской судебной системе и т.п.

Документирование деятельности в области опеки над малолетними и недееспособными жителями округа и их имуществом

Одной из важных функций Нальчикского горского словесного суда была организация опеки и контроль за ее исполнением. Суд назначал опекунов над оставшимися без присмотра малолетними жителями округа и их имуществом, над имуществом собственников, находившихся не в состоянии самостоятельно им распоряжаться («умалишенных», расточительных и т.п.); а также над имуществом собственников, находившихся «в далеком и долгом отсутствии» [Временные правила... 1891: 232–242]. Опекуны были обязаны ежегодно не позднее 1 марта представлять в горский суд отчеты по управлению порученными им имуществом. Жалобы на решения горского словесного суда по опекунским делам подавались начальнику Нальчикского округа. Для определения отношений по опекунству использовались следующие группы документов: постановления суда о назначении опекунов, описи имущества, отчеты опекунов, жалобы на их действия, документы о спорах по поводу находившегося под опекой имущества и т.п.

Подписки о личном поручительстве за правонарушителей подавались в суд жителями округа с целью гарантии решения спора и обеспечения явки правонарушителя на судебное разбирательство. Подписки подавались на имя председателя Горского словесного суда и содержали сведения о поручителе и принимаемом на попечение правонарушителе. В подписках помещались обязательства поручителя доставлять правонарушителя по требованию начальника округа или членов словесного суда для проведения мероприятий дознания или на разбирательство дела в суде. Подписки о принятии на поруки правонарушителей в практике Горского словесного суда встречались в основном по делам о краже чужого имущества [УЦГА АС КБР, ф.-И. 22. Оп. 1, ед. хр. 139. Л. 3]. В целом, Нальчикский горский словесный суд был основным учреждением, отвечавшим за организацию и сопровождение опеки, изучение документов о деятельности которого может быть предметом специального исследования.

Документирование деятельности нотариального характера

На горский словесный суд возлагалась обязанность по засвидетельствованию сделок с участием представителей коренного населения округа. Для учета совершенных засвидетельствований в горском словесном суде велся реестр, в котором делались отметки о дате их совершения, сведения о лицах (участниках акта засвидетельствования) и их местах жительства, сущность подтверждаемых актов и действий, расписка о получении участниками свидетельствованных ак-

тов. Каждый реестр сопровождался алфавитным указателем лиц, в отношении которых выдавались свидетельствованные акты. Рядом с именем и фамилией участника акта засвидетельствования указывался номер, под которым была сделана запись в реестре. Реестровая книга велась в течение календарного года. По истечении года председатель Горского словесного суда вносил в реестр надпись о количестве совершенных в текущем году актов засвидетельствований. По истечении года реестровая книга засвидетельствованных актов передавалась для проверки в канцелярию начальника Терской области. После проверки реестровая книга хранилась в Горском словесном суде.

Документирование отчетной деятельности

К отчетной документации Нальчикского горского словесного суда относились ведомости о движении уголовных и гражданских дел и составленные на их основе отчеты, списки арестантов и штрафных денег и т.п. Кроме этого, суд составлял документы с элементами статистического обобщения, в которых по разным критериям фиксировались количественные показатели. Анализ этих документов в хронологической последовательности дает возможность охарактеризовать динамику их деятельности по различным направлениям (разбирательство уголовных гражданских дел, объем штрафных денег, количество опекунских дел и сведения об имуществе, находящемся в доверительном управлении, количество засвидетельствованных актов, имеющих правовое значение и т.п.).

Ведомости. Тематические ведомости горского словесного суда представляли собой документы с элементами статистического обобщения, в которых, как правило, содержались количественных показатели по конкретным направлениям его деятельности.

Отчеты. Среди основной отчетной документации Горского словесного суда можно выделить отчеты о движении уголовных и гражданских дел [ЦГА РСО-Алания, ф. 12. Оп. 3, ед. хр. 1061. Л. 12–12 об.]. Отчеты поступали на рассмотрение вышестоящего начальства (в основном, начальника округа и начальника области). По сути, отчеты представляли собой анализ ведомостей с элементами статистического обобщения. Кроме того, некоторые отчеты содержали рекомендации по оптимизации и улучшению деятельности горского словесного и других судов на территории округа [ЦГА РСО-Алания, ф. 12. Оп. 3, ед. хр. 1061. Л. 12–12 об.].

Списки арестантов. Нальчикский горский словесный суд ежемесячно направлял на рассмотрение помощника начальника Терской области списки о содержащихся под стражей местных жителей. Списки готовились по форме, установленной начальником области.

В целом, документы этой группы применялись, в основном, для производства количественной аналитики для дальнейшего комплексного изучения с опорой на математически и вычислительные процедуры.

Документирование внешней коммуникации

Документирование внешней коммуникации Нальчикского горского словесного суда от характера их взаимодействия с подведомственными и надведомственными учреждениями. В пределах своей компетенции Нальчикский горский словесный суд взаимодействовал с начальником Терской области и терским областным правлением, начальником Нальчикского округа и нальчикским окружным правлением, окружной полицией, сельскими (аульными) и медиаторскими судами и т.п. Рассмотрим особенности их документирования на примере деятельности некоторых из перечисленных учреждений.

Начальник Терской области и Терское областное правление. Нальчикский горский словесный суд взаимодействовал с начальником Терской области и терским областным правлением по различным вопросам обеспечения документирования их деятельности и организации документооборота. Начальник области утверждал некоторые особо важные решения горского словесного суда, принимал решения по апелляционным жалобам на его решения, утверждал формы списков для учета содержащихся под стражею местных жителей и т.п. Областное правление выдавало суду книги учета штрафов по установленным формам, проверяло реестровые книги по учету опекунов и их деятельности и т.п. Основной формой коммуникации суда с начальником Терской области были рапорта. В свою очередь, начальник Терской области взаимодействовал с судом посредством приказов, циркуляров, резолюции на официальных документах и т.п.

Кроме того, начальник Терской области соответствующими приказами на основании рапортов окружного начальника утверждал в должностях судей Нальчикского горского словесного суда [ЦГА РСО-Алания, ф. 12. Оп. 3, ед. хр. 1254. Л. 95]. В свою очередь рапорта окружного начальника по данной тематике составлялись с опорой на приговоры Съезда доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды.

Начальник округа. Горский словесный суд находился в тесном взаимодействии с начальником Нальчикского (Пятигорского, Георгиевского) округа. В одной стороны, на имя начальника округа подавались прошения и жалобы от населения, а он, в свою очередь, определив их подсудность горскому словесному суду направлял их туда для рассмотрения. С другой стороны, начальник округа рассматривал и утверждал протокола горского словесного суда. Так же начальник округа направлял на рассмотрение начальника области апелляционные жалобы на решения Нальчикского горского словесного суда, сопровождая их собственными рапортами.

Основным видом исходящей документации Горского словесного суда в отношении начальника Нальчикского округа были рапорта. В рапортах, как и других документах этого вида указывались адресат, дата отправления, номер регистрации работа в исходящем журнале. Основная часть рапортов состояла из двух позиций. В первой описывалась сущность ситуации. Во второй содержалась просьба или помещались проекты возможных решений по делу. Как правило, такого рода рапорта подписывал председатель горского словесного суда [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2175. Л. 64–65].

Полиция. Нальчикский горский словесный суд взаимодействовал с окружной полицией. Суд имел право возложить на полицию обязанность по проведению дознания, осмотров, освидетельствований, обысков и сбор необходимых для рассмотрения конкретного дела справок.

Сельские (аульные) суды. Нальчикский горский словесный суд выступал вышестоящей инстанцией по отношению к сельским (аульным) суд и принимал к рассмотрению апелляционные жалобы на их решения. Это предопределило характер документальной коммуникации между ними. В словесный суд поступали жалобы на решения сельских судов, а в качестве сопроводительной документации – решения сельских судов или выписки из настольных журналов сельских правлений (выписки из шнуровых книг сельских правлений или сельских судов), в которых фиксировалась информация о решенных в сельских судах спорах и конфликтах (дата разбирательства, личные данные представителей сторон споров и конфликтов, суть разбираемого дела, характер доказательственной базы, суть принятого решения, иногда – сведения о вменении обязанности исполнить решение суда конкретным служащим суда, сведения о судьях, принимавших участие в разбирательстве) [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2503. Л. 7–8 об.]. Сельские старшины были ответственными за достоверность сведений, помещенных в выписках (о чем на них делалась соответствующая пометка [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2509. Л. 3]). Иногда жалобы на решения сельских судов подавались в форме прошений на имя начальника округа с ходатайством передать дело на рассмотрение горского словесного суда [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2509. Л. 1]. В свою очередь окружной начальник направлял дело суд, иногда сопровождая свое решение комментариями с обозначением фактов или обстоятельств, которые могли быть значимыми при вынесении решения судом [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 2509. Л. 2]. В материалах Нальчикского городского словесного суда в большей степени отложились в основном апелляционные жалобы на решение сельских (аульных) судов и выписки из их журнальных постановлении. Они содержали сведения о характере и особенностях применения обычаев и традиций кабардинцев и балкарцев при решении споров и конфликтов.

Медиаторские (посреднические, третейские) суды. Нальчикский горский словесный суд осуществлял тесное взаимодействие с такими неформальным институтами решения споров и конфликтов у кабардинцев и балкарцев как медиаторские (посреднические, третейские) суды, которые как правило принимали решения на основе их норм обычного права. Такое взаимодействие тщательно документировалось. В делопроизводственной практике Горского суда по этой части отложились расписки о передаче споров на решение суда посредников, зафиксированные в письменном виде решения медиаторских судов, апелляционные жалобы на их решения.

Случалось, что члены Горского словесного суда в пределах своей компетенции не могли вынести решение, отражавшее суть рассматриваемого дела. Тогда судьи принимали решение передавали дело на рассмотрение посреднических судов. Такое решение оформлялось специальным постановлением. Сторонам разбирательства предлагалось дать расписки (подписки) с выражением со-

гласия на таковую передачу. Расписки (подписки) участников судебного разбирательства содержали их фамилии и имена, наименование населенного пункта проживания, указание на добровольный характер заключаемого соглашения, суть разбираемого спора, сведения о личностях выбранных медиаторов, обязательство не завершить спор и принять решение медиаторов, и обязательство о передаче решения медиаторов в горский словесный суд [УЦГА АС КБР, ф И-22. Оп. 1, ед. хр. 157, л 3–3 об.]. Анализ делопроизводственной документации показывает, что расписки о передаче дел на рассмотрение медиаторов принимались по делам об убийствах [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 10], причинении ран и телесных повреждений [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 6] (в том числе и повлекших смерть потерпевшего [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 405. Л. 3]), кражах [УЦГА АС КБР, ф И-22. Оп. 1, ед. хр. 157, л 3–3 об.].

Кроме того, в делопроизводственной практике Нальчикского горского словесного суда принимались к рассмотрению и составленные в письменной форме решения медиаторских (посреднических) судов. Установленной формы для таких документов не было. Но анализ документов показывает, что они, как правило, содержали сведения о дате проведения разбирательства, личностях медиаторов (с указанием сторон – участников споров, от которых они были избраны или приглашены на разбирательство), указание на то, что разбор спора осуществлялся на основании народных обычаев и традиций (норм обычного права), сведения о личностях спорящих сторон и суть постановления (как правило, материальную компенсацию с указанием конкретных ее размеров в натуральном измерении или денежном эквиваленте, порядке и сроках ее уплаты[1]), а также отметку о том, что стороны ознакомлены с решением и не имеют возражений [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 11–11 об.]. В ответ на это Нальчикский горский словесный суд принимал постановления о соответствии / несоответствии принципам отправления правосудия принятых решений и об утверждении принятого медиаторами решения [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 12]. В большинстве случаев на решении медиаторского суда ставились подписи медиаторов и других лиц, принимавших участие в разбирательстве [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 628. Л. 15–15 об.]. После утверждения в Горском словесном суде решение медиаторов вступало в законную силу. Об утверждении горским словесным судом решения на приговоре после подписей медиаторов и других участников разбирательства делалась со-

1 А.А.: Иногда решение медиаторов обязывало родственников со стороны правонарушителя организовать застолье в знак примирения с родственниками со стороны потерпевшего, в некоторых случаях в таких решениях содержалось указание на конкретный перечень и количество блюд и напитков для стола примирения [см., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 405. Л. 3]. В медиаторских решениях встречались и другие меры примирения и превенции новых правонарушений на почве кровной мести и т.п. Например, в практике Горского словесного суда встречались документы суда посредников, в которых содержался запрет в отношении правонарушителя на проживание и посещение аула, в котором проживал потерпевший или его близкие родственники, запрещалось одновременно посещать одну и ту же мечеть, регламентировался порядок предоставления преимущества уступать дорогу при встрече на одной улице и т.п. [см.: например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 628. Л. 15–15 об.]. Нарушение этих ограничений могло привести к назначению дополнительных штрафов в отношении нарушителей. Штрафы от такой деятельности поступали в Кабардинскую общественную сумму [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 628. Л. 15–15 об.].

ответствующая отметка (например, «Нальчикский Горский словесный суд по рассмотрении настоящего медиаторского решения постановил на основании 8, 45 и 48 п. временных правил таковое утвердить» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Ед. хр. 1943. Л. 14]). Неутвержденные решения медиаторских судов отправляли для нового рассмотрения в горском словесном суде, и документально оформлялись соответствии с применимой для этого формой.

Заключение

Таким образом, документирование деятельности Нальчикского городского словесного суда происходило с опорой на широкий круг делопроизводственных документов, применение которых регламентировалось соответствующими нормативными актами и содержала судебно-административную, нотариальную, опекунскую, финансово-хозяйственную и отчётную функции его деятельности. В делопроизводственной практике Суда применялись учетные книги сводной информации, документы по обеспечению и организации судебных разбирательств, документы по опекунству, нотариальной и финансово-хозяйственной деятельности, документы, обеспечивавшие его внешнюю коммуникацию, и отчётные документы с материалами и элементами статистического обобщения. Делопроизводственная документация суда содержит информацию о персоналиях (судьях, вспомогательном персонале, участниках судебных разбирательств и т.п.), о применявшихся для разбирательства споров и конфликтов обычаях и традициях кабардинцев и балкарцев, организациях, с которыми он взаимодействовал в пределах своей компетенции, финансировании его деятельности, о составе имущества жителей региона и формах защиты их прав на него со стороны властей. Это открывает дополнительные возможности для исследования каналов включения местных жителей в деятельность российских органов власти, социальных лифтах, которые открывала служба в суде; аккультурации обычаев и традиций народов региона и их рецепции в рамках российской правовой системы и т.п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 2012 – *Абаев М.К.* Балкария. Исторический очерк (1911) // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 11. Памятники права Балкарии / Сост. З.А. Яхтанигов. – М.: ООО Издательство Перо, 2012. – С. 362–395.

Антология памятников права… 2012 – *Антология памятников права* народов Кавказа. Т. 11. Памятники права Балкарии. – Ростов н/Д: ООО Издательство Перо, 2012. – С. 314–332.

Антология памятников права… 2014 – *Антология памятников права* народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Редакционно-издательский центр ЮРИУФ РАНХ и ГС при Президенте РФ, 2014. – 624 с.

Бушуев 1956 – *Бушуев С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. – Нальчик: Каб. кн. изд-во, 1956. – 192 с.

Временные правила… 1891 – *Временные правила* для Горских словесных судов Кубанской и Терской областей, утвержденных Наместником кавказским 18 декабря 1870 года // Кубанская справочная книжка. – Екатеринодар: книжная типография, 1891. – Отд. 2. – С. 232–242.

Документальное наследие 2013 – *Документальное наследие* рода Кармовых: Историко-архивное издание / Сост. Р.К. Кармов. – Нальчик: Издательство Центр-Принт, 2013. – 360 с.

Думанов, Кетов 2000 – *Думанов Х.М., Кетов М.Ю.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX в. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2000. – 140 с.

Думанов, Кушхов 1986 – *Думанов Х.М. Кушхов Х.С.* К вопросу о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и быт адыгов. – Майкоп: Меоты, 1986. – Вып. 6. – С. 46–56;

Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 125 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Кудашев 1991 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе (вступительная статья, подготовка текста и редакция ... д-р. ист. наук. Т.Х. Кумыкова). – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 190 с.

Кумыков 1963 – *Кумыков Т.Х.* Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Вып. XIX. – Нальчик: Эльбрус, 1963. – С. 90–102;

Ланге 19*03* – *Ланге Б.А.* Балкария и балкарцы // Кавказ. Тифлис, 1903. 25 окт. № 283; 29 окт. № 287; 30 окт. № 288; 5 ноября № 294; 12 ноября № 301.

Материалы по обозрению… 1912 – *Материалы по обозрению* горских и народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением и.о. обер-прокурора общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената Н.М. Рейнке, членом Московской судебной палаты Н.М. Агишевым и товарищем прокурора Тамбовского окружного Суда В.Д. Бушеном. – СПб.: Сенатская типография, 1912. – 278 с.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 136 с.

Рейнке 1912 – *Рейнке Н.М.* Кавказско-горские суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. – 1912. – № 2. – С. 4–71.

Урушадзе 2019 – *Урушадзе А.Т.* «Мнимая юстиция»: горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования кавказского края в материалах ревизии Н.М. Рейнке // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 914-927. УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (г. Владикавказ).

REFERENCES

ABAEV M.K. *Balkariya. Istoricheskii ocherk (1911)* [Balkaria. Historical Essay (1911)]. IN: Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza. T. 11. Pamyatniki prava Balkarii / Sost. Z.A. Yakhtanigov. – M.: OOO Izdatel'stvo Pero, 2012. – S. 362–395. (In Russ.).

Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza [Anthology of monuments of the rights of the peoples of the Caucasus]. T. 11. Pamyatniki prava Balkarii. – Rostov n/D: OOO Izdatel'stvo Pero, 2012. – S. 314–332. (In Russ.).

Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza [Anthology of monuments of the rights of the peoples of the Caucasus]. T. 16. Zavershenie Kavkazskoi voiny i formirovanie yuridicheskogo prostranstva Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze. – Rostov n/D: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr YuRIU-F RANKh i GS pri Prezidente RF, 2014. – 624 s. (In Russ.). BUSHUEV S.K. *Iz istorii russko-kabardinskikh otnoshenii* [From the history of Russian-Kabardian relations]. – Nal'chik: Kab. kn. izd-vo, 1956. – 192 s. (In Russ.).

Vremennye pravila dlja Gorskih slovesnyh sudov Kubanskoj i Terskoj oblastej, utverzhdennyh Namestnikom kavkazskim 18 dekabrja 1870 goda [Temporary rules for the mountain verbal courts

of the Kuban and Terek regions, approved by the Governor of the Caucasus on December 18, 1870]. Kubanskaja spravochnaja knizhka. – Ekaterinodar: knizhnaja tipografija, 1891. – Otd. 2. – S. 232–242. (In Russ.).

Dokumental'noe nasledie roda Karmovykh: Istoriko-arkhivnoe izdanie [Documentary heritage of the Karmov family: Historical and archival edition] / Sost. R.K. Karmov. – Nal'chik: Izdatel'stvo Tsentr-Print, 2013. – 360 s. (In Russ.).

DUMANOV KH.M., KETOV M.YU. *Adyge khabze i sud v Kabarde vo vtoroi polovine XVIII–XIX v.* [Adyge habze and the court in Kabarda in the second half of the XVIII-XIX centuries.]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2000. – 140 s. (In Russ.).

DUMANOV KH.M. KUSHKHOV KH.S. *K voprosu o sudoustroistve i sudoproizvodstve v Kabarde vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [On the issue of judicial system and legal proceedings in Kabarda in the second half of the XIX – early XX centuries]. In: Kul'tura i byt adygov. – Maikop: Meoty, 1986. – Vyp. 6. – S. 46–56. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachale XX v.)* [The establishment of the Russian administration in Kabarda and Balkaria (late XVIII - early XX centuries)]. – Nal'chik: El'brus, 1995. – 125 s. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (the second half of the XVIII - the beginning of the XX century)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2007. – 232 s. (In Russ.).

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people] (vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i redaktsiya ... d-r. ist. nauk. T.Kh. Kumykova). – Nal'chik: El'brus, 1991. – 190 s. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Iz istorii sudebnykh uchrezhdenii v Kabardino-Balkarii (konets XVIII – XIX vv.)* [From the history of judicial institutions in Kabardino-Balkaria (late XVIII-XIX centuries)]. In: Uchenye zapiski KBNII. Vyp. XIX. – Nal'chik, 1963. S. 90 – 102. (In Russ.).

LANGE B.A. *Balkariya i balkartsy* [Balkaria and Balkars]. In: Kavkaz. Tiflis, 1903. 25 okt. № 283; 29 okt. № 287; 30 okt. № 288; 5 noyabrya № 294; 12 noyabrya № 301. (In Russ.).

Materialy po obozreniju gorskih i narodnyh sudov Kavkazskogo kraja [Materials on the review of mountain and people's courts of the Caucasus region]. Sobrany pod nabljudeniem i.o. oberprokurora obshhego sobranija kassacionnyh departamentov Pravitel'stvujushhego Senata N.M. Rejnke, chlenom Moskovskoj sudebnoj palaty N.M. Agishevym i tovarishhem prokurora Tambovskogo okruzhnogo Suda V.D. Bushenom. – SPb.: Senatskaja tipografija, 1912. – 278 s. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Razvitie mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The development of local self-government among Kabardians and Balkars in the second half of the XIX – early XX centuries.]. – Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 136 s. (In Russ.).

REJNKE N.M. *Kavkazsko-gorskie sudy Kavkazskogo kraja* [Caucasian-Mountain Courts of the Caucasus Region]. Zhurnal Ministerstva justicii. – 1912. – № 2. – S. 4–71. (In Russ.).

URUSHADZE A.T. *«Mnimaya yustitsiya»: gorskie slovesnye sudy i problema sudebno-administrativnogo reformirovaniya kavkazskogo kraya v materialakh revizii N.M. Reinke* ["Imaginary justice": mountain verbal courts and the problem of judicial and administrative reform of the Caucasian region in the audit materials of N.M. Reinke]. In: Noveishaya istoriya Rossii. – 2019. – T. 9. – № 4. – S. 914-927. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (g. Nal'chik). (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania] (g. Vladikavkaz). (In Russ.).

Информация об авторе
А.Х. Абазов – доктор исторических наук.
Information about the author
A.Kh. Abazov – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 14.11.2022 г.; принята к публикации 30.12.2022 г.
The article was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 30.12.2022.

Научная статья
УДК 94(479)«18/19»(093)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-256-277
EDN: KKZEMY

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНОГО КАВКАЗА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Алмаз Мусаевна Исмаилова
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, almaz.ismailova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3562-3032

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории изучения социально-экономического развития Южного Кавказа в дореволюционной и советской историографии. Анализируется отношение историков к социально-экономической ситуации, сложившейся на Южном Кавказе в XIX – начале XX в. Выделены характерные для дореволюционной и советской школы представления о Кавказе как о едином историко-культурном регионе, как о крае, где есть все предпосылки для развития экономики края.

Проведен анализ взглядов исследователей, отмечающих как великие амбиции государственности, так и в отдельные стороны социально-экономических проблем Южного Кавказа. Особенностью кавказоведческой историографии является исследование работ по отдельным областям, отраслям промышленности Кавказа, комплексность написанных ими трудов, междисциплинарный подход в исследовании. Установлены особенности того, что дальнейшее развитие кавказоведения привело к дифференциации отдельных направлений, к обособлению различных отраслей кавказоведения. В статье проанализированы основные тенденции дореволюционной и советской историографии, отмечены различные подходы к оценке исторического опыта, методологические принципы научного исследования.

Сделан вывод, что несмотря на русификаторскую и колонизаторскую политику царского правительства, имелись прогрессивные последствия социально-экономического развития Южного Кавказа, что было подтверждено историографическими исследованиями, как дореволюционных, так и советских историков.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Российская империя, историография, историографическое исследование, дореволюционная историография, советская историография, научные исследования, кавказоведение, кавказский вопрос, историко-системный анализ

Для цитирования: Исмаилова А.М. Исследование социально-экономического развития Южного Кавказа в XIX – начале XX вв. в дореволюционной и советской историографии // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 256-277. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-256-277. – EDN: KKZEMY.

© Исмаилова А.М., 2022

Original article

A STUDY OF THE SOCIO–ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SOUTH CAUCASUS IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES IN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET HISTORIOGRAPHY

Almaz M. Ismailova
Dagestan State University, Makhachkala, Russia, almaz.ismailova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3562-3032

Abstract. The article is devoted to the history of the socio-economic development researches of the South Caucasus in pre-revolutionary and Soviet historiography. This article determines the attitude of historians to the socio-economic situation in the South Caucasus in the XIX– early XX century. The ideas of the Caucasus, characteristic of the pre-revolutionary and Soviet schools, as a single historical and cultural region, as a region where there are all prerequisites for the development of the region's economy, are highlighted.

The summary of the researchers' views, who note both the great ambitions of statehood and certain aspects of the socio-economic problems of the South Caucasus is conducted. The distinctiveness of Caucasian historiography is the study of works on individual areas, industries of the Caucasus, the complexity of the works written by them, an interdisciplinary approach to research. The peculiarities of the fact that the further development of Caucasian studies led to the differentiation of individual directions, to the isolation of various branches of Caucasian studies.

The article studies the main trends of pre-revolutionary and Soviet historiography, notes various approaches to the assessment of historical experience, methodological principles of scientific research.

It is concluded that despite the Russification and colonization policy of the tsarist government, there were progressive consequences of the socio–economic development of the South Caucasus, which was confirmed by historiographical studies of both pre-revolutionary and Soviet historians.

Keywords: South Caucasus, Russian Empire, historiography, historiographical research, pre-revolutionary historiography, Soviet historiography, scientific research, Caucasian studies, Caucasian question, historical and system analysis

For citation: Ismailova A.M. A study of the socio-economic development of the South Caucasus in the 19th – early 20th centuries in pre-revolutionary and soviet historiography. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 256-277. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-256-277. – EDN: KKZEMY.

© Ismailova A.M., 2022

Южный Кавказ – регион чрезвычайно сложной и разнообразной среды. Его физико-географические условия, его этнический состав населения экономика, культура, носят печать самобытности и требует специальных исследований.

«Кавказский вопрос» имел особое значение для дореволюционных и советских историков. Исследуемая проблема, ее научное освоение зависело от многих факторов, в числе которых – мировоззренческий, идеологический, фактографический, цензорский, методологический.

Вопросы социально-экономического развития Южного Кавказа в XIX – начале XX вв. стали предметом исследования многих историков. Изучение прошлого народов Кавказа в XIX – начале XX вв. велось отечественными историками. Но историография того времени не нашла детального освещения в отечественной исторической науке. Описание дореволюционной, а также отечественной литературы начального периода после октябрьской революции сводилось лишь к перечислению научных трудов без подробного их анализа.

Рассматривая социально-экономическое развитие Южного Кавказа в исследуемый нами период, можно выделить два значительных историографических этапа:

I этап: 30–е гг. XIX в. – 1917 г. – дореволюционный (имперский);

II этап: 1917 г. – начало 90-х гг. XX в. – советский.

С сочинениями дореволюционных авторов, как мы отметили выше, связан «дооктябрьский» этап.

Общие вопросы социально-экономического развития кавказского региона освещены в трудах исследователей дореволюционного периода. Это труды М.С. Шапсовича [Шапсович 1914], И.О. Аракского [Аракский 1910], Ю.А. Гагемейстера [Гагемейстер 1948], С. Зака [Зак 1908], В.С. Кривенко [Кривенко 1893], А. Макарова [Макаров 1884], С.Р. Конопки [Конопка 1914], В.Е. Романовского [Романовский 1902], Фонь-Гребнера [Фонь-Гребнер 1896], Н.А. Шавров [Шавров 1883].

В данных исследованиях мы обнаруживаем материал, посвященный промышленности Южного Кавказа, экономическому положению края, торговле, фабрикам, заводам, ввозу и вывозу товаров промышленной продукции.

Дореволюционные историки посвящали значительное количество своих трудов также отдельным отраслям промышленности Южного Кавказа. Они не ограничивались какой-либо одной отраслью промышленности. В своих работах дореволюционные исследователи всесторонне изучали экономику всего южного региона Российской империи.

К таким авторам мы можем причислить А.Б. Евангулова [Евангулов 1896], А.В. Аргутинского-Долгорукова [Аргутинский-Долгоруков 1896], Л. Бертенсона [Бертенсон 1897], И. Лисенкова [Лисенков 1906], М.Л. Сегаль [Сегаль 1903], С.Н. Тимофеева [Тимофеев 1912], В.А. Грингмут [Грингмут 1909], Х.В. Гаджигасанского [Гаджигасанский 1915], В.С. Зива [Зив 1916], Л.С. Першке [Першке 1913], П. Петрович [Петрович 1912], В. Юферева [Юферев 1916], М. Шостак [Шостак 1901].

В этих трудах последовательно раскрыто строительство железных дорог, которые были одним их главных двигателей развития экономики края. Немаловажное значение отведено развитию горнорудной, хлопкоочистительной, рыболовной, шелкомотальной, нефтяной промышленности региона.

Особо следует выделить исследования С.И. Гулишамбарова [Гулишамбаров 1887, 1893]. Он был российским экономистом, тайным советником, публицистом, имел значительный доступ к источникам, на основе которых были созданы его исследования. Также его считают исследователем истории нефтяного производства.

Дореволюционные исследователи рассматривали социально-экономическое развитие отдельно и по каждой губернии региона.

Так, некоторые стороны сложного процесса промышленного развития Грузии еще в дореволюционную эпоху оказались в центре внимания не только представителей российской исторической науки, но представителей грузинской общественной мысли.

Видные историки первого поколения грузинских ученых проявили интерес к изучению процесса генезиса и развития капиталистических отношений в Грузии. И.С. Андроников [Андроников 1904] в своем исследовании изучил строительство Кахетинской железной дороги. Ю.Ф. Ахвердов по поручению

Кавказского Наместника князя Барятинского составил Записку [Ахвердов 1883], где раскрыл вопрос, связанный с амкарами (Амкары – цеховые объединения ремесленников, созданные в Тифлисе в XIX в.).

Говоря об азербайджанских губерниях (Бакинская и Елизаветпольская), особое внимание хотелось бы уделить развитию нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. В этом направлении было создано много обобщающих исследовательских работ, посвященных нефтяной промышленности Азербайджана. В дореволюционной историографии этой проблематике отведено существенное место. В этом направлении труды мы можем отметить Н. Рогозина [Рогозин 1884], М.И. Ушакова [Ушаков 1912], В. Симоновича [Симонович 1909], П. Петровича [Петрович 1911], Н.А. Соколовского [Соколовский 1883], Г.Е. Старцева [Старцев 1901], С.А. Кадера [Кадер 1916], П.В. Оля [Оль 1905].

Есть работы и по другим отраслям промышленности. Это исследования А.Н. Маневского [Маневский 1909], посвятившего свое исследование развитию экономики Елизаветпольской губернии.

Отдельные работы, посвященные Эриванской губернии созданы К. Костянц [Костянц 1915], М.Е. Сагателова [Сагателов 1879]. Эти авторы углубленно изучили экономику Восточной Армении.

Делая вывод по дореволюционной историографии, следует отметить, что все эти произведения были написаны непосредственно по горячим следам, для них характерен «взгляд изнутри» на события, проблемы и их отдельные проявления. В большинстве этих работ чувствуются великие амбиции государственности, а в других рассмотрены отдельные стороны проблем по всему Кавказу (опять же в русле общекавказских интересов империи).

Важными критериями оценки уровня и характера социально – капиталистического развития края могли быть степень распространения капитализма вширь и вглубь, трансформации промышленного производства, формы применения наемной силы.

Советский период в нашем исследовании в свою очередь будет также иметь классификацию.

I. 30–60 е гг.

Промежуток времени с 1917 по 1922 гг. оказался слишком коротким, чтобы можно было подготовить новые кадры и нацелить их на осуществление угодных политической системе исторических исследований. В это время, руководствуясь соображениями идеологии и политики под нужным углом зрения, изучалось только то, что могло пройти через цензорские рамки. Важными критериями оценки уровня и характера социально-капиталистического развития края могут быть степень распространения капитализма вширь и вглубь, трансформации промышленного производства, формы применения наемной силы.

Советская историко-экономическая наука исследовала важнейшие формы хозяйственной жизни страны: финансы, налоги, деньги, ростовщичество, экономику, промышленность.

В 30–60-х гг. XX в. по – существу была заложена основа изучения промышленного развития Южного Кавказа XIX – начала XX в., было показано, что капиталистические отношения в стране широко прокладывали себе путь, разла-

гая феодальный строй. В литературе этого периода отмечается разложение цехового строя в результате широкого ввоза товаров русского и заграничного производства и притока ремесленников из России и из Европы, насаждавших новые отрасли ремесла, не подчиняющиеся цеховой регламентации. Изучаются и некоторые существовавшие в первой половине XIX в. сравнительно крупные промышленные предприятия, которые в основном были отнесены к мануфактуре, частично –к переходной форме от мануфактуры к фабрике. В ряде случаев исследователи в этих предприятиях усматривали «механическое производство», сочетающееся с ручным трудом.

Советская литература пренебрегала дореволюционным периодом развития кавказоведения и в то же время преувеличивала роль послереволюционного кавказоведения.

Особенностью кавказоведческой историографии являлось исследование работ по отдельным областям и отраслям промышленности Кавказа.

Это работы общего характера: Г.Г. Хундадзе [Хундадзе 1937], В.М. Сысоева [Сысоев 1925], В.С. Клупт [Клупт 1929]. П.В. Волобуева [Волобуев 1955], К.А. Пажитнова [Пажитнов 1955], В.Н. Худадова [Худадов 1926]. Есть также и коллективные труды [Внешняя торговля Закавказья 1926]. В данных трудах мы можем проанализировать общие сведения о Закавказском крае, его экономическое развитие, развитие отдельных отраслей промышленности в губерниях.

В литературе этого периода также нашли отражение вопросы численности, состава и положения рабочих Южного Кавказа. В, частности в трудах С.Т. Аркомеда [Аркомед 1923], А.М. Стопани [Стопани 1924] разработаны вопросы, относящиеся к исследованию заработной платы рабочих, их бюджета, жилищных условий и т.д. Эти работы отличаются богатой источниковедческой базой, оригинальностью и детальностью подхода к научению проблемы.

В советское время ученые касались и развития промышленности отдельных губерний.

Работами Д. Гоголадзе [Гоголадзе 1959]. Ш.С. Гвенетадзе [Гвенетадзе 1956], А.Я. Киквидзе [Киквидзе 1962], Ф. Махарадзе [Махарадзе 1933], Ш. Чхетиа [Чхетия 1942], [Гугушвили 1940], по существу, была заложена основа изучения промышленного развития Грузии XIX в. Было показано, что капиталистические отношения широко прокладывали себе путь уже в первой половине XIX столетия. Начало быстрого развития фабрично-заводского производства упомянутыми исследователями отнесено к пореформенному периоду, в частности ко времени интенсивного железнодорожного строительства (70–80-ые гг. XIX в.).

Середина 80-х гг. XIX в. была признана переломным периодом в смысле перехода к фабрике, а 90-е гг. XIX в. – за период углубления промышленной революции и формирования промышленного пролетариата. Значительные успехи достигнуты в изучении горнорудной промышленности в целом и ее отдельных отраслей.

Вопрос развития капиталистической промышленности в Грузии и в советской историографии продолжал исследоваться. Широкое освещение нашли вопросы промышленного развития Грузии XIX в. в трудах П.В. Гугушвили

[Гугушвили 1957; 1960; 1962]. В его работах развитие капиталистической промышленности рассмотрены по отраслям промышленности. Переход от мануфактурного к машинному производству, как начало промышленной революции П. Гугушвили связывает с периодом крестьянской реформы и строительством железных дорог в Закавказье.

Ряд исследований посвящается специально горнорудной промышленности в целом, либо отдельным ее отраслям. Это исследования Г.Н. Маргиани [Маргиани 1969], В.Ф. Чанишвили [Чанишвили 1956, 1963], А.Р. Робакидзе [Робакидзе 1953]. При изучении развития горнорудной промышленности в XIX в., несмотря на то, что в научный оборот введен огромный фактический материал, освещающий историю открытия и эксплуатации тех или иных разработок, не всегда дана их надлежащая социально-экономическая характеристика. В отдельных случаях затруднительно провести четкую разграничительную черту между различными формами промышленности.

В работах Антелавы И.Г., Э.А. Орджоникидзе, Э. В. Хоштариа [Антелава, Орджоникидзе, Хоштариа 1967], Г.И. Мегрелишвили [Мегрелишвили 1960], Н.А. Чахвашвили [Чахвашвили 1958], А.И. Местиришвили [Местиришвили 1963, 1966], П.К. Бакразде [Бакрадзе 1958], Н. М. Ткешелашвили [Ткешелашвили 1958] имеется значительный фактологический материал о развитии городов, акционерных обществах, обрабатывающей промышленности, мелких предприятиях, заводах, фабриках, о хлопчатобумажной промышленности, механических предприятиях, капиталистической промышленности Грузии в XIX в.

Достойна внимания работа Н. Родоной [Родоная 1962]. Она основательно освещает развитие городской промышленности. Переход производства к машинной стадии автор относит к 90-м гг. XIX в., хотя тоже признает более раннее существование машинного производства в некоторых отраслях, ею раскрыт рост промышленности в Тбилиси.

Э.В. Хоштариа продолжает исследовать промышленность Грузии [1968]. В его книге изучается процесс разложения феодального строя и зарождения и развития капиталистических отношений, формирования классов буржуазного общества в Грузии, показывается проявление общих закономерностей и специфических черт этого процесса на основании изучения богатого архивного материала и специальной литературы.

Буржуазные реформы 60-х гг. XIX в. были вызваны главным образом социально-экономическим развитием края. С середины 50-х гг. работа по изучению социально-экономического развития Грузии XIX в. значительно расширяется. В опубликованных предпринята попытка восполнить некоторые из вышеозначенных пробелов. В этом же разрезе по отдельным отраслям подробнее рассматриваются данные о сравнительно крупных капиталистических предприятиях. Особого внимания заслуживают монографии Э. Хоштариа [Хоштариа 1958] в которой автор исследует развитие всех значительных отраслей грузинской промышленности в пореформенный период, переход этих отраслей от низших стадий производства к высшим я устанавливает этапы процесс а формирования пролетариата в Грузии.

Среди работ, посвященных развитию промышленности Азербайджана этого периода особенно ценны исследования И.В. Стригунова [Стригунов 1960], В.М. Сысоева [Сысоев 1928], С.Г. Балаева [Балаев 1969], Б.Ю. Ахундова [Ахундов 1959], А.С. Пажитнова [Пажитнов 1940], Б.Я. Стельника [Стельник 1969], С.М. Лисичкина [Лисичкин 1954]. Мы можем смело утверждать, что ни одна проблема в истории Азербайджана XIX – начала XX вв. не была так широко изучена, как нефтяная проблема. В XIX – начале XX вв. советская историография уделяла достаточно большое внимание отдельным сторонам и вопросам нефтяной промышленности и ее истории. В произведениях советской историографии много фактологического материала.

В этот период были созданы фундаментальные труды А.С. Сумбатзаде [Сумбатзаде 1964, 1955]. Историк подробно изучил социально-экономическое развитие Азербайджана в дореволюционный период, рассмотрел формирование промышленности, складывание рабочего класса. Подробно рассматривал отдельные отрасли промышленности, их рост и развитие.

Вопрос о развитии капитализма в Армении стал предметом специального научного исследования в годы Советской власти. В 1947 г. вышла в свет работа О.Е. Туманяна [Туманян 1947], где он рассматривает экономическое положение Восточной Армении, промышленность, развитие горнорудной, вино-коньячной промышленности. Как отмечает сам автор, «после выхода в свет книга подверглась критике и были выявлены в ней ошибки и отдельные недостатки».

Учитывая критические замечания, О.Е. Туманян [Туманян 1955] переработал свою книгу и с определенными изменениями и сокращениями переиздал ее в двух томах. В переработанном издании автор показывает, что в период персидского владычества экономика страны находилась на очень низком уровне развития, производительные силы находились в полном застое, а население в большинстве эмигрировало. После присоединения к России Армения стала развиваться как в экономическом, так и в культурном отношении.

В 1957 г. была издана работа М.А. Адонца [Адонц 1957]. М.А. Адонц, по сравнению с предыдущими исследователями, значительно глубже изучает историю развития народного хозяйства Армении в XIX в. Он приводит интересные данные по развитию ремесленного производства, промышленности Армении, выделяет основные формы промышленности, характерные для Восточной Армении. Автор в своем труде подробно раскрывает развитие медной, хлопкоочистительной, табачной, винокуренной промышленности. Особое внимание уделено развитию как внутренней, так и внешней торговле, способствующею развитию экономики Эриванской губернии.

В этом же направлении мы хотели бы отметить работу В.А. Мелконян [Мелконян 1955].

Кроме перечисленных монографических исследований, имеется и ряд статей, посвященных развитию капитализма в Армении.

Среди работ по интересующей нас проблеме определенную ценность представляют статьи Г.Л. Шакаряна [Шакарян 1948].

В работах армянских историков значительно расширен круг наших познаний как о существовавших во второй половине XIX в. отдельных предприятиях,

так и отраслях промышленности в целом; где стало возможным проследить процесс внедрения капиталистической техники, в частности паровых машин в промышленность; предпринята попытка установления соотношения удельного веса различных форм промышленности, отмечается, что становление капитализма в его высших формах не стало всеобъемлющим, ибо экономика Кавказа имела ряд особенностей.

К 1930–60-м гг. XX в. в историографии сложился определенный взгляд относительно социально-экономического развития Южного Кавказа.

II. 70– начало 90-х гг. XX в. (до распада СССР).

К проблемам, требующим дальнейшего исследования и уточнения, относятся вопросы о соотношении удельного веса различных форм промышленности, об этапах и специфике промышленной революции. Особого внимания заслуживают основные тенденции и условия промышленного развития страны во второй половине XIX в. (процесс концентрации производства и капиталов, роль экономической политики царизма в промышленном развитии страны на отдельных этапах и т. д.).

В 70-е – начале 90-х гг. XX в. советские историки продолжали исследовать социально-экономическое развитие Южного Кавказа. Появилось значительное количество работ в этом направлении.

В трудах Н.И. Стуруа [Стуруа Б. м.], Самсонадзе М. [Самсонадзе 1980], Шакиашвили [Шакиашвили 1989], А.И. Наниташвили [Наниташвили 1982], Т.Б. Вахтангишвили [Вахтангишвили 1979], Э.В. Хоштариа [Хоштариа 1974] изучается горнорудная промышленность, товарное производство, заводская промышленность, промышленное развитие, формирование рабочего класса, акционерный капитал во всех отраслях промышленности.

Азербайджанские историки М.А. Исмаилов [Исмаилов 1964, 1978, 1982]. А.А. Умаев [Умаев 1982], Т. Велиев [Велиев 1977], Л.М. Алиева [Алиева 1969], Г.А Алиев [Алиев 1986], А.Б. Мехтиев [Мехтиев 1990], [Исмаилов, Умаев, Велиев 1978], в этот период также продолжают свои исследования. Тема, связанная с нефтяной промышленностью остается актуальной и в данный период. С.С. Алияров [Алияров 1974], А.М. Кадырли [Кадырли 1990], М. Д. Ибрагимов [Ибрагимов 1984], В.А. Самедов [Самедов 1990], А.Г. Донгарова [Донгаров 1990] проводят свои исследования в изучении истории развития нефтяной промышленности.

С.С. Алияров в своей монографии рассматривает вопросы, связанные с отношением царского правительства к нефтяным монополиям. Автор, являвшийся одним из выдающихся исследователей и знатоков истории Азербайджана, в этом труде детально исследовал влияние Первой Мировой войны на нефтяную промышленность, показал деятельность крупных монопольных объединений, их дочерних объединений, отношения между этими организациями и царизмом. Особенно ценны материалы, представленные автором в данной работе по политической консолидации монопольных объединений, о сплетении монопольных институтов и государственных структур, о происходящих процессах слияния.

В монографии М.Д. Ибрагимова, наряду с другими районами, показана роль Баку, развитие его промышленности, значение железных дорог для перевозки различных грузов, в частности, нефтяной продукции [Ибрагимов 1984].

А.С. Сумбатзаде [Сумбатзаде 1972] внес значительный вклад в изучение нефтедобычи, переработки, технологий добычи, транспортировки и многих других вопросов истории нефтяной промышленности Северного Азербайджана в XIX в.

С этой точки зрения стоит отметить труды М.А. Исмаилова. В его трудах, написанных на основе богатых архивных материалов, собранных в Баку, Тифлисе, Санкт-Петербурге, и других архивных источниках, М.А. Исмаилов всесторонне освещает откупную систему в нефтяной промышленности Северного Азербайджана, ее сущность и упразднение, немалую роль азербайджанской нефти, как в социально-экономической структуре региона, так и в целом Российской империи.

Армянские историки продолжают изучать экономику своего региона. В исследованиях Т.Х. Акопян [Акопян 1977], Сагратян А.Т. [Сагратян 1970], А.Г. Симонян [Симонян 1983], Г. А. Галоян [Галоян 1976], Г.Г. Тамразян [Тамразян 1983], А.А. Хондкарян [Хондкарян 1982] исследуется экономическое развитие различных отраслей промышленности, ремесел, строительства. Основное внимание было отведено винно-водочной и металлургической промышленности, потому что, именно эти две основные отрасли приносили самый большой доход Восточной Армении.

Работами перечисленных авторов, по существу, была заложена основа изучения промышленного развития Южного Кавказа в XIX – начале XX вв. Было показано, что капиталистические отношения в стране широко прокладывали себе путь уже в первой половине этого столетия. Начало быстрого развития фабрично-заводского производства упомянутыми исследователями отнесено к пореформенному периоду, в частности ко времени интенсивного железнодорожного строительства (70–80-ые гг. XIX в.).

В частности, был изучен характер существовавших в первой половине XIX в. многочисленных мелких промышленных заведений, относившихся в большинстве случаев к капиталистической простой кооперации, а также сущность сравнительно крупных заведений (мануфактур с зачатками, в некоторых из них, машинного производства).

Особенно важным было установление факта систематического применения наемной рабочей силы уже со второй четверти XIX в. как в мелких, так и сравнительно крупных промышленных предприятиях Грузии.

Значительно расширен круг наших познаний как о существовавших во второй половине XIX в. отдельных предприятиях, так и отраслях промышленности в целом; стало возможным проследить процесс внедрения капиталистической техники, в частности паровых машин, в промышленность; предпринята попытка установления соотношения удельного веса различных форм промышленности. Значительные успехи достигнуты в изучении горнорудной промышленности в целом и ее отдельных отраслей.

Для дореволюционной школы характерны представления о Кавказе как о едином историко-культурном регионе, что позволяло вести изучение всех проживающих там народов, выясняя общие характерные черты и особенности каждого из них. Особенностью дореволюционных авторов является комплексность написанных ими трудов, междисциплинарный подход в исследовании. Дальнейшее развитие кавказоведения привело к дифференциации отдельных направлений, к обособлению различных отраслей кавказоведения.

Охватывая мысленным взглядом общую перспективу исторического развития кавказоведения в XX в., можно отметить не только достижения, но и потери. Очень часто догматические концепции и конъюнктурные табу не оставляли возможности для свободного научного поиска.

В целом же в изучении истории социально-экономического развития Южного Кавказа достигнуты заметные успехи. Многие вопросы нашли достаточно полное освещение в литературе, как в дореволюционной, так и в советской. Однако, все-таки, слабо прослежена связь между аграрными и социально-экономическими преобразованиями.

В трудах, ставящих целью изучение промышленности пореформенного периода, на основании использования главным образом «ведомостей» о каждом предприятии в отдельности, содержащих разносторонние данные об этих заведениях, наряду с привлечением и других побочных материалов – официальной статистики и «обзоров», значительно расширяется и углубляется исследование как отдельных крупных промышленных предприятий и целых отраслей, так и состояния промышленности в целом; стало возможно проследить процесс внедрения капиталистической техники, в частности применение паровых машин в производстве; сделана попытка установить соотношение удельного веса различных форм промышленности (мануфактура, фабрика).

Основная задача, которая стояла перед историографией – выяснить, помогла ли Россия преодолеть отсталость развития кавказских народов в социально-экономическом, политическом и культурном плане, или, наоборот, их присоединение сыграло негативную роль.

Сегодня для нас ценны научные труды как дореволюционной, так и советской историографии по изучению социально-экономического развития в регионе, в частности в Тифлисской, Кутаисской, Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губерниях. В этом плане имеются работы российских исследователей XIX – 90-х гг. XX в.

Таким образом, вышеупомянутые историографические выводы еще раз доказывают, что вопросы социально-экономического развития были и находится в центре внимания многих исследователей как царской России, так и советской историографии. Проведя анализ и дореволюционной и советской историографии, мы можем сделать вывод, что в этих трудах имеется существенный материал, где мы можем отследить поэтапное социально–экономическое развитие Южного Кавказа после включения этих территорий в состав Российской империи. Однако, следует отметить и тот факт, что все проанализированные труды носят противоречивый, тенденциозный характер. В дореволюционной историографии был обобщен значительный фактический материал, осмыслен ряд важных вопросов

эволюции исторической науки, ее периодизация, разработаны принципы и методы анализа историографических фактов. Советские историографы в объект исследования включали не только эволюцию исторической мысли, труды историков, концепции, их обоснование и аргументацию, влияние на процесс развития науки, но и такие важные элементы, как деятельность исторических учреждений, организационные формы исторических исследований, состояние источниковой базы исторической науки, совершенствование методики исторического исследования, воздействие на науку государственной политики. Так, например, советский период, историографические труды и носили классово-тенденциозный характер. Тем не менее, и сегодня еще рано говорить о том, что изучение этой проблемы завершено. Перед современными историками стоит задача– продолжить работу изучения и обследования развития капиталистических отношений региона в исследуемый период.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адонц 1957 – *Адонц М.А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1957. – 560 с.

Акопян 1977 – *Акопян Т.Х.* Очерк истории Еревана. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1977. – 489 с.

Алиев 1986 – *Алиев Г.А.* Строительство Бакинско-Тифлисской железной дороги и её влияние на экономическую. социальную и культурную жизнь Азербайджана, 80–90-е гг. XIX в. Дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – Баку, 1986. – 209 с.

Алиева 1969 – *Алиева Л.М.* Рабочие-текстильщики Баку в начале XX в. – Баку: Элм, 1969. –193 с.

Алияров 1974 – *Алияров С.С.* Нефтяные монополии в Азербайджане в период первой мировой войны. – Баку: АГУ, 1974. – 229 с.

Андроников 1904 – *Андроников И.С.* Кахетинская железная дорога. Тифлис: (Б. и.). 1904. – 204 с.

Антелава, Орджоникидзе, Хоштария 1967 – *Антелава И.Г., Орджоникидзе Э.А., Хоштария Э.В.* К вопросу о развитии капитализма в с/х и промышленности Грузии. – Тбилиси: АН Груз. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили, 1967. – 128 с.

Аракский 1910 – *Аракский И.О.* В Закавказье. Очерки. – СПб.: Типография А. Бенке. Новый переулок, 1910. – № 2. –137 с.

Аргутинский-Долгоруков 1896 – *Аргутинский-Долгоруков А.А.* История сооружения и эксплуатации Закавказских железных дорог за 25 лет их существования. – Тифлис: Закавк. ж. д., 1896. – 682 с.

Аркомед 1923 – *Аркомед С.Т.* Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. – М.-Л.: Государственное издательство, 1923. – 117 с.

Ахвердов 1883 – *Ахвердов Ю.Ф.* Тифлисские амкары. – Тифлис.: тип. И. Питоева, 1883. –102 с.

Ахундов 1959 – *Ахундов Б.Ю.* Монополистический капитал в дореволюционной бакинской нефтяной промышленности. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 295 с.

Бакрадзе 1958 – *Бакрадзе П.К.* Возникновение и развитие капиталистической промышленности Грузии в 19 веке. – Тбилиси.: [б. и.], 1958. –300 с.

Балаев 1969 – *Балаев С.Г.* Нефть страны вечного огня. Баку.: Азернешр, 1969. –158 с.

Бертенсон 1897 – *Бертенсон Л.* Бакинские промыслы и заводы в санитарно-врачебном отношении. – СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1897. – 69 с.

Вахтангишвили 1979 – *Вахтангишвили Т.Б.* Переход капиталистической промышленности в Грузии на фабричную (машинную) стадию. Автореф. дис. канд. ист. наук: (07.00.00). – Тбилиси, 1979. – 26 с.

Велиев 1977 – *Велиев Т.* Шелкообрабатывающая промышленность Азербайджана в начале XX века (1900-19I7 гг.) (на азерб. яз.). – Баку: Элм, 1977. – 148 с.

Внешняя торговля Закавказья 1926 – *Внешняя торговля Закавказья* за 1913 и 1922-25 годы: (С приведением материалов по торговле ЗСФСР с союзными республиками за 1922-25 г.): Стат.-экон. сборник / Сост. под руководством А. Г. Енгибаровой; Под ред. А. М. Гончарова; Упр. уполномоченного НКВТ СССР в ЗСФСР. – Тифлис: [б. и.], 100, 1926 (тип. ЦКа КП (б) Грузии). – 151 с.

Волобуев 1955 – *Волобуев П.В.* Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903-1904 гг.) // Исторические записки Института Истории АН СССР. Отв. ред. А. Л. Сидоров. – М.: (Б.м.), 1955. – № 52. – С. 80-111.

Гагемейстер 1848 – *Гагемейстер Ю.А.* Новые очерки Закавказья. – СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1848. – 157 с.

Гаджигасанский 1915 – *Гаджигасанский Х.В.* Хлопководство в России. (экономический очерк). – Москва: Типография Берты Смирновой, 1915. – 96 с.

Галоян 1976 – *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. Очерки полит. истории их взаимоотношений с древн. времен до победы Великой Октябрьской соц. Революции. – М.: Мысль, 1976. – 455 с.

Гвенетадзе 1956 – *Гвенетадзе Ш.С.* Процесс формирования промышленного пролетариата в Грузии в 1870-1900 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук / Тбилис. гос. ун-т им. И. В. Сталина. – Тбилиси, 1956. – 19 с.

Гоголадзе 1959 – *Гоголадзе Д.А.* Капиталистические предприятия в сельском хозяйстве и промышленности дореформенной Грузии (1830–1864 гг.). – Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1959. – (на груз, яз.). – 240 с.

Грингмут 1909 – *Грингмут В.А.* Государственное нефтяное дело / В. А. Грингмут // Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута. – М.: Унив. тип., 1909. – Вып. 2. – 308 с.

Гугушвили 1957 – *Гугушвили П.*В. Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX–XX вв. – Тбилиси: Гос. издательство, 1957. – 343 с.

Гугушвили 1940 – *Гугушвили П.В.* Развитие фабрично-заводской промышленности в Закавказье (до первой мировой империалистической войны). – Тбилиси: Гос. Издательство, 1940. – 343 с. (на груз. яз.).

Гугушвили 1960 – *Гугушвили П.В.* Шелководство в Грузии и Закавказье в XIX–XX вв. – Тбилиси: Гос. издательство, 1960. – 106 с.

Гугушвили 1962 – *Гугушвили П.В.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв. – Т. V. – Тбилиси: Мецниереба, 1962. – 893 с.

Гулишамбаров 1887 – *Гулишамбаров С.И.* Краткий очерк развития керосинового производства на Кавказе; Краткий очерк нефтяной промышленности на Кавказе / Рус. техн. общество Выст. предметов освещения и нефт. пр-ва, 1887-1888 гг. – СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1887. – 32 с.

Гулишамбаров 1893 – *Гулишамбаров С.И.* Потребление топлива для промышленных целей // Фабрично-заводская промышленность и торговля в России. – Т. XII. – СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1893. – 248 с.

Донгаров 1990 – *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 165 с.

Евангулов 1896 – *Евангулов А. Б.* Об экономическом и коммерческом исследованиях района железной дороги от Тифлиса к Карсу и Эривани. – Тифлис: тип. Канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. – 32 с.

Зак 1908 – *Зак С.* Промышленный капитализм в России. – Т. 1. – Москва: Сотрудничество, 1908. – 172 с.

Зив 1916 – *Зив В.С.* Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. – Петроград: Тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1916. – 71 с.

Ибрагимов 1984 – *Ибрагимов М. Д.* Нефтяная промышленность Азербайджана в период империализма. – Баку: ЭЛМ, 1984. – 240 с.

Исмаилов 1964 – *Исмаилов М.А.* Горная промышленность и механическое производство Азербайджана в период капитализма // Материалы по экономической истории Азербайджана. – Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1964. – 306 с.

Исмаилов 1982 – *Исмаилов М.А.* Социально-экономическая структура Азербайджана в эпоху империализма. – Баку: Элм, 1982. – 165 с.

Исмаилов, Умаев, Велиев 1978 – *Исмаилов М.А., Умаев А.А., Велиев Т.Т.* Хлопкоочистительная промышленность в XIX – начале XX в. // Актуальные проблемы экономической истории Азербайджана. – Баку: Элм,1978. – 231 с.

Кадер 1916 – *Кадер С.А* Короли нефтяной промышленности. – Петроград: Н.К. Мартынов, 1916. – 71 с.

Кадырли 1990 – *Кадырли А.М.* Из истории развития дореволюционной нефтедобывающей промышленности. – Баку: Элм, 1990. – 85 с.

Киквидзе 1962 – *Киквидзе А.Я.* История Грузии (XIX–XX вв.). – Т. II. – Тбилиси: Цодна, 1962. – 331 с. (на груз. яз.)

Клупт 1929 – *Клупт В.С.* Закавказье. – Ленинград: Гос. изд-во, 1929. –159 с.

Конопка 1914 – *Конопка С.Р.* Кавказ: (Сев. Кавказ и Закавказье). Г. изд. 1 (VII) / [Сост.] С.Р. Конопка. – Тифлис: Электропеч. Штаба Кавк. воен. окр., 1914. – 588 с.

Костянц 1915 – *Костянц К.* Краткий очерк истории Армении. – Москва: «Звезда» Н.Н. Орфенова, 1915. – 63 с.

Кривенко 1893 – *Кривенко В.С.* Очерки Кавказа. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1893. – 249 с.

Лисенков 1906 – *Лисенков Г.И.* О мерах к охранению правильного рыболовства в восточной части Закавказья. – СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, VI, 1906. – 166с.

Лисичкин 1954 – *Лисичкин С.М*. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. – Москва; Ленинград: Гостоптехиздат, 1954. – 403 с.

Макаров 1884 – *Макаров А.* Закавказье в торговом отношении. – Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1884. – 43 с.

Маневский 1909 – *Маневский А.Н.* Обзор фабрично-заводской промышленности в Елизаветпольской губернии. – Елисаветполь: Тип. Елисаветпольск. губ. правл., 1909. – 115 с.

Маргиани 1969 – *Маргиани Г.Н.* Горнорудная промышленность и промышленный пролетариат в дореволюционной Грузии: (Марганцевая пром-сть): Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. (571) / АН ГССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили. – Тбилиси: [б. и.], 1969. – 171 с.

Махарадзе 1933 – *Махарадзе Ф.* Грузия в XIX столетии. – Тифлис: Заккнига, 1933. – 104 с.

Мегрелишвили 1960 – *Мегрелишвили Г.И*. Грузинская общественно-экономическая мысль второй половины XIX века и начала XX века. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1960. – Т. 1. – 537 с.

Мелконян 1955 – *Мелконян В.А.* Металлургия меди в Армении (Исторический очерк). – Москва: Металлургиздат, 1955. – 104 с.

Мествиришвили 1963 – *Мествиришвили А.И.* О формировании рабочего класса в Тбилиси в 1880-1900 годах (по материалам Главных мастерских и депо Закавказской железной дороги). – Тбилиси: Труды пединститута им. Цутпкина, 1963. – Т. 17. – С. 47.

Мествиришвили 1966 – *Мествиришвили А.И.* Формирование тифлисского пролетариата (1880-1900 гг.). Автореферат дис. канд. ист. н. / АН Груз. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1966. – 24 с. (на груз. яз.)

Мехтиев 1990 – *Мехтиев А.Б.* Отечественный капитал в нефтяной промышленности Бакинского района в 70 – нач. 80-х годов XIX в. // Вестник Московского Университета. – Сер. История. – 1990. – № 6. – С. 121–123.

Наниташвили 1982 – *Наниташвили Н.Л.* Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске» 1860-1917 гг. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1982. – 376 с.

Оль 1905 – *Оль П.В.* Русская нефть и ее государственное значение. – Санкт-Петербург: ред. журн. "Море", 1905. – 136 с.

Пажитнов 1955 – *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955-1958. Шерстяная промышленность, 1955. – 247 с.

Пажитнов 1940 – *Пажитнов С.А.* Очерки по истории Бакинской нефтедобывающей промышленности. – Москва; Ленинград: Гостоптехиздат, 1940. – 192 с.

Першке 1913 – *Першке Л. С.* Русская нефтяная промышленность, её развитие и современные положения в статистических данных. – Тифлис.: тип. К.П. Козловского, 1913. –193 с.

Петрович 1911 – *Петрович П.* Рабочие бакинского нефтепромышленного района. – Тифлис.: типография канц. наместника Е.И.В. на Кавказе, 1911. – 53 с.

Петрович 1912 – *Петрович П.* Хлопководство в Закавказье. – Тифлис типография канц. наместника Е.И.В. на Кавказе, 1912. –78 с.

Робакидзе 1953 – *Робакидзе А.* Некоторые стороны быта рабочих чиатурской марганцевой промышленности. – Тбилиси: изд-во акад. наук Груз. ССР, 1953. – 64 с. (на груз. яз.).

Рогозин 1884 – *Рогозин Н.* Нефть и нефтяная промышленность. – Санкт-Петербург: тип. т-ва "Обществ. польза", 1884. – 561 с.

Родоная 1962 – *Родоная Н.* Промышленность Тбилиси во второй половина XIX века (пореформенный период). Автореф... канд. ист. наук / ТГУ. – Тб., 1962. – 16 с.

Романовский 1902 – *Романовский В.Е.* Очерки истории Грузии, Тифлис, Очерки из истории Грузии. – Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1902. – 464 с.

Сагателов 1879 – *Сагателов М.Е.* "Экономические очерки Эриванской губернии" и "Озеро Гокча". – Тифлис: тип. Гл. упр. наместника кавк., 1879. – 95 с.

Сагратян 1970 – *Сагратян А.Т.* История железных дорог Закавказья. 1856–1921 гг. – Ереван: Айастан, 1970. – 253 с.

Самедов 1990 – *Самедов В.А.* Бакинский нефтепромышленный район в экономическом развитии России (1880-1900 гг.): автореф. дис. д. истор. наук : 07.00.02 / АН АзССР. Ин-т истории. – Баку, 1990. – 62 с.

Самсонадзе 1980 – *Самсонадзе М.* Социально-экономическое развитие Грузии в первой трети XIX в. – Тбилиси: Мецниереба, 1980. – 367 с.

Сегаль 1903 – *Сегаль М.Л.* Жилища рабочих в г. Батуме и меры к оздоровлению их. Санитарные изыскания во время чумы. – Кутаис: Типо-лит. Н. Карнаухова, 1903. – 54 с.

Симонович 1909 – *Симонович В.* Нефть и нефтяная промышленность в России. – Санкт-Петербург: тип. Ю.Н. Эрлих, 1909. – 240 с.

Симонян 1983 – *Симонян А.Г.* Численность, состав и положение пролетариата Закавказья в конце XIX – начале XX веков: дисс... канд. ист. Н.: 07.00.02. – Ереван, 1983. – 330 с.

Соколовский 1883 – *Соколовский Н.А.* К вопросу о геологических разведках на нефти на Кавказе. – Тифлис: тип. А.А. Михельсона, 1883. – 106 с.

Старцев 1901 – *Старцев Г.Е.* Бакинская нефтяная промышленность. Историко-статистический очерк. – Баку: Арор, 1901. – 88 с.

Стельник 1969 – *Стельник Б.Я.* Бакинский пролетариат в годы реакции (1907–1910 гг.). – Баку: Элм, 1969. – 203 с.

Стопани 1924 – *Стопани А.М.* Бакинский нефтепромышленный рабочий, его заработная плата и рабочий день. – Ленинград; Москва: Вопросы труда, 1924. – 170 с.

Стригунов 1960 – *Стригунов И.В.* Из истории формирования бакинского пролетариата (70-90-е годы XIX в.). – Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1960. –289 с.

Стуруа Б.м. – *Стуруа Н.И.* Вопросы истории дореволюционной Грузии и Закавказья. – Т. 1. – Б. м. Б. и. – 198 с.

Сумбатзаде *1955* – *Сумбатзаде А.С.* К истории шелкомотальной промышленности в Азербайджане в XIX в. // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. – № 9. – 1955. – С. 89-115.

Сумбатзаде 1964 – *Сумбатзаде А.С.* Промышленность Азербайджана в XIX веке. – Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1964. – 501 с.

Сумбатзаде 1972 – *Сумбатзаде А.С.* Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. – Москва: Наука, 1972. – 254 с.

Сысоев 1928 – *Сысоев В.М.* Баку прежде и теперь. – Баку: Наркомпрос АССР, 1928. – 86 с.

Сысоев 1925 – *Сысоев В.М.* Краткий очерк истории Азербайджана (северного). – Баку: Наркомпрос АССР, Азербайджанский археологический комитет, 1925. – 143 с.

Тамразян 1983 – *Тамразян Г.Г.* Восточно-армянская либерально-буржуазная экономическая мысль 70–90-х гг. XIX века: дисс... к. э. н. – Ереван, 1983. – 178 с.

Тимофеев 1912 – *Тимофеев С.Н.* Статистика хлопководства в Закавказском крае... / С.Н. Тимофеев; Гл. упр. землеустройства и земледелия. Стат. бюро по хлопководству при уполномоч. главноуправляющего землеустройством и земледелием на Кавказе. – Тифлис.: тип. Канцелярии наместника Е.И.В. на Кавказе, 1912-1916, ... за 1909-1911 гг., 1912. – 115 с.

Ткешелашвили 1958 – *Ткешелашвили Н.М.* Очерки из истории промышленности Грузии (1864–1920 гг.). – Тбилиси: Мецниереба, 1958. –238 с. (на груз, яз.).

Туманян 1947 – *Туманян О.Е.* Развитие экономики Армении с начала XIX века до установления Советской власти. – Ереван.: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1947. – 295 с.

Туманян 1955 – *Туманян О.Е.* Экономическое развитие Армении. Ереван, 1954-1956. Ч. 1: Экономическое развитие Армении со времени присоединения ее к России до установления Советской власти. – Ереван: Айпетрат, 1954-1956, 1955. – 371 с.

Умаев 1982 – *Умаев А.А.* О степени развития капитализма в Азербайджане в конце XIX века // Известия АН Азерб. ССР. – Серия истории, философии и права. – № 1. – 1982. – С. 26-31.

Ушаков 1912 – *Ушаков М.И.* Нефтяная промышленность в России. – Санкт-Петербург: [Курсы М.В. Побединского], 1912. – 196 с.

Фонь-Гребнер 1896– *Фонь-Гребнер. А.В.* Торговые дороги Закавказья / А.В. фон Гребнер. – Санкт-Петербург: тип. И. Гольдберга, 1896. – 55 с.

Хондкарян 1982 – *Хондкарян А.А.* Основные черты экономической истории Армении: (Лекции). – Ереван: Науч.-метод. каб. Минвуза АрмССР, 1982. – 25 с.

Хоштария 1958 – *Хоштария Э. В.* Развитие обрабатывающей промышленности в Грузии в 30–60-х годах XIX в.. // Труды Института истории км. И.А. Джавахишвили АН Груз. ССР. – Т. III. – 1958 (на груз, яз.). Б.М. – С. 153–182.

Хоштария 1968 – *Хоштария Э. В.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Грузии XIX века: дис... д. ист. наук: 07.00.00. – Тбилиси, 1968. – 226 с. + Прил. (202 с.). (на груз, яз.).

Хоштария 1974 – *Хоштария Э.В.* Очерки социально – экономической истории Грузии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – 223 с.

Худадов 1926 – *Худадов В. Н.* Закавказье: (Историко-эконом. очерк). – Москва; Ленинград: Центр. упр. печати ВСНХ СССР, 1926. – 208 с.

Хундадзе 1937 – *Хундадзе Г.Г.* Очерки по истории строительства закавказских железных дорог. – Тбилиси: Техника да шрома, 1937. –159с.

Чанишвили 1956 – *Чанишвили В.Ф.* К истории разработки Ткибульского каменноугольного месторождения. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1956. –170 с. (на груз. яз.).

Чанишвили 1963 – *Чанишвили В.Ф.* Развитие марганцевой промышленности в Грузии [Текст]: Автореферат дис. канд. тех. н. / Гос. ком. высш. и сред. спец. образования Совета Министров Груз. ССР. Ордена Трудового Красного Знамени Груз. политехн. ин-т им. В. И. Ленина. – Тбилиси, 1963. – 24 с.

Чахвашвили 1958 – *Чахвашвили Н.А.* Рабочее движение в Грузии. (1870-1904гг.). Гос. Из-во Сабчота Сакартвелло. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1958. – 339 с.

Чхетия 1942 – *Чхетия Ш.К.* Тбилиси в XIX столетии. (1865-1869). – Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1942. – 520 с.

Шавров 1883 – *Шавров Н.А*. Русский путь в Закавказье. – СПб.: Типогрфия А.С. Суворина, 1883. – 58 с.

Шакарян 1948 – *Шакарян Г.Л.* Кредитная кооперация дореволюционной Армении», опубликованная в Научных трудах Ереванского государственного университета. – Т. XXVII. – Ереван: Ереванский государственный университет, 1948. – С.56 -74.

Шакиашвили 1989 – *Шакиашвили Т.Г.* Акционерный капитал в промышленности Грузии в конце XIX – в начале XX веков: автореф. дис. канд. ист. н.: 07.00.02. –Тбилиси, 1989. – 28 с.

Шапсович 1914 – *Шапсович М.С.* Весь Кавказ. Промышленность, сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. – Баку: Сост. и изд. М.С. Шапсович, 1914. – 895 с.

Шостак 1901 – *Шостак М.* Современное состояние медных рудников и заводов в Зангезурском уезде, Елизаветпольской губернии в Закавказье / [М. Шостак]. – Тифлис: тип. канц. главнон. гр. ч. на Кавказе, 1901. – 17 с.

Юферев 1916 – *Юферев В.* Русский хлопок – Петроград: Деп. земледелия, 1916. – 28 с.

REFERENCES

ADONTS M.A. *Ekonomicheskoe razvitie Vostochnoi Armenii v XIX v* [Economic development of Eastern Armenia in the XIX century.]. – Erevan: Izd-vo Akad. nauk Arm. SSR, 1957. – 560 s. (In Russ.).

AKOPYAN T.KH. *Ocherk istorii Erevana* [Essay on the history of Yerevan]. – Erevan: Izd-vo Erevan. un-ta, 1977. – 489 s. (In Russ.).

ALIEV G.A. *Stroitel'stvo Bakinsko-Tiflisskoi zheleznoi dorogi i ee vliyanie na ekonomicheskuyu. sotsial'nuyu i kul'turnuyu zhizn' Azerbaidzhana, 80-90-e gg. XIX v*. [The construction of the Baku-Tiflis railway and its impact on the economic, social and cultural life of Azerbaijan, 80-90s. XIX century]. Dis... kand. ist. nauk: 07.00.02. – Baku, 1986. – 209 s. (In Russ.).

ALIEVA L.M. *Rabochie – tekstil'shchiki Baku v nachale XX v.* [Textile workers of Baku at the beginning of the XX century]. – Baku.: Elm, 1969. – 193 s. (In Russ.).

ALIYAROV S.S. *Neftyanye monopolii v Azerbaidzhane v period pervoi mirovoi voiny* [Oil monopolies in Azerbaijan during the First World War]. – Baku.: AGU, 1974. – 229 s. (In Russ.).

ANDRONIKOV I.S. *Kakhetinskaya zheleznaya doroga* [Kakheti Railway]. – Tiflis: B. i.1904. – 204 s. (In Russ.).

ANTELAVA I.G., ORDZHONIKIDZE E.A., KHOSHTARIYA E.V. *K voprosu o razvitii kapitalizma v s/kh i promyshlennosti Gruzii* [On the Development of Capitalism in Agriculture and Industry in Georgia]. – Tbilisi: AN Gruz. SSR. In-t istorii, arkheologii i etnografii im. I. A. Dzhavakhishvili, 1967. – 128 s. (In Russ.).

ARAKSKII I. O. *V Zakavkaz'e. Ocherki* [In Transcaucasia]. – SPb: Tipografiya A. Benke. Novyi pereulok, 1910. – № 2. – 137 s. (In Russ.).

ARGUTINSKII-DOLGORUKOV A.A. *Istoriya sooruzheniya i ekspluatatsii Zakavkazskikh zheleznykh dorog za 25 let ikh sushchestvovaniya* [History of construction and operation of Transcaucasian railways for 25 years of their existence]. – Tiflis: Zakavk. zh. d., 1896. – 682 s. (In Russ.).

ARKOMED S.T. *Rabochee dvizhenie i sotsial-demokratiya na Kavkaze* [The Labor Movement and Social Democracy in the Caucasus - in English.]. – M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. – 117 s. (In Russ.).

AKHVERDOV, YU.F. *Tiflisskie amkary* [Tiflis Amkars]. – Tiflis: tip. I. Pitoeva, 1883. – 102 s. (In Russ.).

AKHUNDOV B.YU. *Monopolisticheskii kapital v dorevolyutsionnoi bakinskoi neftyanoi promyshlennosti* [Monopolistic capital in the pre-revolutionary Baku oil industry]. – M.: Sotsekgiz, 1959. – 295 s. (In Russ.).

BAKRADZE P.K. *Vozniknovenie i razvitie kapitalisticheskoi promyshlennosti Gruzii v 19 veke* [The Emergence and development of Capitalist industry in Georgia in the 19th century]. – Tbilis.: b. i, 1958. –300 s. (In Russ.).

BALAEV S.G. *Neft' strany vechnogo ognya* [Oil of the land of Eternal Flame]. – Baku: Azerneshr, 1969. – 158 s. (In Russ.).

BERTENSON L. *Bakinskie promysly i zavody v sanitarno-vrachebnom otnoshenii* [Baku crafts and factories in sanitary and medical terms]. – SPb: tip. P.P. Soikina, 1897. – 69 s. (In Russ.).

VAKHTANGISHVILI T.B. *Perekhod kapitalisticheskoi promyshlennosti v Gruzii na fabrichnuyu (mashinnuyu) stadiyu* [Transition of capitalist industry in Georgia to the factory (machine) stage]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk: (07.00.00). – Tbilisi, 1979. –26 s. (In Russ.).

VELIEV T. *Shelkoobrabatyvayushchaya promyshlennost' Azerbaidzhana v nachale XX veka (1900-19I7 gg.)* [Silk-processing industry of Azerbaijan at the beginning of the XX century (1900-1917)] (na azerb. yaz.). – Baku, Elm 1977.–148 s.

VNESHNYAYA TORGOVLYA ZAKAVKAZ'YA za 1913 i 1922-25 gody: (S privedeniem materialov po torgovle ZSFSR s soyuznymi respublikami za 1922-25 g.) [Transcaucasian foreign trade for 1913 and 1922-25]: Stat.-ekon. sbornik / Sost. pod rukovodstvom A. G. Engibarovoi; Pod red. A. M. Goncharova; Upr. upolnomochennogo NKVT SSSR v ZSFSR. – Tiflis: [b.i.], 1926 (tip. TsKa KP (b) Gruzii). –151 s. (In Russ.).

VOLOBUEV P.V. *Iz istorii monopolizatsii neftyanoi promyshlennosti dorevolyutsionnoi Rossii (1903-1904 gg.)* [From the history of monopolization of the oil industry in pre-revolutionary Russia (1903-1904)]. In: Istoricheskie zapiski Instituta Istorii AN SSSR. Otv. Red. A. L. Sidorov. – M.: B.m. 1955. – № 52. (In Russ.). S.80-111.

GAGEMEISTER YU.A. *Novye ocherki Zakavkaz'ya* [New essays of Transcaucasia]. – SPb.: tip. M-va vn. del, 1848. – 157 s. (In Russ.).

GADZHIGASANSKII KH.V. *Khlopkovodstvo v Rossii. (ekonomicheskii ocherk)* [Cotton growing in Russia. (economic essay).]. – Moskva: Tipografiya Berty Smirnovoi, 1915. – 96 s. (In Russ.).

GALOYAN G.A. *Rossiya i narody Zakavkaz'ya. Ocherki polit. istorii ikh vzaimootnoshenii s drevn. vremen do pobedy Velikoi Oktyabr'skoi sots. Revolyutsii* [Russia and the peoples of Transcaucasia. Essays by polit. the stories of their relationship with the ancients. times before the victory of the Great October Social. Revolutions]: Mysl'. – M.: Mysl', 1976. – 455 s. (In Russ.).

GVENETADZE SH.S. *Protsess formirovaniya promyshlennogo proletariata v Gruzii v 1870-1900 gg.* [The process of formation of the industrial proletariat in Georgia in 1870-1900]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk / Tbilis. gos. un-t im. I.V. Stalina. – Tbilisi: [b. i.], 1956. – 19 s. (In Russ.).

GOGOLADZE D.A. *Kapitalisticheskie predpriyatiya v sel'skom khozyaistve i promyshlennosti doreformennoi Gruzii (1830—1864 gg.)* [Capitalist Enterprises in Agriculture and Industry of Pre-Reform Georgia (1830-1864)]. – Tbilisi: Izd_vo Akademii nauk Gruzinskoi SSR, 1959. – 240 s. (na gruz, yaz.).

GRINGMUT V.A. *Gosudarstvennoe neftyanoe delo* [State Oil business]. IN: Sobranie statei Vladimira Andreevicha Gringmuta. Moskva: Univ. tip. 1909. Vyp. 2. – 308s.26.

GUGUSHVILI P.V. *Razvitie promyshlennosti v Gruzii i Zakavkaz'e v XIX – XX vv.* [Industrial development in Georgia and Transcaucasia in the XIX – XX centuries]. – Tbilisi: Gos. izdatel'stvo, 1957. – 343 s. (In Russ.).

GUGUSHVILI P.V. *Razvitie fabrichno-zavodskoi promyshlennosti v Zakavkaz'e (do pervoi mirovoi imperialisticheskoi voiny)* [The development of the factory industry in Transcaucasia (before the First World Imperialist War).]. – Tbilisi: Gos. Izdatel'stvo, 1940. –343 s. (na gruz, yaz.).

GUGUSHVILI P.V. *Shelkovodstvo v Gruzii i Zakavkaz'e v XIX–XX vv.* [Sericulture in Georgia and Transcaucasia in the XIX –XX centuries.]. – Tbilisi: Gos. izdatel'stvo, 1960. – 106 s. (In Russ.).

GUGUSHVILI P.V. *Ekonomicheskoe razvi¬tie Gruzii i Zakavkaz'ya v XIX—XX vv.* [Economic development of Georgia and Transcaucasia in the XIX—XX centuries]. T. V. – Tbilisi: Metsniereba, 1962. – 893 s. (In Russ.).

GULISHAMBAROV S.I. *Kratkii ocherk razvitiya kerosinovogo proizvodstva na Kavkaze; Kratkii ocherk neftyanoi promyshlennosti na Kavkaze* [A brief sketch of the development of kerosene production in the Caucasus; A brief sketch of the oil industry in the Caucasus]. / Rus. tekhn.

obshchestvo Vyst. predmetov osveshcheniya i neft. pr-va, 1887-1888 gg. – SPb.: tip. br. Panteleevykh, 1887. – 32 s. (In Russ.).

GULISHAMBAROV S.I. *Potreblenie topliva dlya promyshlennykh tselei* [Fuel consumption for industrial purposes]. In: Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlya v Rossii. – T. XII. – SPb.: tip. br. Panteleevykh, 1893. – 248 s. (In Russ.).

DONGAROV A.G. *Inostrannyi kapital v Rossii i SSSR* [Foreign capital in Russia and the USSR]. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1990. – 165 s. (In Russ.).

EVANGULOV A.B. *Ob ekonomicheskom i kommercheskom issledovaniyakh raiona zheleznoi dorogi ot Tiflisa k Karsu i Erivani* [About economic and commercial research of the railway area from Tiflis to Kars and Erivan]. – Tiflis: tip. Kants. glavnonach. gr. ch. na Kavkaze, 1896. – 32 s. (In Russ.).

ZAK S. *Promyshlennyi kapitalizm v Rossii* [Industrial Capitalism in Russia]. – T 1. – Moskva: Sotrudnichestvo, 1908. – 172 str. (In Russ.).

ZIV V.S. *Inostrannye kapitaly v russkoi neftyanoi promyshlennosti* [Foreign capital in the Russian oil industry]. – Petrograd: Tip. red. period. izd. M-va fin., 1916. – 71 s. (In Russ.).

IBRAGIMOV M.D. *Neftyanaya promyshlennost' Azerbaidzhana v period imperializma* [The oil industry of Azerbaijan during the period of imperialism – in English]. – Baku: ELM, 1984. – 240 s. (In Russ.).

ISMAILOV M.A. *Gornaya promyshlennost' i mekhanicheskoe proizvodstvo Azerbaidzhana v period kapitalizma* [Mining and mechanical production of Azerbaijan during the period of capitalism]. IN: Materialy po ekonomicheskoi istorii Azerbaidzhana. – Baku: Izd-vo Akad. nauk AzSSR, 1964. – 306 s. (In Russ.).

ISMAILOV M.A. *Sotsial'no-ekonomicheskaya struktura Azerbaidzhana v epokhu imperializma* [Socio-economic structure of Azerbaijan in the era of Imperialism]. – Baku: Elm, 1982. – 165 s.

ISMAILOV M.A., UMAEV A.A., VELIEV T.*T. Khlopkoochistitel'naya promyshlennost' v XIX – nachale XX v.* [Cotton gin industry in the XIX – early XX century]. IN: Aktual'nye problemy ekonomicheskoi istorii Azerbaidzhana. – Baku, 1978. – 231 s. (In Russ.).

KADER S.A. *Koroli neftyanoi promyshlennosti* [Kings of the oil industry]. – Petrograd.: N. K. Martynov, 1916.– 71 s. (In Russ.).

KADYRLI A.M. *Iz istorii razvitiya dorevolyutsionnoi neftedobyvayushchei promyshlennosti* [From the history of the development of the pre-revolutionary oil industry]. – Baku: Elm, 1990. – 85 s. (In Russ.).

KIKVIDZE A.YA. *Istoriya Gruzii (XIX–XX vv.)* [History of Georgia (XIX–XX centuries)]. – T. II. – Tbilisi: Tsodna, 1962. – 331 s. (na gruz. yaz.).

KLUPT V.S. *Zakavkaz'e* [Transcaucasia]. – Leningrad: Gos. izd-vo, 1929. – 159 s. (In Russ.).

KONOPKA S.R. *Kavkaz: (Sev. Kavkaz i Zakavkaz'e)* [Caucasus: (Northern Caucasus and Transcaucasia)]. G. izd. 1 (VII) / [Sost.] S.R. Konopka. – Tiflis: Elektropech. Shtaba Kavk. voen. okr., 1914. – 588 s. (In Russ.).

KOSTYANTS K. *Kratkii ocherk istorii Armenii* [A brief sketch of the history of Armenia]. – Moskva: "Zvezda" N.N. Orfenova, 1915. – 63 s.

KRIVENKO V.S. *Ocherki Kavkaza* [Essays of the Caucasus]. – SPb.: tip. A.S. Suvorina, 1893. –249 s. (In Russ.).

LISENKOV G.I. *O merakh k okhraneniyu pravil'nogo rybolovstva v vostochnoi chasti Zakavkaz'ya* [On measures to protect proper fishing in the eastern part of Transcaucasia]. – SPb.: tip. V.F. Kirshbauma, 1906. – 166s. (In Russ.).

LISICHKIN S.M. *Ocherki po istorii razvitiya otechestvennoi neftyanoi promyshlennosti* [Essays on the history of the development of the domestic oil industry]. – Moskva; Leningrad: Gostoptekhizdat, 1954. – 403 s. (In Russ.).

MAKAROV A. *Zakavkaz'e v torgovom otnoshenii* [Transcaucasia in terms of trade]. – Moskva: Univ. tip. (M. Katkov), 1884. – 43 s. (In Russ.).

MANEVSKII A.N. *Obzor fabrichno-zavodskoi promyshlennosti v Elizavetpol'skoi gubernii* [Overview of the factory industry in Elizavetpol province]. – Elisavetpol' Tip. Elisavetpol'sk. gub. pravl., 1909. – 115 s.

MARGIANI G.N. *Gornorudnaya promyshlennost' i promyshlennyi proletariat v dorevolyutsionnoi Gruzii* [(Margantsevaya prom-st') Mining Industry and Industrial Proletariat in Pre-Revolutionary Georgia: (Manganese Industry)]: Avtoreferat dis. d.ist. n. / AN GSSR. In-t istorii, arkheologii i etnografii im. I.A. Dzhavakhishvili. – Tbilisi: [b.i.], 1969. – 171 s. (In Russ.).

MAKHARADZE F. *Gruziya v XIX stoletii* [Georgia in the XIX century]. – Tiflis: Zakkniga, 1933. – 104 s. (In Russ.).

MEGRELISHVILI G.I. *Gruzinskaya obshchestvenno-ekonomicheskaya mysl' vtoroi poloviny XIX veka i nachala XX veka* [Georgian socio-economic thought of the second half of the XIX century and the beginning of the XX century]. – Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1960. – T. 1. – 537 s. (In Russ.).

MELKONYAN V.A. *Metallurgiya medi v Armenii (Istoricheskii ocherk)* [Copper metallurgy in Armenia (Historical essay)]. – Moskva: Metallurgizdat, 1955. – 104 s. (In Russ.).

MESTVIRISHVILI A.I. *O formirovanii rabochego klassa v Tbilisi v 1880-1900 godakh (po materialam Glavnykh masterskikh i depo Zakavkazskoi zheleznoi dorogi)* [On the formation of the working class in Tbilisi in 1880-1900 (based on the materials of the Main workshops and depots of the Transcaucasian Railway)]. – Tbilisi: Trudy pedinstituta im. Tsutpki-na, 1963. – T. 17. – S. 47–57. (In Russ.).

MESTVIRISHVILI A.I. *Formirovanie tiflisskogo proletariata (1880-1900 gg.) [Formation of the Tiflis Proletariat (1880-1900)].* Avtoreferat dis. kand. ist. n. / AN Gruz. SSR. In-t istorii, arkheologii i etnografii im. I.A. Dzhavakhishvili. – Tbilisi.: Metsniereba, 1966. – 24 s. (na gruz. yaz.)..

MEKHTIEV A.B. *Otechestvennyi kapital v neftyanoi promyshlennosti Bakinskogo raiona v 70- nach. 80-kh godov v. XIX v.* [Domestic capital in the oil industry of the Baku region in the 70's. 80-ies of the XIX century]. In: Vestnik Moskovskogo Universiteta, ser. Istorii. – 1990. – № 6 – S. 121–123 s. (In Russ.).

NANITASHVILI N.L. *Germanskii kapital v Zakavkaz'e. Deyatel'nost' firmy «Simens i Gal'ske» 1860-1917 gg.* [German capital in Transcaucasia. The activities of the firm "Siemens and Galske" 1860-1917.]. – Tbilisi: Izd_vo Tbil. un_ta 1982. – 376 s. (In Russ.).

OL'P.V. *Russkaya neft' i ee gosudarstvennoe znachenie* [Russian oil and its state significance]. – Sankt-Peterburg: red. zhurn. "More", 1905. – 136 s. (In Russ.).

PAZHITNOV K.A. *Ocherki istorii tekstil'noi promyshlennosti dorevolyutsionnoi Rossii* [Essays on the history of the textile industry of pre-revolutionary Russia]. – Moskva: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1955-1958. Sherstyanaya promyshlennost'., 1955. – 247 s. (In Russ.).

PAZHITNOV S.A. *Ocherki po istorii Bakinskoi neftedobyvayushchei promyshlennosti* [Essays on the history of the Baku oil industry.]. – Moskva; Leningrad: Gostoptekhizdat, 1940 (Moskva). – 192 s. (In Russ.).

PERSHKE L.S. *Russkaya neftyanaya promyshlennost', ee razvitie i sovremennye polozheniya v statisticheskikh dannykh* [Russian oil industry, its development and current positions in statistical data]. – Tiflis: tip. K.P. Kozlovskogo, 1913. – 193 s. (In Russ.).

PETROVICH P. *Rabochie bakinskogo neftepromyshlennogo raiona. Tiflis.: tipografiya kants. namestnika E.I.V. na Kavkaze* [Workers of the Baku oil industry district], 1911. – 53 s. (In Russ.).

PETROVICH P. *Khlopkovodstvo v Zakavkaz'e.* [Cotton growing in Transcaucasia]. – Tiflis tipografiya kants. namestnika E.I.V. na Kavkaze 1912. – 78 s. (In Russ.).

ROBAKIDZE A. *Nekotorye storony byta rabochikh chiaturskoi margantsevoi promyshlennosti* [Some aspects of the life of workers of the Chiatura manganese industry]. – Tbilisi: Izd-vo Akad. nauk Gruz. SSR, 1953 – 64 s. (na gruz.yaz.).

ROGOZIN N. *Neft' i neftyanaya promyshlennost'* [Oil and the oil industry]. – Sankt-Peterburg: tip. t-va "Obshchestv. pol'za", 1884. – 561 s. (In Russ.).

RODONAYA N. *Promyshlennost' Tbilisi vo vtoroi polovina XIX veka* (poreformennyi period) [The industry of Tbilisi in the second half of the XIX century (post-reform period).]. Avtoref... kand. ist. nauk / TGU. – Tb. : Izd-vo Tbil. un-ta, 1962. – 16 s. (In Russ.).

ROMANOVSKII V.E. *Ocherki istorii Gruzii* [Essays on the History of Georgia]. – Tiflis, Ocherki iz istorii Gruzii : Tiflis: tip. K.P. Kozlovskogo, 1902. – 464 s. (In Russ.).

SAGATELOV M.E. *"Ekonomicheskie ocherki Erivanskoi gubernii" i "Ozero Gokcha"* ["Economic essays of the Erivan province" and "Lake Gokcha".]. – Tiflis: tip. Gl. upr. namestnika kavk., 1879. – 95 s. (In Russ.).

SAGRATYAN A.T. *Istoriya zheleznykh dorog Zakavkaz'ya. 1856-1921gg.* [he history of the railways of Transcaucasia. 1856-1921]. – Erevan: Aiastan, 1970. – 253 s. (In Russ.).

SAMEDOV V.A. *Bakinskii neftepromyshlennyi raion v ekonomicheskom razvitii Rossii : (1880-1900 gg)* [Baku Oil Industry District in the economic development of Russia: (1880-1900)] : avtoref. dis. ... d.ist. n.: 07.00.02 / AN AzSSR. In-t istorii. – Baku, 1990. – 62 s. (In Russ.).

SAMSONADZE M. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Gruzii v pervoi treti XIX v.* [Socio-economic development of Georgia in the first third of the XIX century]. – Tbilisi: Metsniereba, 1980. – 367 s. (In Russ.).

SEGAL' M.L. *Zhilishcha rabochikh v g. Batume i mery k ozdorovleniyu ikh. Sanitarnye izyskaniya vo vremya chumy* [Workers' dwellings in the city of Batumi and measures to improve their health. Sanitary surveys during the plague]. – Kutais: Tipo-lit. N. Karnaukhova, 1903. – 54 s. (In Russ.).

SIMONOVICH V. *Neft' i neftyanaya promyshlennost' v Rossii* [Oil and the oil industry in Russia]. – Sankt-Peterburg : tip. Yu.N. Erlikh, 1909. – 240 s. (In Russ.).

SIMONYAN A.G. *Chislennost', sostav i polozhenie proletariata Zakavkaz'ya v kontse XIX - nachale XX vekov* [The number, composition and position of the Transcaucasian proletariat in the late XIX - early XX centuries]: diss... kand. ist. n.: 07.00.02. – Erevan, 1983. –330 s. (In Russ.).

SOKOLOVSKII N.A. *K voprosu o geologicheskikh razvedkakh na nefti na Kavkaze* [On the issue of geological exploration for oil in the Caucasus On the issue of geological exploration for oil in the Caucasus]. – Tiflis: tip. A.A. Mikhel'sona, 1883. – 106 s. (In Russ.).

STARTSEV G.E. *Bakinskaya neftyanaya promyshlennost'. Istoriko-statisticheskii ocherk* [Baku oil industry. Historical and statistical essay]. – Baku: Aror Pub, 1901. – 88 s. (In Russ.).

STEL'NIK B.YA. *Bakinskii proletariat v gody reaktsii (1907–1910 gg.)* [The Baku proletariat in the years of reaction (1907-1910)]. – Baku: Elm, 1969. – 203 s. (In Russ.).

STOPANI A.M. *Bakinskii neftepromyshlennyi rabochii, ego zarabotnaya plata i rabochii* den' [Baku oil industry worker, his salary and working day]. – Leningrad; Moskva.: Voprosy truda, 1924. – 170 s.

STRIGUNOV I.V. *Iz istorii formirovaniya bakinskogo proletariata (70-90-e gody XIX v.)* [From the history of the formation of the Baku proletariat (70-90-ies of the XIX century)]. – Baku: Izd-vo Akad. nauk AzSSR, 1960. – 289 s. (In Russ.).

STURUA N.I. *Voprosy istorii dorevolyutsionnoi Gruzii i Zakavkaz'ya* [Questions of the history of pre-revolutionary Georgia and Transcaucasia.]. – T. 1. – B. m. B. i. – 198 s. (In Russ.).

SUMBATZADE A.S. *Promyshlennost' Azerbaidzhana v XIX veke* [Azerbaijan's industry in the XIX century]. – Baku: Izd-vo Akad. nauk AzSSR, 1964. – 501. (In Russ.).

SUMBATZADE A.S. *Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki pobedy Sovetskoi vlasti v Azerbaidzhane* [Socio-economic prerequisites for the victory of Soviet power in Azerbaijan.]. Moskva: Nauka, 1972. – 254 s. (In Russ.).

SUMBATZADE A.S. *K istorii shelkomotal'noi promyshlennosti v Azerbaidzhane v XIX v.* [On the history of the silk-winding industry in Azerbaijan in the XIX century]. In: Izvestiya Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR. – № 9. – 1955: S. 89-115.

SYSOEV V.M. *Baku prezhde i teper'* [Baku before and now]. – Baku: Narkompros ASSR, 1928. – 86 s. (In Russ.).

SYSOEV V.M. *Kratkii ocherk istorii Azerbaidzhana (severnogo)* [A brief sketch of the history of Azerbaijan (northern)]. – Baku: Narkompros ASSR. Azerbaidzhanskii arkheologicheskii komitet, 1925. – 143 s. (In Russ.).

TAMRAZYAN G.G. *Vostochno-armyanskaya liberal'no-burzhuaznaya ekonomicheskaya mysl' 70–90-kh gg. XIX veka* [Eastern Armenian liberal-bourgeois economic thought of the 70-90s of the XIX century]: diss... kan. ekon. nauk. – Erevan, 1983. –178 s. (In Russ.).

TIMOFEEV S.N. *Statistika khlopkovodstva v Zakavkazskom krae...* [Statistics of cotton growing in the Transcaucasian region ...]. – Tiflis.: tip. Kantselyarii namestnika e. i. v. na Kavkaze, 1912-1916. – 115 s. (In Russ.).

TKESHELASHVILI N.M. *Ocherki iz istorii promyshlennosti Gruzii (1864–1920 gg.)* [Essays from the Industrial History of Georgia (1864-1920),]. – Tbilisi: Mecniereba, 1958. –238 s. (na gruz, yaz.).

TUMANYAN O.E. *Razvitie ekonomiki Armenii s nachala XIX veka do ustanovleniya Sovetskoi vlasti* [Development of the Armenian economy from the beginning of the XIX century to the establishment of Soviet power]. – Erevan.: Izd-vo Akad. nauk Arm. SSR, 1947. – 295 s. (In Russ.).

TUMANYAN O.E. *Ekonomicheskoe razvitie Armenii. Erevan, 1954-1956. Ch. 1: Ekonomicheskoe razvitie Armenii so vremeni prisoedineniya ee k Rossii do ustanovleniya Sovetskoi vlasti* [Economic development of Armenia. Yerevan, 1954-1956. Part 1: Economic development of Armenia since its annexation to Russia before the establishment of Soviet power]. – Erevan: Aipetrat, 1954-1956, 1955. – 371 s. (In Russ.).

UMAEV A.A. *O stepeni razvitiya kapitalizma v Azerbaidzhane v kontse XIX veka* [On the degree of development of capitalism in Azerbaijan at the end of the XIX century]. – Izvestiya AN Azerb. SSR. Seriya istorii, filosofii i prava. – 1982. – № I. (In Russ.). – S.26-31

USHAKOV M.I. *Neftyanaya promyshlennost' v Rossii* [Oil industry in Russia]. Sankt-Peterburg, 1912god. – 196 s. (In Russ.).

FON'-GREBNER. A.V. *Torgovye dorogi Zakavkaz'ya* [Transcaucasian Trade Roads]. A.V. fon Grebner. – Sankt-Peterburg.: tip. I. Gol'dberga, 1896. – 55 s. (In Russ.).

KHONDKARYAN A.A. *Osnovnye cherty ekonomicheskoi istorii Armenii: (Lektsii)* [The main features of the economic history of Armenia]. – Erevan: Nauch.-metod. kab. Minvuza ArmSSR, 1982. – 25 s. (In Russ.).

KHOSHTARIA E.V. *Razvitie obrabatyvayushchei promyshlennosti v Gruzii v 30–60-kh godakh XIX v.* [The development of the manufacturing industry in Georgia in the 30-60s of the XIX century]. IN: Trudy Instituta istorii km. I.A. Dzhavakhishvili AN Gruz. SSR. T. III. – 1958. B.M. S. 153. – 182. (na gruz, yaz.).

KHOSHTARIA E.V. *Razvitie promyshlennosti i formirovanie rabochego klassa v Gruzii XIX veka* [Industrial Development and the formation of the working class in Georgia of the XIX century]: diss... d. ist. n: 07.00.00. – Tbilisi: "Metsnereba", 1968. – 226 s. + Pril. (202 s.). (na gruz. yaz.).

KHOSHTARIA E.V. *Ocherki sotsial'no – ekonomicheskoi istorii Gruzii* [Essays on the Socio – economic History of Georgia]. – Tbilisi: Metsniereba, 1974. – 223 s. (In Russ.).

KHUDADOV V.N. *Zakavkaz'e: (Istoriko-ekonom. ocherk)* [Transcaucasia: (Historical and economic. essay).]. – Moskva; Leningrad: Tsentr. upr. pechati VSNKh SSSR, 1926. –208 s. (In Russ.).

KHUNDADZE G.G. *Ocherki po istorii stroitel'stva zakavkazskikh zheleznykh dorog* [Essays on the history of the construction of Transcaucasian railways]. – Tbilisi: Tekhnika da shroma, 1937. – 159 s. (In Russ.).

CHANISHVILI V.F. *K istorii razrabotki Tkibul'skogo kamennougol'nogo mestorozhdeniya* [On the history of the development of the Tkibul coal deposit]. – Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1956. – 170 s. (na gruz. yaz.).

CHANISHVILI V.F. *Razvitie margantsevoi promyshlennosti v Gruzii* [Development of manganese industry in Georgia]. Avtoref. dis. kand. tekh. n. / Gos. kom. vyssh. i sred. spets. obrazovaniya Soveta Ministrov Gruz. SSR. Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni Gruz. politekhn. in-t im. V. I. Lenina. – Tbilisi: [b. i.], 1963. – 24 s. (In Russ.).

CHAKHASHVILI N.A. *Rabochee dvizhenie v Gruzii. (1870-1904gg.)* [The labor movement in Georgia. (1870-1904).]. Gos. Iz-vo Sabchota Sakartvello. – Tbilisi.: Sabchota Sakartvelo, 1958. – 339 s. (In Russ.).

CHKHETIYA SH.K. *Tbilisi v XIX stoletii. (1865-1869)* [Tbilisi in the XIX century. (1865-1869).]. – Tbilisi: Izd-vo Akad. nauk Gruz. SSR, 1942. – 520 s. (In Russ.).

SHAVROV N.A. *Russkii put' v Zakavkaz'e* [The Russian Way to Transcaucasia]. – SPb.: Tipogrfiya A.S. Suvorina, 1883. – 58 s. (In Russ.).

SHAKARYAN G.L. *Kreditnaya kooperatsiya dorevolyutsionnoi Armenii* [Credit cooperation of pre-revolutionary Armenia]. In: Nauchnye trudi Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta. t. XXVII, 1948. (In Russ.). S. 56-74.

SHAKIASHVILI T.G. *Aktsionernyi kapital v promyshlennosti Gruzii v kontse XIX – v nachale XX vekov* [Equity capital in the Georgian Industry in the late XIX– early XX centuries]: avtoref. dis. ... kand. ist. n.: 07.00.02. 1989. – 28 s. (In Russ.).

SHAPSOVICH M.S. *Ves' Kavkaz. Promyshlennost', sel'skoe khozyaistvo Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya* [The whole Caucasus. Industry, agriculture of the North Caucasus and Transcaucasia]. – Baku: Sost. i izd. M.S. Shapsovich, 1914. – 895 s. (In Russ.).

SHOSTAK M. *Sovremennoe sostoyanie mednykh rudnikov i zavodov v Zangezurskom uezde, Elizavetpol'skoi gubernii v Zakavkaz'e* [The current state of copper mines and factories in Zangezur district, Elizavetpol province in Transcaucasia]. – Tiflis: tip. kants. glavnon. gr. ch. na Kavkaze, 1901. – 17 s. (In Russ.).

YUFEREV V. *Russkii khlopok* [Russian cotton]. – Petrograd: Dep. zemledeliya, 1916. – 28 s. (In Russ.).

Информация об авторе

А.М. Исмаилова – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.M. Ismailova – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 25.09.2022 г.; одобрена после рецензирования 20.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 25.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 930:388.14«1920-е»
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-278-296
EDN: KSMSYL

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГПУ–ОГПУ 1920-х ГОДОВ: ОПЫТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Александр Юрьевич Рожков[1], **Тимофей Александрович Рунаев**[2]
[1,2] Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
[1] avro14@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3064-2915
[2] runaevt@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0154-6959

Аннотация. Использование массовых источников в историческом исследовании позволяет улучшить репрезентативность знаний об историческом периоде. Однако качественный анализ текстов имеет ограничения при работе с большим массивом данных. Поэтому в современной исторической науке появляется потребность в привлечении компьютерного («интеллектуального») анализа текстов для обработки массовых источников. Придерживаясь принципов дискурс-исторического подхода, авторы продемонстрировали возможность применения компьютерной программы RStudio для интеллектуального анализа объемного корпуса информационных сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ 1920-х гг. на материалах Северного Кавказа. В результате установлено, что сводки и обзоры ГПУ–ОГПУ разных лет имели похожий терминологический, эмотивный и тематический состав. Несмотря на внутреннее единство информационных документов ОГПУ по Северному Кавказу, начиная с 1925 г. в них выявлено ежегодное расширение тематического поля. Эмоциональное нагнетание и усложнение «чекистского» дискурса настолько усилились к концу 1920-х, что терминологический состав документов 1928–1929 гг. стал значительно отличаться от состава текстов предыдущих лет. Это указывает на трансформацию регионального «чекистского» дискурса, который транслировался высшему руководству страны. Примененный подход позволяет минимизировать субъективность оценок и выводов исследователя.

Ключевые слова: 1920-е, ГПУ–ОГПУ, информационные сводки, обзоры политического состояния, Северный Кавказ, интеллектуальный анализ текста, программа RStudio

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21–09–43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Для цитирования: Рожков А.Ю., Рунаев Т.А. Информационные документы ГПУ–ОГПУ 1920-х годов: опыт интеллектуального анализа текстов (на материалах Северного Кавказа) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 278-296. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-278-296. – EDN: KSMSYL.

© Рожков А.Ю., Рунаев Т.А., 2022

Original article

INFORMATION DOCUMENTS OF THE GPU–OGPU IN 1920s: EXPERIENCE OF TEXT MINING (BASED ON MATERIALS FROM THE NORTH CAUCASUS)

Alexander Yu. Rozhkov[1], **Timofey A. Runaev**[2]
[1,2] Kuban State University, Krasnodar, Russia
[1] avro14@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3064-2915
[2] runaevt@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0154-6959

Abstract. Using mass sources in historical research makes it possible to improve the representativeness of knowledge about the historical period. However, qualitative text analysis has limitations when working with a large array of data. Thus, in modern historical science is a need to involve computer («intellectual») analysis of texts for processing mass sources. Based on principles of the discourse-historical approach, authors indicated the possibility of using the RStudio computer program for intellectual analysis of the voluminous corpus of information reports and reviews of the GPU–OGPU of the 1920s on the materials of the North Caucasus. In the first stage, the contextualization of the studied sources was carried out. The authors found that reports and reviews of the GPU-OGPU of different years had similar terminological, emotive and thematic composition. While maintaining the internal unity of the OGPU information documents on the North Caucasus, an increase in the number of topics in summaries and reviews has been revealed since 1925. Emotional aggravation and complication of the «Chekist» discourse intensified so much by the end of the 1920s that terminological composition of the documents of 1928-1929 differed significantly from composition of texts of previous years. Thus, the text mining of the reports and reviews of the GPU–OGPU demonstrated the transformation of the regional «Chekist» discourse, which was broadcast to the top leadership of the country. The applied approach allows minimizing subjectivity of researcher's assessments and conclusions.

Key words: 1920s, GPU-OGPU, information summaries, political status reviews, North Caucasus, text mining, R Studio program

Gratitude: The study was carried out within the framework of the RFBR project No. 21-09-43110 "Relations of party-state power and multi-ethnic society during the realization of national politics (based on materials from the North Caucasus region and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s)."

For citation: Rozhkov A.Yu., Runaev T.A. Information documents of the GPU–OGPU in 1920s: experience of text mining (based on materials from the North Caucasus). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 278-296. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-278-296. – EDN: KSMSYL.

© Rozhkov A.Yu., Runaev T.A., 2022

Введение

Ставшие доступными после открытия советских архивов информационные документы ВЧК–ОГПУ–НКВД все активнее вводятся в научный оборот. Материалы сводок и обзоров спецслужб используются историками в качестве массового источника и для изучения различных процессов на Северном Кавказе [Баранов 2013; Наухацкий 2011; Рожков 2022 и др.].

Настоящим прорывом в источниковом обеспечении стал выход в свет многотомного сборника документов «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.)», который дает возможность в помесячной динамике на протяжении 13 лет проследить информацию о положении в СССР, представленную руководством ГПУ–ОГПУ высшим органам власти. Достоинства сборника подробно описаны [Колодникова 2010; Кондрашин 2018]. Однако потенциал этого уникального издания используется не в полной мере. В основном разрозненные фрагменты сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ задействуются исследователями как фактографический материал по частным темам, что затрудняет понимание основных тенденций как в социально-исторической динамике советского общества, так и в информационном потоке с «Лубянки». Практически нет работ, в которых тексты этих информационных документов исследовались бы системно с привлечением компьютерных программ. Задачей настоящей статьи является попытка в какой-то мере устранить этот пробел. Нас будут интересовать не отдельные цитаты из сводок и обзоров, а полные тексты информационных документов как массив данных с целью проведения их интеллектуального анализа с помощью компьютерной программы RStudio.

Поскольку публикация полных, без купюр, текстов обзоров ОГПУ в вышеназванном сборнике затрудняет качественный анализ, мы произвели выборку по одному из крупных регионов (Юго-Восточный, позднее Северо-Кавказский край) за период с 1922 по 1929 гг. Нижняя граница обусловлена начальной датой документов, размещенных в сборнике. Это был год трансформации ВЧК в ГПУ, период налаживания стройной системы информирования чекистами высшего руководства страны; завершился этот год образованием СССР. Верхняя граница означает начало «великого перелома», а также коренных перемен в системе информирования ОГПУ. С 1930 г. уже не составлялись ежемесячные обзоры, «Лубянка» перешла на систему многочисленных оперативных документов (спецсводок Секретно-оперативного управления (СОУ) ОГПУ, докладов и сообщений полпредов, докладных записок и справок информационного отдела (ИНФО) ОГПУ и т. д.). При этом наметился явный уход от детализации и от географического принципа построения сводок [Виноградов 2001: 73].

Методология

Концептуально мы рассматриваем весь корпус текстов информационных сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ, подвергнутый анализу, как «чекистский» дискурс, дискурс «института власти» [Согомонян 2012: 49]. Нам близка концепция М. Пешё о том, что дискурсивный процесс является частью идеологических классовых отношений, а смыслы слов меняются в зависимости от классовых позиций в политической борьбе [Скворцова 2007: 7–8]. В этой связи полагаем, что субъектом производства и трансляции «чекистского» дискурса выступали не конкретные люди (информаторы, редакторы и руководители ИНФО), а некая внесубъектная «матрица смыслов», «идеологическая формация» (по Пешё), которая автоматически управляет дискурсом субъекта и определяет способы производства дискурса. В изучаемый период эту «идеологическую формацию»

олицетворяли вполне реальные институции в виде ВЧК–ОГПУ и партийно-государственного аппарата, которые определяли, что можно говорить, а что нельзя [Кожемякин 2008: 10].

В качестве методологической рамки выбран дискурс-исторический подход (*Discourse-Historical Approach – DHA*), который основывается на принципе историчной контекстуализации дискурса. Здесь при интерпретации дискурса учитываются социальные, культурные, экономические, политические процессы исторических периодов, которые отражаются в дискурсах, зафиксированных в исторических текстах [Richardson 2017: 61–62]. Помимо исторического контекста важной переменной для DHA является время, в котором тексты одного дискурса (или сами дискурсы) темпорально связаны друг с другом через темы, акторов, отсылки к одинаковым событиям, перенос системы аргументации [Wodak 2015: 279]. Дизайн исторического исследования в DHA предполагает следующий алгоритм: анализ языка текстов → анализ интертекстуальности (поиск связей текстов исторических источников во времени, встроенных в дискурс) → анализ институциональных рамок, в которых создавались и циркулировали данные источники → анализ широкого исторического контекста, который влияет на содержание дискурса [Wodak, Meyer 2001: 67].

Мы подвергли тексты сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ интеллектуальному анализу, дизайн которого построен на алгоритме DHA, но в несколько иной последовательности. Вначале мы описываем исторический контекст и институциональные рамки, в которых создавались и циркулировали сводки и обзоры. Далее переходим непосредственно к анализу языка текстов и интертекстуальности.

Исторический контекст

В 1920-е гг. Северный Кавказ площадью 293,7 тыс. кв. км представлял собой довольно сложный в политическом, экономическом, этнокультурном и социально-демографическом отношениях макрорегион. По площади край был сопоставим с островной Англией или материковой Италией, в семь раз превосходил территории Дании и Швейцарии, в десять раз – Голландии [Северный Кавказ 1925: 57]. Край обладал рудными месторождениями цветных металлов, нефтяными и каменноугольными месторождениями. Большие площади равнинных пахотных земель, теплый климат, чернозем обеспечивали региону развитие сельского хозяйства. Выходы к Азовскому и Черному морям служили транспортными путями для торговли.

Структура и облик Юго-Востока России во многом изменились в результате административно-территориальной реформы (районирования) в 1923–24 гг. До районирования в границах Юго-Восточного края находились 10 административно-хозяйственных губернских единиц: 2 губернии, 2 области, 4 автономные национальные области, 1 автономная республика и 1 город на правах губернии [Северный Кавказ 1925: XIV]. В ходе реформы прежняя административная структура (область/губерния – округ/уезд – волость) сменяется укрупненной (край – округ+автономные области – район+национальный район) с краевым подчинением вместо центрального. В 1924 г. происходит слияние Кубано-Черноморской и Донской областей в Юго-Восточную, которая поглощает

затем Ставропольскую и Терскую губернии и, включая все горские автономии (кроме Дагестана), оформляется как Северо-Кавказский край, составленный из 21 окружных единиц – 14 округов, 1 автономного города и 6 национальных автономных областей [Цуциев 2007: 66].

По численности населения регион был равен взятым в отдельности Бельгии, Венгрии и европейской Турции. В конце 1926 г. в 66 городских и 15671 сельских поселениях края проживало около 8,4 млн человек (1/8 населения СССР), из них 19,8 % населения проживало в городах и 80,2 % на селе [Всесоюзная перепись… 1928: 2–13]. Регион населяли свыше 88 наций и народностей. Официально русские составляли в среднем 45,9 % населения, украинцы – 37,1 %, среди других этносов наиболее многочисленными были (в порядке убывания) чечены, армяне, осетины, кабардинцы, немцы, ингуши, черкесы, карачаи, белорусы, евреи, балкары, греки и др. [Всесоюзная перепись… 1928: 34–51].

Этносоциальные и земельные конфликты в регионе, унаследованные с дореволюционных времен, обострились в ходе революции 1917 г., затяжной Гражданской войны и административно-территориальных преобразований в 1920-е гг. Вместе с тем стоит согласиться с В.С. Белозеровым, что период 1920–30-х гг. для Северного Кавказа оказался переходным от этапа колонизации к этапу интенсивного хозяйственного освоения и развития урбанизации [Белозеров 2005: 54], что во многом отражали сводки и обзоры ОГПУ.

Институциональные рамки

С первых дней существования ВЧК в ее состав входило Информбюро, позже называемое Отделением обработки материалов в составе СОУ. В Особом отделе ВЧК с декабря 1919 г. существовал ИНФО с четырьмя отделениями [Капчинский 2005: 336]. После Кронштадтских событий ведомственная система информации преобразуется в государственную. В марте 1921 г. создан ИНФО ВЧК с непосредственным подчинением начальнику СОУ ВЧК. В задачи отдела входила систематизация и обработка поступающих с мест сводок по разной тематике. В ноябре 1922 г. упорядочивается классификация секретных сотрудников ГПУ (информаторы, осведомители, агенты). Те из них, кто давал материалы общего характера, были переведены в категорию информаторов и переданы в ИНФО. В тот период ИНФО включал три отделения: госинформации, секретной информации и иностранной информации. В ноябре 1925 г. ИНФО и Отдел политконтроля (ПК) объединились в Отдел информации и политконтроля, штат которого возрос до пяти отделений. С 1 декабря 1929 г. штаты отдела увеличились до восьми отделений [Лубянка 2003: 14–44].

Объект анализа – сводки (госинфсводки, спецполитсводки) и обзоры о политико-экономическом положении РСФСР (СССР). Информсводки ВЧК–ОГПУ предназначались для оперативного информирования высшего руководства партии. В 1921 г. появляется единая госинформсводка, рассылаемая в 30–40 адресов, которая давала общую картину политического положения по всем районам страны и по всему кругу проблем. Затем появились спецсводки ИНФО ГПУ – сводки по специальным вопросам. Спецполитсводки информировали о собственной деятельности ГПУ–ОГПУ против враждебных советскому строю по-

литических сил, организаций и лиц. Они рассылались восьми адресатам, начиная с Ф.Э. Дзержинского. Как правило, сводки ИНФО выходили ежедневно кроме воскресных дней и рассылались в тот же день вечером [Советская деревня 2000: 9–13]. Только в течение 1922 г. ИНФО выпустил 328 номеров госинфсводки, каждая от 33 до 36 экземпляров. На их основе в 1922 г. были подготовлены 1035 выпусков различных спецсводок [Виноградов 2001: 47–48].

С 1922 г. аппарат ИНФО ГПУ приступил к составлению ежемесячных Обзоров политического и экономического состояния (с 1925 г. – политического) республики (с 1923 г. – СССР), представлявших собой весьма обширные тексты (до 100 страниц и более) с анализом материалов не только информационных сводок, но и докладов, справок различных подразделений ГПУ–ОГПУ, в первую очередь Секретно-политического (СПО) и Контрразведывательного (КРО) отделов. Помимо информирования высшего руководства партии, обзоры были призваны «в сжатой форме дать правильную ориентацию местным органам ОГПУ по важнейшим вопросам» [Виноградов 2001: 62]. Обзоры структурировались по изначально определенным основным рубрикам (как правило, социальным группам и институтам). Первой всегда шла рубрика «Рабочие» (вариант – «Город»), затем «Крестьяне» («Деревня»), затем «Восточные национальные республики», далее – по ситуации «Армия», «Бандитизм», «Антисоветские организации», «Интеллигенция», «Духовенство» и «Эмиграция».

Источниками для сводок служили донесения секретных информаторов в учреждениях и на предприятиях; доклады уполномоченных ВЧК–ОГПУ; статистика происшествий; следственный и агентурный материал; материалы прессы; «народная молва» (вероятно, имелись в виду материалы перлюстрированной корреспонденции, а также донесения агентов о работе в толпе) [Лубянка 2003: 22; Рожков 1995]. По данным Л.П. Колодниковой, только пространственная информация за 1929 г., полученная аналитиками ИНФО ОГПУ, была собрана в 2300 административных единицах, находившихся в их поле зрения. «В числе этих административных единиц было 9 союзных республик, 11 автономных, 9 крупных административных единиц, 26 областей, 220 округов, 16 губерний, 537 сел, 532 района, множество станиц, хуторов, сел, деревень, поселков. Чекистская сеть только в 1929 г. информировала о том, что происходило в 18 кантонах, 7 аймаках, 56 аулах, 25 кишлаках, а также на 300-х отдельных административных участках, многочисленных станциях, станицах, а также в таких специфических административных единицах, как тумены, теми, сомоны, оазисы» [Колодникова 2010: 233].

Руководство ВЧК–ОГПУ уделяло серьезное внимание качеству первичной (на сленге чекистов – «сырой» и «полусырой») информации. Интеллектуальный уровень многих осведомителей, особенно в деревне, не способствовал получению качественной информации, на что указывает сводка Ростовского окружного ЧК в информационную часть ДонЧК «О ходе работ секции по борьбе с левыми антисоветскими партиями за первую половину января 1921 года»: «От 56 осведомителей получено 30 осведомлений неудовлетворительных, так как большинство осведомителей не понимают политического смысла. Проинструктировать не представляется возможным ввиду того, что в секции нет никаких

руководств и указаний, а поэтому необходимо: 1) секцию снабжать своевременно указаниями, инструкциями, распоряжениями и газетами; 2) указать штат работников секции; 3) непосредственно иметь связь с Политбюро, дабы работа протекала в тесном контакте и согласованности, для чего необходимо обязать Политбюро представлять доклады ежемесячно ко 2-му числу» [Советская деревня 2000: 9–10]. Между тем недостатки в работе информационного аппарата на местах выявлялись и позже. В феврале 1924 г. в циркуляре за подписью Г.Г. Ягоды отмечалось слабое проникновение в деревню и малые города, получение «казенной» информации от милиции, отделов исполкомов, малосодержательность «пухлых» госинфсводок с мест, которые отражают «жизнь губернии и особенно по рабоче-крестьянской периферии, нередко слабее, чем иная газета». Выход виделся в пересмотре и укреплении персонального состава инфаго (информационного аппарата губернских отделов), основным источником информации которых должны были стать оперативные, а не «казенные», данные. Начиная с 1924 г., постановка информационной работы ОГПУ положительно сказалась на повышении надежности сводок как исторического источника [Виноградов 2001: 58–61].

Анализ языка текстов

Даже извлеченные из сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ тексты по Северному Кавказу характеризуются большим объемом, который усложняет исследование их содержания описательным методом. Решением этой проблемы может стать интеллектуальный анализ текста (*text mining*), нацеленный на извлечение скрытой информации из текстов, предстающих в виде неструктурированного массива данных [Jo 2019: 3]. Эта технология включает в себя процесс структурирования исходного текста с применением синтаксического анализа, использования некоторых лингвистических функций с последующей загрузкой в базу данных и интерпретацией результатов. Главная цель – превращение текста в структурированные данные, пригодные для анализа.

Одним из инструментов проведения такого анализа выступает компьютерная программа RStudio, являющаяся консолью языка программирования R, уже использованного в отечественной историографии [Рыбаков 2018]. Изучение сводок и обзоров ОГПУ по Северному Кавказу в рамках интеллектуального анализа текстов предполагает реализацию двух этапов: 1) препроцессинга – предварительной обработки текста и 2) применения методов *text mining*, в частности латентно-семантического анализа (LSA), анализа тональности текстов (*sentiment analysis*) и метода латентного размещения Дирихле (LDA). Эти процедуры позволяют увидеть, насколько документы ОГПУ разных лет похожи друг на друга, как изменялся их эмоциональный фон с течением времени и какие темы в них имели интертекстуальный характер, конструировавший «чекистский» дискурс. Для достижения планируемых результатов использован ряд программных пакетов (lsa, SnowballC, tidytext, topicmodels, tm), встраиваемых в RStudio.

Для составления массива текста для анализа из всех сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ с 1922 по 1929 гг., опубликованных в сборнике «Совершенно сек-

ретно…», были отобраны полные фрагменты текстов, сфокусированные на Северном Кавказе. Поскольку структура информационных материалов в сборнике неоднородная (в 1922 обзоры чередуются с госинфсводками, в 1923 – со спецполитсводками, в 1927 – с информсводками), нам пришлось для машинной обработки все сводки за каждый месяц объединять в один блок, чтобы он по объему был соразмерен с текстами обзоров. Чтобы сделать корпус текстов «аккуратным» [Silge, Robinson 2017: 85], т. е. прошедшим препроцессинг, были пройдены все этапы предварительной подготовки. Тем самым была определена выборочная совокупность лексем, необходимая для проведения анализа. Если вначале корпус насчитывал 187489 слов, то после препроцессинга его объем составил 32115 терминов.

Применение методов интеллектуального анализа текста потребовало преобразования выборочной совокупности слов каждого года в матрицу «термин-документ» посредством пакета tm. Таким образом, тексты ОГПУ приобрели табличную форму, где столбцы – это тексты ОГПУ, распределенные по месяцам, а строки – это слова. В таком случае содержание ячейки – это частота упоминания конкретного слова в сводках и обзорах конкретного месяца.

Анализ интертекстуальности

Латентно-семантический анализ позволяет увидеть повторное выражение мыслей в разных текстах, определив в них совместное появление слов через значение косинусного сходства [Wild 2016: 71, 76]. Установлено, что тексты ОГПУ по Северному Кавказу разных лет имеют практически идентичный словарный состав, о чем свидетельствуют значения косинусного сходства, полученные в ходе LSA: во всех сводках и обзорах ОГПУ, написанных в разные годы, значение косинусного сходства близится к единице. Иными словами, с 1922 по 1929 гг. ГПУ–ОГПУ обладало сложившимся терминологическим аппаратом, используемым в сводках и обзорах. Основой устоявшегося чекистского понятийного аппарата в обозначенный период являлись такие слова, как «кулак» (частота упоминаний = 866), «власть» (786), «хлеб» (721), «советский» (702), «собрание» (700), «рабочие» (662), «крестьяне» (650), «агитация» (574), «антисоветский» (552), «зажиточный» (551), «сельсовет» (504), «беднота» (501), «выступление» (412), «кулачество» (398), «середняк» (395), «налог» (377), «банда» (347), «перевыборы» (306), «слух» (305), «недовольство» (296), «война» (274), «коммунист» (271), «казак» (270), «земля» (248) и т. д. Однако, несмотря на поддержание общего курса применения терминов, с 1928 г. наблюдается дрейф словарного состава текстов ОГПУ. Именно после 1928 г. сводки и обзоры ОГПУ становятся менее похожими по словарному составу с аналогичными текстами предыдущих лет, но в то же время сохраняется их сходство с текстами 1929 г.

В условиях социальных изменений одной из стратегий дискурса является смягчение или усиление его содержания [Reisigl 2018: 52]. В машинном анализе текстов вектор дискурсивной стратегии позволяет определить анализ тональности текста, основывающийся на полярности, в границах которой слова имеют отрицательную, нейтральную или положительную направленность настроений

[Игнатов, Михальча 2021: 221–222]. Согласно принципу устройства использованного нами лексикона AFINN, адаптированного к русскому языку, отрицательная и положительная тональности текста находятся в диапазоне от –5 до 5 соответственно [Silge, Robinson 2017: 13]. Проведенный анализ тональности показал, что текстам ГПУ–ОГПУ с 1922 по 1929 гг. присуще использование отрицательных терминов: в каждом году обзоры и сводки обладают преимущественно негативным содержанием (столбики слева), что подчеркивает отрицательную тональность «чекистского» дискурса (рис. 1).

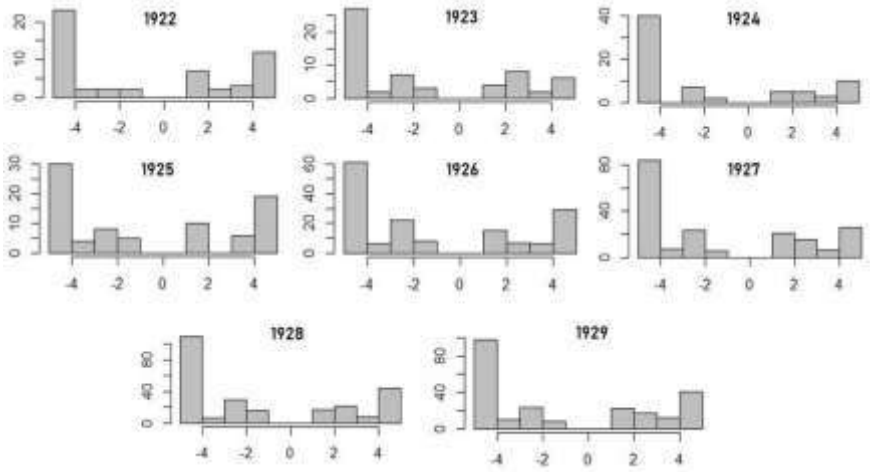

Рис. 1. Тональность текстов ГПУ–ОГПУ по годам
(ось x – степень тональности; ось y – частота слов)

Картина распределения количества слов с негативными коннотациями по годам (рис. 2) позволяет сделать два заключения. Во-первых, заметна тенденция к нагнетанию тональности дискурса в сводках и обзорах ГПУ–ОГПУ с 1922 по 1928 гг. Во-вторых, видно, что по количеству отрицательных терминов документы «Лубянки» заметно делятся на две группы: первая – с 1922 по 1925 гг.; вторая – с 1926 по 1929 гг. Тексты из второй группы наполнены негативным содержанием в три раза больше, чем документы из первой группы. В текстах первого периода самыми негативными терминами (со значением тональности –5 при частоте упоминания ≥ 2) являются «бандитизм», «забастовка», «восстание», «нападение», «конфликт», «сопротивление», «террор», «столкновение», «бездеятельность», «зло», «ликвидация», «убийство», «драка», «избиение», «стычка», «ограбление». Во втором периоде, помимо перечисленных слов, появляются новые негативные термины (со значением тональности –5 при частоте упоминания ≥ 2), которые характерны именно для текстов 1926–1929 гг.: «отказ», «произвол», «халатность», «сволочь», «захват», «скандал», «протест», «угроза», «антисемитизм» и т.д. Это свидетельствует о том, что в «чекистском» дискурсе, отраженном в сводках и обзорах ОГПУ по Северному Кавказу, к 1926 г. произошел перелом, который усиливал негативное впечатление о происходивших в стране событиях и процессах.

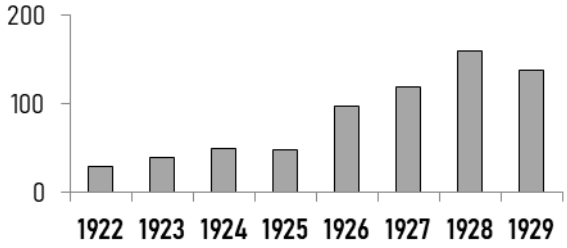

Рис. 2. Количество негативных слов в текстах ОГПУ

Между тем наряду с ростом негативной терминологии в текстах ОГПУ находились также слова с положительной коннотацией. Поэтому целесообразно учитывать соотношение негативной и позитивной тональностей в текстах. Благодаря сравнению средних значений тональностей документов ГПУ–ОГПУ видна динамика отражаемых в текстах настроений с учетом положительных слов: –0.815 в 1922 г., –1.708 в 1923 г., –1.944 в 1924 г., –0.730 в 1925 г., –1.205 в 1926 г., –1.529 в 1927 г, –1.347 в 1928 г., –1.167 в 1929 г. Средние значения в очередной раз подчеркивают, что в обозначенный временной промежуток «чекистский» дискурс испытал две волны изменений тональности: 1922–1925 гг. и 1926–1929 гг. (рис. 3). При этом настроения в текстах второй группы немного нивелируются, т. е., в отличие от более ранних сводок и обзоров, их тональность не колеблется из года в год, а эмотивный набор терминов становится устойчивым.

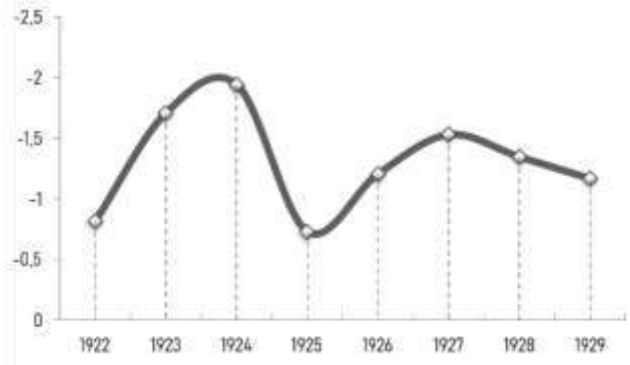

Рис. 3. Сравнение средних значений тональностей текстов ОГПУ

Даже за один месяц сводки и обзоры ОГПУ наполнены массой сведений, которые относятся к различным темам. Это накладывает ограничения на качественный анализ при выявлении тем в корпусе документов ОГПУ. В машинном анализе текстов для определения тем дискурса распространен метод латентного размещения Дирихле (*Latent Dirichlet allocation*), который помогает выявить скрытые темы, присутствующие во всех документах массива. В программе RStudio за выполнение LDA в данном исследовании отвечают два пакета: topicmodels и tidytext. На выходе LDA предлагает перечень тем с присущими им терминами, а также доли тем в каждом отдельном документе [Kwartler 2017: 155]. После определения скрытых тем осуществляется их аннотирование (посредством коэффициента корреляции терминов, входящих в темы, с другими словами), позволяющее обобщить корпус текстов и извлечь контекст, в котором существовали документы [Kumar, Paul 2016: 124].

Всего алгоритмом LDA нами было выявлено 20 тем, преобладавших в сводках и обзорах ОГПУ по Северному Кавказу (рис. 4). Их распределение во времени позволяет сделать несколько выводов по структуре «чекистского» дискурса. Во-первых, с годами заметно расширение тематического поля дискурса: к концу исследуемого периода темы, представленные в документах, становятся разнообразнее. Во-вторых, тематически наиболее связанными являются тексты 1928–1929 гг. В-третьих, имеются интертекстуальные темы, которые объединяют документы ОГПУ во времени и выступают основой «чекистского» дискурса. Среди таковых магистральных тем выделяются пять: «местная власть», «бандитизм», «социальная напряженность», «налогообложение» и «национальные движения».

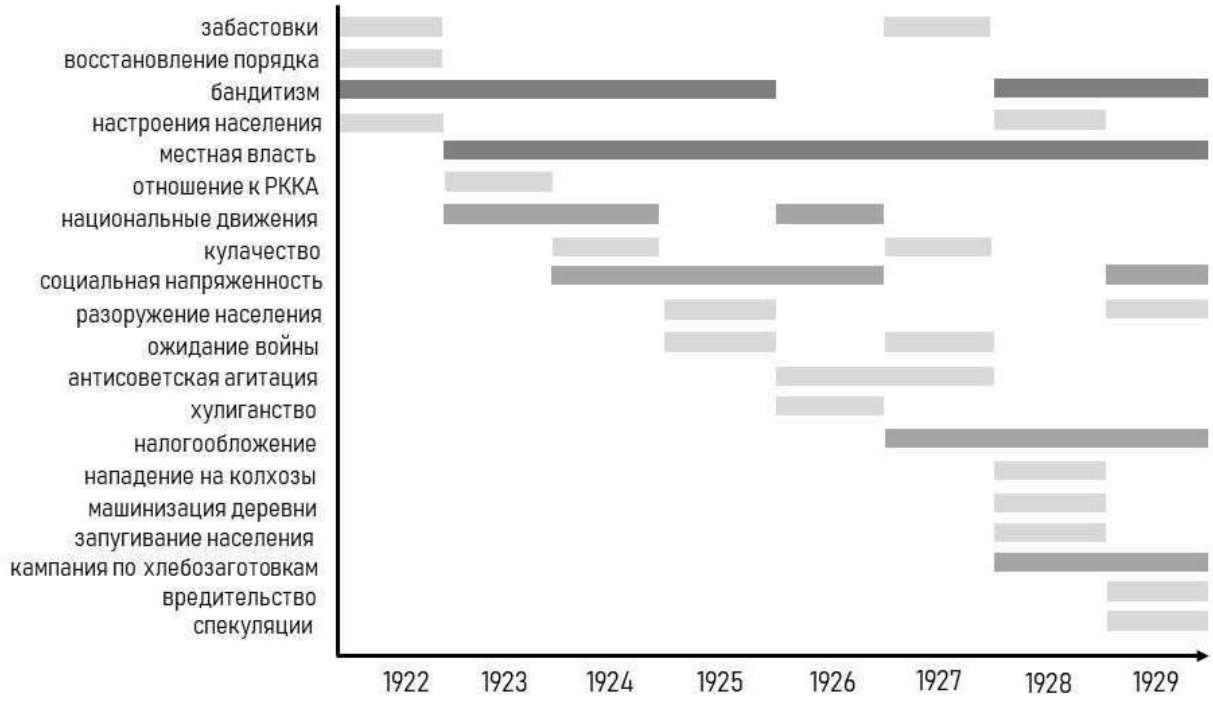

Рис. 4. Темы сводок и обзоров ОГПУ по Северному Кавказу, выявленные через LDA

Рамки статьи не позволяют представить подробное описание каждой из этих тем, поэтому иллюстративный материал дается только в первой из них, а по остальным четырем темам ограничимся текстовым изложением.

Тема «Местная власть» по среднему значению составляет 15 % объема текста ежемесячно. LDA позволяет не только определить магистральные темы дискурса, но и увидеть их динамику, а также их смысловое наполнение. На рис. 5 видна динамика изменения доли темы «Местная власть» в изучаемый период: больше всего эта тема интересовала ОГПУ в марте 1923 г., в ноябре 1925 г., в январе 1926 г., в январе-феврале 1927 г. и в октябре 1929 г. Результат LDA показывает, что данная тема генерируется из таких терминов, как «население», «рабочий», «недовольство», «местный», «власть», «работа», «член», «группа», «группировка», «сельсовет», «председатель», «перевыборы», «зажиточный», «ВКП». Кроме того, данная тема имеет ассоциации (слова в текстах, которые обладают очень высокой степенью корреляции с терминами темы, где $r \geq 0.9$), к

которым относятся слова «казацкий» (1.00), «незаможник» (0.99), «бандит» (0.98), «избиратель» (0.98), «комячейка» (0.98), «политработа» (0.98), «кулак» (0.97), «середняк» (0.97), «кандидатура» (0.97), «избирсобрание» (0.96), «недоверие» (0.96), «наступление» (0.96), «эсеровский» (0.95), «волисполком «(0.94), «кандидат» (0.94), «предисполком» (0.94), «неустойчивость» (0.94). По основным терминам и ассоциациям виден главный лейтмотив темы: в составе сельсоветов присутствуют группировки кандидатов из антисоветских элементов (кулаков, казаков, середняков, бандитов, эсеров), что создает неустойчивость работы органов власти. Поэтому в течение всего рассматриваемого периода ГПУ–ОГПУ на Северном Кавказе особо интересовали перевыборы в местные органы с последующим распределением власти между социально-политическими силами в регионе: «*В стц. Поповической на перевыборах образовавшаяся антисоветская группировка – бывший врангелевец, бывший белый бандит, бывший белый офицер, райстатистик и ветфельдшер – агитировали за выбор «наших» казаков-хлеборобов, а не коммунистов*» (апрель 1925) [«Совершенно секретно» 2002a: 265]; «*В стц. Ширванской кулаки совместно с бывшими политурядниками и атаманами пытаются организоваться к перевыборам, чтобы провести в Совет "своих людей"*» (декабрь 1926) [«Совершенно секретно» 2001c: 995]; «*На перевыборное собрание кулацко-зажиточные элементы явились с заранее обсужденным списком кандидатов в состав ККОВ, коих полностью и провели, провалив список комячейки…*» (январь 1928) [«Совершенно секретно» 2002b: 94] и т. д.

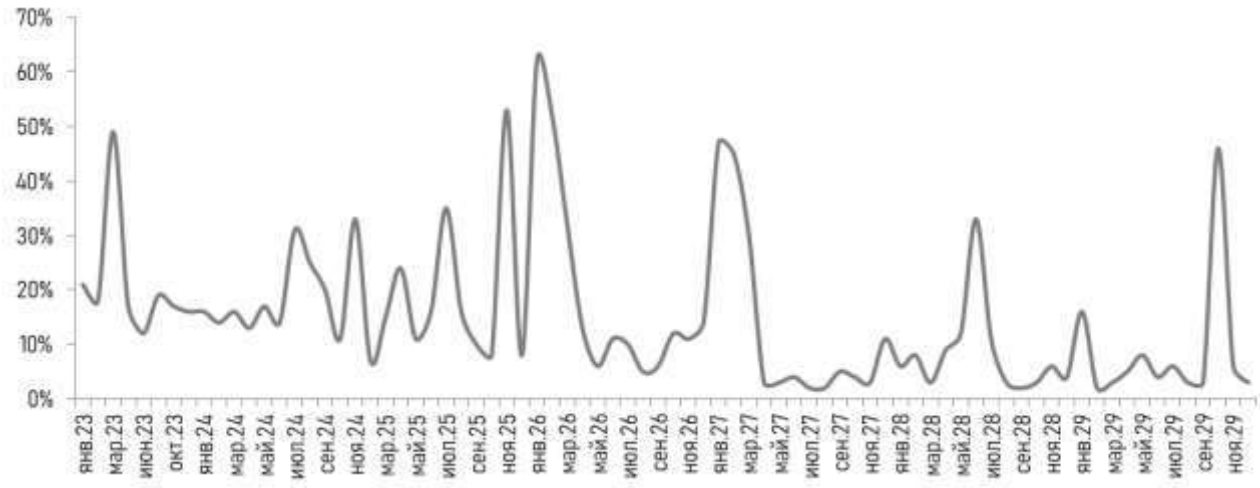

Рис. 5. Доля темы «местная власть» в каждом месяце сводок и обзоров ОГПУ

Тема «Бандитизм» в среднем составляет 18 % объема текста каждого месяца, в котором она фигурирует. Сильнее всего эта тема интересовала ОГПУ в декабре 1922 г. и в декабре 1925 г. (66 % и 62 % соответственно от содержания обзоров). Ее основу составляют такие термины, как «агитация», «антисоветский», «банда», «бандит», «выступление», «восстание», «затруднение», «кулацкий», «хлебозаготовка». К ассоциациям темы ($r \geq 0.9$) относятся: «угрозыск» (0.99), «демонстрации» (0.96), «выступление» (0.95), «вредитель» (0.94), «воровской» (0.94), «де-

бош» (0.94), «уголовщина» (0.94), «разоружение» (0.94), «религиозный» (0.94), «борьба» (0.91), «безработный» (0.91), «амнистия» (0.9), «казак» (0.9), «партизане» (0.9), «теракт» (0.9). Видно, что термины и ассоциации предлагают очень пестрый портрет бандита на Северном Кавказе: под понятие бандита попадали различные группы населения (казаки, кулаки, религиозные деятели, партизаны, безработные и т. д.), которые выступали против советской власти. Таким образом, тема бандитизма в дискурсе ОГПУ приобретала разные формы (политическую, национально-политическую, уголовно-бытовую, национально-бытовую): «*На Юго-Востоке бандитизм до сего времени определенно политический, не встречая сочувствия у станичников, чрезвычайно быстро вырождается в уголовщину…*» (декабрь 1922) [«Совершенно секретно» 2001a: 488]; «*Политбандитизм на Юго-Востоке мало активен и фактически носит организационный характер (установление связи с бандитами и с населением) <…> В горских округах края по-прежнему сильно развит уголовно-бытовой и национально-политический бандитизм*» (март 1924) [«Совершенно секретно» 2001b: 70]; «*Национально-бытовой бандитизм в ряде районов продолжает сохранять устойчивость. В Кабардино-Балкарской, Адыгейско-Черкесской, Осетинской и Ингушской областях общая численность банд поднялась с ноября по декабрь с 34-х человек до 41 человека*» (декабрь 1925) [«Совершенно секретно» 2002a: 723].

Тема «Социальная напряженность» в среднем составляет 17 % от содержания ежемесячных документов, в которых она присутствует. Наибольший интерес социальная напряженность представляла в октябре 1924 г., в мае 1925 г., в мае 1926 г., в июне 1929 г. (61 %, 58 %, 53 %, 46 % соответственно от содержания обзоров). Тема формируется на следующих терминах: «русский», «деревня», «казак», «иногородний», «землеустройство», «земля», «село», «сельсовет», «толпа», «хозяйство», «убийство». Среди ассоциаций ($r \geq 0.9$) присутствуют: «почва» (0.98), «конфликт» (0.98), «дагестанцы» (0.96), «безработица» (0.95), «конокрадство» (0.95), «расслоение» (0.95), «спор» (0.94), «раскол» (0.94), «расправа» (0.93), «Кубань» (0.92). Тем самым основной лейтмотив темы – конфликты между казаками, иногородними и горским населением Северного Кавказа, возникавшие на почве распределения земельных участков: «*В Дагестане массовый характер принимают споры на земельной почве между дагестанцами и городскими евреями*[1]» (октябрь 1924) [«Совершенно секретно» 2001b: 250]; «*В стц. Балаковской на собрании по вопросу о землеустройстве один из казаков заявил: “Мы, казаки, ждали Врангеля и ждем, и Врангель все-таки придет, а тогда мы вас всех, иногородних, перевешаем, и земли вам все-таки не будет»*”» (июнь 1925) [«Совершенно секретно» 2002a: 402]; «*Столкновение на почве пользования пастбищами имело место на границе Самурского округа Дагестана и Азербайджана*» (май 1929) [«Совершенно секретно» 2004: 256].

Тема «Налогообложение» в среднем ежемесячно занимает 15 % объема обзоров, в которых она фигурирует. Больше всего интерес ОГПУ был прикован к ней с сентября по ноябрь 1927 г. (64 %, 60 % и 62 % от содержаний обзоров соответственно). Тема генерируется из ряда терминов: «зажиточный», «Кавказ», «кампа-

[1] Авт.: так в источнике.

ния», «налог», «новый», «обложение», «сельсовет», «хозяйство». К ассоциациям темы ($r \geq 0.9$) относятся: «досрочно» (0.95), «заработки» (0.95), «закон» (0.9). Тем самым нежелание зажиточного крестьянства (кулачества) на Северном Кавказе уплачивать сельхозналог – основной лейтмотив темы: «*Зажиточно-кулацкий элемент по селениям ведет агитацию против ЕСХН, указывая, что Дагправительство обложило население налогом больше, чем следует и что якобы в Терском округе налог взимается вдвое меньше*» (ноябрь 1926) [«Совершенно секретно» 2001c: 898]; «*В с. Ново-Благодаринское четверо зажиточных агитируют за неуплату налога, заявляя, что тогда правительство пойдет на уступки и предоставит большие скидки*» (октябрь 1927) [«Совершенно секретно» 2003: 623]; «*20 октября в Каменно-Бродском районе со стороны кулаков и зажиточных усилились за последнее время тенденции к посылке ходоков в центр с ходатайствами о снижении сельхозналога и жалобами на местную власть, всячески оттягивая сдачу налога*» (октябрь 1928) [«Совершенно секретно» 2002b: 547].

Тема «Национальные движения» (нередко проявляющаяся в виде сообщений о конфликтах на межнациональной почве), когда она встречается в ежемесячных обзорах, в среднем занимает 18 % объема. Тема наиболее выражена в мае 1924 г. и в мае 1926 г. (46 % и 55 % соответственно). Примечательно, что к концу 1920-х гг. вопрос о национальных движениях на Северном Кавказе в текстах ОГПУ постепенно теряет свою актуальность. Данная тема состоит из совокупности терминов, среди которых – «политический», «слух», «чечен», «черкесский», «русский», «земельный», «вопрос». Ассоциациями темы ($r \geq 0.9$) являются: «турецкий» (0.98), «антагонизм» (0.97), «арест» (0.97), «брожения» (0.97), «возмущение» (0.97), «контрреволюция» (0.97), «монархист» (0.96), «политбандитизм» (0.97), «политсекты» (0.97), «террор» (0.97), «спор» (0.94), «шейх» (0.91), «вооруженный» (0.9), «ликвидация» (0.9). Таким образом, ключевым лейтмотивом темы является возникновение на Северном Кавказе очагов национально-освободительных (повстанческих) сил, направленных против советской власти: «*В Чечне состоялся созванный турецким инструктором тайный съезд мулл, шейхов и влиятельных лиц по вопросу создания национального собрания*» (июнь 1923) [«Совершенно секретно» 2001a: 904]; «*Положение Д[А]ССР за отчетный период характеризуется непрекращающимся антисоветским движением, все более ярко принимающим религиозные формы. Большую активность в этой области проявляют шейхи Али Гаджи Акушинский и Магомад Али Аджи*» (август 1924) [«Совершенно секретно» 2001b: 178]; «*Движение за объединение Осетии среди национальной интеллигенции и торговых кругов Северной Осетии развивается уже давно. <…> Аналогичное, возглавляемое националистической интеллигенцией движение наблюдается в Чечне и Ингушетии (стремление к объединению обеих областей)*» (июнь 1926) [«Совершенно секретно» 2001c: 388].

Выводы

Интеллектуальный анализ текстов сводок и обзоров ГПУ–ОГПУ показал, что «чекистский» дискурс, сфокусированный на Северном Кавказе, в течение исследуемого периода обладал единым терминологическим аппаратом с прева-

лированием постоянно усиливающегося негативного эмоционального фона. При этом нагнетание оценок настроений и сгущение красок при описании советской реальности сопровождалось обилием тем, интересовавших органы ГПУ–ОГПУ. К концу десятилетия темы становились более разнообразными и конкретными, что свидетельствует о регулярном расширении дискурса, представленного в сводках и обзорах ОГПУ, и / или об осложнении социальных отношений в региональной общности, которые фиксировала и осмысливала советская власть.

«Чекистский» дискурс в масштабах Северного Кавказа хронологически претерпел два этапа развития (1922–1925 гг. и 1926–1929 гг.), связанные между собой одними и теми же магистральными темами («местная власть», «бандитизм», «социальная напряженность», «налогообложение», «национальные движения»), которые поддерживали связь всего «чекистского» дискурса в рамках региона. Компьютерный анализ выявил, что эти «сквозные» темы зачастую не совпадают с принятой тогда структурой обзоров, что было затруднительно установить интуитивной интерпретацией чекистских текстов. Заслуживает внимания тот факт, что дискурс ОГПУ 1926–1929 гг., несмотря на высокий уровень негативного эмоционального фона, отсутствие резких перепадов настроений в сводках и обзорах, наличие магистральных тем внутренне неоднороден. Последние два года (1928–1929 гг.) рассматриваемого периода существенно отличаются от предыдущих лет по сходству словарного и тематического состава, что позволяет говорить о начале тенденции изменения дискурса в сводках и обзорах ОГПУ последующего десятилетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов 2013 – *Баранов А.В.* Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. – 2013. – № 3. – С. 112–125.

Белозеров 2005 – *Белозеров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. – М.: ОГИ, 2005. – 298 с.

Виноградов 2001 – *Виноградов В.К.* Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2001. – Т. 1. – С. 31–73.

Всесоюзная перепись… 1928 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – Т. 9. – 228 с.

Игнатов, Михальча 2021 – *Игнатов Г., Михальча Р.* Текст майнинг. Интеллектуальный анализ текста: дизайн исследований, сбор данных и методы анализа. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2021. – 344 с.

Капчинский 2005 – *Капчинский О.* Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. – М.: Яуза; Эксмо, 2005. – 383 с.

Кожемякин 2008 – *Кожемякин Е.А.* Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // Научные ведомости. – 2008. – № 15. – С. 5–12.

Колодникова 2010 – *Колодникова Л.П.* Проблемы истории советского общества 20-х годов XX столетия по рассекреченным документам архивов «Лубянки» // Труды Института российской истории. Вып. 9 / отв. ред. А.Н. Сахаров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. – М.; Тула: Гриф и К, 2010. – С. 225–238.

Кондрашин 2018 – *Кондрашин В.В*. Лубянка – Сталину о положении в сельском хозяйстве СССР в 1932–1934 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2018. – № 1. – С. 58–69. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-1-6.

Лубянка 2003 – Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. 1917–1991. Справочник / под ред. акад. А.Н. Яковлева; авторы-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: МФД, 2003. – 768 с.

Наухацкий 2011 – *Наухацкий В.В*. О роли органов ОГПУ–НКВД в становлении колхозной системы // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 1. – С. 115–118.

Рожков 1995 – *Рожков А.Ю.* Первая смерть вождя: Болезнь и кончина В.И. Ленина в общественном восприятии // Россия XXI (Москва). – 1995. – № 5–6. – С. 130–157.

Рожков 2022 – *Рожков А.Ю.* Информационные документы ОГПУ о социальном самочувствии и политической активности молодежи в северокавказской деревне (1924–1929 гг.) // Проблемы и перспективы аграрной модернизации СССР–России (XX – первые десятилетия XXI вв.): сборник статей Международной научно-практической конференции. – Саратов: ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ, ООО «ЦеСАин», 2022. – С. 148–156.

Рыбаков 2018 – *Рыбаков Р.В.* Использование приложения R в исторических исследованиях на примере анализа писем молодежи 1920-х гг. // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2018. – № 3. – С. 16–22. – DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-16-22.

Северный Кавказ 1925 – Северный Кавказ после районирования (итоги и выводы). В 2 т. – Ростов н/Д: Изд-во «Советский Юг», 1925. – Т. 1. – 541 с.

Скворцова 2007 – *Скворцова О.Ф*. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Антиномии. – 2007. – № 7. – С. 5–34.

«Совершенно секретно» 2001a – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2001a. – Т. 1. – 1103 с.

«Совершенно секретно» 2001b – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2001b. – Т. 2. – 511 с.

«Совершенно секретно» 2002a – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2002a. – Т. 3. – 967 с.

«Совершенно секретно» 2001c – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2001c. – Т. 4. – 1191 с.

«Совершенно секретно» 2003 – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2003. – Т. 5. – 798 с.

«Совершенно секретно» 2002b – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2002b. – Т. 6. – 795 с.

«Совершенно секретно» 2004 – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. документов в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2004. – Т. 7. – 767 с.

Советская деревня 2000 – Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1. – 864 с.

Согомонян 2012 – *Согомонян В*. Что такое дискурс власти? // 21-й век. – 2012. – № 1. – С. 34–51.

Цуциев 2007 – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: «Европа», 2007. – 128 с.

Jo 2019 – *Jo T.* Text Mining. Concepts, Implementation, and Big Data Challenge. – Cham: Springer, 2019. – 386 p.

Kumar, Paul 2016 – *Kumar A., Paul A.* Mastering Text Mining with R. – Birmingham: Packt Publishing Ltd, 2016. – 237 p.

Kwartler 2017 – *Kwartler T.* Text Mining in Practice with R. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2017. – 307 p.

Reisigl 2018 – *Reisigl M.* Discourse-Historical Approach // The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies. – London; New York: Routledge, 2018. – P. 44-59.

Richardson 2017 – *Richardson J.* British Fascism. A Discourse-Historical Analysis. – Stuttgart: ibidem Press, 2017. – 307 p.

Silge, Robinson 2017 – *Silge J., Robinson D.* Text mining with R. A Tidy Approach. – Sebastopol: O'Reilly Media, 2017. – 184 p.

Wild 2016 – *Wild F.* Learning Analytics in R with SNA, LSA, and MPIA. – Berlin: Springer, 2016. – 275 p.

Wodak 2015 – *Wodak R.* Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. – Chichester: John Wiley & Sons, Inc., 2015. – P. 275-289. – DOI:10.4135/9780857028020.d6.

Wodak, Meyer 2001 – *Wodak R., Meyer M.* Method of Critical Discourse Analysis. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2001. – 200 p.

REFERENCES

BARANOV A.V. *Politicheskie nastroenija zemledel'cev kazach'ego Juga Rossii v uslovijah «rasshirenija» NJePa 1924–1926 gg. (po materialam informacionnyh svodok OGPU)*. IN: Novejshaja istorija Rossii [The Modern History of Russia]. – 2013. – № 3. – P. 112-125. (In Russ.).

BELOZEROV V.S. *Jetnicheskaja karta Severnogo Kavkaza* [Ethnic map of the North Caucasus]. – Moscow: OGI, 2005. – 298 p. (In Russ.).

VINOGRADOV V.K. *Ob osobennostjah informacionnyh materialov OGPU kak istochnika po istorii sovetskogo obshhestva* [About the features of the OGPU information materials as source on the history of Soviet society]. IN: *«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934). Collection of documents in 10 vols.]. – Moscow: IRI RAN, 2001. – Vol. 1. – Iss. 1. – P. 31-73. (In Russ.).

Vsesojuznaja perepis'... 1928 – Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 goda [All - Union Population Census of 1926]. – Moscow: TsSU SSSR, 1928. – Vol 9. – 228 p. (In Russ.).

IGNATOV G., MIKHALCHA R. *Tekst majning. Intellektual'nyj analiz teksta: dizajn issledovanij, sbor dannyh i metody analiza* [Text mining: research design, data collection and analysis methods]. – Kharkov: Gumanitarnyi Tsentr, 2021. – 344 p. (In Russ.).

JO T. Text Mining. Concepts, Implementation, and Big Data Challenge. – Cham: Springer, 2019. – 386 p. (In English)

KAPCHINSKIJ O. *Gosbezopasnost' iznutri. Nacional'nyj i social'nyj sostav* [State security from the inside. National and social composition]. – Moscow: Yauza; Eksmo, 2005. – 383 p. (In Russ.).

KOZHEMJAKIN E.A. *Diskurs-analiz kak mezhdisciplinarnaja metodologija: istoricheskij aspect* [Discourse analysis as an interdisciplinary methodology: historical aspect]. IN: *Nauchnye vedomosti* [Scientific Vedomosti]. – 2008. – № 15. – P. 5-12. (In Russ.).

KOLODNIKOVA L.P. *Problemy istorii sovetskogo obshhestva 20-h godov XX stoletija po rassekrechennym dokumentam arhivov «Lubjanki»* [Problems of the History of Soviet Society in the 20s of the XXth century according to declassified documents of the Lubyanka archives]. IN: *Trudy Instituta rossiiskoi istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History] / Edited by A.N. Sakharov, E.N. Rudaya. – Moscow; Tula: Grif i K, 2010. – Vol. 9. – P. 225-238. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Lubjanka – Stalinu o polozhenii v sel'skom hozjajstve SSSR v 1932–1934 gg.* [Lubyanka to Stalin about the situation in agriculture of the USSR in 1932-1934]. IN:

Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region [News of higher educational institutions. Volga Region]. – 2018. – № 1. – P. 58-69. (In Russ.).

KUMAR A., PAUL A. Mastering Text Mining with R. – Birmingham: Packt Publishing Ltd, 2016. – 237 p. (In English)

KWARTLER T. Text Mining in Practice with R. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2017. – 307 p. (In English)

Lubjanka: Organy VChK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-KGB. 1917–1991. Spravochnik [Lubyanka: Organs of the VCHK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-KGB. 1917-1991. Directory] / Edited by A.N. Yakovlev. – Moscow: MFD, 2003. – 768 p. (In Russ.).

NAUHACKIJ V.V. *O roli organov OGPU–NKVD v stanovlenii kolhoznoj sistemy* [On the role of the OGPU–NKVD organs in the formation of the collective farm system]. IN: *Pravovaja politika i pravovaja zhizn'* [Legal policy and legal life]. – 2011. – № 1. – P. 115-118. (In Russ.).

REISIGL M. Discourse-Historical Approach // The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies. – London; New York: Routledge, 2018. – P. 44-59. (In English)

RICHARDSON J. British Fascism. A Discourse-Historical Analysis. – Stuttgart: ibidem Press, 2017. – 307 p. (In English).

ROZHKOV A.JU. *Pervaja smert' vozhdja: Bolezn' i konchina V.I. Lenina v obshhestvennom vosprijatii* [The first death of the leader: Illness and death of V.I. Lenin in public perception]. IN: *Rossija XXI* [Russia XXI]. – Moscow, 1995. № 5-6. – P. 130-157. (In Russ.).

ROZHKOV A.JU. *Informacionnye dokumenty OGPU o social'nom samochuvstvii i politicheskoj aktivnosti molodezhi v severokavkazskoj derevne (1924-1929 gg.)* [Information documents of the OGPU on the social well–being and political activity of youth in the North Caucasian village (1924-1929)]. IN: *Problemy i perspektivy agrarnoj modernizacii SSSR–Rossii (XX – pervye desjatiletija XXI vv.): sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Problems and prospects of agrarian modernization of the USSR–Russia (XX - the first decades of the XXI century.): collection of articles of the International scientific and practical Conference]. – Saratov: FGBOU VO Saratovskij GAU, OOO «CeSAin», 2022. – P. 148-156. (In Russ.).

RYBAKOV R.V. *Ispol'zovanie prilozhenija R v istoricheskih issledovanijah na primere analiza pisem molodezhi 1920-h gg.* [The use of apps R in historical research on the example of the analysis of youth letters of the 1920s.]. IN: *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost* [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity]. – 2018. – № 3, P. 16-22. (In Russ.).

Severnyj Kavkaz 1925 – Severnyj Kavkaz posle rajonirovanija (itogi i vyvody). V 2 t. [The North Caucasus after zoning (results and conclusions). In 2 vols]. – Rostov n/D: Sovetskii Yug, 1925. – Vol. 1. – 541 p. (In Russ.).

SILGE J., ROBINSON D. Text mining with R. A Tidy Approach. – Sebastopol: O'Reilly Media, 2017. – 184 p. (In English).

SKVORCOVA O.F. *Osnovnye teoretiko-metodologicheskie podhody k interpretacii diskursa* [Basic theoretical and methodological approaches to the interpretation of discourse]. IN: *Antinomii* [Antinomies]. – № 7. – P. 5-34. (In Russ.).

«Sovershenno sekretno»: Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Sb. dokumentov v 10 t. [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934). Collection of documents in 10 volumes] / Edited by A.N. Sakharov, V.S. Hristoforov. – M.: IC IRI RAN, 2001. – Vol. 1. – 1103 p. (In Russ.).

«Sovershenno sekretno»: Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Sb. dokumentov v 10 t. [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934). Collection of documents in 10 volumes] / Edited by A.N. Sakharov, V.S. Hristoforov. – M.: IC IRI RAN, 2001. – Vol. 2. – 511 p. (In Russ.).

«Sovershenno sekretno»: Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Sb. dokumentov v 10 t. [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934). Collection of documents in 10 volumes] / Edited by A.N. Sakharov, V.S. Hristoforov. – M.: IC IRI RAN, 2002. – Vol. 3. – 967 p. (In Russ.).

«Sovershenno sekretno»: Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Sb. dokumentov v 10 t. [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934). Collection of documents in 10 volumes] / Edited by A.N. Sakharov, V.S. Hristoforov. – M.: IC IRI RAN, 2001. – Vol. 4. – 1191 p. (In Russ.).

«Sovershenno sekretno»: Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Sb. dokumentov v 10 t. [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934). Collection of documents in 10 volumes] / Edited by A.N. Sakharov, V.S. Hristoforov. – M.: IC IRI RAN, 2003. – Vol. 5. – 798 p. (In Russ.).

«Sovershenno sekretno»: Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Sb. dokumentov v 10 t. [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934). Collection of documents in 10 volumes] / Edited by A.N. Sakharov, V.S. Hristoforov. – M.: IC IRI RAN, 2002. – Vol. 6. – 795 p. (In Russ.).

«Sovershenno sekretno»: Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Sb. dokumentov v 10 t. [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934). Collection of documents in 10 volumes] / Edited by A.N. Sakharov, V.S. Hristoforov. – M.: IC IRI RAN, 2004. – Vol. 7. – 767 p. (In Russ.).

Sovetskaja derevnja 2000 – Sovetskaja derevnja glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4 t. [Soviet Village 2000 – Soviet village through the eyes of the *VChK*–OGPU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials. In 4 vol.] / Edited by A. Berelovich, V. Danilov. – Moscow: ROSSPJeN, 2000. – Vol. 1. – 864 p. (In Russ.).

SOGHOMONYAN V. *Chto takoe diskurs vlasti?* [What is the discourse of power?] IN: *21 vek* [21st century]. – 2012. – №. 1. – P. 34-51. (In Russ.).

CUCIEV A.A. Atlas jetnopoliticheskoj istorii Kavkaza (1774–2004) [Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus (1774-2004)]. – Moscow: «Europe», 2007. – 128 p. (In Russ.).

WILD F. Learning Analytics in R with SNA, LSA, and MPIA. – Berlin: Springer, 2016. – 275 p. (In English).

WODAK R. Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. – Chichester: John Wiley & Sons, Inc., 2015. – P. 275-289. (In English).

WODAK R., MEYER M. Method of Critical Discourse Analysis. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2001. – 200 p. (In English).

Информация об авторах

А.Ю. Рожков – доктор исторических наук, профессор.

Т.А. Рунаев – кандидат социологических наук.

Information about the authors

A.Yu. Rozhkov – Doctor of Sciences (History), Professor.

T.A. Runaev – Candidate of Sciences (Sociology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022 г.; одобрена после рецензирования 20.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Этнология, антропология и этнография

Научная статья
УДК 39(393)
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-297-313
EDN: KXHXUM

НАМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ АДЫГОВ В XIV-XVI ВВ.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Тимур Русланович Загазежев
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Россия, КБР, г. Нальчик, Россия, zygezezh@mail.ru

Аннотация. Похоронно-поминальные обряды адыгов – один из основополагающих, структурообразующих элементов духовной культуры народа. Начиная с эпохи позднего средневековья и до настоящего времени погребальные практики адыгов под воздействием внешних и внутренних факторов трансформировались. В позднее средневековье, когда преобладающая часть адыгов придерживалась язычества, на всем историческом пространстве их проживания господствовал подкурганный обряд погребения усопших.

Курганы XIV–XVI вв. представлены грунтовыми, каменными либо смешанными насыпями высотой около метра, возводимые над погребенным в деревянной колоде, ориентированной обычно по линии З–В. Позднесредневековые адыгские курганы расположены на плоскости и в предгорьях.

Адыгские курганные могильники подразделяются на три локальные группы: Восточно-Причерноморская, Закубанская (Белореченская), Кабардино-Пятигорская. Каждая из этих групп имеет свою специфику.

Ареал адыгских позднесредневековых курганных могильников занимает территорию, простирающуюся от Северного Причерноморья на западе до границ современной равнинной Чечни на востоке; от реки Кума на севере до подножий Скалистого и Кавказского хребтов на юге (за исключением могильников, расположенных в горах Северо-Западного Кавказа, возле современных карачаевских селений Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук). Принадлежность курганов Северного Кавказа XIV–XVI вв. адыгам подтверждается данными археологии, нарративными источниками и фольклорными материалами.

Ключевые слова: адыги, позднее средневековье, погребальный обряд, намогильные памятники, курганы

Для цитирования: Загазежев Т.Р. Намогильные памятники адыгов в XIV-XVI вв.: общая характеристика и проблема культурно-этнической принадлежности // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 297-313. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-297-313. –EDN: KXHXUM.

© Загазежев Т.Р., 2022

Original article

GRAVE MONUMENTS OF THE ADYGS IN THE 14TH – 16TH CENTURIES: GENERAL CHARACTERISTICS AND THE PROBLEM OF CULTURAL AND ETHNIC BELONGING

Timur R. Zagazezhev
Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, zygezezh@mail.ru

Abstract. The funeral and memorial rites of the Adygs are one of the fundamental, structure-forming elements of the spiritual culture of the people. Starting from the late middle ages and up to the present time, the burial practices of the Adygs have been transformed under the effect of external and internal factors. In the late middle ages, when the predominant part of the Adygs adhered to paganism, under-barrow rite of the dead was dominated at the entire historical space of their residence.

Barrows of the XIV-XVI centuries are represented by earth, stone or mixed mounds about a meter high, erected above the buried in a wooden block, usually oriented along the line W - E. Late medieval Adyghe mounds are on the plane and in the foothills.

Adyghe mounds can be divided into three local groups: The Eastern Black Sea, Zakubansk (Belorechensk), Kabardino-Pyatigorsk. Each of these groups has its own specifics.

The late medieval barrow burial grounds by Adyghs occupies the area from the Northern Black Sea region in the west to the borders of modern plain Chechnya in the east; from the Kuma River in the north to the foothills of the Rocky and Caucasian Ranges in the south (except for burial grounds in the mountains of the North-Western Caucasus, near the modern Karachay villages of Kart-Dzhurt, Uchkulan and Khurzuk). The belonging of the the North Caucasian barrows of the 14th – 16th centuries to the Adygs is confirmed by archeological data, narrative sources and folklore materials.

Keywords: Adyg, the late Middle Ages, funeral rite, grave monuments, barrows

For citation: Zagazezhev T.R. Grave monuments of the adygs in the 14th – 16th centuries: general characteristics and the problem of cultural and ethnic belonging. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 297-313. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-297-313. – EDN: KXHXUM.

© Zagazezhev T.R., 2022

На современном этапе исторического развития в условиях всеобщей глобализации для малых народов существенно возрастает риск утраты этнической идентичности. В этой связи представляется важным детальное исследование основополагающих структур материальной и духовной культуры народа, в частности, похоронно-поминальных обрядов и практик. Они являются одним из наиболее семантически насыщенных и информативных источников по изучению древнего и средневекового мировоззрения, в котором закодированы основные категории мышления и концептуальные сюжеты миропонимания носителей той или иной культуры. Изучение событий, связанных со смертью и проблемой возведения памятников позволяет приблизиться к объективному пониманию этнокультурных основ народа.

Некоторые аспекты исследуемой нами темы достаточно разработаны в отечественной историографии. В рамках дореволюционного периода огромное

значение имеют труды иностранных авторов, посещавших Северный Кавказ в разные исторические периоды и непосредственно наблюдавших за жизнью, нравами, бытом народов этого региона [АБКИЕА 1974]. В их работах так или иначе затрагивается тема похоронно-поминальных обрядов адыгов.

Необходимо подчеркнуть также значимость этнографических и художественных произведений первых адыгских этнографов Хан-Гирея [Хан-Гирей 2009], Шоры Ногмова [Ногмов 1994], Адиль-Гирея Кешева [Кешев 1988].

Для дореволюционных авторов проблема возведения намогильных памятников адыгов не становилась предметом специального изучения; она (проблема) представлена ими как часть общего этнографического описания народа, без серьезной научной интерпретации. Однако в этот период происходит накопление объемного фактического материала о погребальном культе адыгов.

В советский период появляются обобщающие археологические исследования, посвященные изучению намогильных сооружений адыгов. Это фундаментальные труды В.П. Левашовой [Левашова 1953], Е.П. Алексеевой [Алексеева 1992], Е.И. Крупнова [Крупнов 1957] и др.

На современном этапе развития отечественной этнологической науки в статьях, монографиях и диссертациях получают освещение отдельные аспекты похоронно-поминальной культуры адыгов, ранее не становившихся предметом специальных исследований. Из современных ученых, занимающихся данной проблематикой, отдельного внимания заслуживают М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова [Текуева, Нальчикова 2018; Текуева и др. 2019], В.А. Фоменко [Фоменко 2002], Ж.В. Кагазежев [Кагазежев 2011].

В процессе изучения намогильных памятников адыгов первостепенное значение имеют археологические источники. Значительный вклад в изучение позднесредневековых курганов внесли Н.А Шафиев, Е.П. Алексеева, Д.Я Самоквасов, О.В. Милорадович, В.Р. Апухтин, А.П. Рунич, Б.М. Керефов, Т.М. Минаева, Е.И. Крупнов, Р.М. Мунчаев, В.Б. Антонович, Б.В. Лунин, А.В. Мачинский, А.П. Круглов, В.Л. Бернштам, В.П. Левашева, А.Х. Нагоев и др.

Важное место в изучении похоронно-поминальной культуры адыгов занимают нарративные материалы. Большую ценность представляют труды иностранных авторов, посещавших Северный Кавказ в разные исторические периоды. В них содержится значительный по объему и содержанию материал по истории и этнографии адыгов. В работах этих авторов нашли отражение различные аспекты исследуемой нами проблемы.

Значимую роль в изучении погребальных практик народа играют фольклорные источники. Источники фольклорного происхождения существенно дополняют и уточняют информацию, полученную на базе археологических материалов и письменных данных.

Объектом данного исследования является похоронно-поминальная культура адыгов, а предметом – особенности намогильных сооружений адыгов в эпоху позднего средневековья (XIV – XVI вв.).

Цель работы заключается в комплексном изучении намогильных курганных памятников Северного Кавказа эпохи позднего средневековья и разрешении проблемы их этнической принадлежности.

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи: изучить внешнюю форму и конструкцию намогильных сооружений; выявить отличительные черты Восточно-Причерноморской, Закубанской (Белореченской), Кабардино-Пятигорской групп могильников; определить географические рамки распространения позднесредневековых адыгских курганов.

Методология данной работы базируется на принципах историзма, целостности, объективности, системно-структурного анализа. В статье непосредственно были применены следующие методы: типологический (позволил классифицировать и сгруппировать по определенным признакам могильники), сравнительный (дал возможность сопоставить различные источники по исследуемой проблеме), метод непосредственного наблюдения, интервью, опрос и др.

Изучение типов намогильных памятников и особенностей их возведения важно для понимания в целом похоронно-поминальной культуры адыгов.

На похоронно-поминальные обряды и типы намогильных сооружений оказывали влияние многие факторы, главным из которых был религиозный. В эпоху позднего средневековья (XIV-XVI вв.), когда преобладающая часть адыгов придерживалось язычества, на всем историческом пространстве их проживания господствовал подкурганный обряд погребения усопших.

Ареал адыгских позднесредневековых курганных могильников значителен и занимает территорию, простирающуюся от Северного Причерноморья на западе до границ современной равнинной Чечни включительно на востоке. На юге граница проходит по подножию Кавказского и Скалистого хребтов (исключение составляют курганные могильники в высокогорьях, возле Хурзука, Карт-Джурта и Учкулана), а на севере – до реки Кумы.

В эпоху позднего средневековья адыги клали покойника в деревянную колоду и хоронили в неглубокой яме или прямо на материке, головой на запад в вытянутом положении, с оружием в мужских и украшениями в женских погребениях. Насыпался курган, и его обкладывали каменным панцирем и кромлехом. Колоды с крышками скреплялись обычно железными скобами (каб. – *бэнIунэ*). Нередки случаи и сооружения намогильных курганов из одних камней без грунта. Подобные каменные курганы гораздо чаще встречаются в Северном Причерноморье нежели на Центральном Кавказе. Курганные намогильные насыпи обычно имели высоту до 1 м. Однако встречаются и трехметровые, но это является большой редкостью в рассматриваемом временном промежутке.

Конструкция самой курганной насыпи имеет множество вариаций. Обычно курганы обкладываются кромлехом или же каменным панцирем. Встречаются курганы, возведенные из одного камня. Подобные курганы являются редкостью у кабардинцев. Также редкостью является возведение кургана без использования камней из чистого суглинка. На некоторых могильниках курганы обнесены ровиком. Формы каменных панцирей могут различаться. Встречаются курганы с чередующимися слоями земли и каменного панциря. Очень часто камни находятся в насыпи без всякого порядка. Гробы подразделяются на несколько видов. Их подробное описание оставил итальянский путешественник Дж. Интериано [Интериано 1974: 51-52]. По его

описанию, гробы представляли собой выдолбленные из цельного дерева колоды. Бытовали и ящики, изготовленные из шести грубо отесанных дубовых досок. Крышки гробов делались из цельной выпуклой доски в виде горбыля.

Наряду с курганным, на всей территории расселения адыгов в исследуемом временном промежутке существовал бескурганный грунтовый обряд погребения.

Позднесредневековые адыгские курганы представлены в трех локальных вариантах: Восточно-Причерноморская группа; Закубанская (Белореченская) группа; Кабардино-Пятигорская группа. Каждая из этих групп имеет свои отличительные черты.

Границы Восточно-Причерноморской группы проходят по линии реки Адагума. Для этой группы характерны погребения на материке в каменных гробницах под курганной насыпью, обложенной по основанию булыжником. Погребения большей частью одиночные, но, «встречаются иногда и коллективные, в одной гробнице до 3-4 костяков» [Шафиев 1968: 45]. Для Восточно-Причерноморской группы также характерны каменные курганы без грунта. Позже после полного перехода причерноморских адыгов к мусульманскому обряду захоронения (XVII–XVIII вв) коллективные погребения под одной насыпью продолжали существовать.

Эта информация об общих погребениях, полученная в результате археологических раскопок, находит подтверждение и в фольклоре кабардинцев, где также имеются сведения о бытовании в народе совместных захоронений. В качестве примера можно привести следующий материал. В трудное для кабардинцев время, когда они находились в состоянии войны с крымскими войсками, на помощь им (кабардинцам) явилась группа закубанских адыгов в количестве шестидесяти воинов, которых направил сюда Озырмес Туз (каб. - Уэзырмэс Туз). Закубанцев возглавили Уатириж Хакяша (каб. – Уэтэрыжь ХьэкІашэ) и Мазиша Зет (каб. – Мэзышэ Зет). Этот отряд прошел через урочище «птичья балка» (каб. – бзуукъуэ) близ сел. Аушигер и вышел на поле битвы, а кабардинское войско атаковало крымцев с левого берега р. Черек; в этом бою адыги разгромили татар. Известно, что из отряда закубанских адыгов погибло четверо: Назроко Мулид, Алидж Наурбий, Нартыж Мухаб и Гятеж Нурий (каб. – Назрокъуэ Мулид, Алыдж Наурбий, Нартыжь Мухьэб, Джатэжь Нурий). Над этими воинами возвели один общий курган неподалеку от места битвы, по указанию Уазырмеса Туза [Загазежев 2011: 51]. Но в настоящее время у кабардинцев даже парные захоронения являются большой редкостью.

Могильники Закубанской группы, занимая большую территорию от нижнего и среднего течения Кубани на севере до Кавказских гор на юге, от реки Адагума на западе до реки Урупа на востоке, представлены в основном курганами так называемого Белореченского типа. Их особенностью является то, что захоронения осуществлялись под курганом в деревянных склепах или в грунтовой четырехугольной яме, иногда ступенчатой… Под головой, а иногда под локтями костяков находились серебряные блюдца или чашки [Шафиев 1968: 45].

Этот способ погребения характерен для могил, открытых у ст. Елизаветинской [Антонович 1882: 218]. Эти традиции не оставляют никакого сомнения в том, что население золотоордынской эпохи на Кубани являлось потомками древнего меотского населения [Смирнов 1948: 89]. Пережитки этого обычая наблюдаются в Кабарде и в Пятигорье [Шафиев 1968: 45-46]. Часть белореченских курганов как по устройству гробниц, так и по инвентарю, богаче кабардинских. Данный факт можно объяснить наличием более развитых экономических центров и торговых отношений у западных адыгов [Кагазежев 2015: 193].

Курганные могильники Кабардино-Пятигорского типа XV-XVI вв. объединяют следующие признаки: 1) они представлены скоплениями нескольких десятков курганных насыпей; 2) курганы, как правило, небольшие, с насыпью полушаровидной формы. Для них характерно однообразие погребальных сооружений, обряда и инвентаря на всей территории распространения [Алексеева 1979: 145].

Кроме вышеперечисленных, можно выделить также отдельные группы курганов и даже целые могильники с локальными чертами. К примеру, самые восточные кабардинские курганные могильники, расположенные, на территории современных Ингушетии и Чечни, в силу присущих им особенностей, можно, на наш взгляд, выделить в подгруппу единой кабардино-пятигорской группы. Р.А. Даутова, исследуя эти кабардинские курганы пишет, что применение статистико-комбинаторных методов при анализе 50 исследованных курганов позволяет выделить наиболее характерные для данной территории признаки: преобладание небольших земляных насыпей диаметром до 10 м. и высотой до 0,8 м.; захоронения в деревянных гробах, реже в колодах (при наличии могил с деревянной обкладкой и просто грунтовых ям); индивидуальность захоронения; почти полное отсутствие (за исключением впускных погребений в Кантышевского могильника) угольной или известняковой подсыпки; вытянутость костяков; преобладание западной ориентировки; нет детских захоронений, и только в четырех случаях предполагаются погребения женщин. Инвентарь немногочислен и почти одинаков по составу: железные ножи, поясные пряжки, наконечники стрел, реже – сабля, мало украшений и предметов быта. В 30 % погребений инвентарь отсутствует [Даутова 1982: 34].

С.Д. Шаова в одной из своих работ [Шаова 2002: 76] высказала предположение, что малое количество адыгских могильников на территории современных Чечни и Ингушетии объясняется слабым заселением адыгами этих земель. На наш взгляд, незначительность числа адыгских курганов на обозначенной территории является следствием того, что их сложно обнаружить ввиду отсутствия каких-либо внешних признаков. Справедливо замечание Н.А. Шафиева о том, что грунтовые позднесредневековые кабардинские погребения являются находками случайными, ввиду того что не имеют никаких внешних признаков. Это усложняет и препятствует их изучению и исследованию [Шафиев 1968: 32].

Еще одной важной причиной низкой плотности расположения могильников является их физическое уничтожение спустившимися с гор на плоскость вайнахами. В процессе массовой колонизации вайнахами-ингушами плоскостных земель побережья Сунжи и ее притоков такие (кабардинские – *Т.З.*) кладбища были стерты с лица земли отчасти по причине конфессиональных различий и противоречий (ингуши позднее всех своих соседей – в XIX в. – приняли ислам), но, скорее всего, это был символ утверждения полного господства нового состава населения на месте прежнего кабардинского обитания [Шафиев 1968: 48].

Так, свидетельства старожилов, недавно собранные и проанализированные С.Б. Бурковым, показали, что окончательная ликвидация кабардинских кладбищ в широкой округе селения Пседах произошла «после 1957 г.», т.е. после возвращения вайнахов из мест сталинской депортации в 1944 г. [Шаова 2002: 97].

Исходя из этих данных, а также ввиду отсутствия на сегодняшний день достаточного археологического материала на восточных рубежах ареала позднесредневековых адыгских курганных могильников, мы не можем разделять мнение С.Д. Шаовой [Шаова 2002: 76] о якобы «незавершенном, неполном, заселении» этого региона предками современных кабардинцев. Напротив, мы считаем, что в этих местах адыги прожили значительное время, что даже возникла некая специфика в похоронно-погребальной культуре и в возведении курганных насыпей. Эта особенность может быть понята на материалах раскопок самого восточного официально зарегистрированного кабардинского позднесредневекового курганного могильника, расположенного на берегу р. Фортанги между нынешними селениями Бамут и Ачхой-Мартан в Чечне. Раскопки этого могильника проводились известными учеными Е.И. Крупновым и Р.М. Мунчаевым [Крупнов, Мунчаев 1963]. Наше внимание привлекают несколько факторов: во-первых, присутствие глиняных кувшинов в некоторых погребениях, что не характерно для Кабардино-Пятигорской группы курганных погребений; во-вторых, сама форма насыпи: в отличие от насыпей, расположенных в западных районах, они более «оплывшие», при незначительной высоте имеют относительно большой диаметр в основании; в-третьих, отсутствие угля в ямах, что также не характерно для основной массы могильников; в-четвертых, для данного кургана характерна более глубокая могила по сравнению с остальными курганами из Кабардино-Пятигорской группы.

В целом, еще четко не определены границы между Кабардино-Пятигорской, Закубанской и Восточно-Причерноморской группами могильников. Е.П. Алексеева пишет: «Где проходила граница между Закубанской и Кабардино-Пятигорской группами археологических памятников, в настоящее время еще не ясно, так как район между Лабой и Урупом археологами исследован очень мало, но ориентировочно пока берут реку Уруп» [Алексеева 1960: 2]. По мнению Н.А. Шафиева, следует провести «ориентировочную границу не по Урупу, а по реке Лабе, отодвигая Кабардино-Пятигорскую группу значительно западнее до реки Лабы» [Шафиев 1968: 46].

Курганы Кабардино-Пятигорской группы имеют золотые, серебряные, бронзовые, деревянные, стеклянные и глиняные сосуды. Белореченские курганы, как по устройству гробниц, так и по инвентарю, намного богаче кабардинских. В кабардинских курганах практически нет привозных вещей; в белореченских – привозные стеклянные сосуды, поясные бляшки из Киликии, ткани и другое. Найдены поясные наборы, много золотых и серебряных изделий, остатки богатой одежды.

О.В. Милорадович справедливо отмечает, что таким богатством отличаются курганы лишь близ самой ст. Белореченской; курганы же белореченского типа, рассеянные по Кубанскому краю, близ станиц Кужорской, Ярославской, Костромской, Губской, Андрюковской и других, значительно беднее и отличаются от кабардинских часто только наличием в них сосудов [Милорадович 1954: 343].

Интересной особенностью позднесредневековых адыгских погребений является то, что колода с костяком расположена неглубоко, иногда даже на материке, и, помимо основного кромлеха, обкладывается камнями. По преданиям, записанным от Тахушевой Бабины Озировны, раньше бывало, что покойнику не копали могилу, а хоронили прямо на материке, обкладывали камнями и ими же покрывали. После этого над ним возводился курган [Архив КБИГИ. Ф-12, оп. 1, ед. хр. 3а. Исп. Тахушева Бабина Озировна: г.р. 1889, с. Н. Акбаш КБР. Зап. 1972 г. Х. Шогенова].

Кабардино-Пятигорская и Закубанская группы являются более однородными, схожими, с более устоявшимися обрядами, в отличие от Восточно-Причерноморской.

В Северном Причерноморье подкурганный обряд погребения возник раньше и бытовал дольше, чем в остальной части исторического проживания адыгов. Большая вариация внутри этой группы можно объяснить тем, что в этом регионе в связи с относительно длительным бытованием он (обряд) подвергался естественному трансформационному процессу, на который влияли как внутренние, так и внешние факторы. У причерноморских адыгов-шапсугов преемственность погребальных обрядов с эпохи позднего средневековья по настоящее время прослеживается по археологическому и этнографическому материалу ярче. В других регионах исторического проживания адыгов наблюдается относительно более резкая смена старинного курганного погребального обряда мусульманским. У шапсугов древние и современные могилы обычно обложены большими камнями, называемыми сэи [Меретуков 1990: 98].

Принадлежность позднесредневековых курганных некрополей Северного Кавказа адыгам и границы их распространения подтверждаются также нарративными и фольклорными источниками.

Данные археологии соответствуют описаниям черкесских курганов XVI в. оставленных Джорджио Интериано. [Интериано 1974: 51-52]. О бытовании у адыгов обычая сооружения курганов над своими усопшими говорит и Джованни Да Лукка [Лукка 1974: 72].

Интересны лингвистические данные: так, осетины именуют позднесредневековые курганы кабардинскими (осет. – кашкон уалмарта). Ингуши и чеченцы так же называют их кабардинскими (черкесскими) могильными холмами (инг., чечен. – чергси каш боардз) [Виноградов 1980: 34]. Г.А. Кокиев пишет: «Значительное количество курганов и древних кладбищ, разбросанных на территории плоскостной Осетии, население приписывает кабардинцам. Древнее кладбище между селением Дигора и казачьей станицей Николаевской, на левом берегу р. Белой, осетины называют кабардинским» [Кокиев 1947: 34].

Сами же кабардинцы причисляют их себе и называют сито-клабдищами. (каб. – кхъузанэкхъэ; Іуащхьэбын; Іуащхьэзэрыбын). Примечательно, что причерноморские шапсуги называют курганные могильники старыми кладбищами (шапс. – кхъэжь), а некоторые из старожилов даже могут определить фамильную принадлежность некоторых могильников.

Предания об обычае сооружения курганов дошли до наших дней и записаны от старожилов. Так, один из информаторов Шогенов Эльмурза, приблизительно 1882 г.р., рассказал, что в сооружении кургана обычно принимали участие много людей. Ради них забивали скот. Этот обряд назывался «насыпание над могилой» (каб. – кхъэгъэсей), а забивание скота и принятие его в пищу - «едой для насыпающих курган» (каб. – кхъэсей хьэдэ1ус). Слово «кхъэсей» издревле бытует у адыгов как проклятие. Проклиная скот, говорили, чтобы он стал едой для возводящих курган (каб. – кхъэсейуэ яшхын) [Архив КБИГИ. Ф-12, оп. 1, ед. хр. 3, пасп. №38. Исп. Шогенов Эльмурза: г.р. 1882, с. Н. Акбаш КБР. Зап. 1971 г. Х. Шогенова].

То же самое записано от Тахушевой Бабины Озировны 1882 г.р.: «После смерти усопшему возводился курган. Потому-то и говорят адыги, проклиная скот: «Чтобы съели тебя насыпающие курган» (каб. – кхъэсей хъун). [Архив КБИГИ. Ф-12, оп. 1, ед. хр. 3а. Исп. Тахушева Бабина Озировна: г.р. 1889, с. Н. Акбаш КБР. Зап. 1972 г. Х. Шогенова].

Согласно еще одному фольклорному источнику, бывало и так, что сам курган насыпался не в день похорон. Со слов Маирова Лиха Кануковича, 1894 г.р., записано: «В старину было в обычае у адыгов насыпать холм над могилами. День, намеченный для возведения кургана, заранее сообщали всем близким и родственникам, а те, в свою очередь, все стекались на арбах, запряженных волами. Прибывшие до самой ночи вывозили камни с долины реки и возводили над могилой курган» [Архив КБИГИ. Ф-12, оп. 1, ед. хр. 3а, пасп. №15. Исп. Маиров Лих Канукович: 1894 г.р., с. Ст. Черек КБР. Зап. 1972 г. А. Гутова].

Эта запись интересна еще и тем, что помимо указания на выделенный для работы день после похорон, также конкретно обозначается время, выделяемое для этого – «до ночи». То есть для возведения кургана над могилой выделяется один световой день, в связи с чем к работам готовятся заранее. Более ранние курганы эпохи бронзы, по данным исследований археологов, насыпались поэтапно и не один год. По мнению известного археолога Н.Г. Ловпаче, делалось это ежегодно в день тризны. На это были причины: строительство подобных

погребальных курганов требовало огромных физических и материальных затрат. Подсчитано, что для сооружения древнего кургана диаметром 110 м и высотой 3,5 м требовалось 40 тыс. человеко-дней (например, работы 500 человек в течение 80 дней) [Адыгская (черкесская)… 2006: 63]. Но такие курганы несоизмеримы по масштабам с позднесредневековыми курганами. И в данном случае, на наш взгляд, мы имеем дело с давним обычаем, который регламентировал определенный срок, в который нужно было уложиться.

Аналогичные примеры жесткой временной регламентации проведения определенных работ есть не только в погребальной обрядности: например, считалось желательным, чтобы дом (турлучный) строился в течение одного дня. Адыги говорили: не буду жить в доме, который не в силах построить в течение одного дня (каб. – зы махуэм схуэмыщIын унэ сыщIэсынкъым). Как известно дома строились по обычаю общественной взаимопомощи (каб. - щ1ыхьэху), и чем больше было помощников, то есть рабочей силы, тем лучший дом можно было построить. Здесь это можно интерпретировать как принцип «чего достоин, то и получил». То есть это своего рода показатель общественного уважения и положения человека.

Показательны слова Шогенова Эльмурзы: «Курганы сооружались своими силами: кто мог, тот сооружал высокие курганы, кто был не в состоянии этого сделать – тот сооружал курганы меньших размеров» [Архив КБИГИ. Ф.12. Папка 3, паспорт № 38. «Кхъэсей». Запись 1971 г. с. Н. Акбаш. Исп. Шогенов Эльмурза. 83 года. Перевод с адыгского Табишева М.А.]. Это, естественно, не распространялось на феодальную верхушку, которая признавала для себя неприемлемым заниматься «черной» работой (возможно, этим и объясняется то, что, по указаниям Дж. Интериано, во время похорон знатного человека сразу насыпался курган).

У феодальной верхушки, как отмечал Дж. Интериано, «чем более у него подданных и друзей, тем выше и больше насыпался тот холм» [Интериано 1974: 52].

Интересно отметить, что и у соседних народов бытовало ограничение времени возведения курганов. Так, у казачьего населения станицы Змейской изготовление гроба нужно было осуществить в один прием. У вайнахов на изготовление родовой башенной постройки отводился ровно год. В случае, если стройка оставалась незавершенной по истечении этого времени, незавершившейся стройки, это строительство оставляли как несчастливое и закладывали основание в другом месте [Семенов 1928: С. 32].

Позднесредневековые адыгские курганы расположены на равнине и в предгорьях. Исключение составляют могильники, расположенные в горах современной Карачаево-Черкесии возле Хурзука, Карт-Джурта и Учкулана, и являющиеся, согласно описаниям дореволюционных авторов, адыгскими. В XIV сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), изданном в 1892 г. читаем: «…долина Кубани значительно расширяется и на ее плоских берегах встречаются каменные курганы, которые увеличиваются в числе по направлению к Хурзуку. В иных местах курганы расположены сплошною массою на протяжении версты и более. Кто оставил

эти курганы? Карачаевцы не считают их своими, сванеты тоже от них открещиваются» [СМОМПК, выпуск XIV, Тифлис, 1892 г. С. 88.]. Так же в IX выпуске «Материалов по археологии Кавказа», изданном в Москве в 1904 г., имеется интересный материал относительно этих курганов: «По левую сторону Улу-Кама против Хурзука и ниже по направлению к Учкулану находится несколько небольших курганов, покрытых камнями, и огромные по протяжению кучи наваленных в беспорядке камней. Карачаевцы говорили, что это не их могилы… Здесь я произвел раскопку в двух местах. В первом случае на глубине 1 арш., под слоем камней и тонким слоем земли, нашли костяк в деревянном истлевшем гробу, состоявшем из двух колод. Костяк лежал на спине головой на запад, лицо повернуто к югу. Около костяка справа находился большой железный нож. Во втором случае, на глубине 1 арш., под камнями же найдены следы костей и рассеяно 3 железные скобки, железный нож, железное огниво и маленькое железное колечко. Таким образом, могилы Карт-Джурта, Учкулана и Хурзука можно причислить к так называемым черкесским могилам» [Сысоев 1904: 157-158].

Ввиду того, что в позднем средневековье у населения, проживавшего в этих горах, бытовал иной, полностью отличный от адыгов, обряд погребения, а также, опираясь на вышеприведенный материал, можно утверждать, что эти курганы являются адыгскими. Это единственный известный нам случай расположения в высокогорных районах адыгских некрополей. Учитывая малочисленность их в данном районе, можно предположить, что адыгское население находилось в данной местности относительно непродолжительный период. Кратковременное пребывание можно объяснить использованием труднодоступных мест в качестве укрытия во время междоусобных либо внешних войн.

Археологические карты позднесредневековых адыгских курганных могильников, составленные и опубликованные в книгах А.Х. Нагоева [Нагоев 2000], В.А. Фоменко [Фоменко 2002] и М.К. Тешева [Тешев 1985] являются, к сожалению, далеко не полными. Так, например, возле одного только сел. Аушигер Черекского р-на КБР обнаружены и зафиксированы два довольно значимых некрополя, в одном из которых насчитывается свыше 90 намогильных курганов. Также определено еще одно месторасположение полностью разрушенного некрополя [Из личного фоноархива автора. Год записи 2018. Место записи с. Аушигер Черекского района КБР. Информатор Курашев Сафраил Казиевич 1933 г.р.; Год записи 2009. Место записи с. Аушигер Черекского района КБР. Информатор Бербеков Биуан Чамилович 1938 г.р.].

У адыгов в исследуемый период существовал также бескурганный обряд погребения. Этот способ погребения отличается лишь отсутствием курганной насыпи. Из-за невозможности обнаружения, по причине отсутствия каких-либо внешних признаков, находки и раскопки подобных бескурганных погребений носят случайный характер. Поэтому замедляется их изучение, являющееся одним из важнейших факторов восстановления в науке наиболее полной научной картины древностей адыгов в период позднего средневековья.

Относительно низкий процент женских погребений объясняется тем, что их общественное положение было ниже, чем у мужчин, и их хоронили в простых грунтовых могилах без возведения курганов. Безусловно, необходимо учитывать и локальные вариации по всему ареалу подобных могильников, а также время, под воздействием которого могли меняться нюансы.

С проникновением и распространением ислама адыги с курганного обряда погребения постепенно переходят на мусульманский. На равнинах Центрального и Северо-Западного Кавказа наблюдается относительно более резкий переход, чем в Северном Причерноморье. Смена религии и, следовательно, погребального обряда никогда не могла быть однозначным актом. Это был длительный процесс наслаивания новых мировоззренческих структур на старые. В отдельных случаях старые верования адаптируются к новой религии. Исходя из этого, смена погребального обряда не может быть точно соотнесена со сменой религии. К примеру, А.М. Шегрен относительно осетин и чеченцев писал, что и после принятия ими христианства их погребальный обряд продолжительное время остается языческим [Шегрен 1846: 69]. То же самое справедливо и по отношению к адыгам. Множество народных устоявшихся обычаев, противоречащих догмам ислама, адыги смогли адаптировать и вплести в религию. Многие элементы похоронно-погребальной и поминальной культуры в массовом сознании воспринимаются как неотъемлемая часть исламской религии, хотя не имеют к ней никакого отношения. Как писал Карл Кох, у адыгов «набеги на чужую землю стали религиозным убеждением» [Кох 1974: 615]. У шапсугов даже после перехода к мусульманскому обряду еще долгое время продолжали насыпаться курганы. Некоторые раннемусульманские погребения в Чечне и Дагестане, а в частности в ущелье р. Чанты-Аргуна, удивительным образом сочетают в себе элементы ислама и языческих пережитков.

Мнение о якобы двойной смене религии адыгами (переход от язычества к христианству и от христианства к исламу), не подтверждается археологическим материалом. Есть незначительные вкрапления христианства, но они слишком малы, чтобы говорить о масштабной христианизации, по крайней мере, в ареале могильников Кабардино-Пятигорской курганной группы. Наблюдается прямой переход от язычества к исламу. Примечательно, что даже хоронить в выдолбленных из дерева колодах, как это делалось у адыгов, запрещалось церковью времен средневековья [Шафиев 1968: 127].

В результате данного исследования мы пришли к следующим выводам.

Сооружение намогильных памятников является одним из значимых структурообразующих элементов похоронно-погребальной культуры адыгов. Способы их возведения были разными в зависимости от исторической эпохи, религиозных верований и образа жизни народа. В эпоху позднего средневековья (XIV-XVI вв.), когда господствующей религией адыгов было язычество, на всем историческом пространстве их проживания существовал подкурганный обряд погребения. Суть данного обряда заключалась в том, что покойного хоронили в деревянной колоде прямо на материке либо в неглубокой яме (исключение

составляют самые восточные курганные некрополи) и сооружали над ним курганную насыпь. Сопутствующий инвентарь был небогатым.

Позднесредневековые адыгские курганы по внешним признакам и способу возведения едины в своей основе, но имеются некоторые локальные особенности, на основании которых их условно можно разделить на три группы: Восточно-Причерноморская; Закубанская (Белореченская); Кабардино-Пятигорская. Кроме того, есть могильники, обнаруженные на территории современных Чечни и Ингушетии и обладающие своей спецификой. Это позволяет выделить их в отдельную подгруппу Кабардино-Пятигорской группы.

Устоявшееся в отечественной историографии мнение о якобы имевшем место полномасштабном принятии христианства адыгами не подтверждается археологическими материалами. Иначе христианизация обязательно отразилась бы на погребальном обряде. В данном случае мы наблюдаем прямой переход от язычества к исламу.

Изучение и сравнительный анализ археологических материалов, нарративных и фольклорных источников позволяет делать вывод о принадлежности позднесредневековых некрополей Северного Кавказа адыгам. Вся информация, полученная о курганах с помощью данных археологии (внешняя форма, способы сооружения, территория распространения), подтверждается и дополняется сочинениями, оставленными иностранными авторами, а также фольклорными материалами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.* / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Адыгская (Черкесская)… 2006 – Адыгская (Черкесская) энциклопедия. – Отв. ред. В.Х. Кажаров. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1248 с.

Алексеева 1960 – *Алексеева Е.П.* О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, 1960. – 24 с.

Алексеева 1979 – *Алексеева Е.П.* Кабардинские и западно-черкесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории адыгов // Археология и вопросы этнической истории народов Северного Кавказа. – Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1979. – С. 145-150.

Алексеева 1992 – *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М.: Наука, 1992. – 216 с.

Антонович 1882 – *Антонович Б.В.* Дневник раскопок, веденных на Кавказе в 1879 г. // Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. – М.: Наука, 1882. – С. 216-254.

Архив КБИГИ – Архив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Виноградов 1980 – *Виноградов В.Б.* Время, горы, люди. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1980. – 168 с.

Даутова 1982 – *Даутова Р.А.* Кабардинские курганы на территории Чечено-Ингушетии. // XII Крупновские чтения. – М.: Наука, 1982. – С. 34-36.

Загазежев 2011 – *Загазежев Т.Р.* Историко-археологические памятники в селении Аушигер и его ближайших окрестностях // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР КБНЦ РАН. – Вып. 18. – 2011. – С. 49-60.

Интериано 1974 – *Интериано Дж*. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 43-52.

Кагазежев 2015 – *Кагазежев Ж.В*. Из этнической и политической истории средневековой Черкесии (XIV – XVII вв.). – Нальчик: Эльбрус, 2015. – 464 с.

Кагазежев 2011 – *Кагазежев Ж.*В. Кабардинские курганные захоронения на территории среднего и нижнего Притеречья // Вестник Владикавказского научного центра. – Т. 11. – № 4. – 2011. – С. 29–32.

Кешев 1988 – *Кешев А.-Г*. Записки черкеса / Вступ. ст. и подг. к печати Р.Х. Хашхожевой. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 272 с.

Кокиев 1947 – *Кокиев Г.А*. Малокабардинские поселения в XVI–XVII вв. на Северном Кавказе // УЗ КНИИ. – Т. II. – Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1947. – С. 24-37.

Кох 1974 – *Кох К*. Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-628.

Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И*. Древняя история и культура Кабарды. – М.: Наука, 1957. – 175 с.

Крупнов, Мунчаев 1963 – *Крупнов Е.И., Мунчаев Р.А*. Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. – М.: Наука, 1963. – С. 217-242.

Левашова 1953 – *Левашова В.П*. Белореченские курганы / Труды Государственного исторического музея. – М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953. – Вып. 22. – С. 170-175.

Из личного фоноархива автора – *Личный фоноархив автора*.

Лукка 1974 – *Лукка Дж*. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Жана де Лукка, монаха Доминиканского Ордена // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 68-72.

Меретуков 1990 – *Меретуков К.Х.* Адыгейский топонимический словарь. – М.: Прометей, 1990. – 335 с.

Милорадович 1954 – *Милорадович О.В*. Кабардинские курганы XIV – XVI вв. // Советская археология. – Том XX. – М.: АН СССР, 1954. – С. 343–356.

Нагоев 2000 – *Нагоев А.Х*. Средневековая Кабарда. – Нальчик: Эль-фа, 2000. – 227 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш*. История адыхейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Семенов 1928 – *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1927 гг. – Владикавказ: Государственная типография Автономной Области Ингушетии, 1928. – 32 с.

Смирнов 1948 – *Смирнов А.П*. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным // УЗ КНИИ. – Т. IV. – Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1948. – С. 84-90.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа – Вып. XIV. – Тифлис: Типография канцелярия Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1892. – С. 59-212.

Сысоев 1904 – *Сысоев В.М.* Древности по верхнему течению р. Кубани // Материалы по археологии Кавказа. – М.: Типография А. И. Мамонтова и К. - 1904. – С. 157-158.

Текуева и др. 2019 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х.* Этнография кладбищ Центрального Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 127-151. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-127-151 .

Текуева, Нальчикова 2018 – *Текуева М.А, Нальчикова Е.А*. Надмогильные памятные знаки у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 3. – С. 69-92. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92.

Тешев 1985 – *Тешев М.К.* Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе на Черноморском побережье Кавказа // Археология Адыгеи. – Майкоп: Адыгоблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома, 1985. – С. 142-165.

Фоменко 2002 – *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. – Пятигорск: Технологический университет, 2002. – 76 с.

Хан-Гирей 2009 – *Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – 672 с.

Шаова 2002 – *Шаова С.Д*. История кабардинцев бассейна р. Сунжи и их взаимоотношения с вайнахами XVI – середине XVIII в.: – Армавир: Армавирская типография, 2002. – 172 с.

Шафиев 1968 – *Шафиев Н.А*. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 172 с.

Шегрен 1846 – *Шегрен А.М.* Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях. // Кавказ. – Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказа, 1846. – № 27. – С. 66-72.

REFERENCES

Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – 635 p. (in Russ.).

Adygskaja (Cherkesskaja)… 2006 – *Adygskaja (Cherkesskaja) jenciklopedija* [Adyghe (Circassian) Encyclopedia] – Otv. Red. Kazharov V.H. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – 1248 p. (in Russ.).

ALEKSEEVA E.P. *O chem rasskazyvajut arheologicheskie pamjatniki Karachaevo-Cherkesii* [What do the archaeological sites of Karachay-Cherkessia tell about]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii institut gumanitarnykh issledovanii, 1960. – 24 p. (in Russ.).

ALEKSEEVA E.P. *Kabardinskie i zapadno-cherkesskie kurgany Karachaevo-Cherkesii kak istochnik po izucheniju jetnicheskoj istorii adygov* [Kabardian and Western Circassian mounds of Karachay-Cherkessia as a source for the study of the ethnic history of the Adygs]. IN: Arheologija i voprosy jetnicheskoj istorii narodov Severnogo Kavkaza. – Groznyj: Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet im. L.N. Tolstogo, 1979. – P. 145-150. (in Russ.).

ALEKSEEVA E.P. *Arheologicheskie pamjatniki Karachaevo-Cherkesii* [Archaeological monuments of Karachay-Cherkessia]. – M.: Nauka, 1992. – 216 p. (in Russ.).

ANTONOVICH B.V. *Dnevnik raskopok vedennyh na Kavkaze v 1879g.* [Diary of excavations conducted in the Caucasus in 1879]. IN: Arheologicheskij sezd v Tiflise. Protokoly podgotovitel'nogo komiteta. – M.: Nauka, 1882. – P. 216-254. (in Russ.).

Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij [Archive of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. (in Russ.).

VINOGRADOV V.B. *Vremja, gory, ljudi* [Time, mountains, people]. – Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. – 168 c. (in Russ.).

DAUTOVA R.A. *Kabardinskie kurgany na territorii Checheno-Ingushetii* [Kabardian burial mounds on the territory of Checheno-Ingushetia]. IN: XII Krupnovskie chtenija. Gelendzhik. – M.: Nauka, 1982. – P. 34-36. (in Russ.).

ZAGAZEZHEV T.R. *Istoriko-arheologicheskie pamjatniki v selenii Aushiger i ego blizhajshih okrestnostjah* [Historical and archaeological sites in the village of Aushiger and its immediate environ] IN: Vestnik instituta gumanitarnyh issledovanij Pravitel'stva KBR KBNC RAN. – № 18. – 2011. – P. 49-60.

INTERIANO Dzh. *Byt i strana zihov, imenuemyh cherkesami. Dostoprimechatel'noe povestvovanie* [Life and country of Zikhs, called Circassians. Remarkable Narrative] IN: Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII – XIX vv. / Edited by V.K. Gardanov. – Nal'chik: Jel'brus, 1974. – P. 43-52. (in Russ.).

KAGAZEZHEV Zh.V. *Iz etnicheskoi i politicheskoi istorii srednevekovoi Cherkesii (XIV – XVII vv.)* [From the ethnic and political history of medieval Circassia (XIV–XVII centuries)]. – Nalchik: Jel'brus, 2015. – 464 p. (in Russ.).

KAGAZEZHEV Zh.V. *Kabardinskie kurgannye zakhoroneniya na territorii srednego i nizhnego Priterech'ya* [Kabardian burial mounds on the territory of the middle and lower Terek] IN: Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. – T. 11. – № 4. – 2011. – P. 29-32.

KESHEV A.-G. *Zapiski cherkesa* [Notes of a Circassian] / Edited by R.H. Hashhozhevoj. – Nal'chik: Jel'brus, 1987. – 272 p. (in Russ.).

KOKIEV G.A. *Malokabardinskie poselenija v XVI – XVII vv. na Severnom Kavkaze* [Little Kabardian settlements in the 16th - 17th centuries. in the North Caucasus] IN: UZ KNII. – T. II. – Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1947. – P. 24-37. (in Russ.).

KOH K. *Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli* [Journey through Russia and the Caucasian lands] IN: Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII – XIX vv. / Edited by V.K. Gardanova. – Nal'chik: Jel'brus, 1974. – P. 585-628. (in Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnjaja istorija i kul'tura Kabardy* [Ancient history and culture of Kabarda]. M.: Nauka, 1957. – 175 p. (in Russ.).

KRUPNOV E.I., MUNCHAEV R.A. *Bamutskij kurgannyj mogil'nik XIV-XVI vv.* [Bamut burial mound XIV-XVI centuries] IN: Drevnosti Checheno-Ingushetii. – M.: Nauka, 1963. – P. 217-242. (in Russ.).

LEVASHOVA V.P. *Belorechenskie kurgany* [Belorrechensky burial mounds] IN: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noj literatury, 1953. – Vyp. 22. – P. 170-175. (in Russ.).

Lichnyj fonoarhiv avtora [Personal phono archive of the author]. (in Russ.).

LUKKA Dzh. *Opisanie perekopskih i nogajskih tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin, Zhana de Ljukka, monaha Dominikanskogo Ordena* [Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrelians and Georgians, by Jean de Lucca, a monk of the Dominican Order] IN: Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv. / Edited by V.K. Gardanov. – Nal'chik: Jel'brus, 1974. – P. 68-72. (in Russ.).

MERETUKOV K.H. *Adygejskij toponimicheskij slovar'* [Adyghe Toponymic Dictionary]. – M.: Prometei, 1990. – 335 p. (in Russ.).

MILORADOVICH O.V. *Kabardinskie kurgany XIV – XVI vv.* [Kabardian burial mounds of the 14th – 16th centuries] IN: Sovetskaja arheologija. – M.: AN SSSR, 1954. – P. 343-356. (in Russ.).

NAGOEV A.H. *Srednevekovaja Kabarda* [Medieval Kabarda]. – Nal'chik: Jel'-Fa, 2000. – 227 p. (in Russ.).

NOGMOV Sh. *Istorija adyhejskogo naroda* [History of the Adykhean people]. – Nal'chik: Jel'brus, 1994. – 232 p. (in Russ.).

SEMENOV L.P. *Arheologicheskie i jetnograficheskie razyskanija v Ingushetii v 1925-1927gg*. [Archaeological and ethnographic research in Ingushetia in 1925-1927]. – Vladikavkaz: Gosudarstvennaja tipografija Avtonomnoj Oblasti Ingushii, 1928. – 32 p. (in Russ.).

SMIRNOV A.P. *K voprosu o formirovanii kabardinskogo naroda po arheologicheskim dannym* [On the question of the formation of the Kabardian people according to archaeological data] IN: UZ KNII. – T. IV. – Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1948. – P. 84-90. (in Russ.).

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. [Collection of materials for describing the areas and tribes of the Caucasus]. – № XIV. – Tiflis: Tipografija kanceljarija Glavnonachal'stvujushhego grazhdanskoju chast'ju na Kavkaze, 1892. – P. 52 – 212. (in Russ.).

SYSOEV V.M. *Drevnosti po verhnemu techeniju r.Kubani [Antiquities along the upper reaches of the Kuban River] IN: Materialy po arheologii Kavkaza* [Materials on the archeology of the Caucasus]. – M.: Tipografija A.I. Mamontova i K., 1904. – P. 157-158. (in Russ.).

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A., GUGOVA M.H. *Jetnografija kladbishh Central'nogo Kavkaza* [Ethnography of the cemeteries of the Central Caucasus]. IN: Jelektronnyj zhur-

nal «Kavkazologija». – 2019. – № 2. – P. 127-151. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-127-151 (in Russ.).

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A. *Nadmogil'nye pamjatnye znaki u narodov Severo-Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza* [Tombstone memorial signs among the peoples of the North-Western and Central Caucasus]. IN: Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija». – 2018. – №3. – P. 69-92. DOI: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92. (in Russ.).

TESHEV M.K. *Adygskie pogrebal'nye sooruzheniya v razvitom i pozdnem srednevekov'e v Tuapsinskom raione na Chernomorskom poberezh'e Kavkaza* [Adyghe burial structures in the developed and late Middle Ages in the Tuapse region on the Black Sea coast of the Caucasus] IN: Arkheologiya Adygei. – Maikop: Adygoblpoligrafobedinenie upravlenija izdatel'stv, poligrafii i knizhnoj torgovli Krasnodarskogo krajispolkoma, 1985. – P. 142-165. (in Russ.).

FOMENKO V.A. *Pjatigor'e v XV – seredine XVIII v.* [Pyatigorye in the XV - the middle of the XVIII century]. – Pjatigorsk: Tekhnologicheskii universitet, 2002. – 76 p. (in Russ.).

HAN-GIREJ. Izbrannye trudy i dokumenty [Selected works and documents] – Majkop: OAO «Poligraf-Jug», 2009. – 672 p. (in Russ.).

SHAOVA S.D. *Istorija kabardincev bassejna r. Sunzhi i ih vzaimootnoshenija s vajnahami XVI – seredine XVIII v.* [The history of the Kabardians of the river basin. Sunzhi and their relationship with the Vainakhs of the 16th – mid-18th centuries] – Armavir: Armavirskaja tipografija, 2002. – 172 p. (in Russ.).

SHAFIEV N.A. *Istorija i kul'tura kabardincev v period pozdnego srednevekov'ja (XIV – XVI vv.)* [History and culture of Kabardians in the period of the late Middle Ages (XIV - XVI centuries)]. – Nal'chik: Jel'brus, 1968. – 172 p. (in Russ.).

SHEGREN A.M. *Religioznye obrjady osetin, ingushej i ih soplemennikov pri raznyh sluchajah* [Religious ceremonies of Ossetians, Ingush and their tribesmen on different occasions]. IN: Kavkaz. – Tiflis: Tipografija Kanceljarii Namestnika Kavkaza, 1846. – № 27-30. – P. 66-72. (in Russ.).

Информация об авторе:

Т.Р. Загазежев – младший научный сотрудник.

Information about the author:

T.R. Zagazezhev – a junior researcher.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022 г.; одобрена после рецензирования 24.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 05.11.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК: 39.391/395.396
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-314-323
EDN: LLCXRJ

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Мадина Багавутдиновна Гимбатова
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала, Россия, gimbatova@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-6767-4478

Аннотация. В статье показаны гендерные роли в культуре тюркских народов Дагестана на рубеже XIX–XX веков, представлено распределение обязанностей в повседневной хозяйственной деятельности, возрастные нормы поведения в семье и обществе, уровень вовлеченности в коллективное хозяйство, а также раскрыт личностный потенциал мужчин и женщин в будничной и общественной практике, в просвещении, в административно-хозяйственном управлении, в системе семейного права, определены их роли и место в общественном быту и духовной культуре. Культура жизнеобеспечения тюркских народов Дагестана указывает на асимметрию гендерной системы, в которой все мужское (маскулинное) считалось главным, ценным и превалирующим, а все женское (феминное) рассматривалось как второстепенное, малозначительное и зависимое. Основной задачей главы семейства являлось материальное обеспечение семьи, что соответствовало выполнению им профессиональной роли, семейная роль, заключавшаяся в ведении домохозяйства и воспитании детей, возлагалась на женщину и считалась менее значимой. На фоне глобализационных процессов, когда институт классической семьи на грани исчезновения, а гендерно нейтральное воспитание активно пропагандируется в зарубежных СМИ, изучение гендерных ролей и особенностей гендерного поведения и воспитания в традиционной культуре имеет большое научно-практическое значение.

Ключевые слова: гендерная асимметрия; тюркские народы Дагестана; воспитание; гендерные роли; гендерное поведение

Для цитирования: Гимбатова М.Б. Гендерная асимметрия в традиционной культуре тюркских народов Дагестана в XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 314-323. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-314-323. – EDN: LLCXRJ.

© Гимбатова М.Б., 2022

Original article

GENDER ASYMMETRY IN TRADITIONAL CULTURE TURKIC PEOPLES OF DAGESTAN IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Madina B. Gimbatova
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, gimbatova@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-6767-4478

Abstract. The article indicates gender roles in the traditional culture of the Turkic–speaking peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century, defines the daily responsibilities of men and women in the household, their gender-marked occupations, stereotypes and behaviors, their participation degree in social production, and also defines the individual opportunities of men and women in everyday and public life, in education, in access to governance, in the family law system, their place and role in public life and spiritual culture. The materials point to the asymmetry of the gender system of the Turkic-speaking peoples of Dagestan, where everything male (masculine) was primary, significant and dominant, and everything female (feminine) was defined as secondary, insignificant, and subordinate. It was found that the gender distribution in the family among the Turkic-speaking peoples of Dagestan occurred under gender, according to which the man performed professional roles, the woman's family roles, which corresponded to the accepted ideas about the masculine and feminine type. Against the background of globalization processes, when the traditional family institution is on the verge of extinction, and gender-neutral education is broadly promoted in foreign media, the study of gender roles and features of gender behavior and education in traditional culture is of great scientific and practical importance.

Keywords: gender asymmetry; Turkic-speaking peoples of Dagestan; upbringing; gender roles; gender behavior

For citation: Gimbatova M.B. Gender asymmetry in traditional culture turkic peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 314-323. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-314-323. – EDN: LLCXRJ.

© Gimbatova M.B., 2022

Тема взаимоотношений мужчины и женщины всегда находилась в центре внимания ученых разных областей. Повышенный научный интерес к этой теме наметился в 70-е гг. XX в. Это было вызвано изменившимися гендерными ролями и возросшим вниманием к проблеме «половых» различий. Причиной смены или точнее изменений гендерных ролей стали сами женщины, которые весь XX в. доказывали, что они могут успешно самореализовываться и вне дома.

В данной статье показаны гендерные роли в семье, обществе и духовной культуре тюркских народов Дагестана (кумыков, ногайцев, дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев) в XIX – начале XX в.

Отечественная этнография располагает рядом работ, посвященных дагестанской женщине, ее положению в семье и обществе [Захаров 1884; Шихалиев 1993; Х-ъ, кн. (князь Хамзаев) 1865; Ковалевский 1890; Алибеков 1927; Гаджиева 1953; Гаджиева, Мелешко 1960; Гаджиева 1972; Сергеева 1969; 1994; Абдусаламова 1991; Рагимова 2001], в которых рассматривались лишь женские вопросы: дом и работа, материнство и воспитание детей, женщина и общество и т.д. Тема взаимоотношений между мужчиной и женщиной дагестанскими этнографами специально никогда не изучалась, в связи с этим проведение гендерного анализа традиционно-бытовой культуры тюркских народов Дагестана, рассмотрение мира женщины и мужчины не в оппозиции мужчина – женщина, как это до сих пор было принято в этнографической науке, а в ситуации взаимодополняемости и взаимодействия, определение роли семьи в развитии мужского и женского сознания, норм поведения в семье и обществе у подрастающего поколения, в приобщении к профессиональным и семейным ролям актуально и имеет научно-практическое значение.

Для раскрытия научной проблемы и воссоздания целостной картины гендерно-этнических и социальных стереотипов в традиционных обществах тюркоязычных народов Дагестана использованы полевые материалы автора и фольклорные данные в авторском переводе. Представленный полевой материал, собран исследователем в семи районах компактного проживания изучаемых народов за время этнографических экспедиций по Дагестану с 2011 по 2014 гг.

В традиционном дагестанском обществе святость семейных традиций, роль старших, уважение к предкам, образ настоящего мужчины и добропорядочной женщины устойчиво культивировались. Но в современных условиях социально-экономического и духовного кризиса начали происходить процессы разрушения традиционных семейных ценностей, трансформация гендерных стереотипов, что негативно отразилось на институте семьи и гендерной социализации молодежи. Исследование гендерных стереотипов в традиционных обществах поможет объяснить возникновение семейных конфликтов в современном обществе, найти выход из кризисных ситуаций в межпоколенных и супружеских взаимоотношениях, определить причины гендерного дисбаланса в современном обществе, сформировать принципы толерантного гендерного поведения молодежи. Результаты статьи могут быть использованы при освещении гендерных вопросов, применены педагогами в процессе гендерной социолизации подрастающего поколения.

В исследуемое время у тюркских народов Дагестана гендерное распределение обязанностей в семье происходило согласно существующей гендерной идеологии, где муж являлся кормильцем, а жена – домохозяйкой.

Мужчина, как глава, нес ответственность за семью перед сельской общиной и царской администрацией, управлял делами семьи, занимался распределением и закреплением мужских работ за членами семьи, с учетом хозяйственных навыков работников, являлся единоличным собственником всего имущества. Опытность и практичность в повседневных делах, рассудительность и корректность обеспечивали ему бесспорный авторитет. Вся семья безоговорочно подчинялась воле отца, ослушавшихся ожидало наказание. Кумыки говорят: «Ата айтгъанын этмеген, мурадына етмеген» (Кто ослушался отца, тот счастья не познает), у ногайцев существует выражение – «Разылык алмаган атадан, парахат ятпас кабырда» (Не получившему отцовского одобрения даже в могиле спокойно не лежится). Следует отметить, что главенство мужчины в семье и обществе следует воспринимать не как наделение его особыми полномочиями и привилегиями, а как возложение на него большого круга обязанностей и ответственности за членов своей семьи перед тухумом (родом) и обществом.

Обязанности жены заключались в поддержании порядка в семье, в доме, уходе за детьми.

Таким образом, круг обязанностей по обеспечению достатка в семье сводился к выполнению мужчиной профессиональной роли. Семейная роль, выполняемая женщиной, заключалась в ведении домохозяйства, заботе о детях. В ситуации, когда мужчину заставали за женской работой, происходила немедленная реакция со стороны общества, за ним сразу закреплялись

дефиниции, связанные со слабым полом. Таким мужчинам присваивали унизительные прозвища: «гъинкал санайган» (считающий, сколько галушек опускается в котел), «кукуду», «такюш» (не мужчина), «аркангъа тари яяган» (на веревке просо сушит) – кум., «пишекей» (вмешивающийся в женские дела), «кызгъанши» (жадный) – ног., «хатунча» (сующий нос в женские дела), «кюнде санайган» (считающий куски теста), «юмуртадан юн гырхан» (с яйца шерсть состригающий) – азерб., терек. Есть даже такая фраза относительно мужчин, жадничавших и ворчавших на жен за излишнюю, как им казалось, расточительность: «Повесивший деньги на яйца» (Кошельки-торбы для денег обычно подвешивали на вздержку и заправлялись в штаны, веревка была такой длины, что кошелек как раз оказывался на уровне мужских яиц).

Любое смешение или замещение гендерных ролей строго осуждалось и не допускалось не только обществом, но и ближайшим кругом родственников, которые в случае отсутствия или смерти одного из супругов брали на себя его обязанности по материальному обеспечению семьи и заботу о детях. Кстати, в воспитании у дагестанских тюрков важным считалось приобщение детей к хозяйственным занятиям, гендерным ролям и развитие у них гендерного сознания, тем более что это соответствовало исламским предписаниям, в которых указано, что мужчина не должен уподобляться женщине, а женщина – мужчине. С раннего детства у мальчиков развивали мужские качества и не допускали проявления слабостей, свойственных девочкам. Не позволительным было даже произнесения междометий, считавшихся женскими (аай, вай-вай, ууй, воя). Визуальное наблюдение за поведением родителей и посильная помощь в хозяйственных делах создавали у детей четкое представление о гендерных ролях в семье, что находило отражение в детских играх, где мальчики подражали отцу, а девочки – матери. Выполнение мальчиком женских занятий, таких как подметание, хождение за водой не только осуждалось, но и высмеивалось. Не только мальчикам, но и девочкам, выполняющим противоречащие традициям хозяйственные работы, давали обидные прозвища, клички.

В XIX – начале XX в. у тюркских народов Дагестана преобладали большие (неразделенные) семьи, включавшие в себя от 20 от 60 человек близких родственников. Для управления большой (неразделенной) семьей требовались опыт и соблюдение определенной половозрастной дифференцированности и иерархии во взаимоотношениях. Согласно семейным традициям, все члены семьи беспрекословно подчинялись ее главе, жены – мужьям, младшие – старшим. Отличительной особенностью внутрисемейных отношений являлся обычай избегания. Следует отметить, что наиболее строго его придерживались ногайцы и северные кумыки. Заключался он в табу на прямой диалог невестки со старшими родственниками мужа. Для высказывания своих пожеланий она использовала посредническую помощь младших родственников мужа (как правило, младших сестер, братьев, племянников). Подобный запрет продолжался довольно долго, с мужчинами – родственниками он продолжался довольно долго, а иногда и всю жизнь. С женской родней мужа избегания прекращались почти сразу по обоюдному согласию, с обязательным вручением молодой подарка в виде отреза, платка, украшения и т.п. Прекращение избегания с женской сторо-

ной было вызвано хозяйственной необходимостью. Следует отметить, что положение женщины в семье у тюркских народов Дагестана не везде было одинаковым. Так, южная часть равнинного Дагестана была более интегрирована с восточными цивилизациями – закавказской (азербайджанской), переднеазиатской, что сказалось на затворничестве дагестанских азербайджанок, а северная – с тюркским кочевым миром. Это отразилось на положении ногайской женщины (караногайки), которая в отличие от других плоскостных женщин, обладала более широкими правами и свободами. Обусловлено это было превалированием в культуре ногайцев кочевнических традиций, позволявших женщинам занимать высокое положение в семье и в обществе.

Характер хозяйственных занятий и общественных полномочий определяли модель поведения (активность мужчины и пассивность женщины) не только в семейном, но и в общественном быту. Притом, и в той и другой сфере мужское и женское противопоставлялось друг другу. Особенно наглядно это проявлялось в обычае гостеприимства. Так, если мужчина должен был встретить гостя и обеспечить ему безопасность и сохранность имущества, то создать удобные условия для гостевания входило в обязанности женщины. Если в обычае кровной мести главным лицом, осуществлявшим акт кровомщения, являлся мужчина, то инициатором прекращения кровопролития была женщина. Достаточно было убийце дотронуться до груди матери убитого, а ей дотронуться рукой до его головы.

Женщина не ощущала себя ущемленной и в области права. Если нормы обычного права (адаты) стояли на страже чести и достоинства женщины, то по шариату она считалась дееспособной и могла выступить свидетелем в суде, истребовать наследственную долю, подать на развод. При вступлении в брак спрашивали согласие девушки, а при разводе ее имущество возвращалось в полном объеме.

Равная ответственность перед законом и судом у женщины и мужчины возникали в вопросах прелюбодеяния и умышленного убийства. Прелюбодеев забивали камнями, а убийц выслали из общины.

Полноправный личный статус по адату и шариату имел только мужчина, отвечавший перед властями за себя и за семью, нес ответственность по долгам и различным обязательствам, договорам по найму, привлекался за правонарушения административного характера.

Участие женщин в общественной жизни было минимальным. Главную роль здесь играли мужчины, являвшиеся членами общины с правом избирательного голоса и представлявшие свою семью и тухум (род) на общем собрании.

Сельский сход для мужчин являлся своеобразной площадкой для демонстрации своих организаторских способностей, деловых и умственных качеств, куда доступ женщинам был весьма ограничен. Только у ногайцев, в силу их кочевых традиций, пожилая почитаемая женщина имела права посетить местное собрание.

Особая роль пожилым женщинам у тюркских народов Дагестана отводилась в обычае гостеприимства и куначества. Они имели право принимать и провожать гостей, участвовать в совместной трапезе, что было не позволительно молодым женщинам. Слово старшей женщины было главным и в обычае

кровной мести, от её решения зависело помилование убийцы, а иногда и срок отправки в канлы (изгнание).

Концепция идеальных отношений между мужчиной и женщиной лежит в основе духовной жизни тюркских народов Дагестана. В первую очередь, это прослеживается в фольклоре, в котором популяризировалась традиционная семья, патриархальные традиции, духовные ценности и гендерный миропорядок с его бинарной оппозицией. Фольклорные материалы подтверждают, что мужчина и женщина не конкурировали, а являлись партнерами, стремившимися создать крепкий семейный союз. Это особенно отчетливо видно в тех паремиях, где подчеркивается роль мужчины в жизни женщины: «Эрсиз къатын етимдир» (Женщина без мужа – сирота), «Эрли бакъа Эдил гечген, эрсиз бакъа сувдан акъгъан» (Лягушка, имеющая мужа, переплыла Волгу, лягушку, не имеющую мужа, вода (река) унесла) (кум.), «Куьевсиз хатын – канатсыз кус» (Незамужняя женщина – бескрылая птица), «Байсыз пише – ювенсиз ат» (Одинокая женщина, что лошадь без узды) (ног.), «Киши олмайан гадын, джилову олмайан ата охшайыр» (Женщина без мужа, что лошадь без узды) (азерб.). И наоборот, роль женщины в жизни мужчины. Так, кумыки говорят: «Уьйню аркъа таяву – къатын» (Опора дома – жена), ногайцы – «Уьйдинъ шырагы – хатын» (Светоч дома – жена), дагестанские азербайджанцы – «Йахшы хайят ёлдаши иле эв – женнет» (Дом с хорошей женой – рай).

Большую роль в консолидации семейного и родственного коллектива играла женщина. Именно женщину обвиняли в ослаблении семейно-родственных связей. В таких случаях ногайцы говорили: «Ювыктан айырар яман пише, ювыкпан таныстырар яхшы пише» (С родней разлучит плохая жена, а с родней сблизит хорошая), кумыки – «Ёл бузар яман арба, уьй бузар яман къатын» (Дорогу испортит плохая арба, дом разрушит скверная жена), азербайджанцы и терекеменцы – «Пис хайят ёлдаши иле сагар эркен боз олур» (С плохой женой борода рано седеет).

Кроме того, фольклорные произведения исследуемых народов проникнуты уважительным отношением к старшим, родителям, особенно к матери, что еще раз подтверждает высокое положение женщины в семье. Так, кумыки утверждали: «Анасы бардын манасы бар» (У кого есть мать, у того есть защита), ногайцы – «Анасы сав бала оьксиз тувыл» (Если мать жива, то ребенок не сирота), «Аналыдынъ кобнъили ойнар, аталыдынъ коьзи ойнар» (Кто при матери, у того сердце радуется; кто при отце, у того глаза бегают (т.е. ищут мать)), азербайджанцы – «Ана усаг учун женнет» (Мать – рай для ребенка).

Гендерные связи прослеживаются и в религиозных верованиях тюркских народов Дагестана. Мифологические персонажи и языческие божества представлялись в оппозиции мужское – женское и в то же время как единое целое, не существующее одно без другого. Например, Тенгри (бог неба), верх – это мужское, а земля – низ – женское. Итак, «традиционный культ являл сбалансированную систему мужского и женского соучастия» [Карпов 2001: 326]. Кроме того, религиозные воззрения служили подтверждением происхождения мира, существующего гендерного порядка и социальных связей.

К области духовной жизни относится и народная медицина. Как показали наши материалы, в исследуемый период у тюркских народов Дагестана больных лечили как мужчины, так и женщины. Среди последних было немало практикующих знахарок и повитух. В основном они занимались лечением мужского и женского бесплодия, внутренних органов, принимали роды, снимали сглаз. Следует отметить, что ногайские целительницы в своей практике в основном использовали средства животного происхождения, а кумычки, дагестанские азербайджанки и дагестанские терекеменки – растительного.

Мужчины лечили черепно-мозговые травмы, извлекали пули, вправляли суставы. В своей практике они широко использовали опыт восточной медицины, пользовались справочниками и другой медицинской литературой, что существенно повышало их знания и профессионализм. Среди женщин лекарей, обращавшихся к медицинской литературе, было гораздо меньше, что объясняется сокращенным курсом изучения девочками арабского языка в мектебах, которое в большинстве случаев сводилось к обучению арабской грамоте и чтению Корана, без знания языка.

В исследуемый период у тюркских народов Дагестана в силу существовавших исламских традиций и патриархальных устоев за медицинской помощью к лекарям старались обращаться сообразно их половой принадлежности, т.е. мужчины лечились у мужчин, женщины – у женщин. Женщины крайне редко обращались за медицинской помощью к лекарю мужчине, особенно с заболеваниями мочеполовой сферы, по поводу бесплодия и родовспоможения. Хотя известны случаи, когда на сложные роды приглашали опытного чабана, имевшего многолетний опыт в окотной кампании. Есть сведения, что некоторые чабаны умели производить даже кесарево сечение [Гаджиева 2005: 375].

Собранный нами полевой материал свидетельствует о том, что в XIX – начале XX в. у тюркских народов Дагестана в народной медицине тесно переплетались рациональные и иррациональные методы лечения. Правильное и умелое сочетание различных методов лечения всегда давало хорошие результаты. Необходимо подчеркнуть, что среди лекарей, использовавших иррациональные способы лечения, женщин было больше, мужчины были склонны доверять проверенным и испытанным не одним поколением людей рациональным методам.

В XIX – начале XX в. народная медицина у тюркских народов Дагестана значительно преуспела, эффективность лечения достигалась за счет того, что лекари руководствовались принципом: больного надо лечить, учитывая его пол.

Высокие достижения в народной медицине были достигнуты и благодаря повышению общей грамотности населения. Архивные источники, литература и полевые этнографические материалы, показали, что в Дагестане до Октябрьской революции существовала широкая сеть духовных и русских школ, в которых наряду с мальчиками, обучались девочки, число и тех, и других с каждым годом возрастало. Так, «в округах области в 1892 г. было 661 учебное заведение с 3805 учащимися мужского пола и 895 женского пола, а в 1893 году учебных заведений уже насчитывалось 824 с общим количеством учащихся обоего пола 5029, из них 4368 мужского пола и 661 – женского пола» [Памятная книжка… 1895: 153]. В исследуемый период по числу школ Дагестан занимал ведущее

место на Кавказе. Видный языковед и этнограф XIX в. П.К. Услар отмечал, что «если судить об образованности народа по соразмерности числа школ на душу населения, то горцы Дагестана в этом плане обошли многие европейские народы» [Обзор… 1900: 162-163]. Количество школ в Дагестанской области с каждым годом увеличивалось, увеличивалась и численность учениц.

Суть женского образования заключалась в получении общих знаний, повышении эрудиции и подготовке к замужней жизни.

Итак, в конце XIX – начале XX в. тюркские женщины Дагестана имели определенные права и обязанности, пользовались авторитетом в семье и обществе, но при этом находились в подчиненном положении. Однако в некоторых ситуациях они играли значимую социальную роль, как в семейном кругу, так и в обществе. Все это подтверждает, что в традиционных обществах тюркских народов Дагестана, как и в остальных дагестанских социумах, женщина занимала достойное, но все же зависимое положение, что было вызвано, в первую очередь, системой жизнеобеспечения. Несмотря на существовавшую гендерную асимметрию в различных сферах жизни тюркских народов Дагестана, существующий порядок разделения семейных, профессиональных и социальных обязанностей на мужские и женские гарантировал не только непрерывность общественного развития, но и способствовал сохранению гендерных связей, построенных на позициях комплементарности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдусаламова 1991 – *Абдусаламова Т.А.* Женщина Дагестана: Проблемы труда, быта и культурно-образовательного развития. (Опыт социологического исследования). – Махачкала: Даг. кн. Изд-во, 1991. – 236 с.

Алибеков 1927 – *Алибеков М.* Адаты кумыков. – Махачкала: Даг. научно-исслед. институт, 1927. – 40 с.

Гаджиева 1953 – *Гаджиева С.Ш.* Общественное и семейное положение женщины кумычки по данным фольклора дооктябрьского периода // Советская этнография. – 1953. – № 1. – С. 153-158.

Гаджиева 1972 – *Гаджиева С.Ш.* Динамика изменения положения дагестанской женщины и семья XII Международный семинар по исследованию семьи. – Москва: Наука, 1972. – С. 247-256.

Гаджиева 2005 – *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. – Кн. 2. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2005. – 436 с.

Гаджиева, Мелешко 1960 – *Гаджиева С.Ш., Мелешко А.Г.* Женщины советского Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 144 с.

Захаров 1884 – *Захаров А.* Домашний и социальный быт женщин у закавказских татар // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1884. – Вып. XX. – С. 91-157.

Карпов 2001 – *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001. – 416 с.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. – Москва: Тип. Мамонтова и К., 1890. – Т. 1-2. – 304 с.

Памятная книжка… 1895 – *Памятная книжка* и адрес-календарь Дагестанской области за 1895 г. / сост. Е. И. Козубский. – Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1895. – 703 с.

Обзор… 1900 – *Обзор Дагестанской* области за 1899 год. – Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1900. – 165 с.

Рагимова 2001 – *Рагимова Б.Р.* Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 158 с.

Сергеева 1969 – *Сергеева Г.А.* Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане // Кавказский этнографический сборник /отв.ред. В. К. Гарданов. – Москва: АН СССР, 1969. – Вып. 4. – С. 7-19.

Сергеева 1994 – *Сергеева Г.А.* Роль женщины в сохранении, передаче и обновлении семейно-бытовых традиций (на примере Дагестана) // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен / Материалы Международной конференции 1993 г. – Москва: Наука, 1994. – С. 346-353.

Х–ъ 1865 – *Х–ъ,* кн. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 68-70.

Шихалиев 1993 – *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках. – Махачкала, 1993 (Перепеч.: Кавказ. 1848. №№ 33-44).

REFERENCES

ABDUSALAMOVA T.A. *Zhenshchina Dagestana: Problemy truda, byta i kul'turno-obrazovatel'nogo razvitiya. (Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya)* [The woman of Dagestan: Problems of work, life and cultural and educational development. (Experience of sociological research)]. – Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. – 236 p. (In Russ.).

ALIBEKOV M. *Adaty kumykov* [Adaty kumykov]. – Makhachkala: Dagestanskij nauchno-issledovatel`skij institut, 1927. – 40 p. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Obshchestvennoe i semeinoe polozhenie zhenshchiny kumychki po dannym fol'klora dooktyabr'skogo perioda* [The social and marital status of the Kumychka woman according to the folklore of the pre-October period]. IN: Soviet ethnography. – 1953. – No. 1. – P. 153-158. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Dinamika izmeneniya polozheniya dagestanskoi zhenshchiny i sem'ya XII Mezhdunarodnyi seminar po issledovaniyu sem'I* [Dynamics of changes in the situation of Dagestan women and the family XII International Sem'i Research Seminar]. – Moscow: Nauka, 1972. – P. 247-256. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Kumyki. Istoricheskoe proshloe, kul'tura, byt* [Kumyks. Historical past, culture, life]. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 2005. – Kn. 2. – 436 p. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH., MELESHKO A.G. *Zhenshchiny sovetskogo Dagestana* [Women of Soviet Dagestan]. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1960. – 144 p. (In Russ.).

ZAKHAROV A. *Domashnii i sotsial'nyi byt zhenshchin u zakavkazskikh tatar* [Domestic and social life of a woman among Transcaucasian Tatars]. IN: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. – Tiflis, 1884. Issue. XX. – P. 91-157. (In Russ.).

KARPOV YU.YU. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. – St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2001. – 416 p. (In Russ.).

KOVALEVSKII M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. – Moscow: Printing house Mamontova i K., 1890. – Tom. 1-2. – 304 p. (In Russ.).

Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Dagestanskoi oblasti za 1895 g. [Commemorative book and address-calendar of the Dagestan region for 1895]. Compiled by E. I. Kozubsky. – Temir-Khan-Shura: «Russkaya tipografiya» V.M. Sorokina, 1895. – 703 p. (In Russ.).

Obzor Dagestanskoi oblasti za 1899 god [Overview of the Dagestan region in 1899]. – Temir-Khan-Shura: Russkaya tipografiya V.M. Sorokina, 1900. – 165 p. (In Russ.).

RAGIMOVA B.R. *Zhenshchina v traditsionnom dagestanskom obshchestve XIX – nachala KHKH v. (rol' i mesto v semeinoi i obshchestvennoi zhizni)* [A woman in the traditional Dagestan society of the XIX – early XX century. (role and place in family and social life)]. – Makhachkala: DSC RAS, 2001. – 158 p. (In Russ.).

SERGEEVA G.A. *Polozhenie zhenshchiny v dorevolyutsionnom i sovetskom Dagestane* [The position of women in pre-revolutionary and Soviet Dagestan]. IN: Caucasian Ethnographic

Collection / Ed. ed V.K. Gardanov. – Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1969. – Issue. 4. – P. 7-19. (In Russ.).

SERGEEVA G.A. *Rol' zhenshchiny v sokhranenii, peredache i obnovlenii semeinO—bytovykh traditsii (na primere Dagestana)* [The role of women in the preservation, transmission and renewal of family and household traditions (on the example of Dagestan)]. IN: Woman and freedom: ways of choice in the world of traditions and changes: Materials of the International Conference 1993. – Moscow: Nauka , 1994. – P. 346-353. (In Russ.).

KH –", kn. *Koe-chto o kumykakh* [Something about Kumyks]. IN: Caucasus. 1865. No. 68-70. (In Russ.).

SHIKHALIEV D.-M. *Rasskaz kumyka o kumykakh* [Kumyk's story about Kumyks]. – Makhachkala, 1993 (Reprinted: Caucasus. 1848. No. 33-44). (In Russ.).

Информация об авторе

М.Б. Гимбатова – доктор исторических наук.

Information about the author

M.B. Gimbatova – Doctor of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 25.09.2022 г.; одобрена после рецензирования 20.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 25.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 39(392)+930
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-324-340
EDN: LNQHRI

АДЫГСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Е.Н. СТУДЕНЕЦКОЙ В КАБАРДИНСКУЮ АССР (1947 г.)

Рица Шотовна Зельницкая[1], **Заурбек Анзорович Кожев**[2]

[1] Российский Этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия, riza81@yandex.ru

[2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, *zaurbek_k@mail.ru,* https://orcid.org/0000-0002-6507-2406

Аннотация. Публикация продолжает введение в научный оборот отчета о полевой этнографической работе в Кабарде Е.Н. Студенецкой. При рассмотрении приводимого фрагмента отчета преимущественное внимание было уделено вопросу социальной структуры кабардинского общества, являвшемся одной из основных его тем. В своем отчете автор детально описывает социальные роли представителей всех сословий, дает сведения о правах и обязанностях привилегированного и зависимого сословий. Отдельное внимание уделено формам попадания в плен и дальнейшей судьбы пленных, поскольку из них также формировалось одно из зависимых сословий. Полевой материал представляет собой устные истории, которые в середине XX века продолжали сохраняться в памяти старожилов. Важным обстоятельством, повлиявшим на характер и структуру собранного материала, стало, то, что информанты Е.Н. Студенецкой принадлежали к потомкам зависимых групп местного населения.

Важнейшее внимание публикаторы отчета уделяют вопросу употребляемой в нем нативной социальной терминологии, поскольку фиксация материала осложнялась периодическим отсутствием переводчика, незнанием языка исследователем, а также условиями перевода собранного материала в печатную форму, который производился посредством машинистки, также не владеющей кабардинским языком. Необходимость уточнения деталей, связанных с социальной терминологией связана с тем, что до сих пор не существует полной ясности в вопросе внутренней социальной стратификации традиционного кабардинского общества.

Ключевые слова: Е.Н.Студенецкая, кабардинцы, князья, дворяне, социальная структура, нативная терминология, пленные, фамилия, права, обязанности

Для цитирования: Зельницкая Р.Ш., Кожев З.А. Адыгская социальная терминология по материалам этнографической экспедиции Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР (1947 г.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 324-340. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-324-340. – EDN: LNQHRI.

© Зельницкая Р.Ш., Кожев З.А., 2022

Original article

ADYGHE SOCIAL TERMINOLOGY BASED ON THE MATERIALS OF THE ETHNOGRAPHIC EXPEDITION OF E.N. STUDENETSKAYA TO THE KABARDIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC (1947)

Ritsa Sh. Zelnitskaya[1], **Zaurbek A. Kozhev**[2]

[1] Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia, *riza81@yandex.ru*

[2] Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardin-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, *zaurbek_k@mail.ru*, https://orcid.org/0000-0002-6507-2406

Abstract. The publication continues the introduction into scientific circulation of the report on the field ethnographic work in Kabarda by E.N. Studenetskaya. When considering the report fragment, primary attention was paid to the social structure of Kabardian society issue, which was one of its key topics. In his report, the author describes thoroughly the social roles of representatives of all classes, gives information about the rights and duties of the privileged and dependent estates. Significant attention is paid to the forms of capture and the fate of the prisoners, since one of the dependent estates was also formed from them. The field material is oral histories, which in the middle of the XX century continued to be preserved in the memory of old-timers. An important circumstance that influenced the nature and structure of the collected material was that the informants of E.N. Studenetskaya belonged to the descendants of dependent groups of the local population.

The report's publishers pay the most important attention to native social terminology used in it, since the fixation of the material was complicated by the periodic absence of an interpreter, ignorance of the language by the researcher, as well as the conditions for translating the collected material into printed form, which was carried out by a typist who also does not speak Kabardian. The need to clarify the details related to social terminology is because there is still no complete clarity on the internal social stratification of traditional Kabardian society.

Keywords. E.N. Studenetskaya, kabardians, princes, nobles, social structure, native terminology, prisoners, surname, rights, duties

For citation: Zelnitskaya R.Sh., Kozhev Z.A. Adyghe social terminology based on the materials of the ethnographic expedition of E.N. Studenetskaya to the Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic (1947). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 324-340. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-324-340. – EDN: LNQHRI.

© Zelnitskaya R.Sh., Kozhev Z.A., 2022

Введение

В послевоенные годы в Государственном музее этнографии народов СССР началась подготовка выставки «Кабардинцы, осетины». Для пополнения музейного вещевого фонда в 1947 г. Государственный музей этнографии народов СССР совместно с Кабардинским научно-исследовательским институтом организовали этнографическую экспедицию в Кабардинскую АССР.

По материалам архива отчетов и дневников Е.Н. Студенецкой, работа проводилась в четырех районах КАССР:

а) Лескенский район – сел. Ст. Лескен, Ст. Урух, Аргудан – 17 дней.

б) Советский район – сел. Советское, Жемтала – 6 дней.

в) Урожайненский район – с. Арик – 4 дня.

г) Урванский район – сел. Ст. Черек – 5 дней [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. Л. 2-3].

Являясь руководителем экспедиции, Евгения Николаевна Студенецкая эти районы выбрала из-за их территориального расположения. Будучи специалистом по Северо-Западному Кавказу, исследователь знала, что эти районы были плохо изучены ее предшественниками, кроме того, «они примыкают к территории Осетии, богатой археологическими материалами и уже значительно изученными специалистами. Для этнографа эти районы, как пограничные, имеют также большой интерес, поскольку они дают материалы для установления элементов общности и различия между соседящими народами» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. Л. 2].

Экспедиционный отчет, составленный Е.Н. Студенецкой довольно подробный, его объем составляет 26 машинописных листов. И на последней странице заверен подписью автора. Несмотря на относительно небольшой объем, представленный текст весьма информативен. Первая его часть посвящена таким общественным институтам, как гостеприимство, аталычество, обрядам семейного цикла, но содержат также важные детали, иллюстрирующие межсословные отношения. Поэтому мы посчитали целесообразным включить в статью весь текст отчета Е.Н. Студенецкой, хотя основной исследовательский акцент в нашей работе сделан на репрезентации черкесской терминологии, касающейся сословной стратификации традиционного кабардинского общества. Изучение общественного строя Кабарды, сословной иерархии, взаимных прав и обязанностей привилегированных и зависимых сословий в российском кавказоведении тема давняя, но далеко не исчерпанная. Еще в XIX в. имперская администрация начала сбор материалов для определения сложных межсословных отношений среди автохтонного населения Северного Кавказа. После создания в 1864 г. Временной комиссии для разбора личных и поземельных прав туземного населения Терской области (с 1869 г. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубани и Терской области) эта работа приобрела систематический характер [Материалы… 1986; Леонтович 1882; Сборник документов… 2003a; Сборник документов… 2003b]. Первые черкесские историографы в своих работах также уделяли большое внимание адекватному отражению особенностей сословной структуры традиционного адыгского общества [Ногмов 1994: 125-126, 152-169; Хан-Гирей 1978: 118-139; Кудашев 1991: 98-130]. До революции 1917 г. и эпохи советской модернизации сословный вопрос в Кабарде так и не был решен, и черкесская аристократия не была признана на официальном уровне частью дворянского сословия Российской империи. В XX в. изучение сословного строя, типологизации традиционного адыгского общества приобрели значение важной академической проблемы и ее разрешению посвящен целый ряд монографий и коллективных обобщающих работ [Гарданов 1967; История Кабардино-Балкарской… 1967: 204-206; Думанов 1990; Кажаров 1994; Адыгская (черкесская)… 2006: 130-167 и др.]. Тем не менее, проблема до сих пор является дискуссионной и содержит ряд спорных вопросов, обусловленных отчасти объективными причинами. Как справедливо заметила Е.Н. Студенецкая в своем отчете, «…сложность кабардинской феодальной иерархии и трудность

языка, приводило к путанице и неточностям в терминологии, что еще больше затрудняло общую картину … для выяснения социальных отношений Кабарды последних столетий, а также для обрисовки полной картины необходимо обратиться и к источникам этнографическим и фольклорным». Отчет Е.Н. Студенецкой и представляет собой такой источник высокого качества. Его введение в научный оборот и краткий анализ содержательной части являются задачей представленной работы.

Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением особенностей написания этнических названий оригинала. Кабардинские термины в тексте оставлены в оригинале, даже в тех случаях, когда написаны с ошибками. Этнографические адыгские термины, зафиксированные Е.Н. Студенецкой в ходе экспедиции выделены курсивом, в скобках даны аутентичные формы согласно современным нормам кабардино-черкесского языка.

Отчет о командировке научного сотрудника Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР по собиранию этнографического материала в 1947 г.

Кроме основных тем экспедиции, касавшихся материальной культуры, велась работа и по ряду вопросов, касающихся социальных отношений. Некоторые из них, как например, вопрос о гостеприимстве – куначестве увязываются и с темами материальной культуры, в частности с жилищем. Известно, насколько характерно для горцев Кавказа и, прежде всего, кабардинцев, наличие отдельного помещения для приема гостей – *хажешъ (хьэщIэщ, т.е. «гостевой дом». – Авт.)*.

Хажешъ был в каждом зажиточном доме, а для дворянского и княжеского именно он являлся необходимостью. Известно, что когда были две *хажешъ* – для близких родственников и для других гостей. Обстановка *хажешъ* была очень простой. Он представлял собой отдельный домик, в котором находился очаг, служивший для обогревания комнаты. Еду в *хажешъ* не приготовляли, а приносили готовой из *унешха (унэшхуэ, досл. «большой дом». – Авт.)* или кухни. Огонь в очаге поддерживали младшие мужчины семьи, обслуживавшие гостя, но гость и сам мог подкладывать дрова, если тот вышел**1**. Не допускалось чтобы огонь погас. Это считалось похвальным. В *хажешъе* была не постеленная кровать. Постель приносили девушки и стелили для гостя, а утром опять уносили. Кроме того, в *хажешъе* находились скамейки, а иногда диван тахтабан. Обязательно для *хажешъа* наличие *намазлыка (нэмэзлыкъ, т.е. «молитвенный коврик». – Авт.)* и таза с *кумганом (къубгъан, т.е. металлический кувшин. – Авт.)* для омовений. В стенах вбивались колышки для развешивания одежды, седел и т.п. Описание *хажешъа*, данное стариками, совпадает с зарисовкой, сделанной в начале XIX века.

<Л 18>

Прием гостя – это целый церемониал, все этапы которого строго предписаны обычаем. Гость заезжал в ворота на коне. Если хозяин дома, то он выхо-

1 Авт.: Здесь имеется в виду хозяин дома, который по необходимости вышел из гостевого домика.

дил на встречу, брал коня за уздечку и гриву и помогал гостю слезть. Если хозяина и других мужчин семьи не было дома, навстречу выходила хозяйка и сама держала коня, затем, гость шел в *хаджашъ*, а хозяин провожал его сзади. С гостя снимают башлык и бурку и несут их за гостем в *хаджашъ*, где вешают на колышки в стене. Войти в бурке и башлыке – неприлично. Оружие, кроме кинжала, снималось одновременно с буркой. Забота о коне и уход за оружием лежал на членах семьи хозяина. Когда гость уезжал, хозяин выводил коня, выносил оружие и бурку и сам надевал на гостя. Уход за конем и оружием лежал на молодежи семьи хозяина, а если таковой не было, то на самом хозяине. Исключением являлись случаи, когда гость был молодой, а хозяин старик, то тогда гость ухаживал за конем сам, но хозяин все же выходил встречать гостя. В случае его болезни или крайней старости, встречала девушка и вводила гостя в *хажешъ* к старику. Гость имел в *хажешъе* определенное место, в зависимости от его возраста, в сравнении с возрастом хозяина. Если гость и хозяин – старики, то хозяин сидел на своем обычном месте, а гость на тахтабане или скамье против очага. Хозяин же на почетном месте – тахте. Другой информант Жилов К. 80 лет из сел. Жемтала дал подробный материал относительно поведения гостя и правил ведения угощения и пира… По обычаю хозяин, в случае приезда гостя, звал кого-либо из своих друзей – соседей, подходящих по возрасту к гостю, и сажал его рядом. На почетном месте усаживали старшего из гостей и приглашенного приятеля, а затем, всех остальных по возрасту. Самые младшие гости сидят отдельно. Хозяин, если он молодой. То не сядет, но будет находиться в комнате, если же хозяин очень стар, то находится в отдельном помещении. Если же он равен гостю по возрасту, то сядет вместе с гостями выше или ниже своего приятеля, смотря по возрасту.

Самого старшего из гостей называли *тхъэмадэ (тхьэмадэ, т.е. старейшина. – Авт.)*. Даже князь сидел ниже его; соседа-приятеля называли *хэгъырей (хэгъэрей, т.е. близкий, знакомый семье. – Авт.)*. Молодежь, которая ухаживает за гостями, называется *щхьэгъырыт (щхьэгъэрыт, т.е. прислуживающий во время застолья, виночерпий. – Авт.)*

Приготовляли пищу *унаутки (унэIут, т.е. раб, досл. «стоящий у дома». – Авт.)*, а подавали или мужчины – *унауты* или молодые мужчины из семьи хозяина. Мужчины лет до 30 уже не могли сидеть и кушать с гостями. Они стояли, пели песни, ели стоя, что им подадут гости. Когда же старшие наедятся и уходят, они говорили молодежи – теперь стол ваш, ешьте и пейте. Парни стоят в помещении на непочетном месте у двери *жефехег (жыхэфэгу, т.е. часть пола в помещении ближе к двери. – Авт.)*. Столь же строгими правилами руководствовались в порядке подачи пищи, разделе мяса и всем поведением хозяев и гостя вплоть до его отъезда.

Не имея возможности и необходимости в отчете излагать весь материал, считаю необходимым подчеркнуть, что столь точная разработка его показывает как на давность обычая, так и на особое значение, которое придавали его соблюдению. Всякое нарушение обычая приводило к обиде, часто выливалось в ссоры и разрыв отношений. Если представить себе, насколько важно было избежать этого в то время, когда всякое недоразумение могло привести к дли-

тельной кровной вражде, а также способствовало обострению межфамильных и племенных распрей, то естественно, что правила обращения с гостем прививались с детства, как нерушимый закон и одна из важнейших составных частей *адыге хабзе (адыгэ хабзэ, т.е. адыгское обычное право, в том числе этические нормы. – Авт.)*.

<Л 19>

В кавказоведческой литературе имеется детальнейшее описание обычаев приема гостя у осетин опубликованное Е.Г. Пчелиной и сбор столь детального материала по Кабарде, возможно, дал бы интересные результаты. Поскольку гостеприимство касалось и чужестранцев, а связи между соседними народами были очень сильны то, как можно предполагать и ритуал приема гостя мог иметь так, сказать «международный» характер.

Одним из обычаев, закреплявших связи между народами и сословиями, являлось аталычество в его поздних формах. Вопросы аталычества затрагивались во многих русских и иностранных работах, причем, имеются концепции, объясняющие и самый институт.

Значительно слабее освящен вопрос с бытовой точки зрения, между тем, при конкретных записях выявляется, что в XIX в. в условиях резкого классового и сословного расслоения, это последнее отразилось на правах на жизнь воспитанника – *канна* (*къан, т.е. воспитанник. – Авт.*), и его молочных братьев.

Так, например, люлька *канна* должна была стоять на тохтабане, постланной циновкой, в то время как люльку своего ребенка аталычка держала на полу. Люльку канна нельзя качать ногой, кормили, в первую очередь кона. Своего ребенка можно было посадить на пол, оставить одного, канна надо было держать или в люльке, или на руках и не оставлять одного. Все это ясно показывает, насколько почетная обязанность воспитания ребенка господина превращалась в феодальную повинность и тяжелую с точки зрения затраты времени и средств, а также и морально, поскольку своего родного ребенка надо было поставить в худшие условия. Бывали факты, когда от этой «чести» отказывались, но в большинстве случаев, несмотря на все тяготы, подчиненный старался заполучить *кана* для того, чтобы впоследствии обрести в нем покровителя.

Обряд возвращения ребенка в семью носил название *къаншежь (къаншэж, т.е. возвращение воспитанника-къанʼа в дом родителей. – Авт.)*. Имеются записи и самого обряда.

Родственники по молоку – *дыгызэ (дэгызэ, досл. «нянька», вскормившая воспитанника. – Авт.)* (приравнивались к кровным и исключались из брака).

В связи с аталычеством, естественно, пришлось заняться вопросом родов и воспитания детей.

В отличие от некоторых кавказских народов, сохранивших более архаические формы и пережитки матрилокальности, при которых роды проводятся в доме матери, у кабардинцев рожали в доме мужа в *лагуне* (*лэгъунэ, т.е. отдельное помещение, комната молодой пары в большом доме-унэшхуэ – Авт.*) (помещении для брачной пары). Помогала бабка. Когда ребенок родился, на порог клали кусок железа или железный предмет, через который перешагивали все проходящие и тогда ребенок вырастал здоровым. Это называлось *быдэ хъуну*

(быдэ хъуну, досл. «стать крепким, здоровым». – Авт.). Дней через пять проводился обычай «положения в люльку». У крестьян ребенка в люльку первый раз укладывала свекровь или жена брата мужа. У стариков собирали женщин, которые приходили с угощением и клали ребенка в люльку. На люльку клался подарок *«гущэщхьэдэл»* (*гущащхьэ дэл*, *досл. «положенное в изголовье люльки». – Авт.*) – на люльку положенное. Для женщин также устраивалось угощение. Родители *пысажа (по-видимому «нысащ1э», т.е. невестка. – Авт.)* приносили подарок в виде платка или отреза на платье. Этот подарок клали на люльку и так вносили люльку в *унэшхэ*. Старшая из пришедших женщин берет этот подарок и передает его свекрови. Чтобы ребенок не болел в головах на люльку клали Коран (маленький), дуа. На шею иногда надевали бусы и раковинку, чтобы злые люди смотрели на это разноцветное, а не на ребенка и не сглазили его. Это называлось *нэтэмыхуэ дыуэ* (*нэтемыхуэ дыуэ, т.е. оберег от сглаза. – Авт.)* – дуа, чтобы глаз не ударил.

<Л 20>

Определенные обычаи отмечали каждый этап в физическом развитии ребенка. При появлении первого зуба справлялось *тхъэлъэIу* (*тхьэлъэIу, досл. «моление Богу». – Авт.)* – вечер первого зуба. В это время пекли пирог с сыром или картошкой. Для того чтобы зубы росли скорее и, чтобы он скорее начал ходить, его ставили в коровий навоз.

Когда ребенок начинает ходить, пекут пирог из пшенной муки и кушают с гостями. Этот пирог называется *лъержеувэ мэжэджэ (лъэтеувэ мэжаджэ, т.е. пирог, испекаемый в честь того, что ребенок начал ходить – Авт.)* – первый раз ходит пирог.

Справляется обычай *хэдэ (хэдэ, досл. «выбор». – Авт.)* – вокруг ребенка кладут Коран, ножницы, гармонию, а если мальчик, то Коран, оружие, ногайку и др. предметы, чтобы угадать, кем будет ребенок, к чему он потянется, если к книге – мулла, к оружию – воин и т.п.

Уже в этом гадании подчеркивалось будущее разделение труда и общественных обязанностей между мужчиной и женщиной мужчина – воин, наездник, скотовод, пахарь. Женщина – швея, музыкантша, хозяйка. Еще более резко выявляется это в дальнейшем воспитании.

У мальчика оно складывается из воспитания в нем воинских доблестей, а также приучение к мужскому труду (у трудовой части населения), в первую очередь к скотоводству.

Мальчик лет 5-6 уже должен был садиться на лошадь, играл самодельным деревянным оружием, упражняясь во владении им. Настоящее оружие он получал в 14-16 лет. Сначала это было старое и плохое, потом он сам добывал себе или ему давали родные.

Всякое празднество и событие в селении сопровождалось воинскими развлечениями, состязаниями в ловкости. В основном это была джигитовка и стрельба в цель. Старики, прежде всего, являлись судьями, а также учителями. Скачки *шыгъажэ (шыгъажэ – Авт.)* устраивали и на свадьбе, и на похоронах холостого парня, при этом призами служили вещи умершего. Выбирались 3 различных по качеству вещи и вручали их победителям. Вручал призы хозяин.

В скачках участвовали и взрослые, и мальчики (чтобы лошади было легче). При скачках поднимали шапку с земли, скакали, стреляли на спину в лицо и т.п. при свадьбах между группами верховой молодежи, сопровождавшей и встречавшей невесту, происходила борьба за знамя «барак». Состязания по стрельбе в цель происходили и во время праздника возвращения пахарей. Целью служило особое сооружение, носившее название «*къабакъ*» *(къэбакъ – Авт.)* (укрепленное место) на высоком шесте прикреплялась деревянная крестовина – *джиюр (жор, досл. «крест». - Авт.)*, в которую вбивались колышки с деревянными фигурами, изображавшими всадника, оленя, свинью, утку, голубей и т.д. на шею этим фигуркам повязывались призы – мелкие предметы. Шест нижним концом вбивался в колесо арбы, и укреплялся на боковых стенках, на которой стояло несколько человек и придерживали шест. Стрелявший должен был сбить фигурку и тогда ему доставался приз. В случаях, когда мальчик воспитывался у аталыка, на обязанности последнего лежало снабжения его конем, седлом, оружием и обучение всему, что следовало знать юноше. В программу обучения молодого дворянина входило участие в набегах, охоте и путешествие к соседним народам. Высоко ценилось у кабардинцев красноречие. Присутствие молодежи, даже мальчиков при беседах старших, рассказах о былых подвигах, воспевании героев певцами *гегуако (джэгуакIуэ, т.е. бард, певец-импровизатор, распорядитель игрищ. – Авт.)* знакомило подростка с устной историей своего народа, прививало ему определенные идеалы и убеждения.

В воспитании девочки обязательно входило исполнение домашних обязанностей и, прежде всего, шитье и вышивание.

<Л 21>

Заслуживает интереса материал по семейным отношениям, который собирался нами не с целью специального исследования форм и истории семьи, а в связи с изучением жилища, одежды и т.п. Однако, при обработке собранного материала оказалось, что некоторая его часть имеет самостоятельный и значительный интерес. Это материал по «большой семье» у кабардинцев. Большая семья – семейная община, известная и прекрасно описанная, и изученная у славянских народов, имела место и на Кавказе, где ее открыл и описал М.М. Ковалевский. Но материалы Ковалевского относились к Осетии. О большой семье у кабардинцев в литературе имеется несколько беглых указаний и ни одного описания. Между тем, она сохранилась вплоть до конца XIX в., а многие из обычаев, связанных с нею и по сие время.

Во время экспедиции мне удалось собрать материал, связанный с большой семьей, с организацией труда и распределения продуктов, правовым положением членов семьи и т.п.

Обработанный и систематизированный в виде небольшого сообщения (10 страниц на машинке) был мною направлен в «Краткие сообщения института Этнографии Академии наук». Его обсудили на заседании Кавказского сектора института этнографии и направили для печатания в «Советскую этнографию». В 1948 г. необходимо продолжить работу над этой темой.

Материал по семейным отношениям представляет значительный интерес и с точки зрения сопоставления кабардинской семьи до революции и в советское

время. Во время экспедиции мною проведен ряд наблюдений по современной семье, представляющей интерес, так как в нем имеется фиксация как остатков прошлого, так и того нового принципиально отличного, что создано советской действительностью. Этот материал может послужить началом специальной темы, но пока еще трудно строить на нем большие обобщения.

Вопросы социального строя Кабарды, в особенности феодальных отношений, имеют довольно обширную литература, изданную до революции. Разработкой этих вопросов занят и в настоящее время ряд научных работников, в основном историков. Они используют архивные данные и литература.

Однако, как известно, кабардинцы не имели своей письменности, и вся документация является материалами русских чиновников, в редких случаях включает в себя показания самих кабардинцев данные в русском переводе.

Сложность кабардинской феодальной иерархии и трудность языка, приводило к путанице и неточностям в терминологии, что еще больше затрудняло общую картину. Кроме того, феодальные права и повинность, установленные обычаем в жизни соблюдались далеко не всегда. Таким образом, для выяснения социальных отношений Кабарды последних столетий, а также для обрисовки полной картины необходимо обратиться и к источникам этнографическим и фольклорным.

Наше поколение этнографов имеет еще возможность пользоваться живыми первоисточниками – стариками, которые сами жили в период крепостничества, либо живо помнят его по рассказам своих отцов.

<Л 22>

С каждым годом эти возможности, естественно сокращаются и поэтому на совести нашего поколения лежит сбор и фиксация всего того, что сохранилось в памяти этих стариков. Во время экспедиции мне удалось побеседовать со стариком около 90 лет К. Тлигуровым в с. Арик, который еще сам был *унаутом* и помнит освобождение крестьян. Тлигуровы получили свою фамилию после освобождения по имени отца. Как известно до освобождения *унауты* не имели фамилий, а только имена или клички. Фамилии давались при освобождении либо по имени и кличке отца (если он был известен), или матери, по профессии освобождаемого, иногда по его особым предметам и в некоторых случаях по фамилии хозяина. Это последнее приводило к тому, что существовали однофамильцы не родственные между собою и принадлежавшие в прошлом к антагонистическим сословным группам. Тлигуровы принадлежали *уоркам (уэркъ, т.е. представитель привилегированного воинского сословия, дворянин. – Авт.)* (?) Хотановым. Тлигуров рассказывает об обязанностях *унаутов*. Мужчины рубили дрова, растопляли очаг, ухаживали за конями, иногда работали на хошех (кошах? – Авт.). Женщины готовили, носили воду, подавали еду хозяйке, ухаживали за ней, сопровождали всюду, вплоть до уборной. Тлигуров рассказывает, что *унауты* жили просто на дворе, спали на шкуре в сарае или под навесом и в редких случаях для них имелся домик, крытый соломой.

Отмечая разницу между *унаутами и пшитлями (пщылI, досл. «княжий человек», т.е. крепостной крестьянин – Авт.)* старик подчеркивает, что последние имели свое хозяйство и семью, в то время как *унаутка* не имела законного

мужа. Сто четырехлетний старик *пшитль* Исмел (с. Жемтала) подтверждает показания Тлигурова отмечая также, что одной из обязательных работ унаутов являлся размол зерна на каменных ручных жерновах.

Столетняя старуха Дзахмишева Х. (*пшитль*) указывает, что *унаутки* также убирали помещения, стирали, рубили дрова и готовили в кухне. Вопреки некоторым другим данным, она говорит, что *унаутки* не шили и не вышивали «им было некогда». Она же описывает одежду *унауток* – рубаху, штаны, иногда платье (разрезное) и платок на голове.

Тлигуров рассказывает о наказаниях провинившихся *унаутов* «положат его на доску и бьют плетями голого или подвешивали к крыше веревкой подмышки».

Весьма интересны материалы о том, как добывались пленные – рабы, полученные от Эльмырзы Меожева, Фицы Макоева и Исмела. Способом их получения была *зекуэ (зекIуэ, т.е. военные походы и набеги с целью получения славы и добычи. – Авт.)* – набеги. В набег ходили (не разб.) князья и *уорки* группой и распределяли добычу поровну, выделяя большую долю руководителю – *гупзеша (гупзешэ, досл. «предводитель группы (отряда)». - Авт.)*, так как водитель отряда. Во время набегов захватывали скот (особенно табун лошадей), деньги и ценности, мануфактуру и людей. Пленного везли сзади себя в седле и называли *кесукъаха (кIэсу къахьа, досл. «принесенный сидящим сзади», т.е. на крупе коня. – Авт.)* – «сидящий сзади». Когда поругаются с бывшими пленными, то попрекают «тебя сзади привезли». Их продавали и делали *унаутами*. Пленных привозили и от кумыков, и от казаков, и от кабардинцев даже. Похищали детей не только в поле, на мельницах, но даже крали из дома. Некоторые делали это своим промыслом.

<Л 23>

Так Исмел рассказывал: «*Пши (пщы, т.е. представители высшего феодального сословия, князья. – Авт.)* Кожоковы, когда ночью привезут пленных иногда даже до утра не держат, а сразу продают и получают деньги. Продавали их на месте или увозили в дальние края и там продавали. Возил сам *пши* Кожоков. Помню случай – посадили пленных в сарай, а те в плетенной стене дырку сделают и просят наших *унауток*, мы тоже женщины, дайте хоть гребенку волосы причесать. Но, если мы им что-нибудь давали, то *пши* грозили и нас продать. Хотя наши крали у казаков и девушек и парней и даже солдат, некоторые казаки были в дружбе и даже воевали вместе (в набегах), но большинство нет. Кожоковы привозили из набегов и скот, резали его и ели, а фактуру (мануфактуру? – Авт.) и ценности украли от нас». Чрезвычайно важно знать феодальную лестницу Кабарды для того, чтобы сверить показания документов и стариков. С этой целью мною сделан ряд записей отдельных стариков.

<Л 24>

Наиболее определенными терминами являются – *пшы, уэркъ, азэт (азэт, т.е. вольноотпущенник. – Авт.), лъху(не разб.) (по-видимому, лъхукъуэлъ, «тхукотлы» русских источников, т.е. лично свободные крестьяне, жившие на владельческой земле и несшие в его пользу феодальные повинности. – Авт.), пшылъ, унэIут.*

Не имея возможности и необходимости в отчете подвергнуть полному анализу собранный материал, приведем те толкования, которые даются каждому из приводимых терминов самим народом

I *Пшыапшыж (пщыапщыж, досл. «князь князей», титул пожизненно избиравшегося верховного правителя в Кабарде и других черкесских государственно-политических образованиях. – Авт.)* – князь князей. Это род Хамырзовых. Он распределял Кабарду между *пшы*, давая каждому *пши* по 2-3 села. Они отвечали перед ним за эти села и докладывали ему обо всем. Его самого назначил потомок пророка (Кодзоков Т. 75 лет).

II *Пшы* – Хатажоковы, Мисостовы, Баташевы, Куденетовы, Тамбиевы, Ешеноковы, Докшукины (видимо ряд неточностей, если сличать с документами). Князь, владелец ряда селений, которые он распределял между сыновьями, владелец земли и крестьян.

(Кодзоков и др).

III (*не разб)уалIэш (по видимому, лIакъуэлIэш, «тлекотлеш» русских источников, потомственные знатные дворяне – Авт.)* – феодал, ниже князя. Владелец селений, земли и крестьян – Кожоковы. По словам Кодзокова «тлекотлеши – незаконные сыновья князей от *унауток – тума (тумэ, т.е. княжич, рожденный в результате мезальянса князя и женщины более низкого социального статуса – К.З.)*. Но так как слово *тума* (безродный) – позорное, а князь хотел замаскировать их, то называл *тлекотлеш*»

IV *Уэркъ* – это воины князя. Они были все время с оружием, шли вместе с князем в поход или на войну. При походе к полю битвы они были сзади, чтобы народ не разбежался и подгоняли всех. Князь шел впереди. Во время сражения князь был сзади, чтобы видеть поле битвы, а *уорки* впереди. После сражения они приводили к князю войско. Если войско, вернувшись с боя не находили князя, значит струсил и его можно (неразб.). У *уорка* было такое же хозяйство, как у *лъхукъуэщэу (лъхукъуэщауэ, лъхукъуэщо, досл. «крестьянские [тлхукотльские] витязи», представители наиболее состоятельных слоев зависимых сословий. – Авт.*) но все обрабатывали крестьяне, так как он слезал с коня только для еды (Кодзоков)

V *Уэркъщэуэънхъусэ (уэркъщауэлIыгъусэ, т.е.представители наиболее многочисленной категории незнатных служилых дворян. – Авт.)* – сопровождающий князя, свита термин известный в литературе. В народе его знают мало, считают второстепенным. «Есть *уорки*, а сзади них могут быть всякие. По рассказам это был человек постоянно входящий в свиту князя».

VI *Лъхукъэщауэ* – крестьянин типа *лъхукъуэл*, но менее зависимый от *пши*. Он имел свое оружие, сам себя охранял от побегов (*по-видимому «от набегов» - Авт.*). Если князь сам шел в набег или воевал с кем, то *тльхожохо (по-видимому, лъхукъуэщауэ, лъхукъуэщо. – Авт.)* помогал как мусульманин мусульманину, но не имел права насильно брать его в побег (по-видимому «набег». – Авт.). Хозяйство его было крестьянское, 5-8 коров, пара быков. Звание зависело не от хоз. способностей, а от военных (Кадзоков). По некоторым указаниям это были *азэты*.

Азэт – вольноотпущенный.

VII *ЛъхукъуэлI* – Крестьяне, которые могли сами себя защищать и были свободны (Кодзоков). Они имели свое хозяйство, скот, арбу и плуг. Были из них и знаменитые. Они ходили в набег и от этого богатели и выкупали свою голову от *пши*.

<Л 25>

Они имели *унаутов*. В поле они работали на себя, а иногда на князя. Без разрешения князя переселиться не могли. Давали князю подводы, варили бузу, принимали его гостей. Основное население – *тхлукотл; унаутов* было мало *пшитлей* больше (Тлигуров)

VIII *Ог (Iуэгу, т.е. категория зависимых, но лично свободных крестьян - Авт.)* эта категория, как известно из литературы, очень малочисленная, вызывает различные толкования.

Сводятся к следующим вариантам – «*Ог*» из *уорков*, доверенное лицо, сопровождавшее князя, он ухаживал за конем, мог есть вместе с князем (Гешев). «*Ог*» – из *тхлукотл*, но более свободный. Когда у *пши* родится дочь или сын, кто-либо из *тхлукотлов* брал на воспитание лет до 8-9 и получал потом звание *ога* и считался как родным (Апекова).

«*Ог*» – крестьянин, который работал у себя в поле и только привозил Кожоковым (*тлекотлеш*) просо и пшеницу.

И наконец «*Ог*» – слово абазехское [*абадзехское*] и значит наемный работник. По-кабардински, наемный работник *лыжэ (лIыщIэ, досл. «мужчина-работник». – Авт.*).

IX *Пшыл* – крепостной.

Жили они поселком вокруг дома князя, а вход один и охранялся часовыми из *уорков*. Хозяйство было общее с князем, своего не было. *Пшитль* мог иметь законную семью, но можно было их продать порознь (Кожоков). *Пшитль* жил во дворе хозяина или рядом, чтобы можно было сразу позвать. Убирал хлеб хозяину и тот выделял им долю (Тлигуров).

«Между *пшитлями* тоже было разные. Некоторые из них были любимцами *пши,* а других угнетали, если они не подчинялись, наказывали и продавали».

«Мы работали днем и ночью. Пасли скот, пахали, ездили за дровами, работали всю домашнюю работу. У нас было свое маленькое хозяйство и свой домик. Мы жили по соседству с хозяином и, если были нужны звали нас (бывший *пшитль* Исмел)». Подобный материал о жизни *пшитлей* дают и другие информаторы.

X *УнэIут* – раб.

Яснее всего вырисовывается фигура бесправного раба – *унаута*, достаточно полно обрисованного и в литературе.

В литературе упоминается термин *лагъунэIут (лэгъунэIут, досл. «стоящий у помещения для невестки [лэгъунэ]» - Авт.)* – который трактуется как крепостной. Однако, старики (Теунов, Тлигуров, Куашев, Исмел и др.) утверждают, что *лагъунэут* это тоже что *унаут* с тем различием, что первая ухаживала специально за *нысажей*, находившейся в *лагъунэ* исполняя при ней обязанности горничной, но пользуясь правами одинаковыми со всеми *унэутами*.

Интересное показание, требующее, однако, проверки дала 100 летняя Н. Апекова: «Когда дочери *пши* выходили замуж, их сопровождали – девушка и парень из их воспитателей – *огов*. Они находились при молодухе до года. Родные жениха дарили им 10 лошадей, 3 коров».

Упоминаемые в перечне *лгъова (лъыгъавэ, досл. «мясовар». – Авт.), хэбзаншэ (хабзэншэ, досл. «бесправный», «безобрядный». – Авт.), пщафIэ (пщафIэ, досл. «готовящий пищу, повар». – Авт.), жемхагаса (жэмхэгъасэ, т.е. член семьи или прислужник(ца) невесты, находившийся с ней пока она не освоится в семье мужа. – К.З.),* не являются обозначениями особых социальных категорий.

Лгъова – это *пшитль*, который ведет хозяйство, готовит пищу и распределяет его.

ПшафIэ – женщина, которая варит *пасту (пIастэ, т.е. круто сваренная пшенная каша, использовавшаяся у черкесов вместо хлеба. – Авт.)*.

Жемхагаса – девушка, сопровождавшая княжну, которая выходила замуж и находилась при ней 2-4 месяца.

Хэбзаншэ – крестьянин, тот, кто не подчиняется *хабзэ*-обычаю, не почитает старших, не имеет стыда в глазах.

Из рассказов стариков вырисовывается и общая картина быта и труда крепостных и рабов.

Как видно из предыдущего изложения, работа затрагивала самые разнообразные темы и в различной степени неизбежно, поскольку, беседуя с информатором, естественно, постараться использовать его как можно полнее. Большая часть тем требует, конечно, значительной доработки, чему и будут посвящены экспедиции последующих годов [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973].

Заключение

Как мы видим, в 1947 г. среди кабардинских информаторов были еще живы люди, чьи детство и юность прошли до крестьянской реформы и освобождения зависимых сословий в Кабарде (60-е гг. XIX в.). То есть они были органической частью отжившей традиции и имели о ней предметное знание. Собранные Е.Н. Студенецкой этнографические данные по традиционной адыгской сословной титулатуре имеют ряд особенностей. Во-первых, практически все информаторы – представители бывших зависимых сословий (*унаут, пшитль*). В условиях советской действительности 40-х гг. XX в. это естественно. Аристократические сословия в ходе советской модернизации подверглись массовым репрессиям, маргинализации и были вытеснены с ведущих позиций общественной жизни. Аристократический дискурс в стране победившего социализма не имел легитимности, и не мог фиксироваться даже в академических интересах. Именно поэтому общий тон нарратива откровенно антикняжеский, антидворянский, с отрицательными коннотациями в адрес бывших привилегированных сословий Кабарды, их образа жизни и т.д. Помимо оценочных суждений, содержащихся в тексте отчета, это привело к заметному искажению общей картины сословной структуры кабардинского общества. Так информаторы адекватно представляют все мельчайшие нюансы в правовом положении раз-

личных категорий непривилегированного населения Кабарды – от лично свободных крестьян, несущих необременительные натуральные повинности в пользу феодального владельца, до наиболее бесправных групп домашних рабов. В отчете Е.Н. Студенецкой нашли отражение практически все социальные термины, известные для обозначения различных категорий многочисленного кабардинского крестьянства по наиболее полным, адекватным историческим источникам и научным исследованиям [Ногмов 1994: 125-126, 152-169; Леонтович 1882: 223-241; Думанов 1990: 131-184; Кажаров 1994: 194-199 и др.].

Гораздо хуже информаторы Е.Н. Студенецкой знают иерархическую структуру привилегированного военно-служилого класса *пши-уорков* (*пщы-уэркъ*), что вполне объяснимо. Не будучи членами этой корпорации, информаторы, как внешние по отношению к объекту наблюдатели, не знали, либо уже не придавали значения многим нюансам внутренних отношений между различными категориями потомственной черкесской аристократии и служилыми группами незнатного дворянства Кабарды. Так, информаторы не упоминают целые группы среди привилегированных сословий Кабарды – потомственных дворян *дижинуго* (*дыжьыныгъуэ*), княжеских дворян *беслен-уорк* (*беслэн-уэркъ*), категории *пшикеу* (*пщыкIэу, пщычо*), *бейгол* (*бейгуэл*) [Сборник документов… 2003а: 76-95, 200; Думанов 1990: 131-184; Кажаров 1994: 178-199]. То есть этнографические данные, собранные Е.Н. Студенецкой, не лишены недостатков, неточностей и анахронизмов и требуют критического анализа с привлечением других, в первую очередь архивных письменных источников.

Достаточно свободно, судя по тексту отчета, информаторы Е.Н. Студенецкой понимают социальный термин *пши* (*пщы*) – князь. В их трактовке это не столько представитель высшего феодального сословия Кабарды – князь, сколько синоним феодального владельца вообще. Собственно основанием для подобного сближения может служить то, что социальный термин *пши* полисемантичен. Вне зависимости от своего конкретного сословного статуса, любой черкесский аристократ, владевший аулом, носившим, как правило, его личное или фамильное имя, считался по статусу дословно «князем села» (*къуэжэпщ*) [Кажаров 1994: 60-67]. Именно поэтому информаторы Е.Н. Студенецкой к категории *пши* произвольно относят не только собственно князей-Иналидов Кабарды – Атажукиных, Мисостовых, Хамурзиных (в тексте отчета Хамурзовы) и т.д., но и *тлекотлешей* (*лэкъуэлIэш*) Куденетовых, Тамбиевых и даже *дижинуго* (*дыжьыныгъуэ*) Кожоковых и Боташевых. Весьма произвольно трактуют информаторы происхождение сословия *тлекотлеш*, совершенно необоснованно сближая его с категорией неполноправных князей-бастардов – *тума* (*тумэ*). Хамурзины (отрасль линиджа князей Джамбулатовых) выделены информаторами как *пшыапшыж* (*пщыапщыж*) – князья князей, то есть верховные правители Кабарды, что не соответствует действительности, но объясняется тем, что этнографическая экспедиция Е.Н. Студенецкой проходила по преимуществу по Малой Кабарде и бывшим землям Джамбулатовского удела Большой Кабарды (*Жамботей*). Но эта неточность искупается самим упоминанием архаичного социального термина *пщыапщыж*. Он едва сохранился в устной традиции и фольклорных записях XIX-XX вв. Ш.Б. Ногмов в своей «Истории адыхейского

народа» упоминает его русский перевод («князь из князей») в связи с высоким статусом кемиргоевских князей Болотоковых – старшего линиджа среди всех черкесских Иналидов [Ногмов 1994: 97]. В письменных источниках XVIII-XIX вв. социальный термин *пщыапщыж*, как титул верховного правителя крупных черкесских государственно-политических образований – княжеств, практически не находит отражения. Он вытесняется другими терминами черкесского и восточного происхождения – *пшишхуа* (*пщышхуэ*, досл. «великий князь»), *пшитхамада* (*пщы-тхьэмадэ*, досл. «князь-старейшина»), *уэлий* или *уалиипш* (*уэлиипщ*, т.е. «князь-вали» - контаминация черкесского *пши* и восточного *вали*) [Кажаров 1994: 220-221]. Термин *пщыапщыж* нашел отражение в черкесской аристократической ономастике. Один из самых известных князей Кабарды XVI в., чьи потомки являются родоначальниками всех Иналидов Большой Кабарды XVIII-XIX вв. носил имя *Пщыапщокъуэ* (Пшеапшоко) (досл. «сын князя князей») [КРО 1957a: 383, 385-387; Налоева 2015: 5, 7-9]. Его отец Кайтуко Бесланов в середине XVI в. действительно был верховных правителем *пщыапщыж* или *пщышхуэ* Кабарды (в русских источниках «князь кабардинский») [КРО 1957a: 385; Налоева 2015: 5].

Заслуживают особенного внимания содержащиеся в тексте отчета Е.Н. Студенецкой версии происхождения и социального статуса категорий феодально-зависимых крестьян *огов* (*Іуэгу*), *тхлукотлов* (*лъхукъуэлI*), *лъхукъэщауэ* (*лъхукъуэщауэ*, *лъхукъуэщо*). В отечественном кавказоведении оценка их социального статуса и происхождения является одной из наиболее запутанных и спорных [Думанов 1990: 147-184]. Они относились к зависимым сословиям, но по имущественному положению сближались с незнатным служилым дворянством, имели свое хозяйство, а также могли сами обладать крепостными и рабами, о чем информаторы недвусмысленно сообщают Е.Н. Студенецкой. Это подтверждается и письменными источниками. Крупнейшее в XVIII в. антифеодальное выступление в Кабарде (1767 г.), было организовано именно верхушкой этих сословий. Причем одним из основных требований к кабардинской знати со стороны восставших было требование не вмешиваться в их отношения с собственными холопами [КРО 1957b: 269-273].

Таким образом, информация, собранная в селах Кабарды в середине XX в. в результате этнографической экспедиции Е.Н. Студенецкой, отражает не только уровень репрезентации отходившей в прошлое феодальной традиции, но и некоторые эксклюзивные термины, версии и трактовки происхождения тех или иных сословных страт, которые способны послужить дополнительным источником в исследовании доколониального прошлого Кабарды и ее традиционного общественного уклада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. – *Архив Российского этнографического музея*. Ф 2. Оп. 1. Д. 973. Отчет о командировке научного сотрудника Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР по собиранию этнографического материала в 1947 г.

Адыгская (черкесская)… 2006 – *Адыгская (черкесская)* энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1428 с.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. – М. Наука, 1967. – 332 с.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 264 с.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Эль-фа, 1994. – 440 с.

История Кабардино-Балкарской… 1967 – *История Кабардино-Балкарской* АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. – М.: Наука, 1967. – Т. 1. – 480 с.

КРО 1957a – *Кабардино-русские отношения* в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – Т. 1. – 478 с.

КРО 1957b – *Кабардино-русские отношения* в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – Т. 2. – 424 с.

Кудашев 1991 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 190 с.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. – Одесса: Типография П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – Вып. 1 – 850 с.

Материалы… 1986 – *Материалы* Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. / Составление, введение и примечания Х.М. Думанова. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 320 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 371 с. (Приложение)

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыхейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Сборник документов… 2003a – *Сборник документов* по сословному праву народов Северного Кавказа (1793-1897 гг.). – Нальчик: Эль-фа, 2003. – Т. 1. – 348 с.

Сборник документов… 2003b – *Сборник документов* по сословному праву народов Северного Кавказа (1793-1897 гг.). – Нальчик: Эль-фа, 2003. – Т. 2. – 488 с.

Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 336 с.

REFERENCES

Arkhiv Rossiiskogo etnograficheskogo museya [Archives of Russian Ethnographical Museum]. F 2. Op. 1. D. 973. Otchet o komandirovke nauchnogo sotrudnika E.N. Studeneckoj v Kabardinskuju ASSR po sobiraniju jetnograficheskogo materiala v 1947 g. (in Russ.).

Adygskaya, (cherkesskaya) entsiklopediya [Adyghe (cirvassian) encyclopedia]. – Moscow: B.Kh. Akbashev foundation, 2006. – 1428 p. (In Russ.).

DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.)* [The social structure of the Kabardians in the norms of adat (first half of the 19th century)]. – Nalchik: El'brus, 1990. – 264 p. (In Russ.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 2-kh tomakh [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present. In 2 volumes]. – Moscow: Nauka, 1967. – T. 1. – 480 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskikh narodov* [The social system of the Adyghe peoples]. – M. Nauka, 1967. – 332 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.: Dokumenty i materia-ly v 2-kh tomakh. [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. – T. 1. – 478 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.: Dokumenty i materia-ly v 2-kh tomakh [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. – T. 2. – 424 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Traditional social institutions of the Kabardians and their

crisis at the end of the 18th – first half of the 19th century]. – Nalchik: El'-fa. 1994. – 440 p. (In Russ.).

KHAN-GIREY. *Zapiski o Cherkesii* [Notes about Circassia]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 336 p. (In Russ.).

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 190 p. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev* [Adats of the Caucasian highlanders]. – Odessa: Tipografiya P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. – Issue 1 – 850 p. (In Russ.).

Materialy Ya.M. Shardanova po obychnomu pravu kabardintsev pervoi poloviny XIX v. [Materials of Ya.M. Shardanov on the customary law of the Kabardians of the first half of the 19th century] / Sostavlenie, vvedenie i primechaniya Kh.M. Dumanova. – Nalchik: El'brus, 1986. – 320 p. (In Russ.).

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodpl'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii* [NALOEVA E.D. Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socioeconomic history]. / Sost. A.S. Mirzoev. – Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. – 371 p. (In Russ.).

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the Adychian people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 232 p. (In Russ.)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793-1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793-1897). Vol. 1]. – Nalchik: El'-fa, 2003. – 348 p. (In Russ.).

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793-1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793-1897). Vol. 2]. – Nalchik: El'-fa, 2003. – 488 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Р.Ш. Зельницкая – кандидат исторических наук.

З.А. Кожев – кандидат исторических наук.

Information about the authors

R.Sh. Zelnitskaya – Candidate of Science (History).

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 82-2
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-341-349
EDN: LWXCXH

ОБРАЗ АНДЕМИРКАНА В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДРАМАТУРГИИ: О НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЬЕСЕ З.П. КАРДАНГУШЕВА

Альбек Чамирович Абазов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, abazov1964@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3823-393X

Аннотация. Драматургия народов Северного Кавказа в настоящее время до сих пор остается малоизученным направлением современного литературоведения. Статья посвящена вопросам введения в научный оборот и изучения неопубликованной, обнаруженной в фондах РГАЛИ рукописи пьесы «Андемиркан» (1943) кабардинского этнографа, фольклориста, драматурга и артиста З.П. Кардангушева. Рассматриваются вопросы текстологического анализа и подготовки к изданию рукописи (объемом 85 страниц с авторскими пометами и исправлениями). Анализ содержания рукописи пьесы позволяет представить процессы воплощения авторской мысли в художественное слово, дает возможность реконструировать так называемую творческую историю литературного произведения. В практическом плане анализ драматургических текстов З.П. Кардангушева об Андемиркане имеет важное значение для исследования северокавказской драматургии первой половины XX века в целом, а также для выявления особенности художественного воплощения времени, места и драматического конфликта.

Ключевые слова: З.П. Кардангушев, кабардинская драматургия, неопубликованная рукопись, архив, помета, драма, действующие лица, акт, картина, образ, герой

Для цитирования: Абазов А.Ч. Образ Андемиркана в северокавказской драматургии: о неопубликованной пьесе З.П. Кардангушева // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 341-349. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-341-349. – EDN: LWXCXH.

© Абазов А.Ч., 2022

Original article

THE IMAGE OF ANDEMIRKAN IN NORTH CAUCASIAN DRAMA: ABOUT THE UNPUBLISHED PLAY BY Z.P. KARDANGUSHEV

Albek Ch. Abazov
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, abazov1964@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3823-393X

Abstract. The dramaturgy of the North Caucasus people remains an unresearched field of modern literary criticism. This article presents the introduction issues of scientific circulation and studying of the unpublished manuscript of the play "Andemirkan" (1943), placed in the RSALA fund by the Kabardian ethnographer, folklorist, playwright and artist Z.P. Kardangushev. This paper considers textological analysis and preparation for publication of the manuscript (85 pages with author's comments and corrections). Analysis of the manuscript's content makes it possible to present the translation processes of the author's thoughts into a literary word and to reconstruct the creative history of his literary work. In practical terms, the analysis of the dramatic texts by Z.P. Kardangushev on Andemirkan is crucial for the study of the early twentieth century North Caucasian drama and identification of the artistic characteristics in the embodiment of time, place, and dramatic conflict.

Keywords: Z.P. Kardangushev, кabardian drama, unpublished manuscript, archive, litter, drama, actors, act, picture, image, hero

For citation: Abazov A.Ch. The image of Andemirkan in North Caucasian drama: about the unpublished play by Z.P. Kardangushev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 341-349. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-341-349. – EDN: LWXCXH.

© Abazov A.Ch., 2022

Введение

В истории северокавказской драматургии сложилась традиция переосмысления ярких образов народных героев. К настоящему времени создано немало произведений на фольклорные темы. Это привело к тому, что практически во всех северокавказских литературах назрела потребность научного осмысления таких произведений. В этом плане особый интерес вызывает изучение неопубликованных драматургических текстов об «Андемиркане», созданных в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в.

Образ Андемиркана выступал объектом творчества многих писателей. Его изображали как легендарную личность, воина-героя, защитника обездоленных и невольников, грозу феодалов и и т.п. [Карданов 2001: 129].

Одним из первых кабардинских драматургов, обратившихся к его образу в начале 70-х гг. XX в., был З.А. Аксиров [Абазов 2013: 151-155]. До настоящего времени более ранних текстов об Андемиркане не было известно. Однако, в фондах РГАЛИ нам удалось обнаружить еще одну рукопись пьесы «Андемиркан», датированную 1943 г. [Налоев 1993: 1-85]. Его автором был кабардинский драматург Зарамук Патурович Кардангушев (1.01.1918–25.12.2008). Она представляет собой подстрочный авторский перевод произведения, чтобы читатель имел возможность оценить творческую манеру (язык и индивидуальный стиль) драматурга.

Неопубликованная машинописная рукопись З.П. Кардангушева, датированная 1943 г., позволяет судить о нелегком пути процесса формирования и развития кабардинской драматургии в условиях сложнейших социально-исторических событий страны (Великая Отечественная война). Этот период характеризуется поиском новых эстетических идей (принципов) и художественно-изобразительных форм. В тематическом отношении она характеризовалась основополагающими проблемами, которые показывали трагедию и великий дух народа. Основной задачей настоящего исследования является введение в науч-

ный оборот и аннотирование новых источников, которые станут основным материалом для воссоздания не только полной биографии писателя, но и будут способствовать более глубокому познанию жизни одного конкретно взятого человека в контексте жизни других людей и общества в целом. Введение в научный оборот новых источников, на основе которых воссоздается не только полная биография писателя, наряду с другими источниками будет способствовать более глубокому познанию жизни одного конкретно человека в контексте жизни других людей и общества [Абазов, Унатлокова 2021: 98].

О том, что З. Кардангушев вместе с актером Т. Жигуновым работал над переводом пьесы «Андемиркан», оставил свои воспоминания и З. Налоев [Налоев 1993: 28-33]. Предположительно он мог застать их совместную работу над переводом в 1954 г., когда З. Налоева «решением бюро комитета КПСС перевели из пединститута в научно-исследовательский институт для усиления научных сил института» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-187. Д. № 34. Л. 78].

Сюжет и действующие лица пьесы

Примечательно, что рукопись пьесы «Андемиркан» З.Р. Кардангушева с его пометами и внесенными исправлениями. Эти «следы творческого процесса» подчеркивает степень и характер авторской работы над текстом. Они позволяют установить, какое слово автор зачеркнул, какие части текста поменял местами и т.д. «Именно рукописи дают… возможность в какой-то мере приблизиться и к наблюдению промежуточных форм воплощения художественной мысли в художественное слово, дают материал для восстановления так называемой творческой истории произведения» [Чудакова 1986: 6]. Так, на титуле от руки помечено: «(Рождение и юность) Часть 1-ая» [ФАА РГАЛИ]. Указанная пьеса состоит из трех действии (актов) и пяти картин. 1-е действие (первый акт) состоит из двух картин (стр. 2-14; 15-42). Второй акт состоит из картины третьей (стр. 43-60) и Картины четвертой (стр. 61-73). Действие третье (третий акт) состоит из картины пятой (74-85). На последней странице машинописного текста имеется еще одна написанная от руки помета: «*Песня рабов нап**И**чатана по ошибке машинистке не в стихах, а в прозе – автор*» (орфография и пунктуация сохранены. – А.А.) [ФАА РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 2. Ед. хр. 513. Л. 85]. Каждая картина пьесы З. Кардангушева предваряется отрывком (катреном) из посвященной ему песни.

В драме З.П. Кардангушева задействованы следующие лица: *Шорман Андемир* – придворный управляющий, охотник; *Тлъапэ* – его жена; *Альхо* – князь; *Гуаша* – жена Альхо, княгиня; *Андемиркан* – сын Альхо и Ланы; *Лана* – рабыня Альхо, мать Андемиркана; *Тлъепш* – кузнец, свободный; *Беслан* – князь всех князей; *Камбулат Дугужуков* – друг Андемиркана; *Тобича* – рабыня, девушка-невольница; *Асламбек* – князь; *Сатаней* – дочь Асламбека, княжна; *Биту* – телохранитель Беслана; *Пшапшоко* – сын Беслана; *Кидиршоко* – князь; *Чинт* – князь; *Мисост* – князь; *Анзор* – князь; *Мирзакан* – князь; работорговец; 1 – раб, слуга Асламбека; рабы работорговца; рабы Беслана; придворные девушки Гуащэ; рабы с Андемирканом [ФАА РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 2. Ед. хр. 513. Л. 3]. Написание имен «Тлъапа» и «Тлъепш» приводятся в авторской редакции.

В первом акте рассказывает о рождении Андемиркана – внебрачного сына князя Альхо. Для сокрытия тайны его рождения рабыня Лана (мать Андемиркана) была сразу же отлучена от сына и тайно продана в рабство, где долгое время скиталась на чужбине. Имя Андемиркан ему дали как производное от имени его воспитателя Андемира. В тайне от посторонних любопытныхАндемиркан по велению князя Альхо передан был на воспитание Андемиру и его жене Тлъапе. Имя «ЛъапIэ» в переводе с адыгского языка означает «дорогая» (перевод автора). По истечении определенного срока воспитания, согласно уговору с князем, Андемир должен был представить своего воспитанника Андемиркана отцу. За время его пребывания аталык должен был обучить его верховой езде, правилам этикета, стрельбе из лука и т.д. И перед тем как отправить Андемиркана в дом князя, аталык подарил ему породистого скакуна. В данном случае речь идет о легендарном коне Андемиркана по кличке Жаманшарык.

Далее, если обратиться к судьбе Ланы, то она появляется во второй раз в конце пьесы, где автор возвращает ее опять-таки в роли рабыни на историческую родину спустя 18 лет. Работорговец продает ее вместе с другими рабами князю Альхо. После того, как князь узнает, кто она есть на самом деле, он опять изолирует ее с целью недопущения ее знакомства с сыном. Вся эти действия свершаются тайком, боясь, что Лана может рассказать правду о своей горестной судьбе сыну Андемиркану.

Характеристика социальных конфликтов в пьесе

Кроме основного социального конфликта, заложенного в пьесе, мы наблюдаем еще ряд противостояний личностного характера. К таковым относится сцена диалога Андемиркана с Тлъепшем, у которого он выпытывает историю своего появления на свет. Аналогичную картину мы отмечаем и в цене общения Андемиркана с княгиней Гуашей, где он просит ее рассказать правду о его настоящей матери.

Одной из значимых конфликтных сцен, нашедшей художественное решение в пьесе, является сцена поединка Андемиркана с Биту – Причиной тому стало оскорбление и избиение Андемирканом своего сверстника – Пшиапшоко – сына Беслана.

В этом эпизоде сцене Биту выступает в качестве заступника за своего воспитанника – сына верховного князя Беслана. Здесь автор использовал обычай выбрасывания девушкой (*в данном случае замужней женщиной*) платка между сражающихся мужчин для прекращения поединка.

Для того чтобы предотвратить это конфликт, который мог завершиться кровопролитием, автор использовал в сцене обычай, который выражается просьбой женщины, чьим мольбам должны были прислушаться противоборствующие стороны. В данном случае после того, как Тлъапа бросает между ними снятый с головы платок, поединок приостанавливается.

Что же касается роли клятвенных слов в пьесе, обращает на себя внимание и сцена, в которой Андемиркан в знак подтверждения правдивости ее слов просит поклясться княгиню с обнаженной головой. О бытовании у кабардинцев такой формы клятвы в прошлом нет достоверных свидетельств. Тем не менее, в

этой картине автор реализует собственную художественную задачу – обращает наше внимание на особый статус женщин в адыгском обществе.

По ходу развития действий пьесы в поисках правды Андемиркан узнает имя своей настоящей матери. О ней в завуалированной, иносказательной форме ему поведал Тлъепш. Альхо пытается поскорее избавиться от нее, опасаясь огласки тайны появления на свет Андемиркана, так как он скрывал это от других князей. Дети, рожденные от князя и женщины более низкого сословия, назывались «тума».

Когда все пошло не по плану, князь Альхо попытался осуществить преступный замысел – убить Лану. После ее физического устранения князь Альхо планировал совершить условный обряд усыновления с целью представить теперь уже в качестве усыновленного Андемиркана княжескому сообществу. Все это Альхо пытается сделать не ради сыновней любви, а с тем, чтобы приблизить к себе возмужавшего и храбростью и умом Андемиркана. Как видно, Альхо в пьесе преследует собственные меркантильные интересы. Он жаждет укрепления авторитета и влияния в среде кабардинских владетелей. Вот почему он инициирует показательный обряд усыновления с приглашением владетельных князей Кабарды. У него давно созрел план убийства женщины-рабыни. Именно с этой целью он выкупает ее у работорговца и содержит изолированно от других невольников. Втайне от всех Альхо заточил Лану в ту же темницу, из которой она была продана в рабство. Остерегаясь того, что настоящая мать Андемиркана – Ляна может помешать этому замыслу, он поручил своему верному рабу Андемиру убить ее. Но когда тот отказался, сам князь Альхо решил устранить ее руками Андемиркана. Для этого Альхо учинил своеобразное испытание Андемиркану. По приказу Альхо на голову Ляны поставили яблоко и передали через слугу Андемира отравленную стрелу. Вынужденный подчиниться уговорам своего аталыка Андемиркан взял стрелу. Он считал данное испытание не достойным его чести и пустил стрелу в сторону. Однако произвольно выпущенная стрела попаала в Тлъапу, отчего она погибла. На примере таких композиционных единиц пьесы мы наблюдаем окончание действия или завершение художественного замысла.

Со смертью кормилицы Андемиркана уходит и сокрытая ею тайна его рождения. Отравленная стрела свершила свое злодеяние и во второй раз, когда сам князь убил такой же стрелой Лану. Но на этом гнев князей не усмирился, да и сам князь Альхо был решительно настроен свершить задуманное. Он обвинил Андемира в неподобающем воспитании и неуважении к нему Андемиркана и убил его.

В числе достоинств пьесы, хочется отметить удачные приемы организации художественного пространства, использованные З. Кардангушевым. Так, в заключительной сцене пьесы к месту свершения убийства прибыли Андемиркан и его названный друг Камбулат. Умирающий Андемир успел рассказать им, что покушение на него совершил Альхо. И Андемир просил их скорее подойти к Лане. Андемиркан и Камбулат отодвинули камень-валун и вошли в темницу, в которой находилась Лана. Андемиркан осторожно вынес на руках умирающую мать.

Вся пьеса З. Кардангушева «Андемиркан» построена на конфликтах-противоречиях и противостоянии двух непримиримых сторон в лице князей и угнетаемых им простолюдинов. Все конфликты связаны с образом Андемиркана и его противоборством с представителями правящей верхушки Кабарды. Как было отмечено выше, наиболее зримо он явлен в его противостоянии с сыном князя Беслана княжичем Пшиапшоко. Понятны и истинные мотивы такого прямого столкновения. Андемиркан – незаконнорожденный сын влиятельного князя Альхо. Но как бы Альхо лицемерно не изворачивался, у него ничего не получилось. В ходе церемонии «усыновления» Альхо требует у Андемиркана просить прощение у верховного князя. Но Андемиркан непреклонен:

«Я тоже как все другие. Я ничего не чувствую за собой, чтобы встать на колени перед зиусханом. Если хотите знать – я не дам себя в обиду, не позволю над собой издеваться. Вот начало и конец» [ФАА РГАЛИ: 55].

В итоге Альхо не мог склонить сына к послушанию перед влиятельным князьями. Андемиркан не мог поступиться своими принципами. В отместку за такие поступки и дерзость князя решают убить его.

Андемиркан в то время не мог даже предположить о возможности претендовать на закрепление за ним статуса благородного князя. Он с юношеских лет превосходил в силе княжеских детей, что никогда не нравилось их родителям. Андемиркан стал жертвой в этой неравной схватке, хотя на его стороне симпатии тех самых представителей трудового народа. Автор пьесы З. Кардангушев явно симпатизировал обычным простым людям. А народ как движущая сила показан в драме в динамике, в постоянном действии, в работе. Вдохновленные Андемирканом находившиеся под изнурительным гнетом простолюдины прониклись духом борьбы и мечтают о свободе.

Эти действия происходят перед рассветом. В данном случае рассвет воспринимается как олицетворение надежды простых людей на счастливую жизнь. В связи с тем, что рукопись текста пьесы обрывается на этом месте, мы лишаемся возможности узнать, чем именно заканчивается финальная сцена пьесы.

Итак, из груди Ланы торчала стрела, пущенная Альхо. Опечаленный Андемиркан осторожно вынимает стрелу. Перед смертью Лана успела рассказать ему историю о тайне его появления на свет, что он был рожден именно в этой темнице, куда ее позже и заточили, и что вскоре после его появления на свет ее продали в рабство. Умирающая Лана завещала Андемиркану не прощать обидчиков. Это были ее последние слова. Андемиркан перед телом матери дал клятву бороться за свободу рабов и быть их заступником, не жалея сил и жизни!

Песенные формы в пьесе

Все картины пьесы начинаются с катренов из «Песни Андемиркана», сложенной, по словам автора пьесы, самим Андемиром [ФАА РГАЛИ 2; 15; 43; 61; 74]. На наш взгляд, тем самым приемом автор связывает в единое целое происходящие события.

«Рукоятка его меча кована одним Тлъепшом,
Тлъепш наш друг надел меч на Андемиркана,
Горячий белый конь танцует для Андемиркана,
Железным панцирем наряжают Андемиркана [ФАА РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 2. Ед. хр. 513. Л. 61].

Помимо этого, в пьесе нашли отражение и другие структуры, в основе которой лежат стиховые метрики (строки, строфы), в виде песен о нелегкой доли рабов, тяжёлой судьбе служанок, пастухов, рабов у тела погибшей матери Андемиркана и т.д.

Некоторые особенности текста пьесы

В пьесе встречаются и некоторые адыгизмы, которые придают ей своеобразный фон национальной фактуры, такие как «зиусхан», «тха». З. Кардангушев глубоко понимает роль идейно-художественного значения мифологических приемов и образов в пьесе. Имя Тлъепш часто встречается в адыгской мифологии. В культурном плане образ этого героя закреплен в сознании народа в качестве покровителя кузнечного ремесла. В пьесе Тлъепш появляется в некоторых картинах с кувалдой в руке. Он испытывал к Лане теплые чувства. Но судьба их разлучила, и Тлъепщ был бессилен ей помочь в чем-либо. По ходу развития событий происходит прозрение и пробуждение Тлъепша. Встретившись во второй раз, он пытается опять оказать всяческую помощь Ляне. Но и тут его усилия по ее освобождению оказались тщетны. В силу складывающихся обстоятельств Тлъепшу так и не удалось вызволить Ляну из заточения. У нее не было других заступников. Сама Ляна верила и надеялась только на его помощь. По ходу развития действия пьесы становится известным, как Тлъепша обманным путем уговорили изготовить ядовитые стрелы. Его уверяли, что стрелы предназначены для воспитанника Андемира с целью испытания и проверки умения владеть оружием Андемиркана. Но, как оказалось, стрелы нужны были для убийства Ланы. Стрелу Тлъепша вручили ничего не подозревавшему Андемиркану. В качестве испытания Андемиркану предложили сбить яблоко, поставленное на голове невольницы Ляны. Но он, не решаясь подвергнуть риску ни в чем неповинную жизнь, выпустил стрелу в сторону. Тлъепш не мог знать обо всем этом. Так были использованы изготовленные им стрелы для князя Альхо по указке Андемира. По ходу развития действии пьесы происходит и прозрение самого Тлъепша. Он обуреваем протестными чувствами к «хозяевам жизни», принял с симпатией действия Андемиркана по противостоянию владетельным князьям. Андемиркан еще в юном возрасте нажил себе недругов в лице княжича Пшиапшоко и князя Кидиршоко. Удостоверившись в истинных намерениях Андемиркана идти неотступно на конфронтацию с представителями правящей элиты, Тлъепш тайком от него изготовил шлем (панцирь), кольчугу и меч с секретом рукоятки.

Произведение «Андемиркан» З. Кардангушева изобилует символическими знаками. Особенно показательна в этом плане финальная сцена, когда тела погибших Андемиркана и ее матери Ланы освещает нежно-розовая заря.

Андемиркан умирает, как и подобает такому герою, с обнаженным мечом в руке. Это, по нашему мнению, намек автора на прекрасное будущее. «Вы спите, а я песней донесу до народа правду о ваших страданиях» [ФАА РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 2. Ед. хр. 513. Л. 85].

Язык пьесы З. Кардангушева естественен. Он отражает особенности ее бытования в начале 40-х гг. XX в. Мудрость народа, его чаяния, традиции, знаковые поступки – все эти линии образуют сложную многоуровневую драму, полную жизненных коллизий и страстей в пьесе-трагедии «Андемиркан».

Заключение

Биография и творческое наследие З. Кардангушева еще не изучено в полной мере. Можно предположить, что еще далеко не все труды адыгского драматурга обнаружены и опубликованы. Готовящаяся к изданию неопубликованная рукопись пьесы З. Кардангушева «Андемиркан» внесет большой вклад в развитие адыгского литературоведения и театроведения. При издании рукописи планируется сохранить присущие ей аутентичные свойства, чтобы читатели и исследователи имели возможность в полной мере оценить сюжетные повороты пьесы и характеры главных героев. Аутентичный текст планируется сопроводить подстрочным переводом на русский язык. При этом в полной мере будет учтено, что одним из самых сложных аспектов перевода художественного текста (и особенно театральных сценариев) является степень вмешательства или невмешательства публикатора в текст оригинала для его адекватной передачи на ином языке.

Публикация подстрочного перевода в данном случае имеет важное значение.

Хотя пьеса построена на фольклорном материале автор остался верен эпохе в историческом ее изображении и в стиле языка. В нем чувствуется человек образованный и основательно вдумавшийся в культуру, психологию и в быт кабардинцев. Вместе с тем драматург З. Кардангушев не инсценировал исключительно фольклорный материал, дополнив его, развил и «приземлил» героя, вписав его в конкретную историческую действительность.

Подготовка к изданию и включение неопубликованной пьесы З.П. Кардангушева в современный исследовательский контекст XXI в. откроют новые страницы и расширят горизонты в воссоздании полной картины истории северокавказской драматургии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2013 – *Абазов А.Ч.* История пьесы З. Аксирова «Андемиркан» и ее место в кабардинской драматургии // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2013. – № 1 (51). – С. 151-155.

Абазов, Унатлокова 2021 – *Абазов А.Ч., Унатлокова Л.С.* К вопросу изучения деловых и коллегиально-дружеских писем репрессированного писателя Дж. Налоева // Вестник Адыгейского государственного университета. – Сер.: Филология и искусствоведение. – 2021. – Вып. 3 (282). – С. 97–105. DOI:10.53598/2410-3489-2021-3-282-97-105.

Карданов 2001 – *Карданов Ч.Э.* Путь к России: кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX века / Перевел с кабардинского В.Г. Кузьмин. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 432 с.

Налоев 1993 – *Налоев Заур.* Богатырская чаша Кардангушева // Ошхамахо. – 1993. – № 3. – С. 28–33.

ФАА РГАЛИ – Федеральное Архивное Агентство, Российский Государственный Архив литературы и искусства Ф. 2075. Оп. 2. Ед. хр. 513. – Лл. 1-85.

УЦГА АС КБР – Управление Центральный Государственный Архив Архивная служба Кабардино-Балкарской Республики, Ф. Р-187. Д. 34. – Л. 78.

Чудакова 1986 – *Чудакова М.О.* Рукопись и книга: Рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1986. – 176 с.

REFERENCES

ABAZOV A.Ch. *Istoriya p`esy` Z. Aksirova «Andemirkan» i ee mesto v kabardinskoj dramaturgii* [History of the play Z. Kardangusheva "Andemirkan" and its place in Kabardian dramaturgy]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2013. – № 1 (51). – P. 151-155. (In Russian)

ABAZOV A.Ch., UNATLOKOVA L.S. *K voprosu izucheniya delovy`x i kollegial`-no-druzheskix pisem repressirovannogo pisatelya Dzh. Naloeva* [On the issue of studying business and collegial-friendly letters of the repressed writer J. Naloeva]. IN: Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2021. – Vy`p. 3 (282). – P. 97–105. DOI:10.53598/2410-3489-2021-3-282-97-105 (In Russian)

CARDANOV *Put` k Rossii: kabardinskie knyaz`ya v istorii otnoshenij Kabardy` s Rossijskim gosudarstvom v XVI - nachale XIX veka* [The Path to Russia: Kabardian princes in the history of Kabardian relations with the Russian state in the XVI - early XIX century] / Perevel s kabardinskogo V.G. Kuz`min. - Nal`chik: E`l`brus, 2001. – 432p. (In Russian)

NALOYEV Z. *Bogaty`rskaya chasha Kardangusheva* [Bogatyrskaya chasha Kardangusheva]. IN: Oshxamaxo. – 1993. – № 3. – P. 28-33. (In Russian)

FAA RGALI Federal Archival Agency, Russian State Archive Of Literature And Art *F.2075, Op.2, Ed.Hr.513. Pp.1-85.* (In Russian)

UCGA AS KBR Department Central State Archive Archive Service of the Kabardino-Balkar Republic F.R-187. D. № 34. P.78 (KBIGI). (In Russian)

CHUDAKOVA M.O. *Rukopis' i kniga: Rasskaz ob arhivovedenii, tekstologii, hranilishchah rukopisej pisatelej* [Manuscript and book: A story about archival science, textual studies, storages of writers' manuscripts*:* Kn. dlya uchitelya. – M.: Prosveshchenie, 1986. – 176 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.Ч. Абазов – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.Ch. Abazov – Candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 30.09.2022 г.; одобрена после рецензирования 20.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Илму статья
УДК – 821.512
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-350-360
EDN: LYABXT

ТОКУМАЛАНЫ ЖАГЪАФАРНЫ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫГЪЫНЫ СУРАТЛАУ АУЛАКЪЛАРЫ

Сарбашланы Мустафаны къызы Алена
Гуманитар тинтиулени институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия, alenasarb@mail.ru, https:// orcid.org/ 0000-0002-7457-9823

Къысха магъана. Илму ишде белгили малкъар жазыучу Токумаланы Жагъафарны чыгъармачылыгъы тинтиледи. Ишни баш борчу сёз устаны ниет хазнасыны суратлау аулакъларын кёргюзтюп, аны миллет адабиятха этген къошумчулугъун белгилеудю. Статьяны башында Токума улуну жашау жолуну юсюнден къысха айтылады. Аллай билдириу жазыучуну жашау сынауу аны чыгъармачылыкъ хунерини айныууна, суратлау энчилигине не себеп этгенин ангыларгъа болушады. Токума улуну чыгъармачылыгъыны ниет эм жанр тюрлюлюгю ачыкъланады. Жазыучуну хапарларында («Агроном», «Жангылыч», «Батырлыкъ», «Следовательни хапары»), повестлеринде («Ёксюзню къадары», «Нартланы туудукълары», «Ыфчыкъ») тарых, ниет, юйюр-турмуш бла байламлы болумланы суратлайды, озгъан эм бусагъат заманланы бирикдиреди, жашауну къыланч жолларында жигитлени къылыкъларыны тюрлениулерин кёргюзтеди. Токума улуну усталыгъыны бир энчи шарты – чамчылыгъы, кюлкю сёзюню жютюлюгю, аны бла уста хайырлана билгени («Насрахожа бизни ёмюрде», «Кюлкючю Чонай») белгиленеди. Илму ишде жазыучуну «Дертли къама» деген чыгъармасына тынгылы эс бурулады: ол малкъар адабиятда биринчи трилогияды. Дагъыда сёз устаны миллет сахна чыгъармачылыкъгъа («Даража», «Ауанала», «Жамиля», «Чонай къатын алады»), сабий адабиятха («Курнаятчы Алдарбекни хапарлары») къошумчулукъларыны баямланадыла. Башында айтылхан шартла жазыучуну фахмусуна, аны чыгъармачылыгъыны эстетика даражасына, миллет маданиятны байыкъландырыууна шагъатлыкъ этедиле.

Илму ишде тарых, тенглешдириу, адабият сюзюу мадарла хайырланылгъандыла.

Баш магъаналы сёзле: Токумаланы Жагъафар, чыгъармачылыкъ, жанр эм ниет энчилик, трилогия, сахна чыгъармачылыкъ

Цитата этерге: Сарбашланы М.кь.А. Токумаланы Жагъафарны чыгъармачылыгъыны суратлау аулакълары // Кавказология. – 2022. – № 4. – С. 350-360. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-350-360. – EDN: LYABXT.

© Сарбашланы М.кь.А., 2022

Original article

ARTISTIC HORIZONS OF ZHAGAFAR TOKUMAYEV'S CREATIVITY

Alena M. Sarbasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7457-9823

Abstract. The article examines the literary heritage of the famous Balkarian writer, playwright Zhagafar Tokumayev. The main purpose of the work is to fully present the panorama of the creative work of the master of the artistic word, to determine its role in the evolution of national written literature. The article is preceded by a short autobiographical reference focusing on the influence of the writer's life experience on the formation and development of his artistic consciousness. Tokumayev's creativity is considered from the point of view of genre, thematic diversity, the ethnocultural specificity of his works is determined. Analysis of the author's aesthetic experience in small and medium epic forms (stories "Agronomist", "Mistake", "Courage", "Investigator's Story"; the stories "The fate of the orphan", "Descendants of the sleds", "The Pass") it shows a wide thematic range (istroic, moral, social, household, detective) of works, reveals characteristic artistic features (the connection of times, the evolution of consciousness of the main actors at the sharp fractures of history and in extraordinary life circumstances). The article focuses on the trilogy of J. Tokumaeva's "Dagger of Revenge", recognized as the first experience of artistic cyclization in Balkar novelistics. The constructive role of Zh is also noted. Tokumaeva in the development of drama and stage art (comedies "Imaginary authority", "Shadows", "Jamilya", "Chonai marries", included in the "golden fund" of the repertoire of the Balkarian State Drama Theater named after K. Kuliyev). The versatility of the writer's talent is evidenced by children's prose ("The Stories of Aldarbek from Kurnayat"), humorous miniatures ("Mocker Chonai"). As a result of the study, the author's desire throughout his creative life to expand genre-thematic horizons in understanding artistic reality, which subsequently contributed to the enrichment of the spiritual culture of the Balkarian ethnic group.

The article uses historical, comparative methods, the method of literary analysis.

Keywords: Zhagafar Tokumaev, creativity, genre-thematic range, trilogy, dramaturgy

For citation: Sarbasheva A.M. Artistic Horizons of Zhagafar Tokumayev's Creativity. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 350-360. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-350-360. – EDN: LYABXT.

© Sarbasheva A.M., 2022

Научная статья

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ГОРИЗОНТЫ ТВОРЧЕСТВА ЖАГАФАРА ТОКУМАЕВА

Алена Мустафаевна Сарбашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alenasarb@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-7457-9823

Аннотация. В статье исследуется литературное наследие известного балкарского писателя, драматурга Жагафара Токумаева. Основная цель работы заключается в полном представлении панорамы творчества мастера художественного слова, определении его роли в эволюции национальной письменной словесности. Статья предваряется небольшой автобиографической справкой, ориентирующей на влияние жизненного опыта писателя на формирование и развитие его художественного сознания. Творчество Токумаева рассматривается с

точки зрения жанрового, тематического многообразия, определяется этнокультурная специфика его произведений. Анализ эстетического опыта автора в малых и средних эпических формах (рассказы «Агроном», «Ошибка», «Мужество», «Рассказ следователя»; повести «Судьба сироты», «Потомки нартов», «Перевал») показывает широкий тематический диапазон (исторический, нравственный, социально-бытовой, детективный) произведений, выявляет характерные художественные особенности (связь времен, эволюция сознания главных действующих лиц на крутых переломах истории и в неординарных жизненных обстоятельствах). В статье основное внимание фокусируется на трилогии Ж. Токумаева «Кинжал мести», признанной как первый опыт художественной циклизации в балкарской романистике. Отмечается также конструктивная роль Ж. Токумаева в развитии драматургии и сценического искусства (комедии «Мнимый авторитет», «Тени», «Жамиля», «Чонай женится», вошедшие в «золотой фонд» репертуара Балкарского Государственного драматического театра им. К. Кулиева). О многогранности таланта писателя свидетельствуют детская проза («Рассказы Алдарбека из Курнаята»), юмористические миниатюры («Насмешник Чонай»). В результате исследования определено стремление автора на протяжении всей творческой жизни к расширению жанрово-тематических горизонтов в осмыслении художественной действительности, что впоследствии способствовало обогащению духовной культуры балкарского этноса.

В статье использованы исторический, сравнительный методы, метод литертуроведческого анализа.

Ключевые слова: Жагафар Токумаев, творчество, жанрово-тематический диапазон, трилогия, драматургия

Для цитирования: Сарбашева А.М. Художественные горизонты творчества Жагафара Токумаева // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 350-360. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-350-360. – EDN: LYABXT.

© Сарбашева А.М., 2022

Малкъар адабиятны тарыхында Токумаланы Зубейирни жашы Жагъафарны (1935–2012) чыгъармачылыгъы тийишли жер алгъанды. Ол миллет маданиятха уллу къошумчулукъ этгенди, бютюнда суратлау сёзню айныууна салгъан къыйынын энчи айтырчады. Жазгъан чыгъармалары бла [Токумаев 1966; 1969; 1976; 1979; 1983; 1985; 1993; 2006] Токума улу миллет окъуучуну эсин бийлегенди, эстетика сезимлерин кючлендиргенди. Жазыучуну ниет хазнасыны, аны суратлау даражасыны юслеринден илму ишледе [Теппеев 1995а; Толгуров 2010; Сарбашева 2003, 2010; Болатова (Атабиева) 2020], газетлени, журналланы бетлеринде басмаланнган статьялада да [Кагермазов 1995; Кузьмин 1980; Лехтина 1980] тынгылы айтылгъанды.

Токумаланы Жагъафарны жашау эм чыгъармачылыкъ къадары халкъыны къадары бла байламлы болгъанды. Ол Къабарты-Малкъарда Ташлы-Тала деген элде туугъанды. 1944-чю жылда тогъузжыллыкъ жашчыкь халкъы бла бирге Орта Азиягъа кёчюрюлгенди. Къазахстанны Талды-Курган областында Коксуйск орта школун бошагъанды, урунуу жолун Къыргъыстанда Къызыл-Къаяда «Жал» деген кёмюр шахтада башлагъанды. Жагъафар 1956-чы жылда миллети бла бирге Ата журтуна къайтханды. Аз заманны ичинде книготоргда ишлегенди. Малкъар халкъны миллет автономиясы къайтарылгъаны бла байламлы, ана тилде газетле, китапла чыгъып, радио бериуле да бардырыла башлагъанда, 1957-чи жылдан башлап, 1961-чи жылгъа дери Жагъафар «Коммунизмге жол»

(бусагъатда «Заман») газетде ишлегенди. Андан республикалы радиогъа кёчюп, анда да онюч жыл (1961–1974) уруннганды. Алай бла, ол жыллада миллет маданиятны жангырыууна къыйын салгъанды.

1963-чю жылда КъМКъУ-ни малкъар тил бла адабият бёлюмюн бошагъанды. 1986–1988-чи жыллада Токума улу Али Шогенцуков атлы Къабарты-Малкъар къырал театрда малкъар труппаны адабият бёлюмюню башчысы, 1988–1989-чу жыллада сабийлеге аталгъан ана тилде басмаланнган «Нюр» журналны редактору болуп да ишлегенди.

1975-чи жылда Токумаланы Жагъафар СССР-ни жазыучуларыны биригиуюне киргенеди. Миллет маданиятны, адабиятны айныууна салгъан къыйыны ючюн, Токумаланы Жагъафар 1985-чи жылда КъМР-ни Баш Советини Президиумуну Сыйлы грамотасы бла саугъаланнганды, 1995-чи жылда уа «КъМР-ни искусстволарыны сыйлы къуллукъчусу», 2012-чи жылда «КъМР-ны халкъ жазыучусу» деген бийик атлагъа тийишли болгъанды.

Токумаланы Жагъафарны жазыучулукъ жолу озгъан ёмюрню алтмышынчы жылларында башланады. Ол къаламыны жютюлюгюн гитче жанрлада сынайды. 1961-чи жылда хапарладан къуралгъан «Агроном» деген жыйымдыгъы бла окъуучулагъа белгили болады. Жазыучу иш кёллю эм урунуда жалгъан даражалагъа итиннген, бийик къуллукълагъа жанларын атхан адамланы араларында келишимсизликни юсюнден жазады. Ол къырал оноучулукъ, башчылыкъ бла байламлы сорууланы ачыкъларгъа итинеди. Жагъафарны хапарларыны жигитлерини инсан борчларына къарамлары бирча тюйюлдю. Сёз ючюн, Хасан («Агроном») сакъ эсе, Ахмат («Жалгъан даража»), Азамат («Жангылыч»), жашауда тынч жолланы сайлап, къуллукъларын ёсдюрюрге итинедиле. Токумаланы Жагъафар шахарны бла элни араларында чюйреликлени суратлайды. Анга кёре, тёлюню къылыгъында намыс, тюзлюкге итиниуу белгиленедиле. Юлгюге, «Жангылыч» деген хапарда шахар жашаугъа алданып, юйюр насыбын бузгъан Фатимат бир талай замандан юйдегисине къайтып, жангы жашау къурайды. Жашлыкъда этилген терсликни тюзетирге онг табылады.

Къысха хапарларында, повестьлеринде да жазыучу жашауну юсюнден хапарлауун тынгылы бардырады. Ол чыгъармаларында («Батырлыкъ», «Следовательни хапары») бусагъат бла озгъан заманланы бирикдиреди. Токумаланы Жагъафарны юйюр-турмуш жашаугъа жораланнган хапарлары да («Атаны ачыуу бла къууанчы», «Кимди бу?») уста жазылгъандыла. Малкъар адабиятда ол чамчыды, сёзню жарашдыра, кюлкю бла лакъырданы уста хайырлана билген жазыучуду. Аны «Насрахожа бизни ёмюрде», «Кюлкючю Чонай» деген хапарлары ол жаны бла белгилидиле.

1960-чы жылланы экинчи жарымында Токумаланы Жагъафар «Ёксюзню къадары» (1966), «Нартланы туудукълары» (1969) деген повестьлери бла окъуучуну шагъырей этеди. Чыгъармаланы баш жигитлери Мурат («Ёксюзню къадары»), Азамат, Асият («Нартланы туудукълары») сюргюнде туугъан жаш тёлюню келечилеридиле. Жазыучу, аланы къадарларын суратлай, ишге сюймеклик, миллетлени арасында тенглик, шуёхлукъ дегенча ышанланы сюзеди.

1970-чи жыллада Токумаланы Жагъафарны чыгъармачылыгъы жангы жетишимле бла белгиленнгенди. Жазыучу, жашаугъа жангы кёзден къарап, аны тынгылы суратларгъа итинеди. Сёз ючюн, «Ыфчыкъ» деген повести (1972) тёрели «аталаны бла балаланы араларында чюйреликлеге» кёре къуралгъанды. Мазан школда осал окъуйду, анасыны жылыууна къысылып, жашауда кеси аллына атлам этерге эринеди. Ол аскерге да сюймей барады. Атасы Къайырбек, урушну ветераны, жашына ыразы тюйюлдю. Болсада Мазан аз-аздан тюрленеди. Чыгъарманы баш ниети инсанны къылыгъын иги жанына тюрлендириуде жашау болумланы магъаналары уллуду демекликди.

1970–1980-чы жыллада малкъар адабиятда Токумаланы Жагъафар «Дертли къама» деген уллу эпикалы чыгъармасы бла атын айтдырады. Ол малкъар адабиятда биринчи трилогиягъа саналады. Аны мурдору юч романдан къуралгъанды: «Дертли къама» (1976), «Къурч бюгюлмейди» (1979), «Жукъусуз таула» (1983).

«Дертли къаманы» юсюнден кеслерини оюмларын орус кесаматчыла да айтхандыла. Сёз ючюн, Л. Лехтина «Лавина с гор» деген статьясында чыгъарманы баш жетишимлеринден бири – тарых болумлада адамны эси, жашаугъа къарамы тюрленнгенин чертгенди [Лехтина 1980].

Трилогияда малкъар халкъны жашаунда болгъан тарых болумла суратланадыла. «Дертли къамада» XX-чы ёмюрню ал жылларында (1906–1922) жангы власть тохташхан кезиу, жарлыланы бла байланы араларында баргъан кюреш ачыкъланады. «Къурч бюгюлмейди» деген романда уа 1926–1942-чи жылла суратланадыла, «Жукъусуз таулада» Уллу Ата Журт урушну, кёчгюнчюлюкню, халкъыбыз туугъан жерине къайтхан заманны юслеринден хапарланады. Биринчи китапда жазыучу жигитлени сыфатларын, марда эстетиканы жорукъларына бойсуна, класс сезимге кёре къурайды. Эменланы Жамбот, Дадаш, Ислам, Тазрет, Зарамукъ дегенча кеси къыйынлары бла жашагъанлагъа Къужон бий, Сосран эфенди, Мыртаз чюйре сюеледиле. Къужон бийни халкъгъа сынатхан артыкълыгъы романда уста ачыкъланады. Аны огъурсузлугъун, адамсызлыгъын белгилер муратда жазыучу, масхара эте, къара бояула бла хайырланады (*«Къужон да, Сосран эфенди да, Къамбот да, Элбек да, дагъыда бир къаум чанкала да, зынтхыдан тойгъан хоразлача, дёрденлерин кёпдюрюп …айланадыла»; «Къужон… тюйюшюрге хазырланнган бугъача, юйюне башын алгъа тутуп кирди…»).*

Жазыучу жигитлени къылыкъларыны, сезимлерини тюрлениулерин белгилер муратда аланы сагъышларын, ич дунияларын кёргюзтюрге итинеди «Адам сукъланырча кюнюм болгъан болурму? – деп сагъышланады Жамбот. – Угъай, ачыудан бла азаплыкъдан этилген жашаунда ол аллай кюню болгъанды деп билмейди». Жигитни быллай «ич оюмлары» аны къадарын ачыкъларгъа болушадыла.

Романда эсде къалырча къуралгъан сыфатладан бири Къужон бийни жалчысы Хышмышды. Аны тюз аты Хажибекирди. Алай ол аты бла анга киши сёлешмейди. Хышмыш тилсизди эм къылыгъыны баш шарты – иесине кертичилигиди. «Тор байтал бла Хышмыш болмаса, юйюбюз эртте тюп боллукъ эди…», – деп бошдан айтмайды Къужон бий. Хышмышны жашаууча, ич дуни-

ясы да къарангыды: иесини оноуу бла ол кесича жарлылагъа артыкълыкъ этерге да базынады. Хышмышны кечиннген жери «ит орун кибик, не ожагъы, не терезеси болмагъан, гитче таш гытыды». Романны жигити, окъуучуланы сезимлерин къозгъай, сагъышландыра, кесине жан аурутдурады, жарсытады, бир-бирледе уа сейирсиндиреди.

Жамбот да, Хышмышча, жарлыды, Къужонну жалчысы болуп кёп жылланы ишлейди. Алай ол табийгъат бла берилген, къан бла, жан бла келген адамлыкъ шартын тас этмейди. Жамботну ич дуниясы къарангылыкъдан бла огъурсузлукъдан азатды. Жамбот зорлукъну къурманы болады. Ёлюрден алгъа ол жашы Исламгъа аны ючюн дерт жетдирирге осуят этеди. Алай жаш атасыны осуятын тюз ангыламайды: ол жаланда Къужон бийни ёлтюрюрге итинеди. Жамботча жоюлгъан адамланы осуятларын толтурур ючюн, кюрешни кенг жолуна чыгъаргъа керек болгъанын жаш ангыламайды. Жазыучуну баш борчу къуру да жашауда болгъан тарых болумланы юслеринден хапарлау бла чеклеип къалмай, адам улуну ол болумла бла байламлыгъын, аны бла бирге уа ич дуниясыны тюрленнгенин суратлауду.

«Къурч бюгюлмейди» деген романда Ислам Уллу Ата журт урушдан сакъат болуп къайтады. Чолакъ адамны эси да, къылыгъы да тюрленедиле. Аны ич дуниясы жарсыулу сагъышладан толуду.

Чыгъармадан чыгъармагъа жазыучуну суратлау къолайы ёседи. Токумаланы Жагъафар тарых кертиликни («…*бузулгъан дуния… акъыллыны тели хорлагъан ёмюр…»),* заманны ажымлылыгъын ачыкъларгъа итинеди. Жазыучуну тарых оюму тюрленеди, инсанны жамауат бла байламлыгъы жангы суратлау кюч алады. Автор марда эстетиканы жорукъларарындан азатланады. Жигитлени къылыкълары, тёредеча, класс сезимге кёре къуралмайдыла, инсанны этген ишлери, оюмлары жарлылыкъ неда байлыкъ бла ёнчеленмейдиле.

«Къурч бюгюлмейди» деген романда тынгылы къуралгъан сыфатладан бири Камммойду. Ол жашаугъа тюз кёз бла къарагъан, адамлыгъы болгъан, кеси къыйыны бла жашагъан жигитди. Каммой, тарых тюрлениулени ангылап, аны бла бирге миллетине хайырлы иш этеди. Алай аны тюз оюмун барысы да бирча къабыл кёрмейдиле. Каммойну кеси къыйыны бла жыйышдыргъан ырысхысын Совет властьны Чёрчек улу Шам дегенча келечилери артыкълыкъ этип сыйырадыла. Алай бла, къол къыйыны бла жашагъан адам да «халкъны душманы» деген атха тийишли болады. Жангы къырал къуллукъчула, тюзлюк, тенглик деген ырысхыланы кеслерича ангылап, Каммойчалагъа артыкълыкъ этедиле. Аллай жарсыулу ишле тюз ниетли жигитлени (Ислам, Къаспот, Хасау, Суфиян) къайдады тюзлюк деп сагъышландырадыла. «Ислам – дейди жигитледен бири, – сиз, балшибикле, дуниягъа тюзлюк салабыз деп айланасыз. Алай эсе ёзденлеге былай артыкълыкъ нек этесиз? Малларын, жерлерин сыйырып, факъыра этдигиз. Аны бла да къалмай, жашагъан журтларындан къыстаргъа дейсиз…». Совет власть кёплени «тунчукъдургъанды». Ажымлы болумла адамланы жарсытадыла деген оюмну сылтауу олду.

Адам, башына эркинлик излегенликге, къылыгъында кемчиликледен азатланалмайды. Юлгюге Чёрчек улуну сыфатын энчи белгилерчады. Анычала, дертчилик сезимге хорлатып, адамлыкъларын тас этедиле, кюйсюзлюкню отун

жандырадыла. «Адамланы жюреклерине быллай кюйсюзлюк къайдан келгенди?.. Адамларыбызгъа ниет бузукълукъ къайдан чыкъды?..» – деп, ичинден жарсыйды Къаспот. Кеси къыйынлары бла байлыкъгъа жетишгенлени къайгъылы да, ажымлы да къадарларыны сылтауу – «къыраллыкъ ишлени оноуу жекбашланы къолларына тюшюп», жамауатны тентиретедиле. Токумаланы Жагъафарны бу чыгъармасы энди тохташхан жангы власть – артыкълыкъ бла зорлукъну келечисиди деген ниет бла байламлыды.

«Жукъусуз таула» деген ючюнчю китабында Исламны, аны бла бирге уа саулай халкъны къадарында кёчгюнчюлюк бла байламлы бушуулу болумла суратланадыла. Бирле (Къаспотчала, Каммойчала) терк эс жыядыла, башхала уа (Исламчала) кёп тюрлю сынауладан ётерге керек боладыла. Ислам, сёз ючюн, халкъын кёчюрген заманда, «къаты жел чайкъалтхан терекча, башын да энишге бошлап, эки жанына чайкъала сюеледи. Ол алыкъа кеси кесине келалмай турады. Ленинчи ниетлери ючюн кюрешге битеу жашаууп, кючюн да берген адам къарап-къарагъынчы битеу дуниягъа бедишлик болду…». Тарых болумла бла байламлы баш жигитни жашау сынауна кёз къарамы тюрленеди, ол уллу ачыуну азабын сынайды. Анга кёре жазыучу жашау, тарых кертиликни сакъларгъа итинеди. Энчи айтханда, Токума улуну кёчгюнчюлюкню бушуулугъун суратлауда жашау кертиликге табыннганы баямды.

«Дертли къама» деген трилогияда жазыучу халкъда жюрюген тёрелени (юйюр къурау, сабий туугъан, къонакъбайлыкъ) тынгылы суратлайды, анга кёре, чыгъарманы миллет энчилиги шартды. Жигитлени этген ишлери, жашауда атламлары миллет адетлеге бойсунадыла. Романны суратлау энчиликлеринден бири тюшле бла хайырланыуду. Сёз ючюн, Жамботну тюшюнде къара къуш жыртылгъан бёркюн алып кетеди (къызы Фазика сынарыкъ намыссызлыкъ ишни белгиси). Къужоннну инбашына къоннган къаргъа да аны ажымлы къадарыны белгисиди. Мария уа тюшюнде от жагъаны ёчюлгенин кёреди. Ол да халкъ кёчгюнчюлюк къыйынлыкъны сынарыны белгисича ангылашынады.

Суратлау чыгъарманы магъанасы, даражасы да жазыучуну халкъны жашау турмушун, адет-тёрелерин иги билгени бла байламлы болгъаны шартды. Миллетни къылыгъын, адеплилигин, аны тарых жолун толу ачыкълауда халкъны ниет хазнасы бла байламлыкъ себеплик этеди [Сарбашева 2017: 38].

Токумаланы Жагъафар миллет сахначылыкъны айныууна да уллу себеплик этгенди. Ол жазгъан сахна чыгъармала малкъар театрны жашаунда тёрели жерни алгъандыла. Драматург асламында кюлкюлю жанргъа эс бургъанды: «Даража», «Ауанала», «Жамиля», «Чонай къатын алады». Драматург жамауатны жарсытхан соруулагъа жуапла излейди, бусагъатдагъы жашауда инсанланы адеп-намыс дунияларын тинтеди. Масхара сёзню, кюлкюню болушлугъу бла адамны къылыгъында баямланнган кемчиликле ачыкъланадыла, малкъар халкъны юйюр-турмуш жашауу суратланады. Сахначы эсде къалырча жигитлени къаууму кёргюзтгенди. Сёз ючюн, Чонай Гонаевични сыфаты. Аныча хыйлачы адамны сыфаты бла миллетде эслене тургъан бузукъ ниетле, айыплы шартла ачыкъланадыла. Ол жаны бла Жагъафар «Ауанала» деген сахна чыгъармасында Къынгырбашланы Кюмюшхан, Бермезланы Къушбий дегенча жигитлерини къылыкъларында кёп тюрлю шарайыпланы белгилейди. Алай ав-

торну башха сахна чыгъармаларында жигитле этген ишлери, жюрюшлери бла бир бирлерине ушагъанларын да айтыргъа керекди. Сёз ючюн, Кюмюшхан, Чонай («Ауанала»), Шахийдат, Шохай («Даража») бир бирге жууукъдула. Болсада ушашлыкъ бир бирлерин къайтарыу тюйюлдю, ол жигитлени къылыкълары айныгъанларын кёргюзтюрге итинмекликди. Жагъафарны жигитлерини бир къаууму жахиллик, улутхачылыкъ, къызгъанчлыкъ, малкёзлюк деген шартланы келечисидиле. Аллайла бла окъуулу-билимли, адепли, иш кёллю Бабун, Харун («Жалгъан даража»), Айшат, Кезибан («Ауанала») кюреш бардырадыла.

Токумаланы Жагъафар миллетни тарыхына жораланнган «Эмина» деген сахна чыгъарма да жазады. Анга кёре салыннган оюн къараучуланы ыразы этгенди, миллет сахначылыкъда тийишли жерин тапханды.

Малкъар жазыучу сабий адабиятны айныууна да къошумчулукъ этгенди. Аны «Курнаятчы Алдарбекни хапарлары» (1993) деген китабы гитче окъуучулагъа аталгъанды. Аны юсюнден Тёппеланы Алим былай жазгъанды: «Жагъафарны курнаятчы Алдарбеги малкъар сабий адабиятны айтхылы жигити болуп, таулу сабийчикле аны сюйюп, биргелерине нёгер этерча аллай сыфат болуп барады. …Жагъафарны хайырындан биз бюгюнлюкде малкъарны кесини Мюнхаузени, Алдаркёсеси да барды деп айтыргъа, ёхтемленирге да къолубуздан келликди» [Теппеев 1995b: 602]. Дагъыда жазыучу жомакъ халда «Патчахны сокъур къызы» деген пъесаны жарашдыргъанды: анга кёре салыннган сахна оюн жаш къараучуланы эслерин бийлегенди.

Токумаланы Жагъафар миллетле арасында шуёхлукъну багъалай билген жазыучуладан болгъанды. «Атаны ачыуу бла къууанчы» деген хапарда жигитледен бири Къаншау былай айтады: «Орусу да, малкъары да, къазагъы да, къабартысы да – барысы да жерни юсюнде жашайдыла, ала барысы да адамладыла». Аллай сёзлени кючю бла жазыучу адам улугъа сюймеклик сезимин, башха миллетлеге намыс эте билгенин кёргюзтгенди. Ол себепден аны жигитлерини санында башха миллетлени келечилерин да кёрюрге боллукъду. Сёз ючюн, «Дертли къама» деген трилогиясында жигитлени санында къабарты халкъны келечилери Зарамукну, Кунаны, Марияны, Тазретни жарыкъ сыфатлары суратланадыла.

Жазыучуну чыгъармалары башха тиллеге (орус, къазазах, туркмен, украин, къабартылы, татар) кёчюрюлюп, тыш миллетли окъуучуланы жюреклерине да жол тапхандыла. Аллай магъаналы кёчюрмеледен бири «Дертли къама» деген трилогияды: ол 2001-чи жылда къабарты тилге кёчюрюлюп басмаланнганды [Токумаев 2001].

Токумаланы Жагъафарны ахыр чыгъармаларындан бири «Мени ёмюрюм» (2006) деген биографиялы романы болгъанды. Мында жазыучу озгъан заманны бийигинден жашау сынаууп, кеси ёмюрюнде кёрген, сынагъан болумланы сюзеди. «Къанлы урушну бла кюйсюз кёчгюнчюлюкню къара жабыулары къаралтхан къарангы жылланы къыяма тузагъында сынсый, дуниядан жиляй-жиляй кетген жазыкъ таулу аналарыбызгъа ёмюрлюк эсгертмеча атайма бу китабымы», – деп жазады Токума улу чыгъармасыны ал бетинде. «Мени ёмюрюм» жазыучуну эсгермесича жазылгъан эсе да, суратлау-ачыкълау кючю тынгылы тарых романнга тийишлиди» [Толгуров 2010: 74]. Роман эки кесекден къуралады:

ал кесегинде («Къысталыу») жазыучу озгъан ёмюрню биринчи жарымында халкъыны тарых жолун, аны бла бла бирге сынагъан бушуулу кёчгюнчюлюкню юсюнден хапарлайды, экинчи жарымында («Къайтыу») уа миллетни туугъан жеринде жангы жашауун суратлайды. Жазыучу чыгъармада кесини къадарын халкъыны къадарындан айырмайды, аланы бирликлерин кёргюзтеди.

Белгили алим Толгъурланы Зейтун Токумаланы Жагъафарны чыгъармачылыкъ ишине тийишли багъа бергенди: «Ёмюрледе унуталмазлыкъ, адамны атын айтдырып турлукъ – ол миллетини маданиятына, миллет байлыгъына сагъайып, фахму кючюнгю алагъа бойсундура билмекликди. Жагъафарны фахмусу уа кёп бутакълыды, хар бири ариу чагъып, жашилленип, миллет маданиятыбызгъа къошулуп, окъуучулагъа жылыу берип тургъан. Аны айтханым, Токума улуну къара сёз бла жазылгъан повестьлери, романлары… сёз искусствобузну тёрюнде жерлерин тапхандыла» [Толгуров 2010: 68].

Илму ишни ахырында бу оюмгъа келебиз: Токумаланы Жагъафар чыгъармачылыкъ къадарында суратлау аулакъларын кенгертирге итиннгенди, нет хазнасы бла малкъар халкъны адабиятын, маданиятын да байыкъландыргъанды.

Хайырланылгъан ишле

(Источники и Литература)

Болатова (Атабиева) 2020 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Теоретическое осмысление проблемы художественной циклизации (карачаево-балкарская поэзия и проза) // Электронный журнал «Кавказология». – № 3. – 2020. – С. 187–204.

Кагермазов 1995 – *Кагермазов Б.* Разносторонний талант // Кабардино-Балкарская правда. – 1995. – 7 июля.

Кузьмин 1980 – *Кузьмин В.* Путь к зрелости // Кабардино-Балкарская правда. – 1980. – 11 апр.

Лехтина 1980 – *Лехтина Л.* Лавина с гор // Литературная Россия. – 1980. –30 мая.

Сарбашева 2003 – *Сарбашева А.* Токумаев Жагафар // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.) Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 343–346.

Сарбашева 2010 – *Сарбашева А.М.* Токумаев Жагафар // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 685–692.

Сарбашева 2017 – *Сарбашева А.М.* Специфика взаимодействия балкарской литературы 70-80-х годов XX века с фольклором (на материале повести «Солнце не заходит Алима Теппеева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-1 (74). С. 38–40.

Теппеев 1995a – *Теппеев А*. Путь к творческим высотам // Литературная Кабардино-Балкария. – 1995. – № 2. – С.45–51.

Теппеев 1995b – *Теппеев А*. Чыгъармачылыкъны ёр жолунда (На крутом пути творчества) // Токумаев Ж. Сайламала (Избранное). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – Б. 595–603.

Токумаев 1966 – *Токумаев Ж.* Ёксюзню къадары (Судьба сироты): Повесть, рассказы. – Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басма (Кабардино-Балкарское книжное издательство), 1966. – 158 б.

Токумаев 1969 – *Токумаев Ж.* Нартланы туудукълары (Потомки нартов): Повесть, рассказы. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 156 б.

Токумаев 1976 – *Токумаев Ж.* Дертли къама (Кинжал мести): Роман. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 284 с.

Токумаев 1979 – *Токумаев Ж.* Къурч бюгюлмейди (Сталь не сгибается): Роман. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 388 б.

Токумаев 1983 – *Токумаев Ж.* Жукъусуз таула (Бессонные горы): Роман. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 284 б.

Токумаев 1985 – *Токумаев Ж.* Ауанала (Тени): Сборник повестей, рассказов, пьес. – Нальчик: Эльбрус,1985. – 384 б.

Токумаев 1993 – *Токумаев Ж.* Курнаятчы Алдарбекни хапарлары (Рассказы Алдарбека из Курнаята): Рассказы. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 73 б.

Токумаев 2001 – *Токумаев Ж.* ЛъыщIэж къамэ. Роман (Тхылъищу зэхэт). АдыгэбзэкIэ зэзыдзэкIар ШэджыхьэщIэ (Токумаев Ж. Х. Кинжал мести: роман-трилогия /Пер. Х. Т. Шекихачева). – Налшык: Эльбрус, 2001. – Нап. 564.

Токумаев 2006 – *Токумаев Ж.* Мени ёмюрюм (Мой век): Биография роман (Биографический роман). – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 416 б.

Толгуров 2010 – *Толгуров З.Х.* Насып берген жазыучулукъ жол (Творческий путь, подаривший счастье) // Минги тау (Эльбрус). – 2010. – Б. 68–74.

REFERENCES

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Teoreticheskoe osmyslenie problemy khudozhestvennoi tsiklizatsii (karachaevo-balkarskaya poeziya i proza)* [Theoretical understanding of the problem of artistic cyclization (Karachay-Balkarian poetry and prose)] IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – № 3. – 2020. – P. 187–204.

KAGERMAZOV B. *Raznostoronnii talant* [Versatile talent] IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1995. – 7 july (In Russ.).

KUZMIN V. *Путь к зрелости* [The path to maturity] IN: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1980. – 11 april (In Russ.).

LEHTINA L. *Lavina s gor* [Avalanche from the mountains] IN: Literaturnaya Rossiya. – 1980. – 30 may. (In Russ.).

SARBASHEVA A. *Tokumaev Zhagafar* [Tokumaev Zhagafar] IN: Pisateli Kabardino-Balkarii (XIX – konets 80-kh gg. XX v.) Biobibliograficheskii slovar'. – Nal'chik: El'-Fa, 2003. –S. 343-346. (In Russ.).

SARBASHEVA A. *Tokumaev Zhagafar* [Tokumaev Zhagafar] IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury*. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – P. 685–692. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Spetsifika vzaimodeistviya balkarskoi literatury 70-80-kh godov khkh veka s fol'klorom (na materiale povesti «Solntse ne zakhodit Alima Teppeeva)* [The specifics of the interaction of Balkarian literature of the 70s and 1980s of the twentieth century with folklore (on the material of the story "The Sun does not enjoy Alim Teppeyev)]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2017. № 8-1 (74). – P. 38–40. (In Russ.).

TEPPEEV A. *Put' k tvorcheskim vysotam* [Way to creative heights] IN: Literaturnaya Kabardino-Balkariya. – 1995. – № 2. – P. 45-51. (In Russ.).

TEPPEEV A. *Chyg"armachylyk"ny er zholunda* [On the steep path of creativity] IN: Tokumaev Zh. Sailamala. – Nal'chik: El'brus, 1995. – P. 595-603. (In Balkarian).

TOKUMAEV ZH. *Eksyuznyu k"adary* [The fate of an orphan]. – Nal'chik: El'brus, 1969. – 156 p. (In Balkarian).

TOKUMAEV ZH. *Dertli k"ama* [Dagger of revenge]. – Nal'chik: El'brus, 1976. – 284 p. (In Balkarian).

TOKUMAEV ZH. *K"urch byugyulmeidi* [Steel doesn't bend]. – Nal'chik: El'brus, 1979. –388 p. (In Balkarian).

TOKUMAEV ZH. *Zhuk"usuz taula.* [Sleepless mountains]. – Nal'chik: El'brus, 1983. – 284 p. (In Balkarian).

TOKUMAEV ZH. *Auanala* [Shadows]. – Nal'chik: El'brus, 1985. – 384 p. (In Balkarian).

TOKUMAEV ZH. *Kurnayatchy Aldarbekni khaparlary* [Tales of Aldarbek from Kurnayat]. – Nal'chik: El'brus, 1993. – 73 p. (In Balkarian).

TOKUMAEV ZH. *L"yshchIezh k"ame.* [Dagger of Vengeance: A Novel Trilogy]. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 564 p. (in Kabardian).

TOKUMAEV ZH. *Meni emyuryum* [My age]. – Nal'chik: El'brus, 2006. – 416 p. (In Balkarian).

TOLGUROV Z.KH. *Nasyp bergen zhazyuchuluk" zhol* [The creative path that brought happiness]. IN: Mingi tau. – 2010. – P. 68–74. (In Balkarian)

Авторну юслюнден билдириу

Сарбашланы М.кь.А. – филология илмуланы доктору.

Information about the author

A. M. Sarbasheva – Doctor of Science (Philology), associate professor.

Информация об авторе

А. М. Сарбашева – доктор филологических наук, доцент.

Статья редакциягъа 08.10.2022 келгенди; кесамат этилгенден сора 08.11.2022 къабыл кёрюлгенди; басмагъа 15.12.2022 алыннганды.

The article was submitted 08.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022 г.; одобрена после рецензирования 00.00.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

Научная статья
УДК 82.091
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-361-375
EDN: NBIGWP

ДЕСКРИПТИВ НОВОПИСЬМЕННЫХ ЛИТЕРАТУР: ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛЕВАНТНЫХ УРОВНЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Тахир Зейтунович Толгуров[1], **Юрий Мухамедович Тхагазитов**[2], **Лариса Мустафаевна Аппаева**[3]

[1] Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия, kangaur64@yandex.ru

[2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, yutkhag@gmail.com

[3] Государственная телерадиокомпания Кабардино-Балкарской Республики, Нальчик, Россия, lara.appaeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции фольклорных описаний и проблеме идентификации традиционных выразительных структур в качестве типологических маркеров. Утверждается, что теория «ускоренного развития литератур», особенно, ее положения о дрейфе выразительных структур из пространства устного народного творчества в авторскую литературу, во многом является результатом воздействия на этническую культуру тезисов идеологических доктрин. Делается вывод о стадиальном развитии дескриптива в долитературный период и предлагается схема его функциональной классификации; утверждается при этом, что наличие архаичных типов описаний в текстах не является результатом воздействия фольклорной эстетики и не может служить основанием определения литературной системы в качестве «новописьменной». Основная концепция статьи – существование уровней описания персонажа, возникновение которых связано с соответствующими эволюционными периодами развития общества и устного народного творчества, уровней, предусматривающих модификацию информационного контента описываемых объектов от безусловных и не активированных в сюжете и характере героев маркеров до выделенных признаков и атрибутов, используемых осознанно и целенаправленно. Разбор эволюционных модификаций дескриптива, анализ его функциональных ресурсов и возможностей приводят авторов статьи к выводу о некорректности некоторых категорий и понятий теории «ускоренного развития» в отношении литератур народов Северного Кавказа. Кроме того, ими поднимается вопрос о применимости моделей донорного воздействия альтернативных культурных представлений на традиционные – в данном случае, на русскую – литературы.

Ключевые слова: новописьменная, фольклор, авторская литература, донорный, дескриптив, информация, зооморфный, маркер, антропогенный, солярный, хтонический, эволюционный, национальный, адаптивный

Для цитирования: Толгуров Т.З., Тхагазитов Ю.М., Аппаева Л.М. Дескриптив новописьменных литератур: формирование релевантных уровней информации // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 361-375. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-361-375. – EDN: NBIGWP.

© Толгуров Т.З., Тхагазитов Ю.М., Аппаева Л.М., 2022

Original article

THE DESCRIPTIVE OF NEW LITERATURE: THE GENERATION OF RELEVANT INFORMATION LEVELS

Tahir Z. Tolgurov[1], **Yuri M. Tkhagazitov**[2], **Larisa M. Appaeva**[3]

[1] Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, kangaur64@yandex.ru

[2] Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russia, yutkhag@gmail.com

[3] State Television and Radio Company of Kabardino-Balkarian Respublik, Nalchik, Russia, lara.appaeva@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the folklore descriptions' evolution and the problem of identifying traditional expressive structures as typological markers. The article argues that the theory of "accelerated development of literatures", especially its provisions on the drift of expressive structures from the space of oral folk art into the author's literature, is mainly the result of the impact on the ethnic culture of the theses of the ideological doctrines. Authors conclude about the stadial development of the description in the pre-literary period and propose a scheme for its functional classification, arguing that the archaic descriptions in texts is not the result of folklore aesthetics influence and cannot serve as a base for defining the literary system as a "new-written". The main concept of the article is the existence of character descriptive layers, the emergence of which is associated with the corresponding evolutionary periods of the society's development and the oral folk art; levels providing for the modification of the information content of the described objects from unconditional and non–activated markers in a plot and characters, to highlight features and attributes used consciously and purposefully. Analysis of the evolutionary modifications of the description, analysis of its functional resources and capabilities leads the article's authors to the conclusion that some categories and concepts of the theory of "accelerated development" are incorrect in relation to the literatures of North Caucasus people. In addition, they raise the question if the donor impact models of alternative cultural representations on the traditional is applicable (in this case, on Russian) literatures.

Keywords: newly-written, folklore, author's literature, donor, descriptive, description, information, zoomorphic, marker, anthropogenic, solar, chthonic, evolutionary, national, adaptive

For citation: Tolgurov T.Z., Thkagazitov Y.M., Appaeva L.M. The descriptive of new literature: the generation of relevant information levels. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 361-375. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-361-375. – EDN: NBIGWP.

© Tolgurov T.Z., Thkagazitov Y.M., Appaeva L.M., 2022

Понятие «новописьменные (ранее – «младописьменные») литературы» тесно связано с теорией «ускоренного развития» [Гачев 1964]. В системе теоретических положений своего фактического создателя – Г.Д. Гачева комплекс понятий и концептов, описывающих так называемое донорное влияние традиционных культурных ареалов на вновь образованные, либо недавно измененные, по умолчанию, не касается компонентов доминирующих литератур. Они представляют собой инструментарий анализа систем словесного творчества народов-реципиентов. В современных исследованиях тезис о безусловном и всеобъ-

емлющем эволюционном влиянии русской литературы на национальные уже подвергается сомнению [Узденова 2016: 61], однако он долгое время задавал не только ордер критического и теоретического рассмотрения контекста, но, вполне вероятно, этот самый контекст форматировал – по крайней мере, в определенных пределах.

Проецируя категории и дефиниции «новописьменности» на соотношения национального фольклора и национальной авторской литературы, в качестве одного из итогов мы получаем константные форманты фольклорной генерации, согласно принятым в СССР доктринам, настолько стабильные, что они включаются в нарратив авторских текстов, не претерпевая изменений на всей протяженности эволюционного движения конкретной литературы. Весьма показательны в этом плане сопоставления художественных текстов различных эпох, в которых ученые не замечают разницы в функциях фольклорных и этнографических деталей и даже подводят под эту монохромную оценку некое подобие теоретического обоснования [Рыбаков 1974: 4-5]. Неясно, насколько официальное, реализованное в теоретическом и критическом корпусах исследований позиционирование этнической художественной словесности влияет на скорость и характер ее развития. Но понятно, что сегодня, в условиях модернизации и трансформации культурного пространства народов России – не всегда корректного и позитивного – эстетическое состояние таковых нуждается в кардинально новом институциональном и оценочном подходе, лишенном, как минимум, черт секуляризированных, ангажированных оценок. Это – современные ожидания коллективного сознания народов РФ, актуальность которых очевидна.

Тем более что лишь инерцией жесткого литературоведческого канона соцреализма можно объяснить отсутствие научного интереса к четко проявленным параметрам, полностью противоречащим каноническим постулатам теории «ускоренного развития» и концепции «новописьменных литератур».

Даже элементарный обзор различных типов фольклорного описания – от формульных «общих мест» до мифологемы – в литературах Северного Кавказа выявляет существенную разницу в их функциях, объемах семантической нагрузки, да и просто в частотности употребления на разных этапах развития. Первое, что привлекает внимание, – относительно редкое использование фольклорного дескриптива в текстах первого поколения национальных авторов, что удивительно – именно в тех из них, которые можно отнести к произведениям, отмеченным безальтернативным конфликтом. По логике вещей и принципиальным схемам декларируемой оппозиции, художественные тексты, построенные на сравнении и столкновении безусловного характера, должны быть насыщены немотивированными описаниями превентивного плана, задающими аксиологическую позицию персонажа вне какой-либо зависимости от сюжета.

Причем, если в поэтических произведениях словесная народная традиция все-таки обозначена его простейшими модификациями, то в прозе фольклорное присутствие наблюдается только в принципах образного позиционирования. Несмотря на устойчивое соотнесение изобразительных систем ранней авторской литературы с нормами народного творчества, в тех случаях, когда речь идет о различных видах устойчивых формант, это – как уже отмечено, не более

чем реликты исследовательских подходов теории соцреализма, с ее обязательными отсылками к «фольклоризму» новописьменных литератур. Традиционная схема предварительного определения героев на шкале положительности-отрицательности в подаче их внешности является классическим, «хрестоматийным» примером фольклорного мышления в интерпретации большинства ученых: «Портреты других героев также даются фольклорно-тенденциозно: положительный, следовательно, – красивый, сильный, добрый;.. «портретная антитеза» вскоре обернется антитезой идейной: Токал станет предателем, прихлебателем у богачей» [Мусукаева 1993: 24].

Насколько оправдана такая оценка приемов изображения авторов молодых северокавказских литератур – проблема неоднозначная. Многочисленные «железные комиссары» в «кожаных куртках» первого десятилетия развития русской советской литературы также вполне вписываются в границы подобного описания, но вопрос об их возможном фольклорном происхождении, а тем более о принадлежности к типологическим свойствам молодых систем, и сегодня остается открытым. Иногда поиски «народного начала» с явной изначальной установкой на нахождение такового приводят к классификационным казусам, невозможным вне зоны диктата положений теории социалистического реализма, например отнесение изображения конфликтного столкновения в каждой отдельной главе произведений Кешокова увязывается в научной литературе с сюжетными образцами фольклора: «…прием, основанный на традиционном фольклорном приеме столкновения и единоборства социально или нравственно противоположных друг другу героев» [Бекизова 1972: 263]. Отметим, что на самом деле образцы народного словесного творчества, посвященные описанию социальных оппозиций, по определению завязаны на конфликте, разбивки на главы не имеют, и попытки сопоставить с ними именно в этом аспекте сюжетику авторской литературы совершенно излишни. Сюжетная завершенность главы обширного повествования, равным образом и завершенность короткого фольклорного текста, – феномен общелитературный, известный с античных времен и описанный в новейшее время еще В. Шкловским: «Предшественником современного романа был сборник новелл… Сборники новелл обыкновенно делали так, чтобы отдельные части, в них входящие, были связаны, хотя бы формально… Очень важно отметить, что… самая громоздкость материала не позволяет применить… связи частей в устной традиции… Разработка способов соединения новелл могла быть дана в так называемом народном, т.е. анонимном, несознательно-личном творчестве только в зародыше» [Шкловский 1929: 83-84].

Впрочем, стремление выведения базовой семантики современных литературных образцов из фольклорной архаики вообще свойственно мировому литературоведению, и иногда оно приобретает навязчивый характер: «Когда Робинзон однажды сравнивает себя с древними титанами, жившими в пещерах, то такое сравнение более многозначительно, чем это разумел сам герой. Робинзон, создающий своими руками окружающий мир действительно… напоминает мифологических «культурных героев», а вся его деятельность на острове – структуру соответствующих мифов» [Мелетинский 1976: 281].

Вне всякого сомнения, осмысление современности с использованием мифологической структуризации бытия – характерная черта романа XX в., но, как вполне аргументированно показывает Е.М. Мелетинский, мифологический сюжет и архетип используются, прежде всего, как один из способов идентификации в тексте автора. Это инструмент мировоззренческого и философского осмысления окружающего бытия, феномен внетекстуальный, точнее – проявляющий абсолютную валентность по отношению к любой проблематике и этической модальности, в силу своей социальной этиологии: «Социально-исторический подход определял структуру романа XIX в., поэтому отказ от данного подхода способствовал нарушению сложившегося структурного порядка. Модернизм компенсирует этот беспорядок символическими средствами, в том числе мифологическими. Таким образом, мифологизм становится инструментом повествовательного структурирования» [Мелетинский 2001: 129].

В целом, поиски фольклорных элементов в образцах авторской новописьменной литературы в генетическом плане не имеют отношения к положениям ленинской теории наций и национального обустройства в условиях гегемонии пролетариата, что для РСФСР означало гегемонию русского народа. Опровергая самое себя, большевистская концепция национальной политики – по крайней мере, в части, касавшейся искусства – восходила к откровенно расистским воззрениям европейских антропологов и этнологов XVIII–XIX вв., иронически подытоженных К. Леви-Строссом: «Западная цивилизация представляется как наиболее продвинутый этап эволюции человеческих обществ, а первобытные группы – как «пережитки» предыдущих этапов, логическая классификация которых послужит тем самым выяснению порядка их возникновения во времени» [Леви-Стросс 2001: 9-10].

Однако в реальности черты незрелой новописьменной прозы, традиционно осмысливаемые в качестве пережитков фольклорного мышления, к последнему имеют весьма условное отношение. Трактовать многочисленные заключения относительно текстов 30-х гг. и их насыщенности фольклорными формантами разного уровня, можно лишь с учетом идеологических постулатов большевизма, в ряду которых центральное место принадлежало мысли об абсолютно прогрессивном, цивилизующем влиянии Октябрьской революции на окраинные народы бывшей Российской империи.

В какой степени фольклорная эстетика прогрессировала до вхождения новописьменных литератур в корпус «советской многонациональной» – область, практически лишенная интереса советского, а позднее – российского литературоведения. Далее перечисления этапно-функциональных формаций словесного народного творчества – миф/эпос/фольклор, иногда с констатацией дополнительного членения, увязанного с этническим статусом народа-носителя, советская гуманитарная мысль не шла.

Этому есть вполне исчерпывающее объяснение. Краеугольным камнем теории соцреализма был постулат об определяющей роли идеологии. Адаптируя последний к анализу фольклорных текстов, на выходе исследователи получали систему условной детерминации типов словесного творчества теми или иными общественными состояниями. И здесь идеологически ангажированный

подход оказывался вполне корректным – оспорить значение конкретных форм социума на генезис стадиальных статусов народных текстов невозможно: «потестарные» дают нам сказания о героях-одиночках, консолидация родоплеменных объединений порождает произведения о борьбе с внешними врагами, сословное расслоение подразумевает популярность песен о борцах с социальным неравенством и т.д.

Логика идеологического суждения, продолжаясь в области содержательных и формально-содержательных элементов разного уровня, неизбежно приводила к признанию устойчивых и неизменяемых аксиологических черт фольклорных персонажей, затем находивших свою типологическую и функциональную нишу в авторских текстах. Это был устойчивый тезис советского литературоведения, в подавляющем большинстве случаев не имеющий никакого отношения к опыту национальных писателей.

Например, оценочная «внешняя» предопределенность статусов тех или иных героев, традиционно причисляемая исследователями к наследию устной народной словесности, на самом деле требует серьезного переосмысления или, по крайней мере, уточнения. Во всяком случае, в эпических сказаниях описания внешности отрицательных героев фактически отсутствуют – имеются ввиду развернутые описания, а не точечные ссылки, типа «…Выглянул Ерюзмек и увидел громадного эмегена, говорят. // На лбу у него светился единственный глаз, говорят» [Нарты 1994: 349], или «Они (эмегены – *Т.Т., Ю.Т., Л.А.*) шли, распространяя вокруг зловоние, выпучив свой единственный глаз на лбу» [Нарты 1994: 348]. Отметим, кстати, важнейшее обстоятельство – одноглазость является безусловным, так сказать, биологическим признаком эмегенов, и поэтому в качестве аксиологического аргумента не функционирует – признаки биологического состояния оценке не подлежат и даже самые «нечеловеческие», зооморфные из них могут принадлежать как «отрицательным», так и «положительным» героям: «…она осторожно обтесала оставшуюся оболочку и… вынула ребенка с хохлом на голове наподобие гребня и ногами тонкими, как вертел» [Нарты 1994: 367] – речь, как мы помним, идет о Сосруке.

Безусловные, нефункциональные зооморфные либо неантропогенные черты в процессе текстуального оборота подвергаются трансформации и приобретают сюжетозначимые функции. Это происходит даже с наиболее аффилированными с негуманоидностью и сугубо физиологическими параметрами. Причем – повторимся – эпос дает нам примеры, доказывающие, что первично обладание нечеловеческими чертами никоим образом не является аксиологическим качеством – как в случаях, когда обладатель имеет хтоническую природу, так и в тех, когда он явно имеет солярное происхождение:

…Сердце Дебета было из огня,
Из стали были части его тела,..
…Душа и кровь его были созданы из огня.
От прикосновения его руки камни раскалялись и плавились,..
…Он ел камни, как хлеб.
Чтобы узнать, что есть в каждом камне… [Нарты 1994: 303]

Или:
…старый эмеген решил ее поймать.
Тогда Сатанай, открыв лицо, взглянула на него –
Вмиг единственный глаз эмегена ослеп… [Нарты 1994: 307].

Здесь, как мы видим, и Дебет, и Сатанай рудиментарно проявлены, как носители сверхчеловеческих свойств, полностью безразличных к возможным оценкам с точки зрения морали и этики, и при попытке реконструировать их изначальную сущность, мы будем удаляться от их позднейших антропоморфизированных качеств.

Возвращаясь к имманентным негуманоидным свойствам Сосурука и их нейтральности: насколько данный персонаж антропоморфен – также вопрос до конца не определенный. В отношении Сосруко-Сосурука-Сасрыквы-Сослана существуют значительные разночтения по поводу его позиционирования в генерационном диапазоне. Не стоит забывать, что нарты, как биологическая популяция, имеют явное солярное происхождение, это не раз и не два обозначено в их атрибутике и эпитетах, подтверждено итоговым действием – уходом на небо [Нарты 1994: 597]. Именно по этой причине солярность героя нартиады, в целом и общем, свидетельствует в его пользу, доказывает близость человеку – ведь нарты, при всей их дистанциированности от вида Homo, ощущаются как некие квазипредки людей.

Сосруко-Сосурук же не столь ясен: его рождение из камня, неустойчивые, но наличествующие свидетельства о взращивании под землей [Нарты. Адыгский героический эпос 1974: 194], поступки, зачастую не вписывающиеся в человеческие морально-этические нормы (последние некоторыми исследователями классифицируются как воинско-утилитарные [Борова 2015: 29], но это не лишает их реликтового значения), в конце концов – продолжающаяся под землей посмертная жизнь [Адыгский героический эпос 1974: 228].

С учетом амбивалентности образа Сосруко-Сосурука, можно предполагать, что он относится к древнейшим пластам фольклора, одной из функций тезауруса которого была идентификация человека как такового и выделение его из общего зооморфного окружения. В этом случае «нечеловеческие» черты героя представляются дифференциальными маркерами – не более того. Они несут в себе следы истинного (первичного) неантропоморфного облика богатыря и никоим образом не участвуют в сюжете сказания. С этой точки зрения вся информация дескриптива подобного типа выступает в качестве опосредованно функциональной, либо полностью нефункциональной и может быть отнесена к самому первому, деструктурированному пласту информации об объекте, на позднейших стадиях развития художественной словесности, имевшей форму пассивного, неучитываемого контента.

В дальнейшем идентификационная информация персонажа приобретает характеристические, «рабочие» параметры, и это касается даже наиболее «физиологических» черт.

Так, запах эмегенов, их зловоние. В самых архаичных частях карачаево-балкарской версии эпоса вонь – неизменный маркер, не более того. Но и в бо-

лее поздних текстах история эмегенов перманентно связана с запахом и ветром: «…Это были эмегены… Они шли, распространяя вокруг зловоние, выпучив свой единственный глаз на лбу» [Нарты 1994: 348].

Генетический признак, характеризующий великанов как биологический вид, постепенно переходит в разряд оцениваемого качества и даже сюжетозначимой функции, приближаясь в этом смысле к причине принятия решения героями-оппонентами.

Запах эмегенов, оставаясь их видовым параметром, одновременно трансформируется в свойство, по определению вредящее людям, причиной и поводом для вражды с чудовищами. Правда, такое изменение требует небольшой коррекции самого качества маркера – из зловония оно превращается в нечистоплотность и обуславливает после этого прямой ущерб человеческим (нартским) поселениям: «Эмегены… залезали в воду и всячески загрязняли реки и этим очень досаждали нартам и мучили их» [Нарты 1994: 588]. Дальнейшее развитие индифферентного качества превращает его фактор биологической несовместимости; отчленяя от действующего живого носителя и трактуемый, как самостоятельно вредящее обстоятельство: «…Через несколько дней трупы эмегенов стали разлагаться и смердеть на весь мир. От этого в нартской стране начался страшный мор. У заболевшего начинал болеть живот, кружиться голова, и он через три дня погибал» [Нарты 1994: 589].

В дальнейшем типологические маркеры окончательно выходят за границы идентификационных черт и из неотъемлемого качества зачастую подаются в качестве осознанного действия: «Он (эмеген Желбыдыр – *Т.Т., А.Л.*)… возьмет жел керюк,1 подует в него и опять пошлет на наши горы буран» [Нарты 1994: 486], в том же ряду: «Эмегены знали, что у нартов не осталось огня. И чтобы нарты не развели огонь от солнца или звезды, они своим жел керюком подняли такой буран, что, казалось, он сметет с лица земли страну нартов» [Нарты 1994: 367]. Правда, в данных примерах мы наблюдаем метонимический переход «запах-ветер», что само по себе, странно для архаичных текстов, но, тем не менее, это не делает их (примеры) менее иллюстративными.

Эпическая система образов у карачаевцев и балкарцев не выходит за пределы собственно эпоса. Хотя архаичные персонажи – нечеловеческие сущности и герои-сверхлюди изредка встречаются в сказочных текстах, они не обладают парадигмальной полнотой соответствующих классификационных признаков и, в сущности, могут быть безболезненно заменены в поздних фольклорных текстах более или менее отдаленными аналогами.

Например: «…Немного пройдя, он увидел – на верхушке горы сидел большой, жестокий эмеген, вперив в него свой единственный глаз посередине лба и разинув пасть, похожую на пасть крокодила.

Подойдя к нему, стрелок сказал:

– Эй, толстобрюхий, пусть прибавится у тебя! – и протянул ему руку.

– Спасибо, будь здоров и ты! – приветливо ответил (эмеген).

1 Ветряной мех.

Стрелок (охотник), сильно сжал протянутую ему руку и сломал эмегену палец. Великан сделал вид, что он не почувствовал (боли), вытерпел и не подал виду, что что-то случилось.

– Я пойду, скотину соберу (заверну), а пока ты здесь, у кошары, из каких-нибудь хромых (плохоньких) овец-коров шашлык готовь, а там и я подойду, – сказал эмеген и пропустил (проводил) охотника в пещеру» (подстрочный перевод наш – Т.Т., Ю.Т., Л.А.) [Свод карачаево-балкарского фольклора 2017: 356].

Конечно же, чудовища эпической формации никоим образом не втискивали бы свое поведение в клише адатов, тем более – в каноны дворянского поведения «езден адет». С этой точки зрения, эмеген, встреченный стрелком, скорее, антропоморфный враг-человек, причем человек вполне достойный.

Иначе говоря, слои информации, заключенной в объекте «эмеген», подверглись серьезной модернизации еще в эпическую эпоху, в частности, рассматриваемый нами кластер «запах-ветер», сопряженный с безусловным маркером «одноглазость», проходит протяженную траекторию: нефункциональное и неконтролируемое «зловоние» – «неосознаваемое эмегенами, но губительное для людей зловоние» – «ветер-буран, осознанно производимый эмегенами».

Заключительный пласт устойчивых признаков объекта «эмеген» проникает в авторскую литературу и приобретает вид постоянного стороннего, точнее – самостоятельного атрибута эпических великанов, аксиологические составляющие которых от данного атрибута не зависят, их позиционирование происходит уже на другом уровне осознания и описания, более подходящем любому действующему персонажу, вписанному в нормы морали и этики человеческого общества: «…Как слабы оказались мы, эмегены, бессильны, никчемны..» – затосковал вдруг Ветробрюхий. От неожиданной, неизвестно откуда всплывшей в обеих его головах мысли, он замер, тяжело склонив бритые затылки, задумчиво воззрившись в землю. «Наша природная доброта, благость не дает нам обрести силы, – подумалось ему. – Соседям добро делаем, себя забыли, щедры стали на уступки, слишком щедры. Мягкость, уступчивость наша, сердечная широта и щедрость целый мир освещает, словно глаза луны-солнца. А что получаем взамен? Горе, беда, жестокость бьют по нам, как ледяные дожди. Без перерыва. Хватит уже, достаточно». – Ветробрюхому захотелось завыть-заплакать, но постеснялся сидевших рядом Тупицы и Четырехголового, сдержал себя. Переваливаясь, он сделал несколько шагов и рухнул, прилип грудью к своему волшебному меху. Вырвавшийся из меха ветер – мощный и шумный – тут же прошумел над землей нартов, распластался, заставив потемнеть и зеленую траву долин, и кроны деревьев» (подстрочный перевод наш – *Т.Т., Ю.Т., Л.А.*) [Толгуров 2005: 5].

Последний образец, взятый из современной авторской прозы, демонстрирует нам развитую форму дескриптива фольклорного происхождения. И, по сути, речь идёт о том, что так называемые признаки фольклорного миросозерцания были свойственны национальным описательным конструкциям еще в ее долитературный, бесписьменный период. Алгоритм изменения, при определённых допущениях, выглядел как стадиальное изменение описания от обязательно-однозначной и неоцениваемой связи между аргументом и объектом – «одноглазость/великан», или «зловоние/великан», очень похожей на понятийную

связь в начальных формах образных представлений [Толгуров 1999: 23], – к функциональной активизации аргумента – к обособлению от самого объекта и приведению последнего к сюжетно-значимому состоянию, позиционированию по его непосредственным действиям, а не в соответствии с происхождением и солярно-хтонической локализацией.

Де-факто, коллективное сознание народа лишает врагов человеческого рода их постоянных черт, «изымает» из образа его аксиологическую предопределённость, в итоге – уничтожает генетическую локационную стабильность, преобразуя хтонический объект в универсальный. Подобная мобильность – закономерно переходящая в оценки морально-этического плана – зачастую свойственна представлениям, в той или иной степени игнорирующим пространственную структуру и строение окружающего мира.

Как справедливо отмечается, «…перцептивное «я», находящееся в центре мироздания, ограничивается и идентифицируется с помощью барьеров и границ нетопологического качества… Вертикальность балкарской Вселенной… как предмет эстетического анализа не воспринимается – это просто нейтральная данность, среда обитания. Закономерно, эмоции и оценки активного субъекта произведения корректируются извне, системой этнической культуры» [Тхагазитов, Толгуров Т. 2015: 367]. Логическим продолжением этой мысли становится тезис об определении аксиологического статуса героя исключительно или преимущественно по его действиям – в силу приобретенной нейтральности. И это, действительно, справедливо для образцов карачаево-балкарского фольклора.

К слову, наиболее частым негативным признаком образа может быть признана его тучность, что вполне естественно для маскулинных сообществ Северного Кавказа, еще находившихся в стадии повсеместного употребления холодного оружия, но уже отказавшихся от тяжелых модификаций доспеха. Однако если у большинства народов региона негативное качество героя имеет самодовлеющий характер, имеет вид неотъемлемого органического свойства – например «Беслан Жирнотелый» адыгских песен, у балкарцев и карачаевцев тучность, как правило, сопутствующий аргумент: «Два борца, как будто не от людей родились, были сильны необыкновенно. Если они с кем-то боролись, то либо убивали, либо кости ломали – без этого не обходилось. Вот так и в одном селе во время борьбы убили они одного парня. А если и умирал человек, князю (хозяину борцов – *Т.Т., Ю.Т., Л.А.*) до этого дела не было. Свое большое скотское брюхо, словно бурдюк айраном, до верху залив, полеживал он на спине» (подстрочный перевод наш – *Т.Т., Ю.Т., Л.А.*) [Карачаево-балкарский фольклор 1996: 211]. Очевидно, что основной отрицательной составляющей образа является его безразличие к жизни человека, а уже отсюда выводятся дополнительные характеристики, причем именно то, что князь «лежал на спине» определяет наличие у него «скотского брюха», а не наоборот.

Однако и подобное дополнение было редким для карачаево-балкарской песенной традиции. Обычно негативная характеристика персонажа вполне исчерпывалась образом его действий – либо социально отрицательных, либо противоречащих адатным нормам, а чаще совмещающим в себе и первое, и второе, –

своеобразная дубликация отрицательных черт, но обязательно с акцентом на антиобщественное поведение:

…У Абаевых было два сына,
Там, где они ступали, земля кровавой становилась.
Они своих крестьян (рабов), как скотину, продают,
Нарядные (нарядно одетые) целыми днями пиво пьют…
(подстрочный перевод наш – *Т.Т., Ю.Т., Л.А.*) [Карачаево-балкарский фольклор 1996: 269].

«Развертка» отрицательных характеристик персонажей последовательно приоритетна: изначально идет общее отчуждение героев, затем их социальное отрицание и лишь в заключении представлены нарушения адатности.

Данная схема обрисовки отрицательных персонажей является стабильной для всего карачаево-балкарского фольклора; примечательным в ней является фактическое отсутствие черт внешности объекта – даже в случаях детализации его негативного статуса:

Шакмановы живут в Холаме,
Бедный народ, как овечье мясо, едят.
Издеваются, кровью нашей (никак) не насытятся,
Достоинством людей играют.
Откормленную (лучшую) скотину, как крокодил(ы) глотают,
Полный двор домашней прислуги держат.
Скотину (сельскую) на высохшую траву зимников не пускают,
Не пускают к единственному в селе роднику.
Невест в их первую ночь выслеживают,
Словно волки, смотрят в комнаты для невест…
(подстрочный перевод наш – *Т.Т., Ю.Т., Л.А.*) [Карачаево-балкарский фольклор 1996: 270].

Как видно из этого отрывка, в тексте нет ни единого намека на якобы присущее фольклору уничижительное описание внешности. Но это частная черта карачаево-балкарской традиции, а в целом – у «новописьменных» народов доминирует вышеупомянутая схема поэтапного перехода от точечной характеристики персонажа к особенностям его социального поведения и затем – переход к соответствию-несоответствию адатным нормам, в цитируемом отрывке практически совпадающим со стандартом общественно приемлемого. В той или иной степени подобный ордер дескриптива прослеживается в фольклорном пространстве любого народа

И эти стандарты описания, сформировавшиеся в недрах самых архаичных областей устного народного творчества, очень четко соответствуют различным стадиям художественной долитературной словесности, в свою очередь складывавшихся на совершенно конкретных циклах общественного развития. И, естественно, еще задолго до революции 1917 г., задолго до появления и становления социалистического государства, они приобрели характер многофункциональных формант, каждый раз наращивая свою ярусную структуру в соответствии с потребностями и нормами общежития и меняя свою роль в выразительном инструментарии текстов.

Если же вести разговор о соотнесенности фольклорных структур и образных компонент с теми или иными стадиями развития советских национальных литератур, то необходимо констатировать, что к, собственно, новописьменным чертам прозы они никакого отношения не имеют. Как правило, количество и эстетическое качество дескриптивных ярусов советской прозы, начиная с первой ее волны и, приблизительно, до конца 60-х гг. прошлого столетия, не являются предельными в сравнении с аналогичными показателями устного народного творчества. Что касается конкретно Северного Кавказа – наблюдать полноценное использование традиционных этнических описаний, без видимого адаптивного опрощения таковых – адаптивного к требованиям соцреалистической эстетической доктрины – возможно лишь с вступлением авторских литератур региона на третью стадию развития, то есть, опять-таки, с исходом 60-х – началом 70-х гг. XX в.

И повторимся: обзор карачаево-балкарских фольклорных текстов дает основания утверждать – в национальной интерпретации позитивных-отрицательных характеристик героя нет описаний его внешности, жестко привязанных к эволюционным стадиям развития литературных систем в режиме так называемых «новописьменных». Можно утверждать большее: в литературоведческих трудах, создававшихся вне идеологического прессинга, также отрицается аксиологическая нагрузка внешних описаний, происходящих из народной среды, к слову, амбивалентность уродливости в народном представлении является одной из центральных идей, проводимых М.М. Бахтиным в его анализе творчества Ф. Рабле [Бахтин 1990].

Однако в условиях торжества доктрины социалистического реализма доминировала совершенно другая точка зрения, отражавшая если и не реальные свойства эстетического мышления и соотношений фольклора и авторской литературы, то предпочитаемую государством систему художественных воззрений, которой приписывался статус некой новой прогрессивной философии: «Социалистический реализм с большой определенностью, четкостью и последовательностью представил и воплотил политическое как эстетическое… Политическое как эстетическое – вот новое эстетическое слово социалистического реализма» [Иезуитов 1969: 399].

Попытки увязать негативные портретные описания с фольклорными проявлениями в авторской литературе всегда страдали некоторой «натянутостью». Как правило, исследователи соотносили их с начальными стадиями развития советских национальных литератур, обосновывали их отсутствием опыта. Более взвешенный, и также не совсем корректный подход определял тенденциозный абрис героя целеустановками автора, но относя наличие жестких форм таковых к периоду политического просветительства, де факто оставался в рамках эволюционного взгляда на проблему: «…выступления (авторов 20-х – 30-х гг. – *Т.Т., Ю.Т., Л.А.*)… не выходили за пределы утилитарно-просветительского назначения… персонажи, выступая носителями одного какого-либо качества, добра или зла, подчинены назидательной, дидактической установке авторов… Этой рационалистической установкой продиктованы средства портретной и социальной характеристики» [Толгуров 1991: 100-101].

Но обзор образцов «развитой» прозы показывает, что «превентивное», оценочно значимое описание внешности свойственно не только новописьменным литературам на ранних стадиях их становления и в условиях отсутствия нарративных навыков. Этот прием широко используется и большими признанными мастерами: «…Приезжий снял башлык и белого курпяя папаху, обнажив могучий угловатый череп, прикрытый редким белесым волосом. Из-под крутого, волчьего склада, лысеющего лба он бегло оглядел комнату и, улыбчиво сощурив светло-голубые глазки, тяжко блестевшие из глубоких провалов глазниц, поклонился сидевшим на лавке бабам» [Шолохов 1973: 7-8].

Можно привести примеры, заведомо лишенные какой бы то ни было идеологической подоплеки – образцы творчества авторов, никоим образом не вписывающихся в общую линию развития русской советской литературы довоенных десятилетий: «…сорокалетняя Двойра, сестра Бени Крика, сестра Короля, изуродованная болезнью, с разросшимся зобом и вылезающими из орбит глазами, сидела на горе подушек рядом с щуплым мальчиком, купленным на деньги Эйхбаума и онемевшим от тоски» [Бабель 1989: 111].

Единственный вывод, который можно сделать из всего вышеизложенного: превентивная, тенденциозная портретная характеристика персонажа, прямое оценочное описание его внешности не является нарративным элементом фольклорного происхождения. Полная стохастичность его употребления, как в смысле этнической принадлежности текста-носителя, так и с точки зрения нахождения последнего в том или ином пункте эволюционной траектории, свидетельствует, что вероятнее всего портретная превентивная характеристика – феномен, принадлежащий индивидуальному творчеству конкретно в новописьменных литературах СССР, получивший прописку лишь после становления общего культурного континуума государства.

Речь – не об изменении классификационного подхода к литературам, формирование которых связано с советским периодом. Однако ясно, что инструментарий этих литератур, их образная оснащенность и эстетическое качество требуют новой оценки. Во всяком случае – новых подходов в атрибутации фольклорных единиц и определении их эволюционной позиции в общей картине развития авторской литературы народов, традиционно относящихся к «новописьменным».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгский героический эпос 1974 – Адыгский героический эпос. – М.: Наука, 1974. – 418 с.

Бабель 1989 – *Бабель И.Э.* Конармия. – Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1989. – 303 с.

Бахтин 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 542 с.

Бекизова 1972 – *Бекизова Л.А.* Становление и развитие многонациональной литературы в условиях содружества советских наций// Единство, рожденное в борьбе и труде. – М.: Известия, 1972. – 441 с.

Борова 2015 – *Борова А.Р.* Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. – Нальчик: КБГУ, 2015. – 206 с.

Гачев 1964 – *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX века). – М.: Наука, 1964. – 311 с.

Иезуитов 1969 – *Иезуитов А.Н.* Актуальные проблемы социалистического реализма. – М.: Советский писатель, 1969. – 552 с.

Карачаево-балкарский фольклор 1996 – Карачаево-балкарский фольклор (на балк. яз.) – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 с.

Леви-Стросс 2001 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 512 с.

Мелетинский 1976 – *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.

Мелетинский 2001 – *Мелетинский Е.М.* От мифа к литературе. – М.: Изд-во РГУ, 2001. – 168 с.

Мусукаева 1993 – *Мусукаева А.Х.* Северокавказский роман. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 192 с.

Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Восточная литература, 1994. – 654 с.

Рыбаков 1974 – *Рыбаков Б.А.* Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. – 1974. – № 1. – С. 3–30.

Свод карачаево-балкарского фольклора 2017 – Свод карачаево-балкарского фольклора. Карачаево-балкарская сказка. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 990 с.

Толгуров 1991 – *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 286 с.

Толгуров 1999 – *Толгуров Т.З.* Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 124 с.

Толгуров 2005 – *Толгуров З.Х.* Белое платье. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 344 с. (на балк. яз.).

Тхагазитов, Толгуров 2015 – *Тхагазитов Ю.М., Толгуров Т.З.* Топологические форманты этико-эстетического сознания кабардинцев и балкарцев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Вып. 11. – Т. 2. – С. 365–369.

Узденова 2016 – *Узденова Ф.Т.* Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. – Нальчик: Принт Центр, 2016. – 211 с.

Шкловский 1929 – *Шкловский В.Б.* О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – 266 с.

Шолохов 1973 – *Шолохов М.А.* Поднятая целина. – М.: Просвещение, 1973. – 654 с.

REFERENCES

Adygskii geroicheskii epos [Adyghe heroic epic]. – M.: Nauka, 1974. – 418 p. (In Russ.).

BABEL' I.E. *Konarmiya* [Cavalry]. – Baku: Azerbaidzhanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1989. – 303 p. (In Russ.).

BAKHTIN M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. – M.: Khudozhestvennaya literature, 1990. – 542 p. (In Russ.).

BEKIZOVA L.A. *Stanovlenie i razvitie mnogonatsional'noi literatury v usloviyakh sodruzhestva sovetskikh natsii* [The formation and development of multinational literature in the context of the Commonwealth of Soviet Nations]. In: Edinstvo, rozhdennoe v bor'be i trude. – M.: Izvestiya, 1972. – 441 p. (In Russ.).

BOROVA A.R. *Esteticheskie arkhetipy adygskoi poezii: genezis i mezhkul'turnyi obmen* [Aesthetic archetypes of Adyghe poetry: genesis and intercultural exchange]. – Nal'chik.: KBGU, 2015. – 206 p. (In Russ.).

GACHEV G.D. *Uskorennoe razvitie literatury (na materiale bolgarskoi literatury pervoi poloviny XIX veka)* [Heroic epic of Balkars and Karachais]. – M.: Nauka, 1964. – 311 p. (In Russ.).

IEZUITOV A.N. *Aktual'nye problemy sotsialisticheskogo realizma* [Actual problems of socialist realism]. – M.: Sovetskii pisatel', 1969. – 552 p. (In Russ.).

Karachaevo-balkarskii fol'klor [Karachay-Balkarian folklore]. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 592 p. (In Balk.).

LEVI-STROS K. *Strukturnaya antropologiya.* [Structural Anthropology]. – M.: Eksmo-Press, 2001. – 512 p. (In Russ.).

MELETINSKII E.M. *Ot mifa k literature*. [From Myth to Literature]. – M.: Izd-vo RGU, 2001. – 168 p. (In Russ.).

MELETINSKII E.M. *Poetika mifa*. [Poetics of myth]. – M.: Nauka, 1976. – 407 p. (In Russ.).

MUSUKAEVA A.KH. *Severokavkazskii roman* [North Caucasian novel]. – Nal'chik: El'brus, 1993. – 192 p. (In Russ.).

Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev [Accelerated development of literature (based on the material of Bulgarian literature of the first half of the 19th century)]. – M.: Vostochnaya literature, 1994. – 654 p. (In Russ.).

RYBAKOV B.A. *Yazycheskoe mirovozzrenie russkogo srednevekov'ya* [Pagan worldview of the Russian Middle Ages]. In: Voprosy istorii. – 1974. – № 1. – S. 3–30. (In Russ.).

SHKLOVSKII V.B. *O teorii prozy*. [On Prose Theory]. – M.: Federatsiya, 1929. – 266 p. (In Russ.).

SHOLOKHOV M.A. *Podnyataya tselina* [Virgin soil raised]. – M.: Prosveshchenie, 1973. – 654 p. (In Russ.).

Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora. Karachaevo-balkarskaya skazka [Code of Karachay-Balkarian folklore. Karachay-Balkar fairy tale]. – Nal'chik: IGI KBNTs RAN, 2017. – 990 p. (In Russ.).

TKHAGAZITOV YU.M., TOLGUROV T.Z. *Topologicheskie formanty etiko-esteticheskogo soznaniya kabardintsev i balkartsev* [Topological formants of ethical and aesthetic consciousness of Kabardians and Balkarians]. In: Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – Vyp. 11. – T. 2. – 2015. – S. 365–369. (In Russ.).

TOLGUROV T.Z. *Informatsionno-esteticheskoe prostranstvo poezii Severnogo Kavkaza* [Information and aesthetic space of poetry of the North Caucasus]. – Nal'chik.: El'brus, 1999. – 124 p. (In Russ.).

TOLGUROV Z.KH. *Beloe plat'e* [White dress]. – Nal'chik: El'brus, 2005. – 344 p. (In Balk.).

TOLGUROV Z.KH. *V kontekste dukhovnoi obshchnosti* [In the context of spiritual community]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 286 p. (In Russ.).

UZDENOVA F.T. *Khudozhestvennoe prostranstvo karachaevo-balkarskoi poezii: etnokul'turnyi kontekst* [Artistic space of Karachay-Balkarian poetry: ethnocultural context]. – Nal'chik: Print Tsentr, 2016. – 211 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т.З. Толгуров – доктор филологических наук.

Ю.М. Тхагазитов – доктор филологических наук.

Л.М. Аппаева – ведущая редакции вещания на балкарском языке.

Information about the authors

T.Z. Tolgurov – Doctor of science (Philology).

Y.M. Thkagazitov – Doctor of science (Philology).

L.M. Appaeva – leading edition of broadcasting in the Balkar language.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Илму статья
УДК 821.512
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-376-387
EDN: PRSQSQ

ТАБАКЪСОЙЛАНЫ МУХТАРНЫ ПОЭЗИЯСЫНДА ФИЛОСОФИЯ ОЮМЛАУ

Ёзденланы Тауланны къызы Фатима
Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россей, uzdenova_kbigi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5378-9514

Къысха магъана. Статьяда малкъар поэт Табакъсойланы Мухтарны поэзиясы тинтиледи, жашаугъа жютю философия къарамы, эстетика сезимлери, кертиликге/тюзлюкге итиниуу, хат энчилиги ачыкъланадыла. Ишде энчи эс «Чарс» бла «Чарх оюн» деген назму жыйымдыкълагъа бурулады, аланы магъана эм поэтика (суратлау амалла) энчиликлери сюзюледиле. Назмучуну ниет ёсюуу, халкъына, журтуна сюймеклиги, аны къадарына жарсыуу, миллети бла ёхтемленнгени, саулай да жашауну юсюнден терен сагъышлары кёргюзтюледиле. Поэт хайырланнган суратлау белгиле *(акъ жылла, къара тенгиз, мени Тауум, чарх оюн*, д.б.) аны чыгъармаларында философия магъананы кючлендиредиле.

Тинтиу методладан герменевтика (баш магъана тутхан), компаративистика (тенглешдириу халда къаралгъан), семиотика (белгилени магъаналарын ачыкълагъан) методла хайырланылгъандыла.

Баш магъаналы сёзле: Табакъсойланы Мухтар, малкъар поэзия, философия оюмлау, поэма, белгиле.

Цитата этерге: Ёзденланы Т.кь.Ф. Табакъсойланы Мухтарны поэзиясында философия оюмлау // Кавказология. – 2022. – № 4. – С. 376-387. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-376-387. – EDN: PRSQSQ.

© Ёзденланы Т.кь.Ф., 2022

Original article

PHILOSOPHICAL REFLECTIONS IN THE POETRY OF MUKHTAR TABAKSOEV

Fatima T. Uzdenova
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, uzdenova_kbigi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5378-9514

Abstract. The work of the Balkarian poet Mukhtar Tabaksoev is presented in a multi-aspect way; axiological and epistemological landmarks are revealed, with an emphasis on the predominantly philosophical orientation of his poetry. The study of the general plot and tonal lines made it possible to illustrate the evolution of the author's artistic consciousness and draw a general conclusion about the pronounced patriotic and civil components of his work, as well as the attraction to

existential reflections. Appeal to symbolic images (white years, black sea, my mountain, playing with the wheel, etc.) allows us to conceptualize the main line of the poet's thoughts, the philosophy of his work. The paper analyzes the content of two main collections of his poems: "Chars" (Maryevo) and "Charh oyun" (Playing with the wheel), both in terms of content strategy and the specifics of poetics.

Research methods: hermeneutic, comparative, semiotic, system analysis method.

Key words: Mukhtar Tabaksoev; Balkar poetry, philosophical reflections, poem, symbols

For citation: Uzdenova F.T. Philosophical reflections in the poetry of Mukhtar Tabaksoev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 376-387. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-376-387. – EDN: PRSQSQ.

© Uzdenova F.T., 2022

Научная статья

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ МУХТАРА ТАБАКСОЕВА

Фатима Таулановна Узденова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, uzdenova_kbigi@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-5378-9514

Аннотация. Полиаспектно представлено творчество балкарского поэта Мухтара Табаксоева; выявлены аксиологические и гносеологические ориентиры, с акцентацией преимущественно философской направленности его поэзии. Исследование генеральных фабульных и тональных линий позволило наглядно проиллюстрировать эволюцию художественного сознания автора и сделать общий вывод о выраженной патриотической и гражданской составляющих его творчества, а также тяготении к экзистенциальным размышлениям. Обращение к знаковым образам-символам (*белые годы, черное море, моя гора, игра с колесом* и др.) позволяет концептуализировать основную линию интенций поэта, философию его творчества в целом. В работе проанализировано содержание двух основных сборников его стихов: «Чарс» (Марево) и «Чарх оюн» (Игра с колесом), как с точки зрения контент-стратегии, так и специфики поэтики.

Методы исследовния: герменевтический, компаративный, семиотический, метод системного анализа.

Ключевые слова: Табаксоев Мухтар; балкарская поэзия, философские размышления, поэма, символы

Для цитирования: Узденова Ф.Т. Философские размышления в поэзии Мухтара Табаксоева // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 376-387. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-376-387. – EDN: PRSQSQ.

© Узденова Ф.Т., 2022

Белгили малкъар поэт Табакъсойланы Мухтар кесини энчи хаты болгъан, заман туудургъан болумланы кесича кёре, ангылата да билген, суратлау сёзге усталыгъы бла адабиятны байыкъдыргъан жазыучуладан бириди. Ол миллет сезими терен болгъан, поэзияда кесини энчи жолу бла, жашаугъа ёз къарамы бла

айырмалыды. «… Жашауда, жамауат аллында сёзюн ачыкъ да, тынгылы да айтханыча, поэзиясыда алайды» [Толгъурланы З. 2009: 117].

Табакъсойланы Хасанны жашы Мухтар 1959 жылда Совет (бусагъатда – Черек) районну Огъары Малкъар элинде туугъанды. Къабарты-Малкъар къырал университетни филология факультетин бошагъандан сора, Нальчик шахарда комсомолну Октябрь райкомунда ишлегенди. Кёп жылладан бери «Эльбрус» китап басмада малкъар адабият бёлюмге башчылыкъ этип турады. Бюгюнлюкде анда малкъар адабиятны редакциясыны таматасыды.

Мухтар 1997 жылда Россейни жазыучуларыны биригиуюне киреди.

Адабиятда ал атламларын университетде окъугъан жылларында этгенди. 1995 жылда аны «Чарс» [Табакъсойланы М. 1995] деген биринчи назму китабы чыгъады. Анга кирген назмулада заманны излеми, жашауну чюйреликлери, бурушлары ачыкъланадыла. Поэт озгъан кюнлени бюгюннгю кюн бла ансдан тенглешдирмейди. Халкъ миллет энчилигин аз-аз тас эте баргъанына, келир кюнюне ийнаныулу къарамагъанына жарсыйды. Ол жашау кемчиликлери, къадардан угъай, адамны кеси хомухлугъундан чыкъгъанларын ангылайды. Аны ючюн жазады былай:

Тас болгъанды адамлыкъ,
Къалдыла намыс, адет да,
Махталады аманлыкъ,
Ачыкъдан жюрюйдю дерт да.
«Игилик ахшы эсе…» [Табакъсойланы М. 1995: 99].

Табакъсойланы Мухтар айтхан оюмун буруннгудан келген адеп-къылыкъ тёрелени кючлерине таяна ачыкълайды. Бар жарсыуланы баш сылтаун – кеси адамларыбызны миллет хазнагъа уллу кёллюлюклерин туура этеди («Къарангылыкъ – / Жюрекледе да – чарс»). Поэтни оюмлауна кёре, зарлыкъ, кесимчилик, жалынчакълыкъ дегенча шартла бийлейдиле инсанланы жюреклерин.

Халкъны жашау болумуна къайгъырыу, аны юсюнден суратлау-эстетика оюм, фикир этиу да «Чарс» деген назму жыйымдыкъны баш магъанасын тутхан затладыла. Терен сагъышладады поэтни эси – китабы да анга шагъатлыкъ этгенча, «Суу жагъада олтурама сагъышлы…» деген тизгин бла башланады. «*Мен айтама жюрек жырымы…*», *«Къайгъым – тенгиз…»* деген лирика назмулада философия къарам толу ачыкъланады: («Мен айтама жюрек жырымы, – / Сау этсин саусузну жарасын. / Мен айтама жюрек жырымы, – / Тюзлюкге, тенгликге жарасын» [Табакъсойланы М. 1995: 131]; «Къайгъым – тенгиз, / Сагъышларым – ары саркъгъан Черек… / Къайгъым – тенгиз, / Умутларым – батып кетген кеме… / Къайгъым – тенгиз, / Сюймеклигим – жыры ёлген чарлакъ» [Табакъсойланы М. 1995: 147].

Мухтарны китабында аслам тюбеген «къара терек», «къара атлы» дегенча сёз тутушла бошдан айтылмагъандыла: ала поэтни халкъны къадарыны юсюнден тынгысыз сагъышларын ачыкълагъан ангыламладыла. Юлгюге «Малкъарны къары – къара» деген назмусун келтирейик:

Малкъарны къары – къара:

Къаргъала къонупдула.
Жулдузларына къара –
Ала да онгупдула [Табакъсойланы М. 1995: 42].

Былайда бир шарт эсленеди: назмуну хар тизгини да окъуучуну сагъайтады. «*Къары – къара*», «*къаргъала – къара*» деген сёз тутушла халкъны бюгюнлюгюню эм келир кюнюню юслеринден сагъышландырадыла, ниет-эстетика, адеп-къылыкъ адетле къуруп бара эселе, жашауну магъанасы да сора къалмайды деген философия оюмгъа келтиредиле.

Быллай чыгъармаланы кёбюсюнде оюм къарама-къаршчы затланы юслери бла айтылады. Аланы мурдорларында уа бир бирге чюйре келген сёзледен (антитеза) тенглешдириу къуралады (*къар* – жерни белгиси, *жулдузла* – кёкню белгилери). Аллай суратлау амал бла Табакъсойланы Мухтар «Атын чапдыра» деген назмусунда да хайырланады:

Атын чапдыра,
Жулдуз чакъдыра,
Ашыгъады жангы Ай кёкде...
Жангыз чапыракъ,
Жансыз чапыракъ
Къалтырайды къара терекде... [Табакъсойланы М. 1995: 94].

Бу къысха назмучукъ бир бирге къаршчы (*кёкде ай, терекде чапыракъ:* бири – кёкде, бири – жерде) тургъан дунияланы «келечилерини» сыфатлары бла къуралгъанды. Анда айтылгъан оюм да анга кёреди: ал ючтизгин жарыкълыкъны белгиси, экинчи ючтизгин а – мудахлыкъны. Ол а назмуну жашау жорукъгъа бойсунууунда къуралгъан макъамыды.

«Толу эм тамырлы рифмаладан Мухтар ажашмайды десек, аны чыгъармачылыкъ иши малкъар поэзияда жангы сёз, жазыучулукъ хат болгъанын окъуучу ангыларыкъды (туууша-урушда, тёлюбюз-телибиз; жарысын-жарасын, келсенг-таулу эсенг; сындыла-басындыла дегенча). Рифма къурагъаныа ушаш ачыкъ-къысыкъ тауушланы да къошуп, бирикдирип, кёргюзтген болумну не да суратны макъамын къулакъ эшитирча этгени Мухтарны усталыкъ шартыды» [Толгъурланы З. 2015: 122–123].

Мухтарны чыгъармаларында аны философия къарамы «жютю» оюмлаунда эсленеди; поэт кесини жюрек къыйыныны юсю бла битеу адам улуну жарсытхан затлагъа окъуучуну эсин бурады. «Поэтни жюрек урууу кёп тюрлю шартла, окъуяла бла байламлыды. Алай халкъны апчытхан артыкълыкъла, кемчиликле, зорлукъла саркъмай, бет алышындырмай, малкъар халкъны босагъаларына къайтып келип тургъанлары тынчлыкъ бермейдиле. Поэт, миллетни бетине къарап, анга айланып, «тарыхынг окъуна урланды, къымдыла гудула деп, жарсыуун ачыкъ айтады» [Толгъурланы З. 2009: 118].

Алан элим, Ас элим,
Адам санынг аз элим,
Эркинлигинг тас элим,
Ким да санга баз элим.

Аманларынг баш болуп,
Жолгъа тюшген таш болуп,
Халкъынгы къанын ичген
Жауунга жолдаш болуп...

Жаралы жугъутурлай,
Ол жарлы жугъутурлай
Къуралса эди ишинг:
Къутхарса эди Хашим!

Алан элим, Ас элим,
Бурунгу Кавказ элим,
Къыраллыгъынг къайтмаса
Келир кюнюнг чарс элим...
«Алан элим, Ас элим…» [Табакъсойланы М. 1995: 52]

Неда:

Налат ташха тагъама ёмюрню:
Шашхын къырал сайлайды ёлюмню,
Фана дуния – Ибилисни къулу.
...Адам улу, Сыйратмыды жолунг?!.
«Налат ташха тагъама ёмюрню» [Табакъсойланы М. 1995: 60]

Поэт жашырмай айта эсе да кесини оюмун, дуния былай барып турмазына толу ийнанады: «Тейри эшиги ачылып, бирде жарыкъ хорлар. Дуния былай турмаз…» (бу сёзле бла Мухтарны «Чарс» деген китабы ачылады).

«Тюзлюк келир, терсликни, керексиз дауну ол хорлар деген ахшы умутуна ийнанмагъан поэтледен тюйюлдю Мухтар. Тюзлюкге бла шуёхлукъгъа, тенгликге жораланнган поэзияны кючю уллуду – анга ышаннганын да жашырмайды поэт» [Толгъурланы З. 2009: 121]:

Назмуму жюрек урууунда
Эшитиледи Малкъарны орайдасы,
Азатлыкъгъа чакъырыуну хайдасы –
Болурму да жазгъанымы файдасы... [Табакъсойланы М. 1995: 63].

1997 жылда «Минги Тау» журналда «Мёлеклени да мёлегисе сен», 2000-чи жыл февральда уа «Заман» газетде «Акъ жылла» деген атлары бла Мухтарны назму къауумлары басмаланнган эдиле. Назмулада ачыкъланнган сюймекликни кючю авторну оюмуну бишимлигин, адабият эслилиги ёсгенин бютюн да шарт этген эди. Адам эслеялмазлыкъ затланы да эслеп, Мухтар поэзия теренлигине жетишеди. Сёз ючюн, эрттенликге жаууп чыкъгъан къар дунияны жараларын жашырады («Эрттенли уа чиммакъ-акъ къар жауады, / Дунияны жараларын жабады», неда: «Къара тенгиз – жара тенгиз, / Чайкъал, чайпал, къутур. / Къара тенгиз – харам Тенгиз, / Жаууп суулай жутул. / Кюнсюзлени къапхан тенгиз, / Къалай айтмайым дау?..»).

Табакъсойланы Мухтар жазгъанларында хар сёзню жерине келишдиреди,

къарама-къаршчы магъаналы сёзлени уста хайырланыуу бла суратлау бийикликге жетишеди. «*Къара тенгиз – харам тенгиз», «кюнсюзлени къапхан тенгиз»* дегенча сёз тутушлада жан салыу, тенглешдириу, жаз тиллилик авторну жюрек сезимин, халын толу ачыкъларгъа болушадыла.

Назмуну къуралыу формасы, бир-бирледе кесине насийхат оюмну да алып, адам улуну бар къайгъыларын да кёрюрча даражагъа жетишдиреди, биреуню жарсыуу бла битеу жамауатны къайгъысын байламлы этип къояды.

Насийхат халда жазылгъан назмулада поэтни философия къарамы толу эсленеди – аны таулулугъу, инсанлыгъы, Ата журтну, ана тилни сыйын кётюрюуу, таулу халкъны ётгюрлюгюн эм акъылын багъалауу («Тейриле Тейриси – адамлыкъ, – / Намысха тыйыншлы жашайыкъ… / Таулула таулагъа ушайыкъ!»; «Тилибиз, динибиз, жырыбыз / Жаныбыздыла – этмейик тас!»; «…Журтуна жарарыкъ – жарасын. / Чакъырады Минги тауубуз!» («Чакъырыу насийхат да эшитдим») [Табакъсойланы М. 1995: 53]. Назмуда насийхат сёз бла бирге алгъыш сёз да келеди: «…Иги сёзню алгъаннга – / Аллах берсин сау къадар» [Табакъсойланы М. 1995: 54]. «Жарлылыгъыма алгъышым» деген назмуда алгъыш сёз ахыр тизгинледе айтылады:

Журтунгу, миллетинги,
Жырынгы, юмметинги.
Аллах онгуна буруп, –
Нюр жарытсын бетинги! [Табакъсойланы М. 1995: 118]

Алгъыш халда жазылгъан назмулада алгъыш тизгинле терк-терк къатланадыла. Быллай шарт Табакъсой улуну халкъ чыгъармачылыкъ бла байламлыгъына шагъатлыкъ этеди. «Къарачай-малкъар фольклор текстледе «Я Аллах», «Аллах», «Тейри» дегенча сёзле къатланыу формада эркин хайырланыладыла. Ала алгъышны кючлер муратда айтыладыла: («Я Аллах, Я Аллах, насыплы бол, кесинг сюйгенча жаша!»; «Аллах бир ариу жашау берсин!»; «Аллах ыразы болсун!»; «Тейри берсин сабырлыкъ, / Тейри берсин дамырлыкъ, / Тейри жарытсын жолунгу! эм д.а.к.б.)» [Локьяева, Узденова 2021: 253].

Дагъыда поэтни айырмалы этген шартларыны санында – ол бир ишге да, бютюнда адамны жарсытхан ишге, сансыз къарамайды, аны ниет излеми да кесине тынч жолну сайлатмайды. Аны жазыу ишини ёзеги жигитлик, чёрчеклик, этимлик деген илишанладыла – ала бютюнда «Чарх оюн» (2003) [Табакъсойланы М. 2003] деген китабында ачыкъланадыла. Мында «Чарс» деген назму жыйымдыкъны нюзюрю андан ары айныйды.

«Чарх оюн» деген китапны атында айтылып турады баш магъанасы. Ол нарт таурухладан келеди: чархны тёш башындан энишге айландырып ким бошлагъан эсе да, андан бирем-бирем къачып къутулур амал жокъду, андан жалан да биригиу бла сакъланыргъа боллукъду. Миллет да алай бла сакъланады ёмюрледе – бирлик бла. Мухтарны китабыны магъана ёзегин да «Бирликде – тирлик» деген халкъ айтыу къурайды. Ата жерини жаралары, кёп турмай, сынтыл боллукъларына ийнаныуу да халкъны эрттеден бери кеси къурай келген ниет хазнасындан болгъанын баямлайды. Сёз ючюн:

Уой, таулу жыр, желча жет да,
Хар таулу жанны уят,
Къайтсынла тёре, адет да,
Нюр жайсын да Шериат.
«Таулу жыр» [Табакъсойланы М. 2003: 7].

Китап юч бёлюмден къуралады. Биринчи бёлюмю («Таурус къушум») бла экинчи бёлюмю («Борч») магъана жаны бла жуукъдула: былада авторну философия оюмлары бирлешедиле. Поэтни сагъышларында заманны тохтаусуз барыуу, жашау чархны бурулуу ачыкъланадыла.

Терек ёседи алай –
Жерни тынчлыгъын сакълай,
Чапыракъ ауазлы жырлары
Жангыдан жангырта жылланы… *(«Терек ёседи алай…»)* [Табакъсойланы М. 2003: 99]

Неда:

Тенгиз толкъунла кибик,
Бири бирин жута,
Озадыла кюнле... айла... жылла… *(«Тенгиз толкъунла кибик…»)* [Табакъсойланы М. 2003: 165].

Миллети ючюн къайгъырыуда, халкъыны жашауун теренден оюмлауда тууадыла быллай тизгинле:

Уой, таулу устала – таныулуду да
къол ызыгъыз,
Тасыбыз – табылыр, къуралырбыз,
барырбыз алгъа,
Усталыкъ, хунерлик, чемерлик
таныгъан халкъыбыз,
Хорлатмаз зорлукъгъа, бой салмаз
ёлюмге, ажалгъа!..
«Таулу устала» [Табакъсойланы М. 2003: 49].

Бу тизгинледе таулу миллет кесини иш кёллюлюгю бла не заманда да юлгюлю бола келгени, аны тамблагъы кюнюн базыныулу этген адамлары болгъаны поэтни ёхтем къууанчыча суратланады.

«Уой, шукур Аллахха! Малкъарда ёлюмсюздю хунер!» [Табакъсойланы М. 2003: 49], – дейди Мухтар. Бу тизгинледе поэтни ийнаныуу, базыныуу, ёхтемлиги, миллетини керти уланларына алгъыш сёзю да биригипдиле. «Таулу устала» деген назмусу хунерлери, усталыкълары, чемерликлери да халкъгъа белгили адамла Бачиланы Хамзатха бла Мокъаланы Владимирге аталгъанды.

Къайсы миллетни тарыхын, тилин, адабиятын, маданиятын алып къарагъанда да ала барысы да халкъны кёлден чыгъармачылыгъы бла къаты байламлыкъда болгъанлары шартды. Халкъ чыгъармачылыкъны жыйып, аны тамам тинтип, миллетине, башха миллетлеге да кёргюзте, билдире билген адамларыбыз аз тюйюлдюле. Табакъсойланы Мухтарны «Бирин къоюп, бирин

айтсакъ да, Махти…» [Табакъсойланы М. 2003: 54–55] деген назмусу илмуда ёмюрлюк эскертмеле этерге фахму да, билим да таба билген алим Джуртубайланы Махтиге жораланнганды. Поэт ийнанады, болгъан байлыгъыбызны тамблагъы тёлюге саугъа эте билмесек, ол бюгюнде тунчугъуп барлыкъды.

Сенича жашлары болгъан халкъ, Махти,
Телилери болса да – апчымаз.
Мадар этсек, къадар этер Аллах да…
Жукъусурап турсагъ'а – кюн чыкъмаз! [Табакъсойланы М. 2003: 55].

Мухтарны чыгъармачылыгъында туугъан жерге, тилине, миллетини хар бир адамына энчи сюймеклиги назму тизгинлерине уста сыйыныпдыла. Къайсы назмусун алып къарасакъ да, ол сезим аны поэзиясыны ич ёзеги болгъанлай тургъанын эслерчады. Беш Тау эли, миллет тарыхы, нарт таурухлары, жомакълары, жыры, тепсеую, тою-оюну, адети, тёреси…

Чыкъ тюйюлдю, къар тюйюлдю – эримез,
Байлыгъыбыз – Татай, Деуер, Эрирей…

Байлыгъыбыз – Абмуш, Тотур, Апсаты…

Алтын Хардар, Умай бийче, Ашкерги,
Папай, Ажам, Сауман, Хымикки, Гылан…

Нарт таурухла: Алтын Дебет, Сатанай...
Аланланы Алан этген – Тинибиз,
Уллу Тейри, ариу Ана Тилибиз,

Халкъыбызны бирикдирген тёрюбюз –
Байлыгъыбыз – жаннет юйю Жерибиз!
Кече-кюн да Аллах бизни жакъласын,
Бу байлыкъны къабар кюнден сакъласын!
«Жаннет юйю – Туугъан жерибиз» [Табакъсойланы М. 2003: 78–79].

Чыгъармачылыкъ жолуну бу кезиуюнде Мухтар поэзия жанрны къысха шекелин (формасын) алгъа салады. Заманнга кесини къарамын кёргюзтюрге алай тынчыракъ болупму, огъесе ол форма акъылын къысха, кескин айтыргъа онг бергени ючюнмю? Билген къыйынды, алай жазгъанларында биртизгинле, экитизгинле, тёрттизгинле, сегизтизгинле кёбюрек тюбей башлайдыла. Аны бла бирге поэзиясында ол тюрлю форманы кенг хайырланып башлагъаны поэтни сёз усталыгъыны ёсгенини да белгисиди («Баш ура – башы тюшдю», «Жалына, жалына, – жаны чыкъды», «Жашасын сени харамлыгъынг, / Андан сора жокъду да жугъунг»).

Мухтарны дагъыда бир энчилигин айтыргъа керекди. Ол айтым (назму тизгин) къурауну да, кесини чемерлигин кёргюзтюр ючюн угъай, суратлау теренликге жетишир ючюн хайырланнган жазыучуларыбызданды. Поэт бир кибик харфла, бирча эшитилген сёзле бла уста хайырланады. Сез ючюн, «Жети жыл» [Табакъсойланы М. 2003: 108] деген назмуда да ол амалны кёрюрге боллукъду:

...Эки жагъа. Эски жара. Къуру къол.
Жети жылны жети жары элтген жол.

«Темиркъазакъ» [Табакъсойланы М. 2003: 237–240] деген назмусунда уа поэзия тизгинлерин тауушланы кючлери бла къурауда уллу жетишим этеди. Бу назмуда аллитерация (бирча тауушланы кенг хайырланыу) амалгъа поэт 120 сёз тапханды. Быллай амалны бир-бирле иш этип хайырланнганнга да санайдыла. Болса да, бу амал уллу усталыкъны, тил байлыкъны излеген амал болгъанын чыгъармачылыкъ сынамлары жетгенле иги биледиле. Мухтар аллайланы санындады:

Жетегейле –
жети жулдуз,
жети кёкден
жерге къарап,
жети жылны
жарыкъ-жарыкъ жандыла…
Желден женгил
желпек эди
жашаууму
жылы жайы,
жырлы жайы,
журлу жайы, –
жомагъы… [Табакъсойланы М. 2003: 237].

Жашауда кесини энчи оюму болгъан, бир кишини да къатламагъан Мухтар бек алгъа сюймеклик дуниясына ал бургъанладанды. Ол анасына, Ата журтуна уллу сюймеклигин терен суратлау кюч бла айтады.

«Акъ той» [Табакъсойланы М. 2003: 241–249] деген лирика поэмасы уа поэтни сюйгени бла ийнар айтыу халда сёлишиуюдю, ийнакъ ушагъы:

Жауады къар. Бу акъ тойгъа къарап,
Экибизге да акъ назму къурайма.
Тюшюм сунуп, тёгерекге къарайма,
Тансыкълыгъым жюрегими тарап... [Табакъсойланы М. 2003: 241].
Къызны сыфаты да ушатыула бла бериледи.
Эрттен сайын сен Кюн болуп тийсенг,
Ингир сайын сен Ай болуп чыгъаса.
Кечегиде Жулдуз болуп чагъаса, –
Къучагъымда ёртен жанаса сен! [Табакъсойланы М. 2003: 242].

Табакъсойланы Мухтарны поэзиясында «Акъ той» деген лирика поэманы энчи алып айтырчады, нек дегенде, бу поэмагъа кирген назмула жашауну кесини суратларын (тюбешиуню зауукълугъун, айырылыуну къыйынлыгъын, сезимни иссилигин, таулуну таулулугъун, бир сёз бла айтханда, поэтни ич дуниясын ачыкълагъан, аны тилини байлыгъын, ариулугъун, не жаны бла да айырмалыгъын) белгилеген чыгъармаладыла.

Саулай поэмада акъ тюрсюн баш жерни алады. Ол сыфат жарыкъ дунияны, ниет кирсизликни, насыпны белгисича халкъ чыгъармалада («Уучу Бийнёгерни жыры»), суратлау адабиятда да (сёз ючюн, Толгъурланы Зейтунну «Акъ жыйрыкъ» деген чыгъармаларын эсге тюшюрюрге боллукъду) тюбейди. Мухтарны чыгъармасында акъ тюрсюн лирика жигитни жюрегин бийлеген ариу да, кючлю да сюймеклик сезим бла байламлыды. (Бояула Табакъсой улуну поэзиясында суратлау белгилени магъаналарын тутадыла [Узденова, Кетенчиев 2020]). Назмучу жан салыу, тенглешдириу дегенча суратлау мадарла бла тири хайырлана, сюймекликни бийиклигин, теренлигин, ариулугъун ачыкълайды.

Байрым айы акълайды дунияны.
Баям, бу къар жауа болур Айда да.
Жауса – жаусун... къышда угъай, жайда да, –
Кюн, от да эриталмасын аны…. [Табакъсойланы М. 2003: 241]

...Жауады къар, акълайды дунияны:
Озгъан жауун жомакъ болуп къайтханды.
Жырыбызны бу акъ тойда айтханды, –
Жангы жыр унутдурмасын аны! [Табакъсойланы М. 2003: 247].

Табийгъат бла тенглешдириу поэманы баш жигитини жюрек сырын, сюймеклигини чексиз кючюн къатлагъан кибикди [Узденова 2009: 66].

Сюймеклик сезим лирика жигитни эсин бийлеген эсе да, ол халкъда жюрюген адет-тёрелерин бузмай, аны жорукъларына бойсунады:

Ушамайды, билеме эрттеден, –
Сюймеклигин баям этген – айыпды… [Табакъсойланы М. 2003: 249].

Неда:

Чеги бар, мардасы бар хар нени да… [Табакъсойланы М. 2003: 249].

Жюрегини тёрюнде сакълагъан тасха сезимин айта, поэт сюймекликни бийиклигини белгисин – Байракъны – къурайды:

Сюймекликни байракъ этеме мен!..

Башында айтылгъанча, Мухтарны поэзиясыны энчи шартладан бири халкъны кёлден айтылгъан чыгъармалары бла байламлыкъды. Суратлау ишде халкъны ниет байлыгъы бла хайырлана билиу сёз устаны фахмусуна шагъатлыкъ этеди [Сарбашева 2017: 38].

Акъ той» деген поэмасында назмучу Акъ Маралны, Бийнёгерни атларын терк-терк эскереди: белгиленнген сыфатла сюймекликни ачыкълауда чыгъарманы суратлау даражасын кючлендиредиле, поэтика онгларын кенгертедиле:

Кел, Акъ Маралым, кёр: тансыкълыгъым –
Басхан суу! – жагъаларын талайды,
Нафыс черегинг къутурса алайды:
Думп, тас болуп къалады сакълыгъынг!.. [Табакъсойланы М. 2003: 245].

Бийнёгернича, Акъ Маралым, бил, –
Сюймекликни къая ыраннга тыймазса,
Обур болсанг да – къоз къапха жыймазса, –
Сюймеклигим этер барын да кюл!.. [Табакъсойланы М. 2003: 246].

Табийгъат поэманы баш жигитини жюрек сырын къатлагъан кибикди.

Малкъар поэзияны кёп ёмюрледен бери келген айныу жолунда поэзия тёреле къуралгъандыла да, жангы жазып башлагъанла ишлерин алагъа таяна бардырадыла. Малкъар поэтле ол жаны бла халкъда сыйлары жюрюген *тау, таш* дегенча белгилени хайырланадыла. Табакъсой улуну жазгъанларында да философия илишанла (тюш, тюн, сагъышла, кенглик, сёз) бирге келедиле. Ала Мухтарны жазыу энчиликлериндендиле. Алай бла ол кесини чыгъармаларында философия теренликлеге жетишеди.

Сёзюнг кёкню элгендирди,
Ташны, тауну да сагъайтды.
Сени угъай дегенинги
Жюрегиме къысып, къайтдым («*Сёзюнг кёкню элгендирди*») [Табакъсойланы М. 2003: 213], – деп жазгъанды ол.

«Чарх оюн» деген китапны ючюнчю бёлюмю – «Сюймеклик ийман» саулай да сюймеклик назмуладан къуралгъанды. Поэт жюреги жаратханлагъа айтхан ийнакъ сёзлерин, жан сагъайтхан тизгинлерин, ахшы къууум туудургъан назмуларын тийишдиргенди. Табакъсой улуну сюймеклик назмуларыны бир къаууму халкъ сюйген жырла болуп къалгъандыла: «Мен сюйгенча болмады», «Экибиз да алдандыкъ», «Сюймеклик ийман», д.б.

Табакъсой улуну чыгъармачылыгъына бийк багъа бичген Толгъурланы Зейтун болгъанды: «Мухтарны поэзиясына, бир сёз бла айтханда, къырал саясатдан, аны идеологиясындан, кёзбауундан бла текоталыкъдан толу азатланнган поэзияды дерге керекди. Анга кёре поэт малкъар халкъны озгъан тарыхын, бюгюннгю кюнлерин, жарсыуларын – барысын да жюрегине сыйындырып, келир кюнлерини, барлыкъ жолуну юсюнден терен сагъышланып, айтыр сёзюн, фикирин ачыкълагъанды…» [Толгъурланы З. 2009: 117]. Айтылгъаннга къошарыкъ – бюгюнлюкде да Мухтар поэзиясы бла малкъар адабиятха жангы илишанла келтиреди, аны байыкъдырады, айнытады.

ХАЙЫРЛАННГАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Локьяева, Узденова 2021 – *Локьяева Ж.М., Узденова Ф.Т.* Алгъыш (благопожелание) в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев: специфика жанра, таксономия, поэтика // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 3. – С. 247–259.

Сарбашева 2017 – *Сарбашева А.М.* Специфика взаимодействия балкарской литературы 70–80-х годов XX века с фольклором (на материале повести «Солнце не заходит Алима Теппеева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики**.** – 2017. – № 8-1 (74). – С. 38–40.

Табакъсойланы М. 1995 – *Табакъсойланы М.* Чарс: назмула. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 240 б.

Табакъсойланы М. 2003 – *Табакъсойланы М.* Чарх оюн: назмула бла поэма. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 256 б.

Толгуров 2015 – *Толгуров З.Х.* Жанр баллады в балкарской поэзии. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 164 с.

Толгъурланы З. 2009 – *Толгъурланы З.* Прометейча жашаргъа юйретген поэзия // Минги Тау. – 2009. – № 3. – 117–123 б.

Узденова 2009 – *Узденова Ф.Т.* Современная балкарская поэма: тенденции развития // Вопросы кавказской филологии. – Нальчик: КБИГИ, 2009. – № 6. – С. 54–69.

Узденова, Кетенчиев 2020 – *Узденова Ф.Т., Кетенчиев М.Б.* О принципах реализации образа в литературе карачаевцев и балкарцев: семиотика цветообозначений // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 5. – С. 40–44.

REFERENCES

LOK'YAYEVA ZH.M., UZDENOVA F.T. Alg"ysh (blagopozhelaniye) v fol'klore i literature karachayevtsev i balkartsev: spetsifika zhanra, taksonomiya, poetika [Algysh (good wishes) in the folklore and literature of Karachays and Balkars: genre specificity, taxonomy, poetics]. IN: Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya». – 2021. – No 3. – P. 247–259 (In Karachay-Balkarian).

SARBASHEVA A.M. *Spetsifika vzaimodeistviya balkarskoi literatury 70-80-kh godov khkh veka s fol'klorom (na materiale povesti «Solntse ne zakhodit Alima Teppeeva)* [The specifics of the interaction of Balkarian literature of the 70s and 1980s of the twentieth century with folklore (on the material of the story "The Sun does not enjoy Alim Teppeyev)]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. – 2017. – № 8-1 (74). – P. 38–40. (In Russ.).

TABAK"SOYLANY M. *Chars: nazmula* [Chars]. – Nal'chik: El'brus, 1995. – 240 p. (In Karachay-Balkarian).

TABAK"SOYLANY M. *Charkh oyun: nazmula bla poema* [Charkh oyun]. – Nal'chik: El'brus, 2003. – 256 p. (In Karachay-Balkarian).

TOLGUROV Z.KH. *Zhanr ballady v balkarskoy poezii* [The ballad genre in Balkar poetry]. – Nal'chik: Izdatel'skiy otdel KBIGI, 2015. – 164 p. (In Russ.).

TOLG"URLANY Z. *Prometeycha zhasharg"a yuyretgen poeziya.* IN: Mingi Tau. – 2009. – No 3. – 117–123 p. (In Karachay-Balkarian).

UZDENOVA F.T. Sovremennaya balkarskaya poema: tendentsii razvitiya [Modern Balkar Poem: Development Trends]. IN: Voprosy kavkazskoy filologii. – Nal'chik: KBIGI, 2009. – P. 54–69. (In Russ.).

UZDENOVA F.T., KETENCHIYEV M.B. *O printsipakh realizatsii obraza v literature karachayevtsev i balkartsev: semiotika tsvetooboznacheniy* [On the principles of image realization in the literature of Karachays and Balkars: semiotics of color designations]. IN: Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly [Philological Sciences. Scientific reports of higher school]. – 2020. – No 5. – P. 40–44. (In Russ.).

Авторну юсюнден:
Ёзденланы Т.кь.Ф. – филология илмуланы доктору.
Information about the author:
F.T. Uzdenova – Doctor of Science (Philology).
Об авторе:
Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук.

Статья редакциягъа 14.10.2022 келгенди; кесамат этилгенден сора 10.11.2022 къабыл кёрюлгенди; басмагъа 00.00.2022 алыннганды.

The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 10.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Статья поступила в редакцию 14.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 10.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-388-399
EDN: RYUSRV

ПРОБЛЕМА МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАМИШЕВА

Мадина Андреевна Хакуашева[1], **Елена Нартшаовна Бетуганова**[2]
[1,2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия
[1] dinaarma@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1290-6649
[2] betuganovaelena@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7969-4564

Аннотация. В статье рассматриваются основные тематические и содержательные аспекты современного русскоязычного кабардинского писателя В. Мамишева, структура, доминирующее направление его поэтических и прозаических произведений. Актуальность исследования заключается в том, что большинство произведений автора до сих пор не становились объектом исследования. Между тем творчество В. Мамишева отражает оригинальный современный тип художественного сознания, тесную связь с современным литературным процессом и его особенностями. В центре творчества В. Мамишева оказываются проблемы простых людей, «маленького» человека с асоциальными наклонностями. В статье рассматривается национальная идентичность русскоязычного автора, особенности поэтики, композиции, стиля. Доминирующим направлением, в котором реализуется художественный дискурс, становится постмодернизм. Автору свойственно смеховое начало, преимущественно юмористическое и ироническое восприятие. В исследовании применен метод художественного анализа. Полученные результаты могут быть использованы при составлении спецкурсов по адыгской литературе, национальным литературам Северного Кавказа, России.

Ключевые слова: русскоязычная национальная литература, постмодернизм, люди толпы, гетеротопия, смеховое начало, постмодернистская ирония, номинология

Для цитирования: Хакуашева М.А., Бетуганова Е.Н. Проблема маленького человека в творчестве В. Мамишева // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 388-399. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-388-399. – EDN: RYUSRV.

© Хакуашева М.А., Бетуганова Е.Н., 2022

Original article

THE PROBLEM OF THE LITTLE MAN IN THE WORKS OF V. MAMISHEV

Madina A. Hakuasheva [1], **Elena N. Betuganova**[2]
[1,2] The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia
[1] dinaarma@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1290-6649
[2] betuganovaelena@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7969-4564

Abstract. The article examines the main thematic and substantive aspects of the modern Russian-speaking Kabardian writer V. Mamishev, the structure, the dominant direction of his poetic and prose works. The relevance of the study is determined by most of the author's works have not yet become the object of research. Meanwhile, Mamishev's work reflects the original modern type of artistic consciousness, a close connection with the modern literary process and its features. The problems of ordinary people, a «small» person with antisocial tendencies, are at the center of V. Mamishev's creativity. The article examines the national identity of the Russian-speaking author, the peculiarities of poetics, composition, style. The dominant direction in which artistic discourse is realized is postmodernism. The author is characterized by a funny entrance, mainly humorous and ironic perception. The research uses the method of artistic analysis. The results obtained can be used in preparing special courses on Adyghe literature, national literatures of the North Caucasus, Russia.

Key words: Russian-language national literature, postmodernism, people of the crowd, heterotopia, the laughing principle, postmodern irony, nominology.

For citation: Hakuasheva M.A., Betuganova E.N. The problem of the little man in the works of V. Mamishev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 388-399. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-388-399. – EDN: RYUSRV.

© Hakuasheva M.A., Betuganova E.N., 2022

В постсоветский период среди кабардинских и балкарских авторов увеличилось число носителей литературного русского языка, появились литературные новинки, написанные (при сохранении национальной тематики) уже на русском. Литературная ассимиляция и взаимное преломление богатых традиций русской и собственно национальных литератур таят беспредельные новые возможности для художественного выражения.

Подобная характеристика справедлива и для кабардинского русскоязычного автора В. Мамишева (литературный псевдоним Ладо Местич). Авторским «центром притяжения» художественного интереса становится «человеческое общежитие» по названию одноименного прозаического сборника. Сюжетная ткань повествования драматична, однако насыщена юмором, иронией и одновременно – горячим авторским сочувствием, глубоким проникновением в особенности современного социума, художественных образов, характеров и, что особенно важно, в глубины скрытых психологических механизмов, которые во многом управляют судьбами героев.

Действие повести «Хроника хроника» происходит в наркологическом диспансере, который можно рассматривать как знакомый аналог-символ человеческого общежития. Автор «списывает» детали лечебного учреждения, ориентируясь на подлинную историю и месторасположение реального наркодиспансера, расположенного в Больничном городке города Нальчика, в районе Дубков. В.Мамишев формирует *гетеротопию,* художественный топос на основе исторически реального учреждения или строительного объекта.

«Человеку нездешнему, если подобное участие пробудит в нем здоровый интерес, охотно растолкуют, что Дубки – это северо-восточная оконечность города, краем потянувшая на себя название прилегающей местности с ее характерной флорой. Название прижилось, а собственно дубки сохранились единичными, заматерелыми представителями вида. С

одной стороны рощу сильно потеснил пригородный совхоз – яблоневым садом, с другой наехал город: новым микрорайоном и больничным комплексом, в котором, кроме роддома, с фасадом, подобно постельному белью…; тишайшей «кардиологии», тубдиспансера, схваченного плотным ельником; безликой «терапии» и «кожвендиспансера», желтеют четыре, в ряд, отделения психушки, самой легкой на подъем – при упоминании Дубков – ассоциации. Пятым в этом скорбноголовом ряду… или, если смотреть с другой стороны, возглавляет этот ряд двухэтажное здание РНД (аббревиатура Республиканского наркологического диспансера, которую хроники всех трех алкогольных степеней расшифровывали по-своему: Родной наш дом)» [Мамишев 2004: 70].

Завсегдатаи этого учреждения – хроники (автор прибегает к иронической игре слов – *хроника хроника*), которые регулярно попадают сюда, в «наш дом». Название отнюдь не случайное, так как в другом мире, в котором уже почти никому не нужны, они – изгои. В Доме – свои законы, лексика, шкала ценностей… Так же, как в Барондоме, здесь проживает целый интернационал: белорус Яцек, ингуш Ваха, кабардинец Муха, балкарец Смайл, русские Нос, Медуница; еврей Эдик, чеченец Юрец и прочие. У всех – своя непростая судьба, но клиника и ее родные стены всех обитателей объединяют, уравнивают.

В какой-то момент читатель понимает: клиника на самом деле – образ жизни всего простого народа, собирательный образ всеобщего дома – мира. Финал повести неутешителен, ведь «Наш дом» оказывается на самом деле смертельной ловушкой, из которого нет выхода. Даже Юрец, чудом вырвавшийся из чеченского плена, в котором был рабом, попадает в другой плен – клинику, из которой уже не сбежать…

Следует отметить тесную связь прозы В. Мамишева с постмодернистской традицией, которая актуализирует соответствующую интертекстуальность, начиная с произведений русской классической литературы Н. Гоголя и В. Набокова, завершая использованием мифологического заимствования на разных уровнях постмодернистского нарратива, аллюзиями и реминисценциями.

В 2016 г. в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» был опубликован рассказ «Гош» [Мамишев 2016]. Формально сюжет посвящен кризису среднего возраста. Но ему подчиняются доминирующие «силовые линии» авторского подтекста: кризис главного героя Гошева параллельно сопровождается кризисом не только на исторической родине – Северном Кавказе, (предположительно, Нальчике), России в целом, но и в другой стране. Границы нарративного топоса выглядят условно благодаря глобализации, перемешавшей все народы и нации в некий однородный социум; на этом фоне индивидуальности дифференцируются скорее по принципу имущественного неравенства. Остается неизменным интерес автора к социально-негативным феноменам, которые манифестируются в сатирическом ключе, почти гротескно. Так, Гошев устремляется вдогонку любимой белокурой девушке Асгерд, которую находит в Стокгольме, но она оказывается... мужчиной-транссексуалом. Автор касается других примет новейшего времени – тотальной коррупции, падения нравов, массового обнищания простых людей. Путешествие за своей мечтой, любовью оборачивается трагикомическим разочарованием; высокая цель, чистый любовный порыв в условиях современной действительности оборачивается очередным симуля-

кром, абсурдом, и внутренний конфликт главного героя разрешается в чисто постмодернистском ключе. Точно такими же «перевернутыми», «изнаночными» оказываются былые представления и былые ценности. Так, в тяжелой ситуации для Гошева близким человеком, настоящим другом становится девушка легкого поведения с Украины. Автор всякий раз опровергает традиционную мораль, мешая читателю стать жертвой очередных стереотипов.

В контексте рассказа в непосредственное соприкосновение приходят традиционный уклад и глобализация, не превращаясь при этом в антагонистическую оппозицию. Традиция и глобализация для нарратора вполне совместимы, но «альфой и омегой» для В. Мамишева остается нравственно-этическое — человеческое. Именно в нравственном императиве, по представлению автора, заложены основы национальных традиций, и при их сохранении можно прогнозировать оптимистический, позитивный исход глобализации. Эта идея становится лейтмотивом рассказа, который вербализуется в экспозиции:

> «Понятно, на дворе сейчас третье тысячелетие и надо как-то соотноситься и взаимодействовать со всем остальным миром, в котором существуют и другие правила, и другие взгляды на жизнь, и другие представления о возможном и допустимом. Каждый во всем этом многообразии имеет право выбирать. Выбор есть и у тебя: либо живешь в соответствии со своим нравственным законом, либо отказываешься от него. Никто в этом случае тебя не казнит, и, возможно, благодаря этому ты станешь богаче и успешней, но, утратив эти условности, которые еще называются совестью, честью, благородством, ты утрачиваешь и связь с исконным адыгством, даже если и клянешься в любви к родным горам и примеряешь на себя дедовскую черкеску» [Мамишев 2016: 38].

Особенностями авторского стиля становятся не только гетеротопии, но и склонность к сленговым, жаргонным выражениям, что в целом характерно для творчества другого кабардинского русскоязычного писателя, – Алима Балкарова.

Тема «маленького человека» в конце XX в. претерпела серьезные метаморфозы. Подобно многим героям «нетрадиционной» литературы, герои В. Мамишева пассивны, социально индифферентны, аморфны, склонны к компромиссу. Именно такой тип героев в критике называют маленькими людьми. Но «малость» героя – не в его социальном положении (плотник или вовсе безработный), не в «низости» его происхождения, а в убожестве его сегодняшнего состояния. В этом смысле герои В. Мамишева похожи на довлатовских; С. Довлатов возвратил в своем творчестве не только образ «маленького человека», но и «лишнего», обремененного «вечными вопросами» и унаследовавшего «русскую хандру» и пьянство как ее частую разновидность. «В творчестве писателей конца XX в. родился новый синтез: «лишний» человек с мятущейся душой, ищущим сознанием по воле обстоятельств слился с «маленьким», и на этом пересечении возникло совершенно новое своеобразное звучание» [Богданова 2001: 105].

Проблема маленького человека, интегрированная не только в литературное, но в мировое культурное пространство, оказалась одной из центральных тем всех видов искусства, в том числе, кинематографа. Например, оппозиция «простой человек – государство», впервые актуализированная в кинематографе

Ч. Чаплиным, состояла в несопоставимом противостоянии обычного человека могучей бездушной государственной машине, персонифицированной в разных художественных и символических формах. Именно в этом наглядном неравном противостоянии заключалась реакция восхищения мужеством, заложенным в человеке.

Уже в начале своего творческого пути В. Мамишев заявил о себе как о самобытном поэте. В 1996 г. вышла в свет поэма «Романическая Юлиада». Современная история любви Юлии и Ромы «вписана» в рамки начального периода анархического капитализма, пришедшего на смену распавшейся Советской империи. В портрете главного героя поэмы отмечены характерные черты подростков этого периода:

Мальчик Рома – шестнадцати лет.
На запястье – чернильное – «Алла»,
Там же – цепь и пудовый браслет
С добавленьем – поклонник металла [Мамишев 1996: 3].

Юноша Рома из рабочей семьи, его отец – рабочий-передовик крупного завода. Очерк о нем с фото, где он изображен «в рваной фуражке», был напечатан в «очень-много-тиражке» под красноречивым заголовком «Рванем». Но после крушения Советского Союза Нидворацкий, верой и правдой служивший родной стране и ее процветанию, пополнил армию огромного «потерянного поколения» тружеников расколовшегося пространства необъятной страны. За добрым юмором автора обнаруживается горькая ирония по утраченной вере и ясному смыслу, составлявших когда-то основу идеологии простых советских людей, перешагнувших жесткую драматическую границу путча начала 90-х. XX в. Автор касается этого относительно недавнего периода, пока еще недостаточно осмысленного в кабардинской художественной литературе постсоветского периода.

Большинство из бывших рабочих исчезнувших промышленных комплексов, испытав тяжелую психологическую травму, связанную с крушением государственной машины и собственного завода, не смогли вписаться в принципиально иную систему социально-экономической формации, которая принесла с собой столь же противоположные морально-этические установки и ценности. В сознании человека бывшей системы Нидворацкого, отца главного героя поэмы, остается лишь «боль по прошлому: лучшее – было» [Мамишев 1996: 5]; вопросы без ответов человека, потерявшего всякие ориентиры и самоидентичность: «Что… такое теперь я?» [Мамишев 1996: 4].

В поэме воссоздана драматическая ситуация всеобщей растерянности, трагической социальной и общей дезадаптации со всеми вытекающими последствиями (пьянство, наркомания, формирование целого класса бездомных – бомжей, и т.д.).

Завязка соответствует началу влюбленности Ромы: неловкие, угловатые фразы, мучительная застенчивость – весь этот непростой набор признаков первой юношеской любви замечательно отражен автором в прерывистых диалогах, коротких описаниях, шутливых риторических отступлениях.

Яркая экспрессивно-юмористическая характеристика матери главного героя дает представление о ней как о типичном представителе российского рабочего класса:

Мать – крановщица в строительном тресте.
Возраст – бальзаковский. Нравом – в базальт.
Нынче в отхожем застукала месте
Папу с портвейном… Гортанное: «Хальт!».

Хлесткая очередь, гильзы – фонтаном,
Траченный порох – клубами в окно…
Тело супруга, как башенным краном,
Сильной рукою в постель снесено [Мамишев 1996: 5].

Противоположную социально-эстетическую характеристику несет описание семьи Юли. Портрет ее матери разительно отличается от короткой, но выразительной поэтической зарисовки материнского портрета главного героя:

О небесах над Фудзиямой
Расскажет синим – кимоно,
Надето Юлиною мамой,
На кухне слышится оно

В ладу с этюдом файв-о-клока
И фугой дамских сигарет…
Теперь – в три линии – портрет:
Отлет руки, глаз поволока,
Заученно-надменный вид… [Мамишев 1996: 11].

Текст поэмы выдержан в типичном юмористическом и пародийно-ироническом стиле. Определяющими в плане позиции автора становятся интонации, нюансы, которые прозрачно, но достаточно отчетливо передают авторское отношение к персонажам. Так, в отношении банкира и его детища (банка) ирония приобретает жесткий характер:

Кредитного банка «Навек»
(Владелец и он же – директор)…

Солидная вывеска. Шарм.
Растущий процент с оборота
Уже – не поверить ушам –
Не лезет в складские ворота [Мамишев 1996: 13-14].

Мамишев – мастер поэтического, преимущественно смехового интонирования. «Специфическая интонация стихотворной речи «вписана» в стихотворный текст. Стих – форма речи, способная фиксировать на письме интонацию. Интонация – вот тот речевой фактор, который отличает стихи от прозы [Фесенко 2008: 211-212]. Согласно предложенной классификации Э.Я. Фесенко, прие-

мы интонирования можно разделить на три типа: декларативный, говорной и напевный. Поэтическому творчеству Мамишева присущ второй, *говорной* тип интонирования – «стих, наиболее близкий к интонациям разговорной речи, с простыми фразами…» [Фесенко 2008: 213].

Мир «новых», новорожденный класс буржуазии, явленный в постсоветский период, возводит непроницаемый барьер между юными влюбленными, становится непреодолимой преградой для воплощения простого счастья. В этом смысле вечные сюжеты не меняются со времен «Ромео и Джульетты» У. Шекспира: капитал во все времена разрушает подлинный мир человека, незаметно подменяет истинные ценности.

Наступлением новой эпохи «дикого капитала» отмечена в первую очередь атмосфера города:

Улыбка на улицах – редкая птица.
Иная слетит с обмороженных губ
Затем только, чтобы насмешкой *вкогтиться*
В простуженный взгляд… [Мамишев 1996: 15].

Другой вариант городского портрета выдержан в той же минорной тональности:

Их проводили. Город был невесел,
При том, что был уже навеселе.
Он друг от друга всех позанавесил,
Как окна в обезлюдевшем селе [Мамишев 1996: 43].

Но автор, склонный к ярким художественным обобщениям, трансформирует город в символ страны, обращаясь к знаковому советскому образу бронепоезда, сорвавшегося с «запасного пути»:

Он больше походил на бронепоезд,
Сорвавшийся с «запасного пути».
И – под уклон, в разгон, в свободный поиск,
И – счастлив, кто сумел с него сойти –

Не выброшен. Расцеплены вагоны;
В купе разборки и нехватка мест.
– Кто стрелочник? …мелькают перегоны.
– Убрать его! – Куда мы? …компас – вест [Мамишев 1996: 44].

Одной лишь фразой автором указывается современное направление – вестернизация, стихийное заимствование западной модели жизни.

В. Мамишев не боится эксперимента: меняет ритм, рифму, активно вводит неологизмы, преимущественно – в унисон ироническому дискурсу – забавные, совмещенные порой с натуралистической экспрессией:

Набрякших уже в говорении *снулом*
Всей скукой *цифири* для сводных таблиц… [Мамишев 1996: 10].

Вводимые неологизмы, как правило, усиливают эффект поэтических сравнений и метафор, разрешая их в смеховой плоскости: «Вот и мы, *занедосужив*», «в завесе *древоветных* кружев», «то, что прежде – *черново*», «вкогтиться» и т.д. Впрочем, иногда они кажутся избыточными и не вполне органичными.

Автор находит смелые яркие метафоры того же городского урбанистического пейзажа:

Проулок уперся в бетонный забор,
Как в непроходимую тупость – острота [Мамишев 1996: 34].

Таким образом*, языковая игра* становится особенностью творческого метода В. Мамишева.

В пространстве художественного нарратива, отражающего частный дикий передел государственной собственности времен перестройки, не может выжить и расцвести хрупкий росток чистой юношеской любви. Рома и Юля расстаются, в модной дорогой клинике Глеба Бешлотца убит их неродившийся ребенок. Кажущаяся возможность будущего счастья отменяется банковским капиталом.

Однако Роман борется за свое счастье до конца, обрывая трубку таксофона, видя прямо перед собой «знакомую вывеску банка». Но на звонки никто не отвечает или Юлю не зовут. Последняя отчаянная попытка вернуть возлюбленную, когда он решается войти в ненавистный банк, к ее отцу:

Вход не всяким. Два дюжих квадрата
С трех сторон подошли к молодцу:
Ваша, дескать, персона – нон грата, –
Не угодна ее, мол, отцу… [Мамишев 1996: 58].

Юле же в компенсацию (моральный ущерб покрывается материальным) «куплена новая шуба», в которой она смеется на постановке «Плач палача», а в антракте шлет корзину с цветами актеру, игравшему роль топора, – замечательный художественный ход, который демонстрирует идентичность нравственных ценностей реальной, литературной и театральной жизни.

Так же, как в прозе, в поэтическом творчестве В. Мамишева дополнительную семантическую нагрузку (как бы в помощь читателю) несет номинология. Нескладная, нелепая на первый взгляд фамилия отца главного героя – Нидворацкий – указывает на его социальное происхождение, противоположное по отношению ко «Двору», то есть к власти. Главные персонажи: Рома и Юля формируют юмористическое игровое пародийно-юмористическое название поэмы – «Романическая Юлиада».

Поэтика В. Мамишева отличается умением работать в широком стилевом диапазоне: автор активно вводит в поэтический оборот иностранные слова, интертекстуальные ссылки; например, внедряется в культурологическое поле античной литературы, классики и пр., как правило, с целью усиления смехового (чаще иронического) эффекта.

Одним из «программных» стихотворений автора является «К Яр-у», в котором в нарочито выспренной и в то же время пренебрежительной манере да-

ются насмешливые определения основным «большим стилям». Аттика, Готика, Ренессанс, Барокко, Романтизм, Реализм, Модерн – стили, которые получают смеховое поэтическое отражение (характерно, что название юго-восточной области средней Греции — Аттика – автором тоже шутливо причисляется к стилю, очевидно, по причине фонетического сходства). Последнее четверостишие посвящается постмодерну:

Слушаю… мало ли песен.
Рифмую к их возрасту плесень.
Вздыхаю умильно: «А.-х Керн».
За окном – ПОСТМОДЕРН [Мамишев 2001: 169].

Авторское видение, таким образом, проходит через призму постмодернистского восприятия. Но, собственно, и этот стиль не воспринимается всерьез и тоже подвергается осмеянию. «Корректнее говорить не о «постмодернизме», а о «ситуации постмодернизма», которая так или иначе отыгрывается-отражается в самых разных областях... В лингвистике (постструктурализм), в философии (деконструктивизм), в изобразительном искусстве (концептуализм), в литературе и кинематографе, в религии, в экономике... Постмодернизм – многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений. Прежде всего постмодернизм выступает как характеристика определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценка как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире» [Курицын 2000: 8-9].

Иронический эффект – доминирующий во всем творчестве В. Мамишева – в прозе и поэзии. Ирония, пародия, сатира – составляющие общего принципа снижения, осмеяния как способа аннигиляции действительности, которая демонстрирует утрату нравственного смысла, порой полную бессмысленность, доведенную до абсурда. В этом смысле творческие методы Дж. Кошубаева и В. Мамишева становятся знаковыми в истории развития русскоязычной адыгской литературы.

Комическое, по Аристотелю, в несовпадении. Смех – реакция на несовершенство мира; чем авторитарнее политический режим, тем острее политический юмор. Смеховая культура тесно связана с национальным фольклором, уходящим в своем генезисе к архаике. Самые древние корни имеют отношение к сардоническому смеху, в настоящее время применяемому как синоним жестокого, злорадного смеха. Одна из форм смеховой поэтики – ирония, широко распространенная в творчестве В. Мамишева, по сути, представляет собой феномен несоответствия, который вызывает комический эффект.

Фр. Шлегель определяет иронию как «постоянную пародию на самого себя… она высказывает чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, чувство невозможности и необходимости всей полноты

высказывания» [Шлегель 1934: 176]. Все эти составляющие художественной смеховой стихии ярко характеризуют творчество В. Мамишева.

Наряду со стихотворением «К Яр-у», которое можно с уверенностью отнести к экспериментальным, другое стихотворение («Элегия») в выверенном традиционном стиле замечательно передает невообразимо разношерстную, пеструю толчею в одной картинке вокзальной жизни, запечатленной в поэтической миниатюре. Автор воссоздает натуралистически достоверный нарратив грубой, неприкрытой российской действительности, соединяя обрывки фраз пассажиров, атмосферу вокзальной суеты и сутолоки; формирует общий фон общей неразберихи и бессмыслицы жизни. Однако стихотворение пронизано добрым юмором и симпатией самого автора, выхваченный фрагмент вокзальной жизни как метафора жизни российской вызывает у читателя эффект узнавания и приводит в то самое элегическое состояние, которое соответствует названию. Впрочем, лирический финал тоже является основанием для обозначения пародийного элегического жанра:

И вновь сумятица посадки,
И снова брань проводников…
А в небе, с надписью «Осадки»,
Идут составы облаков… [Мамишев 2001: 171].

Соответствие далеко несовершенных земного и небесного «составов» придает художественному тексту композиционную завершенность.

Фабула шуточного стихотворения «В альбом Н. Н.» также близка к «манифестации абсурда» и построена на неожиданном повороте в личной жизни главного героя: год спустя после расставания с возлюбленной он обретает семью – ее саму и новорожденного сына.

Из-за негативных российских реалий, «в восприятия зарубежных литературоведов, критиков и читателей понятие «советская литература» очень часто отождествляется с понятием «русская литература»: не учитывается ее многонациональный характер». Современная русскоязычная литература обретала новые художественные средства выражения, сохраняя интерес к традиционным художественным объектам. Так, «маленький человек», став излюбленным героем представителей русской классической литературы, начиная с Н.В. Гоголя, остается в центре внимания современных авторов; вместе с тем, художественный нарратив реализуется чаще всего в рамках постмодернизма или синкретических художественных средств.

В современной кабардинской русскоязычной литературе наметились две тенденции: одна заключается в сохранении и разных уровнях актуализации национального компонента, другая – в его нивелировании или минимальном использовании. Первую тенденцию представляют такие русскоязычные писатели как М. Емкуж, Дж. Кошубаев и др. К представителям кабардинской литературы, которые работают преимущественно на некоем универсальном материале, в котором трудно определить национальную проблематику, является творчество В. Мамишева; сюда же можно отнести отдельные произведения А. Макоева. Это

направление тяготеет больше к определению российской художественной литературы, которая носит ярко выраженный синкретический характер.

Интересным методом, которым отмечено творчество В. Мамишева и А. Балкарова, становятся *гетеротопии*, которые заключаются в ассимиляции художественным текстом отдельных топонимов, гидронимов, имен собственных и пр., заимствованных из современной жизни реального национального города, в котором проживают авторы.

Таким образом, кабардинская русскоязычная проза весьма неоднородна, в том числе, в отношении сохранения национального компонента. Эта важная особенность еще не являлась предметом отдельного исследования. Внутри кабардинской русскоязычной литературы наметилась «точка бифуркации», дающая начало двум направлениям, из которых «универсальная», лишенная в целом национального своеобразия представляет собой более перспективную, доминирующую, учитывая стремительную тенденцию деградации черкесского языка в числе родных языков Северного Кавказа, признанных ЮНЕСКО угасающими, или умирающими.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Богданова 2001 – *Богданова О.* Современный литературный процесс (К вопросу о постмодернизме в русской литературе 70–90 годов XX века): Материалы к курсу «История русской литературы XX века. Ч. 111. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т. Филол. ун-т, 2001. – 250 с.

Курицын 2000 – *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм. – Москва: ОГИ, 2000. – 286 с.

Мамишев 1996 – *Мамишев В.* Романическая Юлиада. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 59 с.

Мамишев 2004 – *Мамишев В.* Человеческое общежитие. – Нальчик: Эльбрус, 2004. –83 с.

Мамишев 2016 – *Мамишев В.* Гош: Рассказ // Литературная Кабардино-Балкария. – 2016. – № 6.– С. 36–57.

Фесенко 2008 – *Фесенко Э.* Теория литературы. – Москва: УРСС, 2008. – 780 с.

Шлегель 1934 – *Шлегель Фр.* Литературная теория немецкого романтизма. – Ленинград: Изд-во писателей, 1934. – 333 с.

REFERENCES

BOGDANOVA O. *Sovremennyj literaturnyj process (K voprosu o postmodernizme v russkoj literature 70–90 godov HKH veka)* [Modern literary process (On the question of postmodernism in Russian literature of the 70 – 90s of the twentieth century]: IN: Materialy k kursu «Istoriya russkoj literatury XX veka. Part 1. – SPb. S.-Peterb. gos. un-t. Filol. un-t. – 2001. – 250 p. (In Russ.).

KURITSYN V. *Russkij Literaturnyj Postmodernizm* [Russian Literary Postmodernism]. IN: E.YA. Fesenko. Teoriya literatury. – Moscow: URSS, 2000. – 286 p. (In Russ.).

MAMISHEV V. *Romanicheskaya Yuliada* [The Romantic Juliad]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 59 p. (In Russ.).

MAMISHEV V. *Chelovecheskoe obshchezhitie* [Human dormitory]. – Nalchik: Elbrus, 2004. – 83 p. (In Russ.).

MAMISHEV V. *Gosh…: Rasskaz* [Gosh: a story]. IN: Literaturnaya Kabardino-Balkariya [Literary Kabardino-Balkaria]. – 2016. – No. 6. Pp. 36-57 (In Russ.).

FESENKO E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. – Moscow: URSS, 2008. – 780 p. (In Russ.).

SCHLEGEL FR. *Literaturnaya teoriya nemeckogo romantizma* [Literary theory of German Romanticism]. – Leningrad: Izd-vo pisatelej, 1934. – 333 p. (In Russ.).

Информация об авторах
М.А. Хакуашева – доктор филологических наук.
Е.Н. Бетуганова – кандидат филологических наук.

Information about the authors
M.A. Hakuasheva – doctor of science (Philology).
E.N. Betuganova – candidate of science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 21.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Фольклористика

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 398.223
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-400-416
EDN: SPAGLS

ЕЩIЭНОКЪУЭ ЗЭШХЭМ Я ЦИКЛЫМ ДЫЗЫЩРИХЬЭЛIЭ СЮЖЕТХЭМРЭ МОТИВХЭМРЭ

Быхъурэ Мухьэмэд ФуIэд и къуэ
Урысейм ЩIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ и институт, Налшык, Урысей, mbf72@mail.ru, orcid.org/0000-0002-6253-4097

Аннотацэ. ЕщIэнокъуэ зэшхэм ехьэлIа циклым къызэщIиубыдэ уэрэдхэмрэ хъыбархэмрэ ящыщщ адыгэ лъэпкъ IуэрыIуатэм и фIыпIэхэм, а щытыкIэри къэгъэлъэгъуащ ахэр мотивхэмкIэ, сюжетхэмкIэ къулейуэ зэрыщытымкIэ. Пэжщ, абы нэхъ пасэуи ди еджагъэшхуэхэм гу лъатауэ щытащ, мотив, сюжет щхьэхуэхэри зэпкърыхыным гулъытэ леи хуащIащ, ауэ, апхуэдэу щыт пэтми, псори къызэщIэкъуауэ щызэпкърыха къэхутэныгъэ зэкIэ дунейм къытехьакъым. Абы къыхэкIащ къэдгъэлъэгъуа темэр зэпкърыхыным зыщIыхуэдгъэзари. Мурад нэхъыщхьэу зыхуэдгъэувыжащ мы лIыхъужьхэм теухуа IуэрыIуатэхэкIхэр зэрызэхэт мотивхэмрэ сюжетхэмрэ дгъэбелджылыну. Мыхьэнэ нэхъыщхьэр зэтар абыхэм ящыщ дэтхэнэ зыми къэхутэ-зэгъэпщэныгъэ Iэмалыр и лъабжьэу и лIэужьыгъуэр убзыхунырщ, абы папщIэкIи дэ къэдгъэсэбэпащ IуэрыIуатэр зыдж иджырей щIэныгъэр зытет дуней псо сюжет гъэлъагъуэхэр (АТ, СУС, н.). Апхуэдэу мы тхыгъэм и къалэнщ мотив, сюжет къэс я лъапсэр, циклым къызэрыхыхьа щIыкIэр наIуэ къэщIыныр. Къэпщытэныгъэм къызэригъэлъэгъуащи, мыхэри нарт циклхэм я гъэпсыкIэ хабзэм тету зэхоувэ: лIыхъужьхэм я адэ-анэм я тхыдэр, езыхэр дунейм къызэрытехьар, я сабиигъуэр, шыр къазэрыIэрыхьар, ягъэхъа лIыхъужьыгъэхэмрэ IуэхущIафэхэмрэ, дунейм зэрехыжахэр къэзыIуатэ сюжетхэуи зэхэтщ. Мыбыхэм ящыщ зыкъомым нэхъ пасэу къэунэхуа нарт эпосым, лIыхъужь псысэхэм, н. дащыхуозэ, а псом къагъэлъагъуэ циклым ныбжьышхуэ зэриIэр, пасэрей жанр лIэужьыгъуэхэм быдэу пыщIауэрэ зэрызэтеувар.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: ЕщIэнокъуэ зэшхэр, нарт эпос, тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпос, лIыхъужь псысэ, мотив, сюжет.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Быхъурэ М.Ф. ЕщIэнокъуэ зэшхэм я циклым дызыщрихьэлIэ сюжетхэмрэ мотивхэмрэ // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 400-416. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-400-416. – EDN: SPAGLS.

© Быхъурэ М.Ф., 2022

Original article

MAIN PLOTS AND MOTIVES OF THE CYCLE ABOUT THE ESHANOKO BROTHERS

Mukhamed F. Bukhurov
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, orcid.org/0000-0002-6253-4097.

Abstract. Songs and legends dedicated to the Eshanoko brothers are one of the most artistically perfect and popular works of oral folk art among the Circassians. Evidence of this is the high frequency of their recording in records and publications, the wide geography of their existence, the diversity and richness of their plot composition. Researchers of the Adyge folklore focused on individual motifs and plots of the cycle under consideration. However, until now there are no special works devoted to a detailed description of the entire plot-motive fund of the cycle about the Eshanoko, which is the reason for our appeal to the designated topic. This study gives, as far as possible, a complete analytical description of the plot and the main motives of the songs and legends included in the named cycle, in connection with which special attention is paid to determining the main plots and motives according to the international indicators (AT, SUS, etc.), established features of the genesis, evolution and transformation of the main plot-forming elements. Because of the study of materials, it is concluded that, as in the Nart epos, folklore universals stand out in the cycle about the Eshanoko brothers, which are the motives and plots about the marriage of the father of the heroes, about their birth, heroic childhood, obtaining a horse, deeds and death. Many of them are like objectification to the elements of a heroic fairy tale. All this allows us to conclude that the cycle about the Eshanoko brothers was formed in close connection with the more ancient genres of the Adyge folklore, in particular, with the archaic Nart epic and heroic tales.

Key words: Eshanoko brothers, Nart epic, historical and heroic epic, heroic tale, motif, plot.

For citation: Bukhurov M.F. Main plots and motives of the cycle about the Eshanoko brothers. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 400-416. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-400-416. – EDN: SPAGLS.

© Bukhurov M.F., 2022

Научная статья

ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ ЦИКЛА О БРАТЬЯХ ЕШАНОКО

Мухамед Фуадович Бухуров
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, orcid.org/0000-0002-6253-4097

Аннотация. Песни и предания, посвященные братьям Ешаноко, представляют собой одно из самых художественно совершенных и популярных произведений устного народного творчества адыгов. Свидетельством этому служат высокая частотность их фиксации в записях и публикациях, широкая география бытования, многообразие и богатство их сюжетно-композиционного состава. Исследователи адыгского фольклора обращали внимание на отдельные мотивы и сюжеты рассматриваемого цикла. Однако до настоящего времени не существует специальных работ, посвященных детальной характеристике всего сюжетно-мотивного фонда цикла о Ешаноковых, чем и обусловлено наше обращение к обозначенной теме. Цель настоящего исследования – дать по возможности полное аналитическое описание сюжетики и основных мотивов песен и преданий, включаемых в названный цикл, в связи с

чем особое внимание уделяется определению основных типов сюжетов и мотивов по имеющимся международным указателям (АТ, СУС и др.), устанавливаются особенности генезиса, эволюции и трансформации главных сюжетообразующих элементов. В результате исследования материалов делается вывод, что, как и в нартском эпосе, в цикле о братьях Ешаноко выделяются фольклорные универсалии, каковыми являются мотивы и сюжеты о женитьбе отца героев, об их рождении, богатырском детстве, добывании коня, деяниях и гибели. Многие из них по форме объективации близки элементам богатырской сказки. Все это позволяет заключить, что цикл о братьях Ешаноко сформировался в тесной связи с более древними жанрами адыгского фольклора, в частности, с архаическим нартским эпосом и сказками героического характера.

Ключевые слова: братья Ешаноко, нартский эпос, историко-героический эпос, богатырская сказка, мотив, сюжет

Для цитирования: Бухуров М.Ф. Основные сюжеты и мотивы цикла о братьях Ешаноко // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 400-416. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-400-416. – EDN: SPAGLS.

© Бухуров М.Ф., 2022

Дызэрыщыгъуазэщи, къыщыунэхуа, щызэтеува лъэхъэнэ елъытауэ адыгэ лIыхъужь эпосыр лIэужьыгъуитIу зэщхьэщокIыр – пасэрей нарт эпосрэ абы къыкIэлъыкIуа тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосу. Нэщэнэ куэдхэмкIэ (мотивхэмкIэ, сюжет, образ къэгъэщIыкIэкIэ, художественнэ Iэмалхэмкlэ, н.) мыхэр зыкъомкIэ зэпэблагъэ пэтми, дэтхэнэ зыми щхьэхуэныгъэ зыбжанэ ябгъэдэлъщ. Пэжщ, зи гугъу тщIы эпос лIэужьыгъуитIри джыным теухуауэ щIэныгъэм дежкIэ мыхьэнэшхуэ зиIэ къэхутэныгъэ купщIафIэ куэд дунейм къытехьауэ щыIэхэщ, икIи, дауикI, щхьэж бгъэдэлъ нэщэнэхэр Iэзагъышхуэ хэлъу абыхэм щызэпкърыхащ. Абы къыхэкIкIэ, а псом иджыри зэ къыщIытедгъэзэжын щхьэусыгъуэ щыIэу къэтлъытэркъым, ауэ дызытепсэлъыхьыну Iуэхугъуэм дежкIэ мыхьэнэ зэриIэм къыхэкIыу, абыхэм ящыщ зым дыблэмыкIмэ нэхъ тфIэкъабылщ. Ар я зекIуэкIэрщ, я зэхэлъыкIэрщ. Мыбдежым зи гугъу тщIыр нарт эпосыр пшыналъэрэ хъыбару зэрызэхэлъырщ, абыхэм лIыхъужь къэс я гъащIэр зэрекIуэкIам теухуа циклхэр къызэрагъэхъурщ, абы щыгъуэми пшыналъэм къыщыIуэтам къемыпха сюжет зиIэ хъыбар зыбжанэ цикл къэскIэ къызэрызэщIиубыдэрщ. А псом къадэкIуэу гу зылъытапхъэращи, нарт пшыналъэхэм сюжет укъуэдия яIэщ, зытепсэлъыхьри, хъыбар ямыгъусэми, гурыIуэгъуэщ. Псалъэм папщIэ, Сосрыкъуэ и циклым нэхъыщхьэу хэтыр лIыхъужьым мафIэ къызэрихьамрэ ар ТIотIрэш зэрезэуамрэщ. ТIури хъыбарым и «дэIэпыкъуныгъэ» хуэмыныкъуэу ипэм къыщыщIэдзауэ иухыху зытепсэлъыхьыр белджылыщ. Абыхэм къепхыжащ Сосрыкъуэ къызэралъхуар, и сабиигъуэр, и джатэмрэ и шымрэ къызэригъуэтар, Уэрсэрыжь фызыжь цIыкIум зэрыхуэзар, Ерыхъшу, Щабэтныкъуэ сымэ гъусэ ищIу нартыпщым и пхъум лъыхъу зэрыхуэкIуар, бгъэм ихьа хъыджэбзыр къызэригъуэтыжар, шу бгъущIрэ бгъур зэриукIар, иныжьхэм зэрезэуар, езыр зэраукIар къэзыIуатэ сюжетхэр, нэгъуэщI куэдхэри [Нарты… 2012: 181-388]. А щытыкIэр ябгъэдэлъщ мыдрей нарт лIыхъужьхэм (Батрэз, Ашэмэз, Бэдынокъуэ, н.) я циклхэми. Абы хуэдэкъым тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосыр. Мыри уэрэдрэ хъыбаррэ

зэдэщIыгъуу къызэдогъуэгурыкIуэ, ауэ абыхэм нэхъыбэм цикл къагъэщIыркъым, уэрэд къэскIэ щIыгъур зы хъыбарщ (языныкъуэхэм – тIу), абыи къалэн щхьэхуэ егъэзащIэ: уэрэд къудейм уедаIуэкIэ, зытеухуар гурыIуэгъуэкъым, абы щIыгъу хъыбарыращ ар къыбгурызыгъаIуэр. Абы и щапхъэщ, псалъэм папщIэ, Нартыгу ехьэлIа IуэрыIуатэр. Мы лIыхъужьым и уэрэдри и хъыбарри къэIуэтэкIэкIэ зэмылIэужьыгъуэ зыбжанэу зэтепщIыкIауэ лъэпкъым зэрехьэ, ауэ псом дежи зэкIуэлIэжыр зы Iуэхугъуэщ – Нартыгу пщы залымыр зэриукIарщ. Уэрэдым хэт псалъэхэм а къэхъугъэм и лъэужь гуэрым дытрашэ пэтми, ар наIуэ къэзыщIыр хъыбарырщ. Абы къыхощ лIыхъужьыр апхуэдэ гъуэгу техьэныр къэзыша щхьэусыгъуэри, сыт хуэдэ щIыкIэкIэ Iуэхур илэжьами, хэт сымэ абы хэтами, н. [АИГИКБНЦРАН: папка № 21-р]. Аращи, тхыдэр зи лъабжьэ эпосыр сюжет и лъэныкъуэкIэ нарт эпосым ебэкI пэтми, нэхъыбэу зэрызекIуэращи, лIыхъужь къэс е къэхъугъэ гуэрым хухэхар зы уэрэдрэ зы хъыбаррэщ. Апхуэдэу щыт пэтми, пасэрей эпосым ихъума цикл къэгъэщIыкIэр тхыдэ эпосыр къызэрыунэхуу «напIэзыпIэм» дэкIуэдауэ пхужыIэнукъым, атIэ абы зэманыфI ихьауэ къыщIэкIынущ.

Япэм зытетауэ щыта цикл къэгъэщIыкIэм адыгэ эпосыр хуэмурэ къызэрыбгъэдэкIыр, нэгъуэщIу жыпIэмэ, зы лIыхъужьым сюжет зэмылIэужьыгъуэ куэд къепхауэ зэрыщымытыжыр хыболъагъуэ нарт эпосым и зыужьынытъэр щыужьыхыж лъэхъэнэм. Абы и щапхъэ зыкъом хыхьащ «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылъым и еплIанэ Iыхьэм [Нарты… 2020]. Гу зылъытапхъэращи, языныкъуэхэм деж мыбыхэм зы лIыхъужьым тегъэпсыхьар е зы пшыналъэщ, е зы уэрэдщ; цикл щхьэхуэ къыщагъэщIращи, пасэрей циклхэм ябгъэдэлъа нэщэнэхэр нэгъэсауэ ядэплъагъужыркъым, сюжет зыбжанэу зэхыхьэми, нэхъыбэр псысэм зыщызужьахэрщ; мотивхэм, сюжетхэм, образхэм якIэрылъ щытыкIэ и лъэныкъуэкIэ жыпIэми, абыхэми нэхъыбэр нэхъ пасэу зэфIэува циклхэм къыIэпахауэ арщ. Псалъэм папщIэ, ТIотIрэш теухуауэ, Сосрыкъуэ зэрезэуам и гугъу умыщIмэ, ди деж къэсар пшыналъитIщ – «Дзэ гъэшынэ шу закъуэ», «ТIотIэрэш и бжыпэ дыкъуакъуэ» [Нарты… 2020: 60-70], абы щыгъуэми тIум я сюжетри нэхъ пасэу къэунэхуахэм ящыщщ: япэр Бэдынокъуэ и анэр чынтыдзэм зэрезэуам хуэдэ дыдэщ, етIуанэр – благъуэм езэуэнырщ. Ауэ, мы IуэрыIуатэхэкIхэм нэхъыбэр апхуэдэу щытми, мыбдежми ущрохьэлIэр пасэрей эпосым и хабзэм тету зэтеува цикл зыбжанэм. Абыхэм хэбгъэхьэ хъунущ, псалъэм папщIэ, сюжет куэду зэхэлъ Пагуэ и къуэ Тэтэрщауэ ехьэлIа циклыр, нэхъ кIасэу зэрызэфIэувам и нэщэнэ куэд абы дэплъагъуми. Мыбы къызэщIеубыдэ лIыхъужьыр дунейм къызэрытехьар, и сабиигъуэр, балигъыпIэ иувэу лIыгъэщIапIэ зэрихьэр, лIыхъужьыгъэ игъэхъар, дунейм зэрехыжар къэзыIуэтэж сюжетхэр, н. [Нарты… 2020: 127-187]. Мыпхуэдэ щытыкIэм ижь щIихуащ тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосми, икIи, псом хуэмыдэу, ар ядыдолъагъу нэхъапэу къэунэхуахэм. ЩIэныгъэлI куэдым гу зэрылъатащи, Андемыркъан ехьэлIа уэрэдымрэ хъыбархэмрэ цикл щхьэхуэ къагъэщI, пасэрей эпосым и жыпхъэм иту ухуащ: лIыхъужьым и дуней къытехьэкIэр, и сабиигъуэр зэрекIуэкIар, шыр къызэригъуэтыр, зэрихьа лIыхъужьыгъэр, зэраукIар къэзыIуатэ сюжетхэу зэхохьэ [Адыгские историко-героические… 2019].

Цикл щхьэхуэ къагъэхъу ЕщIэнокъуэ зэшхэм ехьэлIа уэрэдымрэ хъыбархэмрэ. Нарт эпосым и хабзэм тету, мыбыхэм ятеухуа IуэрыIуатэр сюжет и лъэныкъуэкIэ зэмыфэгъу куэду зэщхьэщокI, дэтхэнэри къэIуэтэкIэ зэмылIэужьыгъуэ куэду зэтепщIыкIыжу. Сюжетхэм къежьапIэ яхуэхъуам я гугъу пщIымэ, я лъабжьэхэр зэкIуэлIэжри зыуэ пхужыIэнукъым: языныкъуэхэр пасэрей эпосым къыбгъэдихащ, мыдрейхэр псысэхэм, псом хуэмыдэу лIыхъужь псысэм, къыIэпихащ, гъащIэм пэжу къыщыхъуа Iуэхугъуэм къигъэщIаи ущрохьэлIэ. А псор щхьэусыгъуэ хуэхъуащ циклыр мотивхэмкIэ, сюжетхэмкIэ къулей хъуныр.

Дызэрыщыгъуазэщи, тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосым щхьэхуэныгъэ бгъэдэлъхэм ящыщ зыщ гъащIэм пэж дыдэу къыщыхъуа, е къыщыхъункIэ хъунум ещхь Iуэхугъуэр къызэрыщыIуэтар. Абы и лъэныкъуэкIэ мыхьэнэшхуэ иIэу къыдолъытэ циклым увыпIэшхуэ щызыIыгъ «Бэхъшысэрей зекIуэм» («Къэбэрдейм цеипхъэжь джанэр зэрыщахыгъам») [Адыгский фольклор 1969: 108-110] и хъыбарым. Абы къызэриIуэтэжымкIэ, я лIыхъужьыгъэмрэ хахуагъкIэ а зекIуэм хэтыну яхуэфащэу къалъытат ЕщIэнокъуэ зэшитIри. Иужьрей зэманхэм къызэрахутамкIэ, Бахъшысэрей зекIуэр къызэзыгъэпэщауэ щытар Тэлъостэныпщырт, ар къыщыхъуари 1535 (1536) гъэм и гъатхэрт (гъэмахуэрт) [Кожев 2018: 52]. Зэрынэрылъагъущи, мис абыкIэ мы лIыхъужьхэм я цIэр гъащIэм и пэжым, тхыдэм епхащ. Ауэ, дызытепсэлъыхь IуэрыIуатэхэкIхэм къызэрагъэлъагъуэщи, мыбдежым щIыпIэшхуэ щаубыд псысэхэм зыужьыныгъэшхуэ щызыгъуэта мотив, сюжет куэдым. Апхуэдэхэщ телъыджагъэ хэлъу лIыхъужьыр дунейм къытехьэныр, занщIэу балигъыпIэ иувэныр, псэр Iэпкълъэпкъ щхьэхуэ гуэрым хэлъыныр е нэмыщI пкъыгъуэхэм – хьэпшып, къэкIыгъэ сыт хуэдэ зыгуэрым – щыгъэпщкIуауэ щытыныр, мэгъу зэфIэкI зиIэ персонаж гущIэгъуншэм пэуву ятекIуэныр, шым, Iэщэ-фащэм телъыджагъэ бгъэдэлъыныр, нэгъуэщI куэдхэри. Ауэ циклым мыхэр «къызэригъэIурыщIэ» щIыкIэм щхьэхуэныгъэ бгъэдэлъщ: гъащIэм и пэжымрэ къэгупсысамрэ зэхэухуэнащ. Абы и фIыщIэу къэплъытэ хъунущ мы лIыхъужьхэм ехьэлIа уэрэдымрэ хъыбархэмрэ ди IуэрыIуатэм и фIыпIэ щIэхъуар, ящымыгъупщэжу лIэщIыгъуэкIэрэ къызэрызекIуахэр. Гъут I.M. гу зэрылъитащи, лIыхъужь пажэр адрейхэм къащхьэщыкIын хуейщ зыми дэдмылъагъу нэщэнэхэмкIэ: къару егъэлея зэрыбгъэдэлъымкIэ, егъэлеяуэ псынщIэу зэрыхэхъуэмкIэ, иджыри сабийуэ (щIалэ дыдэу) адрейхэм зарефIэкI лIыгъэ къызэрылъыкъуэкIымкIэ, икIэм-икIэжращи, телъыджагъэ хэлъу дунейм къызэрытехьэмкIэ [Гутов 2009: 28]. ЩIэныгъэлIым и псалъэхэм къикIращи, мыпхуэдэ мотивхэм IуэрыIуатэм щагъэзащIэ къалэн нэхъыщхьэр лIыхъужьыр къыхэгъэбелджылыкIынырщ. ЕщIэнокъуэ зэшхэр – Уэзырмэсрэ Темыркъанрэ – ящыщщ лIыгъэрэ хахуагъкIэ нэхъ лъэрызехьэ дыдэу лъэпкъым къыхэкIахэм. Апхуэдэу щыщыткIи, зэрыжытIам хуэдэу, ахэри адрейхэм къащхьэщыкIын хуейщ, абы папщIэкIи циклым «зызэхуигъазэр» нэхъ пасэу къэунэхуа жанрхэм щызэтеува мотивхэрщ, сюжетхэрщ. Абы и щапхъэ гъуэзэджэщ, псалъэм папщIэ, бийм – КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь – и образым хэтлъагъуэ нэщэнэхэм лъабжьэ хуэхъуа мотивхэр.

Дызэрыщыгъуазэщи, нарт эпосми лIыхъужь псысэми бийр нэхъ шынагъуэу щытыхункIэ, лIыхъужьым и лIыгъэр, и зэфIэкIыр яIэту арщ: бийр мыхьэнэншэмэ, абы утекIуэным хахуагъэ гуэри хэлъкъым, ауэ ар апхуэдэкъым, атIэ, псалъэм папщIэ, щхьибл зыфIэт иныжь шынагъуэщ, мэгъу зэфIэкIрэ къару егъэлеярэ бгъэдэлъщ, и псэр и Iэпкълъэпкъым хэлъкъыми, текIуэгъуейщ, къызэрыгуэкI IэщэкIи упэлъэщыркъым. КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь къызэрыгуэкI цIыхуу къэгъэлъэгъуами, зи гугъу тщIа нэщэнэхэм хуэдэ куэд абы бгъэдэлъщ: псалъэм папщIэ, миф псэущхьэхэм хуэдэу, жей Iувым хилъэфамэ, и пэм гъуэз кърех, езым и джатэмкIэ фIэкIа, ари къыпхуэIэтмэ, ар зэрыбукIыфын щыIэкъым, н. Абы пэщIэувэу текIуэфырщ лIыгъэ зыхэлъри, апхуэдэращ IуэрыIуатэм игъафIэри.

А псом къикIращи, ЕщIэнокъуэ зэшхэм теухуа циклым пыщIэныгъэ быдэ хуаIэщ нэхъ пасэу зэфIэува жанрхэм. Абы и нэщэнэщ цикл щхьэхуэу зэхыхьэнри, образ къэгъэщIыкIэм и Iэмалхэри, лIыхъужьхэм я шыфIэ-лIыфэри, мотивхэри, сюжетхэри, н.

Циклым дызыщрихьэлIэ хъыбархэм тепщIыхьмэ, мыхэр зэкIэлъыпхь хъунущ, нарт эпосым и хабзэм тету: лIыхъужьхэр дунейм къызэрытехьар, я сабиигъуэр, шыр къызэрагъуэтар, балигъыпIэ иувэу лIыгъэщIапIэ зэрихьар, лIыхъужьыгъэ ягъэхъар, дунейм зэрехыжахэр, н.

ЛIыхъужьхэр дунейм къызэрытехьар къэзыIуэтэж сюжетыр зэхьэлIа елъытауэ лIэужьыгъуитIу зэщхьэщокIыр: 1) ЕщIэнокъуэ зэшхэм я дуней къытехьэкIар къэзыIуатэр; 2) КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь (бийм) и дуней къытехьэкIар къызыхэщыр.

1969 гъ. къыдэкIа «Адыгэ IуэрыIуатэ» тхылъым [Адыгский фольклор 1969] зэритымкIэ, циклыр къыщIедзэ ЕщIэнокъуэ зэшитIыр дунейм къызэрытехьар къызыхэщыж хъыбарымкIэ [Адыгский фольклор 1969: 78-80]. Къапщтэмэ, апхуэдэу зэрыщытым пыплъхьэни пыпхыни хэплъагъуэркъым. IуэрыIуатэр зыдж щIэныгъэм хабзэу зэрыщызэтеуващи, сюжетхэр щызэкIэлъахькIэ, сыт хуэдэ циклри къызэрырагъажьэр лIыхъужь нэхъыщхьэр къызэралъухуам ехьэлIа сюжетымкIэщ. Пэжщ, язныкъуэхэм деж я адэхэм ягъэхъамкIэ, ар къэзыIуатэ сюжет щхьэхуэу щыIэмэ, ар япэ ирагъэувэр. Псалъэм папщIэ, Батрэз теухуа хъыбархэр къызэрыщIидзэр и адэ Хъымыщ къызэришам, зэрихьа лIыхъужьыгъэм, зэраукIам теухуа сюжетхэмкIэщ [Нарты… 2017: 144-163]. Ауэ, нэхъыбэрэ узэрырихьэлIэщи, мыхэр псори зы хъыбарым щызэхэухуэнащ, икIи ахэр зэпхауэ къакIуэр лIыхъужь нэхъыщхьэр дунейм къызэрытехьар къэзыIуэтэж хъыбарырщ. Мыпхуэдэ Iыхьэхэм къалэн щхьэхуи ягъэзащIэ: абыхэм щыгъуазэ дащI лIыхъужьым и адэ-анэм, бийм и хьэл щэнхэм, и дуней къытехьэгъуэр сыт хуэдэ къэхъугъэхэм ирихьэлIами, н. КъэIуэтэкIэкIэ зэтемыхуэми, мы пкъыгъуэхэр зы лIэужьыгъуэу цикл куэдым щызэлъыщIэсащ. Мыбдежым нэгъуэщI зы Iуэхугъуэми гу лъытапхъэщ. Нарт хъыбархэми лIыхъужь псысэми къазэрыхэщымкIэ, лIыхъужь нэхъыщхьэр дунейм къызэрытехьэр къэзыIуатэ мотивым нэхъыбэм деж къепхауэ щытщ и адэм щхьэгъусэ къызэригъуэтым щыгъуазэ дыхуэзыщI Iыхьэр. Мы жанр лIэужьыгъуитIри лIыхъужьыгъэкIэ гъэнщIащ, апхуэдэу щыщыткIи, нысащIэ къэлъыхъуэн мо-

тиври ар дыдэщ – абы сыт щыгъуи гугъуехьрэ хьэзабрэ, къарурэ лIыгъэрэ зытекIуадэ Iуэхугъуэхэр е телъыджагъэ гуэр пыщIащ.

Псалъэм папщIэ, нартхэм я дыщэ жыгым къыпыкIэ мыIэрысэ закъуэр зыдыгъуа тхьэрыкъуэхэм я лъэужь яхуурэ, зэшитIым я зыр псы щIагъ дунейм къыщохутэ. КъызэрыщIэкIамкIэ, тхьэрыкъуищыр набдзэ зытелъым я нэхъ дахэ хъыджэбзхэт, псы щIагъым щыпсэу зэшиблым я шыпхъухэт. Нарт щауэр нэхъыщIэм йогуакIуэ, щхьэгъусэу къратри къаутIыпщыж. Нэмысыжхэ щIыкIэу щIалэри абы и къуэшри хокIуадэ, и щхьэгъусэр уэндэгъуу къыщIокIри, нарт лъахэм къокIуэ, абы щIалэ цIыкIуитI – Хъымыщрэ Уэзырмэсрэ (вариантхэм – Орзэмэдж'рэ Имысрэ) – къыщелъху [Нарты… 2017: 23-24]. Батрэз ехьэлIа сюжетхэм дежи аращ: Хъымыщ щакIуэ кIуауэ испыпщым хуозэри я деж ешэ, испыпхъум йогуакIуэри къешэ, иужькIэ зекIуэ кIуауэ къаукI, испыпхъум щIалэ цIыкIур – Батрэз – къелъху [Нарты… 2017: 163-173]. Мыпхуэдэ щапхъэхэр иджыри къыпхуэхьынущ, ауэ нэхъыщхьэу къыжытIэну дызыхуейр мыбыхэм къагъэлъагъуэр. Ар нысащIэ къэшэн мотивыр зэрызэхэт пкъыгъуэ нэхъыщхьэхэр наIуэ къэщIынырщ. Абы и лъэныкъуэкIэ мыпхуэдэ пкъыгъуэхэр къыхобелджылыкI: 1) лIыхъужьыр щхьэусыгъуэ гуэркIэ дошэсыкIыр. Мы щхьэусыгъуэхэр сыт щыгъуи, дауикI, зэтехуэркъым. Хэти хьэпшып телъыджэ гуэрым и лъыхъуакIуэщ (псалъэм папщIэ, Уэзырмэс и циклым щыщу къэтхьа щапхъэм ар нартхэм я дыщэ жыгым къыпыкIэ мыIэрысэрщ), хэти щакIуэщ (апхуэдэщ Хъымыщ), ещанэращи – зекIуэ ежьэнырщ. ЛIыхъужьыгъэкIэ гъэпса IуэрыIуатэм нэхъыбэу къызэрыхэщымкIэ, ар зекIуэщ (апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, «Мыхьэмэтищ» лIыхъужь псысэр [ФАИГИКБНЦРАН: Инв. № 1037]). 2) къыкIэлъыкIуэ пкъыгъуэр нысащIэм и щIыналъэм (зыщыпсэум) ихьэнырщ. Зы лъэныкъуэкIэ мы пкъыгъуэм мыхьэнэ имыIэу къыпфIэщIынкIэ хъуми, къалэнышхуэ игъэзащIэу жыпIэ хъунущ. Нарт эпосми, лIыхъужь, телъыджей псысэхэми сыт щыгъуи нысащIэр хамэ щIыпIэ жыжьэм е нэгъуэщI дунейм (псалъэм папщIэ, иныжь щIыналъэм, испы хэкум, псым адрыщIкIэ, къуршибл ущхьэдэхмэ, псы щIагъ дунейм, н.) щопсэу. ДахагъкIи, бгъэдэлъ гъэсэныгъэкIи ар псоми йофIэкI. Апхуэдэу щыщыткIи, IуэрыIуатэм абы гу лъыуигъэтэну, къыхигъэщхьэхукIыну хуейщ, абы папщIэкIи къигъэсэбэпыр а Iэмалырщ. 3) адэкIэ – нысащIэр зэрызыIэригъыхьэ щIыкIэрщ. Сыт щыгъуи зи гугъу тщIы жанрхэм хъыджэбзыр щIалэм щыдэкIуэр ар игъэунэхуа иужькIэщ. Нэхъыбэм а гъэунэхуныгъэр зэпхар лIыгъэщ, хахуагъэщ, пэжым тетынырщ. Сюжетым зызэриужьым и гугъу пщIымэ, нарт эпосым нэхъ пасэу къыщыунэхуа циклхэм, лIыхъужь псысэ куэдым адэр бийм IэщIокIуадэри, сабийр адэншэу дунейм къытохьэ. Пэжщ адэр псэууэ, унафэри абы IэщIэлъу ущрихьэлIи щыIэщ (еплъ: Щауей ехьэлIа хъыбархэм).

ЕщIэнокъуэ зэшхэм я дуней къытехьэкIар къызыхэщыж хъыбарым и ухуэкIэр зыкъомкIэ мыбы пэблагъэщ. Хъыбарыр Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ я дуней псо сюжет гъэлъагъуэм (адэкIэ AT) [Thompson 1961] дызыщрихьэлIэ 650B сюжетым и щIэдзапIэмкIэ кърегъажьэ: КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь (Ахъмэтэч) езым нэхърэ нэхъ лъэщ щымыIэу зыкъелъытэж; абы и псэм техуэркъым лIыгъэкIэ, хахуагъкIэ, цIыхугъэкIэ Атэбийр цIэрыIуэ зэрыхъуар. Ар хуейкъым Атэбийр бэлэрыгъауэ зригъэхьэлIэу иукIыну, атIэ нэхъ къищтэр

пэуву и зэфIэкIыр игъэунэхунырщ, апхуэдэ мурад иIэуи къожьэ, ар зэуапIэм къриджэн папщIэкIи и къуэш нэхъыщIэ цIыкIур еукI. Абы илъ ищIэжын мурадкIэ Атэбийр КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь (Ахъмэтэч) и щIыналъэм йохьэр.

Атэбийм фыз къызэришар къэзыIуэтэж Iыхьэр мотив зыбжанэу зэхэухуэнащ – лъы щIэжынри, бийм ирихьэжьа бзылъхугъэр къегъэутIыпщыжынри, хъыджэбзым лIыхъужьыр игъэунэхунри, бийм и псэр, и къарур зыщIыпIэ щыгъэпщкIуауэ щытынри, н. А псор къызэрыIуэтэжари AT 302 псысэ сюжетым пэблагъэщ. Мыпхуэдэ таурыхъхэм зэрахабзэщи, иныжьым (е нэгъуэщI миф псэущхьэ гуэрым) хъыджэбзыр едыгъу; ар къригъэутIыпщыжыну лIыхъужьыр йожьэ; иныжьым тIасхъапIэ иIэщи, абы текIуэн папщIэ, лIыхъужьым ар (и псэр е и къарур зыхэлъыр) къищIэн хуейщ; къызэрыщIэкIымкIэ, иныжьым къару къезытыр щIым и гъунэм щыIэ тенджыз тIуащIэм щыпсэу нэжьгъущIыдзэм и шы лъэпкъым щыщ зэрытесырщ, хъыджэбзым а тIасхъапIэр къехутэ, лIыхъужьым жреIэж; лIыхъужьми апхуэдэш зыIэрегъыхьэри, и бийм токIуэр, хъыджэбзыр хуит къещIыжри щхьэгъусэу къешэ (егъапщэ: СУС 302$_1$ *Смерть Кащея в яйце* [Сравнительный указатель… 1979: 107-108]). Сюжетыр зиIэ адыгэ псысэхэр нэхъыбэу къызэрацIыхур «Къарэлъакъуищ» фIэщыгъэцIэмкIэщ [Адыгские сказки… 2018: 72-78, 79-89]. Таурыхъ куэдым ущрихьэлIэ щыIэщ хъыджэбзыр мэзылIым идыгъуу [Адыгские сказки… 2018: 197-201]. Языныкъуэхэм деж лIыхъужьыр абы пэлъэщын папщIэ, ар жеяуэ щытын хуейщ, ар къызэращIэ хабзи IуэрыIуатэм зэфIигъэуващ – мэзылIыр жей куум хилъэфамэ, и пэм гъуэз (мафIэ бзий) кърех. Абы къыдэкIуэу, ар лIыхъужьым зэрыхуэукIынур езы мэзылIым и сэшхуэ дыдэмкIэщ, абы щыгъуэми и къарур пэлъэщу ар хуэгъэIэрыхуэн хуейщ. Мы мотивым нарт эпосми зыужьныгъэшхуэ щигъуэтащ. Апхуэдэущ Сосрыкъуэ иныжьым зэрытекIуэри, Батрэз Пщы-Марыкъуэ зэрыпэлъэщри, Ашэмэз Лъэбыцэжьей зэрыхигъащIэри.

AT 302 сюжетыр ЕщIэнокъуэ зэшхэм я циклым къызэригъэсэбэпым и гугъу пщIымэ, къэIуэтэкIэм щхьэхуэныгъэ гуэрхэр бгъэдэлъ пэтми, зи гугъу тщIа псысэ пкъыгъуэ псори абы щыхъумащ. Щхьэхуэныгъэхэм ящыщщ, псалъэм папщIэ, Атэбийм бзылъхугъэр къызэрыригъэл щIыкIэр. ЗэрыжытIащи, тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосыр зытепсэлъыхьыр гъащIэм и пэжым нэхъ пэгъунэгъущ, апхуэдэу щыщыткIи, IуэрыIуатэр къэзыгъэщIыр, зэрыхъукIэ, абы миф гупсысэкIэхэм къаша Iуэхугъуэхэр нэхъ мащIэ зэрыщищIынми хущIокъу. Мыпхуэдэ гупсысэхэр иджыри щытепщэ жанрхэм бзылъухугъэр иныжьым, мэзылI е нэгъуэщI миф псэущхьэ гуэрым гъэру иIыгъмэ, мыбдежым абыхэм япIэкIэ дызыщрихьэлIэхэр псори къызэрыгуэкI цIыхухэщ, а миф псэущхьэхэм ягъэзащIэ къалэнхэмрэ хьэл щэнхэмрэ къахуэнами.

Атэбийм щхьэгъусэ хуэхъунур лъыкIэ и бий КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь и къэшэнырщ. Хъыджэбзыр хъаныкъуэм иратауэ Дэгужьым къыщищIэкIэ, Атэбийр щIыгъуу якIэлъопхъэрри къатрехыж. Атэбийм Дэгужьым гъусэ зыщIыхуищIам и щхьэусыгъуэр ищхьэкIэ къыщыжытIащ. Ар илъ ищIэжынырщ. Ауэ апхуэдэ мурад зэриIэр зыми къригъащIэркъым. Мыбдежым гу зылъытапхъэращи, курыт лIэщIыгъуэм къэунэхуа эпосым иIэтыр лIыгъэмрэ хахуагъэмрэщ. Апхуэдэу щыщыткIи, мыбдежым Атэбийм и бийм, ар зауапIэм къриджэу,

пэщIэувапхъэт, арщхьэкIэ апхуэдэу имыщIэу, бзаджагъэ кIэлъызрехьэ. Атэбийр лIыхъусэжь нэсым и щапхъэу къэгъэлъэгъуащ. АтIэ апхуэдэ хьэл-щэныр абы хэлъыныр къызыхэкIар сыт?

Еджагъэшхуэхэм къызэралъытэмкIэ, пасэрей цIыхум и къэухьым къызэритIасэмкIэ, бийм пэщIэувам дежкIэ нэхъыщхьэр абы текIуэнырщ, ар къарурэ лIыгъэкIэ зригъэхъулIэми, бзаджагърэ IэмалкIэ зыIэригъыхьэми. Абы къишащ пасэрей IуэрыIуатэм дызыщрихьэлIэ лIыхъужьхэм бийм щезауэкIэ бзаджагъэри ябгъэдэлъ мэгъу зэфIэкIхэри къагъэсэбэпу щытыныр. Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, Сосрыкъуэ: ар лIыхъужьщ, ауэ и мурадыр зыIэригъэхьэн папщIэ, лIыгъэмрэ хахуагъэмрэ къыдэкIуэу, Iэмалым, бзаджагъэм, мэгъум хуокIуэр. Апхуэдэ Iуэху еплъыкIэр щытепщэ лъэхъэнэр блэкIыу бийм хьилагъэ, хъуэщнэщыгъэ кIэлъызепхьэныр лIыгъэншагъэу къалъытэу хъуами, пасэрей щытыкIэр IуэрыIуатэм занщIэу Iэщыб ищIыркъым, атIэ хуэм-хуэмурэ ар «тригъэкIуэту» арщ. Сосрыкъуэ иужь къэунэхуа лIыхъужьхэм (Батрэз, Ашэмэз) я образхэм лIыгъэмрэ хахуагъэмрэ нэхъ щобэкIыр, ауэ Iэмалымрэ бзаджагъэмрэ хэмытыжыххэуи пхужыIэнукъым: Пщы-Марыкъуэр зэрыпхуэукIынур езым и джатэ дыдэращи, Батрэз абы еплъын къудей хуэдэу фэ зытрегъауэри ар зыIэрегъыхьэ, йоуэри хегъащIэ; Ашэмэз лIа нэпцI зещIри Лъэбыцэжьей деж зрегъэлъэф, мы иужьрейм и щхьэгъусэм и бахъэр зыщIрегъэху, апхуэдэ щIыкIэкIи и уIэгъэхэр егъэхъуж, жэщым къотэджыжри и бийр хегъащIэ. Бэдынокъуэ и образым апхуэдэ зыгуэри хэплъагъуэжыркъым. Мыбдежым нэгъуэщI зы Iуэхугъуи хэлъщ. Батрэзи Ашэмэзи я бийхэм е мэгъу зэфIэкI ябгъэдэлъщ, е бзаджагъэм езыхэри хуокIуэр: зэрыжытIауэ, Марыкъуэм и псэр зыгъэныфынур езым и джатэрщ; Лъэбыцэжьей и щхьэгъусэм мэгъу нэщэнэ бгъэдэлъщ – и бахъэр зыщIихуа уIэгъэр мэхъуж, ар къигъэсэбэпурэ мыр Ашэмэз щIалэ цIыкIум къозауэ.

А псом къагъэлъагъуэращи, Атэбий и хьэл-щэнхэм зыщIашащ иджыри нарт эпосым щекIуэкIа эпическэ образ зыужьыкIэм и нэщэнэхэр: Батрэз, Ашэмэз сымэ хуэдэу ар лIыхъужь нэсщ, ауэ Iэмалым щыхуекIуи щыIэщ. И бий КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужьи Марыкъуэ сымэ хуэдэщ – зэрыхэбгъэщIэфынур езы дыдэм и джатэмкIэщ. Абы къикIращи, лIыгъэм лIыгъэ, бзаджагъэм бзаджагъэ пэгъэувауэ щытыныр нарт эпосым къыIэпихауэ жыпIэ хъунущ.

АТ 302 сюжет зиIэ псысэхэм хъыджэбзыр къызытрахыжыр е иныжьщ, е мэзылIщ, языныкъуэхэм – Емынэжьщ. Мыбдежым абыхэм я къалэн зыгъэзащIэу къыхэщыр КъуийцIыкIуокъуэрщ – нысащIэр яфIрехьэжьэ. АдэкIэ сюжетым зэрыщыхабзэщи, бзылъхугъэм Атэбийм и лIыгъэр здынэсыр къыгурыIуа нэужь, сыт и лъэныкъуэкIи абы зэрыдэIэпыкъуным хущIокъу. ЩIалэм илъ ищIэжын мурад зэриIэр къищIащи, бийм зэрытекIуэнумкIэ чэнджэщ ирет:

«Ар иджыри жеипа щIыкIэIым. И пэбзиймкIэ хъуаскIэ кърихыу хуемыжьауэ, букIыну утегушхуэ хъунукъым. Ар зы. ЕтIуанэр ару, уи джатэм абы и щхьэр пиупщIынукъым. Абы и щхьэр пызупщIын Iэщэ езым ибг ищIа джатэ закъуэм фIэкIа щыIэкъым. Ар тIу. Ещанэр ару, абы и джатэр къыпIэрыхьа нэужь, къэпIэтурэ гъэунэху: уи натIэпэм нэхърэ нэхъ лъагэIуэу къыумыIэтыфмэ, зыумыпщытыххи нэхъыфIщ, зупщытми – упэлъэщынукъым.

А Іуэхугъуищри бгъэзащІэу уеуа нэужькІи, умыбэлэрыгъ: и щхьэр пымытыжуи къозэуэнущ» [Адыгский фольклор 1969: 79].

А чэнджэщхэм Атэбийр йодаІуэри КъуийцІыкІуокъуэ Дэгужьыр хегъащІэ, апхуэдэ щІыкІэкІи илъ ещІэж, а псор къыжезыІа хъыджэбз дахэри щхьэгъусэу къешэ, ЕщІэнокъуэ Уэзырмэсрэ Темыркъанрэ къызэдалъху.

Зи гугъу тщІы хъыбарыр къэІуэтэкІэкІэ зэхуэмыдэу (вариант) зыбжанэу зэтепщІыкІауэ щыІэхэщ. Псоми я гугъу дымыщІми, зыр гулъытэншэу къэмыгъэнэн хуейуэ къыдолъытэ, дызытепсэлъыхь циклыр мотиврэ сюжеткІэ къигъэбатэу къытщохъури. Ар «Адыгэ ІуэрыІуатэхэр» (1969) тхылъым и етІуанэ Іыхьэм къытрадзауэ щыта «КъуийцІыкІуокъуэ Дэгужьрэ ЕщІэнокъуэ Атэбийрэ» хъыбарырщ [Адыгский фольклор 1969: 82-86]. ЩІэдзапІэр япэрей хъыбарым хуэдэщ: Атэбийм и шынэхъыщІэр Дэгужьым еукІ, илъ ищІэжынуи модрейр йожьэ. АдэкІэ мыбы къыкІэлъокІуэ АТ 516 сюжетым и пкъыгъуэхэр. Мы сюжетыр зиІэ псысэхэм зэрыщыхабзэщи, пщым и къуэр нысащІэ лъыхъуэ йожьэ, и пщафІэр (ныбжьэгъур) щІыгъуу; гъуэгуанэ жыжьэм зэхиукІауэ ар мэлыхъуэ (Іэхъуэ, шыхъуэ) пщыІэм нос; лэгъупэжьым и фІыщІэкІэ къару егъуэтыж; къыщІежьар лэгъупэжьым щыжриІэкІэ, чэнджэщ кърет, мыкІуэну, хъыджэбзыр ябгащэу лъыхъу бгъущІрэ бгъум я щхьэ пиупщІауэ зэрыщытым къыхэкІкІэ; хъыджэбзым и лъыхъухэм къапигъэтІылът, къыдэжэн, нэщанэкІэ къыпеуэн, къебэнын хуейуэ, къытекІуэмэ, дэкІуэну; лэгъупэжьым и чэнджэщхэмкІэ лІыхъужьыр хъыджэбзым токІуэ, къешэри тхъэрэ псэууэ къонэж [Сравнительный указатель… 2018: 576].

Хъыбарым деж а щытыкІэхэм щыщ зыкъомым захъуэж. ЗэрыжытІауэ, Атэбийр щІежьэр илъ ищІэжынырщ, здэкІуэри и бийм и щІыналъэрщ. Псысэм дызыщрихьэлІэу нысащІэм лІыхъужьым пигъэув «къалэн гугъухэм» (трудные задачи) мыбдежым зэхъуэкІыныгъэ ягъуэтащ: Дэгужьым ишхэм Атэбийр хегъадэ, зыгуэр къыхихмэ иукІынущи (апхуэдэу шу бгъущІрэ бгъум я щхьэр фІихащ). Ауэ псысэм хуэдэу гъуэгум ар шыбзыхъуэ, мэлыхъуэ, бжьахъуэ пщыІэхэм щахуозэ, игъэзэжыну къолъэІухэр, Дэгужьыр егъэлеяуэ лІы ябгэщи. АрщхьэкІэ щимыдэм, бжьахъуэ тхьэмадэм чэнджэщ кърет, къелын папщІэ ищІэнухэмкІэ – шы къыхихын хуейкъым. Мыбдежым дыщрохьэлІэ нарт эпосым, лІыхъужь псысэм щызэтеува мотивхэм ящыщ зыи – шыр гъэунэхуныр. Мы жанрхэм зэрыщыхабзэщи, япэ щІыкІэ шыр фэншэу, зы къару гуэри къылъыкъуэкІыну ущымыгугъыу къэгъэлъэгъуащ, ауэ, сюжетым зиужьыхукІэ, абы бгъэдэлъ зэфІэкІри наІуэ къохъу: абы тесущ лІыхъужьыр зрихьэлІэ лъэпощхьэпо псори къызэрызринэкІыфыр. Мыр хуэдэщ, псалъэм папщІэ, Щауей и шы Джэмыдэжьым – алащэ фэншэщ. АрщхьэкІэ Джэмыдэжь хуэдэу зыкъызэкъуехри къызэрыгуэкІ шым хузэфІэмыкІын къару бгъэдэлъу къыщІокІ: абы тесущ, Щауей ещхьу, Атэбийм илъ зэрищІэжри. Нэхъ пасэу зэтеува жанрхэм къыбгъэдихауэ жыпІэ хъунущ зэман пыухыкІа гуэрым къриубыдэу лІыхъужьым фэншафэ зэрызытригъауэри. Нарт эпосми, лІыхъужь псысэми лІыхъужь нэхъыщхьэм бгъэдэлъ къарумрэ лІыгъэмрэ щибзыщІ щыІэщ. ПэщІэдзэм ар къэгъэлъэгъуащ псоми я щІэнакІэну, фэншэу, тхьэмыщкІэу, къулейсызу. Ауэ апхуэдэм, узэрыщымыгугъауэ, зыкъызэкъуехри лІыхъужьыгъэ къылъыкъуокІ. Мотивыр къыздикІам, абы ІуэрыІуатэм щигъэзащІэ къалэным

щIэныгъэлIхэр куэдрэ тетхыхьащ, икIи, ахэр зыхуэкIуа гупсысэм тепщIыхьмэ, ар лIыхъужь нэхъыщхьэм гу лъозыгъатэ художественнэ Iэмалхэм ящыщ зыуэ арщ. Абы и щапхъэ гъуэзэджэщ, псалъэм папщIэ, Щауей и хьэщIэр. Мыр фейцейуэ хуэпащ, лIыгъэ гуэр къуэлъуи пщIэнукъым, ишри апхуэдэщ, ауэ араща зыкъызэкъуихыу Щауей и дзэм хэт нэхъ лъэрызехьэу зыкъэзылъытэж шууейхэр Iэпхлъэпх зыщIри, иныжьхэм пэщIэувэу текIуэныгъэр зыIэрызыгъэхьэфри. Атэбий и образми а щытыкIэр хэпща хъуащ: ар КъуийцIыкIуокъуэм и щIыналъэ щихьэкIэ, лIыхъусэжь и хабзэу «щIакIуэ кIапэ» дытемыувэу, фэншафэ зытрегъауэ, Дэгужьым гъусэ ищIу зекIуэхэм здишэну щIолъэIу. АрщхьэкIэ, щIежьа Iуэхур арати, илъ ещIэж: зи псэр зи джатэм хэлъ, мэгъу зэфIэкI зиIэ КъуийцIыкIуокъуэр хегъащIэ. Пасэрейщ Атэбийм и лъы щIэжыкIэри: бийр иукIыж къудейкIэ зэфIэкIыркъым, атIэ и лъым щыщ иреф; итIанэщ и гур щыпсэхужри. А псор циклым зыщIишэныр къыхэкIауэ жыпIэ хъунущ мыбы ныбжьышхуэ зэриIэм, пасэрей эпосым, лIыхъужь псысэм иджыри пыщIэныгъэ быдэ хуиIэу зэрызэтеувам.

АдэкIэ хъыбарыр АТ 302 сюжетым хуокIуэж: КъуийцIыкIуокъуэм и тIасхъапIэр хъыджэбзым ещIэри, ар Атэбийм къыжреIэ, мыдрейри и бийм токIуэ; япэу зи гугъу тщIа хъыбарым хуэдэу хъыджэбзыр къешэри, Уэзырмэсрэ Темыркъанрэ дунейм къытохьэ. Ауэ хъыбарыр апхуэдэ щIыкIэкIэ иухыркъым, атIэ мыбы къыпещэр ЕщIэнокъуитIым я адэ Атэбийр дунейм зэрехыжа щIыкIэр къэзыIуатэ Iыхьэм: абы къызэмылын узыр къоуалIэ; джэгуакIуэхэр тIэкIу бгъэдэсыжыну щыкIуэкIэ, и щIалэгъуэм игъэхъахэр къахуеIуэтэж, иджыри къэс щIибзыщIар щхьэщытхъу къызэрыфIащынум зэрыфIэлIыкIар къарегъащIэ. Мы мотиври ди лъэпкъ IуэрыIуатэм щызэлъыщIэсахэм ящыщ зыщ (егъапщэ: Нартыгу ехьэлIа уэрэдымрэ хъыбарымрэ). Мы Iыхьэм Атэбийр дунейм зэрехыжам щыгъуазэ дыхуищI къудейкъым, атIэ хъыбар сюжетым адэкIэ зиужьынымкIэ мыхьэнэшхуэ иIэщ.

Атэбийм и хъыбарыр зэхахыу абы ипкъ иткIэ джэгуакIуэхэм уэрэд яусыжа нэужь, КъуийцIыкIуокъуэхэ къагуроIуэ, Дэгужьыр хэт иукIами. Ялъ ящIэжыну къежьа щхьэкIэ, ЕщIэнокъуэ зэшитIым я лIыгъэр зэхаха нэужь, пэувынхэу дзыхь ящIыжыркъым, атIэ бзаджагъэм хуокIуэр. Андемыркъан и циклым къызэрыхэщым хуэдэу, ЕщIэнокъуэхэ быдзышэкIэ япIа гуэр къагъэдаIуэ; абы и чэнджэщкIэ ЕщIэнокъуэхэ я мэлыхъуэр ирахьэжьэ, кIэлъыпхъэрхэмэ, къаукIын мурад яIэу къапотIыс. Чэнджэщ къезытар еуэн хуейуэ аргуэру къыщыхагъэзыхькIэ, якIэлъыпхъэра Уэзырмэсым къытримыгъапсэу и шыр щIеукIыкI, апхуэдэ щIыэкIэ бийм я лъэныкъуэ зэрыувар игъэтэмэмыжу. Хъыбарыр зэриухращи, ЕщIэнокъуэ зэшхэм ныбжькIэрэ я бий КъуийцIыкIуокъуэхэ зэтраукIэ.

Циклым щхьэхуэу хоувэ бийм (КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь) и дуней къытехьэкIар, и сабиигъуэр зэрекIуэкIар, шыр къызэрыIэрыхьа щIыкIэр къэзыIуэтэж мотивхэр щызэхэухуэна хъыбарыр [Адыгский фольклор 1969: 115-116]. Ар къэIуэтащ АТ –655* псысэ сюжетымкIэ. Сюжетым нэхъыбэу дыщрохьэлIэ лIыхъужь, телъыджей псысэхэм, цIэрыIуэ зэрыхъуари *«Уэ алъпым урищхьэт…»* фIэщыгъэцIэмкIэщ [Адыгские сказки… 2018: 519-521, 521-522, 522-524]. Зи гугъу тщIы хъыбарыр зыхуэчэм щымыIэу а псысэм и сюжет къэIуэтэкIэм тохуэр: адэншэу къэхъу щIалэ цIыкIур зэгуэр мэз кIуауэ,

зекIуэлI шу гуп къытоуэри ирахьэжьэ; бын имыIэу зылI яхэтти, щIолъэIури яIех, ипIынуи и унагъуэ ехь (егъапщэ: Андемыркъан къызэрагъуэта хъыбарым [Адыгские историко-героические… 2019: 138-146]). Мыбдежым хъыбарым къыхохьэ нэгъуэщI зы псысэ сюжети – АТ 400_1: щIалэ цIыкIур щихькIэ, мылъхуадэм псалъэ быдэ ет, игъащIэкIэ «кIуэж» жримыIэну, арщхьэкIэ, таурыхъхэми нарт эпосми зэрыщыхабзэщи, и псалъэм йопцIыж; щIалэм ар игу щIохьэри щIопхъуэж (егъапщэ: Хъымыщ зеи «мыгъуэ цIыкIукIэ» емыджэну къигъэгугъэу испы пщащэр къызэришам, абы щепцIыжым, нысащIэ цIыкIур зэрикIыжам [Нарты… 2017: 168-173]). Сюжетыр лъэпкъ куэдым я IуэрыIуатэм зыщызужьахэм ящыщ зыщ (егъапщэ: СУС 400_1=АА 400А=К 400А, B, C, D *Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)* [Сравнительный указатель… 1979: 127]. АдэкIэ АТ –655* сюжетым къыпещэ: зыпI и адэм къыжриIам и щхьэр щIригъэхьауэ чыцэм здыпхыкIым, КъуийцIыкIуокъуэр шы щхьэ къупщхьэ ирохьэлIэ, и теплъэмкIэ ар алъпым ейуэ зэрыщытар къещIэр; апхуэдэ зэфIэкI и мылъхукъуэм зэриIэр (нэгъуэщIхэм шым хамылъагъуэм гу зэрылъитэр) къызыгурыIуа лIым ар къегъэсэбэпри алъпищ зыIэрегъыхьэ; КъуийцIыкIуокъуэм ещIэр дэтхэнэ алъпми бгъэдэлъ тIасхъапIэр: зым и щхьэ натIэр пIащIэщи, дыгъэм хуэгъэзауэ куэдрэ жэмэ, мэхынущ, адрейр лъэгу щабэщи, мывэм хыхьауэ къыпхуищIэн щыIэкъым (егъапщэ: Сосрыкъуэ и шым); КъуийцIыкIуокъуэр ещанэ алъпымкIэ и мылъхуадэм IэщIокIри я деж мэкIуэж (егъапщэ: АТ –655* псысэ сюжетым и къэIуэтэкIэм [Сравнительный указатель… 2018: 586]).

Аращи, иджыри къэс дызриплъа хъыбархэм дащрохьэлIэ ЕщIэнокъуэ зэшитIым я адэ-анэхэр дэзыгъэцIыху, Атэбийм фыз къызэришам, игъэхъа лIыхъужьыгъэм, дунейм зэрехыжам, лIыхъужьхэр дунейм къызэрытехьам, я сабиигъуэм, япэ лIыгъэхэр зэрызрахьам теухуа мотивхэмрэ сюжетхэмрэ. Апхуэдэ дыдэу щыгъуазэ дащI абыхэм лъыкIэ я бий КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь и гъащIэр къызэрекIуэкIами. АдэкIэ, пасэрей эпосым и хабзэм тету, циклым къыпещэ зэшитIым я IуэхущIафэхэм тепсэлъыхьыж хъыбархэмкIэ. Мыхэр, нэхъыбэр, лIыхъужьыгъэкIэ гъэпсащ.

СюжеткIэ Атэбий илъ зэрищIэжам зыкъомкIэ зэрещхьым къыхэкIыу, япэу и гугъу щIыпхъэу къыдолъытэ «КъуийцIыкIуокъуэ Ахъмэтэч и таурыхъым» [Адыгский фольклор 1969: 80-82]. Къэхъуну-къэщIэнур фызыжь цIыкIу гуэрым ещIэри, ЕщIэнокъуэ зэшхэм КъуийцIыкIуокъуэ Ахъмэтэч зэрытекIуэдэжынур къыжреIэ, мыдрейри абыхэм я лъыхъуакIуэ йожьэ, езыхэр зекIуэ кIуауэ, я шы нэхъыщIэр унэм дэсу ирохьэлIэ. АдэкIэ Атэбий ехьэлIа сюжетым ещхьщ: щIалэ цIыкIур КъуийцIыкIуокъуэм еукI; абы илъ ищIэжыну Уэзырмэс йожьэ. ХъыбаритIыр къыкIэлъыкIуэ IыхьэхэмкIэ зэщхьэщокI. Атэбий теухуа хъыбарым мыхьэнэ нэхъыщхьэр зритхэм ящыщщ, щIалэм фыз къызэришамрэ абыхэм сабий зэрызэдагъуэтамрэ (лIыхъужьхэр дунейм къызэрытехьамрэ). Апхуэдэу щыщыткIи, мыбыдежым абы и къэшэным и образым зыщиужьащ, абы щыгъуэми къалэныхуэ игъэзащIэу – аращ бийм и тIасхъапIэр Атэбийм къыжезыIэу ар тезыгъакIуэр. Мыдрей хъыбарым лIыхъужьым и мурад нэхъыщхьэр илъ ищIэжынырщи, а хъыджэбзым и къалэныр «и пщэ дэлъу» фызыжь цIыкIу къыхохьэ. ЗыкъомкIэ мыбы и образыр ещхьщ псысэм, нарт эпосым

дызыщрихьэлIэ нэжьгъущIыдзэм (уд фызыжь цIыкIум): лIыхъужьыр абы и бгъэм IупэкIэ лъэIэса нэужь, къуэ хуохъу, мыдрейми сыт и лъэныкъуэкIэ зыкъыщIегъакъуэ – бийм зэрыпэлъэщынумкIэ, и мурадыр къызэрехъулIэнумкIэ чэнджэщ кърет. Зи гугъу тщIы хъыбарым къуэ щIын мотивыр дэгъэхуащ, ауэ дызытепсэлъыхьа миф персонажхэм я къалэныр мы фызыжь цIыкIум къыхуэнащ. Аращ КъуийцIыкIуокъуэр жея нэужь и пэм мафIэ бзий кърихыу зэрыхъури, абы ирихьэлIэу езы Дэгужьым и джатэмкIэ еуэмэ зэрыхуэукIынури къыжезыIэр. НэгъуэщIу жыпIэмэ, абы и чэнджэщым тетущ Уэзырмэс илъ зэрищIэжыфыр. Хъыбарыр еух ЕщIэнокъуэхэрэ КъуийцIыкIуокъуэхэрэ бий зэхуэхъуауэ.

Мыбдежым гу лъытапхъэщ адэми къуэми зы сюжет ехьэлIауэ зэрыщытым. Мыпхуэдэ щытыкIэр дыдолъагъу нэхъ пасэу зэтеува нарт эпосми. Псалъэм папщIэ, Батрэз дунейм зэрехыжам теухуауэ хъыбар зыбжанэ щыIэщ. Абыхэм ящыщ зым къызэриIуатэмкIэ, мы лIыхъужьым шабзэшэр и Iэпкълъэпкъым пхыкIынукъым, зыпIыжа Жъокъоянэ абы и еплъыгъуэр темыхуэмэ. Ар къэзыщIа нартхэм жеяуэ щылъ Батрэз Iэпх-лъэпх ящI, зэрызехьэ макъышхуэ къаIэт, шабзэшэр нартым тракIутэу щIадзэ. А зэрызехьэм игъэгужьеяуэ къыщIэжа Жъокъоянэ и нэплъэгъуэм ирихьэлIэу техуа шабзэшэм Батрэз хегъащIэ [Нарты… 2017: 277-279]. Апхуэдэ дыдэущ, зы хъыбарым къызэрыхэщымкIэ, абы и адэ Хъымыщи зэраукIар [Нарты… 2017: 144-150].

ЕщIэнокъуэхэм ягъэхъа лIыхъужьыгъэр къэзыIуатэ хъыбар зыбжанэм я щIэдзапIэм къыщыгъэсэбэпащ АТ 650В сюжетым и пкъыгъуэхэр. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщIэ, Жанкъет теухуахэри. Мыр ящыщщ езым нэхърэ нэхъ лъэщ щымыIэу зыкъэзылъытэж лIыхъужь лIэужьыгъуэхэм. Жанкъетым Талъостэнхэ япхъу и щхьэгъусэт. ЗекIуэ къикIыжауэ унэм щыщIыхьэжым, абы зэхех, щIалэгъуалэр нысащIэм еупщIу, хэт нэхъ лIыгъэ иIэми кърагъэIуэтэну. НысащIэм жеIэ, ЕщIэнокъуэ зэшитIым нэхъ лIыгъэ зиIэ дунейм зэрытемытыр. Ар зэхэзыха Жанкъет йожьэ, зэшитIыр игъэунэхуну: зекIуэ зэдожьэхэри Тенджыз тIуащIэм зэпрокI, шы гуартэ къраху; Талъостэнхэ я бжэныхъуэр (вариантхэм: къаша нысащIэр) фIрахьэжьэ, н. [Адыгский фольклор 1969: 90-91, 102-105, 116-120].

УщрихьэлIэ щыIэщ Елъыхъу и къуэ Лыкъуэ (Елъыхъу) теухуа хъыбархэм ЕщIэнокъуэ зэшхэр къыхэщыжуи. Мис абыхэм ящыщ зым и сюжетыр: Елъыхъу и къуэм и шым нэхъ лъэрызехьэ хэку псом иткъым; Алъхъо и къуэм ар кърехужьэ; Елъыхъу и къуэр шым и лъыхъуакIуэ йожьэри, шыри къехуж, ар зыдыгъуа Алъхъо и къуэри къехь, хьэпсми иредзэ; Алъхъо лIыжьым и лъэIукIэ ЕщIэнокъуэ зэшитIым щIалэр Елъыхъу и къуэм къраIыхыж [Адыгский фольклор 1969: 91-94].

ЕщIэнокъуэ зэшитIым зрахьа лIыхъужьыгъэр IупщIу къыхощыж ХьэтIохъущокъуэхэ я шыбзыхъуэмрэ шы гуартэмрэ къызэрырагъэла щIыкIэр къэзыIуэтэж сюжетми [Адыгский фольклор 1969: 94-96, 99-100]. ЕщIэнокъуитIыр ХьэтIохъущокъуэпщым и деж макIуэ, зэщхьу вы джэмыдий къраIыхыну. КъызэрыщIэкIамкIэ, пщым нэгъуэщI хьэщIэ гупи иIэт. ЗэшитIым я Iэщэ-фащэр егъэлеяуэ зэкIэлъыкIуэт, зыми хуэмыдэт. Ар щызэхахым, мыдрей гупым мурад ящI, ахэр зыIэрагъэхьэну. Езы ХьэтIохъущокъуэм жраIэ, кIуэуэ

ЕщIэнокъуитIым къариIыхын хуейуэ. АрщхьэкIэ лIыхъусэжь хабзэм щIапIыкIа щIалитIым жэуап кърат, Iэщэ-фащэм хуейхэр, лIыгъэ яхэлъмэ, гъуэгум къащежьэнухэу, къытрахыфмэ, иратыну. АрщхьэкIэ гупым нэху ямыгъэщу докIуэсыкIыж, пщым и шы гуартэр ирахужьэ, шыбзыхъуэри уIэгъэ хьэлъэ къащI. ЗэшитIыр шыр зыху гупышхуэм якIэлъопхъэр, зауэр яублэри зы цIыху къамыгъанэу хагъащIэ, шыри къахуж.

Циклым увыпIэ щхьэхуэ щаубыд ЕщIэнокъуэ зэшхэмрэ КIэфыщ и къуитIымрэ ятеухуа сюжетхэм. Мыбыхэм яхэтщ «Нартхэм яшэ нысащIэр Лъэпщ зэрырихьэжьам» [Нарты… 2012: 112-113] къэIуэтэкIэкIэ техуэ хъыбар [Адыгский фольклор 1969: 121-122]: Мэртазэхэ я пхъум Жамырзэпщыр йохъуапсэ, нысэ ищIыну; къратыну Мэртазэхэ арэзы мэхъури, нэчыхьыр ятх, фызышэшхуэуи кърашажьэри къожьэж; фызышэм загъэпсэхуну епсыхри ефэешхэ къызэIуахауэ зэхэсу, КIэфыщ и къуэжьыр блэкIыу щалъагъум ирагъэблагъэ; гупым КIэфыщыр ауан ящIу щIадзэ, модрейри къогубжьри зы шу къимыгъанэу зэтреуд, нысащIэр яфIрехьэжьэри йожьэж; Жамырзэпщыр щIолъэIури, нысащIэр къаретыж.

Псом хуэмыдэжу циклым зыщызужьахэм ящыщ зыщ ЕщIэнокъуэ зэшитIымрэ КIэфыщ и къуитIымрэ яку къыдэхъуа зэныкъуэкъум теухуа сюжетыр. ИщхьэкIэ дызриплъа хъыбархэмкIэ дгъэзэжынщи, лIыхъужьхэр бий щIызэхуэхъум и щхьэусыгъуэ нэхъыщхьэр нэхъ лIыгъэ зыхэлъыр зэхэгъэкIынырщ. Мыбдежми аращи, хъыбаркIэ зэрыщIэ мыхъумэ, лIыгъэ щIапIэ зэдихьэу ЕщIэнокъуэ зэшитIымрэ КIэфыщ и къуитIымрэ зэрыгъэунэхуауэ щыткъым, ауэ апхуэдэу хъуми нэхъ къащтэр. «ЕщIэнокъуитIымрэ КIэфыщ и къуитIымрэ бий зэрызэхуэхъуа щIыкIэр» [Адыгский фольклор 1969: 100-101] хъыбарым къызэриIуэтэжымкIэ, ЕщIэнокъуэ зэшитIым я анэр и дыщым кIуэжырт, и дэлъхум фыз къишауэ. Гъуэгум КIэфыщ и къуитIыр къыщрохьэлIэ. Фызыжьыр ЕщIэнокъуэхэм я анэр арауэ къыщащIэм, и нэкIум джатэпэкIэ дыркъуэ традзэ, «ЛIыгъэ яIэмэ, уи къуитIым къытхуагъэгъункъым», – жаIэри. Абдеж къыщыщIидзащ абыхэм я зэбиныгъэр. Ауэ, хъыбархэм къазэрыхэщымкIэ, ЕщIэнокъуэ зэшитIми КIэфыщ и къуитIми нэхъ лIыгъэ зыхэлъ хэкум истэкъым, абы къыхэкIкIи зэрызэбийр куэдым ягу къеуэрт, зрагъэкIужынуи яужь ихьахэщ. Ахэр зэхуэзамэ зэрызэрыукIынур ящIэхэрти, ЕщIэнокъуэ зэшитIыр дэмысу КIэфыщ и къуитIыр къашэри, ЕщIэнокъуэхэ я анэм и бгъэм IупэкIэ ирагъэIусащ – къуэ хуэхъуахэщ [Адыгский фольклор 1969: 101]. Абы иужькIи зэгъусэу зекIуэхэм зэдыхэту хъуахэщ. Апхуэдэ зекIуэхэм ящыщ зыт къэбэрдейхэр Кърымым щыкIуар. «Къэбэрдейм цеипхъэжь джанэр зэрыщаха щIыкIэр» [Адыгский фольклор 1969: 108-110] хъыбарым щыгъуазэ дызэрищIымкIэ, цIыхухэм щэкIыр ямыцIыхуу, ящыгъыу хъуар Iэщыфэм, Iэщыцым къыхэщIыкIауэ арт. А зекIуэм хэтыну дзэр щаугъуейм япэ дыдэ зи цIэ къраIуауэ щытар мыхэрщ. ЗекIуэми хэтахэщ, лIыхъужьыгъэ къагъэлъагъуэу я къалэнхэр ягъэзащIэу къагъэзэжауи щытахэщ.

Циклыр еух ЕщIэнокъуэ зэшхэм я дуней ехыжыкIар къыджезыIэж хъыбарымкIэ. ЗэхъуэкIыныгъэ гуэрхэр игъуэтами, мыбыи и къэIуэтэкIэр хуэдэщ АТ 650В сюжетым. Жанкъетым и нысащIэр бжэ къуагъым къуегъэувэ, дыщэ пыIэр зэрыщхьэрыгъыу. Езыр гъуэлъыпIэм йотIысхьэжри, и сагъындакъымкIэ нэщанэ

йоуэри и пыIэр щхьэреуд. ЦIыхубзым хуэмышэчыжу и лIым жреIэ, ЕщIэнокъуэ зэшитIым я лIыгъэр ищIатэмэ, апхуэдэ лей Жанкъетым зэрызэримыхьэнур. Абы къигъэгубжьа Жанкъет ЕщIэнокъуэхэм я лъыхъуакIуэ йожьэ, я лIыгъэр здынэсыр игъэунэхуну. Псысэхэм «лIы щыкIам» нэхъ лъэщыж къыхуэзэу абы и щхьэ кърикIуам щыгъуазэ зищIа нэужь, бзылъхугъэм щхьэрыгъ дыщэ пыIэм нэщанэ еуэныр зыхен. Ауэ мыбдежым апхуэдэкъым, атIэ Жанкъетымрэ ЕщIэнокъуэ зэшитIымрэ лIыгъэкIэ зэрогъэнэху. Жабо Хьэмырзэ къиIуэтэжа хъыбарым [ФАИГИКБНЦРАН: Инв. № 528/ф-28] зэрыжиIэмкIэ, зэгъусэу ахэр пащтыхьым иригъэкIуэкI тхьэлъэIум макIуэ, хьэлэбэлыкъ къыщыхъейкIэ, лIыхъужьыгъэ къагъэлъагъуэ, шыхэр къаху. АдэкIэ къыкIэлъокIуэ зэшитIымрэ Жанкъетымрэ зэраукIа щIыкIэр къызыхэщ Iыхьэр: ефэ-ешхэ хуащI хуэдэу защIри, бийхэм ЕщIэнокъуитIыр, Жанкъети я гъусэу ирагъэблагъэ; зыщIаша унэм щIэс хэгъэрейхэр хуэм-хуэмурэ щIэкIуэсыкIыурэ, мо щыр къыщIанэ; унэр къаухъуреихьри зауэр яублэ; сыт хуэдэ лIыгъэ яхэмылъами, ЕщIэнокъуитIри Жанкъетри а зауэм хокIуадэ.

Циклым дызыщрихьэлIэ уэрэдхэр а Iуэхугъуэхэм теухуащ: лIыхъужьхэм я лIыгъэр яIэт, ягъафIэ; езыхэр яхэтыжкъыми, гущIыхьэщ, а къатепсыха гуауэшхуэр къахощ. Апхуэдэхэщ «ЕщIэнокъуэм я къебжэкI», «ЕщIэнокъуэ», «ЕщIэнокъуитIым я уэрэд» [Адыгский фольклор 1969: 96-99], «ЕщIэнокъуэмэ я пшыналъэ» [Адыгский фольклор 1969: 105-108], «Жанкъет» [Адыгский фольклор 1969: 120-121], н.

Аращи, наIуэ къызэрыхъуащи, ЕщIэнокъуэ зэшхэм я циклым къызэщIеубыдэ лIыхъужьхэм я гъащIэр зэрекIуэкIар къэзыIуэтэж сюжетхэр. Апхуэдэхэщ абыхэм я адэ-анэм я дуней тетыкIам, езыхэр къызэралъхуам, я сабиигъуэщIалэгъуэр зэрекIуэкIам, ягъэхъа лIыхъужьыгъэхэмрэ я IуэхущIафэхэмрэ, дунейм зэрехыжам теухуахэр. Тхыдэр зи лъабжьэ эпос лIэужьыгъуэм зэрихабзэу, мыри зыхуэунэтIар лъэпкъым и гъащIэм къыщыхъуа къэхъугъэр художественнэу къэгъэлъэгъуэнырщ. Апхуэдэу щыщыткIи, зэрынэрылъагъущи, мы циклым щызэхыхьащ пэж дыдэу тхыдэм къыщыхъуа Iуэхугъуэхэм къаша мотивхэмрэ пасэрей миф гупсысэкIэхэр зи лъабжьэу къэунэхуахэмрэ. Мы иужьрейм и щапхъэу хъыбархэм яхыдолъагъуэ нэхъапэу къызэпэща нарт эпосым, лIыхъужь псысэм, н. къыIэпиха пкъыгъуэ куэд. А псом къагъэлъагъуэращи, ЕщIэнокъуэ зэшхэм я циклыр зэтеуващ зи гугъу тщIы пасэрей жанрхэм пыщIэныгъэ быдэ хуаIэу, апхуэдэу зэрыщытми къишащ мыр мотивхэмкIэ, сюжетхэмкIэ, образхэмрэ абыхэм якIэрилъхьа хэл-щэнхэмкIэ, художественнэ IэмалхэмкIэ къулей хъу зэпытурэ зиузэщIыныр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгские историко-героические… 2019 – Адыгские историко-героические песни и предания. Т. 1. Андемиркан / Гл. ред. А.М. Гутов. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 430 с.

Адыгские сказки… 2018 – Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки [на адыг. яз.: Адыгэ таурыхъхэр. ТомитIу. 2-нэ т: Телъыджей таурыхъхэр] / Сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 592 с.

Адыгский фольклор 1969 – Адыгский фольклор [на адыг. яз. Адыгэ IуэрыIуатэхэр]. В 2-х т. Т. 2 / Сост. З.П. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 285 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: Традиция и современность. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – 228 с.

Кожев 2018 – *Кожев З.А.* Бахчисарайский поход (Бахъшысэрей зекIуэ): проблема датировки // Вестник КБИГИ. – 2018. – № 4 (39). – С. 45-54. – DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-45-54.

Нарты… 2012 – Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 1: Ранние циклы эпоса. Сосруко / Гл. ред. А.М. Гутов. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – 424 с.

Нарты… 2017 – Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 2: Озырмес. Батраз. Ашамез / Гл. ред. А.М. Гутов. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 468 с.

Нарты… 2020 – Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 4: Малые эпические циклы. Разрозненные сказания / Гл. ред. А.М. Гутов. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. – 420 с.

Сравнительный указатель… 2018 – Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона / Сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева) // Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки [на адыг. яз.: Адыгэ таурыхъхэр. ТомитIу. 2-нэ т: Телъыджей таурыхъхэр] / Сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – С. 553-588.

Сравнительный указатель… 1979 – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К.В. Чистов. – Л.: Наука, 1979. – 438 с.

ФАИГИКБНЦРАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aaarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. – 588 p.

REFERENCES

Adygskiye istoriko-geroicheskiye pesni i predaniya. T. 1. Andemirkan / Gl. red. A.M. Gutov [Adyg historical and heroic songs and legends. Vol. 1. Andemirkan / Ch. ed. A.M. Gutov]. – Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2019. – 430 p. (In Adyghe and Russ.).

Adygskiye skazki. V 2-kh t. T. 2: Volshebnyye skazki / Sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva) [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. – Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2018. – 592 p. (In Adyghe).

Adygskiy fol'klor. V 2-kh t. T. 2 / Sost. Z.P. Kardangushev [Adyg folklore. In 2 volumes. Vol. 2. Comp. Z.P. Kardangushev]. – Nal'chik: El'brus, 1969. – 285 p. (In Adyghe).

AIGIKBNTSRAN – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Adyghe).

GUTOV A.M. *Narodnyy epos: Traditsiya i sovremennost'* [Folk Epic: Tradition and Modernity]. – Nal'chik: Izd-vo KBIGI, 2009. – 228 p. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Bakhchisarayskiy pokhod (Bakh"shyserey zekue): problema datirovki* [Bakhchisarai campaign (Bakhshysarey zekue): the problem of dating]. IN: Vestnik KBIGI. – 2018. – № 4 (39). – P. 45-54. – DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-45-54 (In Russ.).

Narty. Adygskiy epos. V 4-kh t. T. 1: Ranniye tsikly eposa. Sosruko / Gl. red. A.M. Gutov [Narts. Adyghe epic. In 4 volumes. Vol. 1: Early cycles of the epic. Sosruko. Ch. ed. A.M. Gutov]. – Nal'chik: OOO «Tetragraf», 2012. – 424 p. (In Adyghe and Russ.).

Narty. Adygskiy epos. V 4-kh t. T. 2: Ozyrmes. Batraz. Ashamez / Gl. red. A.M. Gutov [Narts. Adyghe epic. In 4 volumes. Vol. 2: Ozyrmes. Batraz. Ashamez. Ch. ed. A.M. Gutov]. – Nal'chik: IGI KBNTS RAN, 2017. – 468 p. (In Adyghe and Russ.).

Narty. Adygskiy epos. V 4-kh t. T. 4: Malyye epicheskiye tsikly. Razroznennyye skazaniya / Gl. red. A.M. Gutov [Narts. Adyghe epic. In 4 volumes. Vol. 4: Small epic cycles. Scattered legends.

Ch. ed. A.M. Gutov]. – Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2020. – 420 p. (In Adyghe and Russ.).

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov adygskikh (kabardinskikh, cherkesskikh, adygeyskikh) volshebnykh skazok po sisteme Aarne-Tompsona / Sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva) [Comparative index of plots of the Adyghe (Kabardian, Circassian, Adyghey) fairy tales according to the Aarne-Thompson system. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. IN: *Adygskiye skazki. V 2-kh t. T. 2: Volshebnyye skazki / Sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva)* [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. – Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2018. – P. 553-588. (In Russ.).

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka / Otv. red. K.V. Chistov [Comparative index of plots. East Slavic tale / Ex. ed. K.V. Chistov]. – L.: Nauka, 1979. – 438 p. (In Russ.).

FAIGIKBNTSRAN – *Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Adyghe).

THOMPSON S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aaarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. – 588 p.

Авторым теухуауэ
Быхъурэ М.Ф. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.
Information about the author
M.F. Bukhurov – Candidate of Sciences (Philology).
Информация об авторе
М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 21.10.2022 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 20.11.2022 гъ.; къытрадзэнущ 15.12.2022 гъ.

The article was submitted 21.10.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 20.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

Научная статья
УДК 398
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-417-427
EDN: TNLUGV

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРОПОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ)

Лейла Созакбайовна Гергокова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7998-2075

Аннотация. Особое внимание ученых – литераторов, языковедов, историков, этнографов, фольклористов, во все времена привлекало изучение фольклорных произведений, но до настоящего времени не проводилось комплексное исследование речевого и жанрового своеобразия карачаево-балкарской фольклорной сказки. Теперь возникла необходимость заполнения имеющихся пробелов в усвоении вопросов языкового воплощения исследуемого жанра. На данный момент, самыми слабоизученными являются карачаево-балкарские сказки о животных, несмотря на все достижения исследователей фольклорных произведений, все же остаются нерешенными многие вопросы изучения художественно-изобразительных, языковых и стилистических особенностей. В статье на основе научного анализа в карачаево-балкарской лингвистике, используя опыт ученых-исследователей разных народов в изучении современного языкознания и фольклористики, анализируются указанные особенности анималистических сказочных текстов карачаевцев и балкарцев.

В работе рассматриваются как стилистический прием такие тропы – олицетворения, лексические повторы, дается классификация эпитетам, а также акцентируется внимание на не изученные ранее, обилующие в фольклорных произведениях неопределенные местоимения «бир» («какой-то», «какие-то», «какое-то», «каком-то» и т.д.), выступающие в роли эпитетов. Эти художественно-выразительные средства используются для характеристики персонажей удивительного мира животных и растений, для усиления живописности и эмоциональности их языка, являющейся основой самобытной культуры народа-носителя, воплотившей в себе существенные воззрения и черты национального менталитета.

Необходимо отметить, что за много веков язык сказок обогащался жанрообразующими и стилеобразующими компонентами, поэтому необходимо дальнейшее многоаспектное изучение всех вопросов касающихся данных фольклорных произведений.

Ключевые слова: фольклор, лингвофольклористика, сказки о животных, олицетворения, лексический повтор, народные сказки

Для цитирования: Гергокова Л.С. Особенности использования тропов в карачаево-балкарских произведениях устного народного творчества (на материале сказок о животных) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 417-427. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-417-427. – EDN: TNLUGV.

© Гергокова Л.С., 2022

Original article

PECULIARITIES OF THE USE OF TROPES IN KARACHAY-BALKARIAN WORKS OF ORAL FOLK CREATIVITY (BY THE MATERIAL OF FAIRY TALES ABOUT ANIMALS)

Leyla S. Gergokova

Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardin-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7998-2075

Abstract. The special attention of scientists – writers, linguists, historians, ethnographers, folklorists, at all times was attracted by the study of folklore works, but so far there has not been a comprehensive study of the speech and genre originality of the Karachay-Balkarian folklore tale. Now there is a need to fill in the existing gaps in the assimilation of the issues of the linguistic embodiment of the studied genre. At the moment, the Karachay-Balkar fairy tales about animals are the most poorly studied, despite all the achievements of folklore researchers, many issues of studying artistic, visual, linguistic and stylistic features still remain unresolved. Based on scientific analysis in Karachay-Balkarian linguistics, using the experience of scientists-researchers of different nations in the study of modern linguistics and folklore, the article analyzes the indicated features of animalistic fairy tale texts of Karachays and Balkars.

The paper considers such tropes as a stylistic device - personifications, lexical repetitions, gives a classification to epithets, and also focuses on previously unexplored, indefinite pronouns "bir" – "some" that abound in folklore works, acting as epithets. These artistic and expressive means are used to characterize the characters of the amazing world of animals and plants, to enhance the expressiveness and emotionality of their language, which is the basis of the original culture of the carrier people, which embodies the essential views and features of the national mentality.

It should be noted that for many centuries the language of fairy tales has been enriched with genre-forming and style-forming components, therefore, further multidimensional study of all issues related to these folklore works is necessary.

Key words: folklore, linguo-folkloristics, fairy tales about animals, personifications, lexical repetition, folk tales.

For citation: Gergokova L.S. Peculiarities of the use of tropes in karachay-balkarian works of oral folk creativity (by the material of fairy tales about animals). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 417-427. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-417-427. – EDN: TNLUGV.

© Gergokova L.S., 2022

Введение

Карачаево-балкарские сказки в исследовательских трудах разных ученых рассматривались как определение и развитие жанра, но посвященных изучению лексико-стилистических особенностей в целом работ пока нет, имеются лишь фрагментарные исследования. При этом аналогичные труды являются приоритетными в новой области науки – лингвофольклористике, где одновременно изучаются языковые процессы и жанровые особенности фольклорных произведений.

Актуальность работы определяется целесообразностью комплексного изучения специфики речевого своеобразия карачаево-балкарских сказок о животных, как с жанровых позиций, так и их речевых параметров, выявляя особенности языковых элементов текстов устного народного творчества. Это необходи-

мо для решения многих языковых и стилистических вопросов в контексте истории развития карачаево-балкарского языка и фольклористики. Важно отметить, что основу поэтики сказочных произведений составляет живой народный язык, позволяющий проявлять свои идеалы, понятия справедливости и добра.

Целью статьи является исследование некоторых лексико-стилистических особенностей распространенных в фольклорных произведениях тропов – олицетворений, эпитетов, повторов, как одного из самых ярких изобразительно-выразительных средств речи в анималистической сказке. Согласно поставленной цели, решаются следующие задачи: охарактеризовать некоторые особенности языкового состава животных сказок карачаевцев и балкарцев, рассмотреть вопрос о функционально-семантической роли изобразительно-выразительных средств, а также некоторых лексических единиц – неопределенного местоимения – «бир» – «какой-то» в исследуемых тестах.

Теоретико-методологической базой данной работы послужили труды ученых фольклористов и лингвистов, где успешно решается вопрос языка и стиля произведений устного народного творчества: В.В. Радлова [Радлов 1968], В.М Мокиенко [Мокиенко 1986], А.А. Веселовского [Веселовский 1940], В.М. Жирмунского [Жирмунский 1979] и др., а также изучение фольклорных жанров имеет многолетнюю практику у местных исследователей: М.З. Улакова [Улаков 2017], Х.Х. Малкондуева [Малкондуев 2018], Б.А. Берберова [Берберов 2016], Л.Б. Кучмезовой [Кучмезова 2015], Л.С. Гергоковой [2016], Ф.Х. Гулиевой (Занукоевой) [Гулиева (Занукоева) 2019] и т.д., в научных работах которых анализируются некоторые вопросы затрагивающие заданную тему.

Материалом исследования стали карачаево-балкарские сказки о животных из разных источников «Къарачай-малкъар халкъ жомакъла» [КЪМХЖ 2012], «Къарачай-Малкъар фольклор» [КМФ 1987] в том числе архивные, изданные сектором карачаево-балкарского фольклора в сборнике «Къарачай-малкъар фольклорну своду. Том 3» [КЪМФС 2017].

В статье применяются лингвостилистический и функционально-семантический методы исследования, а также метод совершенного целостного синтеза сказок о животных из указанных источников. Систематизируются языковые факты и истолковываются их функционирования в текстах сказок.

Основная часть

На сегодняшний день развития языкознания характеризуется повысившимся интересом к вопросам взаимосвязи языка и культуры, что побудило нас обратиться к изучению языковых особенностей животного эпоса. При изучении произведений данного жанра карачаевцев и балкарцев хотелось особо отметить его богатый язык, наполненный живой народной речью. Характерная для сказок картина мира, созданная сказителями из народа, реализуется в произведениях сквозь специальную систему речевых средств. Для этого рассказчики использовали поэтические средства как: метафоры, эпитеты, олицетворения, гиперболы, антитеза, повторы, пословицы и поговорки, а также стилистические формулы. Они являются одним из главных показателей национальной специфики изучаемого жанра фольклора.

Как известно, анималистические сказки карачаевцев и балкарцев бывают не только зооцентрические (герои только лишь животные) – «Къуш бла балалары» [КЪМФ 1987: 326] – «Орлица и ее птенцы»; «Буу бла кирпи» [КЪМФ 1987: 327] – «Олень и еж»; «Ит бла егюз» [КЪМФ 1987: 328] – «Собака и вол», но и антропоцентрические (наряду с животными присутствует человек) – «Аммала бла ёгюз» [КЪМФ 1987: 327] – «Бабушки и вол»; «Аппа бла къурта» [КЪМХЖ 2012: 574]. У сказок о животных «самые древние сюжеты, содержащие астрономические, зооморфные и вегетативные (растительные), космогонические и антропологические интерпретации мира» [Урусбиева 2007: 34]. Это связано с тем, что во все времена сознание человека было связано с природой. Следовательно, сказки о животных берут свое начало от первобытных представлений людей (пастухов, пахарей, охотников и др.) в форме вымысла, что животные начинают разговаривать, думать и вести себя наравне с людьми. Поэтому в фольклорных произведениях воссоздаются установленные стандарты, в соответствии с которыми персонажи анималистических сказок являются носителями специфичных черт характера.

Таким образом, для карачаево-балкарских анималистических сказок характерно явление персонификации, на языковом уровне выражающееся в применении олицетворений. Этот вид тропа, относится к метафоре, но отличается от нее. В древние времена карачаевцы и балкарцы, как и представители других народов, наделяли окружающие предметы человеческими характеристиками. Анимизм является прародителем олицетворений. Но с течением времени люди перестали очеловечивать окружающий животный и растительный мир. В настоящее время эти поверья сохранены в народных произведениях. Анализируя сказки о животных, можно встретить оживающие растения и животных с человеческими характерами. Например, в сказке «*Бугъачарчыкъ, Токълу къочхарчыкъ, Улакъ текечик*» [КЪМФ 1987: 323] – «*Бычок, Барашек, Козленок*» животные живут и ведут образ жизни, как и люди. Они общаются, дружат, ходят вместе.

«*Бир Бугъачарчыкъ, Токълу къочхарчыкъ, бир Улакъ текечик шуёхла болгъандыла. Ючюсю да тауда отларгъа тебирегендиле. Бара-бара таугъа чыкъгъандыла*» – «*Один Бычок, один Барашек, один козленок были друзьями. Они втроем собрались в гору пастись. Шли-шли и поднялись на гору*» [КЪМФ 1987: 323].

Или же в сказке «Къаргъа» [КМХЖ 2012: 580] – «Ворона» перед читателем предстает птица, умеющая говорить, сквернословить. Она ведет себя как человек, который не может сдружиться с окружающими из-за плохой речи.

«*Бир чегетде, бир халек аманауз къаргъа жашагъанды. Халкъда «аман тилли къаргъача» дегенлери аллай бирден чыкъгъан болур.*

Ол къаргъа бир сёз айтса, экинчиге бир аман сёз къошмай, эки сёз айтса, эки атайпысны къошмай сёлешалмагъанды» [КМХЖ 2012: 580] – «*В одном лесу, жила одна сварливая ворона. То, что говорят в народе «сварливая как ворона», наверно от этого и пошло. Это ворона скажет одно слово, прибавит ко второму скверное слово, если произнесет два слова, прибавит два выражения, без этого не могла разговаривать*».

Каждое олицетворение в фольклорных текстах создает особый образ. Например, в следующих примерах из сказок о животных олицетворяется дерево, неживое существо начинает рассуждать как личность. Сказитель повышает его над простой природой, передавая ему образность. В данной сказке оно решает судьбу человека.

«Терек быланы айтханларына къулакъ салып тынгылагъанды. Сора: «Адам улу манга жетдирген къыйынлыкъланы санап айтыргъа да къолумдан келлик тюйюлдю», – дегенди» [КЪМХЖ 2012: 575] – *«Дерево (навострив уши) внимательно выслушав то, что они рассказали. Потом: «Все несчастья, что причинил мне сын человека, я даже не смогу пересчитать», – сказал».*

Из примеров видно, что животные и природа в народных анималистических сказках не просто оживают, но вместе с тем наделяются разными эмоциями. Благодаря этому тропу сказители могли донести образы мира природы, делая их более близкими и понятными до слушателей.

Несомненно, в процессе развития многих столетий каждая сказка насыщалась большим количеством ярких и запоминающихся художественно-выразительных средств речи. В сказочной традиции карачаевцев и балкарцев основное место занимают постоянные, народнопоэтические эпитеты. По Веселовскому: «Эпитет – одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [Веселовский 1940: 73]. Многие ученые, исследуя эпитеты «с разных позиций, предлагают различные их классификации. С генетической точки зрения эпитеты можно разделить на общеязыковые, индивидуально-авторские и народно-поэтические (постоянные) [Абдуллабекова 2015: 19]. Используя эти тропы, сказитель придает фольклорным текстам устойчивый характер. Эти образные определения усиливают впечатление от представленных описаний, являются наиболее употребительными, играют немаловажную роль, позволяя сделать красочнее и выразительнее образ описываемых явлений и предметов в сказочном пространстве, составляет значительную часть стилистически выразительных средств в карачаево-балкарской животной сказке.

Поэтому мы решили подвергнуть более подробному анализу эти лексическо-стилистические средства выразительности на примере некоторых анималистических сказок карачаевцев и балкарцев. Ссылаясь на опыт предшественником, провели классификацию эпитетов, встречающихся в животном эпосе исследуемого жанра. В ходе исследования выявили нижеперечисленные категории эпитетов:

1) – *для описания облика персонажей сказок*:

«къарт къатын» [КЪМФС 2013: 660] – *«старая женщина», «телирек жаш»* [КЪМФС 2013: 660] – *«глуповатый парень», «сокъур къойчу»* [КЪМХЖ 2012: 549] – *«слепой пастух».*

2) – Эпитеты используются *для дачи характеристики образам, указывают на особенности характера.* Если герой сказок характеризуется как отрицательный персонаж, то эпитет постоянно это подчеркивает. *Например: «аманауз* къаргъа» [КЪМХЖ 2012: 577] – «*сверноcловная ворона», «аман тилли* къаргъа» [КЪМХЖ 2012: 577] – «*сквернословная ворона», «къаргъышауз* къаргъа»

[КЪМХЖ 2012: 577] – «проклянающая ворона», *«бошауз* къаргъа» [КЪМХЖ 2012: 577] – *«простословная ворона», «сандыракъ* тюлкю» [КЪМХЖ 2012: 577] – «ловкая лиса», *«татлы* шуехла» [КЪМХЖ 2012: 577] – *«сердечные друзья», «хайыуан къанатлы да тил билген* саудюгерчи» [КЪМХЖ 2012: 546] – «знающий язык птиц и зверей продавец», «халалдан ёле тургъан бир аламат жаш» [КЪМХЖ 2012: 549] – «умирающий от доброты хороший парень».

3) – Обилие эпитетов в текстах исследуемого жанра встречается и при создании описаний природы – *для характеристики явления природы.* Также эти образные выражения применяются для обрисовки каких-нибудь неживых предметов (ветра, снега). Например:

«уллу къар» [КЪМХЖ 2012: 549] – *«обильный снег», «жылтыраукъ къара суу»* [КЪМХЖ 2012: 542] – *«блестящая чистая вода», «алтын бетли къызыл от»* [КЪМХЖ 2012: 542] – *«злотоликий алый огонь», «мазаллы къая»* [КЪМХЖ 2012: 578] – *«огромная скала», «сыйдам дорбун»* [КЪМХЖ 2012:.579] – *«гладкая пещера», «уякъ ташла»* [КЪМХЖ 2012: 578] – *«мелкие камни», «сууукъ суу»* [КЪМХЖ 2012: 572] – *«холодная вода»*.

4) – *Эпитеты для оценки социального положения героя* применяются для разграничения этих персонажей, лексически придают им яркую индивидуальность. Почти во всех сказках положительным главным героем является персонаж из низкого, обездоленного социального класса. Сказитель выделяет его специфически среди других действующих лиц. Отрицательная же роль достается выходцам из богатых сословий.

«*Жарлы* киши» [КЪМХЖ 2012: 538] – «*бедный* человек», «*бай* адам» [КЪМХЖ 2012: 521] – «*богатый* человек», «*бай* хан» [КЪМХЖ 2012: 522] – «*богатый* хан»,

5) – Эпитеты, с помощью которых выражаются различные состояния и чувства действующих лиц, используют *для оценки качества характера персонажей:*

«татлы къонакъла» [КЪМХЖ 2012: 539] – «*сердечные* гости», «*аламат* жаш» [КЪМХЖ 2012: 549] – «*хороший* парень», «*харам* эшек» [КЪМХЖ 2012: 527] – «*поганый* осел», «*жукъ кёрмеген* тирменчи» [КЪМХЖ 2012: 566] – «*ничего не повидавший* мельник».

6) – Эпитеты *уточняющие, объясняющие признаки и отличающие цветовую гамму предмета, являются наиболее обилующими в сказочных рассказах***:**

«*къызыл* тюлкю» [КЪМХЖ 2012: 571] – «*рыжая* лиса», «*акъ* жугъутур» [КЪМХЖ 2012: 578] – «*белый* тур», «*жашил* дуппур» [КЪМХЖ 2012: 578] – «*зеленый* холм», «*къара* суучукъ» [КЪМХЖ 2012: 578] – «*чистая* вода», «*чиммакъ агъаргъан* жугъутур» [КЪМХЖ 2012: 578] – «*сильно поседевший* тур», «*къара* булутла» [КЪМХЖ 2012: 578] – «*черные* тучи», «*акъ* ирик» [КЪМХЖ 2012: 549] – «*белый* баран».

7) – Эпитеты, *характеризующие предметы по размеру, форме, по качеству:*

«ахшы чепкен» [КЪМФС 2017: 558] – *«хорошая, качественная одежда», «бухар бёрк»* [КЪМФС 2017: 558] – *«каракулевая шапка», «жылтыраукъ башлы чурукъла»* [КЪМФС 2017: 558] – *«блестящие туфли», «кюмюш белбау»* [КЪМФС 2017: 558] – *«серебряный пояс», «кюмюш къама»* [КЪМФС 2017:

558] – *«серебряный кинжал», «кюмюш хазырла»* [КЪМФС 2017: 558] – *«серебряные доспехи».*

8) – Для характеристики живой природы обилуют такие эпитеты как:

а. для диких животных:

«къарт бёрю» [КЪМФС 2017: 539] – *«старый волк», «амалчы тюлкю»* [КЪМФС 2017: 541] – *«изворотливая лиса», «боз бёрю»* [КЪМФС 2017: 557] – «серый волк», *«сандыракъ тюлкю»* [КЪМФС 2017: 577] – *«болтливая лиса», «уллу кёллю бёрю»* [КЪМФС 2017: 583] – *«не серьезный волк», «къарт алаша»* [КЪМФС 2017: 576] – *«старая кобыла», «сокъур айыу»* [КЪМФС 2017: 572] – *«слепой медведь», «къарт жугъутур»* [КЪМФС 2017: 578] – *«старый тур», «жютю кёзлю, ётгюр жюрекли жугъутур»* [КЪМФС 2017: 578] – «тур с острым взглядом и с отважным сердцем».

б. для описания домашних животных:

«харип къой» [КЪМФС 2017: 539] – «*несчастный* баран», *«жарлы къой»* [КЪМФС 2017: 539] – *«бедный* баран*», «ана къой»* [КЪМФС 2017: 557] – *«старая овца», «къарт алаша»* [КЪМФС 2017: 576] – *«старая кобыла».*

9) – Эпитеты, используемые *для характеристики жилища персонажей,* вызывают у читателя нужное эмоциональное состояние, воспроизводят определенную атмосферу жизни героев сказки:

«уллу юч мулжар» [КЪМФС 2017: 549] – «*большие три норы*», «*такъыр тешикли* мулжар» [КЪМФС 2017: 552] – «*узкая* нора», «*уллу ариу* юйле» [КЪМФС 2017: 559] **–** «*большие красивые* дома», «*уллу* къала» [КЪМФС 2017: 567] – «*большой* замок».

10) – В сказке используются эпитеты, *подчеркивающие функциональную значимость времени и пространства сказки.*

Например*: «бир эски эл» – «какое-то старое село»* [КЪМФС 2017: 549], *«бурун заманлада»* [КЪМФС 2017: 541] – *«в древние времена», «эртте заманда»* [КЪМФС 2017: 568] – *«в давние времена».*

Эти эпитеты в основном входят в формулу сказочного зачина *«Эртте-эртте бир аппа бир эски элден бир жанлыракъ жашагъанды»* [КЪМФС 2017: 574] – *«Давным-давно жил один старик дальше какого-то старого села».* Сказочник с помощью зачина в целом отделяет пространство сказочное от пространства реального. Эпитет при этом несет существенную смысловую нагрузку. Он показывает неопределенность действия сказки – условность.

11) – Эпитеты, являющиеся ключевым аспектом сказочных произведений *используются в названиях сказок.*

Например: «*Жарлы* киши бла тюлкю» [КЪМФС 2017: 575] – «*Бедный* человек и лиса»; «*Жарлы* киши бла *бай* киши» [КЪМФС 2017: 609] – «*Бедный* человек и богатый человек»; «*Аламат* тайчыкъ» [КЪМФС 2017: 639] – «*Чудесный* жеребенок»; «Айыу, бёрю, *къызыл* тюлкю» [КЪМФС 2017: 663] – «Медведь, волк и *рыжая* лиса»; «*Тели* Зондар бла *амалчы* тюлкю» [КЪМФС 2017: 684] – «*Глупый* Зондар и *находчивая* лиса»; «*Къызыл* жилян» [КЪМФС 2017: 708] – «*Рыжая* лиса»; «*Къарт* киштик бла чычханла» [КЪМФ 1987: 325] – «*Старый* кот и мыши».

В данном случае значение эпитета повышается на столько, что выносится в заголовок сказочного произведения в субстантивированном виде. А, как известно, в заголовке всегда воссоздается основная идея и главная тема текста. Эпитеты в таком виде позволяют читателю сделать определенные оценочные выводы, относительно главного героя.

Проанализировав эпитеты в карачаево-балкарских сказках, мы убедились и в том, что они позволяют сказителю выразить свой взгляд к изображаемому явлению, дать свою оценку и представить это восприятие слушателям.

В карачаево-балкарском языке, как и во многих тюркских языках, есть лексические единицы, которые еще не стали предметом изучения в художественных текстах. Одним из таких единиц является неопределенное местоимение – «бир» – «какой-то», образованное от числительного «бир» – «один». В фольклорных текстах карачаевцев и балкарцев это слово сопровождает разные понятия. Например, в исследуемых сказках о животных встречаются сочетания слов – «бир адам» – «какой-то человек», «бир жерде» – «в каком-то месте», «бир заманда» – «в какое-то время» и т.д., эта лексическая единица в данной форме в сказках о животных является эпитетом. Это слово «обозначает неопределенный предмет, но оно может употребляться с существительным как в единственном, так и во множественном числе: бир адам «некий человек» – бир адамла «некие люди» и т.п.

В толковании слова бир «один» следует отметить наличие определенной закономерной связи его значения с выполняемой им синтаксической функцией. А это приводит к необходимости использования помет типа в значении «прилагательного», в значении «неопределенного местоимения», в значении «союза» и т.п» [Гузеев, Улаков 2014: 210.] Любой произвольный эпитет в сочетании с *неопределенным местоимением* «бир» – «какой-то» приобретает сказочную условность. Например:

«Бир элде, мындан жарлы ким болур дегенча, *бир жарлы* адам жашагъанды. Ма *бир къарангы* кече ол жарлыны арбазына уручула киредиле» [КЪМФС 2017: 672] – «В *каком-то* селе, можно сказать, кто может быть еще беднее, жил *какой-то* бедный человек. Вот в *какую-то* темную ночь, во двор этого бедняка пробрались воры».

«Алгъын заманда *бир киши* жангъыз жашы бла жашап болгъанды. Ол элде аладан сора да *бир къатын* жашы бла жашап болгъанды» [КЪМФС 2017: 675]. – «В давние времена *какой-то мужик* жил с единственным сыном. В этом селе кроме них жила *какая-та женщина* со своим сыном».

«Эртте заманлада *бир патчах* къыз болгъанды. Узакъ жерден *бир жаш* келгенди анга. Жолда келе тургъанлай, *бир талагъа* чыгъады. Жаш *бир уллу* буруну ушкок бла атаргъа тебирегенди» [КЪМФС 2017: 672]. – «В давние времена жила *какая-та принцесса*. Когда шла по дороге, вышла на *какую-то поляну*. Парень собрался *какого-то большого тура* застрелить из ружья».

Продолжая свое исследование, хотелось бы уделить внимание повторам, встречающимся в карачаево-балкарских анималистических сказках, именно они и являются главными синтаксическими средствами выразительности дающую

ритмичность звучанию. В рассказах данного жанра обнаруживаются множество повторов глаголов, обозначающих действия героя в сказочном пространстве:

«Ашыкъма, айыу*, ашыкъма!*» [КЪМФС 2017: 588] – «*Не спеши*, медведь, *не спеши*». «*Чайнады-чайнады*, бир да татыуун ангыламады» [КЪМФС 2017: 600] – «*Жует-жует*, никакого вкуса не понимает». «Тюлкю *къоркъду*, аман *къоркъду*» [КЪМФС 2017: 601]. – «Лиса *испугалась*, очень *испугалась*». «*Къара-къара,* амма кюле турады», – дей эди. [КЪМФС 2017: 660]. – «*Смотри-смотри*, амма смеется», – говорил он».

Также тексты сказок богаты тавтологическими деепричастиями. Например: «*Жиляй-жиляй* былай айтды» [КЪМФС 2017: 584]. – «*Плача-плача*, так сказал». «Бёрю тюлкюню *сакълай-сакълай* къалкъыды» [КЪМФС 2017: 601] – «Волк лису, *ожидая-ожидая*, вздремнул». «Сен аман кирпи, *тёнгерей-тёнгерей*, мени ариу санларым бла сакълатып, – деп ачыуланды». – «Ты, плохой ёжик, *скатываясь-скатываясь*, заставил ждать меня с моим прекрасным телом», – сказав, разозлилась».

Глаголы «*ашыкъма, ашыкъма*; *къоркъду, къоркъду* » – «*не спеши, не спеши*», «*чайнады-чайнады , къара-къара*» – «*жует-жует; смотри-смотри*», деепричастия «*жиляй-жиляй, сакълай-сакълай, тёнгерей-тёнгерей*» – «*плача-плача; ожидая-ожидая; скатываясь- скатываясь*» и др. используются для того, чтобы замедлить, усилить или удлинить действие, обратить внимание читателей на будущее событие, пробудить интерес к нему и изобразить эмоции, чувства и переживания действующих персонажей.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа карачаево-балкарских сказок о животных можно сделать следующие *выводы*. Лексико-стилистический разбор материала сказок показал то, что животный эпос владеет индивидуальным комплексом языковых средств, с помощью которых передает национально-культурный колорит и жанровую специфику произведений. Неоднократно повторяясь из поколения в поколение и заучиваясь, эти сказочные тексты сохранили в себе архаичные черты лексики.

Посредством использования изобразительных средств языка создается неповторимый сказочный мир карачаево-балкарского устного народного творчества. Анализ эпитетов, повторов, олицетворений, лексических особенностей местоимений дает возможность более точно передать сюжет при пересказе и созданию в сознании слушателя нужных образов, приближает реципиента к пониманию языковой заурядности и менталитета носителей языка. Представляется перспективным исследование дальнейших разработок типизации речевых параметров карачаево-балкарских фольклорных произведений для развития целостной лингвокультурологической и лингвостилистической теории фольклорных жанров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллабекова 2015 – *Абдуллабекова У.Б.* Эпитеты в кумыкских сказках // Филологические науки. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 4 (46): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 19-21.

Берберов 2016 – *Берберов Б.А.* Воспитательный потенциал карачаево-балкарской бытовой сказки // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 6 (74). – С. 217-220.

Веселовский 1940 – *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. – Л.: Гослитиздат, 1940. – 648 с.

Гергокова 2016 – *Гергокова Л.С.* Особенности функционирования эпитетов в карачаево-балкарских сказках о животных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7-2 (61). – С. 16-18.

Гузеев, Улаков 2014 – *Гузеев Ж.М., Улаков М.З.* Семантика числительного бир "один" (на материале карачаево-балкарского языка) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 3 (59). – С. 209-213.

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. – Нальчик: изд-во ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 108 с.

Жирмунский 1979 – *Жирмунский В.М.* Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Сравнительное литературоведение. – Л.: Наука, 1979. – С. 158-174.

Кучмезова 2015 – *Кучмезова Л.Б.* К проблеме языковой вариантности в условиях наддиалектности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 1 (63). – С. 268-272.

КЪМФ 1987 – *Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор)* Сост., вступительная статья, комментарии Р-А. Ортабаевой. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1987. – 344 с. (на кар.-балк. яз.)

КЪМХЖ 2012 – *Къарачай-малкъар халкъ жомакъла* (Карачаево-балкарские народные сказки). Сост. С.А. Мусукаева. – Нальчик: Издательство «Эльбрус», 2012. – 592 с. (на кар.-балк. яз.).

КЪМФС 2017 – *Къарачай-малкъар фольклорну своду* (Свод карачаево-балкарского фольклора). – Том 3. – Нальчик: Издательство ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 990 с. (на кар.-балк. яз.).

Малкондуев 2018 – *Малкондуев Х.Х.* Къарачай-малкъар фольклорну эм эрттегили жанрлары. Мифле. Тёреле. Эпос. Жомакъла. (Древнейшие жанры карачаево-балкарского фольклора. Мифы. Обряды. Эпос. Сказки.) – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 132 с. (на кар.-балк. яз.).

Мокиенко 1986 – *Мокиенко В.М.* Образцы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л: Изд-во ЛГУ, 1986. – 277 с.

Радлов 1968 – *Радлов В.В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. Предисловие к V т. // «Манас» – героический эпос киргизского народа / Сб. ст. Ред. и автор предисловия С. Мусаев. – Фрунзе: Илим, 1968. – 232 с.

Улаков 2017 – *Улаков М.З.* Особенности употребления некоторых разрядов числительных в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 6-1 (80). – С. 200-204.

Урусбиева 2007 – *Урусбиева* Ф. К 90-летию Зейтуна Магаметгериевича Улакова // Литературная Кабардино-Балкария. – 2007. – № 6. – С. 34-39.

REFERENCES

ABDULLABEKOVA U.B. *Epitety v kumykskih skazkah* [Epithets in Kumyk fairy tales]. IN: Filologicheskie nauki. – Tambov: Gramota, 2015. – № 4 (46): v 2-h ch. – CH. II. – P. 19-21. (In Russ.).

BERBEROV B.A. *Vospitatel'nyj potencial karachaevo-balkarskoj bytovoj skazki* [The educational potential of the Karachay-Balkar household tale]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2016. – № 6 (74). – P. 217-220. (In Russ.).

GERGOKOVA L.S. *Osobennosti funkcionirovaniya epitetov v karachaevo-balkarskih skazkah o zhivotnyh* [Features of functioning of epithets in Karachay-Balkar fairy tales about animals]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 7-2 (61). – P. 16-18. (In Russ.).

GUZEEV ZH.M., ULAKOV M.Z. *Semantika chislitel'nogo bir "odin" (na materiale karachaevo-balkarskogo yazyka)* [Semantics of the numeral bir "one" (on the material of the Kara-

chay-Balkarian language)]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2014. – № 3 (59). – P. 209-213. (In Russ.).

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. Karachaevo-balkarskaya volshebnaya skazka [Karachay-Balkar fairy tale]. – Nal'chik: izd-vo IGI KBNC RAN, 2019. – 108 p. (In Russ.).

KUCHMEZOVA L.B. *K probleme yazykovoj variantnosti v usloviyah naddialektnosti* [To the problem of linguistic variance in the conditions of supra-dialect]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2015. – № 1 (63). – P. 268-272. (In Russ.).

K"arachaj-malk"ar fol'klor [Karachaevo-balkarskij fol'klor] Sost., vstupitel'naya stat'ya, kommentarii R-A. Ortabaevoj. – Cherkessk: Karachaevo-CHerkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1987. – 344 p. (In Karachay-Balkarian).

K"arachaj-malk"ar halk" zhomak"la [Karachay-Balkar folk tales]. *Sost. S.A. Musukaeva*. – Nal'chik: Izdatel'stvo «El'brus», 2012. – 592 p. (In Karachay-Balkarian).

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu [Code of Karachay-Balkar folklore]. *Tom 3.* – Nal'chik: izdatel'stvo IGI KBNC RAN, 2013. – 990 p. (In Karachay-Balkarian).

MALKONDUEV H.H. K"arachaj-malk"ar fol'klornu em erttegili zhanrlary. Mifle. Tyorele. Epos. ZHomak"la [The oldest genres of Karachay-Balkar folklore. Myths. Rites. Epos. Fairy tales.]. – Nal'chik: Redakcionno-izdatel`skij otdel IGI KBNCz RAN, 2018. – 130 p. (In Karachay-Balkarian).

MOKIENKO V.M. Obrazcy russkoj rechi: Istoriko-etimologicheskie i etnolingvisticheskie ocherki frazeologii [Samples of Russian speech: Historical, etymological and ethnolinguistic essays on phraseology]. – L: Izd-vo LGU, 1986. – 277 p. (In Russ.).

RADLOV V.V. *Obrazcy narodnoj literatury severnyh tyurkskih plemen. Predislovie k V t.* [Samples of folk literature of the northern Turkic tribes. Preface to V.] IN: «Manas» − geroicheskij epos kirgizskogo naroda / Sb. st. Red. i avtor predisloviya S. Musaev. – Frunze: Ilim, 1968. – 232 p. (In Russ.).

ULAKOV M.Z. *Osobennosti upotrebleniya nekotoryh razryadov chislitel'nyh v karachaevo-balkarskom yazyke* [Features of the use of some categories of numerals in the Karachay-Balkar language]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2017. – № 6-1 (80). – P. 200-204. (In Russ.).

URUSBIEVA F. *K. 90-letiyu Zejtuna Magametgerievicha Ulakova* [K 90-year-old Zejtuna Magametgerievicha Ulakova]. IN: Literaturnaya Kabardino-balkariya. – 2007. – № 6. – P. 34-39. (In Russ.).

VESELOVSKIJ A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. – L., GOSLITIZDAT, 1940. – 648 p. (In Russ.).

ZHIRMUNSKIJ V.M. Srednevekovye literatury kak predmet sravnitel'nogo literaturovedeniya [Medieval Literature as a Subject of Comparative Literature]. IN: Sravnitel'noe literaturovedenie. – L.: Nauka, 1979. – P. 158−174. (In Russ.).

Информация об авторе:

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук.

Information about the author

L.S. Gergokova – candidate of philological (Philology).

Статья поступила в редакцию 01.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 20.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья
УДК 398.61
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-428-437
EDN: TOKABM

ЗАГАДКИ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА)

Фаризат Хасановна Гулиева (Занукоева)
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук», Нальчик, Россия, gfariza37@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8883-4613

Аннотация. Статья посвящена исследованию карачаево-балкарских загадок в аспекте отображения предметов и явлений мира природы, быта, самого человека, а также понятий, связанных с материальной и духовной культурой этноса. В работе подчеркивается оценочный, описательный характер рассматриваемых фольклорных единиц, выявляются средства и способы концептуализации объектов загадывания. К их числу относятся метафора, метонимия, сравнение, антитеза, олицетворение и т.п., которые могут применяться как по отдельности, так и в сочетании. Проведенный анализ карачаево-балкарских загадок позволяет утверждать, что в них в иносказательной форме закреплен комплекс религиозных, эстетических и морально-этических представлений этноса, отражены особенности его мировидения, мироощущения. Изучение произведений данного жанра, их популяризация не только способствуют межпоколенной трансляции культурно-исторического опыта народа, но и помогают глубже раскрыть специфику языковой картины мира карачаевцев и балкарцев. Немаловажное значение имеет и педагогический, воспитательный потенциал, заложенный в загадках, помогающих развитию художественно-образного, логического мышления у детей и взрослых.

Ключевые слова: карачаево-балкарские загадки, этническая картина мира, концептуализация, среда обитания, духовная и материальная культура, способы концептуализации объектов

Для цитирования: Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Загадки как средство концептуализации окружающего мира (на материале карачаево-балкарского фольклора) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 428-437. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-428-437. – EDN: TOKABM.

© Гулиева (Занукоева) Ф.Х., 2022

Original article

RIDDLES AS A MEANS OF CONCEPTUALIZATION OF THE SURROUNDING WORLD (BY THE MATERIAL OF KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE)

Farizat H. Gulieva (Zanukoeva)
Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, gfariza37@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-8883-4613

Abstract. The article is devoted to the research of Karachay-Balkarian riddles in the aspect of displaying objects and phenomena of the natural world, everyday life, the person himself, as well as concepts related to the material and spiritual culture of the ethnic group. The work emphasizes the evaluative, descriptive nature of the considered folklore units, identifies the means and ways of conceptualizing the guessing objects. These include metaphor, metonymy, comparison, antithesis, personification, etc., which can be used both individually and in combination. The analysis of the Karachay-Balkarian riddles allows us to assert that they enshrine, in an allegorical form, a complex of religious, aesthetic, moral and ethical ideas of the ethnos, reflect the features of its worldview, attitude. The study of the works of this genre, their popularization not only contribute to the intergenerational transmission of the cultural and historical experience of the people, but also help to reveal more deeply the specifics of the linguistic picture of the world of the Karachays and Balkars. Of no small importance is the pedagogical, educational potential inherent in riddles, that help the development of artistic, figurative, logical thinking of children and adults.

Keywords: Karachay-Balkarian riddles, ethnic picture of the world, conceptualization, habitat, spiritual and material culture, ways of conceptualizing the objects

For citation: Gulieva (Zanukoeva) F.H. Riddles as a means of conceptualization of the surrounding world (by the material of Karachay-Balkarian folklore). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 428-437. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-428-437. – EDN: TOKABM.

© Gulieva F.H., 2022

В филологической науке *концептуализация* понимается как «процесс познавательной деятельности человека, ориентированный на осмысление поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Жеребило 2005: 137]. Другими словами, это процесс выявления комплекса познавательных, в том числе категориальных, признаков какого-либо явления, предмета, понятия реального или воображаемого мира, которые позволяют человеку накапливать в сознании и обновлять новыми данными определенное понятие и создавать представление об изучаемом явлении, предмете, отличать их от остальных феноменов.

Изыскания в данной области в настоящее время довольно популярны в среде лингвокультурологов и лингвофольклористов, подтверждением чего могут служить многочисленные статьи карачаево-балкарских языковедов [Ахматова, Кетенчиев 2014; Гукетлова, Кетенчиев 2014; Кетенчиев, Геляева 2015; Ахматова 2020; Башиева, Кетенчиев 2020; Ахматова 2021; Кетенчиев, Акамов 2021 и др.]. Однако, несмотря на то, что отдельные жанры карачаево-балкарского устного народного творчества обладают значительным исследовательским потенциалом в интересующей нас сфере, в национальной фольклористике особенности процесса концептуализации все еще не становились предметом специального изучения. В то же время отдельные суждения по рассматриваемой проблеме содержатся в статье д.ф.н. Б.А. Берберова «История и поэтика карачаево-балкарской загадки» [Берберов 2021].

В системе фольклора процесс концептуализации окружающего мира наиболее характерен и показателен в загадке, относящейся к числу малых жанров уст-

ной словесности и представляющей собой «иносказательное поэтическое описание к.-л. предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего» [НИЭ 7 2001: 38]. Многие отечественные и зарубежные исследователи справедливо полагали, что корнями данный жанр уходит в мифологию, языческое мировоззрение, обряды и культы. Карачаево-балкарский исследователь Б.А. Берберов также считает, что «основным генератором» для появления жанра загадки в национальном фольклоре стал тайный табуированный язык *жаз / джаз тил* «с его потенциалом скрывать информацию». Еще одним фактором стала тяга «к метафоризации предметов окружающего мира» [Берберов 2021: 638–639].

Как известно, загадка в живом бытовании воспроизводится двумя участниками, «один из которых осуществляет иносказательное описание объекта, его параметров или функций, посредством введения в текст семантически неоднозначных конструкций (метафоры, игры слов, парадокса, каламбурного алогизма и т.п.), а второй – угадывает зашифрованный в иносказательном описании объект» [Титова 2012: 320]. Т.е. загадка состоит из двух элементов: объекта загадывания и его иносказательного образного описания, и именно эта вторая, кодирующая часть загадки являет собой вербальный способ концептуализации окружающего мира.

В среде карачаевцев и балкарцев процесс загадывания–отгадывания проходил в игровой форме: «Во время игры – состязания, если человек, которому была загадана загадка, не мог ее отгадать, он, чтобы узнать отгадку, должен был в качестве выкупа дать какое-нибудь село или город» [Хаджиева 2014: 574]. Данным обстоятельством и обусловлено собственно национальное название загадки: *эл берген жомакъ* «сказка, дарующая село» или сокращенная форма *элбер* «дай село». Тем не менее, произведения данного жанра выполняли не только и не столько развлекательную функцию. «Аллегорическая форма загадок оказывает немалое влияние на развитие художественного мышления: чтобы правильно ответить на замысловатый вопрос, людям приходится сопоставлять, сравнивать факты, предметы и явления, не всегда связанные между собой», – писал А.З. Холаев [Холаев 1981: 31]. Ж.М. Локьяева дополняет и уточняет данное высказывание ученого: «Разгадывание загадок развивает способность читателя, слушателя к анализу, обобщению, формирует умение самостоятельно искать, сопоставляя самые различные предметы, и находить правильный ответ. Назначение загадок не в том, чтобы закрепить в сознании слушателя свойства этих предметов и явлений, а в том, чтобы тем самым развивать догадливость, сообразительность, логическое мышление, воображение человека. Это своего рода игра, которая тренирует память как взрослых, так и детей» [Локьяева 2021: 136]. Кроме того, как справедливо отметила Н.Г. Титова, «Загадки играют немалую роль в накапливании и передаче коллективного опыта из поколения в поколение, поэтому они являются культурно-маркированными текстами, так как сквозь призму загадки можно проникнуть в образ мышления нации, а также взглянуть на мир глазами носителей этой культуры.

Загадки представляют собой своеобразный способ отражения национальной картины мира, раскрывая перед нами логику, мышление, мировосприятие и мироощущение того или иного этноса» [Титова 2012: 319].

Карачаево-балкарская этническая картина мира антропоцентрична, что подтверждается данными самого языка. Так, например, такие наименования частей тела человека, как *баш* «голова», *тёпе* «макушка, темя», *ауз* «рот», *къол* «рука» и т.д., применяются для обозначения различных природных объектов, бытовых предметов, оружия или их частей: *баш* «железный конец (например топора, молотка)», «колос; ботва», «вершина (горы), макушка (дерева)», «крышка (например чайника, кастрюли)», «крыша» [КъМТАС I 1996: 360], *тёпе* «вершина, верх, верхушка» [КъМТАС III 2005: 488], *ауз* «ущелье; долина (например реки, горы)», «выходное отверстие (например шахты); горло, устье»; «дуло, жерло (орудия); калибр (оружия)», «лезвие, острие» [КъМТАС I 1996: 236], *къол* «ущелье» [КъМТАС II 2002: 653]. Подобный принцип описания наблюдается и в загадках: различным объектам живой и неживой природы, предметам быта приписываются человеческие черты, особенности поведения, эмоции. Например:

Бир къызым барды да,
Джылына джети чепкен киеди. (Нартюх) [Алиев 1984: 152].
Есть у меня одна дочь,
Так она за год семь платьев надевает. (Кукуруза)*

Сыртда суукъ сюрюучю,
Ингири юйге кириучю. (Сюрюучюню таягъы) [КъМФ 1996: 488].
На плато замерзший пастух,
Вечером домой заходящий. (Палка пастуха)

В то же время наблюдается и обратный процесс, когда при загадывании человека и частей его тела используются характеристики, черты, присущие объектам живой и неживой природы:

Тёбе-тёбе тёбе тау:
Тёбе тауну артында
Эки къара къундуз бар,
Эки къундузну къатында
Эки джарыкъ джулдуз бар. (Баш, къашла, кёзле) [Алиев 1984: 34].
Бугор-бугор бугристая гора:
Позади бугристой горы
Две черные выдры есть,
Возле двух выдр
Две яркие звезды есть. (Голова, брови, глаза).

Тёгереги – бусакъ терек,
Ортасы – терен кёзлеу. (Кёзле бла кирпикле) [Алиев 1984: 35].
Вокруг – тополя,
Посередине – глубокий родник. (Глаза и ресницы).

* Здесь и далее переводы мои – Ф.Г.

Данное явление, на наш взгляд, может быть объяснено в том числе влиянием древних языческих воззрений этноса, в частности анимизма и тотемизма. Например:

Бир эчким барды да:
Хар ким анга къарайды,
Хар ким аны марайды. (Къыз) [Алиев 1984: 33].
Есть у меня одна коза:
Все на нее смотрят,
Все ее выцеливают. (Девушка / дочь).

При рассмотрении данной загадки уместно напомнить о том, что дочери одного из божеств охоты, покровителя благородных диких животных Апсаты, могли представать в образах девушек-красавиц, на которых нередко заглядывались молодые охотники, или принимать облик диких коз, ланей. Более того, на табуированном охотничьем языке слово «коза» заменялось на выражение *Апсатыны сарычач къызлары* «желтоволосые / рыжеволосые дочери Апсаты» [Малкондуев 1986].

Перечисленные выше паремии относятся исследователями к так называемым образным загадкам, построенным в основном на таких приемах, как *метафора* (перенос названия с одного предмета, явления, действия или признака на другой на основе их сходства [Жеребило 2005: 154]) и *метонимия* (замена слова другим на основе связи их значений по смежности [Жеребило 2005: 157]). В подобных загадках наблюдается также широкое применение *олицетворения* или *прозопопеи* (связанного с анимическим мировоззрением и различными древними верованиями изображения «неодушевленных или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ – даром речи, способностью мыслить и чувствовать» [СЛТ 1974: 252]).

Некоторые загадки строятся путем применения различных сравнительных конструкций:

Уллулугъу – харбыз чакълы,
Сыйыннганы – джер чакълы. (Адам баш) [Алиев 1984: 33].
Величина – с арбуз,
Вместимость – с Землю. (Голова человека)

Тёп-тёгерек, топ кибик,
Ичи къызыл, от кибик. (Харбыз) [КъМФ 1996: 500].
Круглый-прекруглый как мяч,
Внутренность красная, словно огонь. (Арбуз).

«Очень часто для демонстрации бинарного устроения мира в загадках используется антитеза, противопоставляющая белое и черное, сухое и мокрое, съедобное и несъедобное, высокое и низкое, большое и маленькое, длинное и короткое» [Берберов 2021: 646], хорошее и плохое и т.д.:

От джанында – иги хыршы,
Эшик артында – аман балта. (Акъылсыз эр бла акъыллы къатын) [Алиев 1984: 33].

Рядом с огнем / очагом – хороший оселок,
За дверью – плохой топор. (Глупый муж и мудрая жена)

Анасындан – гитче, атасындан – уллу. (Къадыр) [КъМФ 1996: 500].
Матери – меньше, отца – больше. (Мул)

Суугъа кирсе – бир бола,
Суудан чыкъса – минг бола. (Ат къуйрукъ) [КъМФ 1996: 500].
В воду войдет – одним станет,
Из воды выйдет – тысячей станет. (Лошадиный хвост).

В то же время следует отметить, что не все загадки метафоричны. Так, Ю.М. Соколов писал: «Однако метафоричность загадки не является совершенно обязательной. Встречаются загадки в виде прямого вопроса, без переносного значения входящих в него слов. Нередко даже под загадками разумеются замысловатые арифметические задачи» [Соколов 2007: 244]. В карачаево-балкарском фольклоре также некоторые классические (короткие) загадки не кодируют информацию, а в большей мере имеют описательный характер: в них перечисляются присущие тому или иному предмету, явлению, животному и т.п. черты, свойства, повадки, выявленные в результате многолетних наблюдений, т.е. передают накопленные сведения о том или ином объекте загадывания. Это так называемые описательные загадки. Например:

Къыш болса – акъ бола,
Жаз болса – кёк бола. (Къоян) [КъМФ 1996: 501].
Зима настанет – белым станет,
Весна настанет – серым станет. (Заяц).

Иесин кемсиз сюйген,
Юйюн къоруй билген,
Ким болгъанын билигиз –
Джай да, къыш да тон кийген. (Ит) [Алиев 1984: 178].
Своего хозяина безмерно любящий,
Свой дом защищать умеющий,
Угадайте, кто это –
И летом, и зимой шубу носящий. (Пес).

Кеси къара – бурну акъ. (Чаука) [Алиев 1984: 191].
Сама черная – нос белый. (Галка).

Вполне естественно, что в связи с произошедшими за последнее столетие кардинальными изменениями в традиционном укладе жизни, условиях быта, сфере профессиональной деятельности, вследствие влияния культурно-технического прогресса и т.п. многие загадки перестали быть понятными для современных носителей карачаево-балкарского языка, поскольку объекты загадывания вышли из обихода (например, орудия труда, предметы быта, элементы традиционного жилища и др.). Тем не менее, нельзя говорить об отмирании, непродуктивности данного жанра. Несмотря на то, что традиционный игровой

компонент загадки на сегодняшний день уже утрачен, появляются новые формы его бытования. Это и различные соревнования, проводимые в учебных заведениях (фольклорные КВН, игры «Пойми меня», «Испорченный телефон» и т.п.), авторские загадки, ориентированные в основном на детскую аудиторию, различного рода кроссворды, сканворды, ключворды на родных языках.

Таким образом, исследование карачаево-балкарских загадок показало, что в них зафиксирован значительный объем информации об этносе. Иносказательная часть загадки выступает вербальным способом концептуализации окружающего мира. Она может быть как описательной (перечисляющей какие-то яркие черты, свойства, характеризующей повадки птиц и животных и т.п.), так и образной, метафорической. Наиболее популярными приемами, средствами концептуализации, применяемыми в загадках данного этноса, являются метафора, метонимия, олицетворение, антитеза, сравнение. Они могут быть представлены по-отдельности или же применены в комплексе.

Содержание проанализированных художественных микротекстов свидетельствует об их тесной связи с прошлым народа, географическими и климатическими условиями его проживания. В них в закодированном виде отражен комплекс религиозных, эстетических и морально-этических представлений этноса, раскрывающих особенности его мировидения, мироощущения. Вследствие этого сложно переоценить значение загадок в процессе межпоколенной трансляции культурно-исторического опыта народа, раскрытии специфики этнической картины мира карачаевцев и балкарцев. В них заложен немалый педагогический, воспитательный потенциал, способствующий развитию художественно-образного, логического мышления у детей и взрослых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев 1984 – *Алиев С.Ч.* Къарачай халкъны эл берген джомакълары (Карачаевские народные загадки). – Черкесск: Ставропольское кн. изд-во. Карачаево-Черкесское отделение, 1984. – 216 с.

Ахматова 2020 – *Ахматова М.А.* Этнокультурная специфика концептуализации природных явлений в карачаево-балкарской языковой картине мира (на примере концептов «ветер» и «дождь») // Российская тюркология. – 2020. – № 1-2 (26-27). – С. 5-21.

Ахматова 2021 – *Ахматова М.А.* Концепт таш «камень» в карачаево-балкарской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 239-251. DOI: 10.17223/18137083/74/18.

Ахматова, Кетенчиев 2014 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 5. – С. 79-86.

Башиева, Кетенчиев 2020 – *Башиева С.К., Кетенчиев М.Б.* Особенности вербализации чувственного восприятия географических объектов в карачаево-балкарских топонимах // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 2 (102). – С. 102-107. DOI: 10.18522/2072-0181-2020-102-2-102-107.

Берберов 2021 – *Берберов Б.А.* История и поэтика карачаево-балкарской загадки // Oriental Studies. – 2021. – № 14 (3). – С. 635–648. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648.

Гукетлова, Кетенчиев 2014 – *Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б.* Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: пробле-

мы лингвистики и литературоведения. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 50-76.

Жеребило 2005 – *Жеребило Т.В*. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2005. – 376 с.

Кетенчиев, Акамов 2021 – *Кетенчиев М.Б., Акамов А.Т*. Концепт кёз / гёз («глаз») в карачаево-балкарской и кумыкской национальных картинах мира // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 1. – С. 158-170. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-1-158-170.

Кетенчиев, Геляева 2015 – *Кетенчиев М.Б., Геляева Ж.А*. Вербализация концептов «муж» и «жена» в карачаево-балкарских паремиях // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. – С. 48-52.

КъМТАС I 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х томах. – Т. I. А–Ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1019 с.

КъМТАС II 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х томах. – Т. II. З–Р. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 1171 с.

КъМТАС III 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х томах. – Т. III. С–Я. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 1159 с.

КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 с.

Локьяева 2021 – *Локьяева Ж.М*. Тематические и художественные особенности жанра загадки в карачаево-балкарском фольклоре // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 3 (101). – С. 133-139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139.

Малкондуев 1986 – *Малкондуев Х.Х*. Охотничий миф и поэзия балкарцев и карачаевцев (заметки) // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. – Нальчик: КБНИИИФЭ, 1986. – С. 38-42.

НИЭ 7 2001 – Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 7. Жа–Ит. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – 255 с.

СЛТ 1974 – Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

Соколов 2007 – *Соколов Ю.М*. Русский фольклор: учебное пособие. 3-е изд. / отв. ред. В.П. Аникин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. – 544 с.

Титова 2012 – *Титова Н.Г*. Доминантная функция загадки в русском и английском «сказочном» дискурсе // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2012. – № 1 (37). – С. 319-324.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М*. Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. – М.: Наука, 2014. – С. 522-584.

Холаев 1981 – *Холаев А.З*. Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. С.У. Алиева. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 13-31.

REFERENCES

AHMATOVA M.A. Etnokul'turnaya specifika konceptualizacii prirodnyh yavlenij v karachaevo-balkarskoj yazykovoj kartine mira (na primere konceptov «veter» i «dozhd'») [Ethnocultural specificity of conceptualization of natural phenomena in the Karachay-Balkar language picture of the world (on the example of the concepts «wind» and «rain»)]. IN: Rossijskaya tyurkologiya. – 2020. – № 1-2 (26-27). – P. 5-21. (In Russ.).

AHMATOVA M.A. Koncept tash «kamen'» v karachaevo-balkarskoj yazykovoj kartine mira [Concept of tash «stone» in the Karachay-Balkar language picture of the world]. IN: Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2021. – № 1. – P. 239-251. DOI: 10.17223/18137083/74/18. (In Russ.).

AHMATOVA M.A., KETENCHIEV M.B. Koncept «put'» kak konstrukt etnicheskoj yazykovoj kartiny mira (na materiale karachaevo-balkarskogo nartskogo eposa) [The concept of «road» as a construct of the ethnic language picture of the world (based on the material of Karachay-Balkar Nart epos)]. IN: Vestnik VEGU. – 2014. – № 5. – P. 79-86. (In Russ.).

ALIEV S.CH. K"arachaj halk"ny el bergen dzhomak"lary [Karachay folk riddles]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1984. – 216 p. (In Karach.).

BASHIEVA S.K., KETENCHIEV M.B. Osobennosti verbalizacii chuvstvennogo vospriyatiya geograficheskih ob"ektov v karachaevo-balkarskih toponimah [Features of verbalization of sensory perception of geographical objects in Karachay-Balkar toponyms]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2020. – № 2 (102). – P. 102-107. DOI: 10.18522/2072-0181-2020-102-2-102-107. (In Russ.).

BERBEROV B.A. Istoriya i poetika karachaevo-balkarskoj zagadki [History and poetics of the karachay-balkarian riddle]. IN: Oriental Studies. – 2021. – № 14 (3). – P. 635-648. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648. (In Russ.). (In Russ.).

GUKETLOVA F.N., KETENCHIEV M.B. Zooleksema «loshad'» i ee konceptosfera v raznostrukturnyh yazykah [Zoolexeme «horse» and its concept sphere in languages with different structures]. IN: Vzaimodejstvie yazyka i kul'tury: problemy lingvistiki i literaturovedeniya [Interaction of language and culture: problems of linguistics and literary criticism]. – Tambov: Tambovskij gosudarstvennyj universitet im. G.R. Derzhavina, 2014. – P. 50-76. (In Russ.).

HADZHIEVA T.M. Fol'klor [Folklore]. IN: Karachaevtsy. Balkartsy [Karachais. Balkarians]. – Moscow: Nauka, 2014. – P. 522-584. (In Russ.).

HOLAEV A.Z. Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo [Folk oral-poetic works]. IN: Ocherki istorii balkarskoy literatury [Essays on the history of balkarian literature]. – Nalchik: El'brus, 1981. – P. 13–31. (In Russ.).

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. – Vol. I. A–Zh. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 1019 p. (In Balk.).

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. – Vol. II. Z–R. – Nalchik: El'-Fa, 2002. – 1171 p. (In Balk.).

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. – Vol. III. S–Ya. – Nalchik: El'-Fa, 2005. м1159 p. (In Balk.).

K"arachay-malk"ar fol'klor [Karachay-balkarian folklore]: readings / collected by T.M. Hadzhieva. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 592 p. (In Balk.).

KETENCHIEV M.B., AKAMOV A.T. Koncept kyoz / gyoz («glaz») v karachaevo-balkarskoj i kumykskoj nacional'nyh kartinah mira [The concept of kez / gez («eye») in karachay-balkarian and kumyk national pictures of the world]. IN: Kavkazologiya. – 2021. – № 1. – P. 158–170. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-1-158-170. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B., GELYAEVA ZH.A. Verbalizaciya konceptov «muzh» i «zhena» v karachaevo-balkarskih paremiyah [Verbalization of the concepts «husband» and «wife» in the Karachai-Balkarian paremias]. IN: Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoj filologii [Actual questions of karachay-balkarian philologies]. – Nalchik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. – P. 48-52. (In Russ.).

LOK'YAEVA ZH.M. Tematicheskie i hudozhestvennye osobennosti zhanra zagadki v karachaevo-balkarskom fol'klore [Thematic and artistic features of the riddle genre in karachay-balkarian folklore]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2021. – № 3 (101). – P. 133-139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139. (In Russ.).

MALKONDUEV H.H. Ohotnichij mif i poeziya balkarcev i karachaevcev (zametki) [Hunting myth and poetry of the Balkarianss and Karachais (notes)]. IN: Aktual'nye voprosy kabardino-balkarskoj fol'kloristiki i literaturovedeniya [Actual questions of Kabardino-Balkarian folklore study and literary criticism]. – Nalchik: KBNIIIFE, 1986. – P. 38-42. (In Russ.).

Novaya illyustrirovannaya enciklopediya. Kn. 7. Zha–It [New illustrated encyclopedia. Book 7. Zha-It]. – Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 2001. – 255 p. (In Russ.).

Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of literary terms] / edited and collected by L.I. Timofeev, S.V. Turaev. – Moscow: Prosveshchenie, 1974. – 509 p. (In Russ.).

SOKOLOV YU.M. Russkij fol'klor: uchebnoe posobie. 3-e izdanie [Russian folklore: textbook. 3rd ed.] / editor-in-chief V.P. Anikin. – Moscow: MGU, 2007. – 544 p. (In Russ.).

TITOVA N.G. Dominantnaya funkciya zagadki v russkom i anglijskom «skazochnom» diskurse [Dominant function of a riddle in Russian and English fairy-tale discourse]. IN: Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo. – 2012. – № 1 (37). – P. 319-324. (In Russ.).

ZHEREBILO T.V. Slovar' lingvisticheskih terminov [Glossary of linguistic terms]. – Ed. 4-e, corrected and supplemented. – Nazran: OOO «Piligrim», 2005. – 376 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева (Занукоева) – кандидат филологических наук.

Information about the author

F.H. Gulieva (Zanukoeva) – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 20.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 08.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Языки народов Российской Федерации (языки народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-438-450
EDN: TSLKMS

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Махти Зейтунович Улаков[1], Борис Абдулкеримович Мусуков[2]
[1,2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия
[1] maxtti@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5972-8472
[2] kbigi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1765-0176

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории становления и развития литературного карачаево-балкарского языка за прошедшие сто лет. Даётся обзор его изученности, излагаются актуальные проблемы функционирования и определяются перспективы дальнейшего совершенствования. Проводится полиаспектный анализ исследуемого языка с учётом основных, наиболее значимых изданий за рассматриваемый период. Как особые достижения карачаево-балкарского языкознания выделяются фундаментальные проекты «Толковый словарь карачаево-балкарского языка» и «Современный карачаево-балкарский язык». Предлагается новая периодизация развития литературного карачаево-балкарского языка и эволюционирования его в статус государственного. Обращается внимание на сформулированные перед филологами задачи определения на стыке гуманитарных дисциплин конкретного вклада классиков балкарской и карачаевской литератур в укрепление норм изучаемого языка. Уделяется внимание разработке вопросов, связанных с письменностью, алфавитом, орфографией и терминологией. Отмечается, что для дальнейшего успешного функционирования родного языка требуется совершенствование самой практики создания комплексных исследований, его методики, унификации лексических норм. Указывается на целесообразность разработки научных принципов отбора языковых явлений с учетом региональных особенностей. Обосновываются перспективные возможности расширения функций, предусмотренные официальным статусом «литературный язык» в двух субъектах РФ: Кабардино-Балкарской и Карачаево -Черкессой республиках.

Ключевые слова: грамматический строй, нормы языка, письменность, терминологический словарь, лингвистическая терминология, фонетическая система, общенародный язык, литературный язык, государственный язык, классики литературы

Для цитирования: Улаков М.З, Мусуков Б.А. Основные этапы становления и развития литературного карачаево-балкарского языка (к 100-летию образования Кабардино-Балкарской Республики) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 438-450. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-438-450. – EDN: TSLKMS.

© Улаков М.З, Мусуков Б.А., 2022

Original article

THE MAIN STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LITERARY KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE (TO THE 100th ANNIVERSARY OF FORMATION OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC)

Makhti Z. Ulakov[1], **Boris A. Musukov**[2]

[1,2] Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardin-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

[1] maxtti@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5972-8472

[2] kbigi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1765-0176

Abstract. The article is devoted to the study of the formation and development of the literary Karachay-Balkar language history over the past hundred years. An overview of its study is given, current problems of functioning are outlined, and prospects for further improvement are determined. A multi-aspect analysis of the studied language is conducted, considering the main, crucial publications for the period under review. The fundamental projects "Explanatory dictionary of the Karachay-Balkarian language" and "Modern Karachay-Balkarian language" stand out as special achievements of Karachay-Balkarian linguistics. A new periodization of the development of the literary Karachay-Balkar language and its evolution into the status of the state language is proposed. Attention is drawn to the tasks considered for philologists to determine, at the junction of humanitarian disciplines, the specific contribution of the classics of the Balkar and Karachay literatures to strengthen the norms of the language being studied. Attention is paid to the development of issues related to writing, alphabet, spelling and terminology. For the further successful functioning of the native language, it is necessary to improve the very practice of creating complex studies, its method, and the unification of lexical norms. The expediency of developing scientific principles for the selection of linguistic phenomena is indicated, considering regional characteristics. The perspective possibilities of expansion of functions provided by the official status of "literary language" in two constituent entities of the Russian Federation are substantiated: the Kabardino-Balkarian and Karachay-Cherkess republics.

Key words: grammatical structure, language norms, writing, terminological dictionary, linguistic terminology, phonetic system, national language, literary language, state language, classics of literature.

For citation: Ulakov M.Z., Musukov B.A. The main stages of formation and development of the literary karachay-balkarian language (to the 100th anniversary of formation of the Kabardino-Balkarian Republic). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 438-450. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-438-450. – EDN: TSLKMS.

© Ulakov M.Z., Musukov B.A., 2022

Введение

Истоки современной истории карачаево-балкарского языка берут свое начало с периода, когда выходцы из привилегированных слоев местного населения получили возможность обучаться в средних и высших учебных заведениях, поступать на военную и гражданскую службу страны. С этого времени начинается складываться национальная интеллигенция, сформированная из прослойки карачаевской и балкарской элиты, которая активно включилась в

просветительское движение региона. В ходе исторического развития постепенно в устной форме закрепляются наддиалектные нормы, которые легли в основу литературного языка карачаевцев и балкарцев.

Серьезные попытки отдельных карачаевских и балкарских просветителей создать систему письменности на арабской графической основе, позже на латинице, не увенчались большим успехом, хотя сыграли положительную роль в создании базы для дальнейшего развития письменного карачаево-балкарского языка. В такой ситуации балкарцы в 1937 г., затем и карачаевцы в 1938 г. одними из первых среди современных тюркских народов перешли на модернизированный вид русской графической основы с небольшими региональными отличиями, т.е. русская графика была дополнена некоторыми дополнительными специфическими фонемами, графически отраженными с незначительными расхождениями: балкарцы приняли буквы – **ж, нг, къ, гъ ,** карачаевцы – **дж, нг, къ, гъ .** Эти комбинированные графемы, не имели аналогов в русском языке. В процессе образовался небольшой разнобой (между карачаевским и балкарскими регионами), который в современном карачаево-балкарском языкознании вызывает определенные дискуссии как среди лингвистов, так и всей карачаево-балкарской интеллигенции. Лингвисты, изучившие проблему, пришли к выводу о том, что вопросы унификации алфавита и орфографии традиционно во всех языках решаются декретом сверху. Современные процессы будут ускорять развитие карачаево-балкарского языкознания, в результате чего сама языковая действительность непременно приведет к единым нормам языковую интеграцию.

В последние годы в карачаево-балкарском языкознании утвердилось мнение о том, что предки карачаевцев и балкарцев в древности пользовались унаследованным руническим письмом. Доказательством тому служат ряд эпиграфических надписей, найденных на нынешней территории Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, которые квалифицируются как памятники исконной письменности. Некоторые тюркологи проводят успешную работу по дешифровке этих надписей, что даёт возможность проследить связь исследуемого языка с руническим письмом, в котором явно прослеживаются истоки общетюркской письменности. В этом плане имеются лингвистические доказательства дальнейшего расширения особенностей исконной письменности и ее трансформации. К этому числу относятся книги, изданные на карачаево-балкарском языке на арабской графической основе и латинице. Исходя из этого можно констатировать, что структура языка, его грамматический строй и основной лексический фонд являются арсеналом ряда эпох и на них лежит неизгладимая печать этапов становления и развития карачаево-балкарского языка.

Новейшая история карачаево-балкарского языка начинается с периода, когда фундаментально стала создаваться национальная письменность, разрабатываются литературные нормы, совершенствуется грамматический строй и т.д. Важное значение для развития языка имела языковая ситуация в стране и регионах – ареалах функционирования карачаево-балкарского языка. Систематическое изучение, унификация алфавита и орфографии, совершенствование литературных норм исследуемого языка относятся к последнему столетию.

Основная часть

Анализ существующей литературы свидетельствует о том, что за этот период карачаево-балкарская письменность прошла три этапа развития: 1) на арабской (1914–1926), 2) латинской (1926–1938) и 3) русской грамматических основах. С развитием школьного издательского дела выяснилось несоответствие арабского алфавита фонетической системе карачаево-балкарского языка, из-за чего в 20–30-е гг. XX в. составляется первый алфавит карачаево-балкарского языка на латинской графической основе. А позже (балкарцами в 1937 г., карачаевцами в 1938 г.) был принят новый алфавит, составленный на русской графике. Процесс формирования карачаево-балкарского языка, интеграция его наддиалектных основ в единый общенародный язык показывает, что в условиях слабого функционирования унаследованных письменных форм, значительное влияние оказали обобщенные формулы устной речи. Таким образом почти во всех случаях в качестве коммуникации в повседневной жизни карачаевцы и балкарцы широко использовали свой родной язык.

Лингвистическая терминосистема карачаево-балкарского языка появилась задолго до функционирования его литературных норм, то есть в долитературный период, который характеризуется употреблением в его лексико-семантической системе особенностей функционального разговорного стиля.

Фактически карачаево-балкарский литературный язык (в своей письменной и литературной норме) вместе с нормативными и ненормативными вариантами сложился в период образования Кабардино-Балкарской Республики и развивался под непосредственным влиянием общенародного языка, фольклора и устной поэзии, сыгравших большую роль.

Основоположниками нормативного языка являются поэты *Кязим Мечиев и Исмаил Семенов.* Большую роль в становлении, укреплении и унификации литературных норм исследуемого языка также сыграли классики балкарской и карачаевской литературы *Къайсын Кулиев, Хасан Аппаев.* Влияние классиков литературы на нормы современного карачаево-балкарского языка в настоящее время находится на уровне изучения.

В периодизации истории развития карачаево-балкарского языкознания можно отметить два главных периода: 1) дореволюционный (до 1917 г.); 2) послереволюционный. Послереволюционный период включает в себя четыре этапа: первый – 1917–1940-е гг.; второй – 1941–1957-е гг.; третий – 1960–1990-е гг.; четвертый – с 1991 г. по настоящее время.

Первый этап (1917–1940 гг.) характеризуется разработкой вопросов письменности, касающихся алфавита и орфографии, терминологии, подготовки учебников и учебных пособий для школ, издания первых грамматик, то есть разрешения вопросов практического характера.

В 1925 г. была составлена специальная программа по сбору карачаево-балкарского лексического материала в процессе лингвистических, лексикологических и лексикографических исследований. Языковые материалы специально организованных экспедиций были опубликованы позже.

С созданием новой письменности и первых общеобразовательных школ стала ощущаться острая необходимость в двуязычных словарях. Первые переводные

школьные словари и разговорники были небольшими по объёму. Отбор слов для них осуществлялся произвольно, а в подаче материала не было чёткой системы.

В 1926 г. был опубликован небольшой «Тылмач. Русско-карачаевский» для переводчиков [Акбаев 1926]. В это же время были также опубликованы ещё несколько небольших по объёму словарей. «Русско-балкарский разговорный справочник» В.П. Антонова-Саратовского (1930) [Антонов-Саратовский 1930].

Карачаево-балкарская лексикография, как теория и практика создания словарей, является развивающимся разделом карачаево-балкарского языкознания. Первые фиксации карачаево-балкарских слов в лексикографических источниках были произведены в конце XIX в. народным учителем А.И. Кириченко, который составил «Русско-карачаевский словарь», хранящийся и по сей день в рукописи.

В 30-40-е гг. XX в. с появлением первых школ в карачаевских и балкарских населённых пунктах стала ощущаться необходимость написания учебников по родному языку. В 1930 г. была издана первая «Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык)» У.Дж. Алиева, сыгравшая огромную роль в разработке основ карачаево-балкарского языкознания, особенно на первых его этапах развития, несмотря на большое количество отдельных недочетов [Алиев 1930]. Кроме того, большое значение имели работы профессора А. К. Боровкова, содержавшие ценные для того времени сведения о грамматическом строе карачаево-балкарского языка [Боровков 1932; Боровков 1936]. Существенную роль в изучении карачаево-балкарского языка сыграли также научные труды В.И. Филоненко [Филоненко 1940].

В 1929–1937 гг. в карачаевских и балкарских школах родной язык изучался по единым учебникам на латинской графической основе. В 1937 г. балкарцы, а в 1938 и карачаевцы последовательно приняли самостоятельные алфавиты на русской графической основе. В 1938 г. и последующие годы учебники по родному языку были опубликованы У.Б. Алиевым [Алиев 1938].

Значительным событием этого периода стало открытие в 1926 г. Научно-исследовательского института Национальной Культуры Кабардино-Балкарской АССР, организовавшего в последующие годы многочисленные лингвистические, фольклорно-этнографические экспедиции и поездки в целях изучения карачаево-балкарского языка и фольклора. Первая такая большая экспедиция состоялась в 1939 г.

Этот процесс постепенно активизировался с открытием в 1935 г. Карачаевского научно-исследовательского института языка и письменности. В 1936 г. на базе Ленинского учебного городка были образованы самостоятельные средние и высшие учебные заведения.

Обзор целенаправленного изучения карачаево-балкарского языка в 20–40-е гг. XX в. показывает, что все силы исследователей были направленны «на языковое строительство» – создание учебных и описательных грамматик.

В 1937 г. коллектив авторов под научным руководством У.Дж. Алиева подготовил к изданию «Русско-карачаево-балкарский терминологический словарь» объёмом в 15 авт. листов, который впоследствии не был издан.

В условиях господства марризма («нового учения о языке») карачаево-балкарское сравнительно-историческое языкознание находилось под запретом,

хотя, с другой стороны, в некоторой степени описательная прикладная лингвистика развивалась позитивно.

Второй этап развития карачаево-балкарского языкознания начинается в 1941 г. и продолжается до 1957 г. – до времени возвращения карачаевцев и балкарцев из Средней Азии и Казахстана.

Во время депортации карачаевцев и балкарцев в Среднюю Азию и Казахстан изучение родного языка находилось под запретом, как и выпуск печатных изданий. В документе об окончании средней школы в графе «родной язык» у детей – карачаевцев, балкарцев было записано – киргизский, казахский, узбекский, дунганский, уйгурский.

Изъятие и уничтожение литературы и учебников, изданных на родном языке до выселения, отсутствие условий для полного возрождения этнокультуры привели к тому, что учебники, опубликованные в 1957 г., отличались от ранее изданных, так как копировали в целом материалы учебников русского языка и литературы без учёта отличительных особенностей карачаево-балкарского языка – как языка агглютинативного типа. В них не было места произведениям устного народного творчества и историко-этнографическим материалам.

Прерванное на 13 лет исследование и описание карачаево-балкарского языка на всех уровнях возобновилось только в начале 60-х гг. XX в. после подготовки национальных кадров.

М.З. Улаков отмечает, что «в результате укрепления государственности национальных образований создаётся благоприятная почва для сближения диалектных вариантов общенародного языка и выработки общих литературных норм, а также расширения функций этих языков. Карачаевская и балкарская народности, получившие право национального самоопределения, создают единый литературный язык, на основе которого развиваются национальная литература, школьное обучение, пресса, театр и т.д.» [Улаков 2007].

Третий этап развития карачаево-балкарского языкознания начинается в 1960 г. и продолжается до 1990 г., который характеризуется возвращением карачаевцев и балкарцев на свою историческую родину. В это время начинается научное изучение карачаево-балкарского языка, издаются работы по описательной грамматике, составляются учебники и учебные пособия в объеме программ средней школы, частично и высших учебных заведений для студентов, в которых актуализируются вопросы грамматического строя и лексического состава, сначала на карачаево-балкарском языке [Къарачай-малкъар тилни грамматикасы 1966], затем на русском [Грамматика карачаево-балкарского языка 1976].

В 1961 г. в Нальчике вышел в свет «Русско-балкарский политико-терминологический словарь», способствовавший в известной степени упорядочению общественно-политических терминов [Русско-балкарский политико-терминологический словарь 1961]. Значительным достижением карачаево-балкарских лексикографов этого периода является издание «Карачаево-балкарско-русского словаря» [Карачаево-балкарско-русский словарь 1989].

В 1965 г. сотрудники сектора языков Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института под руководством Х.И. Суюнчева издали «Русско-карачаево-балкарский словарь» [Русско-карачаево-балкарский словарь 1965].

Другим значительным достижением карачаево-балкарских лексикографов можно считать составление и издание сотрудниками отдела карачаево-балкарского языка Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований первого «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» в 3-х томах [Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах 1996; Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах 2002; Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах 2005]. Работа над ним осуществлялась в течение многих лет под руководством проф. Ж.М. Гузеева (по инструкции проф. И.Х. Ахматова). Базой для разработки данной лексикографической работы послужила картотека института, состоящая из более чем миллиона карточек.

В процессе лексикографической обработки и систематизации материалов карачаево-балкарского языка и подготовки к изданию трех томов «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» были написаны две работы проф. Гузеевым [Гузеев 1984; Гузеев 1985].

Практически в этот же период были комплексно исследованы и разработаны многие спорные вопросы карачаево-балкарского языка в области фонетики, лексикологии, лексикографии, морфологии и синтаксиса [Алиев 1958; Алиев 1959; Ахматов 1968; Ахматов 1987].

В периодизации истории развития карачаево-балкарского языкознания выделяется ещё и *четвертый этап*, начинающийся с 1991 г. и продолжающийся по настоящее время. 1991 г. знаменателен тем, что повышается социальный статус карачаево-балкарского языка и расширяются его социальные функции.

Государственные языки изучаются на всех факультетах КБГУ и КЧГУ, факультативно в КБСХА. Ежегодно проводятся олимпиады среди учащихся по государственным языкам и литературе. В КБГУ и КЧГУ осуществляется подготовка учителей для преподавания государственных языков [Махиева 2007: 25].

Самым значительным достижением карачаево-балкарской лексикографии является составление и издание в 1996 г. (1 том); 2002 г. (2 том); 2005 г. (3 том) трехтомного «Толкового словаря карачаево-балкарского языка». Этот фундаментальный коллективный труд – первый филологический толковый словарь современного карачаево-балкарского языка. Его появление стало важным событием в научной жизни региона и знаменует собой качественно новый этап в развитии карачаево-балкарского языкознания. Впервые был издан «Русско-балкарский толковый словарь отраслевой лексики» (2000) И.М. Отаровым и А.Б. Габаевой, охватывающий около 3 тыс. слов [Отаров, Габаева 2000]. Сотрудниками сектора карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН изданы следующие научные труды [Махиева 2007; Улаков, Махиева 2008; Гузеев, Махиева 2015; Гузеев 2005; Гузеев 2010; Гузеев 2006; Мусуков 2009; Мусуков 2016].

В 2016 г. силами сотрудников сектора карачаево-балкарского языка (Ж.М. Гузеев, М.З. Улаков, Б.А. Мусуков, И.М. Отаров, Л.Х. Махиева, Л.Ж. Жабелова) издана первая часть «Современного карачаево-балкарского языка» [Современный карачаево-балкарский язык 2016]. В 2018 г. сотрудниками сектора ка-

рачаево-балкарского языка (Ж.М. Гузеев, М.З. Улаков, Б.А. Мусуков, Л.Х. Махиева, З.Т. Жабелов, Л.Ж. Жабелова, А.А. Жаппуев) и кафедры карачаево-балкарской филологии КБГУ (М.Б. Кетенчиев, И.Х. Ахматов) издана вторая часть «Современного карачаево-балкарского языка» [Современный карачаево-балкарский язык 2018]. Научным руководителем и организатором издания этого фундаментального проекта является известный тюрколог М.З. Улаков.

В 2013 г. Ж.М. Гузеевым издан «Словарь омонимов карачаево-балкарского языка» («Къарачай-малкъар тилни омонимлерини сёзлюгю») [Словарь омонимов карачаево-балкарского языка 2013]. В 2017 г. вышел в свет «Словарь синонимов карачаево-балкарского языка» («Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сёзлюгю») [Словарь омонимов карачаево-балкарского языка 2017].

Заключение

Современное состояние литературного карачаево-балкарского языка характеризуется повышением его социального статуса и дальнейшим расширением коммуникативной функции.

В результате целенаправленного изучения карачаево-балкарского языка и его диалектов появляются наиболее важные работы ряда исследователей, которые были направлены «на языковое строительство» – создание учебных грамматик, учебных пособий в объёме программ средней школы, отчасти и высших учебных заведений для студентов, аспирантов, в которых ставятся и успешно решаются актуальные вопросы грамматического строя.

В процессе лексикографической обработки и систематизации лексических материалов карачаево-балкарского языка издаются словари различного типа: терминологические, переводные, толковые, орфографические, орфоэпические, синонимические, омонимические и академические грамматики.

Периодизация истории развития карачаево-балкарского языкознания за сто лет показывает, что в результате целенаправленного изучения многих актуальных вопросов были достигнуты значительные успехи. Сегодня он входит в число хорошо изученных языков народов Северного Кавказа. Вместе с тем, требуется совершенствование самой практики создания комплексных исследований, его методики, необходимо разработать более строгие принципы отбора явлений литературного языка в их живой системе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акбаев 1926 – *Акбаев И.* Тылмач. Русско-карачаевский словарь. – Баталпашинск: Изд-во ОБОНО Кар.-Чер. авт. обл., 1926. – 263 с.

Алиев 1938 – *Алиев У.Б.* Грамматика балкарского языка в 2-х частях. Учебник для неполной средней и средней школы. – Нальчик: Каббалкгосиздат, 1938. – Ч. 1. Фонетика и морфология. – 152 с.; – Ч. 2. Синтаксис. – 167 с. (на карач.-балк. яз.).

Алиев 1959 – *Алиев У.Б.* Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках (на материалах русского, карачаево-балкарского и киргизского языков. – Ч. 1. – Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1958. – 120 с. – Ч. 2. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. – 90 с.

Алиев 1930 – Алиев У.Дж. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). – Кисловодск: Крайнациздат, 1930. – 197 с.

Антонов-Саратовский 1930 – *Антонов-Саратовский В.П.* Русско-балкарский разговорный справочник. Пер. с рус. с доп. М.А. Энеев. – Нальчик: Кабардино-Балкарск. одт. О-ва пролет. туризма [ОПТ], 1930. – 160 с.

Ахматов 1968 – *Ахматов И.Х.* Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 164 с.

Ахматланы 1987 – *Ахматланы И.Х.* Къарачай-малкъар тилни синтаксиси (Синтаксис карачаево-балкарского языка). – Нальчик: Изд-во КБГУ, 1987. – 142 б. (на карач.-балк. яз.).

Боровков 1932 – *Боровков А.К.* Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. Т. 7 – Л.: Акад. наук СССР, 1932. – С. 35–55.

Боровков 1936 – *Боровков А.К.* Очерк карачаево-балкарской грамматики // Языки Северного Кавказа и Дагестана: Сборник лингвистических исследований. – М: Соцэкгиз, 1936. – Т. 1. – С. 11–40.

Грамматика карачаево-балкарского языка 1976 – Грамматика карачаево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 571 с.

Гузеев 1975 – *Гузеев Ж.М.* К вопросу о фонетическом освоении русской лексики карачаево-балкарском языке // Ученые записки КБНИИ. – Т. 27. Серия филологическая. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – С. 176–182.

Гузеев 1984 – *Гузеев Ж.М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 158 с.

Гузеев 1985 – *Гузеев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 194 с.

Гузеланы 2005 – *Гузеланы Ж.М.* Карачай-малкъар морфемика. – Нальчик: Къаб.-Малкъ. Къу, 2005. – 31 б. (на карач.-балк. яз.).

Гузеланы 2006 – *Гузеланы Ж.М.* Бусагъатдагъы къарачай-малкъар литература тил. – Къарачай шахар: Изд-во КЧГУ, 2006. – 294 б. (на карач.-балк. яз.).

Гузеев 2007 – *Гузеев Ж. М.* Проблемы полисемии и омонимии в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Изд-во КБГУ, 2007. – 91 с.

Гузеев 2010 – *Гузеев Ж.М.* Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2010. – 168 с.

Гузеев 2013 – *Гузеев Ж.М.* Словарь омонимов карачаево-балкарского языка. – М.: Эльбрусоид, 2013. – 496 с.

Гузеев, Махиева 2015 – *Гузеев Ж.М., Махиева Л.Х.* Краткий словарь малкарского (ц/з) диалекта карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2015. – 150 с.

Джабоев 1979 – *Джабоев Ю.Х.* Роль русского языка в обогащении карачаево-балкарской лексики в советский период // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – Вып. 1. – С. 109–118.

Жабелова 1986 – *Жабелова Л.Ж.* Сложные имена существительные в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 112 с.

Жаппуев 1974 – *Жаппуев А.А.* Термины земледелия в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 30 с.

Карачаево-балкарско-русский словарь 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь: ок. 30 000 слов / Карачаево-Черкесский науч. – иссл. ин-т ист., филол. и экономики; С.А. Гочияева, Х.И. Суюнчев / Под. ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с.

Къарачай-малкъар тилни грамматикасы 1966 – Къарачай-малкъар тилни грамматикасы: фонетика, морфология, синтаксис. – Нальчик: Къабарты-Малкъар китап басма, 1966. – 400 с. (на карач.-балк. яз.).

Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сёзлюгю 2017 – Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сёзлюгю. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. – 556 б. (на карач.-балк. яз.).

Махиева 2007 – *Махиева Л.Х.* Лингвистическая терминология карачаево-балкарского языка. – Нальчик. Изд-во КБНЦ РАН, 2007. – 148 с.

Мусуков 2009 – *Мусуков Б.А.* Морфологическая деривация глаголов в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – 256 с.

Мусуков 2016 – *Мусуков Б.А.* Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках. – Нальчик: Принт Центр; ООО «Полиграфсервис и Т», 2016. – 376 с.

Отаров, Габаева 2000 – *Отаров И.М., Габаева А.Б.* Русско-балкарский толковый словарь отраслевой лексики. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 197 с.

Русско-балкарский политико-терминологический словарь 1961 – Русско-балкарский политико-терминологический словарь (Орус-малкъар политика-терминология сёзлюк). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1961. – 144 с.

Русско-карачаево-балкарский словарь 1965 – Русско-карачаево-балкарский словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1965. – 744 с.

Современный карачаево-балкарский язык 2016 – Современный карачаево-балкарский язык / В 2 ч. – Ч. 1. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 448 с.

Современный карачаево-балкарский язык 2018 – Современный карачаево-балкарский язык / В 2 ч. – Ч. 2. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 480 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996, Т. 1 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах (Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю). – Т. 1. А – Ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1016 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002, Т. 2 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах (Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю). – Т. 2. З – Р. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 1168 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005, Т. 3 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах (Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю). – Т. 3. С – Я. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 1157 с.

Улаков 2007 – *Улаков М.З.* Основные этапы становления и развития карачаево-балкарского языка. / Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. – Вып. 14. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – С. 206–215.

Улаков, Махиева 2008 – *Улаков М.З., Махиева Л.Х.* Карачаево-балкарско-русский словарь лингвистических терминов. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. – 104 с.

Филоненко 1940 – *Филоненко В.И.* Грамматика балкарского языка: Фонетика, морфология. – Нальчик: Каббалкгосиздат, 1940. – 88 с.

REFERENES

AKBAEV I. *Tylmach. Russko-karachaevskii slovar'* [Tylmach. Russian-Karachay dictionary]. – Batalpashinsk: Izd-vo OBONO Kar.–Cher. avt. obl., 1926. – 263 s. (In Russ.).

ALIEV U.B. *Grammatika balkarskogo yazyka v 2-kh chastyakh* [Grammar of the Balkarian language in 2 parts]. Uchebnik dlya nepolnoi srednei i srednei shkoly. – Nal'chik: Kabbalkgosizdat, 1938. – Ch. 1. Fonetika i morfologiya. – 152 s; – Ch. 2. Sintaksis. – 167 s. (In Karachay-Balkarian).

ALIEV U.B. *Voprosy slozhnogo predlozheniya v russkom i tyurkskikh yazykakh (na materialakh russkogo, karachaevo-balkarskogo i kirgizskogo yazykov*) [Issues of complex proposal in Russian and Turkic languages (based on materials from Russian, Karachay-Balkarian and Kyrgyz languages)]. – Ch. 1. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkes. kn. izd-vo, 1958. – 120 s.; – Ch. 2. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1959. – 90 s. (In Russ.).

ALIEV U.DZH. *Karachaevo-balkarskaya grammatika (gorsko-tyurkskii yazyk)* [Karachay-Balkarian grammar (mountain-Turkic language)]. – Kislovodsk: Krainatsizdat, 1930. – 197 s. (In Russ.).

ANTONOV-SARATOVSKII V.P. *Russko-balkarskii razgovornyi spravochnik* [Russian-Balkar colloquial directory]. Per. s rus. s dop. M.A. Eneev. – Nal'chik: Kabardino-Balkarsk. odt. O-va prolet. turizma [OPT], 1930. – 160 s. (In Russ.).

AKHMATOV I.KH. *Glavnye chleny predlozheniya i sredstva ikh vyrazheniya v sovremennom karachaevo-balkarskom yazyke* [The main members of the proposal and the means of their expression in the modern Karachay-Balkarian language]. – Nal'chik: El'brus, 1968. – 164 s. (In Russ.).

AKHMATLANY I.KH. *K"arachai-malk"ar tilni sintaksisi (Sintaksis karachaevo-balkarskogo yazyka)* [Syntax of the Karachay-Balkarian language]. – Nal'chik: Izd-vo KBGU, 1987. – 142 b. (In Karachay-Balkarian).

BOROVKOV A.K. *Karachaevo-balkarskii yazyk* [Karachay-Balkar language]. IN: Yafeticheskii sbornik. – T. 7 – L.: Akad. nauk SSSR, 1932. – S. 35–55. (In Russ.).

BOROVKOV A.K. *Ocherk karachaevo-balkarskoi grammatiki* [Essay on Karachay-Balkarian grammar]. IN: Yazyki Severnogo Kavkaza i Dagestana: Sbornik lingvisticheskikh issledovanii. – M: Sotsekgiz, 1936. – T. 1. – S. 11–40. (In Russ.).

Grammatika karachaevo-balkarskogo yazyka: fonetika, morfologiya, sintaksis [Grammar of the Karachay-Balkarian language: phonetics, morphology, syntax]. – Nal'chik: El'brus, 1976. – 571 s. (In Russ.).

GUZEEV ZH.M. *K voprosu o foneticheskom osvoenii russkoi leksiki karachaevo-balkarskom yazyke* [On the issue of phonetic development of Russian vocabulary in the Karachay-Balkarian languageo]. IN: Uchenye zapiski KBNII. – T. 27. – Seriya filologicheskaya. – Nal'chik: El'brus, 1975. – S. 176–182. (In Russ.).

GUZEEV ZH.M. *Problematika slovnika tolkovykh slovarei tyurkskikh yazykov* [Problems of the dictionary of explanatory dictionaries of Turkic languages]. – Nal'chik: El'brus, 1984. – 158 s. (In Russ.).

GUZEEV ZH.M. *Semanticheskaya razrabotka slova v tolkovykh slovaryakh tyurkskikh yazykov* [Semantic word development in explanatory dictionaries of Turkic languages]. – Nal'chik: El'brus, 1985. – 194 s. (In Russ.).

GUZELANY ZH.M. *Karachai-malk"ar morfemika* [Karachay-Balkarian morphemic]. – Nal'chik: K"ab.-Malk". K"u, 2005. – 31 b. (In Karachay-Balkarian).

GUZELANY ZH.M. *Busag"atdag"y k"arachai-malk"ar literatura til* [Busagjatdagy karachai-malkar literature til.]. – K"arachai shakhar: Izd-vo KChGU, 2006. – 294 b. (In Karachay-Balkarian).

GUZEEV ZH. M. *Problemy polisemii i omonimii v karachaevo-balkarskom yazyke* [Problems of polysemia and homonymy in the Karachay-Balkarian language]. – Nal'chik: Izd-vo KBGU, 2007. – 91 s. (In Russ.).

GUZEEV ZH.M. *Aktual'nye problemy fonologii karachaevo-balkarskogo yazyka* [Current problems of the phonology of the Karachay-Balkarian language]. – Nal'chik: Izd. otdel KBIGI, 2010. – 168 s. (In Russ.).

GUZEEV ZH.M. *Slovar' omonimov karachaevo-balkarskogo yazyka* [Dictionary of homonyms of the Karachay-Balkarian language]. – M.: El'brusoid, 2013. – 496 s. (In Russ.).

GUZEEV ZH.M., MAKHIEVA L.KH. *Kratkii slovar' malkarskogo (ts/z) dialekta karachaevo-balkarskogo yazyka* [Short dictionary of the Malkar (c/s) dialect of the Karachay-Balkarian language]. – Nal'chik: Izd-vo KBNTs RAN, 2015. – 150 s. (In Russ.).

DZHABOEV YU.KH. *Rol' russkogo yazyka v obogashchenii karachaevo-balkarskoi leksiki v sovetskii period* [The role of the Russian language in the enrichment of Karachay-Balkarian vocabulary in the Soviet period]. IN: Teoreticheskie problemy karachaevo-balkarskogo yazyka. – Nal'chik: El'brus, 1979. – Vyp. 1. – C. 109–118. (In Russ.).

ZHABELOVA L.ZH. *Slozhnye imena sushchestvitel'nye v karachaevo-balkarskom yazyke* [Complex nouns in Karachay-Balkarian]. – Nal'chik: El'brus, 1986. – 112 s. (In Russ.).

ZHAPPUEV A.A. *Terminy zemledeliya v karachaevo-balkarskom yazyke* [Terms of agriculture in the Karachay-Balkarian language]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1974. – 30 s. (In Russ.).

Karachaevo-balkarsko-russkii slovar': ok. 30 000 slov [Karachay-Balkar-Russian dictionary] / Karachaevo-Cherkesskii nauch. – issl. in-t ist., filol. i ekonomiki; S.A. Gochiyaeva, Kh.I. Suyunchev / Pod. red. E. R. Tenisheva i Kh. I. Suyuncheva. – M.: Russkii yazyk, 1989. – 832 s. (In Russ.).

K"arachai-malk"ar tilni grammatikasy: fonetika, morfologiya, sintaksis [phonetics, morphology, syntax]. – Nal'chik: K"abarty-Malk"ar kitap basma, 1966 – 400 s. (In Karachay-Balkarian).

K"arachai-malk"ar tilni sinonimlerini sezlyugyu [Karachai-malkar tilni synonylerini syozlyugyu]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2017. – 556 b. (In Karachay-Balkarian).

MAKHIEVA L.KH. *Lingvisticheskaya terminologiya karachaevo-balkarskogo yazyka* [Linguistic terminology of the Karachay-Balkarian language]. – Nal'chik: Izd-vo KBNTs RAN, 2007. – 148 s. (In Russ.).

MUSUKOV B.A. *Morfologicheskaya derivatsiya glagolov v karachaevo-balkarskom yazyke* [Morphological derivation of verbs in Karachay-Balkarian]. – Nal'chik: Izd-vo KBIGI, 2009. – 256 s. (In Russ.).

MUSUKOV B.A. *Formal'no-semanticheskaya paradigma usilitel'nykh konstruktsii v tyurkskikh yazykakh* [Formal semantic paradigm of amplifying constructions in Turkic languages]. – Nal'chik: Print Tsentr; OOO «Poligrafservis i T», 2016. – 376 s. (In Russ.).

OTAROV I.M., GABAEVA A.B. *Russko-balkarskii tolkovyi slovar' otraslevoi leksiki* [Russian-Balkar explanatory dictionary of industry vocabulary]. – Nal'chik: El'brus, 2000. – 197 s. (In Russ.).

Russko-balkarskii politiko-terminologicheskii slovar' (Orus-malk"ar politika-terminologiya sezlyuk) [Russian-Balkar political-terminological dictionary]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1961. – 144 s. (In Russ.).

Russko-karachaevo-balkarskii slovar' [Russian-Karachay-Balkarian dictionary]. – M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. – 744 s. (In Russ.).

Sovremennyi karachaevo-balkarskii yazyk [Modern Karachay-Balkarian language] / V 2 ch. – Ch. 1. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2016. – 448 s. (In Russ.).

Sovremennyi karachaevo-balkarskii yazyk [Modern Karachay-Balkarian language] / V 2 ch. Ch. 2. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2018. – 480 s. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka v 3-kh tomakh [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkarian language] (K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu). T.1. A – Zh. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 1016 s. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka v 3-kh tomakh [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkarian language] (K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu). T.2. Z – R. – Nal'chik: El'-Fa, 2002. – 1168 s. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka v 3-kh tomakh [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkarian language] (K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu). T. 3. S – Ya. – Nal'chik: El'-Fa, 2005. – 1157 s. (In Russ.).

ULAKOV M.Z. *Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya karachaevo-balkarskogo yazyka* [The main stages of the formation and development of the Karachay-Balkarian language]. IN: Vestnik instituta gumanitarnykh issledovanii pravitel'stva KBR i KBNTs RAN. – Vyp. 14. – Nal'chik: El'-Fa, 2007. – S. 206–215. (In Russ.).

ULAKOV M.Z., MAKHIEVA L.KH. *Karachaevo-balkarsko-russkii slovar' lingvisticheskikh terminov* [Karachay-Balkar-Russian Dictionary of Linguistic Terms]. – Nal'chik: Izd-vo KBNTs RAN, 2008. – 104 s. (In Russ.).

FILONENKO V.I. *Grammatika balkarskogo yazyka: Fonetika, morfologiya* [Grammar of the Balkarian language: Phonetics, morphology]. – Nal'chik: Kabbalkgosizdat, 1940. – 88 s. (In Russ.).

Информация об авторах

М.З. Улаков – доктор филологических наук.

Б.А. Мусуков – доктор филологических наук.

Information about the authors

M.Z. Ulakov – doctor of science (Philology).

B.A. Musukov – doctor of science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 07.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 15.10.2022; approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-451-460
EDN: UHJDNV

ЗЭРАIУАТЭ ТЕШЭР КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ ЗЭРЫХЭТЫР

Хэжь Залинэ Рашад ипхъу
Урысейм ЩIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ и институт, Налшык, Урысей, zalinath-amadokova9@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6384-4647

Аннотацэ. Статьяр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм зэраIуатэ тешэр зэрыхэтыр, адрей тешэхэм псалъэзыхъуэж системэ убгъуа зэриIэмкIэ къазэрыщхьэщыкIыр теухуащ. Адыгэбзэ грамматикэхэм я параграф щхьэхуэхуэхэм кэщI дыдэу зэрытетхыхьам нэмыщI, зэраIуатэ тешэм убгъуауэ, абы ехьэлIа еплъыкIэ зэмылIэужьыгъуэхэр къыхэгъэщауэ адыгэбзэкIэ зэпкъырыха лэжьыгъэ щхьэхуэ щыIакъым. Статьям нэхъыбэу тегъэщIапIэ хуэхъуар Хэжь З.Р. и щIэныгъэ лэжьыгъэ «Тешэ категорэм и грамматикэ нэщэнэгъэлъагъуэхэр" жыхуиIэрщ. Мыбдеж щыгъэбелджылащ тешэ категорэм псалъэухам и ухуэкIэми, и зэхэлъыкIэми емылъытауэ щигъэзащIэ къалэныр, лэжьыгъэр, ар къызыбгъэдэкIыр, щытыкIэр зыхуэдэн хуейм зэрыхущытыр икIи а лэжьыгъэм и щыIэныгъэ е и щымыIэныгъэ зэман псоми иту къызэригъэлъагъуэр.

Лэжьыгъэм къыхощ, зэраIуатэ тешэм и уасэхуэщI нэхъыщхьэм нэмыщI, мы тешэм ит лэжьыгъэцIэхэм, контекстым елъытауэ, нэгъуэщI уасэхуэщI зэмылIэужьыгъуэ яIэу зэрыщытыр.

ЖыIэпхъэщ, языныкъуэ бзэхэм мы тешэр лъабжьэгъусэкIэ къызэрыхъур икIи абы наIуэ тщещI уасэхуэщI мыхьэнэр мы категорием Iэмал зэмыщхькIэ къызэрыхъур. Мы лэжьыгъэм къыщыгъэлъэгъуащ, зэраIуатэ гъэпсыкIэ зиIэ лэжьыгъэцIэ псори, сыт хуэдэ морфологие зэщхьэщыкIыныгъэ яIэми, зэраIуатэ тешэу къызэрытлъытэр.

Мы статьям япэу къыщыдгъэсэбэпащ зэраIуатэ тешэм ехьэлIауэ БищIо Б.Ч. (ф. щI. д.) адыгэбзэкIэ зэридзэкIа фIэщыгъэцIэхэр .

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, уасэхуэщI, тешэ, зэраIуатэ тешэ, морфологие, уха гъэпсыкIэ, хъей лэжьыгъэцIэ, мыхъей лэжьыгъэцIэ.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Хэжь З.Р. ЗэраIуатэ тешэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм зэрыхэтыр // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 451-460. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-451-460. – EDN: UHJDNV.

© Хэжь З.Р., 2022

Original article

FUNCTIONING OF THE INDICATIVE MOOD IN THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zalina R. Khezheva
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, zalinatha-madokova9@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6384-4647

Abstract. The article presents a detailed analysis of the indicative mood in the Kabardino-Circassian language. In the study's course, a comparative-historical method was used with the involvement of the language material of the closely related Adyghe language.

The study was carried out based on the author's monographic work "Semantic and grammatical characteristics of the mood category in the Kabardian-Circassian language", where the indicative expressing indicative semantics is characterized, considering such universal categories as modality and temporality. In the list of indirect moods, the indicative mood is distinguished by the greatest completeness of the system of word-change forms and expresses the reality of the action in all tense forms.

The methods used in the work are based on the tradition of synchronous description, as well as on the theoretical understanding of the category of mood and modality in the works of researchers working in Iberian-Caucasian linguistics.

The scientific novelty of the article lies in the study of the indicative in tandem with the category of time with the definition of morphological indicators. It is concluded that besides the main modality inherent in these forms out of context, Kabardian-Circassian verbs in the indicative mood can have various modal shades that characterize the action from the point of view of its relation to reality.

An important innovation of the article is the use of a new national linguistic terminology developed by Doctor of Philology B.Ch. Bizhoev.

Keywords: Kabardino-Circassian language, modality, mood, indicative mood, finite form, dynamic verbs, static verbs

For citation: Khezheva Z.R. Indicative mood in the Kabardino-Circassian Language. IN: IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 451-460. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-451-460. – EDN: UHJDNV. (In Kabardian).

© Khezheva Z.R., 2022

Научная статья

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Залина Рашадовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, zalinathamadokova9@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6384-4647

Аннотация. В статье представлен развернутый анализ изъявительного наклонения в кабардино-черкесском языке. В ходе исследования был использован сравнительно-исторический метод с привлечением языкового материала близкородственного адыгейского языка.

Исследование проведено с опорой на монографическую работу автора «Семантико-грамматическая характеристика категории наклонения в кабардино-черкесском языке», где индикатив, выражающий изъявительную семантику, охарактеризован с учетом таких универсальных категорий как модальность и темпоральность. В перечне косвенных наклонений изъявительное наклонение отличается наибольшей полнотой системы форм словоизменения и выражает реальность действия во всех временных формах.

Методы, использованные в работе, опираются на традицию синхронного описания, а также на теоретическое осмысление категории наклонения и модальности в трудах исследователей, работающих в области иберийско-кавказского языкознания.

Научная новизна статьи заключается в исследовании индикатива в тандеме с категорией времени с определением морфологических показателей. Сделан вывод о том, что помимо основной модальности, присущей этим формам вне контекста, кабардино-черкесские глаголы в изъявительном наклонении могут иметь разнообразные модальные оттенки, характеризующие действие с точки зрения его отнесенности к действительности.

Важным новшеством статьи является применение новой национальной лингвистической терминологии, разработанной доктором филологических наук Б.Ч. Бижоевым.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, модальность, наклонение, изъявительное наклонение, финитная форма, динамические глаголы, статические глаголы

Для цитирования: Хежева З.Р. Функционирование изъявительного наклонения в кабардино-черкесском языке Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 451-460. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-451-460. – EDN: UHJDNV.

© З.Р. Хежева, 2022

Адыгэбзэ бзэхабзэм нобэр къыздэсым тешэм ехьэлIауэ, ар зэрызэрыIыгъыу зэпкърихыу, зы еплыкIкIэ щыубзыхууэ лэжьыгъэ щхьэхуэ иIакъым, Хэжь З.Р. и щIэныгъэ лэжьыгъэм нэмыщI [Хежева 2015]. ЗэрытщIэщи, тешэр гуэх имыIэу епхащ гъэзэщIакIуагъэм, сыту жыпIэмэ сыт хуэдэ псалъэухами и ухуэкIэми и зэхэлъыкIэми емыпхауэ тешэ категорэм гъэзэщIэкIуагъэ мыхьэнэ щиIэщ, абы наIуэу кьыхощ лэжьыгъэр, ар кьызыбгъэдэкIыр, щытыкIэр зыхуэдэн хуейм зэрыхущытыр.

Адыгэбзэм и зэраIуатэ тешэм лэжъыгъэм, щытыкIэм и щыIэныгъэ е и щымыIэныгъэ зэман псоми иту къегъэлъагъуэ.

Контекстым щыхэмытмэ, зэраIуатэ тешэм иIэ хабзэ уасэхуэщI нэхъыщхьэм нэмыщI, мыпхуэдэ гъэпсыкIэ зиIэ лэжъыгъэцIэхэм (зэраIуатэ тешэм итхэм) лэжьыгъэр е щытыкIэр зыхуэдэн хуейм зэрыхущытыр кьэзыгъэлъагъуэ нэгъуэщI уасэхуэщI зэмылIэужьыгъуэхэри яIэнкIи мэхъу.

ЗэраIуатэ тешэм и мыхьэнэ нэхъыщхьэр – Iуэхугъуэр ипэжыпIэкIэ зытетыр, ар зэрекIуэкI дыдэр, зэрекIуэкIар, зэрекIуэкIынур къэгъэлъэгъуэнырщ.

Абхъаз-адыгэбзэхэм зэраIуатэ тешэр (индикативыр) адрей тешэхэм псалъэзыхъуэж системэ убгъуа зэриIэмкэ къащхьэщокI. ЗэраIуатэ тешэр къыхэгъэбелджылыкIыныр, и гъунапкъэхэр убзыхуныр гугъу пщещI мы тешэм и кIуэцIкIэ лъабжьэужь морфемэ хэтхэр адрей тешэхэм ит лэжьыгъэцIэхэм япыувэу зэрыщытым. Мы тешэр щыIэныгъэм и лъабжьэужь *–щ, –т*, щымыIэныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужь *–кьым*, лъабжьэпэ *мы-* нэщэнэгъэлъагъуэхэр пыту къокIуэ. Къалэн нэхъыщхьэ дыдэу мы тешэ лIэужьыгъуэм иIэр лэжьыгъэр псалъэр жызыIэм и лъэкIыныгъэм е и фIэфIыныгъэм емылъытауэ, Iуэхугъуэр пэж дыдэу зэрекIуэкIыр, зэрыхъур къэгъэлъагъуэнырщ. Апхуэдэу щытми, субъектыр а къиIуатэм зэрыхущытри контекстым хыболъагъуэ: *Къамылым къыхэкIыу утыкум къытехьа шухэр зэрилъагъуххэу, сэлэтым* ***щIидзащ*** *гъущI хъурейм еуэу* [Шортэн 2016: 260].

Адыгэ литературэбзэм хуэмыдэу, щIыпIэбзэхэм зэраIуатэ тешэм морфологие нэщэнэ щамыIэу урохьэлIэ. Псалъэм папщIэ, беслъэней щIыпIэбзэм зэраIуатэ тешэм лъабжьэужь *–щ* щыпыувэркъым, абы къыхэкIкIэ псалъэзыхъуэж и лъэныкъуэкIэ лэжьыгъэцIэ хъейхэмрэ мыхъейхэмрэ зэщхьэщыкIыныгъэ ямыIэ

мэхъу. Абы къыщхьэщыкIыу, литературэбзэм деж хъей, мыхъей лэжьыгъэцIэхэм я языныкъуэ щытыкIэхэм (блэкIа, блэкIа жыжьэ зэман гъэпсыкIэхэм) зэщхьэщыкIыныгъэ нэIурыту яIэщ лъабжьэужь *–щ* япыувэныр е япымыувэныр.

Беслъэней щIыпIэбзэм зэраIуатэ тешэм морфологие нэщэнэ пыухыкIа зэрыщимыIэм тешэ языныкъуэхэр зэхэгъэщхьэхукIыныр гугъу къещI, къапщтэмэ, блэкIа зэманым ит зэрыупщIэ тешэмрэ зэраIуатэ тешэмрэ зэщхьэщыкIыныгъэу яIэр макъщIыкIэ къудейрщ: *гъа* (зэраIуатэ тешэ), *гъа?* (зэрыупщIэ тешэ), *гъат* (зэраIуатэ тешэ), *гъат*? (зэрыупщIэ тешэ). Мыпхуэдэ гъэпсыкIэ зиIэ лэжьыгъэцIэхэм я мыхьэнэр зэрызыхэпхуну щыIэр контекстым щиIэ макъщIыкIэрщ.

КъинэмыщIауэ, зэраIуатэ тешэм морфологие нэщэнэ пыухыкIа зэримыIэм гугъуагъыу къишэхэм ящыщу, мы тешэм ит лэжьыгъэцIэр адрей тешэхэр къызытехъукI (унафэ тешэм нэмыщI) лэжьыгъэцIэхэмрэ зэхэгъэкIыгъуей ещI. Мыпхуэдэ лэжьыгъэцIэхэм щхьэ, бжыгъэ, зэман къэзыгъэлъагъуэ нэщэнэхэр яIэщ, ауэ лэжьыгъэр, щытыкIэр зыхуэдэн хуейм зэрыхущытыр къэзыгъэлъагъуэ нэщэнэ яIэкъым. Абы и лъэныкъуэкIи, беслъэней щIыпIэбзэр кIахэбзэм нэхъ ещхьу жыпIэ хъунущ, сыту жыпIэмэ, а бзэм зэраIуатэ тешэм хухэха, абы егъэщIылIа гъэлъэгъуакIуэ иIэкъым.

Ауэ, жыIапхъэщ, кIахэбзэм зэраIуатэ гъэпсыкIэ зиIэ лэжьыгъэцIэ языныкъуэхэми лъабжьэгъусэ зэмылIэужьыгъуэхэр зэрыпыувэр, мыхьэнэ зэмыщхьхэр къагъэлъагъуэу. Апхуэдэ лъабжьэгъусэхэу къоув: *-п, -х, -гу* нэгъуэщIхэри: *СыкъэкIожы-п-агъ (сыкъэкIуэжыпащ); есIогъа-х (жесIакIэщ); къысажэ-гу (зэкIэ къызэжьэ).*

ЛъабжьэужькIэ къэхъу зэраIуатэ тешэ зэрыщыIэм белджылы тщещI уасэхуэщI мыхьэнэр мы категорием Iэмал зэмыщхьхэмкIэ къызэрыхъур. Абы къегъэлъагъуэ лъабжьэгъусэкIэ къэхъу гъэпсыкIэхэмрэ лъабжьэгъусэншэу къэхъухэмрэ зэпэщIэбгъэувэ зэрымыхъунур. ДызэригугъэмкIэ, лэжьыгъэцIэ псори, зэраIуатэ гъэпсыкIэ зиIэхэр, лъабжьэгъэусэкIэ къэхъуами, лъабжьэужькIэ къэхъуами, зэраIуатэ тешэу убж хъунущ, морфологие и лъэныкъуэкIэ зэщхьэщыкIыныгъэ иIэу щытми.

ЗэраIуатэ тешэр уха гъэпсыкIэ зиIэ лэжьыгъэцIэхэм хохьэ. Бзэ куэд дыдэм, адыгэбзэри яхэту, гъэзэщIэкIуагъэ зытещIыхьа ехьэлIа нэхъыщхьэу уасэхуэщIыр зырыщытым ещхьу, уха гъэпсыкIэр Iэмал имыIэу гъэзэщIэкIуагъэм и Iэмэпсымэ нэхъыщхьэу щытщ. БзэщIэныгъэлI Багъы П. зэритхымкIэ, уха гъэпсыкIэр языныкъуэ тешэхэм я пщэрылъ, къалэн къэзыгъэлъагъуэ Iэмэпсымэ нэхъыщхьэхэм ящыщщ [Багов 1983: 10].

Уха гъэпсыкIэ зиIэ лэжьыгъэцIэхэм Iуэхугъуэ нэхъыщхьэр, зыми емылъытауэ, зыгуэрым емыпхауэ зэрыщытыр къегъэлъагъуэ икIи хъуныгъэ мыхьэнэ щиIэм деж лъабжьэужь *-щ* поувэ, зэман блэкIам щитым *-т* поувэ: *ар щытщ, абы ар ишащ, цIыхухэр тIысащ; ар тхэрт*.

Уха гъэпсыкIэ зиIэ зэраIуатэ тешэм ит лэжьыгъэцIэхэм я мыхъуныгъэ мыхьэнэр *-къым* лъабжьэужькIэ къэгъэлъэгъуа мэхъу: *ар тхэркъым, щакIуэм щыхьыр иукIакъым, хъыджэбзыр кIуакъым.*

ЗэраIуатэ тешэм ит лэжьыгъэцIэхэм зэман гъэпсыкIэ псори, щхьэ гъэпсыкIэ псори яIэщ. ДауикI, зэман гъэпсыкIэ пыухыкIам иIэ мыхьэнэр зэлъытар лэжьыгъэцIэр хъейуэ е мыхъейуэ щытынырщ. Къапщтэмэ, зэман къэгъэхъун и лъэныкъуэкIэ хъей-мыхъей лэжьыгъэцIэхэм я зэфIэкIыр зэтехуэркъым, мыхъей лэжьыгъэцIэхэм зэман къагъэхъур фIыуэ нэхъ мащIэщ. КIэрашэ З. гу зэрылъитащи, мыхъей лэжьыгъэцIэхэм убгъуауэ зэманкIэ хъуэжа зэрымыхъум икIи языныкъуэ тешэхэр, псалъэм папщIэ, унафэ тешэ зэрамыIэм къыхэкIкIэ абыхэм я уасэхуэщI мыхьэнэр къызэрагъэлъагъуэ Iэмалхэр нэхъ мащIэщ [Керашева 1984: 111]. ГъэщIэгъуэныращи, кавказыбзэ псоми я мыхъей лэжьыгъэцIэхэм аорист къагъэхъуркъым.

ЗекIуэхъу У. и псалъэхэмкIэ жыпIэмэ, адыгэхэм я бзэ зэхэщIыкIымкIэ хъей щытыкIэр – зызыхъуэж, зызыужь, зэхъуэкIыныгъэ, екIуэкIыкIэ зиIэщ, мыхъейхэр – зызымыхъуэж, и пIэм имыкIхэщ [Зекох 1980: 240].

Аращи, лэжьыгъэцIэ хъейхэм зэхъуэкIыныгъэ къагъэлъагъуэ: *сэ сотхэр, сэ ар сотхыр, сожьэр, сошэр, къэкIуэн, дэпсэун, ефэн;* мыхъей лэжьыгъэцIэхэм – лэжьыгъэм кърикIуар, Iэужьыр, кIэ зэригъуэта щIыкIэр: *сыщытщ, тетщ* н.къ.

Уха гъэпсыкIэ зиIэ хъей лэжьыгъэцIэхэмрэ мыхъей лэжьыгъэцIэхэмрэ зэраIуатэ тешэм и ит зэманым морфологие и лъэныкъуэкIэ зэщхьэщыкIыныгъэ яIэщ. Хъей лэжьыгъэцIэхэм ит зэманым лъабжьэпэ *–о (–уэ)* яIэщ: *сэ соплъыр, сэ сотхэр, сэ сошхэр*; мыхъей лэжьыгъэцIэхэм лъабжьэужь *–щ* поувэ: *сэ сыщытщ, сэ ар сиIэщ, къуагъым къуэтщ*. БлэкIа зэманхэм хъей лэжьыгъэцIэмрэ мыхъейхэмрэ я зэраIуатэ тешэм зэщхьэщыкIыныгъэ яIэкъым. Зи гугъу тщIы гъэпсыкIэхэр IуэхуцIэм лъабжьэужь *–щ* е блэкIа зэманым и лъабжьэгъусэ *-т* япыуэкIэрэ къохъу. Псалъэм папщIэ, блэкIа зэманым ит *кIуащ* гъэпсыкIэр блэкIа зэманым ит IуэхуцIэ *кIуа* жыхуиIэм лъабжьэужь *–щ* пыувэкIэрэ къэхъуащ.

КIуат гъэпсыкIэ зиIэ лэжьыгъэцIэри IуэхуцIэ *кIуа*-м блэкIа зэманым и лъабжьэужь *–т* пыувэкIэрэ къэхъуауэ аращ. Мыбы къегъэлъагъуэ лъабжьэужь *–щ* зыпыт лэжьыгъэцIэу блэкIа е къэкIуэну зэманым итхэр мыхъей лэжьыгъэцIэм къызэрытекIар.

Адыгэбзэм уха хъей лэжьыгъэцIэхэр зэраIуатэ тешэм иту псалъэухам къызэрыкIуэ гъэзэщIэну хоувэ хъуныгъэ гъэпсыкIэми, мыхъуныгъэми: *Губжьым зи нэгур зэблиша Мухьэмэд гъуэжькурий фIыцIэу лIакъуэлIэш лIыжьым* ***жьэхэлъэдащ*** [Мэлбахъуэ 1986: 94]; *ЗэгурыIуам хуэдэу гупыр я пщым* ***еплъащ****, «Мыбы етщIэнур сыт, Елмырзэ?» – жыхуаIэу* [Журт 2004: 3]; *Дэгъуэр, гуакIуэр, фIыр цIыхум гурыхь щыхъуныр ныбжьым* ***епхакъым*** *– абыкIэ жьыри щIэри зэхуэдэщ* [КIэрэф 2009: 83].

ЗэрытщIэщи, зэманкIи тешэкIи мыхъей лэжьыгъэцIэхэм зэхъуэкIыныгъэ и лъэныкъуэкIэ я зэфIэкIыр нэхъ мащIэщ, икIи, абы къыхэкIкIэ, я къалэнри нэхъ мащIэ мэхъу. Апхуэдэу щытми, уасэхуэщIым хъей лэжьыгъэцIэхэми мыхъей лэжьыгъэцIэхэми я къэгъэлъэгъуэкIэр щызэхуэдабзэщ. Хъей лэжьыгъэцIэхэм я ит зэман зиIэ гъэпсыкIэхэр адрей зэманхэм ит лэжьыгъэцIэхэм япэщIоувэ, щхьэ парадигмэ сатырхэм я псалъэпкъ зэхэлъыкIэкIэ щызэщхьэщокI: *сошхэ, сышхащ, машхэ, шхащ*. ЛэжьыгъэцIэ лъэмыIэс мыхъейхэм, лэжьыгъэцIэ лъэмыIэс хъейхэм хуэмыдэу, я лъабжьэ ухуэкIэм емылъытауэ, я ещанэ щхьэр сыт щыгъуи зэраIуатэ тешэм итщ, лъабжьэгъусэ имыIэу: *макIуэ, матхэ*.

ЗэраIуатэ тешэм и ит зэман гъэпсыкIэхэм хъей лэжьыгъэцIэхэм лъабжьэгъусэ пыухыкIа щаIэкъым, ахэр къызэрыхъур лъабжьэм щхьэ къэзыгъэлъагъуэ пыувэкIэрэщ. Мыпхуэдэ гъэпсыкIэ зиIэхэм къаIуатэ асыхьэтым, псалъэр къызыбгъэдэкIыр Iуэхугъуэм щытепсэлъыхьым екIуэкI, къэхъу щытыкIэ, Iуэхугъуэ гуэр: *Пщэдджыжьым си фызым и дэлъхум къызитауэ щыта сэр си жыпым изолъхьэ, фызыр къызоупщI: – Уи гъащIэм зомыхьа сэр сыт зэрыпщIынур?* [ШэджыхьэщIэ 1989: 167]; *Долэт и нэр тенауэ абы* ***йоплъ****, и гур къолъэт, и Iэпкълъэпкъыр шарыр здэжэмкIэ дегъэш, и бэуэныр щыгъупщэжауэ* [КIэрэф 2009: 78]. Мыпхуэдэ зэраIуатэ мыхьэнэ зиIэ псалъэухахэм уха хъей лэжьыгъэцIэм мыувыIэу, зэпыу имыIэу екIуэкI Iуэхугъуэ мыхьэнэ щи1эщ, а гъэпсыкIэхэм зэраIуатэ тешэм а дакъикъэм, асыхьэтым екIуэкI лэжьыгъэм и щыIэныгъэ е и щымыIэныгъэ кьигъэлъагъуэу щытщ.

АдэкIэ, зэраIуатэ тешэм ит мыхъей лэжьыгъэцIэхэм, хъей лэжьыгъэцIэхэм къащхьэщыкIыу, ит зэманым лъабжьэужь *–щ* яIэщ, лэжьыгъэм и щыIэныгъэ е щымыIэныгъэ къагъэлъагъуэ: *Цехым и кIэм сынэсауэ, цIыхухъу гуп сыIуоуэ, тхылъымпIэ ягъэтIылъауэ шагъыр птулъкIэ зыхыблым бгъэдэсхэщ, щIакхъуэ Iыхьэрэ кхъуей бзыгъэфIри «тхьэрыкъуэф Iэнэм»* ***телъщ*** [ШэджыхьэщIэ 1989: 117].

ЗэраIуатэ тешэм ит къэкIуэну гъэкIэщIа зэманым и нэщэнэ нэхъыщхьэр хъей лэжьыгъэцIэм и лъабжьэгъусэ *н*-мрэ арэзы хъуныгъэ гъэпсыкIэр къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужь *–щ*-мрэщ*: [Ленэ:] Псори гурыIуэгъуэщ, си дахэ цIыкIу, Пщэдей нэзмыгъэсу, ухуеймэ, ныжэби* ***сынэкIуэнщ*** [Къэрмокъуэ 1998: 8]. Япэ щхьэм ит закъуэ бжыгъэми куэд бжыгъэми субъектым игу илъ мурадыр къегъэлъагъуэ, икIи занщIэу, асыхьэту къэхъу лэжьыгъэу щытщ*: [Алъхъо:] СыкIуэнщ, иджы псы щIыIэм зэ-тIэу зыхэздзэнщ* [КIыщокъуэ 2007: 61]. ЯзыныкъуэкIэрэ зэраIуатэ тешэм ит лэжьыгъэцIэхэр унафэ тешэм и мыхьэнэм щыхуэкIуэ щыIэщ. Апхуэдэхэм деж къызэрымыкIуэу мыхьэнэшхуэ яIэщ контекстымрэ макъщIыкIэмрэ, къинэмыщIауэ, жьабзэм и щытыкIэмрэ. Къапщтэмэ, зэраIуатэ тешэм хуеджэныгъэ, хуэгъэушыныгъэ мыхьэнэ иIэу етIуанэ щхьэм и закъуэ бжыгъэми куэд бжыгъэми хъей лэжьыгъэцIэхэм я къэкIуэну гъэкIэщIа зэманым иту ущрихьэлIэ щыIэщ: *укIуэнщ, фыкIуэнщ*. Мыбдеж къэкIуэну зэман мыхьэнэр хуэгъэуш мыхьэнэм хуокIуэ.

КъэкIуэну щыз зэманым зэраIуатэ тешэм деж лъабжьэужь *–ну+щ* иIэщ, икIи хъей лэжьыгъэцIэхэм къэхъуну иуха Iуэхугъуэ, мыхъей лэжьыгъэцIэхэм щытыкIэм и щыIэныгъэ къэкIуэну зэманым къыщагъэлъагъуэ: *Дадий къущхьэхъу мывэ тIэкIу къызитыну жиIащи, иджы абы* ***сеплъынущ****, фIарий тхьэмпэр щымыхъукIэ, – жиIащ анэм, уIэгъэпх хъыданхэр зэрихъуэкIыурэ* [КIэрэф 2009: 447].

КъэкIуэну гъэкIэщIа зэманым ит етIуанэ щхьэ зиIэ закъуэ бжыгъэми куэд бжыгъэми яхуэдэу, къэкIуэну щыз зэманым и етIуанэ щхьэми хуэзыгъэуш мыхьэнэ иIэщ. Мыпхуэдэм деж уасэхуэщIым и мыхьэнэр наIуэ зыщIыр контекстымрэ псалъэухам и макъщIыкIэмрэщ. ЗэраIуатэ тешэм ит лэжьыгъэцIэр мыпхуэдэм деж хъейщ: *ЦIыхум щIэныгъэр* ***пхуетынущ****, икIи ират, щIэныгъэщ цIыхур хьэршым зыхьар, IэкIуэлъакIуагъэр* ***пхуетынущ****, хьэл-щэн дахэр* ***пхуетынущ****, дэнэ дежи утыкум укъыщимыгъэукIытэну* [КIэрэф 2009: 193].

Япэ блэкIа зэманым ит зэраIуатэ тешэм кIыхьу екIуэкI блэкIа щытыкIэ е Iуэхугъуэ псалъэр щыжаIэм деж иухыу къегъэлъагъуэ. Ар лэжьыгъэцIэм лъабжьэужь *–а* пыувэкIэрэ къохъу: *Щамел хьэщIэщ джабэм кIэщIэгъэукIурия ентIырыжьым* ***метIысхьащ****, нэху къызыдидз щхьэгъубжэхэмкIэ плъэуэ* [Шортэн 2016: 324]. Мы лъабжьэужьыр хъей лэжьыгъэцIэхэми мыхъей лэжьыгъэцIэхэми я псалъэпкъым зэхуэдэу пыувэнкIэ мэхъу, икIи, зэрыжытIащи, псалъэр щыжаIэм ирихьэлIэу иух мыхьэнэ иIэщ*: ГъуэгулI шыуаным илъым емыIэбу, мафIэшхуэ ищIри езым иIыгъ лы гъэгъуам щыщ IыхьитI* ***игъэжьащ****, зыр езым, адрейр и хьэм щхьэкIэ* [Журт 2004: 84]; *Сэ бжэ Iух макъ зыхэсхыным сыпэплъэу куэдрэ* ***сыщысащ****, щымыхъум кIэлындорым сыщIэкIыжри тэлайфIкIэ щхьэгъубжэм* ***сыIутащ****, цIыхубзыр къыщIэкIыным сыпэплъэу* [ХьэхъупащIэ 1961: 13]. Мыпхуэдэ уасэхуэщI зиIэ псалъэухахэм, зэрытлъагъущи, щытыкIэр е Iуэхугъуэр икIэм нэсу зэфIэкIыпауэ, иухауэ щыщытщ.

ЗэраIуатэ тешэм и гъэпсыкIэхэр зэхэщхьэхукIыныр къыхэкIагъэнщ хъуныгъэ гъэпсыкIэ зиIэ зэраIуатэ тешэм и зэман щхьэхуэхэм дапщэщи лъабжьэгъусэ *–щ* япыту зэрыщымытым. Псом япэ ар ехьэлIащ блэкIа зэман етIуанэм мыр япэ блэкIам лъабжьэгъусэ *–т* пыувэкIэрэ къохъу икIи Iуэхугъуэр зэман пыухыкIа гуэрым зэрыщекIуэкIар къегъэлъагъуэ: *сыкIуащ – сыкIуат (а зэманым)*.

БлэкIа зэман етIуанэм пыувэ *–т* лъабжьэужьым лэжьыгъэцIэ хъейми мыхъейми мыхьэнэ яритыр зэхуэдэщ: *Гуащэм и бостеижьым къыхащIыкIыжа бостей нэхъ дахэ дыдэу иIэр хъыджэбз цIыкIум зыщитIэгъат, къабзабзэу зитхьэщIри и щхьэцым лентI хужь хищIащ* [КIыщокъуэ 2005а: 523]; *Нанэ жэмыр IуэмкIэ ихужыныр и щхьэусыгъуэу щIэкIат, сыту жыпIэмэ, абы дзэ Iутыжтэкъыми, цIыху щысу яхуэшхэртэкъым* [КIыщокъуэ 2005: 136].

Елъыта блэкIа зэманым ит зэраIуатэ тешэр къохъу *–т (р+т)* лъабжьэужькIэ: *сыкIуэрт*. Мы зэманым ит хъей лэжьыгъэцIэхэм екIуэкI Iуэхугъуэ е предметым куэдрэ къэхъуа и щытыкIэ гуэр блэкIа зэман пыухыкIаам ехьэлIауэ къегъэлъагъуэ икIи ит зэман гъэпсыкIэхэм *–р (р+т)* лъабжьэужь япыувэкIэрэ къохъу: *Мэжджыт пщIантIэм щIалэ зэрызехьэу щыджэгурт, къажыхьырт, зэбэнхэрт* [КIыщокъуэ 2005: 152]. *Ипхъур Рахьим къыбгъэдинэрти езым щхьэусыгъуэ гуэр къигъуэтауэ унэм щIэкIырт [Дисэ]* [КIыщокъуэ 2005: 76].

Къыхэгъэщыпхъэщ, елъыта блэкIа зэманым ит хъей лэжьыгъэцIэ зэраIуатэ тешэм итхэм, мыхъейхэм къащхьэщыкIыу, факультатив лъабжьэужь *–р* зэрахэтыр. Хъей лэжьыгъэцIэ елъыта блэкIа зэманым ит *сыкIуэт* жыхуиIэм гуэгъуу иIэщ лъабжьэужь *–р* зыпыт гъэпсыкIэр: *сыкIуэрт:. Лу тхылъым итыр гукIэ ищIэрти, тхылъым еплъыным и пIэкIэ Чачэ дежкIэ еплъэкIыурэ къеджэрт* [КIыщокъуэ 2005а: 512]; *Лу жиIэнур имыщIэу Саримэ дежкIэ плъэрт, аргуэру Елдар еплъыжырт* [КIыщокъуэ 2005: 133].

Мыхъей лэжьыгъэцIэхэм я зэраIуатэ тешэм и елъыта блэкIа зэман гъэпсыкIэм *–р* лъабжьэужь хэткъым: *сэ сыщытт. Жыраслъэнхэ я куэбжэ лъэныкъуабэм къыкъуэплъу Тинэ щытт* [КIыщокъуэ 2005а: 523]. Хуэгъэуш мыхьэнэ яIэнкIэ мэхъу елъыта блэкIа зэманым и етIуанэ щхьэм и куэд бжыгъэ гъэпсыкIэхэм ит хъей лэжьыгъэцIэхэм: *фыкIуэт*. Мыпхуэдэхэм деж, зэраIуатэ тешэм и категорэ мыхьэнэри, блэкIа зэманым и мыхьэнэри наIуэу

къыхыбогъэкIыф, Iуэхугъуэр къэхъуакIэу зэрыщытри нэрылъагъущ: *фылажьэт* (абы щыгъуэ); *фытIэт* (абы щыгъуэ).

Языныкъуэхэми, контекстым пэж дыдэу къэхъуа Iуэхугъуэ къыщигъэлъагъуэм деж, блэкIа зэманым ит уха гъэпсыкIэ зэраIуатэ тешэр хъей лэжьыгъэцIэхэр хэкIыпIэ тешэм и уасэхуэщI мыхьэнэм пэгъунэгъу мэхъу: мэзым дыкIуат (зэраIуатэ тешэ) – *къыджефIатэмэ дыкIуат (хэкIыпIэ тешэ).*

Япэ блэкIа жыжьэ зэман зэраIуатэ тешэ гъэпсыкIэм ит хъей лэжьыгъэцIэхэри мыхъей лэжьыгъэцIэхэри *–гъа* лъабжьэужькIэ къохъу икIи щыжаIэм ехьэлIауэ Iуэхугъуэр е щытыкIэр зэрыщыIар, зэман кIыхь зэрыдэкIар къегъэлъагъуэ: *сыкIуэгъащ. А махуэм мафIэгу япэ дыдэу слъагъугъащ; Ахэр псори Босфор пащтыхьыгъуэм хэтыгъащ, ТIэмтIэракъ я щыхьэр къалэу, езыхэри щIытIрэ мывэ сэрейкIэ къэщIыхьауэ* [КIыщокъуэ 2006: 5].

ЕтIуанэ блэкIа жыжьэ зэманым ит зэраIуатэ тешэр япэ блэкIа жыжьэ зэманым и псалъэпкъым къытохъукI *–т* лъабжьэужь пыувэкIэрэ икIи зытепсэлъыхь Iуэхугъуэр е щытыкIэр щыщыIар лъэхъэнэ жыжьэу зэрыщытыр къегъэлъагъуэ: *сыкIуэгъат. Астемыр къыхуэкIуа урыс хьэщIэм и тIасхъэ гуэрхэми Долэт щыгъуазэнкIэ хъунут, сыту жыпIэмэ, фокIэщI ихьу Долэт Степан Ильич деж кIуауэ щытыгъат* [КIыщокъуэ 2005: 201].

Къыхэгъэщыпхъэщ япэ блэкIа жыжьэ зэман гъэпсыкIэми, етIуанэ блэкIа жыжьэ зэман гъэпсыкIэми нэхъыбэу уащрихьэлIэр иджырей бзэр мыхъуу IуэрыIуатэр зэрыарар. Мы зэманитIым я мыхьэнэр къэзыгъэлъагъуэ зэхэлъыкIэу иджырей адыгэбзэм инэхъыбэм къыщагъэсэбэп зэхэлъ гъэпсыкIэхэр: *сыкIуэгъащ – сыкIуауэ щытащ; сыкIуэгъат – сыкIуауэ щытат.*

ЗэраIуатэ тешэ гъэпсыкIэу къакIуэ аористым хъуныгъэ гъэпсыкIи мыхъуныгъэ гъэпсыкIи иIэщ. Мыбы къигъэлъагъуэр блэкIа зэману щыт пэтми, Iуэхугъуэм и екIуэкIыкIэр адрей блэкIа зэманхэм емыщхьу щытщи ит зэманым и плъыфэр къещтэ.

Аористым арэзыгъэ лъабжьэужь *-щ* пыту, ауэ блэкIа зэманыр къэзыгъэлъагъуэ *–а* хэмыту нэхъыбэрэ урохьэлIэ: *Кулисум тIэкIу къэпIэщIауэ къакIуати, уэсыр зэлъыIуихащ, псы къихьащ, пхъэи икъутащ, жьэгум мафIэ* ***ирищIыхьщ****, псы игъэхуабэри, жьыщIэн сыт щыIэт гъунэжуи, ижьыщIащ* [КIыщокъуэ 2005: 35]. *Думэсари жэмыш зэрыщIэкIыу, Лу* ***къыщылъэтщ****, псы тIэкIуи и нэкIум* ***щIикIэщ****, зихуапэри, бгъуэтмэ къащтэ, хадэмкIэ илъадэри бзэхащ* [КIыщокъуэ 2005: 554]; *Хамэхьэ къихьэри унэхьэ ирихущ* (Пс.).

КъекIуэкI жьабзэм аористыр мащIэ дыдэрэщ къызэрыхэхуэр. Нэхъыбэрэ мыпхуэдэ гъэпсыкIэ зиIэхэм пасэрей уэрэдыжьхэм, IуэрыIуатэм уащрохьэлIэ икIи абыхэм бзэр хуабжьу къулей ящI.

Къэдгъэсэбэпа фIэщыгъэцIэхэр [Бижоев 2022]:

Грамматикэ категорэ – грамматическая категория
ГъэзэщIакIуэ – подлежащее
ГъэзэщIэн – сказуемое
Жьабзэ – речь
ЗэраIуатэ тешэ – изъявительное наклонение

ЗэрыупщIэ тешэ – вопросительное наклонение
КIахэбзэ – адыгейский язык
ЛэжьыгъэцIэ – глагол
Лъабжьэгъусэ – аффикс
Лъабжьэпэ – префикс
Лъабжьэужь – суффикс
Мыхъей лэжьыгъэцIэхэр – статические глаголы
Плъыфэ – оттенок
УасэхуэщI – модальность

ТЕГЪЭЩIАПIЭХЭР

Багов 1983 – *Багов П.М.* Наклонение и время в адыгских языках // Проблемы грамматики и лексики адыгских языков. – Нальчик: Б.и., 1983. – С. 5-14.

Бижоев 2022 – *Бижоев Б.Ч.* Русско-кабардино-черкесский и кабардино-черкесско-русский словари лингвистических терминов. – Нальчик: Издательская типография «Принт-Центр», 2022. – 172 с.

Зекох 1980 – *Зекох У.С.* Об оппозиции «динамичность-статичность», ее сущности и специфика в адыгских языках // Материалы региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. – Майкоп: АНИИЭЯЛИ, 1980. – С. 238-244.

Журт 2004 – *Журт Б.* Къу. Унагъуэ. Роман. – Налшык: Эльбрус, 2004. – 200 н.

Керашева 1984 – *Керашева З.И.* Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках. – Тбилиси: Мецниереба, 1984. – 302 с.

КIэрэф 2009 – *КIэрэф М.Ж.* Лъэужь е лIэужь. Повестхэр. – Налшык: Эльбрус, 2009. – 572 н.

КIыщокъуэ 2005 – *КIыщокъуэ А.П.* Хъуэпсэгъуэ нур. Роман. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. – II том. – Налшык: Эльбрус, 2005. – 488 н.

КIыщокъуэ 2005а – *КIыщокъуэ А.П.* Эмирым и сэшхуэ. Мазэ ныкъуэ щхъуантIэ. Романхэр. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. – III том. – Налшык: Эльбрус, 2005. – 752 н.

КIыщокъуэ 2006 – *КIыщокъуэ А.П.* Лъапсэ. Роман. Рассказхэр. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. – V том. – Налшык: Эльбрус, 2006. – 552 н.

КIыщокъуэ 2007 – *КIыщокъуэ А.П.* Рассказ. Повесть. Пьесэхэр. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. – VI том. – Налшык: Эльбрус, 2007. – 541 н.

Къэрмокъуэ 1998 – *Къэрмокъуэ М.М.* Къоджэм уигъэжеиркъым. Роман. – Налшык: Эльбрус, 1998. – 460 н.

Мэлбахъуэ 1986 – *Мэлбахъуэ Е.Т.* Iуащхьэмахуэ кIуэ гъуэгур шынагъуэт. Роман. – Налшык: Эльбрус, 1986. – 383 н.

Хежева 2015 – *Хежева З.Р.* Семантико-грамматическая характеристика категории наклонения в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 135 с.

ХьэхъупащIэ 1961 – *ХьэхъупащIэ Хь.Хь.* НысащIэ. Рассказ. – Налшык: Къабэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1961. – 161 н.

ШэджыхьэщIэ 1989 – *ШэджыхьэщIэ Хь.ТI.* Мазизэ. Повесть, рассказхэр. – Налшык: Эльбрус, 1989. – 292 н.

Шортэн 2016 – *Шортэн А.ТI.* Бгырысхэр. Роман-эпопее. – Налшык: Эльбрус, 2016. – 1224 н.

REFERENCES

BAGOV P.M. *Naklonenie i vremya v adygskih yazykah* [Inclination and tense in the Adyghe languages] IN: Problemy grammatiki i leksiki adygskih yazykov. – Nal'chik, 1983. – P. 5− 14. (in Russ.).

KH'EKH"UPASHCHIE KH'.KH'. *NysashchIe. Rasskaz* [Bride. Stories]. – Nalshyk: K"aberdei-Bal"k"er tkhyl" tedzapIe, 1961. – 161 n. (In Kabardino-Circassian).

K"ERMOK"UE M.M. *K"odzhem uig"ezheirk"ym* [Call]: novel. – Nalchik: Elbrus, 1998. – 460 p. (In Kabardino-Circassian).

KERASHEVA Z.I. *Predlozheniya s finitnymi i infinitnymi glagolami v adygskih yazykah* [Sentences with finite and infinite verbs in the Adyghe languages]. – Tbilisi: Metsniereba, 1984. – 302 p. (in Russ.).

KHEZHEVA Z.R. *Semantiko-grammaticheskaya kharakteristika kategorii nakloneniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Semantic-grammatical characteristics of the mood category in the Kabardino-Circassian language]. – Nalchik: Publishing Department of KBIHR, 2015. – 135p. (in Russ.).

KIYSHCHOK"UE A.P. *H"uepseg"ue nur. Roman. Thyg"ekher tomihym shchyzekhuekh'esaue. II tom* [A wonderful moment. Novel. Collected works in six volumes]. – Nalchik: Elbrus, 2005. – Vol. 2. – 488 p. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *Emirym i seshkhue. Maze nyk"ue shchkh"uantIe. Romanher. Thyg"ekher tomihym shchyzekhuekh'esaue. III tom* [Saber for the emir. Valley of the White Lambs. Novels. Collected works in six volumes]. Nalchik: Elbrus, 2005. – Vol. 3. – 752 p. (In Kabardino-Circassian).

KIYSHCHOK"UE A.P. *L"apse. Roman. Rasskazkher. Thyg"ekher tomihym shchyzekhuekh'esaue. V tom* [The roots. Roman. Stories. Collected works in six volumes]. – Nalchik: Elbrus, 2006. – Vol. 5. – 552 p. (In Kabardino-Circassian).

KIYSHCHOK"UE A.P. *Rasskaz. Povest'. P'esekher. Thyg"ekher tomihym shchyzekhuekh'esaue. VI tom* [Story. Tale. Plays. Collected works in six volumes]. – Nalchik: Elbrus, 2007. – Vol. 6. – 541 p. (In Kabardino-Circassian)

MELBAH"UE E.T. *Iuashchkh'emahue kIue g"uegur shynag"uet* [Terrible way to Elbrus]: novel. – Nalchik: Elbrus, 1986. – 383 p. (In Kabardino-Circassian).

KIEREF M.Zh. *L"euzh' e lIeuzh'. Povesther* [Leave a mark]: stories. – Nalchik: Elbrus, 2009. – 572 p. (In Kabardino-Circassian).

SHEDZHYH'ESHCHIE H'.TI. *Maziza. Povest', rasskazkher* [Tale. Stories]. – Nalchik: Elbrus, 1989. – 292 p. (In Kabardino-Circassian).

SHORTEN A.TI. *Bgyryskher* [Highlanders]: epic novel. – Nalchik: Elbrus, 2016. – 1224 p. (In Kabardino-Circassian).

ZEKOKH U.S. *Ob oppozicii «dinamichnost'-statichnost'», ee sushchnosti i specifika v adygskih yazykah* [On the opposition "dynamic-static", its essence and specificity in the Adyghe languages] IN: *Materialy regional'noj nauchnoj sessii po istoriko-sravnitel'nomu izucheniyu iberijsko-kavkazskih yazykov*. – Maykop: ANIIEYALI, 1980. – P. 238-244. (in Russ.).

ZHURT B. K"U. *Unag"ue* [A family]: novel. – Nalchik: Elbrus, 2004. – 200 p. (In Kabardino-Circassian).

Авторым теухуауэ
З.Р. Хэжь – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.
Information about the author
Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology).
Информация об авторе
З.Р. Хежева – кандидат филологических наук.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 22.09.2022 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 15.10.2022 гъ.; къытрадзэнущ 15.12.2022 гъ.

The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу
УДК 397.4=93+908
DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-461-471
EDN: UMIQJX

СВЯЗЬ РЕГИОНОВ, ЭТНОСОВ И КОНФЕССИЙ: СЛУЖИЛЫЕ ЧЕЛЯБИНСКИЕ ТЮРКИ-НАГАЙБАКИ (дискуссии продолжаются). РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «БЕЛОРУССОВА С.Ю. НАГАЙБАКИ: ДИНАМИКА ЭТНИЧНОСТИ. – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ИЗД-ВО МАЭ РАН, 2019. – 424 С.» И ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА

Виктор Михайлович Викторин
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, victvic@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7008-8851

Аннотация: Рецензия на книгу С.Ю. Белоруссовой «Нагайбаки: динамика этничности» (СПб, 2019) и на другие публикации автора и её научного руководителя целесообразна для широких обсуждений далее, т.к. рассматривает добротный и оригинальный труд молодой исследовательницы, лишь с некоторыми (хотя и существенными) замечаниями. Общим нашим объектом стала необычная тюркская, служилая этногруппа, связующая проблематикой эпохи, научные усилия, этносы, религии и ещё (на что редко обращают внимание) регионы РФ и СНГ, Балтии. Автор, по-своему структурировав изложение, сумел дать полный обзор традиционной культуры нагайбаков. Выгодный момент у неё – связь типичного этнического материала с биографическими данными и с новой, компьютерной (вплоть до «виртуальной») информацией. Весьма продуктивной стала и «проектная» методика авторской аналитики.

Недостатками надо посчитать приверженность автора заданной сразу небесспорной схеме, неисчерпаемость прежде представленной литературы, некоторые поспешные суждения. Так, версия рецензента о ногайцах оказалась досадно искажена.

Но ошибочно приписываемый рецензенту тезис об этногенетическом единстве ногайцев и нагайбаков всё же даёт повод подробнее рассмотреть связи регионов Юга России (Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Южный Урал), как и аналогии во внутренней структуре здешних этноконфессиональных групп: нагайбаков и моздокских кабардинцев, осетин и татов разных вероисповеданий, а также калмыков - православных в казачестве и на юге Урала, и ранее на р. Терек близ г. Кизляра.

В итоге у автора осталось недовыписанным сочетание религий и верований в нагайбакской среде, процесс адаптации иноэтнических элементов (в т.ч. в связи с основным прежде обрядовым праздником).

Рецензент уверен, впрочем, что увлечённая и подробная работа его младшей коллеги составляет важный вклад в науку и заслуживает, при частных оговорках, весьма высокой оценки, открывая путь интенсивным этнорегиональным и межрегиональным исследованиям в обозримом будущем.

Ключевые слова: нагайбаки, ногайцы, регион, идентичность, этнос и субэтнос, конфессия

Для цитирования: Викторин В.М. Связь регионов, этносов и конфессий: служилые челябинские тюрки-нагайбаки (дискуссии продолжаются). Рецензия на монографию: «Бело-

руссова С.Ю. Нагайбаки: динамика этничности. – Санкт-Петербург: Изд-во МАЭ РАН, 2019. – 424 с.» и другие публикации автора // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 461-471. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-461-471. – EDN: UMIQJX.

© Викторин В.М., 2022

Book Review

ASSOCIATION OF REGIONS, ETHNOS AND FAITHS: SERVICE CHELYABINSK TURKS-NAGAYBAKI (discussions are ongoing). REVIEW OF THE MONOGRAPH: "BELORUSSOVA S. YU. NAGAYBAKI: DYNAMICS OF ETHNICITY. - ST. PETERSBURG: PUBLISHING HOUSE MAE RAS, 2019. - 424 S. "AND OTHER PUBLICATIONS OF THE AUTHOR

Victor M. Victorin

Astrakhan State University, named of V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, victvic@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7008-8851

Abstract. The review of the book “Nagaybaks: Dynamics of Ethnicity” (SPb, 2019) and other publications of the author and her supervisor is appropriate for broad discussions further, because it considers a good and original work of a young researcher, with only a few (albeit significant) comments. Our common object has become an unusual Turkic, serving ethnic group, connecting the problems of the era, scientific efforts, ethnic groups, religions, and even (which is rarely focused on) the regions of the Russian Federation and the CIS, the Baltics. The author, having structured the presentation in her own way, gave a complete overview of the traditional culture of the Nagaybaks. The helpful moment is the connection of typical ethnic material with biographical data and with new computer (up to “virtual”) information. The “project” method of the author’s analytics has also become very productive.

The shortcomings should be considered the author’s adherence to the immediately given non-controversial scheme, the inexhaustibility of the previously presented literature, some hasty judgments. So, the reviewer’s version about the Nogais turned out to be annoyingly distorted. But the idea of the ethnogenetic unity of the Nogais and Nagaibaks, mistakenly attributed to the reviewer, still gives reason to consider in more detail the ties between the regions of the South of Russia (the North Caucasus, the Lower Volga region and the Southern Urals), as well as analogies in the internal structure of the local ethno-confessional groups: the Nagaibaks and Mozdok Kabardins, the Ossetians and Tats of different religions, as well as the Orthodox - Kalmyks serving as Cossacks both in the south of the Urals, and earlier on the Terek river near the city of Kizlyar.

As a result, the author remained underwritten by the combination of religions and beliefs in the Nagaybak environment, the adaptation process of other ethnic elements (including in connection with the main formerly ritual holiday).

The reviewer is sure, however, that the enthusiastic and detailed work of his younger colleague is an important contribution to science and deserves, with particular reservations, a very high appreciation, paving the way for intensive ethno-regional and inter-regional research in the foreseeable future.

Keywords: nagaybaks, nogays, region, identity, ethnos and subethnos, confessions

For citation: Victorin V.M. Association of regions, ethnos and faiths: service chelyabinsk turks-nagaybaki (discussions are ongoing). Review of the monograph: "Belorussova S.Yu.

Nagaybaki: dynamics of ethnicity. - St. Petersburg: publishing house MAE RAS, 2019. - 424 S." and other publications of the author. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 461-471. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-461-471. – EDN: UMIQJX.

© Victorin V.M., 2022

Выход в свет книги «Нагайбаки: динамика этничности» [Белоруссова 2019] и сопутствующих публикаций знаменует собою очень важное и знаменательное явление и тенденцию в нашей тюркологической и этнологической науке, соединяя типичные источники со строгими биографическими, а ещё и «виртуальными» – на новых этносайтах глобальной Сети «Интернет» (вплоть до неожиданных, созданных нагайбаками или в связи с ними) [Головнёв, Белоруссова 2018: 101-107; Белоруссова 2019: 345 и др.], с завидно богатым фото, видео и другим иллюстративным рядом, при применении актуальной ныне «проектной» аналитики. Всё это очень важно для всестороннего постижения столь полиэтнично многобразного, степного Юга России (Предкавказья, Нижневолжья и Южноуралья).

Автор, Светлана Юрьевна Белоруссова, – уроженка Свердловской области, окончившая университет в г. Екатеринбурге («социальная антропология»). Её интерес к этнической картине Южного Урала вполне оправдан и понятен. Защитила кандидатскую диссертацию в г. Санкт-Петербурге в октябре 2017 г. [Белоруссова 2017]. В настоящее время – научный сотрудник и заведующая лабораторией МАЭ (Кунсткамеры) РАН.

И монография, и диссертация состоят из пяти глав и до сорока мелких разделов, параграфов. Подойдя нестандартно к порядку следования и заголовкам изложения, автор сумела полно осветить все основные аспекты традиционной культуры этнической группы. Предпринят компетентный, притом качественный обзор сложения и бытия данного «южноуральского народа» (вполне удачная формулировка автора книги). Добавим, что его миграция сюда состоялась ровно 180 лет тому назад.

Нагайбаки, проживающие южнее и западнее г. Челябинска (всего до 10-и тыс. чел.), были переселены сюда из двух крепостей (станиц) Белебеевского уезда на пограничную со степями казачью службу в 1842 г., в своём большинстве – православные с родным татарским диалектом. Другой важный фактор в том, что они снискали себе статус «коренной малочисленный народ России» решениями высших органов власти РФ в 1993 и в 2000 гг.

Можно поэтому утверждать, что нагайбаки представляют собой необычный пример связи различных регионов России и соседних стран с такой же проблематикой. Так, аналогичны им в «Перечне коренных малочисленных народов» бесермяне Западного Предуралья (Удмуртия и Кировская обл.) – 2 тыс. чел., связанных этногенезом и с удмуртами, и с соседними татарами. А позже, с июня 2010 г., – и сету (сето) Псковской обл. (иногда именуемые «двоеверцы», «псковская чудь», или «православные эстонцы»: тоже 2 тыс. чел. в России). Все они выделены как этногруппы по конфессиональному признаку.

Сейчас данный статус имеют 47 этнических общностей. Споры продолжаются, насколько обоснованно был пополнен, начиная с нагайбаков, известный ранее набор этносов Крайнего Севера и Восточной Сибири, соотносимых с прежним «племенным» характером жизни и труда. Автор не обозначает своей позиции по данному поводу, имеются ли в виду народы «коренные, оттого малочисленные», либо «малочисленные – и потому равные коренным».

Интересен для этого и соответствует наработкам рецензента «принцип четырёх поколений» (те же 180 лет нагайбаков под Челябинском) [Белоруссова 2019: 172]. И если не о «коренном происхождении на Урале», то об «укоренённости» в данной местности этой группы, пожалуй, можно вести речь.

С учётом неоднозначности темы, невозможно в полной мере согласиться с подходами и изложением С.Ю. Белоруссовой. Так уж сложилось, что рецензент собирал материалы по кряшенам и нагайбакам, вёл опросы и общался с лидерами движений (см. далее) минимум за 7-8 лет до автора. Однако, это было учтено коллегой в очень малой степени, притом с досадными неточностями.

В частности, для изучения Юга России немаловажен вопрос о связях «нагайбаков» с «ногайцами», проживающими ныне на Северном Кавказе и в Астраханской области, либо же отсутствия связей таковых. Коснулась его, разумеется, и автор монографии. Только вот рецензент, на которого она ссылается, и не намеревался вообще когда-либо так простодушно и прямолинейно, «по созвучию», связывать «происхождение нагайбаков с ногайцами» [Белоруссова 2019: 25, 397].

Это, скорее, версия известного этнографа П.И. Небольсина (в его докладе на заседании РГО от 29-го ноября 1851 г.). Немало шансов, что «Нагайбак» – это личное имя тюркского мужчины (так и у П.И. Рычкова), перешедшее в топоним станицы и крепости на старом месте жительства, а затем и в субэтноним на местах новых. Искажать данные и приписывать лишнее в солидной науке едва ли допустимо. Тем более, что легко доступны публикации рецензента, оставшиеся вне внимания автора монографии [Викторин 1995: 3; Викторин 2005: 9-27 и др.].

Но эта тема оказалась весьма перспективной и получала развитие буквально «на глазах». Потому специально для рецензии рассмотрим известные рецензенту новые «ногайско-нагайбакские» взаимопереплетения, условно обозначив их как «тёзко-имённые».

Прежде всего, на рубеже 80-90-х гг. XX в. возникли самые прямые аналогии в процессе этновозрождения нагайбаков и ногайцев Нижнего Поволжья (и те, и другие «были записаны татарами») [Викторин 1995: 3]. И потому никак не случайной стала оговорка тогдашнего Президента РТ М.Ш. Шаймиева, просто перепутавшего два созвучных этнонима в выступлении на встрече с В.В. Путиным и делегатами Съезда татар от 30-го августа 2002 г. [Викторин 2005: 26-27].

Получат когда-нибудь признание тогдашние попытки учёных, на гребне «этновозрождения и культурного самоопределения», познакомить заочно и

лично кряшен и нагайбаков с ногайцами разных местностей (М.С. Глухов – «Ногайбек». Р.Х. Керейтов, Л.Ш. Арсланов, А.М. Маметьев, В.М. Викторин).

Так или иначе, замечательный ансамбль бабушек «Чишмелек» («Роднички») из известного сейчас нагайбакского с. Париж блеснул выступлением на первом Международном фестивале ногайской национальной культуры «Ногай Эль» («Народ ногайцев») в г. Махачкале 25-27-го ноября 2004 г.

И права С.Ю. Белоруссова, раскрывая затем более глубокий, семейный уровень таких связей. Летом 2015 г. в гостях у семьи Фёдоровых из пос. Остроленка побывали ногайцы Дагестана. Нагайбаки радостно отмечали: «Мы понимали их песни, слова, у нас схожие блюда… Различия…, когда доходило до веры» [Белоруссова 2019: 186]. «Этногенетические» же связи если и допустимы, то (см. выше) сугубо косвенные.

И, наконец, новейшая информация. Официальная делегация Ногайского р-на Дагестана посетила райцентр, пос. Фершампенуаз Челябинской обл. 27-го ноября 2021 г. Планируется, насколько ясно, и ответный визит. С нагайбаками было подписано «Соглашение о межмуниципальном сотрудничестве районов и ″родственных народов″» (главы р-нов М.К. Аджеков и И.В. Сурменов, председатели собраний депутатов Д.А. Эсиргепов и В.Н. Бурмистров)[1]. Жители территорий разберутся в своём общении сами. Пути и возможности всё это открывает в XXI в. новые и обширные.

Рассматривая далее рецензируемые исследования, особо выделяем очерки о необычном и ярком лидере этновозрождения «низовой» части нагайбаков, потомке выходца с Ближнего Востока в белебеевское казачество, ветеране войны, вооружённых сил и партийной работы Алексее Михайловиче Маметьеве (1923-2005) [Белоруссова 2017: 19-21; Головнёв, Белоруссова 2018: 78-79, 95; Белоруссова 2019: 231-290 и др.].

Рецензент опирается, прежде всего, на материалы своей полевой поездки в с. Фершампенуаз – райцентр Нагайбакского р - на Челябинской обл. 16-17-го декабря 1994 г. (с посещением музея, созданного и в тот момент возглавляемого А.М. Маметьевым), а также пребывания весной–летом через год у «верховых» (чебаркульских) нагайбаков.

Знакомство и переписка рецензента с незабвенным Алексеем Михайловичем подтверждают изложенное автором диссертации и монографии практически безоговорочно. Удачно освещены коллегой и её соавтором редкостное стечение обстоятельств и личная харизма деятеля, его непревзойдённое искусство пробудить активный «интерес народа к самому́ себе».

Важнейшая тема о «роли личности в этноистории» («почти» по Г.В. Плеханову) пока практически не разработана почти совершенно. Поскольку она сложна и, как правило, неочевидна. И автор, Светлана Юрьевна Белоруссова, с

1 Подписано соглашение двух районов («Новости») // Всходы. Общественно - политич. газета Нагайбакского р - на Челябинской обл. – Фершампенуаз, 2021, 27 ноября / URL:http://www.vshodi-nagaibak.ru/news/0000014496/ (дата обращения: 22.11.2021); Делегация Ногайского района РД находится с дружественным визитом в Нагайбакском р - не Челябинской обл. («Общество») // Шоьл тавысы [Голос степи]. Республиканская ногайская общественно - политич. газета Дагестана. – Махачкала - Терекли–Мектеб, 2021, 27 ноября / URL:http://www.golosstepi.ru/news/obshestvo/48651/ (дата обращения: 22.11.2022)

её научным руководителем А.В. Головнёвым проделали поистине филигранную работу, предоставив завидный пример для других.

Но нет предела совершенствованию. Потому добавим замечание, что следовало бы процитировать собственные публикации А.М. Маметьева в научной и популярной сфере. Это – тезисы его доклада на III- ей Междунар. научной конференции «Россия и Восток» в г. Челябинске 29 мая – 4-го июня 1995 г. А также пять очерков в вообще замечательном сб. «Край Нагайбакский. Району – 70 лет, вышедшем в 1997 г. в серии «Заповед. уголки Южноуралья» [Маметьев 1995: 31-33; Маметьев, Моисеев 1997: 255 с.].

Согласимся и с тем, что после 2005 г. активных деятелей среди нагайбаков (опять больше среди «низовых») была целая группа, но общепризнанного лидера, равного А.М. Маметьеву, – нет. Хотя почва для такого рода лидирующей деятельности всё ещё ощущается как весьма прочная.

Далее, автору надо было бы держаться строже в отношении терминологии. Учесть оттенки самоидентификации и обеспечить чёткость изложения в этой связи. Так, по-аспирантски - азартно звучит заявление «впервые в научном исследовании было предложено разделение нагайбаков на три группы...» [Белоруссова 2017: 13].

Подобное и намного ранее отмечалось учёными из г. Казани, да и рецензентом тоже, поскольку одна его статья, по «двум» группам всё же есть в Перечне литературы у автора. Ибо спорна «третья», орско-беляевская подгруппа [Белоруссова 2017: 13; Белоруссова 2019: 8, 51, 91-107, 118 и далее]. Именуя себя не «нагайбаками», а «казаками-татарами», они могут составить лишь «часть потомков нагайбакской миграции».

Требовался баланс между цитатами из заявлений нагайбаков и собственными наработками автора по их поводу. И здесь, и далее отметим, что «эмость» и «этость» (Кен. Ли Пайк) существуют для этнокультур отдельно. Первая представлена в ткани традиции, вторая открывается и градируется учёными. Но у них – лишь ограниченное право трактовать явления «от имени» изучаемого этноса.

Так, нет уверенности, что особые «клановые, семейные и родственные, соседские и побратимные связи» нагайбаков [Белоруссова 2019: 169-230] составляют корень их мировосприятия и собственную специфику, а не выделены, по каждому разряду, автором. Отражает это всё просто, думается, культурные универсалии людских сообществ.

Выделяемая автором “триада нагайбакской самобытности” (православие, язык, казачество) [Белоруссова 2017: 18; Белоруссова 2019: 106-168] составляет лишь удобную схему для предъявления. И, как зачастую бывает, условную при анализе фактического положения дел.

Вместо тезиса о «конкуренции миссионерства (православного и исламского)» [Белоруссова 2019: 106-121] рецензент выделил бы положение о религиозном полисинкретизме, по-разному влиявшем на выбор и манифестацию веры. Прошло мимо внимания автора, что глава Оренбургской губернской канцелярии, видный учёный-краевед П.И. Рычков отмечал в 1762 г. о жителях креп. Нагайбакской, что они «ещё во времена царя Иоанна

Васильевича из магометан, а паче из идолопоклонников, восприняли святое крещение…» [Рычков 1762: 206]. Такое исходное многообразие могло отражаться лично и семейно даже много позже.

Не менее эффективной моделью может окажеться предложенная ранее рецензентом «этноконфессиональная матрёшка». Это ситуация, когда при преобладающем для этноса общем мусульманском окружении существует, сплочённой группой в нём, служилое православие, а внутри служилой группы – меньшая мусульманская же, в службе, подгруппа внутри. Такое наблюдается в кабардинском этносе и его «моздокской» части (в г. Моздок и в с. Серноводское, на бывш. хуторах Азаниев и Авалов Курского р-на Ставропольского края), где у «казачьей братии» в прежней «приписной» службе наглядно православное преобладание со «вторичным» исламским меньшинством. Несколько сходная картина у татов «трёх конфессий», а также у осетин - иронцев и дигорцев, где представлены и христиане, и мусульмане [Викторин 2005: 16-17].

Не очень вписывается в «триаду» и сходное положение внутри нагайбаков. Существенно в этом плане наличие в пос. Требиятском и соседних не менее 200 традиционных мусульман, прежде тоже служилых в казачестве, соотносимых и соотносящих себя с православными соседями (фамилии единые, имена – разного звучания и написания), но фиксирующихся в переписях обычно «татарами» с языком «татарским». Конечно, упомянуты они в монографии [Белоруссова 2019: 63, 65-66, 113-115, 123-124]. Но рассмотреть их, ради полноты картины, следовало бы специально и подробно, с полевыми данными и по ним.

Не соглашается рецензент и с умалением (видимо, невольным) прежней и современной роли казаков-калмыков («волжско-ставропольских», иначе самарских) и их потомков в нынешних Нагайбаском и соседних р-нах. На момент миграции в 1842 г. они составляли не менее 10 % здешнего казачества, переведённого на Новую степную, защитную линию.

По утверждению С.Ю. Белоруссовой, сейчас их потомки здесь не прослеживаются. Это не так или не совсем так. О переезде калмыков на ранних советских этапах «с Урала под Астрахань» и затем о сталинской депортации отсюда же [Белоруссова 2019: 59] речь едва ли серьёзно заходит. Калмыки оставались здесь, растворялись в местном населении, хотя и долго сохраняли частичную идентичность. Поэтому фразу «соседний тюркский (?!) народ – калмыки» [Белоруссова 2019: 171] мы не считаем уж чересчур грубой ошибкой.

Первый общекалмыцкий Съезд советов в нач. июля 1920 г. пригласил в новую автономию «в порядке добровольного переселения» калмыков, бывших в казачестве (православных. – В.В.), «из Оренбуржья, … с Урала и Терека». Откликнулись несколько тыс. чел. калмыков уральских и оренбургских, а также терских из-под г. Кизляра. Но известны в их числе только остаточные калмыкоязычные и многие русскоязычные переехавшие. О татароязычных же нет никаких данных, и навряд ли таковые вероятны.

Хотя представители калмыцких семей (Ренсановы, Нусхаевы) на деле становились атаманами нагайбакских станиц. И известны минимум 5 фамилий

(в сел. Кассель, Балканы, Картала и др.) с ощутимыми калмыцкими корнями. Для общей картины жизни нагайбаков (см. далее) это, право же, немаловажно. О своём происхождении рассказал казак, здешний писатель М.Ф. Шанбатуев в очерке «Калмыцкие казаки: “есть Калм. республика, но есть и уральские калмыки”» [См.: Маметьев, Моисеев 1997: 118-122].

Важный фактор – остававшийся синкретизм православия и ислама с тюрко-монгольским тенгрианством (по-старому, «язычеством»). Роль нагайбаков-мусульман и калмыков отражалась в общенагайбакском празднике «Курбан (курман) – байрам», вкратце и в разном контексте, упоминавшемся и у автора [Белоруссова 2019: 61, 97, 206-207].

Но ведь роль этого торжества в организованной этничности нагайбаков была намного выше указанной. Ежегодно оно с воинским построением и угощением семей отмечалось в июне, на холме «Уба-тау» близ пос. Балканского, Требиятского и Курганного. В последнем послереволюционном крупном празднике участвовал юношей отец А.М. Маметьева. Имелась попытка восстановить его в нач. 90-х гг. Как отмечал в прежних публикациях рецензент, в обрядности и терминологии праздника объединялись православные, исламские и калмыцкие (исходно «тенгрианские») особенности. Эти ключевые аспекты, как мы уверенно считаем, были бы по смыслу необходимы и для диссертации, и для монографии.

Объективная классификация языков тюрок зачастую расходится с бытовыми их названиями. Нужно новое изучение профессионалами, но сомнительна формулировка «нагайбакский язык» [Белоруссова 2019: 141- 146], хотя многие нагайбаки приводят именно её. Особенно, если брать кряшенско-нагайбакский «язык» как разговорный, а не литургический в совсем особой, миссионерской графике – кириллице.

Заметим для связи всех этих аспектов и сугубо предварительно, что речь нагайбаков почти наверняка связана как с кряшенским «конфессиолектом» (В.М. Викторин), так и с уральскими диалектами (проф. Ф.Ю. Юсупов. ст. н.с. З.Р. Садыкова и др.), но в обоих случаях именно в составе татарского языка.

При всём изложенном, выводы автора в «Заключение» рецензент склонен поддержать [См.: Белоруссова 2019: 355-362]. Нужно воздать должное и работоспособности, тщательности и увлечённости выпускницы аспирантуры, признав, что налицо полезные и похвальные авторские находки.

Поскольку ясно, что всестороннее изучение нагайбаков следует продолжать. Это принесёт немалую пользу в теории и на практике изучения сходных, «этноконфессиональных» общностей и групп России и зарубежья. Причём сразу и для специалистов, и для носителей собственно нагайбакской и этнически близких ей традиций, и для широкого читателя.

А то, что неодобряемо и несоразмерно в процессе и обеспечении исследования, содержании публикаций, рецензент постарался обосновать: с его уважением и пожеланиями на будущее автору. Подчеркнув, что «имя в науке» достигается ещё бóльшей доскональностью. Некоторые моменты можно бы выправить в последующих работах автора по данной теме. Но всё это, конечно, на её свободное усмотрение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Белоруссова 2019 – *Белоруссова* С.Ю. Нагайбаки: динамика этничности. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2019. – 424 с.

Белоруссова 2017 – *Белоруссова* С.Ю. Динамика этничности нагайбаков в XVIII-XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб-Екатеринбург, 2017. – 26 с.

Викторин 2005 – *Викторин* В.М. Проблемы этнокультурной специфики кряшен и нагайбаков в общественно-политических дискуссиях рубежа XX-XXI веков (парадоксы субконфессионального «самоопределения» в одноязычных общностях регионов России) // Современное кряшеноведение. Состояние, перспективы. Материалы научной конференции (г. Казань, 23 апреля 2005 г.). – Казань: Организация кряшен и Кряш. приход РПЦ. 2005. – С. 13-27.

Викторин 1995 – *Викторин* В.М. Нагайбакларда (Аьлимминъ тептериннен) [У нагайбаков (Из тетрадей учёного)] // Ногай давысы [Голос ногайцев]. Карашай-Шеркеш Республик. ямагатшылык-политикалык газетасы. – Черкесск к., 1995, 17 октября. – Б. 3 (на ногайск. яз.).

Головнёв, Белоруссова 2018 – *Головнёв* А.В., *Белоруссова* С.Ю. О роли личности в этноистории: Алексей Маметьев и народостроительство нагайбаков (Дискуссия) // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 5, сентябрь-октябрь. – С. 78-107.

Маметьев 1995 – *Маметьев* А.М. История малочисленного коренного народа - нагайбаков // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тез. докл. III- ей Междунар. научн. конф. (г. Челябинск, 29 мая – 3 июня 1995 г.). – Т. II. – Челябинск: Гос. университет и УНЦ РАН, 1995. – С. 31-33.

Маметьев, Моисеев 1997 – Край нагайбакский (сер. «Заповед. уголки Южноуралья»). Району – 70 лет. Сост-ли А.М. *Маметьев,* А.П. *Моисеев.* – Челябинск: Изд-во ″Рифей″, 1997. – 255 с.

Рычков 1762 – *Рычков* П.И. Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии. – Ч. II.– СПб.: Имп. Акад. Наук, 1762. – 262 с.

REFERENCES

BELORUSSOVA S.Yu. *Nagaybaks: dynamics of ethnicity.* – St. Petersburg: MAE - Kunstkamera RAN, 2019. – 424 p. (In Russ.).

BELORUSSOVA S.Yu. *Dynamics of ethnicity of the Nagaibaks in the XVIII-XXI centuries*. Autoref. dis... cand. of sciences (Ethnology). – St. Petersburg-Yekaterinburg, 2017. – 26 pp. (In Russ.).

VICTORIN V.M. *Problems of ethno-cultural specifics* of the Kryashens and Nagaybaks in socio-political discussions at the turn of the 20th-21st centuries (paradoxes of sub-confessional "self-determination" in monolingual communities of Russian regions) // Modern Kryashenology: status, prospects. Materials of the scientific conference (Kazan, April 23, 2005). – Kazan: Kryash. Org. and Kryash. Arrival of the ROC. 2005. – P. 13-27. (In Russ.).

VICTORIN V.M. *Nagaybaklarda (Allimmin teptinnen*) [*At the Nagaybaks* (From the Notebooks of a Scientist)] // Nogai Davysy [Voices of the Nogais]. Karachay-Sherkesh Republic socio-political newspaper. – Cherkessk k., 1995, October 17. – B. 3 (in Nogai).

GOLOVN'EV A.V., BELORUSSOVA S.Yu. *On the Role of Personality in Ethnohistory*: Aleksey Mametyev and Nagaybak Nation Building (Discussion) // Ethnographic review. 2018. No. 5. – P. 78-79, 95. (In Russ.).

MAMET'IEV A.M. *The history of a small indigenous people - nagaibaks* // Russia and the East: problems of interaction. Tez. report III- her Intern. scientific conf. (Chelyabinsk, May 29 – June 3, 1995). T. II. – Chelyabinsk: State university and USC RAS. 1995. – P. 31-33. (In Russ.).

MAMET'IEV A.M., MOISEEV A.P. *The Nagaybak Territory* (ser. "Reserve. Corners of the South Urals"). The district is 70 years old. – Chelyabinsk: “Rifey“ Publi. 1997. – 255 pp. (In Russ.).

RYCHKOV P.I. *The Orenburg Topography,* i.e. a detailed description of the Orenburg province. Ch. II. – St. Petersburg: Imp. Acad. Sciences, 1762. – 262 pp. (In Russ.).

Информация о рецензенте
В.М. Викторин – кандидат исторических наук, доцент.
Information about the reviewer
V.M. Viktorin – Candidate of Science (History), associate professor.

Рецензия поступила в редакцию 15.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.
The review was submitted 15.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Наши авторы

Абазов Алексей Хасанович – доктор исторических наук, заместитель генерального директоры по научной работе ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alex_abazov@list.ru

Абазов Альбек Чамирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: abazov1964@mail.ru

Акопян Завен Викторич – аспирант ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: zvakopyan@mail.ru

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: zaven2005@yandex.ru

Аппаева Лариса Мустафаевна – ведущая редакции вещания на балкарском языке Государственная теле-радиокомпания Кабардино-Балкарской Республики, телеканал 1 КБР, Нальчик, Россия.
E-mail: lara.appaeva@mail.ru

Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: muslim1971@yandex.ru

Бегеулов Рустам Маратович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева», Карачаевск, Россия.
E-mail: r_begeul@mail.ru

Бетуганова Елена Нартшаовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: betuganovaelena@yandex.ru

Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: mbf72@mail.ru

Викторин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры восточных языков ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», Астрахань, Россия.
E-mail: victvic@mail.ru

Гергокова Лейла Созакбайовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: leylagergokova79@mail.ru

Гимбатова Мадина Багавутдиновна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.
E-mail: gimbatova@list.ru

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: gfariza37@mail.ru

Гуртуев Расул Салихович – лаборант-исследователь управления научно-исследовательской и инновационной деятельностью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru

Демиденко Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Цифровая археология» научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: svdemidenko@hotmail.com

Дзуганов Тимур Аликович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древнейшей истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: dzughanov@mail.ru

Джумагулова Айгуль Темерхановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (филиал в г. Ессентуки), Ессентуки, Россия; приглашенный исследователь ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия.
E-mail: aigul-men@mail.ru

Добрякова Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических наук ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: dobryackovan@yandex.ru

Ермаков Виктор Павлович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: ermakov@pgu.ru

Загазежев Тимур Русланович – младший научный сотрудник лаборатории «Цифровая археология» научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: zygezezh@mail.ru

Зельницкая Рица Шотовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана ФГБУК «Российский этнографический музей», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: riza81@yandex.ru

Исмаилова Алмаз Мусаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия.
E-mail: almaz.ismailova@mail.ru

Кадиева Анна Анатольевна – научный сотрудник лаборатории «Цифровая археология» научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: adelgeida85@mail.ru

Камбиев Арсен Мухамедович – соискатель Научно-образовательного центра ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: ars.kambiev85@gmail.com

Кожев Заурбек Анзорович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: zaurbek_k@mail.ru

Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: anzor-vk@mail.ru

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский Государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: vim12@rambler.ru

Мирзоев Асланбек Султанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (АбИГИ АНА), Сухум, Республика Абхазия.
E-mail: marzeibach@mail.ru

Мусуков Борис Абдулкеримович – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: kbigi@mail.ru

Осмаев Аббаз Догиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»; заместитель директора по науке ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук», Грозный, Россия.
E-mail: osmaev@mail.ru

Осмаева Петимат Аббазовна – студент ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Грозный, Россия.
E-mail: osmaev@mail.ru

Перетятько Артем Юрьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института социологиии и регионовндения ФГАОУ ВО «Южный Федеральный Университет», Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Рожков Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: avro14@mail.ru

Рунаев Тимофей Александрович – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: runaevt@yandex.ru

Сарбашева Алена Мустафаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alenasarb@mail.ru

Сундукова Карина Асланбековна – лаборант-исследователь управления научно-исследовательской и инновационной деятельностью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: sundukova.karina@mail.ru

Тахушева Инна Сарабиевна – лаборант-исследователь управления научно-исследовательской и инновационной деятельностью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: tahusheva94@mail.ru

Толгуров Тахир Зейтунович – доктор филологических наук, заведующий научно-инновационным центром «Интеллектуальные филологические системы» ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: kangaur64@yandex.ru

Тхагазитов Юрий Мухамедович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – фи-

лиала ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: yutkhag@gmail.com

Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: maxtti@mail.ru

Хакуашева Мадина Андреевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: dinaarma@mail.ru

Хаширов Аскер Владиславович – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: askerhashirov@yandex.ru

Хежева Залина Рашадовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: zalinathamadokova9@gmail.com

Чанак Мехмет-Риза Кемал пенсионер, Анкара, Турция.
E-mail: gskank@gmail.com

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 4 / 2022

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4

Подписано к изданию:
30.12.2022 г.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2022